

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XV

Харків
Видавництво НУА
2009

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Видання є фаховим з економічних, історичних, соціологічних
та філологічних наук*

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».
Протокол № 9 від 30.03.2009*

Редакційна колегія

Астахова В. І., д-р іст. наук (голов. редактор); Астахова К. В., д-р іст. наук; Бірюкова М. В., канд. соціол. наук (відповід. секретар); Воробйов Є. М., д-р екон. наук; Герасіна Л. М., д-р соціол. наук; Глуценко В. В., д-р екон. наук; Головнєва І. В., канд. психол. наук; Городяненко В. Г., д-р іст. наук; Довгаль О. А., д-р екон. наук; Карабан В. І., д-р філол. наук; Кім М. М., д-р екон. наук; Костаков Г. І., д-р іст. наук; Кравченко В. В., д-р іст. наук; Мамалуй О. О., д-р філос. наук; Михайльова К. Г., д-р соціол. наук; Мінкін Л. М., д-р філол. наук; Петровський В. В., д-р іст. наук; Подольська Є. А., д-р соціол. наук; Посохов С. І., д-р іст. наук; Соколов В. М., д-р екон. наук; Степанченко І. І., д-р філол. наук; Сухіна В. Ф., д-р філос. наук; Тимошенкова Т. М., канд. філол. наук; Тютюннікова С. В., д-р екон. наук; Чернецький Ю. О., д-р соціол. наук; Шевченко І. С., д-р філол. наук; Яременко О. Л., д-р екон. наук; Янцевич А. А., д-р фіз.-мат. наук; Ярмиш О. Н., д-р юрид. наук.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.

Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

Дорогий читачу!

Ти тримаєш в руках XV ювілейний том «Вчених записок Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія». У 2009 р. академія відзначає свій вісімнадцятий день народження і видає свій 15-й щорічний збірник наукових праць. А це означає, що систематична наукова робота в НУА здійснюється практично протягом усієї історії академії. Давно сформувалися наукові школи, викристалізувалася тематика наукових досліджень викладачів, давно стали традицією студентські наукові конференції і щорічні квітневі Дні науки в НУА.

Але з кожним новим томом ширше стають горизонти, глибше розуміння досліджуваних проблем, виразніше теоретико-методологічні положення, практичні висновки і рекомендації. У представленому читачам у 2009 р. ювілейному XV томі щорічника, як і раніше, головна увага авторів прикута до проблем освіти, бо основною, комплексною науковою темою ХГУ «НУА» залишається «Формування інтелектуального потенціалу суспільства на межі століть: економічні, політичні, соціокультурні аспекти». Специфіка даного тому полягає в тому, що в ньому переважно подано праці, присвячені універсальним, основоположним константам вищої освіти в європейському світі і, перш за все, в Україні, яка зазнає найважчої системної кризи. З різних точок зору історики і філософи, соціологи і філологи, юристи, економісти, психологи підходять до аналізу ситуації, що склалася в сучасних освітніх системах, шукають оптимальні шляхи оздоровлення освіти як найважливішого чинника виведення суспільства із кризового становища.

Це стосується і організації навчального процесу в нових умовах впровадження в практику інформаційних технологій й особливостей роботи з питань громадянсько-патріотичного

виховання студентів і школярів, проблем становлення студентського та учнівського самоврядування і формування лідерських якостей молоді.

Значна кількість статей присвячена вдосконаленню освітнього законодавства, правовим проблемам впровадження зовнішнього незалежного тестування і атестації навчальних закладів. Подальший розвиток в даному томі одержали праці з економіки освіти, з формування культурно-освітнього середовища навчального закладу.

Крім проблем освіти в даному томі традиційно представлено праці з економіки, соціології і правових проблем управління, з літературознавства, лінгвістики і перекладу. Поряд із працями викладачів НУА у книзі публікуються статті зарубіжних дослідників – з Росії, Швеції, Польщі; у розділі «Студентська трибуна» – кращі студентські наукові праці з проблем освіти. Особливою рубрикою подано презентації головних наукових видань, що вийшли у видавництві НУА у 2008/09 навчальному році, відомості про наукові конференції, які відбулися в цей період, і результати науково-методичної роботи.

Окремим додатком до «Вчених записок» виходить збірник праць молодих учених академії – перша проба пера магістрів, аспірантів, здобувачів, які працюють за напрямом комплексної проблематики НУА. Очевидно, що не всі опубліковані в щорічному матеріалі однаково значущі за своїм науковим потенціалом, оскільки поряд із працями маститих учених – багаторічних авторів «Вчених записок», на цих сторінках роблять перші кроки в науці дослідники-початківці.

Головним достоїнством усіх робіт, представлених на сторінках XV тому, ми вважаємо прагнення всіх авторів зосередити увагу на найбільш гострих і складних питаннях сучасності, зробити свій особистий внесок в розробку тих проблем, невідкладного розв'язання яких вимагає сучасний етап суспільного розвитку.

Головний редактор
д-р іст. наук, проф. В. І. Астахова

**Актуальні проблеми розвитку
освіти: історичні, філософські,
економічні, правові
та соціальні аспекти**

УДК 37.035.6(477)

В. И. Астахова

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ЗАДАЧАХ
ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ**

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, национализм, национальная идея, украинский народ, толерантность, воспитание.

Всякое хорошо поставленное образование по необходимости будет национальным и гражданским, и наоборот, подлинно национальным образованием, действительно созидающим, а не разрушающим нацию, будет только хорошо поставленное нравственное, научное и художественное образование.

С. И. Гессен

Проблемы формирования гражданственности и патриотизма сегодня, как никогда, волнуют украинское общество уже хотя бы потому, что трактуются эти понятия разными политическими силами по-разному, вызывая резкое неприятие позиций друг друга. Именно по трактовке этих понятий проходит сегодня водораздел между теми, кто ставит превыше всего интересы украинской нации, предлагая всем другим роль второсортного населения страны, и теми, кто добивается признания равенства и братства всех граждан Украины, создания таких условий, когда каждый сможет на вопрос «кто я?» с гордостью ответить — я украинец, русский, еврей, армянин, татарин или осетин и мое Отечество — Украина, потому что я являюсь ее гражданином и представляю великий Украинский народ.

Для того чтобы правильно определить свою собственную позицию, нужно хорошо знать и понимать отечественную историю,

историю своего региона, города, своей семьи, школы, вуза с их позициями, традициями, историческими корнями и связями.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать сущность, цели, задачи и возможности осуществления гражданско-патриотического воспитания в сложных условиях системного кризиса в Украине, обосновать порочность и несостоятельность националистических позиций, их вред для Украины и украинского народа.

До недавнего времени в мире Украину рассматривали как мощную индустриально-аграрную державу с миролюбивой внешней и устойчивой, прогрессивной внутренней политикой. Однако затяжной системный кризис последних лет (экономический, политический, идеологический, демографический и пр. и пр.) существенно изменил эти характеристики, понизил авторитет страны в глазах международного сообщества и своего народа тоже. Достаточно вспомнить, что крупнейшие промышленные предприятия страны влачат сегодня жалкое существование; объемы сельскохозяйственного производства только за 2007 год сократились на 5,6%, зато у нас самый высокий в Европе показатель инфляции (на 01.07.2008 он превышал 16%).

Но даже не падение показателей промышленного и сельскохозяйственного производства является сегодня наибольшей угрозой для Украины. «Не плоть, а дух растлился в наши дни», — цитирует Ф. Тютчева губернатор Харьковской области А. Б. Аваков. И далее в своей статье «Интеллигенция: кризис или трудная миссия» пишет: «Украинское общество, истощенное предыдущим напряжением и неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде и унынии. Украинская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления, которые ей так необходимы.

Разброд, абсурдность во внутригосударственном механизме порождают разрушительные тенденции на всех уровнях государственной власти, давая дорогу циникам и авантюристам, что, как ржа, разъедают остатки принципов и морали в чиновничестве, замыкая круг развала государственного порядка.

Пресса и литература залита мутной волной демагогии, порнографии, грязных разоблачений, псевдоинтеллектуальных мыльных опер и постановок шароварных неопатриотов-авангардистов. Украина все чаще получает из-за рубежа неприятные, зачастую унижительные реакции на происходящее внутри страны. Есть отчего придти в уныние относительно будущего Украины» [1].

Прямо скажем – не радужная картина, нарисованная одним из чиновников наивысшего ранга.

Да! Все, сказанное выше, соответствует действительности, но нельзя забывать, что страна наша, как независимое государство, переживает совсем еще юный возраст – ей идет всего восемнадцатый год, и многое еще не устоялось, не определилось, не вошло в собственное русло. Да, много допущено непростительных ошибок, промахов, просчетов и даже откровенного предательства. Но значит ли это, что бессмысленно бороться за справедливость, что целесообразнее разом все порвать и уехать в другую, благополучную, цивилизованную страну или, наоборот, задержаться здесь, чтобы подольше «половить рыбку в мутной воде?». Нет! Это наша страна, здесь жить нам и нашим детям, и мы обязаны выполнить свой гражданский долг восстановления исторической справедливости, правды и достоинства своего Отечества.

Мы – это 46 млн 398,1 тыс. чел., проживающих в Украине на 1 января 2008 года и гордо именующих себя «украинский народ». Нам сегодня пытаются навязать несколько иную трактовку: в Украине якобы есть украинская нация (титulyный народ этой страны), а все остальные – это второсортное нечто, которое обязано уважать и любить титульную нацию и ее землю, а если такой любви нет, то и нет им места на украинской земле (см. Звернення української інтелігенції Харківської області... «Любіть Україну, або забирайтесь геть!» – газета Верховної Ради України «Голос України» 30.04.2008, а также материалы Всеукраїнського форуму інтелігенції, проходившого в апрелі 2008 года в Києве).

Такой подход до боли напоминает кое-что из недавней европейской истории, когда провозглашалось преимущество арийцев над всеми остальными гражданами, и мы хорошо помним, чем закончилась для немецкого народа эта оголтелая пропаганда привилегированности арийской расы. Нет! Мы ведем речь об украинском народе, численность которого превышает сегодня 46 млн человек, но тенденция к сокращению этого показателя, к сожалению, не снижается.

В течение 2007 года численность населения Украины сократилась на 247,9 тыс. человек, что составляет 5,8 человека на 1000. Причин этому достаточно много: это и демографический спад, и повышение уровня смертности, и выезд за пределы Украины «людей второго сорта» – русских, евреев, молдаван, армян и пр. (причем украинцев в том числе). Очень серьезным негативным для Украины фактором является продолжающийся отток за рубеж интеллектуальной элиты, квалифицированных рабочих и служащих, среди которых представители «титульной нации» составляют совсем не самый маленький процент. За 2007 год число выбывших из страны возросло с 27,2 тыс. до 27,7 тыс. человек. Ежегодно из страны выезжают на ПМЖ более 6 тыс. врачей, более 35% подготовленных в украинских вузах программистов и электронщиков [11, с. 6–11]. И это при острой нехватке в стране и врачей, и программистов, и просто квалифицированных рабочих.

Почему это происходит? Как остановить этот процесс? Как сформировать такой уровень патриотизма, не в виде любви к титульной нации и земле, на которой она разрешает жить всем остальным, а в виде преданности своей земле и своему народу, не позволяющей покинуть их в трудный период отечественной истории?

Очевидно, нужно найти наиболее эффективные методы воздействия на сознание людей, и прежде всего молодежи, пути формирования гражданской ответственности за свою страну и за судьбы мира в целом, чувства национального достоинства, гордости за свою Родину, свой народ и самого себя как его пред-

ставителя, пути пробуждения искреннего стремления к самореализации через участие в историческом процессе движения своего Отечества к возрождению национальной культуры и духовности, к восстановлению славных традиций и исторической правды.

Что можем сделать мы — учителя и преподаватели высшей школы для пробуждения патриотических чувств?

Над чем мы должны работать, что формировать сегодня?

Любовь к Родине? Невероятно трудно делать это сейчас, когда страна растоптана, искалечена, распродана и разворована, когда более 50% молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет мечтают уехать за рубеж, чтобы остаться там навсегда. Куда угодно и даже кем угодно, но чтобы был гарантирован завтрашний день и уважение к тебе как к человеку.

Уважение к старшим? Сегодня это уже практически неосуществимо, поскольку жизненный опыт старшего поколения, его вклад в общественное развитие отвергнут, оплеван и очернен.

Формировать честность, порядочность, доброту и толерантность? А может быть, в нынешнем жестоком, бессердечном и продажном мире лучше совсем наоборот — приемы самбо, волчи́зм и поклонение золотому тельцу?

На эти вопросы каждый человек дает себе ответ сам в меру сформированности своей культуры, гражданственности и патриотизма, хотя в мире всегда были, есть и будут еще и общечеловеческие нормы и ценности, которые принимаются большинством нормальных людей на протяжении всей истории человечества. Они базируются на таких качествах, как милосердие, сострадание, общечеловеческие заповеди и правопослушание; дружба, сотрудничество и партнерство вместо репрессий, диктата и человеконенавистничества; они утверждают ненасильственный коллективизм и индивидуальный подход к обучению и воспитанию личности.

Именно эти общечеловеческие принципы и должны лежать в основе формирования достойного гражданина, в полной мере осознающего свою личную ответственность за судьбу своей страны, своего народа, своей семьи.

Поэтому формирование ответственности свободного человека, гражданина своей страны должно стать сегодня одной из главных задач воспитания учащейся молодежи и студенчества.

Воспитание умения пользоваться свободой, формирование культуры свободного поведения, обучение умению пользоваться свободой выбора и нести ответственность за сделанный выбор – обуславливают сегодня все другие виды образовательного процесса.

Значит, первая сверхзадача учебно-воспитательной работы в вузе – формирование ответственности свободного человека, воспитание культуры свободы.

Вторая сверхзадача – воспитание гражданина, формирование гражданственности и национальной идентичности личности. Для Харьковского региона решение этой задачи во многом определяется его особенностями. А особенностей этих, как минимум, три:

1. Исторически сложилось так, что Харьков стал городом поистине интернациональным, что здесь на его территории сплелись воедино судьбы украинцев и русских, поляков, евреев, татар, армян и многих других этнических групп, которые извечно жили в дружбе, взаимодействии и полном взаимопонимании. Занимая огромную территорию в 31,4 тыс. кв. км с населением 2 млн 812 тыс. чел., Харьков всегда отличался особым трудолюбием, гостеприимством и исключительной толерантностью.

И националистические завихрения политиков в последние годы не сумели его раскачать. Он, как Исполин, отмахивается от них, как от назойливых мух и продолжает трудиться во благо Украины.

2. Харьков является крупнейшим индустриальным, научным и культурным центром не только Украины, но и всей Восточной Европы. В нашем городе насчитывается 764 крупных промышленных предприятия, в том числе – 192 предприятия машиностроения, определяющих лицо города (Турбоатом, ХТЗ, ХАЗ, ФЭД, завод им. Малышева и др.).

Харьков – крупнейший транспортный узел Восточной Европы, через который проходят важнейшие железнодорожные и автомобильные магистрали, а также международные авиалинии.

И, конечно же, Харьков имеет все основания гордиться своими научными достижениями: он дал миру трех нобелевских лауреатов; его ученые первыми в мире расщепили атомное ядро; здесь впервые был с абсолютной точностью составлен атлас обратной стороны Луны; здесь изготавливаются крупнейшие в мире монокристаллы и турбины, здесь впервые в Украине были произведены на свет «дети из пробирки». И много еще научных достижений осуществлено в его 223 научно-исследовательских институтах, в которых работают сотни академиков, докторов и кандидатов наук.

В Харькове – и богатейшие культурные традиции. Здесь работают шесть государственных театров, филармония, зал органной музыки, множество памятников истории, археологии, архитектуры и монументального искусства.

3. Харьков является общепризнанной студенческой столицей Украины. В 92 высших учебных заведениях 1 сентября 2008 г. сели за парты почти 300 тыс. студентов (292 тыс.), что составляет 10% от общего числа студентов Украины. Именно в Харькове самый высокий показатель студентов на 10 тысяч населения (1032 – в 2007/08 уч. г.).

Естественно, это придает городу даже внешнее своеобразие – он выглядит всегда молодым, энергичным, устремленным в будущее. И действительно, будущее во многом зависит от сегодняшних студентов и школьников, от того, какую подготовку – и профессиональную, и моральную, и этическую – они получают в стенах своего учебного заведения. И, очевидно, что харьковская многонациональная культурно-образовательная среда не предрасполагает к восприятию националистических завихрений. Национальная идея с ее выходом на национальный патриотизм в принципе бесперспективна, тем более в нашем

регионе. Национал-патриотизм как идеология разъединяет граждан Украины, ведет к конфронтации в обществе, которое и так расколото вдоль и поперек.

В США, например, национальная идея включает в себя все, что работает на интересы страны и ее граждан. Эта идея присутствует везде – в американском кино и литературе, в рекламе товаров и в средствах массовой информации. И не важно, на каком языке провозглашается «Америка – превыше всего». Эта идея и этот подход объединили всех граждан Америки и сделали их высочайшими патриотами, достойными гражданами своей страны.

Именно такое западное понимание национальной идеи как стержня идеологии общественного развития ближе Украине, стране изначально многонациональной, чем восточное, сугубо этническое или религиозное. Национальное воспитание есть не особый вид образования, а то, что лежит в его основании (и любого его проявления), определяя общую направленность, если образование реализуется как приобщение человека к культуре. «Всякое хорошо поставленное образование, – подчеркивал С. И. Гессен, – по необходимости будет национальным и гражданским, и наоборот, подлинно национальным образованием, действительно созидающим, а не разрушающим нацию, будет только хорошо поставленное нравственное, научное и художественное образование» [Гессен С. И. Нация и человечество: национальное образование // Педагогическое наследие русского зарубежья 20-е годы / сост. П. В. Алексеев. – М., 1993. – С. 28].

Что входит в понятие «гражданское воспитание»? Комплекс таких нравственных качеств и черт характера, как патриотическое сознание и историческая память, осознанная любовь к Родине и гордость за нее, гражданская ответственность и мужество, готовность работать на благо Отечества и защищать его, укреплять его международный авторитет, знать и любить родной язык и родную историю, уважать культуру, обычаи и национальные традиции, идентифицировать себя со своей страной. И когда мы этого добьемся, когда сформируем гражданственность наших

воспитанников, тогда прекратится отток интеллекта в чужие страны.

Таким образом, гражданское воспитание имеет главной своей целью обучение людей демократии, утверждение в их сознании ценностей открытого и справедливого общества, уважение к принципам и правилам общественной жизни, то есть в самом общем плане – формирование демократической политической культуры.

Само понятие «гражданственность» (в отличие от «гражданства», выражающего формально-юридический статус личности) означает состояние сознания, духовно-моральной ценности, мировоззренческо-психологической характеристики человека, обусловленное его государственной самоидентификацией, осознанием собственной принадлежности к конкретной стране. Именно гражданственность выступает показателем отношения индивидов к существующим в стране порядкам, институциям государства и учреждений власти, выражением меры их законопослушности и критичности, ощущения собственного достоинства в отношениях с представителями власти, знания и уважения прав человека, готовности и умения добиваться их соблюдения, требовательности к государству в отношении выполнения им своих функций и обязанностей перед своими гражданами.

Гражданственность не является генетическим качеством личности, она формируется долгой, последовательной и целенаправленной работой, выступает как результат длительного воспитательного воздействия, гражданской социализации личности.

В нынешних условиях работа эта представляется крайне сложной. Интересный пример для подтверждения этому – из опыта работы преподавателей НУА. В 2003 г. кафедра истории Украины дала задание студентам I курса факультета «Бизнес-управление» подготовить эссе на тему «Что нужно мне, чтобы я мог гордиться своей страной?».

Приводим ответ Артема Боболева, одного из лучших студентов, окончивших НУА с отличием в 2008 году: «Гордость –

это прежде всего чувство уважения, преклонения перед своей страной, ее прошлым, настоящим и будущим. Гордость — это чувство ответственности за свою страну и причастность ко всему, что в ней происходит. Но в моей стране не действуют законы и нарушаются права человека. Нам трудно уважать свое государство, поэтому нельзя говорить о патриотизме». Очень важно заметить, что спустя пять лет, на выходе из университета тот же студент говорил о готовности бороться за свои права и, прежде всего, отстаивать право гордиться своим Отечеством.

Значит, все-таки нашим преподавателям удастся хоть как-то продвинуться вперед в решении этой главной, по-нашему глубокому убеждению, воспитательной задачи? Главный результат этой работы — возрождение у студентов и школьников интереса к отечественной истории, проявление у них гражданской озабоченности судьбами Отечества и некоторое снижение интереса к выезду из страны на ПМЖ. Но оснований для оптимизма, к сожалению, пока маловато.

В условиях, когда общество представляет собой, мягко говоря, не столько гуманитарную, сколько криминальную среду, ответственность учебных заведений за формирование гражданских позиций студенчества многократно возрастает. Они включают в себя, как минимум, следующие конкретные направления деятельности:

— воспитание патриотизма — осознанной любви к Украине и украинскому народу, забота о благе своей страны, содействие становлению Украины как правового, демократического, независимого государства. С патриотизмом органически связана гражданская позиция личности, которая зиждется на вере в духовные силы своего народа, в его будущее, на стремлении к труду во имя интересов народа и Родины. Задача гражданско-патриотического воспитания не может быть решена без формирования культуры межэтнических отношений и планетарного сознания, которое основывается на чувствах единой человеческой семьи и уникальности жизни на Земле, на уважении ко всем народам, на признании их прав, интересов и ценностей, на понимании

мира как единства и разнообразия всех государств, призванных мирно сосуществовать и сотрудничать во имя идеалов свободы, мира и демократии;

– развитие правосознания как определяющей характеристики гражданской зрелости, как осознания своих прав, свобод, обязанностей, отношения к закону и к государственной власти;

– формирование политической культуры личности, что включает в себя необходимую политическую компетентность, лояльное и в то же время требовательное отношение к государству и органам государственной власти, готовность принимать участие в выработке и принятии решений, влияющих на власть;

– воспитание духовно-этических качеств и культуры поведения личности, ее жизненной и прежде всего трудовой активности, трудолюбия как высшей нравственной ценности, как наиболее значимого проявления гражданской позиции человека, его социальной значимости.

Специфические социальные функции студенчества, его особенная роль в системе общественных отношений позволяют утверждать, что решение этого комплекса задач высшей школой будет способствовать не только интенсификации процесса становления гражданственности всех слоев общества, но и формированию гражданского общества в Украине.

Думается, что при таком подходе нам удастся сохранить у нашей молодежи веру в будущее, вернуть ей уважительное отношение к своей стране и отечественной истории. И тем самым результативно решать задачи формирования истинных патриотов Украины. Именно с этой целью в Народной украинской академии в 2008 г. разработана специальная Программа гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи и студентов, которая представляет собой приложение к Концепции развития Народной украинской академии до 2020 года, включает в себя и теоретико-методологические, и практические вопросы и нацелена на отработку конкретной, целенаправленной и перспективно планируемой системы становления граждан-

ственности и воспитания патриотизма студентов и школьников, обучающихся в НУА.

Что входит в данную систему?

Во-первых, определение основных приоритетов и направлений деятельности, обеспечивающих последовательное и эффективное решение комплекса задач, выдвинутых в Программе.

К числу этих приоритетов относятся:

- создание в учебном заведении соответствующей культурно-образовательной среды, способствующей формированию у студентов и школьников гражданско-патриотических чувств, воспитанию у них уважения к истории, культуре и традициям своего народа;
- разработка информационного обеспечения. В том числе создание сайта «Из опыта позитивной деятельности ХГУ «НУА» по гражданско-патриотическому воспитанию учащейся молодежи и студенчества;
- работа с профессорско-преподавательским составом, с сотрудниками, родителями студентов и школьников с целью превращения их в единомышленников, соратников, активных участников воспитательного процесса. Систематическое ознакомление их не только с содержанием Программы, но и с планами ее реализации, конкретными результатами ее выполнения;
- регулярная подготовка и издание методических материалов в помощь организаторам работы по гражданско-патриотическому воспитанию; обобщение опыта работы по реализации программы и научный анализ ее эффективности;
- формирование навыков исследовательской деятельности по освоению национальной культуры, живого интереса к творческому наследию предков через деятельность творческих коллективов и мастерских;
- ежегодное проведение на базе НУА международных, всеукраинских, межвузовских и внутривузовских конференций, круглых столов, симпозиумов, семинаров проректоров по воспитательной работе, заместителей деканов и заместителей директоров школ, ответственных за эту работу, руководителей

студенческого и ученического самоуправления, вузовских и школьных газет, музеев и т. п. с целью обмена опытом работы и формулирования конкретных задач на учебный год;

- функционирование четко отлаженной системы разноплановых мероприятий, способных в комплексе обеспечить достижение программных целей.

Во-вторых, совокупность мероприятий, реализуемых непосредственно в учебном процессе. В их числе:

- максимальное использование во всех видах обучения материалов, позволяющих формировать патриотические чувства слушателей, воспитывать в них гордость за свою страну, свой родной край, свою alma mater и свою семью;

- подготовка методических пособий для преподавателей и студентов, раскрывающих выдающиеся страницы украинской истории, достижения украинских ученых, деятелей литературы и искусства, их вклад в сокровищницу мировой культуры;

- ежегодное чтение ведущими преподавателями и учителями Актовых лекций, проведение торжественных уроков 1 сентября, посвященных вопросам гражданско-патриотического воспитания;

- организация тематических взаимопосещений учебных занятий, рецензия по которым должна включать в себя, с одной стороны, общую оценку их воспитательной направленности, а с другой — оценивать непосредственно гражданско-патриотический аспект занятия;

- чтение спецкурсов на факультете дополнительных специальностей, в центре довузовской подготовки, в школе молодых преподавателей и т. п.;

- проведение тренингов, курсов и дополнительных занятий по украинскому и русскому языкам; расширение практики дистанционного изучения украинского языка;

- включение вопросов гражданско-патриотического воспитания в проблематику работы общеакадемических и кафедральных методических и методологических семинаров;

- обеспечение всех мероприятий по гражданско-патриоти-

ческому воспитанию подборками необходимой периодики, научной, научно-популярной и художественной литературы. Создание специальных фондов во всех библиотеках НУА.

В-третьих, важнейшим элементом системы выступает работа во внеучебное время.

Она включает в себя в качестве координирующего начала деятельность украиноведческого центра им. академика Д. И. Багалая, центра русской культуры, а также реализацию договоров о совместной деятельности с Французским альянсом, Гёте-центром (Германия), с университетами России, Швеции, Турции, Польши, Латвии.

К этому же разделу Программы относятся:

- проведение международного социологического исследования «Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций – украинская интерпретация»;
- ежегодное проведение международных научных конференций и семинаров по проблемам интеллигенции и образования; а также международных студенческих научных конференций;
 - проведение ежегодных турниров и конкурсов, в частности:
 - открытый городской экономико-правовой турнир старшеклассников «Харьковщина – территория успеха»;
 - историко-социологический турнир юных харьковщиноведов «Харьков в названиях улиц и площадей»;
 - турнир старшеклассников «Английский с удовольствием»;
 - интеллектуальный конкурс, посвященный Татьянинию дню;
 - ежегодный конкурс «История моей семьи», который проводится в НУА с 1993 года по более чем 10 номинациям.

В 2007 году стартовал еще один конкурс – фотографий и видеопленок по теме «Тот уголок земли родной с названием певучим – Украина».

Программа предусматривает дальнейшее расширение традиционно проводимых на базе НУА семинаров-совещаний студенческого актива харьковских вузов; проректоров и замести-

телей деканов по воспитательной работе; директоров вузовских музеев; редакторов вузовских и школьных многотиражек, руководителей студенческих клубов по интересам.

Значительное воздействие на всех субъектов образовательного процесса оказывает проведение факультетских акций «Георгиевская ленточка» (БУ), «Брось сигарету!» (РП), «Взрослые – детям» (СМ), шефская работа в двух детских домах, над школами г. Купянска и шефство студентов ХГУ над младшими школьниками СЭПШ.

Особое место в Программе занимают формы и методы работы студенческого самоуправления и в первую очередь – студенческих трудовых отрядов, которые существуют в НУА с 1997 года и численность которых в 2008 году достигла почти 300 человек.

Перечень проводимых в НУА мероприятий, нацеленных на формирование у студентов и школьников нравственности, порядочности, трудолюбия, гражданско-патриотических чувств, может быть многократно продолжен. Но дело не в том, чтобы назвать их как можно больше. Смысл в том, чтобы найти среди них те направления и формы, которые позволят преодолеть пессимизм, депрессию и разочарование молодежи, дать ей видение смысла жизни в любви к Родине, родному дому и родной семье, в готовности самоотверженно трудиться ради их блага.

Список литературы

1. Аваков А. Б. Интеллигенция: кризис или трудная миссия / Арсен Аваков // Время. – 2008. – 24 июля. – С. 2.
2. Астахова В. И. Воспитание на традициях: некоторые вопросы методологии и методики / В. И. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Х. : Вид-во НУА, 2008. – Т. 14. – С. 7–21.
3. Восхождение к истокам : Опыт реализации комплекс. целевой программы гражд.-патриот. воспитания студентов // М-во образования Рос. Федерации, Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого ; [авт.-сост.: З. Н. Калинина, М. А. Поздеева]. – Тула, 2003. – 91 с.
4. Про вищу освіту : Закон України № 2984-III від 17 січ. 2002 р. // Освіта України : зб. законів : довід. вид. станом на 11 берез. 2007 р. /

Харк. обл. орг. профспілки працівників освіти і науки України; [упоряд., ред. С. О. Борисенко]. — Х. : Бурун Книга, 2007. — С. 188—258.

5. Запесоцкий А. Какого человека должна сформировать сегодня система образования / А. Запесоцкий // Высш. образование в России. — 2003. — № 3. — С. 45—60.

6. Комплексная целевая программа гражданско-патриотического воспитания студентов и школьников НУА : (прил. к Концепции развития Нар. укр. акад. на период 2006—2020 гг.) : проект / [авт.-сост. В. И. Астахова]. — Х. : Изд-во НУА, 2008. — 27 с.

7. Концепция воспитательной работы в условиях функционирования системы непрерывного образования / Нар. укр. акад. ; [авт.-сост.: В. И. Астахова, Л. А. Белова]. — Х. : Изд-во НУА, 2004. — 22 с.

8. Концепция, стратегические задачи и перспективный план развития Народной украинской академии на период 2006—2020 гг. : Утв. Советом НУА, протокол № 2 от 25.09.2006 г. / Нар. укр. акад. ; [авт.-разработчики: В. И. Астахова, Е. В. Астахова]. — Х., 2006. — 54 с.

9. Про освіту : Закон України № 1060-ХІІ від 23 трав. 1991 р. // Освіта України : зб. законів : довід. вид. станом на 11 берез. 2007 р. / Харк. обл. орг. профспілки працівників освіти і науки України; [упоряд., ред. С. О. Борисенко]. — Х. : Бурун Книга, 2007. — С. 3—46.

10. Очерки истории Народной украинской академии / Нар. укр. акад. ; под общ. ред.: В. И. Астаховой, Е. В. Астаховой. — Х. : Изд-во НУА, 2006. — 519 с.

11. Соціально-економічне становище України за 2007 рік // Економіст. — 2008. — № 1. — С. 6—11.

12. Харківська область, 2007 : [інформ.-аналіт. матеріали / Харк. облдержадмін.]. — Х., 2007. — 27 с.

Резюме

У статті розкриваються сутність, цілі, завдання та можливості здійснення громадянсько-патріотичного виховання учнівської молоді та студентства у складних умовах системної кризи в Україні. Обґрунтовується хибність націоналістичних позицій, неможливість їх сприйняття молоддю, особливо в Харківському регіоні; наводиться конкретний досвід ХГУ «НУА» щодо громадянсько-патріотичного виховання студентів і школярів у навчальному закладі нового типу.

Summary

The article focuses on the essence, objectives, tasks and possibilities of realizing a civil and patriotic upbringing of pupils and students under the complicated conditions of a system crisis in Ukraine; grounds the unsoundness of nationalistic positions, the impossibility of their apprehension by youth, especially in Kharkov region; describes the experience gained by People's Ukrainian Academy in civil and patriotic upbringing of pupils and students in an educational establishment of a new type.

УДК 378:314.17(477)

Е. В. Астахова

**ВЫСШАЯ ШКОЛА УКРАИНЫ В НОВЫХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Ключевые слова: демографические проблемы; демографический переход; новые вызовы; прирост населения; сокращение контингента учащихся и студентов; меры защитного характера.

В современной литературе, посвященной проблемам общественного развития, в последние годы появился термин — «каскадное событие», то есть ряд событий, которые на самом деле — единое целое. В современной истории было, как минимум, два таких периода. Это «длинные двадцатые» (1914—1934 гг.), когда была решена судьба XX века. И менее судьбоносный, но очень насыщенный период — «длинные пятидесятые» в XIX веке (1848—1868 гг.). За эти двадцать лет мир изменился неузнаваемо. Возможно, такой же период — и это будет ясно лет через десять — был в 1979—2001, когда сложилась очень интересная ситуация: традиционный биполярный мир рухнул. Окончательно это произошло в 1991 году. Ушла эпоха. Новая, представляется, еще не началась, так как пока мы живем в постсоветской системе. Новая начнется с уходом приставки «пост».

Западный мир тоже живет в переходной системе. Ранняя форма глобализации закончилась 11 сентября 2001 года. Идет формирование новой эпохи, которая только наполняется реальным содержанием.

Упомянутые процессы самым непосредственным образом затрагивают и мир образования, который к началу XXI в. попал в полосу перманентных революционных изменений.

К числу «новых вызовов», ошутимо влияющих на тенденции, темпы, качество развития современного высшего образования в условиях глобализации и евроинтеграции, относятся и демографические изменения, которые объективно «перекраивают» ткань такой институции, как высшая школа, и ошутимо «разорвут» ее, если не будут приняты адекватные компенсирующие меры.

Проблема, которой посвящена статья, еще только пробивает себе дорогу на страницах специальных изданий. В прямой постановке вопросы влияния новых демографических процессов (в первую очередь на глобальном, общецивилизационном, уровне) на развитие высшего образования в литературе практически не встречаются. Есть отдельные упоминания в монографиях и статьях, посвященных перспективам развития высшего образования (особенно в Российской Федерации) [1], специальных же публикаций в доступных автору источниках встретить не удалось.

Основную базу источников и литературы составляют, в первую очередь, данные о динамике развития населения, различные статистические отчеты, отдельные публикации по проблемам демографии. Несколько особняком в этом ряду воспринимаются интереснейшие публикации российского академика и популяризатора науки С. П. Капицы [2]. Но в целом историографию проблемы отследить пока не представляется возможным. Процесс накопления и анализа информации только начался.

Сразу необходимо оговорить тот факт, что демографическая ситуация в Украине не эксклюзивна, она в значительной мере отражает общемировые процессы и европейские коллизии [2, с. 7]. Но к этим объективным демографическим процессам

прибавляются и наши специфические особенности, что превращает проблему в достаточно острую и саму по себе, и с точки зрения развития и сохранения отечественной системы высшего образования.

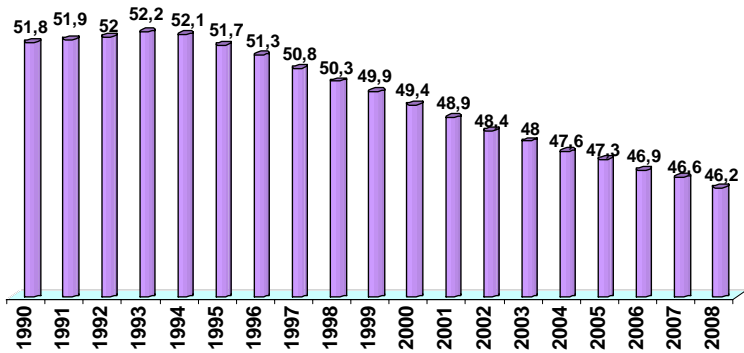
По проблемам демографии все чаще можно встретить утверждение о том, что человечество переживает своеобразный демографический переход, который выражается в следующем: вначале резко возрастает скорость роста популяции страны, затем — столь же стремительно идет уменьшение, после чего устанавливается относительная стабилизация. Результатом таких трансформаций становится новый режим развития человечества [2, с. 9]. Переход всегда сопровождается ростом производительных сил, перемещением значительных масс населения в город. По его завершении наступает глубокое изменение возрастного состава населения. Такая теория, при всей ее относительности (и достаточной убедительности, учитывая математические выкладки автора — С. П. Капицы), предполагает различные — достаточно интересные — процессы и последствия для различных стран, регионов, континентов. Главное, представляется, увидеть в новой ситуации не источник стрессов для отдельного человека или отрасли (в данном случае образовательной), не катастрофу для человечества, а переход к новой парадигме развития качества жизни. Возможность понимания демографических проблем в их глобальном масштабе поможет в преодолении определенных страхов и драматизаций, возникающих при смене прежнего порядка вещей.

Что, с точки зрения рассматриваемой проблемы, есть на сегодня в Украине? Статистические показатели свидетельствуют об устойчивом сокращении численности населения.

По прогнозам ООН, численность населения в Украине через 20–25 лет сократится до 39 млн человек. На сегодня в стране самый низкий в мире естественный прирост населения (данные демографического отчета ООН) [3].

В 1960 г. прирост населения в Украине составил 628 тыс. человек, в 1965 г. — 415 тыс., в 1979 — только 200 тыс. чел.

НАСЕЛЕНИЕ УКРАИНЫ (млн. чел.)

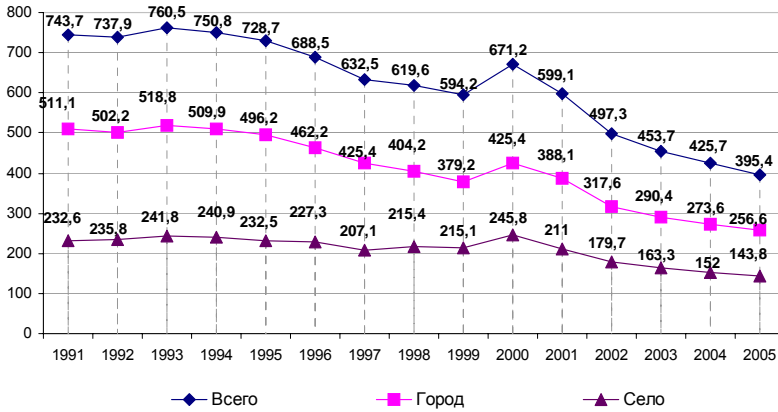

Максимальный показатель прироста в последующие годы пришелся на 1987 год – 230 тыс. человек. Дальше снижение прироста стремительно увеличивалось, и с 2007 года ежегодное сокращение численности населения в Украине составляет в среднем 350–400 тыс. чел [4].

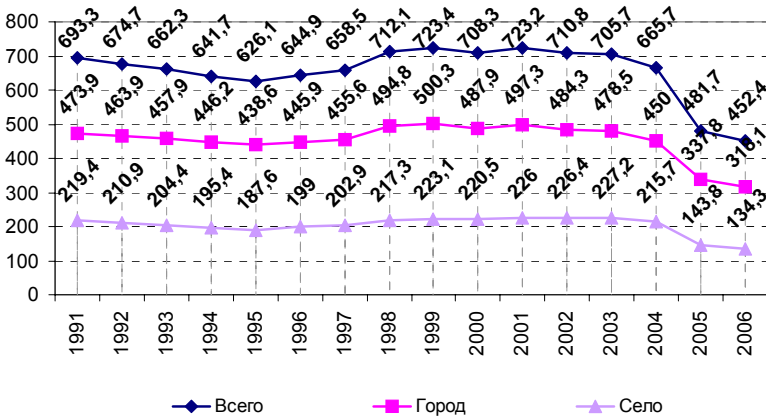
Такие процессы неизбежно дали себя знать и в сфере образования. Первыми, кто ощутил тенденции сокращения контингента учащихся, стали общеобразовательные школы, а с 2005/06 уч. года эти процессы начали проявляться и в системе высшего образования.

По самым приблизительным (оптимистическим) прогнозам резкое сокращение контингента студентов может прекратиться примерно к 2017–2018 годам. Статистические выкладки и аргументы в литературе встречаются разные. Но главное, что вытекает из даже самого поверхностного приближения к проблеме, – сохранить и тем более нарастить качественные характеристики высшей школы в этих условиях будет весьма и весьма проблематично. Тем более, что государственная политика в сфере образования этих вопросов или вообще не касается или

ДИНАМИКА ПРИЕМА В ПЕРВЫЕ КЛАССЫ (тыс. чел.)

ДИНАМИКА ВЫПУСКА УЧЕНИКОВ X–XI КЛАССОВ (тыс. чел.)

ПРОГНОЗНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ ВЫПУСКА СТАРШЕЙ ШКОЛЫ (тыс. чел.)

инициирует шаги, которые трудно воспринять как взвешенные и дальновидные (отсутствие выпускников средних школ в 2012 г. из-за одновременного перехода на 12-летнее обучение; ускоренная образовательная евроинтеграция, за счет которой в ближайшие годы усилится отток студентов из отечественных университетов и т. д.). Однако решать эту задачу, несмотря на ее сложность, необходимо, иначе уже в ближайшие 10–15 лет отечественная высшая школа рискует:

а) отстать от мировых образовательных процессов, что называется, навсегда;

б) остаться со студенческим контингентом, который ни по качественным, ни по количественным характеристикам не будет соответствовать потребностям времени;

в) утратить качественный кадровый потенциал высшей школы.

Своеобразные демографические вызовы, о которых шла речь, слишком сложны и неоднозначны, чтобы можно было говорить о простых подходах к их решению. Но образовательные институты многих стран и регионов в той или иной степени на различных временных отрезках уже сталкивались с последствиями демографических колебаний и их влиянием на развитие высшей школы.

Не в последнюю очередь, например, Болонский процесс, широко известный в европейском образовании конца XX – начала XXI веков, спровоцирован негативными тенденциями и утратой конкурентоспособности высшей школы старой Европы (особенно по сравнению с университетами США, Австралии и ряда азиатских стран).

Так или иначе, но поиск адекватных ответов на «демографические вызовы» высшие школы многих стран уже проводили и проводят. Опыт есть во Франции, Италии, Финляндии [5]. Интересные решения демонстрируют Чехия, Казахстан, Китай [6]. Конечно, у каждой системы образования – свои подходы, принципы, стратегия решений, но изучение алгоритмов решений и подходов других стран и регионов – задача архиважная. Это обусловлено тем, что система образования Украины – пока даже чисто теоретически – не приступила к разработке мер защитного характера, позволяющих сохранить отечественную высшую школу в непростых современных условиях и задать ей позитивный вектор развития в период демографического спада.

Список литературы

1. Гершунский Б. С. Готово ли современное образование ответить на вызовы XXI века / Б. С. Гершунский // Педагогика. – 2001. – № 10. – С. 3–13; Егоршин А. Возможные сценарии (О развитии высшего образования в России) / А. Егоршин // Высш. образование в России. – 2006. – № 5. – С. 21–27; Мельникова Е. Приглашение в третье тысячелетие / Е. Мельникова // Высш. образование в России. – 2000. – № 3. – С. 48–58; Мирский Э. Высшее гуманитарное образование

в России в поисках ответов на вызовы XXI века / Э. Мирский // Высш. образование сегодня. – 2002. – № 1. – С. 13–28; Национальная доктрина образования в Российской Федерации: какой ей быть // Вестн. высш. шк. – 1999. – № 11. – С. 3–17, 29; Нейматов Я. Образование в XXI веке (тенденции и прогнозы) / Я. Нейматов. – М. : Алгоритм, 2002. – 479 с.; Никандров Н. Перспективы развития образования в России / Н. Никандров // Философия образования. – 2006. – № 1. – С. 4–13; Садовничий В. Проблемы образования и науки в России и стратегия на XXI век / В. Садовничий // Объективность. Компетентность. Ответственность. – 1998. – № 2.

2. Капица С. П. Население Земли и предвидимое будущее цивилизации // Социол. исслед. – 2003. – № 1. – С. 7–16; Человечество перестанет бурно размножаться. Впереди – эра маразма? // Комсомол. правда в Украине. – 1999. – 29 дек. – С. 9.

3. Державний комітет статистики України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>.

4. Зеленина Е. Нас пересчитали до ... 2050 года / Е. Зеленина // Время. – 2007. – 5 дек.

5. Згага П. Современные тенденции в сфере высшего образования в Европе / П. Згага // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 12. – С. 22–28; Иностранцы студенты на международном рынке образования // Экономика образования. – 2003. – № 4. – С. 86. Майбуров И. Высшее образование в развитых странах / И. Майбуров // Высш. образование в России. – 2003. – № 2. – С. 132–144; О реформировании университетского образования в Италии // Экономика образования. – 2002. – № 5. – С. 57–60; Реформы высшего образования в странах Центральной и Восточной Европы // Экономика образования. – 2003. – № 1. – С. 69–74; Семеко Г. Образование во Франции: экономические и социальные проблемы / Г. Семеко // Экономика образования. – 2002. – № 3. – С. 25–36.

6. Жасимов М. Состояние системы образования в постсоветских государствах: необходимость преобразований / М. Жасимов // Вестн. высш. шк. – 2007. – № 10. – С. 15–19; Лиферов А. Западный вектор реинтеграции образовательного пространства СНГ / А. Лиферов // Педагогика. – 2002. – № 4. – С. 79–89; Янг Ру. Вступление Китая в ВТО и высшее образование / Янг Ру // Вестн. высш. шк. – 2002. – № 1. – С. 33–35.

Резюме

До перманентних кардинальних змін, що зачепили систему освіти на рубежі ХХ–ХХІ ст., належать і демографічні процеси, які суттєво впливають на всі освітні структури і системи. Україна відчула на собі вплив демографічних змін – зокрема, скорочення чисельності населення – уже на початку ХХІ ст. У статті аналізуються загальні тенденції розвитку вищої школи в нових демографічних умовах, виокремлюються найбільш імовірні ризики, яких зазнає інститут вищої освіти.

Summary

Among permanent cardinal changes that affect the system of education at the turn of the XX century are demographic processes that greatly influence all education structures and systems. Ukraine has experienced the affect of demographic changes, a decrease in particular, at the very beginning of the XXI century. The article analyses general trends in the development of higher school under new demographic conditions, determines most probable risks that the higher education institution faces.

УДК 342.733:378(477)

В. В. Астахов

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ
В КОНТЕКСТЕ ПЕРМАНЕНТНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

Ключевые слова: образовательное законодательство, конкуренция вузов, качество образования, образовательные услуги.

Радикальные изменения, произошедшие в экономике и политике Украины за последние годы, привели к не менее значительным изменениям в сфере образования. При этом более чем странной выглядит ситуация, при которой нормативная база, как главный инструмент государства в создании оптимальных условий функционирования системы образования, выступает одним из факторов, дестабилизирующих эти процессы.

Действительно, действующие нормативно-правовые акты об образовании страдают бессистемностью, неполнотой юридического оформления нуждающихся в этом общественных отношений, неоправданным дублированием правовых норм, рядом внутренних противоречий, а также определенной несогласованностью с иными законодательными актами. Многие положения основных образовательных законов носят общий, неконкретный характер, лишены действенных способов их юридической охраны. Не имея возможности в рамках настоящей статьи дать развернутую картину действующего образовательного законодательства Украины, внимание в ней будет уделено проблемам правового регулирования деятельности высшей школы через призму широко обсуждаемого в 2008 году проекта Закона «О высшем образовании», причем с акцентом на правовой статус частных вузов.

В настоящее время правовое регулирование сферы высшего образования сталкивается с рядом проблем теоретического и практического характера, противоречиями и трудностями правоприменения. Проведенный анализ проекта¹ Закона Украины «О высшем образовании» (далее – Проект) позволяет обозначить наиболее существенные из них, оказывающие серьезное влияние на развитие как всей системы украинской высшей школы, так и ее значительной составляющей – частные высшие учебные заведения.

Проект, безусловно, содержит ряд положительных (особенно для частного образования) изменений. Так, в проекте существенно расширены права студентов и аспирантов (Ст. 53-1 и 53-2), нормативно закреплена объем рабочего времени научно-педагогических работников (Ст. 49). Также к положительным сторонам можно отнести расширение перечня оснований для отчисления студента из вуза, что существенно повышает правовую защищенность учебного заведения в условиях, когда взаимоотношения вуз – студент носят договорный характер (Ст. 45).

¹ Письмо МОНУ от 31.03.2008 pvnz@mon.gov.ua

Очень оптимистично, особенно в условиях мирового финансового кризиса и, как следствие, существенного роста инфляции выглядит норма, позволяющая администрациям вузов повышать стоимость оплаты за обучение (Ст. 65). Следует также отметить в качестве положительной норму, закрепляющую возможность для частных вузов получения статуса национального (ч. 1, ст. 26), что сможет существенно повысить их рейтинг.

Кроме того, предложенные изменения в налоговое законодательство (Заключительные положения и изменения в Закон «О государственном бюджете» на 2008 год), в случае их принятия, смогут устранить давно существующую коллизию норм, которая до настоящего времени не позволяет частным вузам использовать нормы образовательного законодательства, предоставляющие им налоговые льготы (напр.: ст. 61 Закона «Об образовании»). И наконец, сделана попытка закрепить для частных вузов строго определенную организационно-правовую форму – непредпринимательского общества или частного предприятия (п. 1, ст. 23). Хотя относительно последней формы есть опасения в двойственности ее правового положения, поскольку термин «предприятие» в хозяйственном законодательстве употребляется для обозначения субъекта права, в то время как в гражданско-правовом регулировании это – объект права, представляющий собой единый имущественный комплекс.

В то же время Проект не стал тем долгожданным «актом справедливости», способным юридически закрепить знак равенства в правовом статусе государственных и частных вузов, поскольку подавляющее большинство предложенных изменений носят дискриминационный по отношению к частным вузам характер, закрепляя и дополняя преференции их «государственным собратьям».

Так, в Проекте не изжита практика разделения вузов по форме собственности, с закреплением за ними соответственно различных объемов правосубъектности. Принятие предложенных изменений предоставит вузам, основанным на государственной форме собственности, еще больший объем конкурентных

преимуществ, что в итоге может повлечь за собой самоликвидацию частного образовательного сектора.

Кроме того, предложенные изменения способствуют «плавной» фактической приватизации государственных вузов, что является недопустимым, поскольку противоречит как моральным принципам общества, так и действующему законодательству. Наиболее ярко это проявляется в предложении отменить норму (к сожалению, до сих пор так и не вступившую в законную силу благодаря лоббированию государственными вузами) о необходимости обязательного превышения в государственных вузах числа «бюджетных» студентов над «контрактными» в соотношении 51 к 49% (п. 4 ст. 23)². Не менее красноречивы в этом смысле и предложения об изменении режима государственного имущества и перехода его в частную собственность государственного вуза (п. 2 ст. 63).

Вместо коренной переработки закона, с учетом огромного массива нормативных актов в сфере образования, предлагаемая частичная коррекция действующего закона не снимает остроту проблем, связанных с неопределенностью правового статуса частного вуза. А предлагаемая в Проекте организационно-правовая форма, в которой должны создаваться частные вузы, не позволит последним пользоваться в полном объеме льготным режимом налогообложения. Это связано, прежде всего, с существующими принципиальными противоречиями в регулировании экономической деятельности любого рыночного субъекта нормами гражданского и хозяйственного законодательства Украины. Кроме того, закрепление для вузов, основанных на различных формах собственности, различных организационно-

² В п. 3 статьи 27 предлагается закрепить норму, в соответствии с которой не менее 60% студентов любого направления подготовки должны обучаться за счет средств государственного или местного бюджетов, хотя в контексте указанной статьи (Создание, реорганизация и ликвидация вуза) она будет носить несколько завуалированный характер.

правовых форм не будет способствовать достижению их правового равенства.

Также вызывает недоумение, особенно в период демографического спада, возврат к нормативному закреплению возможности создания и функционирования филиалов вузов (хотя и без них общее число вузов Украины превышает все нормальные пределы в соотношении с общим числом выпускников средних школ), а также закрепление количественной характеристики для факультета, которая составляет минимум 200 студентов. Данная норма противоречит принципам индивидуального подхода к обучающимся, реализуемым большинством частных учебных заведений, и в соответствии с которыми подавляющее большинство последних имеют небольшие количественные показатели студенческого контингента.

К сожалению, Проект не изменил требования к конкурсному набору студентов, хотя, по нашему глубокому убеждению, его целесообразно использовать только для абитуриентов, желающих обучаться за счет средств государственного бюджета. Ограничений же для желающих учиться за собственные средства быть не должно.

Отрицательно сказываются на процессе функционирования вуза нормативные требования, связанные с процедурой его лицензирования и аккредитации, которые, во-первых, должны проводиться независимыми экспертами, а во-вторых, требуют взвешенного и обоснованного подхода, например, в отношении закреплённых размеров учебных площадей на одного студента. В целом же нормы о лицензировании и аккредитации представляется целесообразным закрепить в отдельном нормативно-правовом акте, выведя их за рамки Закона «О высшем образовании».

Необходимо также отметить, что одной из главных причин того, что действующий Закон «О высшем образовании» отстает от современных требований к регулированию процесса получения высшего образования в условиях формирующегося рынка образовательных услуг, является полное отсутствие

корреляции его норм с нормами гражданского законодательства. Решение этих важнейших вопросов также не нашло отражения в предложенных изменениях.

Так, например, Проект не устранил достаточно противоречивую норму об обязательном наличии у вуза уставного фонда. В ее основу положены благие намерения с целью исключить возможные имущественные потери для потенциальных потребителей образовательных услуг в случае ликвидации вуза или, другими словами, гарантировать не наступление этих потерь за счет средств его уставного фонда. Но поскольку гарантия — это один из способов обеспечения обязательств, а не инструмент ответственности, то проведение аналогии между гарантией прав обучающихся и ответственностью вуза просто недопустимо. С точки зрения цивилистической науки гарант, возмеща кредитору основного обязательства чужой долг, только исполняет свою обязанность по договору гарантии. Юридическое же значение уставного фонда, например, в хозяйственном обществе и его деление на доли заключается в том, что это наделяет его участников правом заявлять притязания обществу при ущемлении их имущественных интересов³.

Наличие указанных тенденций в процессе коррекции действующего образовательного законодательства объясняется тем, что за последние 15 лет Украина постоянно повторяет одну и ту же системную ошибку, заключающуюся в попытках решить проблемы образования в стране с рыночной экономикой социалистическими методами. Результат ожидаемый: движения вперед нет, реформы буксуют, проблемы накапливаются, и все это напоминает бессмысленную работу по оштукатуриванию трещин в стенах дома, в котором существует объективная необходимость замены фундамента. Причины же этих негативных явлений, а также непрекращающейся дискриминации «частников»

³ Подробнее об уставном фонде вуза см.: Астахов В. В. К вопросу об уставном фонде вуза // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — 2004. — Т. 10. — С. 109–119.

со стороны государства следует искать в истории формирования украинского рынка образовательных услуг, которую в упрощенном виде можно представить следующим образом: не имея необходимых ресурсов для обеспечения бесплатного обучения всех желающих, украинское государство пошло на так называемый «промежуточный вариант», при котором бесплатные услуги стали соседствовать с платными, а государственные вузы сосуществовать с частными.

Однако на протяжении всего этого периода между вузами, основанными на различных формах собственности, во многом благодаря нормативной базе, отсутствует та гармония, которая должна лежать в основе построения и функционирования единой образовательной системы, состоящей из равноправных элементов, объединенных общей целью, — всестороннего развития личности как наивысшей ценности общества. И обусловлено это тем, что государственные вузы всеми силами пытаются сохранить в образовательной сфере социальные достижения старого режима, которые в современных условиях выражаются формулой: иметь и гарантированный минимум бюджетного финансирования, и неограниченную возможность подготовки студентов на контрактной основе.

А поскольку мы вошли в рынок, необходимо учитывать его реалии. Рынок по своей основе — это конкурентные отношения, его механизм — неравенство. Но неравенство эффективно только тогда, когда каждый сохраняет шанс вырваться вперед. Плохо, когда неравенство не только наследуется, но и становится непреодолимым.

При этом нельзя забывать, что в современном мире конкуренция между агентами на одном поле, рыночном или административном, всегда сочетается с их сотрудничеством за привлекательность самого этого поля — одного из многих, претендующих на ресурсы, имеющиеся у государств, организаций, граждан. Эта простая мысль все еще довольно плохо воспринимается нашей вузовской управленческой общественностью, в связи с чем можно сказать, что одной из главных угроз для украинских вузов

в условиях растущей международной доступности образовательных услуг, в том числе в рамках Болонского процесса и присоединения к ВТО, являются сами вузы, точнее их разобщенность и недобросовестная конкуренция, что особенно ярко проявляется, как было сказано выше, во взаимоотношениях государственных и частных украинских вузов.

Таким образом, представленный краткий анализ Проекта позволяет констатировать, что состояние действующего образовательного законодательства не способно в полной мере отвечать вызовам XXI столетия, требующим скорейшего преобразования системы образования. В связи с этим следует учесть, что авторитет и качество украинской высшей школы значительно возрастут при создании оптимальных условий функционирования всех вузов, отвечающих требованиям государственных стандартов, независимо от формы собственности. В свою очередь нормативно закреплённое равенство их правового статуса позволит им снизить остроту конкурентной борьбы, переведя ее в плоскость повышения качества вузовской деятельности. А это сможет существенно повысить не только их образовательный и научный потенциал, но и степень защищенности от возможных негативных последствий глобализации, а также повысит престиж и привлекательность украинской высшей школы.

Резюме

У роботі розглянуто проблеми українського освітнього законодавства на прикладі проекту Закону «Про вищу освіту», який висунуто до парламенту. Висвітлюються негативні явища, які пов'язані з наданням нормативних преференцій державним ВНЗ, що погано впливає на стан конкуренції між ВНЗ, які засновані на різних формах власності. Даються пропозиції, які мають на меті створення оптимальної конкурентоспроможної моделі української вищої школи в умовах глобалізації освітньої сфери.

Summary

The article considers the problems of Ukraine education legislation. As an example is taken the draft law on higher education, submitted to the

Parliament. Negative aspects of securing state higher schools regulatory preferences, which influences badly the competition between institutions of different property forms, are analyzed. Suggestions as to creating an optimal competitive model of Ukrainian higher school under the conditions of education globalization are given.

УДК 378.015

Е. В. Астахова (мл.)

ОБРАЗОВАНИЕ: ОБЩЕСТВЕННОЕ ИЛИ ЧАСТНОЕ БЛАГО

Ключевые слова: образование, благо, экономический институт, спрос.

Образование является двигателем социально-экономического развития. Это находит свое отражение в увеличении объемов производства, развитии новых технологий, расширении границ производительного труда, создании новых отраслей экономики, интенсивной динамике социальной структуры, в росте общих макроэкономических показателей государств. Знания присутствуют во всех без исключения сферах общественной жизни. Они являются результатом образования индивида, его собственностью, дающей возможность выживания в конкурентной среде, материального благополучия, одним из наиболее значимых источников власти.

Экономическая природа образования, вопросы институционализации образования, взаимозависимости уровня образования и уровня развития экономики, проблемы взаимодействия рынка труда и института образования, трансформации экономики и ее влияния на развитие института образования в период глобализации, унификации и стандартизации, технологической и информационной революции находят отражение в работах В. Андрущенко, В. Арутюнова, Д. Богини, В. Бочкова, В. Гурова

А. Гриценко, О. Ереминой, И. Животовской, М. Кима, Л. Стрековой, В. Тарасевич, А. Панкрухина, П. А. Шаммазова, О. Яременко.

К числу недостаточно изученных можно отнести теоретические вопросы, раскрывающие экономическое содержание образования, реализуемое через ряд социально-экономических функций.

Получение знаний обществом реализуется через образовательную деятельность, в результате которой учебное заведение предоставляет образовательный продукт потребителю. Рассматривая результат образовательной деятельности, то есть знания, получаемые потребителем и воплощенные в товарной форме в виде диплома государственного образца определенной специальности, следует обратить внимание на специфическую особенность образования как товара, то есть блага. Образование как благо является результатом исторически длительной социальной эволюции общества. Закрепляя результаты научной деятельности, образование развивает познавательные и практические свойства общественного человека, способствует удовлетворению его непрерывно повышающихся социальных потребностей. Оно помогает действию сложнейших механизмов в индивидуальной и общественной деятельности человека, воспроизводит интеграцию и дифференциацию разносторонних социальных связей.

подавляющее большинство благ являются частными, в большинстве своем это товары, которые, как правило, распределяются на индивидуальной платной основе. Потребление частного товара исключает потребление его другим лицом, и выгоды от этого потребления достаются лишь частному собственнику. Для распределения этих благ больше всего подходит ценовой механизм, который связывает производителей частных благ (объемы производства, ассортимент продукции, качество и т. п.) и потребителей (их вкусы, платежеспособный спрос). Общественные блага отличаются свойствами неделимости и неконкурентности, предоставляются на принципе безвозмездности и обычно финансируются за счет государственного

бюджета. Их потребление одними членами общества абсолютно не исключает возможность потребления другими, а безвозмездность их использования обеспечивает система налогообложения.

При рассмотрении образования как общественного блага и его внешнего эффекта следует отметить наличие высокого уровня неопределенности, что создает непреодолимые трудности количественного изменения общественного блага и порождает возможности оппортунистического поведения людей. Кроме того, существуют обстоятельства, свидетельствующие о нерациональном экономическом поведении субъектов экономических отношений и возникновении асимметрии информации, то есть неравномерного распределения информации между государством и людьми.

В рыночных условиях не следует рассматривать образование только как общественное благо, которое обладает признаками неконкурентности и неделимости в потреблении, так как в принципе можно исключить человека из круга потребителей данного блага. Чаще всего сегодня определяющим ограничивающим фактором является цена образовательных услуг как негосударственного образовательного сектора, так и контрактного обучения в рамках государственного образования, где, несмотря на принцип всеобщей доступности образования, оно может стать недоступным по ценовому фактору для потребителя с низким уровнем дохода. Принцип неконкурентности, то есть потребление блага одним человеком, не должен уменьшать возможность потребления его другим, он может быть нарушен в момент поступления в вуз, когда потребители образовательных услуг конкурируют друг с другом, создавая конкурс на одно место. Еще одним подобным фактором может быть уровень базовой подготовки, позволяющей претендовать на обучение определенным отраслям науки.

В то же время услуги образования хранят черты общественного блага. Потребность в услугах образования как общественного блага выражается, во-первых, через механизм общественного выбора в виде принятия решения выбора вуза,

факультета, специальности, которые будут зависеть, прежде всего, от статуса образования и высококвалифицированной работы в обществе. Во-вторых, через реализацию социальных потребностей людей в своем дальнейшем духовном и интеллектуальном развитии в процессе обучения. Особенность услуг образования заключается в том, что эффект, который получают человек и общество, тяжело оценить количественно.

Рассмотрение образования с позиций общественного блага позволяет выделить и другое его фундаментальное свойство — неконкурентность. Сущность этого состоит в том, что каждый человек изначально выступает со-собственником принадлежащих всему обществу знаний. Потребление благ образования индивидом совсем не должно исключать из потребления результатов их функционирования для других людей, что характеризует неконкурентность образования. Потребление знаний одними не ведет к сокращению потребления этих же знаний другими, так как знания неделимы [2, с. 397].

Профессиональное образование все больше приобретает признаки частного блага, так как, во-первых, высокий уровень профессионального образования является предпосылкой предпринимательского успеха и залогом социальной защиты от стихийного спроса на рынке труда; во-вторых, образование является одной из сфер самореализации личности, ее творческого потенциала, в-третьих, полученные знания рассматриваются как интеллектуальная собственность, человеческий капитал, который приносит доход.

Рост частных элементов института профессионального образования подтверждает сложный характер образования как смешанного блага. С одной стороны, образование относится к общественным благам по признакам доступности, затратности и неделимости потребления, когда потребление одними субъектами не исключает потребление другими субъектами, а также способствует всеобщему положительному внешнему эффекту в виде повышения образованности, культуры и производительности нации. Производство таких благ может влиять

на общий объем и эффективность распределения среди потребителей. Поэтому образование относится к тем благам, которые преимущественно обеспечиваются государством.

С другой стороны, спрос граждан на образование, как правило, значительно превышает возможности государственной образовательной системы, расширяя рынок негосударственного образования. Спрос может быть в значительной мере диверсифицированным и поэтому не совпадать с предложением — родители могут хотеть качественного и фундаментального образования для своих детей. В таком случае возможно предоставление образования как частного блага, с помощью установления платы за такую услугу.

Реализация образования как собственности каждого состоит в том, что знания являются условиями действительного развития общественного человека в воспроизводственном процессе. Люди относятся к знанию как к тому, что им принадлежит, ибо блага образования используются в трудовой и общественной деятельности. В этом смысле отношение каждого человека к образованию как к общему условию своей жизнедеятельности входит в структуру общей собственности [1 с. 136].

Как ни трактовать образование — как частное или общественное благо — его развитие находится в известном соответствии с развитием материального производства: последним создаются и материально-техническая база, обслуживающая сферу образования, и технические аспекты реализации образования. Материальное производство создает также фонд жизненных средств работников образования, предопределяя возможность занятия образовательной деятельностью и структуру занятых в ней.

Таким образом, сегодня в период глобализации и информатизации институт образования является институтом социализации, координации и практической интеграции поколений, обеспечивает профессионализированную трансформацию социально значимой информации в знания, которые несут обобщение и потенциальное сглаживание острых углов национальных несогласованностей в процессе глобализации, возникающих

вследствие традиционных норм и правил, составляющих национальные особенности культурного наследия. Образование институционализирует информацию и накопленные ранее знания, то есть превращает ее в инструмент устойчивого снятия неопределенности. Образование является институциональным фильтром: если информация сформировалась в знания, а знания в правила, шаблоны и нормы, то информация проникла в социальный организм, то есть прошла процесс институционализации знаний, который возможен благодаря реализации образовательной деятельности.

Список литературы

1. Богиня Д. П. Основи економіки праці : навч. посіб. для студ. екон. спец. — 3-тє вид., стер. / Д. П. Богиня, О. А. Грiшнова. — К. : Знання—Прес, 2002. — 313 с. — (Вища освіта XXI ст.)
2. Мухудадаев М. О. Социальная политика и образование / М. О. Мухудадаев // Коммуникация и образование : сб. ст. / Под ред. С. И. Дудника. — СПб. : Санкт-Петербург. филос. о-во, 2004. — С. 384—403.

Резюме

У статті розглянуто проблеми розвитку інституту освіти в умовах ринкової економіки, розкрито економічний зміст освіти, проаналізовано ознаки суспільного й приватного блага щодо результату освітньої діяльності. Особливу увагу приділено зростанню приватних елементів інституту професійної освіти, що підтверджує складний характер освіти як змішаного блага.

Summary

The article addresses the problem of conditions of the institution of education development within the context of a market economy. The economic aspect of education, the social and private benefits as results of education activities have been analyzed.

Special attention is paid to increasing private elements of professional education institution which reveals a complex character of education as a mixed blessing.

УДК 316.74:378(091)

*Е. В. Батаева***ОБРАЗОВАНИЕ И ВЛАСТЬ В СОЦИОЛОГИИ П. БУРДЬЕ**

Ключевые слова: образование, власть, социальная репрессия, дерепрессия, социальные привилегии.

В современной мировой социологии французский ученый Пьер Бурдьё занимает место одного из ведущих теоретиков в области социологии образования. Такие его работы, как «Номо Academicus» (1984) «Государственная знать» (1989), в которых разрабатываются актуальнейшие проблемы взаимосвязи образования и власти, образования и социальной стратификации, образования и социальных привилегий, — давно стали социологическими бестселлерами, которые изучаются в крупнейших университетах мира.

Историки социологии все еще не определились, к какой интеллектуальной эпохе правильнее было бы относить творчество П. Бурдьё, — к эпохе модерна или постмодерна? С одной стороны, проблематика социологии П. Бурдьё имеет вполне классически-модерный характер, с другой стороны, в ней достаточно ясно звучат мотивы постмодерной парадигмы, к примеру, оценка современной образовательной ситуации сквозь призму властных позиций, практика децентрирования доминирующих образовательных технологий и разработка плюралистической модели образовательных методологий. Вполне очевидно интеллектуальное влияние на творчество П. Бурдьё знаменитого теоретика постструктурализма и предвестника постмодернизма М. Фуко. Французский философ М. Фуко разработал оригинальную теорию «знания-власти», в которой подчеркивается факт тесной взаимосвязи власти и знания. Власть в концепции Фуко перестает быть принадлежностью той или иной социальной группы, того или иного социального института. Она уже не локализуется в каком-то одном властном

центре, но распространяется по всей социальной периферии, насыщая все общественные поры, охватывая всех участников социальных отношений. Власть перестает быть строго институциональной, политической, правовой или экономической. Она функционирует в тесной связи с производством и потреблением знания. Нет поля власти без пересекающегося с ним поля знания, как нет знания, которое не предполагало бы соответствующего отношения власти. Путь к власти лежит через овладение специальной информацией и получение соответствующего образования. Реально власть по-прежнему является собственностью элиты (экономической, политической, правовой или культурной), однако доступ к власти обусловлен обладанием операциональным знанием и точной информацией, а не отношением к материальной собственности. Таким образом, как подчеркивает М. Фуко, в современном обществе возникают новые формы власти, которые в первую очередь связаны с образованием, информацией и культурой.

Поскольку в теории П. Бурдьё одновременно прослеживается проблематика как модерной, так и постмодерной парадигм социологического знания, то можно оценить ее как пограничную, как находящуюся на стыке двух эпох (модерна и постмодерна), что делает ее особенно привлекательной в контексте нашей современности. В отечественной социологической школе теория П. Бурдьё, к сожалению, еще не вполне осмыслена, хотя ей и отводится достаточно почетное место в университетских курсах по истории социологии. Поэтому представляется *актуальным* рассмотреть одну из центральных проблем в творчестве П. Бурдьё, — проблему соотношения образования и власти.

В предлагаемой статье будет сделана попытка *рассмотреть* поставленную П. Бурдьё *проблему* властно-доминантного характера системы образования в сочетании с концепцией репрессивного общества З. Фрейда, а также с теорией дерепрессии общества Э. Фромма.

Целью исследования является *выделение основных особенно-*

стей теории П. Бурдые о «пронизанности» образовательных институтов структурами властных социальных привилегий, а также *попытка описать* практику дерепрессии властных интенций образовательных структур.

Согласно П. Бурдые, можно выделить несколько точек соприкосновения феноменов власти и образования. Во-первых, социальный институт образования в современном обществе способствует «освящению социальных перегородок». Технология подобного «освящения» может быть схематически описана следующим образом. В любом обществе система образования представлена сетью различающихся по социальному статусу институтов — от престижных до малопрестижных. Поступление в престижный вуз, как правило, сопряжено с рядом факторов, одни из которых могут быть оценены как субъективные, другие как объективные, одни как позитивные, другие как негативные. К примеру, как известно, для того чтобы поступить в элитное образовательное учреждение, необходимо обладать либо сверхординарными способностями, либо особыми «связями», либо высоким социальным положением (доставшимся по наследству), либо большими деньгами, либо всем этим вместе взятым. Таким образом, социальное неравенство уже проявляется в неравных возможностях получения образования и особенно качественного образования в престижных учебных заведениях. Выпускники таких вузов практически без проблем находят «престижную» работу, связанную с высокими доходами, социальными привилегиями, доступом к власти (экономической, политической, символической, культурной). Что же касается выпускников так называемых малопрестижных или непрестижных вузов, то им гораздо труднее пробиться во властные структуры общества и занять престижные позиции в системе социальной стратификации.

Таким образом, дифференциация вузов по степени «элитности» и социальной престижности оказывает, согласно П. Бурдые, непосредственное влияние на дифференциацию социальных позиций в обществе, увековечивая, закрепляя или поддерживая

существующий в конкретной социальной системе расклад социальных статусов и ролей.

П. Бурдые рассматривает в своих работах и несколько иной аспект взаимоотношений власти и образования, который становится особенно актуальным в ситуации постиндустриального общества. В концепции постиндустриального общества Д. Белл описывает некоторые изменения в структуре современных общественных элит. Если в индустриальном обществе власть принадлежит экономической элите, обладающей средствами производства, то в постиндустриальном обществе экономическая элита вынуждена делить доминантные позиции с культурной элитой, обладающей информационной собственностью. Поскольку же культурную элиту (высококвалифицированных специалистов в разных областях жизнедеятельности) готовят именно вузы, поэтому, согласно П. Бурдые, именно они становятся «хранителями» прямого доступа к социальной верхушке. В нарождающемся постиндустриальном обществе именно институту образования (и, прежде всего, высшего образования) отводится центральная роль в формировании культурной элиты общества. Согласно Л. Вакану, «Бурдые утверждает, что распространение образовательных титулов, как предпосылка восхождения на вершины частных корпораций и государственных бюрократий, означает консолидацию нового способа доминирования» [2, с. 94].

Кроме вышеописанных моментов соотношения образования и власти, П. Бурдые отмечает важность еще одного аспекта, который является определяющим в критическом разделе его социологии образования. Имеется в виду «пронизанность» образовательной системы анонимной, скрытой, символической властью, которая стремится принудить личность мыслить в логических системах координат, легитимизированных в конкретном обществе; которая формирует именно те типы мышления, именно те типы социального характера, которые наиболее востребованы «здесь и сейчас». Власть общества и государства выбирает именно систему образования в качестве непосред-

ственного исполнителя своей воли и «внедрителя» ее в социальную жизнь. Подобная форма симбиоза образования и власти наиболее опасна, поскольку именно под ее воздействием «лепятся» усредненные социальные типы личности, загнанные в рамки «принятого» в обществе социального поведения и мышления. «Государственная власть влияет на всех нас мириадами мельчайших и невидимых способов всякий раз, когда мы понимаем и строим социальный мир посредством категорий, вложенных в нас через наше образование. Государство не только «вон там» в форме бюрократий, властей. Оно также «здесь», неизгладимо выгравированное в нас, заложенное в глубины нашего бытия, в общие манеры нашего чувствования, мышления, суждения. ...Школа – вот самый мощный проводник и слуга государства» [2, с. 99]. Хотя в то же самое время П. Бурдые отмечает и позитивный момент присутствия властного принуждения в образовательных структурах, который заключается в подготовке личности к жизни в определенном обществе, в ее социализации, смягчающей трудности последующей адаптации выпускников вузов к условиям профессиональной жизни.

Подведем *итоги*. Итак, в своей версии социологии образования П. Бурдые демонстрирует репрессивный характер образовательных систем, подчиняющих личность общепринятым стандартам профессионального поведения. В данном пункте четко просматривается теоретическое влияние З. Фрейда (который в таких работах, как «Недовольство культурой», «По ту сторону принципа удовольствия», пытался продемонстрировать репрессивность всех общественных структур, вынуждающих человека подчиняться принципу реальности), а также М. Фуко (который в таких работах, как «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», «Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности», обосновывает тезис о всепроникнутости жизни человека структурами власти). Если З. Фрейд делал упор на неизбежности общественной репрессивности (хотя в то же самое время он настаивал на необходимости ограничения давления общества с целью высвобождения большего пространства

для следования принципу удовольствия), то М. Фуко пытался нащупать жизненные практики, с помощью которых можно выйти за пределы властного принуждения. В этом же направлении мыслил и известный немецко-американский социолог Э. Фромм, предложивший программу дерепрессии общества, один из пунктов которой вполне приложим к области образования. Согласно Э. Фромму, инициировать интеллектуальное и моральное сопротивление властным структурам, сопротивление репрессивным механизмам в области образования может развитие и культивирование творческого и критического мышления, с помощью которого студенты смогут оценивать предлагаемые в вузах теоретические положения исходя из мировых гуманистических ценностей. Для того же чтобы программу дерепрессии можно было реализовать, необходимо проводить гуманизацию современной системы образования. Согласно Э. Фромму, гуманизация образования предполагает два аспекта. Во-первых, поскольку современное образование стало слишком техничным и специализированным, сориентированным на получение узкопрофессиональных навыков (что имеет своим следствием отчуждение духовной сущности человека), необходимо большее внимание уделять преподаванию гуманитарных дисциплин, развивающих творческое мышление студента, расширяющих его кругозор, формирующих его духовную культуру. Во-вторых, гуманизация образования предполагает развитие у студентов гуманного отношения к жизни и к людям, формирование внутренней толерантности к разным жизненным и профессиональным стилям поведения.

Другой рецепт дерепрессии института образования предложил П. Бурдьё. Суть его заключается в предоставлении студентам возможности свободного обращения с широким разнообразием методов, методологий, техник, теорий, а также в отказе от навязывания им каких-либо монистических тоталитарных схем, выдвигающих какой-либо один теоретический или методологический принцип как «самый правильный» или «одобренный» верховными авторитетами [1, с. 383]. Студентам должно быть

предоставлено право свободного выбора тех образовательных моделей, которые близки именно их личностным позициям, а не позициям властного «центра».

Третий аспект дерепрессии образования сориентирован на различные социальные программы, целью которых является реформирование современной образовательной системы с целью устранения (или хотя бы смягчения) социального неравенства, которое проявляется в недоступности для некоторых социальных слоев населения обучения в так называемых престижных учебных заведениях.

Список литературы

1. Бурдьё П. Опыт рефлексивной социологии / П. Бурдьё // Теоретическая социология. Антология. – М. : Книж. дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 373–424.
2. Вакан Л. Социология образования П. Бурдьё / Л. Вакан // Социол. исслед. – 2007. – № 6. – С. 93–101.

Резюме

У статті розглядається проблема співвідношення соціальних феноменів влади та освіти, що є центральною в соціології освіти французького теоретика П. Бурдьє. Проблема проаналізовано в контексті концепції постіндустріального суспільства Д. Белла, а також теорії дерепресії Е. Фромма.

Summary

The paper deals with the problem of relationship between the social phenomena of power and education, which is central in the sociology of education of the French theoretician P. Bourdieu. The problem is analyzed within the context of the postindustrial society concept of D. Bell and the derepression theory of E. Fromm.

УДК 378.062/.063: 331.5(477)

Е. В. Бирченко

**ВУЗОВСКИЕ ЦЕНТРЫ КАРЬЕРЫ В СИСТЕМЕ СВЯЗИ
«КАРЬЕРНЫЙ РЕСУРС – УСПЕШНОЕ
ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ»**

Ключевые слова: карьера, карьерный ресурс, трудоустройство выпускников вузов.

Активные стратегии занятости, обусловленные рыночной организацией сферы труда и возрастанием роли человеческого фактора в современной экономике знания, закономерно выдвигают сегодня на передний план такой механизм их реализации, как карьера. Понимаемая в социологии как процесс трудовой мобильности карьера предполагает активное и рациональное поведение на рынке труда, основанное на мотивированном выборе определенных действий и в то же время планомерно выстроенных.

Для выпускников вузов поиск «рыночной ниши» в трудоустройстве представляет собой скорее не столько следование целостному карьерному плану, сколько осознанное и рациональное использование возможностей профессионального и личностного потенциала, заложенных в высшей школе. При этом целостность, некую идеальную завершенность внутренний потенциал выпускника получает с органичным вызреванием в нем мотивации на карьерный рост и приращением навыков эффективного поиска работы. В этом контексте можно говорить о карьерном ресурсе будущего молодого специалиста как решающем факторе его гармоничного профессионального самоопределения после окончания высшего учебного заведения.

Исследование механизмов формирования карьерного ресурса будущих молодых специалистов представляется актуальной научной и практической задачей.

Изучение карьеры как социально и индивидуально значимой формы трудового поведения имеет весомые теоретические наработки и в западной, и в отечественной социологии (Э. Хьюз, П. Бурдье, Л. Якокка, Я. Щепанский, Т. Заславская, В. Оссовский, Ф. Филиппов и др.).

Плодотворно исследуются проблемы профессиональной карьеры, условий продвижения на рынке труда, особенностей карьерной мобильности индивидов в работах российских и украинских ученых (Н. Антонов, В. Добренков, С. Оксамитная, В. Пилипенко, Л. Осиленкер и др.).

Системно осмыслена роль высшей школы, определяющей процесс и порядок развития карьерного ресурса студента, в диссертационном исследовании Н. Шевченко «Высшее образование как механизм карьерного ресурса специалиста» [4].

В предлагаемой статье продолжено изучение возможностей влияния вуза на карьерный ресурс студента через призму анализа деятельности специально созданных вузовских служб – центров карьеры, эвристического потенциала их функционального многообразия.

Укорененность специальных служб, центров, ориентированных на развитие карьерного потенциала выпускников вузов, системную помощь им в трудоустройстве, в деятельности современных высших учебных заведений стала в последние годы уже очевидной [3].

То, что такие службы, будучи еще совсем недавно эксклюзивом в практике наших вузов, прижились и действуют с пользой для дела во многом обусловлено острой заинтересованностью самих вузов в успешном трудоустройстве выпускников и их карьерном росте как наиболее адекватных показателей качества образования. С другой стороны, ситуация как на международном, так и национальном рынках труда «провоцирует» активное вмешательство высших учебных заведений в процесс послевузовской профессиональной самореализации выпускников.

Как свидетельствуют данные Международной организации труда, молодежь в мире испытывает серьезные трудности на

рынке труда. Рост численности молодых людей в дальнейшем будет опережать возможности стран в обеспечении их работой. В то время как общая численность молодежи за последние десять лет выросла на 10,5%, занятость в этой группе населения увеличилась всего на 0,2% [1].

Подобные диспропорции присущи и для профессионально-трудовой сферы Украины, где уровень занятости молодежи по методологии МОТ в полтора-два раза ниже общенационального [2]. Рынок труда как часть трансформирующейся общенациональной экономики создает свои специфические условия, во многом затрудняющие процессы трудоустройства выпускников высшей школы. К ним можно отнести такие:

1. Нерациональную структуру занятости (преобладание сектора материального производства).
2. Преобладающий рыночный спрос на работников низкого и среднего уровней квалификации.
3. Отсутствие должного развития и повышения профессиональной, территориальной и отраслевой мобильности рабочей силы.
4. Доминирование в сфере оплаты труда отраслевой и региональной дифференциации, а не дифференциации по критериям должности, образовательного и профессионального квалификационного уровней и т. д.

В этих складывающихся экономических условиях в совокупности с социальными факторами для выпускника высшей школы адекватная оценка своего внутреннего потенциала и соотнесение ее с объективной реальностью той трудовой сферы, где может быть реализован его потенциал, представляется довольно проблемной задачей.

В сложившейся практике многих вузов эта задача возложена на службы трудоустройства, центры карьеры. В их арсенале апробирован уже целый набор инструментов, который позволяет существенно влиять на стратегии поведения выпускника, достигать перевеса активных над пассивными. Речь идет, прежде всего, о научении технологиям поиска работы, формировании мотивации к развитию карьеры.

Роль профессиональной помощи специалистов центров, служб карьеры в научении поиску работы, самопрезентации, подготовке к собеседованию с работодателем неоспорима. Однако у этих служб есть потенциал неизмеримо большего воздействия на интеллектуальные, социальные, духовные потенции студента, которые к концу обучения сформируются в зрелую личность специалиста, способного конкурировать с другими за желаемое место работы, если придать ему глубинный и комплексный характер.

Согласно исследованиям, проведенным Консорциумом по совершенствованию менеджмент образования в Украине, более 80 процентов выпускников считает, что полученных знаний и навыков недостаточно для успешной будущей трудовой деятельности. Они выражают желание заложить основы развития своей карьеры в вузе, пройти полноценные и насыщенные практики, стажировки на современных предприятиях, поучаствовать в различных формах студенческого самоуправления и т. д.

Комплексное влияние на цепочку «карьерный ресурс выпускника — успешное трудоустройство» может быть реализовано через разнообразие деятельностных полей, органично связанных между собой, системно создающих «точки роста» для потенциала будущего специалиста (см. рис.).

В этой системе «образовательное пространство» — это такая развивающая среда, которая стимулирует самостоятельное совершенствование профессионально-личностного потенциала студентов, мотивацию на карьерный рост.

Образовательное пространство создает возможности для:

- участия в структурах студенческого самоуправления, студенческих трудовых отрядах;
- получения дополнительного образования;
- активного включения в систему практик и стажировок;
- целенаправленного участия в научно-исследовательской работе.

Система непрерывной практической подготовки «работает» на совершенствование практической составляющей профессио-

нальной компетентности выпускников с высшим образованием, которой так часто недостает молодым специалистам, но, именно, она выступает их весомым конкурентным ресурсом на рынке труда.

Последовательная, с I по V курс, с усложнением решаемых задач, комплексная практическая подготовка становится ведущим механизмом социальной адаптации студентов, трудовой мобильности.

Развитие *корпоративного сотрудничества с ведущими предприятиями региона, страны* в рассматриваемом контексте является той деятельностной средой, благодаря которой и становится возможным актуализировать внутренние ресурсы выпускников вузов, пригодных к занятости. Ибо именно постоянный нестационарный характер профессиональных компетенций

Рис. Деятельностные поля, создающие «точки роста» для потенциала будущего специалиста

выпускников, развитие и изменение структуры рынка труда ориентируют высшую школу на интенсивное взаимодействие с работодателями. Оно выражается в таких «рабочих» формах сотрудничества, служащих взаимной пользе обеих сторон, как:

- подготовка специалистов по заявкам предприятий на контрактной основе;
- организация производственной практики, стажировок и последующего трудоустройства;
- участие специалистов предприятий в оценивании качества профессиональной подготовки в вузе (в т. ч. оценке образовательных программ, членство в ГЭКах и т. п.);
- привлечение специалистов-практиков к чтению спецкурсов, проведению семинаров, тренингов;
- создание УНПК (учебных научно-производственных комплексов) и интенсификация на их основе исследовательской работы студентов и преподавателей, сближение ее с актуальной проблематикой хозяйствования и др.

И уже вспомогательную роль в этом целостном механизме технологий формирования конкурентных ресурсов выпускников играет *система специальной подготовки студентов к трудоустройству*, как правило, являющаяся главной функцией типовых вузовских служб трудоустройства выпускников, что отмечалось выше. Она включает в себя также элементы:

- информирование студентов о рыночных параметрах современных молодых специалистов, тенденциях спроса на выпускников вузов;
- сбор информации о вакансиях и организация доступа к ней студентов;
- проведение «ярмарок вакансий»;
- развитие контактов с работодателями, кадровыми и рекрутинговыми агентствами;
- психологическое сопровождение процесса трудоустройства, в том числе:
 - консультирование по составлению резюме, подготовке к собеседованию с работодателями;

- тренінги «Техніка пошуку роботи»;
- психологічне тестування з метою діагностики професійно значимих особистісних якостей.

На наш погляд, унікальність позиції служб трудоустроювання, центрів кар'єри, акумулюючих в своїх контактах величезний потенціал мережевого взаємодіяння, як раз і складається в максимальному розширенні своїх функцій, а не в звуженні їх до параметрів послуг по трудоустроюванню. Ібо вектори їх взаємодіяння охоплюють інтереси студентів, викладачів, керівників структур управління вузів, рекрутингових агентств, державних центрів зайнятості, громадських організацій, управлінь госадміністрації, роботодавців і багатьох інших.

В цьому плані найбільші шанси для реалізації ідеї функціонального різноманіття, відкриваючої інноваційні можливості комплексного впливу на кар'єрні ресурси випускників, мають компактні, невеликі вузи, які значно більше відкриті до експериментаторства, більш мобільні в варіативності підходів в освітній діяльності.

До такого типу вищих навчальних закладів можна віднести і Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія», який уже багато років є експериментальною площадкою Міністерства освіти і науки України по обробці інноваційного модуля неперервного освіти (подробнее см. <http://www.pua.kharkiv.edu>).

Руководство університету було ініціатором створення одного з перших в країні структурного вузовського підрозділу – лабораторії планування кар'єри, яка за 12 років свого існування накопичила заслуговуваний уваги досвід трансформації його з навчально-вспомогательного підрозділу в структуру з широкими можливостями наукового пошуку і аналізу.

В діяльності цієї лабораторії в повній мірі реалізувалася ідея функціонального різноманіття.

Лабораторія традиційно є провідним ланкою в організації всього циклу, з I по V курс, виробничої практики

студентов всех факультетов. В зону ее ответственности входят контакты с предприятиями, их правовое обеспечение, контроль за ходом практики, аналитический срез качества практики совместно с ведущими кафедрами, участие в оценке результатов практики, развитие индивидуальных подходов в ее содержательных и организационных аспектах.

Концептуальное обоснование практика получила в разработанной с участием лаборатории планирования карьеры «Комплексной программе непрерывной практической подготовки школьников и студентов на 2005–2010 гг.», утвержденной Ученым советом ХГУ «НУА».

Изначально производственная практика дала толчок долгосрочному и плодотворному сотрудничеству с целым рядом ведущих предприятий региона, которые стали, с одной стороны, стационарными, апробированными базами практики с широкими возможностями для проведения исследовательской работы, выполнения реальных дипломных работ, с другой стороны, каналами постоянного и устоявшегося спроса на выпускников университета. Сегодня на более чем двадцати предприятиях города сформировались целые команды выпускников НУА, что стало подтверждением высоких имиджных позиций вуза.

Из практики по специальности «Социология», которая предполагает работу студентов педагогами-организаторами в детских оздоровительных лагерях, родилось вожатское движение, оформившееся в один из самых крупных студенческих трудовых отрядов. Уже многие годы его курирует лаборатория планирования карьеры. Для непрофильного вуза работа студентов летом в ДОЛ – это полноценная возможность социальной, трудовой адаптации, получения практического опыта работы, фиксируемого в трудовой книжке. На этапе трудоустройства, как показывает практика, этот опыт становится заметным карьерным ресурсом.

Другим источником новых возможностей комплексного и разнообразного влияния на результативность трудоустройства стало развитие связей с выпускниками. Из контактов с выпуск-

никами вырос целый спектр направлений работы, получивший развитие в лаборатории и вышедший на сферу деятельности многих вузовских структур — это:

- дополнительный канал поступления вакансий для выпускников текущего выпуска;
- создание и деятельность Ассоциации выпускников НУА;
- участие выпускников в учебно-воспитательном процессе, активное использование их практического опыта в обучении студентов;
- привлечение выпускников к различным формам дополнительного образования (аспирантура, второе высшее образование, курсы повышения квалификации, тренинги и др.) с целью поддержки их профессиональной компетентности, может быть, даже на протяжении всего периода трудовой деятельности;
- создание компьютерной программы «Выпускник», позволяющей собирать данные о профессиональной деятельности выпускников и отслеживать динамику их карьерного роста.

Связь «вуз — выпускники» вполне органична с точки зрения глубинных потребностей обеих сторон. Высшая школа в аспекте непрерывного образования создает возможности постоянной поддержки конкурентного потенциала выпускников на рынке труда. В то же время вуз органично заинтересован в контактах с выпускниками как с носителями живого опыта интеграции образования с хозяйственной, социальной, духовной практикой общества, каналом информации, обогащающим содержательную основу образовательного процесса.

Целостность корпоративно-образовательной системы взаимодействия вуза с выпускниками приобрела в Народной украинской академии законченные черты в «Программе обеспечения «системы сопровождения выпускников НУА», которая также разрабатывалась с участием лаборатории планирования карьеры.

Множественность вариантов выхода лаборатории за границы сугубо вспомогательного подразделения, многовекторность сетевого взаимодействия, с одной стороны, привели к усложнению ее практических функций, а, с другой — она накопила

такой опыт работы и пласт информации, которые потребовали их научного осмысления.

Уже несколько лет лаборатория планирования карьеры проводит целый ряд исследований в рамках комплексной научной темы «Проблемы социальной и профессиональной адаптации выпускников вуза к условиям конкуренции на рынке труда», утвержденной Ученым советом университета. Определены следующие приоритетные исследовательские направления:

- «Роль вуза в усилении конкурентных позиций выпускников на рынке труда»;
- «Психологическое сопровождение процесса трудоустройства выпускников вуза»;
- «Высшая школа и бизнес-среда: механизмы взаимодействия».

Значимой для коррекции образовательных подходов стала реализация проектов «Стратегии трудоустройства и профессиональные предпочтения пятикурсников НУА» (опрос проводится на протяжении уже 10 лет), фокус-группа «Подготовка специалистов вузов по специальности «Экономика предприятия» и запросы работодателей в условиях трансформирующейся экономики Украины».

Но особенно интересные исследовательские возможности раскрываются в связи с изучением показателей занятости выпускников и их профессиональной карьеры. Включение этих показателей в систему оценивания качества высшего профессионального образования сегодня осознается как объективная реальность, вытекающая из процессов сближения потребностей рынка труда и системы высшего образования. Министерство образования и науки Украины определило это как одно из направлений модернизации высшей школы. Высшая школа, в свою очередь, в лице своих передовых вузов, последовательно стала внедрять в практику своей деятельности проведение мониторингов трудоустройства выпускников, их закрепления на первом рабочем месте и профессионального продвижения.

Вполне очевидно, что исследования проблем трудоустройства

выпускников и их карьеры дают более полную и ясную картину качественных характеристик образовательной деятельности. Они расширяют представления о конкурентоспособности выпускников, степени их профессиональной приверженности, уровне мобильности, о влиянии в целом образования на карьерные ресурсы и продвижение, социально-экономические статусы молодых специалистов.

В НУА уже сделаны первые попытки проведения подобных исследований. Методом сплошного телефонного опроса были собраны данные о трудоустройстве и карьерном статусе выпускников по специальности «Перевод» за пять лет. Этот опрос дал вполне четкую картину соответствия образовательной подготовки по специальности «Перевод» структуре спроса рынка труда.

Следующий шаг в наращивании не только эмпирики, но и определенной научной базы для дальнейших исследований был осуществлен в проекте «Мониторинг карьеры первого выпуска НУА: обзор за 10 лет». Предметом изучения стали показатели и факторы карьерного роста первого выпуска НУА, а также возможности повышения качества высшего образования в представлениях самих выпускников. Результаты исследования дали достаточно ясное представление о сильных сторонах и «узких местах» корпоративно-образовательной системы контактов выпускников с вузом, внешних и внутренних детерминантах их успешной карьеры, планировании карьерных стратегий (подробнее см. <http://www.pua.kharkiv.edu>).

Таким образом, можно констатировать, что идея функционального многообразия деятельности центров карьеры, реализованная в НУА, выступает источником новых возможностей влияния вуза на усиление профессионально-личностного потенциала выпускника. Она «работает» на системную, всестороннюю подготовленность выпускника к отстаиванию своего профессионального выбора на рынке труда и его мотивацию на карьерный успех. Включение в деятельностное поле вуза через центры карьеры дополнительных механизмов развития социального опыта, последовательного расширения форм и видов

практики, різноманітності комунікативних зв'язей, «подпитки» мотивів досягнення в системі виховної роботи, навчання навикам пошуку роботи, трудоустроювання та побудови кар'єри може забезпечити востребований суспільством перевес активних над пасивними в відношенні кар'єри випускників.

Вихід центрів кар'єри в область науково-дослідницької роботи, на наш погляд, також демонструє немалі їх можливості в інноваційній освітній діяльності сучасних вузів, безпосередньо пов'язаних з актуальними потребами суспільства.

В нарощуванні таких можливостей значущу роль може зіграти співпраця вузів в обміні інформацією, досвідом роботи, ініціюванні масштабних досліджень, в тому числі показателів трудоустроювання випускників, потребностей і тенденцій розвитку ринку праці.

Список літератури

1. Лукичев Г. А. Вище освітнє та ринок праці : нова парадигма взаємодії / Г. А. Лукичев // Вище освітнє сьогодні. — 2005 — № 6. — С. 30–33.
2. Ринок праці в Україні в 2004 р. : аналітично-статистич. зб. — К., 2005. — 92 с.
3. Проблеми і перспективи працевлаштування випускників вищих навчальних закладів : матеріали другої Всеукр. науко.-практ. конф., 14 листопада 2007 р., Донецьк / Донецьк. нац. ун-т економіки та торгівлі ім. М. Туган-Барановського [і др.]. — Донецьк. — 2007. — 247 с.
4. Шевченко Н. В. Вища освіта як механізм формування кар'єрного ресурсу спеціаліста : автореф. дис. ... канд. соціол. наук : 22.00.04 / Н. В. Шевченко ; Харк. гуманіт. ун-т «Нар. укр. акад.». — Х., 2007. — 17 с.

Резюме

Статтю присвячено розгляду проблеми функціональної різноманітності центрів кар'єри як чинника посилення кар'єрного ресурсу випускників вищої школи.

У статті порушується питання міжвузівської наукової співпраці щодо проведення масштабних досліджень показників працевлашту-

вання випускників як найбільш адекватних критеріїв якості вищої освіти.

Summary

The article deals with analyzing the problem of functional variety of career development centers as a factor of enriching of university graduate career resources.

The problem of universities joint large scale researches regarding the state of university graduates employment as the most adequate criterion of higher education quality is highlighted in the article.

УДК 316.43:378.1

М. В. Бірюкова

РЕГІОН ЯК НОВІТНЄ СЕРЕДОВИЩЕ ФУНКЦІОНУВАННЯ ІНСТИТУТУ ОСВІТИ

Ключеві слова: освіта, регіон, соціальне середовище.

У соціальних науках домінує визначення трансформаційності як чинника, який яскраво ілюструє сучасний етап розвитку світу та суспільства. Динаміка та глибина трансформацій охоплює значну кількість соціальних процесів і розгортається одночасно в багатьох вимірах (економічному, політичному, геополітичному, технологічному, соціальному і культурному). Відповідно вимагає корінного переосмислення і модернізації пануюча суспільно-політична модель розвитку суспільства, а з нею – і методи щодо його управління. Сучасна концепція створення і використання системи технологій під час управління складними системами, яким, безумовно, виступає суспільство, передбачає при розробці стратегії розвитку соціального об'єкта використання ефективного методичного прийому – стратегічної сегментації, яку і називатимемо – регіоналізацією соціального простору. Поширення процесів регіоналізації набуло сталого характеру, що, у свою чергу, сформувало новий об'єкт соціологічного аналізу – регіон.

Наприкінці ХХ ст. та на початку ХХІ в науковій площині все частіше актуалізується питання стосовно того, що регіон стає суб'єктом багатьох інтеграційних процесів [1, с. 3] та є показником здійснення новітніх процесів, таких як глокалізація. Глокалізація відповідає сценарію децентралізованого і справедливого світу, поєднуючи в собі процеси модернізації локальних культур із досягненнями глобальної мультикультурної цивілізації.

Із середини 90-х років ХХ століття в Європі сформувалося розуміння сутності регіонального розвитку як оптимального використання внутрішнього потенціалу регіонів. Регіон розглядається як чинник глобального розвитку, як нова адміністративна одиниця у світлі субсидіарності, як елемент затвердження нових форм самостійності регіональних утворень. У першій декаді ХХІ століття регіоналізм набуває нового наповнення, суттю якого є рівень регіонального розвитку і співвідношення потреб, ресурсів окремих регіонів при розв'язанні соціально-економічних проблем. Саме в цей час значного поширення отримала теорія нового регіоналізму, яка пов'язує регіональний розвиток з використанням і нарощуванням внутрішнього потенціалу як самих регіонів, так і окремих соціальних інститутів.

Принципам регіоналізації в Україні присвячено спеціальні дослідження вчених у галузі соціології (В. Г. Городяненко, І. Ф. Кононов), економіки (М. Р. Ганопольський, Б. М. Данілішин, В. П. Семиноженко), політології (О. В. Грицай, С. Максименко, Є. Киш) та ін. Останнім часом вітчизняні соціологи все більш досліджують регіон як соціальну систему, що повністю відповідає існуючому цивілізаційному підходу, який виявляється в системному вивченні регіонів, історичних, просторово-географічних і етнокультурних умов їх генезису в межах суспільних систем.

Метою даної статті виступає необхідність у розробці доповнення до існуючих визначень регіону, а саме аналізу його як особливого середовища функціонування сучасних соціальних інститутів, передусім, освіти.

Як визначає Г. Копилов [2, с. 16], поняття регіону – одне із складних серед інших, що забезпечують пізнання суспільного життя. На його думку, регіони повинні відповідати таким організаційним принципам: множинність регіональних суб'єктів; потенційна цілісність, стійкість і мобільність. У той же час регіон має бути цілісним і водночас унікальним утворенням і забезпечувати всю повноту і якість життя. При цьому регіону притаманні не лише стійкість як чинник якості функціонування, а й наявність певного вектора розвитку, тобто можливості для перебудови.

Соціальний контекст терміна «регіон» зафіксований у визначенні Енн Маркузен: «Регіон – це історично еволюціонуюче, компактне територіальне співтовариство, яке містить у собі фізичне оточення, соціоекономічне, політичне і культурне середовище, а також просторову структуру, відмінну від інших регіонів і територіальних одиниць, таких як місто або нація» [3, р. 17]. Із погляду соціологів, регіон – це соціально-територіальна спільність, що характеризується локалізацією єдиних для країни соціальних зв'язків, це соціальна спільність людей, пов'язаних один із одним «узами загальних відносин до території, на якій вони проживають, і узами відносин, які витікають із факту мешкання на даній території» [4, с. 45], тобто така спільність людей, яка має певні соціальні функції, специфічну форму відносного відособлення в суспільному середовищі та характеризується певною системою соціальних зв'язків, що формують саму територіальну спільність [5, с. 2].

Останнім часом все частіше говорять про інституціоналізацію регіонів. Наприклад, П. Г. Щедровицький пише про це так: «У найзагальнішому вигляді можна припустити, що «регіон» є одиницею соорганізації та зв'язку процесів розвитку і процесів відтворення, одиницею, в якій процеси історичного розвитку діяльності повинні «замкнутися» на стабільних структурах відтворення людської життєдіяльності, культурних форм, природних і трудових ресурсів, матеріалу життєдіяльності та виробництва і т. ін.» [6].

Становлення цілісних механізмів і структур відтворення в умовах розвитку породжує «регіони» різного рівня складності, які можуть локалізуватися на тих або інших ділянках території, прикріплюватися до них і «паразитувати» на певних масивах природного оточення і територіальних ареалах» [6, с. 17]. І якщо в Росії регіон може співвідноситися з поняттям соціального інституту, то в реаліях України все ж таки зупинимось на понятті «системне середовище». У зв'язку з цим можна говорити, що регіон є певним «полем», у термінах П. Бурд'є, яке визначає специфіку процесів, що розгортаються і циклічно замкнуті в ньому та розкривають структуру соціальних мереж акторів регіону і величину соціального і людського потенціалу і капіталу, сконцентрованого на даному соціальному просторі. Адже одним із корінних питань початку XXI ст. є питання про цінність, інтелектуальне освоєння соціального простору, який повинен надати людині сприятливих умов для нормальної життєдіяльності.

Отже, сучасний регіон як середовище або поле, що вбирає в себе певний соціальний простір, характеризується низкою специфічних якостей, серед яких у першу чергу необхідно виділити такі: дисипативність (заохочення акторів регіону до самоорганізації та соціального партнерства), інтегрованість (взаємодія підсистемних елементів регіону сприяє появі нових якостей регіональної системи); відкритість (можливість вільних взаємодій з іншими регіонами і територіальними утвореннями за деякої замкнутості внутрішньорегіональних відносин); самоврядування (форма реалізації територіальних інтересів регіону і джерело самоорганізації всієї регіональної системи); комунікативність (визначає ефективність регіонального управління), нарощування соціального капіталу (визначає і відображає рівень потенціалу, ресурсів і реалізованих практик регіону), розвиток і укрупнення внутрішньорегіональних соціальних мереж.

Регіон – це середовище, в якому реалізується феномен синергетичної діяльності соціальних співтовариств, тобто енергія

потреб, мотивів, інтересів, цінностей, яка спонукає індивідів до спільної діяльності, узгоджується, інтегрується, синтезується. У регіоні як у відкритому складному рухливому соціальному середовищі відтворюються економічні, соціальні, політичні, ідеологічні, демографічні, етнічні, екологічні та інші відносини, реалізуються різноманітні внутрішньосистемні зв'язки, формуються стійкі соціальні мережі. Саме в регіоні ініціюється і підтримується високий рівень інтенсивності обміну інформацією, енергією, комунікацією, у ньому простежуються спадковість (ідентичне відтворення), особливості формування, розвитку і функціонування, мінливість, мутації. Регіону як середовищу притаманні такі риси: дискретність, атомарність, суверенність, а також стійкість, стабільність.

Ще одна характеристика сучасного регіону – це той факт, що він є прообразом (проектом) синергетичного суспільства, де: «синергетичне суспільство, на думку директора Інституту інформаційного суспільства в Токіо Йонезі Масуда, – це таке суспільство, яке спонукає розвиток як індивідуальності, так і групового співтовариства... Функціонуючим соціетальним принципом є синергетизм, новий принцип, який замінює вільну конкуренцію сучасного капіталістичного суспільства» [7, р. 142]. Майбутнє суспільство, з погляду Масуди, буде безкласовим, його ядром будуть добровільні співтовариства, а соціальна структура – багатоцентричною із взаємним зв'язком всіх центрів; навіть кожен індивід в цьому співтоваристві буде окремим центром, а взаємозв'язок індивідів і груп сприятиме їх об'єднанню в соціальні групи або ще більші угруповання. У межах цих груп будь-хто впливатиме на соціальну активність іншого.

До соціальних функцій регіону можна віднести низку сталих призначень великих інституційних об'єктів, наприклад: соціально-економічну, соціально-політичну, функцію розвитку духовного життя суспільства, функцію соціального захисту, урбаністичну, демографічну, екологічну, управління та ін.

Згідно з визначеною вище метою регіону, серед його основоположних функцій виникає і середовищетворча, яка тісно пере-

плітається з поняттям структуризації (structuration), що впроваджене Е. Гідденсом, адже внутрішні чинники функціонування регіону впливають на розвиток і вдосконалення його структури.

Ще однією з найважливіших функцій регіону є відтворення і нарощування соціального і людського капіталу, інтелектуального потенціалу суспільства, в якому провідна роль належить освіті. Участь освіти у вторинній соціалізації особистості визначає активну роль цього інституту у відтворенні суспільства. Таким чином, у ході визначення сутності поняття «регіон», переліку і змісту його основних функцій залишилося невирішеним питання, як із найбільшою ефективністю використовувати потенціал регіону, його сутнісні інституції і, перш за все, — освіту, здатну інноваційно нарощувати соціальний і людський потенціал як самого регіону, так і суспільства (держави) в цілому.

За допомогою новітніх функцій (таких як середовищеворчість та структуризація суспільства) регіон має змогу враховувати природу соціального інституту (освіти), а також спиратися на його властивості: інститут освіти відображає та відтворює структуру суспільства і, як парадоксальна система, впливає на формування структури регіону. Парадоксальні системи здатні управляти простором і часом. Парадокс полягає в тому, що, незважаючи на ієрархічну підлеглість суб'єктивних структур об'єктивним, освіта для впливу на суспільство використовує саме суб'єктивні структури.

Суспільство поступово накопичує все більше і більше нових практик, які вимагають нових «реальностей другого плану», завдяки яким відбувається активізація процесів змін. У будь-якому випадку мета функціонування регіону як особливого середовища, в якому відбувається цілеспрямована або спонтанна гармонізація процесів, нарощування людського і соціального капіталу та інше, залишається незмінною. І, звичайно ж, в епоху, коли освіта стає стратегічним ресурсом розвитку суспільства в постіндустріальному світі, вона по-особливому функціонує на мезо- (регіональному) рівні. Одним із критеріїв стійкого розвитку регіону може служити стійкість розвитку системи освіти в ньому,

де серед безлічі ознак, що впливають на процеси розвитку регіону, важливе значення мають інтелектуальний клімат епохи, домінуючі ціннісно-світоглядні установки, багатство, різноманіття духовних потреб суспільства. З іншого боку, рішення питань модернізації освіти неможливе без урахування ситуації в регіоні. У свою чергу, культурно-освітнє середовище регіону здатне суттєво впливати на процеси активності центру: регіональний простір має специфічні особливості дії, традиції і переваги.

Список літератури

1. Семиноженко В. П. Новый регионализм / В. П. Семиноженко, Б. М. Данилишин. – К. : Наук. думка, 2005. – 160 с.
2. Копылов Г. Регион – сеть и региональные программы / Г. Копылов // Кентавр. – 1993. – № 2. – С. 16–22.
3. Ann Markusen. Regions: Economics and Politics of Territory / Ann Markusen. – Rowman and Littlefield Publishes, 1987. – P. 251.
4. Рязанцев И. П. Институционализация социологии региона как теории среднего уровня: к постановке проблемы / И. П. Рязанцев // СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2005. Будущее России: стратегии развития : II Всерос. науч. конф. 14–15 дек. 2005 г. – М., 2005. – С. 327
5. Стегній О. Г. Регіоналізм в Україні як об'єкт соціологічного дослідження / О. Г. Стегній, М. М. Чурилов. – К., 1998. – 26 с.
6. Шедровицкий П. Г. Стратегия развития местного самоуправления / П. Г. Шедровицкий // Становление эффективного местного самоуправления. – Красноярск, 2002. – С. 14–27.
7. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Washington, 1983.

Резюме

В статье рассматриваются особенности анализа понятия «регион» в контексте современных социологических теорий. Уделено внимание определяющим характеристикам функционирования института образования в региональном пространстве. Особое место при анализе сущности региона уделено такому его качеству, как синергетизм, которое обеспечивает динамичное и нелинейное развитие региона.

Summary

The article deals with peculiarities of analysis the concept «region» in the context of modern sociological theories. Attention is paid to significant characteristics of the education institution functioning within a region. The author dwells upon synergism as a quality that brings about a dynamic and non-linear development of a region.

УДК 373.313.156

*О. І. Божко, І. М. Толмачова***ПІДХОДИ ДО СТАНОВЛЕННЯ СУБ'ЄКТНОСТІ
МОЛОДШИХ ШКОЛЯРІВ**

Ключові слова: навчальна взаємодія, система розвивального навчання Д. Ельконіна – В. Давидова, педагогічна діяльність.

Особистісна орієнтація та безперервність відзначаються в освітніх концепціях як найважливіші характеристики сучасної освіти. Відповідно до даних характеристик одним з основних завдань шкільного навчання є формування учня, який здатний до саморозвитку та має потребу в ньому. Саморозвиток школяра здійснюється через цілеспрямоване забезпечення в навчальному процесі його суб'єктності. Однак для того щоб сформувати у дитини суб'єктну позицію, вчителю необхідно бути суб'єктом педагогічної діяльності.

Розв'язання цих завдань стає можливим у ситуації якісної зміни взаємодії вчителя й учнів у ході уроку, надання їх стосункам характеру співпраці та співтворчості, взаємоповаги й толерантності.

Така взаємодія потребує активної співучасті вчителя та його вихованців у всіх компонентах процесу навчання, становлення суб'єкт-суб'єктних стосунків педагога й школярів (І. Бех, І. Зязюн, В. Паламарчук, Г. Цукерман).

У педагогіці запропоновано різні підходи до розв'язання завдання створення суб'єкт-суб'єктних стосунків у навчанні.

Однією із сучасних освітніх систем, у якій це завдання визначене як основне, є система розвивального навчання Д. Ельконіна – В. Давидова.

Авторами даної освітньої системи розроблено такі компоненти: особливий зміст – теоретичні поняття, що представлені учням у системі навчальних завдань; спеціальний інструмент засвоєння даного змісту – система навчальних дій.

Ученими виділено вміння школяра, який формується як суб'єкт навчальної діяльності, аналізувати діяльність, виділяти в ній компоненти, оцінювати свою діяльність з погляду суспільно вироблених зразків, перетворювати навчальну діяльність [6].

У системі розвивального навчання Д. Ельконіна – В. Давидова формування даних умінь здійснюється з першого класу. При цьому учні засвоюють досить складний навчальний зміст, беруть активну участь у створенні особливих освітніх продуктів – інтелектуальних гіпотез, цілей навчальної діяльності, планів роботи, зразків способів дій, завдань, критеріїв для самооцінки та інших. Вочевидь, що розв'язання молодшими школярами таких непростих завдань стає можливим тільки тоді, коли спілкування між дітьми й учителем на уроці організовано особливим чином. Для характеристики такого спілкування в літературі запропоновано термін «навчальна взаємодія» [9].

Навчальну взаємодію розглядають як особливу форму, в якій дитина може прийняти рефлексивний зміст, та як спеціальний засіб, що дозволяє досягти результату навчальної діяльності [2; 4]. Отже, навчальна взаємодія виступає обов'язковим компонентом системи розвивального навчання Д. Ельконіна – В. Давидова, формою засвоєння рефлексивного змісту.

До складових навчальної взаємодії відносять учителя, учнів та предмет засвоєння. Психологічним механізмом навчальної взаємодії є предметна рефлексія (Г. Цукерман).

Здійснення навчальної взаємодії відбувається в процесі навчального діалогу. Іноземні та вітчизняні дослідники визначили сутність розвивального, навчального та виховного впливу на школярів спілкування, побудованого на основі діалогічної

взаємодії вчителя й учнів та учнів між собою. Розвивальний вплив полягає у створенні умов для виникнення соціальних взаємин, що сприяють особистісному розвитку учасників діяльності; у формуванні в учнів мотивів до саморозвитку, у створенні умов для саморуку школярів; у формуванні в учнів навичок мислєдїяльностї, розвитку системностї мислення; у розвитку комунїкативних якостей; у забезпеченні творчого характеру спілкування дорослого та школярів; у перебудовї мотиваційної структури особистостї дитини (І. Бех; О. Дусавицький; В. Лозова; Н. Мойсеук). До переваг навчального впливу належать: забезпечення більш високих навчальних досягнень та більшостї результативностї; збільшення кїлькостї асоціативних зв'язків, що забезпечує більш міцне засвоєння; збагачення способів розв'язання завдань; високий рівень мотивації та свїдомий характер навчання; опанування учнями контрольною, оцінною та організаційною функціями в навчальному процесї (Р. Джонсон, О. Дусавицький, І. Зязюн, В. Лозова, Г. Цукерман). До чинників виховного впливу належать: організація соціального пізнання, яке полягає в розумінні партнерами по взаємодїї мети, мотивів, намірів, емоцій один одного та встановлення між ними стосунків близькостї й прихильностї; виховання почуття корисностї для іншого, самостійностї та відповідальностї; формування ідеалу як структурного компонента особистостї; виникнення гуманїстичних мотивів поведінки; зростання поваги до праці вчителя (І. Бех, А. Дусавицький, Г. Цукерман).

Організація навчальної взаємодїї потребує створення на уроці системи стосунків, які розвивають учителя й дітей. Цї стосунки, у свою чергу, теж розвиваються й виступають продуктом та умовою інтелектуальної співтворчостї всіх його учасників.

У зв'язку з цим надзвичайно актуально звучить думка, висловлена видатним українським педагогом В. Сухомлинським: «урок – це спільна праця дітей і педагога, ... успіх цієї праці визначається, у першу чергу, тими взаєминами, які складаються між викладачем та учнями» [8, с. 74].

Для того щоб спільна діяльність учителя й дітей і дітей між

собою на уроці була успішною, дорослий повинен сформувати в учнів певні вміння. До них відносять: постановку мети спільної діяльності, визначення способів спільного розв'язання навчальних завдань і визначення засобів контролю, уміння перебудувати свою діяльність залежно від змін умов її спільного здійснення й вимог партнерів (А. Маркова). У свою чергу, це стане можливим, якщо молодші школярі навчатися розподіляти дії й обмінюватися ними, здійснювати рефлексію, ставати на позицію іншої людини, розуміти його точку зору, свідомо доходити до спільного розв'язання проблеми [2].

Навчальна взаємодія однокласників у ході постановки й розв'язання навчальної задачі має бути організована особливим чином. У науці розроблено основні принципи такої організації. До них належать: розподіл між учнями різних точок зору (позицій); виникнення конфлікту позицій, що призводить до формулювання суперечності, яка лежить в основі нового поняття; переведення конфлікту позицій у змістовний план; узгодження учнями своїх точок зору, що сприяє спільному виробленню нового способу дії [2; 6].

Навчальна взаємодія на уроці здійснюється у фронтальній, груповій та парній формах роботи. На думку В. Лозової, «різні форми взаємодії ... сприяють взаємозбагаченню школярів, формуванню позитивних мотивів діяльності, створенню сприятливого мікроклімату в класному колективі, засвоєнню навичок соціальних контактів» [5, с. 141].

Розгляд стосунків вчителя та учнів у площині змістовної навчальної взаємодії є відносно новим завданням вітчизняної системи шкільної освіти, яке поки що не набуло належної педагогічної розробки.

Актуальними залишаються питання визначення педагогічних підходів до організації навчальної взаємодії з метою становлення молодшого школяра як суб'єкта навчальної діяльності; установлення відповідних особливостей педагогічної діяльності в ході початкового навчання.

Навчальна взаємодія трактується нами як така організація

співпраці дітей і вчителя й дітей між собою, що допомагає їм реалізувати суб'єктність у ході засвоєння теоретичного змісту навчальної діяльності.

Охарактеризуємо докладніше педагогічні підходи до організації навчальної взаємодії у чотирирічній початковій школі.

Змістовна взаємодія із учителем та однолітками в процесі знайомства з предметним змістом є принципово новим завданням для першокласників. Така взаємодія може здійснюватися за умови розуміння ними цілей навчального спілкування, поступового залучення їх до оволодіння теоретичним змістом навчальної діяльності та засвоєння першокласниками певних норм навчального спілкування.

Цілепокладання є обов'язковим компонентом будь-якої діяльності, у тому числі й навчальної. Першокласники повинні вчитися приймати цілі від учителя, брати участь у формулюванні цілей навчальної роботи в межах уроку (починаючи з другого півріччя). Важливо відзначити, що в цілях необхідно фіксувати завдання оволодіння певним предметним змістом та нормами навчальної взаємодії, тобто змістовними та організаційними компонентами навчання.

У першому класі оволодіння теоретичним змістом відбувається через використання вчителем спеціальних персонажних образів, виконання молодшими школярами предметних дій, колективний пошук та визначення нових способів дій. Результатом навчальної взаємодії стає колективне відкриття певних способів дій (читання, письма, урівнювання величин тощо) та опанування ними на індивідуальному рівні.

Учителеві треба активно залучати першокласників до формулювання норм поведінки, яких необхідно дотримуватися в ході навчальної взаємодії у різних формах роботи. Для цього доцільно організувати визначення учнями разом з дорослим критеріїв для оцінювання процесу та результатів навчальної взаємодії, навчання їх оцінювати власну роботу відповідно до цих критеріїв.

Робота за цими напрямками потребує від молодших школярів дотримання логіки діяльності на уроці, що є надзвичайно склад-

ним завданням для першокласників. Ураховуючи це, вчителів необхідно організувати рефлексію кожного етапу уроку. У першому півріччі навчання така рефлексія повинна здійснюватися тільки на колективному рівні. При цьому учні будуть вчитися аналізувати змістовні аспекти роботи, висловлювати оцінку діяльності всього класу та роботи окремих однокласників та за допомогою дорослого почнуть з'ясовувати свій емоційний стан в ході навчання.

Починаючи з другого класу, кількість об'єктів змістовної рефлексії повинна суттєво змінитися. Поступово у якості об'єктів рефлексії будуть обиратися нові способи дій, варіанти роботи із певними завданнями, змістовні результати їх виконання, влучні учнівські пропозиції та відкриття, процес здійснення взаємоконтролю та самоконтролю, особливості проведення групової та парної роботи. Причому рефлексія здійснюватиметься не тільки в колективній, а й в індивідуальній формі.

У ході навчальної взаємодії учні стають співавторами власного навчання, його суб'єктами. Це відбувається за умови поступової передачі від дорослого дітям вчительських функцій планування, контролю, оцінки діяльності. Починаючи з другого класу, молодші школярі повинні постійно залучатися до визначення цілей та планування навчальної діяльності в межах уроку та серії уроків. Реалізація учнями вчительських функцій контролю та оцінки повинна відбуватися через їх навчання складання, використання, взаємоперевірки та взаємооцінки навчальних завдань; залучення молодших школярів до підготовки й проведення фрагментів уроків певних видів.

У дидактиці визначено критерії вибору форми роботи на уроці відповідно до етапу розв'язання навчального завдання. Важливим напрямом роботи вчителя в ході організації навчальної співпраці має бути навчання молодших школярів свідомого вибору певної форми роботи та формування у них вмінь змістовно спілкуватися при цьому. У ході парного, групового та міжгрупового обговорення учні вчать розуміти позицію однолітка, доходить до колективного розв'язання певної навчальної

проблеми. Поступово ступінь участі дорослого в такому обговоренні повинен змінюватися від детального керівництва та активної участі в ході роботи до загального керівництва та надання допомоги у випадку появи запитів учнів.

З метою навчання молодших школярів здійснювати вчительські функції контролю та оцінки Г. Цукерман запропонувала організацію різновікової навчальної взаємодії [9]. Вочевидь, у ході навчання доцільно використовувати цей варіант змістовного спілкування молодших школярів й з метою визначення ними норм навчальної взаємодії, критеріїв оцінювання ефективності такого спілкування та особливостей його здійснення в різних формах роботи.

У процесі навчальної взаємодії відбуваються певні якісні зміни молодших школярів. Ці зміни будуть виявлятися у свідомому здійсненні ними всіх компонентів навчальної діяльності, засвоєнні теоретичних понять, формуванні відповідних умінь та навичок. Ураховуючи те, що саморозвиток людини пов'язаний із її позитивними самозмінами, перед учителем виникає завдання створення разом із молодшими школярами особливих засобів наочності, в яких будуть фіксуватися такі самозміни. За допомогою засобів наочності вчитель разом із молодшими школярами матеріалізують зміни класного колективу та кожного учня.

Важливо зазначити, що в ході навчальної взаємодії створюється атмосфера маленьких відкриттів, перемог, сумісної творчості та інтелектуального зростання. Така атмосфера стає для молодших школярів своєрідним механізмом зараження й виступає одним із найважливіших чинників становлення дитячої суб'єктності в ході початкового навчання.

Педагогічна діяльність вчителя в системі розвивального навчання ґрунтується на певних принципах, а саме:

- педагогічна діяльність здійснюється в режимі саморозвитку її суб'єкта — вчителя;
- педагогічна діяльність, як особлива форма управлінської діяльності, розв'язує два взаємозалежні завдання: забезпечення

процесу розвитку особистості дитини й постійна самозміна вчителя;

— наявність у педагога широких стійких інтересів до світу, здатність до ідентифікації та емпатії, наявність ідеалу як основного життєвого принципу, творче ставлення до життя.

Реалізація цих принципів сприяє тому, що вчитель самостійно здійснює вибір власної поведінки у професійній діяльності й відповідає за наслідки власних дій.

Доводиться констатувати, що шляхи реалізації даних принципів фактично не розроблені. Тому у школах, які працюють за системою розвивального навчання, необхідно проводити не тільки методичну роботу, а й науково-методичну на якісно новому рівні. Протягом багатьох років така робота здійснюється на кафедрі початкової освіти СЕПШ ХГУ «НУА».

Було реалізовано наступні напрями роботи:

— вивчення теоретичних засад та практичних питань здійснення розвивального навчання (через проведення семінарів, тренінгів, ділових ігор);

— визначення напрямів науково-методичної роботи кожного вчителя, вихід певних вчителів на здійснення науково-дослідної роботи;

— створення творчих груп учителів з актуальних питань розвивального навчання (робота груп планується в результаті колективної рефлексії результативності впровадження розвивального навчання);

— колективне моделювання уроків, їх взаємовідвідування з обговоренням за розробленою схемою;

— розробка критеріїв результативності педагогічної діяльності;

— організація та проведення семінарів, конференцій для вчителів та керівників шкіл, які працюють за системою розвивального навчання.

Здійснення зазначених напрямів роботи передбачає організацію змістовної взаємодії суб'єктів освітнього процесу.

Таким чином, аналіз теоретичних підходів до організації навчальної взаємодії та практики розвивального навчання

дозволяє зробити такі висновки: навчальна взаємодія виступає обов'язковим чинником побудови суб'єкт-суб'єктних відносин вчителя та учнів; стосунки між учителем та учнями та між учнями, що складаються в ході навчальної взаємодії, виступають для молодших школярів своєрідною моделлю взаємин, побудованих на принципах поваги, толерантності та особистісного розвитку; залучення молодших школярів до здійснення навчальної взаємодії безпосередньо пов'язане з формуванням у них позитивної навчальної мотивації та із створенням ними певних освітніх продуктів; це стає можливим у разі реалізації певних принципів організації педагогічної діяльності вчителя та впровадження відповідних напрямів роботи.

Перспективами подальших пошуків у даному напрямку є: розробка та перевірка ефективності системи педагогічних прийомів, спрямованих на організацію навчальної взаємодії з метою становлення суб'єктності молодшого школяра; визначення тих аспектів інтеграції у різних предметних галузях, що сприятимуть розв'язанню завдання організації навчальної взаємодії у початковій школі; подальша розробка шляхів удосконалення педагогічної діяльності вчителя в системі розвивального навчання.

Список літератури:

1. Бех І. Д. Педагогіка успіху: виховні втрати та їх подолання / І. Д. Бех // Педагогіка та психологія. — 2004. — № 4. — С. 5–15.
2. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. — М. : ИНТОР, 1996. — 544 с.
3. Джонсон Д. Методы обучения. Обучение в сотрудничестве / Д. Джонсон, Р. Джонсон, Э. Джонсон-Холубек. — СПб. : Эконом. шк. — 2001. — 256 с.
4. Дусаицкий А. К. Развитие личности в учебной деятельности / А. К. Дусаицкий. — М. : Дом педагогики, 1996. — 208 с.
5. Лозова В. І. Цілісний підхід до формування пізнавальної активності школярів / В. І. Лозова. — 2-ге вид., доп. — Х. : ОВС, 2000. — 164 с.
6. Маркова А. К. Формирование мотивации учения : кн. для учителя / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. — М. : Просвещение, 1990. — 192 с.

7. Мойсеюк Н. Є. Педагогіка / Н. Є. Мойсеюк. – К., 2001. – 608 с.
8. Сухомлинский В. А. О воспитании. (сост. и авт. вступит. очерков С.Соловейчик) / В. А. Сухомлинский. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1975. – 272 с.
9. Цукерман Г. А. Виды общения в обучении / Г. А. Цукерман. – Томск : Пеленг, 1993. – 269 с.

Резюме

На основе анализа научной литературы и практики работы раскрыты психолого-педагогические аспекты ученого взаимодействия учителя и младших школьников. Представлена модель педагогической деятельности учителя в системе развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давидова.

Summary

On the basis of studying scientific sources and summing up the results of practical teaching, the article reveals psychological and pedagogical aspects of educational relationships between a teacher and elementary school pupils. A teacher's pedagogical activity model within the framework of D. B. Elkonin and V. V. Davydov's developing teaching system has been suggested.

УДК 378.014(477)

О. Л. Войно-Данчишина

АТТЕСТАЦИЯ В ВУЗЕ: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Ключевые слова: аттестация, квалификация, правовое регулирование, научно-педагогические работники, управление персоналом.

Одним из традиционных способов оценки персонала в организациях является периодическая аттестация, предполагающая процедуру оценивания соответствия деятельности конкретного работника стандарту выполнения работы на данном предприятии и в данной должности. В советский период аттестация являлась обязательным элементом работы с кадрами. В настоящее время аттестация вновь входит в систему работы с персо-

налом на предприятиях независимо от их формы собственности. Руководитель оценивает своих сотрудников с целью повышения эффективности их работы и определения необходимости повышения их квалификации. Регулярное проведение аттестации положительно влияет на профессиональное развитие и рост работников, их мотивацию. В то же время результаты аттестации очень важны для руководителя, поскольку позволяют принимать обоснованные решения относительно развития, продвижения, увольнения и премирования персонала.

Целью статьи является анализ правового регулирования аттестации научно-педагогических работников на государственном уровне и на уровне отдельных высших учебных заведений Украины.

Вопросам проведения аттестации работников посвящено немало исследований, в основной массе которых рассматриваются их технологический или психологический аспекты, а не правовой. При написании статьи автором были использованы материалы, опубликованные в журналах «Справочник кадровика», «Управление персоналом» и др. [1–4]. Источниковой базой исследования послужили такие нормативно-правовые акты, как Кодекс законов о труде, Закон Украины «О высшем образовании», «О научной и научно-технической деятельности», Положение об аттестации научных работников и другие [5–9].

Единого общегосударственного нормативно-правового акта регулирующего проведение аттестации в Украине, пока не принято. Поэтому регламент проведения аттестации определяется либо в отраслевом порядке, либо самим руководством предприятия или организации. Тем не менее за время систематического проведения аттестации работников в советский период накопился достаточный опыт, что позволяет использовать его сегодня с некоторой адаптацией к условиям украинской рыночной экономики.

Понятия аттестации научно-педагогических работников в нормативно-правовой литературе не дается. Однако в Положении об аттестации научных работников, утвержденном

Постановлением Кабинета Министров Украины, четко обозначается цель аттестационного процесса – это определение соответствия квалификации научного работника занимаемой должности [8].

Требует пояснения само определение «научный работник», поскольку понятие «научно-педагогический работник» в упомянутом Положении отсутствует. Его дает Закон Украины «О научной и научно-технической деятельности», который определяет научно-педагогического работника как ученого, профессионально занимающегося по основному месту работы педагогической и научной или научно-технической деятельностью в высших учебных заведениях и заведениях последиplomного образования III–IV уровней аккредитации (статья 1) [7].

Тот же Закон (статья 6) обязывает научного работника постоянно повышать свою квалификацию и в установленном порядке проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности [7]. Результаты повышения квалификации научно-педагогического работника должны учитываться во время его аттестации (статья 19), итоги которой утверждает ученый совет высшего учебного заведения (статья 10) [Там же].

Положение об аттестации научных работников, упомянутое выше, конкретизирует порядок проведения аттестационного процесса. Так, в пункте 2 определяются те параметры, по которым оценивается тот или иной научно-педагогический работник:

- уровень профессиональной подготовки;
- результативность его работы;
- эффективность труда с учетом конкретных требований к этой категории работников;
- определяются перспективы использования способностей научно-педагогического работника;
- определяются способы стимулирования повышения его профессионального уровня, потребности в повышении квалификации и профессиональной подготовке.

Таким образом, оцениваются три показателя деятельности работника: квалификация, отношение к работе и результатив-

ность работы. Как видим, во главу угла ставится комплексная оценка работника, одной из составляющих которой является его квалификация. В то же время, согласно Кодексу законов о труде Украины (п. 2 ст. 40), трудовой договор может быть расторгнут с работником в случае обнаружившегося несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, препятствующей продолжению данной работы [5]. Остальные характеристики работника, оценивающиеся во время аттестации, не берутся во внимание. Получается некоторое несоответствие между трудовым законодательством и применяемыми методиками оценивания во время аттестации. Устранить имеющееся несоответствие относительно несложно, например, введя в Положение об аттестации как обязательное условие увольнения низкий уровень его квалификации. Кроме этого, видимо целесообразно было бы уточнить формулировку увольнения в Кодексе законов о труде Украины и изложить ее как «обнаружившееся несоответствие ... вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации». Такая формулировка создает работнику дополнительные гарантии при расторжении трудового договора, когда он может быть уволен не просто по решению собственника, а только после коллегиального решения аттестационной комиссии.

Аттестация научно-педагогических работников согласно Положению, утвержденному Кабинетом Министров Украины, проводится не реже одного раза в пять лет и не раньше, чем через один год пребывания работника на должности [8]. Периодичность аттестационного процесса научно-педагогических работников утверждается приказом руководителя вуза в начале календарного года (п. 5). До ведома работника сроки и график проведения аттестации доводятся не позднее, чем за один месяц. Аттестация проводится в индивидуальном порядке в одной или нескольких комиссиях, созданных по приказу руководителя учебного заведения, в которую привлекаются высококвалифицированные научно-педагогические работники и представитель профсоюзного органа [Там же].

На научно-педагогического работника, подлежащего аттестации, заранее составляется характеристика, подписанная его непосредственным руководителем и ректором вуза (п. 11 Положения). Эта характеристика должна быть доведена до ведома аттестационной комиссии и аттестуемого работника (для ознакомления) не позднее двух недель до аттестации.

Во время аттестации научно-педагогический работник отчитывается перед комиссией о своей работе в присутствии своего непосредственного руководителя (п. 13 Положения). Аттестационная комиссия принимает свое решение открытым или закрытым голосованием в отсутствие аттестуемого. Это решение считается правомочным при наличии не менее 2/3 состава комиссии и принимается простым большинством голосов. Решение относительно работника комиссия может принять и в его отсутствие, если таковое имело место без уважительных причин.

На основании комплекса данных, таких как характеристика и отчет работника, других поданных материалов, аттестационная комиссия принимает решение с одной из таких формулировок: «соответствует занимаемой должности» и «не соответствует занимаемой должности» [8]. В своем решении комиссия может дать рекомендации относительно поощрения научно-педагогического работника, смены должности, размера должностного оклада, необходимости назначения внеочередной аттестации. Все указанные рекомендации могут быть рассмотрены руководителем высшего учебного заведения на протяжении одного года со дня проведения аттестации (п. 17 Положения).

Утверждается решение аттестационной комиссии на Ученом совете вуза в течение одного месяца со дня его поступления в совет.

Если аттестационная комиссия вынесла решение относительно перевода научно-педагогического работника на более высокую должность, руководитель вуза рассматривает его только в случае соответствия этого работника квалификационным требованиям к предложенной должности.

В случае вынесения аттестационной комиссией решения относительно несоответствия научно-педагогического работника занимаемой должности, руководитель может в течение двух месяцев со дня утверждения результатов аттестации Ученым советом предложить ему перевод на должность, соответствующую его квалификации. В случае же несогласия работника с таким переводом, с ним может быть расторгнут трудовой договор по п. 2 ст. 40 Кодекса законов о труде Украины. Решение руководителя вуза относительно расторжения трудового договора по результатам аттестации может быть обжаловано в суде в соответствии с порядком рассмотрения индивидуальных трудовых споров [5]. Если в деятельности научно-педагогического работника выявлены признаки недостаточной квалификации, зафиксированные в акте о невыполнении работы, докладной записке о допущенных ошибках, руководитель вуза может назначить такому работнику внеочередную аттестацию, однако не раньше года с момента проведения последней аттестации (п. 9 Положения).

Руководствуясь рассмотренным Положением об аттестации, утвержденным Кабинетом Министров Украины, другими нормативно-правовыми актами, каждое высшее учебное заведение принимает свое положение о проведении аттестации [9]. В нем уточняется перечень тех, кто подлежит аттестации в вузе, определяется состав аттестационной комиссии. В положении перечисляется то, что должна содержать характеристика работника, например, развернутая оценка профессиональных знаний, навыков, опыта, умений, компетентности, социально-психологических качеств, выполнения должностных обязанностей и рекомендации предыдущей аттестации, информацию о результатах деятельности за период после последней аттестации [9].

Аттестация научно-педагогических работников является одним из важнейших элементов системы управления персоналом в вузе, позволяет оценить его качество с точки зрения соответствия его целям и стратегии предприятия. Нормативно-правовая база, лежащая в основе аттестационного процесса, должна

постоянно совершенствоваться, чтобы не отставать от тех естественных процессов, которые происходят в управлении персоналом и развитии общества в целом. Поведенческие ошибки, которые происходят при проведении аттестации и имеют человеческую природу, должны нейтрализовываться правилами, установленными законом, стоящим на защите интересов более слабой стороны в трудовых отношениях – работника.

Список литературы

1. Аксенова Е. Технологические аспекты проведения аттестации / Е. Аксенова // Упр. персоналом. – 1999. – № 2. – С. 22–28.
2. Борисова Е. Аттестация. Стоит ли игра свеч? / Е. Борисова // Справ. кадровика. – 2003. – № 2. – С. 79–81.
3. Горбунова И. Г. От оценки рабочих мест – к аттестации персонала / И. Г. Горбунова, Н. П. Леова // Упр. персоналом. – 2005. – № 23. – С. 41–45.
4. Иванов Ю. В. Аттестация персонала / Ю. В. Иванов // Упр. персоналом. – 2006. – № 6. – С. 60–72.
5. Кодекс законов о труде Украины. – Х. : Одиссеей, 2007. – 159 с.
6. О высшем образовании : Закон Украины от 17 янв. 2002 г. – № 2984 // Голос України. – 2002. – 5 берез. – № 43. – С. 10–15.
7. О научной и научно-технической деятельности : Закон Украины от 13 дек. 1999 г., № 1977 // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. сеть распространения правовой информ. [Электр. прогр.]. – Версия 7.4. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.
8. Об аттестации научных работников : Положение утв. Постановлением Каб. Министров Украины от 13 авг. 1999 г., № 1475 // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. сеть распространения правовой информ. [Электр. прогр.]. – Версия 7.4. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.
9. Положение об аттестации научно-педагогических работников ХГУ «НУА» от 27 сент. 2006 г., № 194 // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. сеть распространения правовой информ. [Электр. прогр.]. – Версия 7.4. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.

Резюме

У статті аналізується правове регулювання атестації науково-педагогічних працівників на законодавчому рівні і на рівні окремих навчальних закладів.

Summary

The article deals with analysis of the legal regulation of attestation of scientific and academic higher school staff both on the legislative level and on that of separate educational institutions.

УДК 378.183 (477.54)

Т. В. Зверко

**ПРОБЛЕМНО-ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ
СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Ключевые слова: студенческая молодежь, молодежные общественные объединения, функции молодежных объединений, студенческое самоуправление, проблемно-ценностные задачи студенческого самоуправления.

Современная молодежь формируется в новых социальных реалиях, которые предусматривают персональную значимость и одновременно позиции «обособленности», возможности декомпозиции своей жизни. Это требует переосмысления сущности феномена воспитания, редуцирования его в инструментальные смыслы, осознания того, что роль социализирующего фактора в воспитании сводится не к системе внешесоциальных воздействий, а к объединению индивидуально-личностных устремлений и потребностей социума. Следовательно, новые формы воспитательного воздействия, новые принципы деятельности должны строиться на понимании того, что современная личность — это, прежде всего, агент социального действия в противоположность провоцированию «активной жизненной позиции» искусственными мероприятиями. Такой подход подтверждает

необходимость воспитания молодежи на трансформационных основах. Тем более, что в последнее время отечественные (Т. Аболина, В. Кудин, И. Зязюн, Л. Левчук, В. Бондаренко, А. Похресник, П. Саух, Л. Сокурская, В. Астахова, Е. Подольская, Н. Чибисова), российские (А. Долганова, Л. Коган, В. Лисовский, М. Руткевич, В. Чупров, Л. Щенникова) и белорусские (П. Водопьянова, А. Зеленкова, Я. Яцкевич) ученые, исследуя ценностные ориентации студенческой молодежи, личность студента как субъекта и объекта общественных отношений, приходят к выводу, что трансформация общественного сознания отражается значительным образом на всех сферах жизнедеятельности студенчества, при этом делая акцент на проблеме отсутствия системы, способной влиять на формирование студентов.

Нам представляется важным использование в вузовской практике потенциала молодежных объединений. Многие исследователи (В. Лисовский, А. Мачульский, А. Чернышев, Н. Степашев, Т. Буяльская и др.) подчеркивают большое воспитательное значение самоуправления в становлении специалиста как организатора, руководителя производства, как личности [1; 3].

Изменяющийся социум предъявляет к выпускнику вуза требование быть личностью, способной мыслить свободно, личностью, способной к сотрудничеству, мобильной, творческой, созидательной, что актуализирует ценности глобального, государственно-регионального, профессионального, личностного характера. Именно они должны найти отражение в реальных проблемах-задачах, которые могут решать студенты в молодежных объединениях.

Поэтому достаточно актуальным является обращение к проблеме студенческого самоуправления, обозначения тех функций, тех важнейших задач, которые определяют сущность студенческих молодежных объединений в высшем учебном заведении.

Следует обратить внимание на то, что за последние десятилетия в их деятельности произошли существенные перемены.

С одной стороны, изменилось отношение общества к объединениям молодежи, с другой — изменилось отношение молодежи к различным формам деятельности, что предопределило создание общественных объединений нового типа, ориентированных на интересы молодежи, на решение актуальных проблем их жизни.

Современные подходы к организации студенческого самоуправления предполагают такую социально значимую деятельность, в процессе которой происходит обмен идеями, знаниями, умениями; взаимодополнение и развитие способностей; активное взаимодействие со средой, где каждый делает осознанный выбор; распространение интересов и реализация потребностей; формирование коллективного взаимопонимания.

В связи с этим представляется необходимым конкретизировать функции молодежных общественных объединений, под которыми мы понимаем однородные специфические задачи, определяющие содержание их деятельности, раскрывающие и развивающие цель, реализуемую участниками объединения. Среди них особое место занимают функции, реализация которых направлена на решение личностных и социально ориентированных ценностей и интересов молодых людей: функция социальной защиты, функция формирования социальной грамотности, функция коррекции социального поведения и социальных связей, функция профилактики асоциального поведения, функция социальной реабилитации. Особенность реализации функций молодежных объединений состоит в исключительной значимости самостоятельности и творчества молодых людей. Они, главным образом, сами формулируют нормативы общей деятельности, включая ее стимулирование, организацию и реализацию себя в ней.

Практика показывает, что наиболее распространенными в студенческой среде являются общественные объединения, целевую группу которых представляют:

— сами члены этих объединений; их задача — решение проблем членов организации (организация взаимопомощи, организации клубного типа);

– не члены организации или объекты природы или культуры; задача – решение проблем, непосредственно не связанных с проблемами членов объединения (благотворительные организации социальной направленности и экологической направленности);

– организации, содействующие развитию гражданских инициатив студенчества, полноценному участию студентов в принятии решений и управлении.

Значимость участия в общественных объединениях для студенческой молодежи несомненна. Это проявляется в том, что студенты приобретают опыт принятия самостоятельных решений, проектирования собственной деятельности, позитивной самореализации. Положительного результата возможно добиться, если эта деятельность будет организована как актуальная для студентов (затрагивающая существенные интересы личности); свободная (дающая возможность испытания своих способностей и самореализации); прикладная (успешность достижения результата должна требовать серьезных усилий); неформальная (востребованная самими студентами); выполнимая (предполагающая возможность самостоятельного достижения поставленной цели).

Здесь важно соотношение личного и общего успеха. Схема достижения социального успеха – успешности, значимости, мастерства – соответствует задачам саморазвития, самовоспитания, самореализации посредством творчества, социальной деятельности, лидерства. Немецкий философ К. Ясперс утверждал, что «человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим» [5, с. 179]. Это «дело» реализуется в процессе студенческого самоуправления. Оно способствует развитию таких характерных черт субъекта, как инициатива; самостоятельность; поиск лучшего варианта решений; внесение элементов новизны, нетрадиционности; стремление к достижению успеха; активное участие в социально значимых проектах; использование творческих возможностей каждого в социальном творчестве коллектива; готовность взять на себя ответственность

за результаты и последствия деятельности, быть лидером; осознание своей причастности к преобразованию социальной среды; реализация различных уровней социально-нравственной позиции в ходе деятельности.

Вместе с тем исследования показывают, что студенты относятся к студенческому самоуправлению двойственно: во-первых, как к формальным структурам и «студенческой бюрократии», с позиции постороннего наблюдателя, во-вторых, с позиции участников общественных объединений. К конкретной деятельности студенчество привлекают широкие возможности общения, видимые перспективы профессионального роста и получения управленческого опыта, социального престижа. По данным опроса студентов харьковских вузов, проведенного в мае 2005 года Лабораторией проблем высшей школы ХГУ «НУА», 40% студентов занимаются общественной работой в различных объединениях, из них — 5,2% участвуют не только в вузовской общественной организации. Среди мотивов выделены в качестве основных: интересный круг общения (57,1%), приобретение новых навыков (38,1%), карьера (17,5%), свободное время (8,3%), повышение авторитета (20,6%). Это свидетельствует о значительном потенциале общественных молодежных организаций.

Участие в студенческом самоуправлении предполагает активизацию жизненных сил, наличие мотивов, знаний, развитие способностей, умений и навыков, благодаря которым создается продукт (материальный и духовный), отличающийся новизной, уникальностью. А, следовательно, такая деятельность способствует развитию креативности студентов как будущих специалистов, что необходимо в профессиональной деятельности, особого, индивидуального, подхода к выполнению любой работы: это уже традиция, но мы внесли свою «изюминку»; это в принципе известно, но мы сделали совсем по-другому; этого не делал никто и никогда или это мало кому известно; этого никогда не было у нас в социуме (группе, объединении, вузе и т. д.).

Эти позиции подтверждают и данные социологического опроса. Студенты проявляют интерес к участию в делах, акциях,

проектах, которые эмоционально насыщены (49,4%), дают возможность проявить творчество, фантазию (35,1%), являются процессом коллективного творчества (46,8%), хорошо организованы (33,8%), отличаются оригинальной идеей (24,7%).

Поэтому чрезвычайно важной становится организация деятельности самих молодежных объединений, которые выступают институтом социализации молодого поколения, институтом становления молодого человека как полноценного гражданина, овладевшего необходимыми навыками, ролями поведения. Здесь идет речь о содействии деятельности органов студенческого самоуправления на всех уровнях (группа – вуз), о создании эффективной системы подбора, подготовки и продвижения студентов-лидеров в разных сферах деятельности. В данном случае студент выполняет и роль руководителя, и роль организатора, проявляя при этом самостоятельность в принятии решений, умение работать в команде, отвечать за свои действия. Студент видит результат своего труда, поэтому с охотой стремится выполнить задание, проявить критическое отношение к его результатам [4].

Анализ реального опыта украинских вузов подтверждает, что участие в различных социально значимых формах работы помогает студентам решать задачи профессионально- и личностно-ценностные. Так, в процессе подготовки мероприятия дискуссионного или проблемного характера они нарабатывают такие необходимые действия, как поиск необходимой информации, ее анализ и синтез, конкретизация структуры мероприятия и планирование деятельности всех привлеченных к нему студентов. Таким образом, студент непосредственно реализовывает свои социальные роли и функции управления (анализа, планирования, организации, коррекции, контроля). В моделируемых ситуациях студенты усваивают технологии общения, учатся учитывать в работе интересы и потребности других людей.

Для нас особую значимость представляют результаты исследования с точки зрения личностной составляющей. Данные опроса показывают, что почти треть студентов по тем или иным

причинам не принимает участия ни в одной из предложенных им форм работы, 28,3% участвуют в организации факультетских и вузовских мероприятий, 18,8% — в работе клубов по интересам, 18,5% — в работе органов студенческого самоуправления. Вместе с тем от четверти до двух третьих молодых людей все же готовы участвовать в общественных инициативах и добровольчестве, но «не знают, с чего начать», «ожидают примера и поддержки друзей», «не желают, чтобы ими манипулировали».

Следовательно, студент должен быть «помещен» в такую среду, которая бы ориентировала его на глобальные, государственно-региональные, профессиональные и личностные ценности, привила бы ему новые формы общения с людьми, чтобы в студенческие годы он получил первичные знания и стремился выполнять разнообразные роли предстоящей жизни. Реализация этого возможна и посредством участия в вузовских молодежных формированиях, в которых студент выполняет различные социальные роли: в органах студенческого самоуправления — руководителя, культурного организатора, спортивного организатора и т. д., в волонтерском отряде — реставратора, художника, попечителя, в детском лагере — педагога, режиссера, в туристическом бизнесе — экскурсовода, аниматора, администратора и т. д. Причем очень важно, что студент попадает в разную социокультурную среду, приобщаясь к разным культурам, ценностям, формам взаимоотношений [2, с. 13].

Таким образом, нам представляется одним из эффективных направлений в работе реализация студенческого самоуправления, в рамках которого студент будет выполнять определенные социальные роли. Вовлечение в социально значимую, формирующую и развивающую деятельность поможет каждому проявиться как личность, индивидуальность.

Какие же проблемы-задачи ценностного характера студенты, по данным исследователей ХГУ «НУА», считают наиболее важными, эффективными? На первом месте стоит формирование профессиональных качеств (72,1%), на втором — научная работа (59,7%), следующие по значимости — формирование навыков

организаторской работы (55,7%), воспитание высоких нравственных качеств (51%). Эти данные требуют адекватного осмысления и могут стать ориентиром в дальнейшем развитии студенческого самоуправления.

Безусловно, в нынешних условиях студенческое самоуправление выступает средой активного формирования лидерских качеств, навыков организаторской и воспитательной работы, творческой активности, управленческой деятельности. Мы остановились лишь на наиболее значимых, с нашей точки зрения, проблемах-задачах ценностного характера, на которые должны ориентироваться молодежные общественные объединения и система организации студенческого самоуправления. Специфика их определяется жизненными планами и сценариями членов этих объединений. Вместе с тем в содержании их деятельности необходимо актуализировать ценности современного общества, формировать понимание проблем как узко профессионального, так и глобального характера. Эти проблемы должны восприниматься как лично значимые — только тогда возникнет готовность их решать.

Список литературы

1. Європейська практика студентського самоврядування в університетах України : метод. матеріали / під ред. Буяльської Т. Б. — Вінниця, 2006. — 69 с.
2. Зверко Т. В. Формування антропогенної моделі виховання студентів в умовах безперервної освіти : автореф. дис. ... канд. соціол. наук: 22.00.04 / Зверко Тамара Василівна ; Харк. нац. ун-т внутр. справ. — Х., 2007. — 19 с.
3. Зимняя И. А. Воспитание — проблема современного образования в России / И. А. Зимняя, Б. Н. Боденко, Н. А. Морозова. — М., 1999. — 82 с.
4. Козицкая И. В. Специфика деятельности структурных подразделений НУА в условиях функционирования непрерывного образования / И. В. Козицкая, Н. С. Тимченко, Т. В. Зверко // Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. — Х., 2006. — Разд. 16. — С. 254—283.

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Республика, 1994. — 401 с.

Резюме

У статті розглянуто проблеми-завдання ціннісного характеру щодо діяльності молодіжних об'єднань, організації студентського самоврядування в контексті нових соціальних реалій. Визначено функції молодіжних об'єднань, коло завдань, які розкривають сутність студентського самоврядування, на основі матеріалів соціологічних досліджень окреслено тенденції його розвитку.

Summary

The author has considered evaluation problems and tasks facing youth associations, students' self-governing organizations within the context of the new social reality. The functions of youth organizations have been determined as well as the range of tasks brought about by the essence of students' self-governing. The tendencies of their development have been outlined on the basis of a sociological research.

УДК 316.344.4-057.85

М. В. Карпенко

ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ ВУЗА В ЕГО РАЗВИТИИ

Ключевые слова: лидерство, лидер, студенческое самоуправление, внеучебная деятельность, научно-исследовательская деятельность, высшее учебное заведение.

В современной Украине в свете глобализационных изменений, интеграционных образовательных процессов проблема развития лидерских качеств у студентов, повышения уровня профессионального образования и подготовки специалиста, отвечающего общественным запросам, обретает все большую значимость. Востребованность специалистов в условиях рыночной экономики обеспечивается конкурентоспособностью —

интегральной характеристикой современного специалиста – профессионально компетентного специалиста, лидера, в условиях трансформационных перемен быстро адаптирующегося к новым обстоятельствам, ориентирующегося в информационных потоках и способного оптимально разрешать возникающие проблемы. Становится очевидным, что к числу наиболее востребованных и профессионально значимых характеристик личности относится лидерство, рассматриваемое сегодня как совокупность качеств, отражающих степень целенаправленной активности субъекта, преобразующего действительность, в том числе и самого себя.

Таким образом, именно поэтому в настоящее время как никогда актуально звучит вопрос о становлении таких лидеров, основой успешности которых становится личностный потенциал, способность к его актуализации и наращиванию в сфере образования.

Важно выявить, с помощью каких форм учебной и внеучебной деятельности можно раскрыть творческий потенциал будущего специалиста, развить в нем лидерские качества, что имеет огромную значимость для изменяющегося общества.

Большое внимание исследованию проблемы лидерства как комплексной проблемы уделяется теоретиками и практиками в различных сферах: политологии (Ж. Блондель, Б. Кретов, Е. Кудряшова, Н. Макиавелли и др.); психологии (Ф. Гальтон, Д. Макгрегор, Б. Парыгин и др.); социологии (М. Вебер, Э. Гидденс, В. Парето, Т. Парсонс, Р. Стогдилл и др.); педагогики (А. Макаренко, И. Столяр и др.); менеджмента (М. Альберт, М. Мексон, Ф. Хедоури и др.); философии (Ф. Ницше, З. Фрейд, Х. Ортега-и-Гассет и др.).

Проблема лидерства оказалась тесно связанной с решением проблемы самореализации личности, рассматриваемой как процесс и результат творения субъектом своей собственной жизнедеятельности в конкретных социально-исторических условиях (Л. Брылева, Е. Головаха, А. Кроник, В. Лаврентьев, Г. Минскер и др.).

Жесткие требования рыночной экономики к профессиональным качествам молодых специалистов, их адаптированности, мобильности, детерминировавшие смену квалификационного подхода в профессиональном образовании на компетентностный (И. Барахович, А. Брушлинский, Э. Зеер, И. Зимняя, С. Краснокутская, Л. Митина, С. Шекшня и др.), определили востребованность лидерских качеств у специалистов различных сфер [1, с. 327].

Анализ литературы показал, что исследования лидерства, как правило, лежат в экономической и политологической плоскостях, в сфере управления организациями, партиями, блоками.

Несмотря на значимость теоретических исследований, на внедрение в современную практику различных технологических программ, тренингов, формирующих лидерскую направленность личности, остаются малоизученными проблемы лидерства в социологии, а именно в контексте социологии образования. Поэтому целью этой статьи является выявление социологических аспектов лидерства как междисциплинарного понятия и определение роли вуза в развитии лидерских качеств будущих специалистов.

В методологическом плане важно исследовать лидерство в различных науках и выявить, какую функциональную нагрузку оно несет.

Благодаря выявлению устойчивой специфики лидерства как социального феномена, именно психологами осуществлен наибольший вклад в разработку и исследование этого понятия. Разработки, связывающие лидерство с наследственностью, принадлежат Ф. Гальтону; впервые «теорию черт» предложили Ю. Дженнингс и К. Берд Р. Бейлз; исследование и определение фундаментальных лидерских ролей осуществлено Ф. Спейтером; приверженцами ситуационной теории выступают К. Браун, Д. Макгрегор, А. Филей, Е. Гезелли, Р. Хаус; Г. Кунц и С. О'Доннел отметили, что руководитель (формальный лидер) должен быть еще и лидером (неформальным) для более эффективной работы коллектива.

Политическое лидерство неразрывно связано с феноменом власти. Руководители наиболее значимых государств, как справедливо подчеркивает Ж. Блондель, обладают таким влиянием, что о них знают во всех уголках Земли. Более того, политическое лидерство на международном уровне, кроме определенных, количественно ограниченных сфер, зависит от лидерства наиболее значимых государств. Наконец, во многих странах политическое лидерство есть существенный, хотя отнюдь не всесильный элемент в панораме общественной жизни [2, с. 4]. Известный американский политолог Р. Такер обращает внимание на то, что лидеры — это либо «реальные лидеры», либо должностные лица, либо менеджеры. Он полагает, что только истинные лидеры выполняют функции по «постановке политического диагноза и прогнозированию», «определению тактики политических действий» и «мобилизации» тех, кто будет вовлечен в конкретную политическую деятельность [3].

Философское обоснование лидерству стремился дать Ф. Ницше, представлявший различные процессы общественной жизни в виде модификаций действия воли к власти и могуществу. Однако он полагал, что роли лидера в наибольшей степени соответствует волевая и сильная личность, «сверхчеловек», который пренебрегает духовными и моральными ценностями и возвышается над «обычным» человеком так же, как тот превосходит обезьяну. «Цель человечества, — утверждал Ницше, — лежит в его высших представителях... Человечество должно неустанно работать, чтобы рождать великих людей — в этом, и ни в чем ином состоит его задача» [4, с. 68].

Лидерство, с точки зрения менеджмента, представлено в фундаментальных трудах американских ученых М. Мексона, М. Альберта и Ф. Хедоури. Исследователи подчеркивают, что ни подход с позиции личных качеств, ни поведенческий анализ не смогли выявить логического соотношения между личными качествами и поведением руководителя, с одной стороны, и эффективностью — с другой. Это означает, что личные качества и поведение не имеют значения для руководства. Наоборот, они

являются существенными компонентами успеха. Однако более поздние исследования показали, что в эффективности руководства решающую роль могут сыграть дополнительные, ситуационные факторы, которые включают потребности и личные качества подчиненных, характер задания, требования и воздействия среды, а также имеющуюся у руководителя информацию [5].

Изучая лидерство в социологическом контексте, прежде всего, необходимо отметить, что социология — это наука об обществе, социальных общностях и общественных отношениях. Именно отношения выступают главным звеном в изучении проблем лидерства. Поскольку лидерство — это также и те меры, которые принимает лидер по отношению к ведомым, лидер должен определять эти меры как наиболее подходящие для своих отношений со своими ведомыми [6, с. 56–62].

Лидерство как многоаспектное, междисциплинарное явление можно изучать с помощью многообразных общенаучных подходов.

Комплексный подход к лидерству позволяет выделить в научном знании о нем такой вариативный элемент, как лидерский комплекс. Комплексный подход обеспечивает взаимосвязь разнородных элементов лидерства (*Р. Стогдилл* основывается на комплексном обзоре исследований в области лидерства) [6, с. 59].

Исторический подход в исследовании лидерства обуславливает необходимость его анализа с той точки зрения, которая предшествует появлению данного явления в истории, его главные этапы развития, которые сопутствуют тому, чем это явление стало.

Системный подход к познанию и преобразованию любого объекта является ведущим общенаучным подходом. Это направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем. Применение же данного подхода к исследованию лидерства позволяет выявить такой вариативный компонент его научного знания, как *лидерская система* со всеми ее характерис-

тиками: целостность, связь, структура и организация, уровни системы и их иерархия, управление, цель и целесообразное поведение системы, самоорганизация системы, ее функционирование и развитие (М. Эванс и Р. Хаус) [7, с. 46].

Структурно-функциональный подход ориентирует на то, что по своей природе лидерство представляет собой сложный объект. Данный подход позволяет выявить и изучить связи внутри этого объекта, определить их значение, выявить, какие функции он выполняет, при помощи каких структур и с какой результативностью осуществляется, проследить степень его включенности в различные общественные процессы (политические, социальные, культурные и т. д.) (труды Г. Хоманса и М. Грегора [7, с. 45]).

Таким образом, большинство теоретиков философии, психологии и политологии анализируют лидерство сквозь призму таких понятий, как «власть», «воля», «социальное взаимодействие», которые находятся в проблемном поле социогуманитарного знания. Известные исследователи в сфере политологии и психологии фокусируют внимание на лидерстве как неразрывно связанном с властью. *Лидерство* – понятие, имеющее множество значений и используемое для описания широкого круга явлений, связанных с процессами власти и влияния в различных социальных коллективах, таких как группы, организации, сообщества или нации [8]. *Лидерство* нередко трактуется как процесс психологического влияния одного человека на других, который осуществляется на основании восприятия, наследования, понимания одним другим при их совместной жизнедеятельности [9, с. 7].

На основе указанных подходов в методологическом плане целесообразно эксплицировать социологические аспекты лидерства в контексте всей философско-политологическо-психологической проблематики. Таким образом, наиболее общая дефиниция лидерства в социологии должна отражать специфику взаимодействий, взаимовлияний членов группы с позитивным вектором на наивысший результат коллективной жизнедея-

тельности. Поэтому под **лидерством** важно понимать, прежде всего, реализацию оптимальной на основе развития субъектности личности системы внутригруппового взаимодействия (взаимодействия между членами группы), направленного на достижение общегрупповых целей.

При этом личность в социологии воспринимается в единстве двух основных аспектов. Во-первых, это системное качество индивида, определяемое его включенностью в общественные отношения и проявляющееся в совместной деятельности и общении. Во-вторых, личность представляет собой субъекта социальных отношений и сознательной деятельности. Понятно, что в момент рождения ребенок еще не является личностью, он всего лишь индивид, то есть представитель вида, продукт филогенетического и онтогенетического развития. Чтобы развиться в личность, человек должен пройти определенный путь адаптации, то есть социализироваться.

Выявление лидерских качеств возможно в контексте *социализации личности*, которая представляет собой процесс формирования личности в определенных социальных условиях, процесс усвоения человеком социального опыта, в ходе которого человек преобразует социальный опыт в собственные ценности и ориентации, избирательно вводит в свою систему поведения те нормы и шаблоны поведения, которые приняты в обществе или группе. Нормы поведения, нормы морали, убеждения человека определяются теми морально-правовыми установками, сложившимися в социальном окружении лидера нормами, которые приняты в данном обществе

Процесс формирования личности осуществляется в социальном пространстве, включающем семью, школу, средовое влияние на личность, воздействие дружеского окружения, средства массовой информации, социальные институты. Наиболее существенное влияние на развитие лидерских качеств оказывает институт образования, а именно высшее учебное заведение. Как справедливо отмечает Е. В. Астахова, высшая школа постепенно превращается в полноправного субъекта рыночных отношений,

что стимулирует трансформацию ее структуры, изменение функций, обретение новых источников финансирования, поиск новых методов обучения и контроля знаний. Одной из основных социальных функций высшей школы является *социально-экономическая*, которая, подвергшись трансформациям, приобрела следующий вид: «...самое выгодное вложение капитала — это вложение в человека, в его образование и развитие» [10]. Таким образом, важно подчеркнуть, что именно высшая школа имеет прямое отношение к выгодному «капиталовложению», главной составляющей которого является формирование не только компетентного специалиста, но и личности с лидерскими качествами.

Учитывая всю важность вуза в развитии личности, а именно лидерских качеств у студентов, следует обратить внимание на такие составляющие учебного заведения, как:

– *студенческое самоуправление*. В современных условиях движения общества к рыночным отношениям и демократии формирование лидерских качеств у студентов становится одним из важнейших направлений воспитательной работы вузов. Оно включает в себя как организационные условия, необходимые для возникновения института лидерства, так и изучение, и воспитание личностных качеств, способствующих его развитию. В вузах данное направление реализуется преимущественно в создании органов студенческого самоуправления, так как развитие высшей школы в значительной мере зависит от участия в этом процессе студенчества.

Выступая одним из мощных стимулов повышения социальной активности студенческих коллективов образовательных учреждений высшего уровня, **студенческое самоуправление** является специфическим демократическим институтом, ориентированным на совместную с администрацией и общественными организациями задачу оптимизации всей жизнедеятельности образовательного учреждения. При этом студенческое самоуправление представляет собой процесс решения силами самих студентов жизненно важных проблем управления делами

образовательного учреждения как в учебной, так и во внеучебной сферах [11], что, в свою очередь, формирует у них самостоятельность, ответственность, коммуникабельность, целенаправленность, умение выделять первоочередность проблемных ситуаций, развивает лидерские качества, организаторские способности;

– *научно-исследовательская деятельность*. Этот вид деятельности направлен на получение и применение новых знаний, в том числе фундаментальных и прикладных научных исследований. В университетском образовании исследования занимают центральное место. Так, по результатам социологических исследований, проведенных в ХГУ «НУА» в 2007 году (было опрошено 210 студентов III и V курсов), занятия, развивающие исследовательские навыки («исследование»), предпочитают 25% студентов. Занятиям, которые дают теоретические знания («теория»), отдали приоритет 13,8% студентов. Занятия, развивающие практические навыки, предпочитают («практика») 56,2% студентов.

Приведенные данные свидетельствуют, что занятия, которые условно названы «исследования», менее предпочтительны, чем «практика». Такая расстановка акцентов позволяет поставить на обсуждение вопрос о значении исследований в профессиональной подготовке студентов, развития их как личностей, раскрытия в них таких способностей, как лидерские, организаторские и другие. Исследования приучают к точной постановке целей и задач, заставляют считаться с имеющимися ресурсами и использовать адекватные средства достижения цели. В ходе исследования студент знакомится с целым рядом ролей (лаборант, полевик, обработчик, идеолог, аналитик, организатор), каждая из которых позволяет формировать качества, в том числе и лидерские, необходимые для успешной деятельности в любой сфере. Все эти роли научат студента ответственности, дисциплинированности, работе в команде, организованности, уважению труда других людей, то есть всем тем качествам, которыми должен обладать лидер в своем деле;

– *внеучебная деятельность*. Как известно, воспитание в учебном заведении осуществляется через содержание учебного процесса, а также вне его – во внеучебной деятельности. Для образовательного учреждения внеучебная деятельность – часть выполняемых им функций. Ее специфика связана с тем, что она осуществляется в свободное от учебы и удовлетворения насущных потребностей время, когда студент по своему выбору определяет тот или иной вид занятий. Основной задачей подобного вида деятельности является любая работа со студентами, которая способствует их личностному росту, развитию творчества, лидерских качеств, коммуникабельности и др.

Как показывают исследования последних лет, современной студенческой молодежи свойственно, в частности, сводить воспитательную работу к различным культурно-развлекательным, досуговым формам общения. Студенты считают воспитание в процессе внеучебной деятельности в вузе нужным и важным, однако к специальным «воспитательным мероприятиям» относятся настороженно, сомневаясь в их необходимости [12, с. 51–57].

Таким образом, для того чтобы внеучебная деятельность выполняла свою миссию (развитие творчества, лидерских способностей, ораторского мастерства), она должна представлять собой систему образовательно-воспитательных услуг, одновременно выполняющую несколько функций – обучающую, развивающую, контролирующую, дисциплинарную и т. д. Исходной установкой должно стать положение о том, что успешной внеучебная работа сможет стать при условии, что она будет стимулировать интерес к знанию, к учебе.

Внеучебная деятельность должна создать все необходимые условия для прямой заинтересованности студентов в развитии своих талантов, способностей и повышении культурного уровня. Участие в университетских музыкальных ансамблях, хорах, занятия музыкой, работа в кружках, посещение кинотеатра для просмотра специально составленного цикла художественных фильмов, все это может засчитываться в качестве учебного процесса.

Достаточно важным и необходимым для современного кризисного общества должна стать разработка и осуществление лидерских программ. Внеучебная работа создает оптимальные условия для формирования лидерских качеств молодого человека. И в этом случае лидерство означает социальную активность, или «активную жизненную позицию», которая необычайно полезна для молодого специалиста. В первую очередь в такой позиции молодежи заинтересованы работодатели. Она представляет собой некий гарант свежих идей, неординарных подходов, смелых решений, что всегда обеспечивало развитие экономики. Следовательно, внеучебная деятельность влияет на внутренний мир человека, она учит важности и ценности служения обществу, гражданской ответственности и этики.

Таким образом, наиболее общая дефиниция лидерства в социологии должна отражать специфику взаимодействий, взаимовлияний членов группы с позитивным вектором на наивысший результат коллективной жизнедеятельности. Особое место в развитии лидерских качеств занимает система образования, так как именно образование является стратегической основой развития общества. Проблема лидерства изучается достаточно полно, и тем не менее необходимо изучить формы воспитательного воздействия на будущего специалиста, которые позволяют формировать его лидерские качества.

Список литературы

1. Шевченко Т. Н. Лидерство как условие формирования конкурентоспособного специалиста социально-культурной сферы / Т. Н. Шевченко // Изв. Рос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирант. тетр. – СПб., 2007. – № 21(51). – С. 326–328.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу / Ж. Блондель // Политология вчера и сегодня. – 1992. – Вып. 4. – С. 4–7.
3. Пугачев В. П. Введение в политологию [Текст] : монография / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев ; Мысль. – М., 1995. – 302с. – Библиогр.: с. 298–301.

4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. — Х. : Фолио, 2006. — 286 с.
5. Мексон М. Основы менеджмента : учеб. пособие / М. Мексон, М. Альберт, Ф. Хедоури. — М. : Мысль, 1992. — 490 с.
6. Ольшанский Д. В. Основные теории лидерства / Д. В. Ольшанский // Полит. психология. — 2002. — № 4. — С. 56–62.
7. Ложкин Г. Лидерство: история и современность / Г. Ложкин, Н. Зубанова // Персонал. — 2001. — № 2. — С. 45–49.
8. Определение понятия «лидерство» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://mirslovarei.com/content_soc/LIDERSTVO-11224.html.
9. Студент XXI века. Социальный портрет на фоне общественных трансформаций: украинская интерпретация : метод. рекомендации для соискателей исследоват. проекта 2008–2010 гг. / М-во образования и науки Украины ; Ин-т высш. образования АПН Украины ; Ассоц. учеб. заведений негос. формы собственности ; Харьков. гуманит. ун-т «Нар. укр. акад.» ; [сост.: В. И. Астахова и др.]. — Х. : Изд-во НУА, 2008. — С. 7.
10. Астахова Е. В. Трансформация социальных функций образования на рубеже веков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wsclan.narod.ru>.
11. Студенческое самоуправление [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://sovet.fizteh.ru/analysis/concept.html>.
12. Беликова Л. Ф. Отношение студентов к внеучебной деятельности в вузе / Л. Ф. Беликова // Социол. исслед. — 2000. — № 6. — С. 51–57.
13. Специфика внеучебной работы со студентами [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.tpu.ru/html/amerika.htm>.

Резюме

У даній статті фокус аналізу спрямовано на розгляд поняття «лідерство» кризь призму таких наук, як психологія, менеджмент, філософія, соціологія. Розглядається значущість вчз у розвитку лідерських здібностей у студентів. Наукове дослідження дозволило визначити, що проблемі лідерства присвячено незначну кількість праць у соціології, тому саме соціологічний внесок є найбільш перспективним.

Summary

The focus of analysis in this article is on the examination of the «leadership» concept through the prism of such sciences as psychology, management, philosophy, sociology. The significance of higher education in

the development of leadership qualities in students is being examined. The analysis of the problem research available shows that it is the sociological aspect that is most promising.

УДК 37.014

Л. О. Ківа

ОБНОВЛЕННЯ СИСТЕМИ ОСВІТИ ЯК ЧИННИК ІННОВАЦІЙНОГО РОЗВИТКУ ДЕРЖАВИ

Ключові слова: освіта, інновації, внз, потреби постіндустріального розвитку, удосконалення системи освіти, реформування освіти, науково-дослідна робота, високотехнологічне виробництво, система антикризових заходів, державна програма, економіка освіти.

Інноваційність як одна із найважливіших рис постіндустріального суспільства виявляється перш за все у спроможності трансформувати знання (результат наукової та освітньої діяльності) у створення нових продуктів, процесів і послуг. Потенціал інноваційного розвитку суспільства тісно пов'язаний із проблемами освіти: її масштабами, формами, механізмами функціонування, а відповідно, і з характером взаємодії з іншими структурно-функціональними елементами соціально-економічного устрою суспільства [4].

Удосконалення системи освіти найчастіше розглядається у двох основних аспектах. Один із них пов'язаний з необхідністю розв'язання специфічних тільки для сфери освіти завдань (таких як, наприклад, тривалість і ступені навчання, вибір спеціалізації, критерії оцінки знань студентів, технічне оснащення тощо). Інша, більш складна проблема – це здатність освіти відповідати новим потребам постіндустріального розвитку і магістральним напрямом економічних та суспільних відносин. Для системи освіти, яка є досить консервативною галуззю економіки, здійснити це надто важко. Відчуваємо ми це і в нашій державі.

За даними звіту незалежної міжнародної організації Всесвітнього економічного форуму (ВЕФ) за 2007 рік, Україна серед 145 країн світу в рейтингу конкурентності посідає 73-тю позицію, хоча показники з проблем освіти у нас є набагато вищими: якість початкової освіти – 49-те місце, доступ до вищої освіти – 17-те, якість математичної і природничої освіти – 44-те, якість освітньої системи – 47-ме [6].

Реформування освіти може бути успішним, якщо воно враховує попит і потреби в кадрах нової якості галузей матеріального і духовного виробництва в умовах, коли й у них відбувається глибока трансформація, що породжується нововведеннями. Стагнація в окремих секторах економіки, відсутність радикальних інновацій, що характерно для країн з ринковою системою, яка розвивається, стримують імпульси попиту на фахівців нового профілю. Перелом до кращого настає лише в умовах, коли швидкими темпами розвиваються високотехнологічні галузі матеріального і духовного виробництва. У такій ситуації неухильно зростає потреба у новій системі навчання цілого покоління людей, які б мали високу кваліфікацію, творчо мислили і були здатні працювати колективно [4].

Особливо слід звернути увагу на підготовку фахівців, яких потребує нова економіка. Десятки тисяч студентів щорічно закінчують вищі навчальні заклади, але не знаходять можливості працювати за спеціальністю і задовольняються лише одержанням диплома. Звідси незацікавленість у навчанні, низька якість отриманих знань, формальне ставлення до практичних занять. Випускник вnz виходить на ринок праці, часто маючи слабке уявлення про свою майбутню роботу. Усе це свідчить про низьку ефективність усієї системи освіти, та вузівської особливо.

Але поряд з цим спостерігаються і позитивні зміни. Найбільші університети країни прагнуть поєднати навчання студентів з науково-дослідною роботою, зміцнювати співробітництво з високотехнологічними підприємствами і НДІ. Такі університети стають зразками інноваційної освіти. У них створюються великі науково-освітні центри, обладнані сучасною технікою і матеріа-

лами. Розширюються можливості формування колективів, які здійснюють міждисциплінарні дослідження, а також реалізації наукових досягнень, їх комерціалізації. Організуються науково-освітні центри з підготовки фахівців для високотехнологічних виробництв. Освіта все більше набуває проблемно-орієнтованого характеру. У цьому випадку значно зростає інтерес студентів до різних дисциплін, знання яких необхідне для розв'язання практичних проблем. Курс на прискорене відновлення економічного потенціалу і створення умов інноваційного розвитку неминуче передбачає посилення державного впливу на процеси трансформації. Узагальнення світового досвіду показало, що зусилля держав ефективні за дотримання низки умов. Це – оптимальне поєднання урядових заходів з дією ринкових механізмів, конкуренції, їх взаємодоповнюваність, безупинне удосконалення всіх механізмів державного регулювання, особливо фінансових, а також: системи програмування, що передбачає чітке формування цілей на основі прогнозних і експертних оцінок, створення програмних фондів і програмного управління, експертного аналізу; удосконалення демократичних форм виробничої стратегії соціально-економічного, у тому числі науково-технологічного розвитку.

А тому розробка системи антикризових заходів, що є першочерговим завданням уряду України, повинна містити в собі, насамперед, комплекс завдань щодо кардинального відновлення всього освітнього й наукового комплексу, збереження тут кадрів вищої кваліфікації й залучення талановитої молоді, прориву інформаційної блокади і в освіті, і в науці [1]. Без цього ми не вирвемося з кризи, не зможемо успішно вирішувати ні економічних, ні політичних, ні духовно-моральних проблем, не вийдемо на нормальну, цивілізовану дорогу суспільного прогресу.

З метою «створення правових, економічних і організаційних умов для активізації наукової діяльності та поглиблення її взаємодії з навчальним процесом в університетах, утворення університетів дослідницького типу на засадах експерименту для підготовки висококваліфікованих фахівців та виконання конку-

рентоспроможних наукових розробок» 19 вересня 2007 року Кабінет Міністрів України затвердив Державну науково-технічну та соціальну програму «Наука в університетах» на 2008–2012 роки [Цит. за 5, с. 103]. Ця програма покликана розв'язати сучасні проблеми у сфері освіти і науки. У тому числі заплановані обсяги і джерела фінансування програми передбачають значне збільшення фінансування освітньої сфери, починаючи з 2009 року.

Також Кабінетом Міністрів України було ухвалено розпорядження «Про схвалення концепції Державної програми прогнозування науково-технологічного розвитку на 2008–2012 роки» від 13 квітня 2007 р. № 175-р, яке передбачає створення правових, економічних і організаційних умов прогнозування науково-технологічного розвитку та забезпечення його проведення на постійній основі за рахунок коштів державного бюджету та інших джерел» [Цит. за 5, с. 103].

Вирішальним джерелом економічного зростання все більше стають знання. Нині у світі існує тільки один стандарт якості освіти – вищий світовий лідер. Країну, не спроможну забезпечити його, чекає відставання в галузі освіти, науки, техніки і технології.

Відомо, що на конкурентоспроможність вищих навчальних закладів і якість освіти значно впливає розробка та впровадження новітніх технологій у навчальний процес. Отже, виникає необхідність підвищення рівня якості освіти, що здійснюється за допомогою процесу якісного навчання в університеті, академії тощо. Усе це є головною сферою внутрішньої політики держави. Тобто, на першому плані у відношенні держави до людини, яка навчається, має бути університет [3].

Застосування програмного забезпечення у будь-яких галузях господарства значною мірою підвищує ефективність праці, межі зростання якої поки ще не встановлено, проте залежать вони від самої сфери застосування програмних систем та їх можливостей. А можливості з бігом часу зростають. Отже, в такій ситуації дуже важливо готувати спеціалістів зі сформованими навичками роботи в галузевих програмних системах, які здатні самостійно опанувати нові програмні платформи. А це вима-

гає, у свою чергу, максимального залучення новітніх технологій до навчального процесу [2].

Таким чином, незважаючи на урядові кроки на шляху до виходу з кризи в Україні, поки що занадто рано говорити про можливі результати державної програми. Однак слід зазначити, що ухвалення стратегічних рішень щодо розвитку національного інтелектуального потенціалу та потенціалу інноваційного розвитку суспільства є першочерговим завданням в умовах наростання конкуренції між країнами та стрімкого розвитку провідних технологій у світі.

Список літератури

1. Астахова В. И. Углубление интеллектуального кризиса в Украине: причины, последствия и пути преодоления / В. И. Астахова // Інтелігенція та влада : матеріали VI Міжнар. наук.-практ. конф. -семінару кер. ВНЗ, учених-дослідників і представників владних структур із проблем сучасної інтелігенції. 14 берез. 2008 р. — Х. : Вид-во НУА, 2008. — С. 15—18.
2. Ківа Л. О. Новації в професійній підготовці економістів / Л. О. Ківа // Проблеми гуманізації навчання та виховання у вищому навчальному закладі освіти : матеріали шостих Ірпінс. міжнар. пед. читань, 22—23 трав. 2008 р. — Ірпінь, 2008. — С. 121—127.
3. Лаврова-Рейнфельд І. А. XXI століття: особистість, освіта, гуманізм / І. А. Лаврова-Рейнфельд // Там само. — С. 42—46.
4. Мацелюх Н. П. Освіта як чинник інноваційного розвитку / Н. П. Мацелюх // Там само. — С. 163—166.
5. Шутенко Л. М. Інтелектуальний потенціал України: сучасний стан та перспективи розвитку / Л. М. Шутенко, В. І. Торкатюк, Н. В. Бібік // Інтелігенція та влада : матеріали VI Міжнар. наук.-практ. конф.-семінару керівників ВНЗ, учених-дослідників і представників владних структур із проблем сучасної інтелігенції. 14 берез. 2008 року. — Харків : Вид-во НУА, 2008. — С. 100—104.
6. Творення вітчизняної освіти нової якості [Електронний ресурс] / Звіт Міністра освіти і науки України Ніколаєнка Станіслава Миколайовича за роботу з 4 лютого 2005 року по грудень 2007 року. — Режим доступу : <http://almamater.com.ua/modules/smartsection/item.php?itemid=44>. — Назва з екрану.

Резюме

Проблема усовершенствования системы образования обусловлена необходимостью соответствия образования новым потребностям постиндустриального развития государства и магистральным направлениям социальных и экономических процессов.

Summary

The problem of the education system improvement is caused by the necessity of an accordance of education with the new requirements of postindustrial state development and the main trends of social and economical process.

УДК 004.057:651

В. П. Козыренко, О. В. Лазаренко

**ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ
И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ФОРМАТОВ ДАННЫХ
(Состояние и перспективы развития электронного
документооборота в непрерывном комплексе ХГУ «НУА»)**

Ключевые слова: ХГУ «НУА», информатизация образования, непрерывное образование, электронный документооборот, форматы представления данных.

Организация эффективного и безопасного документооборота в условиях локальной сети и Интернет – задача, решаемая практически каждым учебным заведением с современной информационной структурой. Процесс реализации электронного документооборота существенно осложняется наличием различных форматов и обострившейся борьбой форматов представления данных в условиях создания единого информационного пространства. Речь идет о праве собственности на основу создаваемого глобального информационного общества – электронный документ. В условиях Болонского процесса и организации непрерывного образования необходимость стандартизации форматов в учебном заведении становится

крайне необходимой. В ХГУ «НУА» в рамках эксперимента по отработке и внедрению непрерывного образования [1; 2] организация электронного документооборота является одной из актуальных задач. Многоуровневая среда академии с развитыми сетевыми ресурсами и дистанционными технологиями обучения предъявляет особые требования к стандартизации форматов обмена данными. Актуальность вопроса выбора и стандартизации форматов представления данных [3] порождает и другую задачу – преобразование данных между форматами. К наиболее часто используемым в документообороте академии форматам данных следует отнести форматы программы Microsoft Word и формат PDF.

Форматы программы Microsoft Word. Распространенность этих форматов обусловлена популярностью текстового процессора Word. Основной особенностью, осложняющей работу с этими форматами, является его закрытость (собственность компании Microsoft). Более того, при смене версий самого текстового процессора совместимость форматов не обеспечена. Появившийся в Microsoft Office 2007 новый формат, основанный на технологии XML, ситуацию не улучшил. Текстовые документы, созданные при помощи пакета Microsoft Office 2007 и сохраненные в виде файлов Office Open XML (OOXML), не соответствуют в полной мере спецификации данного формата, принятой международной организацией ISO.

Формат PDF (Portable Document Format). Формат PDF разработан компанией Adobe Systems в 1992 г. PDF – универсальный формат для обмена документами. Каждый десятый документ, опубликованный в Интернете, сохранен именно в формате PDF. Особенности этого формата:

1. Программы просмотра документов в формате PDF бесплатные и достаточно распространенные (Acrobat Reader и др.). Предлагаем обратить внимание на программу PDF-XChange Viewer (Tracker Software). В отличие от известной программы просмотра Adobe Reader эта программа для просмотра файлов в формате PDF работает быстрее и является более функциональ-

ной. Платный вариант этой программы кроме стандартных возможностей позволяет редактировать страницы документа и закладки, экспортировать документ в графические файлы, шифровать файлы и т. д.

2. Формат PDF — платформонезависимый и открытый, обеспечивает сохранность документа при любой операционной системе. Это главное преимущество, поясняющее широкое распространение формата для создания архивов (версия PDF/A) и обмена информацией в Интернете (версия PDF/X). В настоящее время это практически единственный формат, гарантирующий правильное представление оригинала, представленного графикой, таблицами, текстом и т. д.

3. Повышенный уровень безопасности, возможность применения электронной подписи.

4. В декабре 2007 г. формат PDF принят в качестве международного стандарта.

5. Электронный документооборот с применением формата PDF уже определен в таких государственных органах, как МОН, МЧС, ГНА Украины.

6. Недостатком формата PDF остается сложность создания и редактирования документа.

Работу с электронными документами можно разделить на три основных этапа — создание и редактирование, пересылка (студентам, преподавателям и т. д.), хранение (кафедры, Центр научно-гуманитарной информации академии, архив). На первом этапе формат Word Document имеет явное преимущество, так как текстовый процессор Microsoft Word установлен практически на каждом офисном компьютере, прост в использовании и обладает широкими функциональными возможностями. В то же время полноценных редакторов для создания PDF-файлов не существует. А для пересылки и хранения существующего документа преимущества переходят к формату PDF.

Представленные обстоятельства не позволяют ставить вопрос о выборе между форматами Word и форматом PDF. По понятным причинам следует решать вопрос о совместном использо-

вании этих форматов. Совместное использование форматов в большинстве случаев сводится к задаче конвертации форматов Word в формат PDF. Задача имеет большое количество решений, многие из которых являются затруднительными в работе — несовместимость шрифтов, отсутствие поддержки кириллицы, высокая стоимость и т. д.

Рассмотрим наиболее приемлемые варианты и средства конвертации из форматов Word в формат PDF.

Universal Document Converter (компания fCoder Group) — коммерческая программа, основанная на технологии виртуального принтера. После установки данного программного обеспечения в операционной системе появляется еще одно печатающее устройство, доступное из любых приложений. Процесс конвертации происходит при печати в установленный виртуальный принтер. Кроме формата PDF имеется возможность экспорта исходного документа в большинство распространенных графических форматов. При невысокой стоимости данная реализация является достаточно эффективной.

ABBYY PDF Transformer 2.0 — универсальная коммерческая программа для работы с PDF-файлами. Эта программа позволяет создавать PDF прямо из приложений Microsoft Office. Кроме этого, имеется возможность и преобразования PDF-файлов в привычные, удобные для редактирования форматы — Microsoft Word, Excel, HTML и TXT. Программа позволяет создавать PDF-документы практически из любого приложения, поддерживающего вывод документа на печать (это делается при помощи драйвера принтера ABBYY PDF Transformer 2.0). Даже краткое описание свидетельствует о высокой эффективности и универсальности такой реализации взаимодействия форматов Word и формата PDF.

Microsoft Office 2007 — пакет обеспечен бесплатным дополнением SaveAsPDF.exe, позволяющим получать документы в формате PDF непосредственно при сохранении документа. В установочном пакете этого дополнения нет, его можно скачать из центра загрузки Microsoft Office (<http://www.microsoft.com/>

downloads/). Данный загружаемый файл после установки позволяет экспортировать и сохранять данные в форматах PDF в восьми программах пакета Microsoft Office 2007. При публикации в формате PDF имеется возможность получения электронных закладок, оптимизации размера документа, получения документа, совместимого со стандартом ISO 19005-1 (PDF/A). Наличие в академии лицензионного Microsoft Office 2007 позволяет рассматривать этот вариант как основной.

LERSUS – коммерческий программный продукт компании DELFI Software, предназначенный для быстрого создания интерактивных учебных материалов. LERSUS фактически собирает документ из фрагментов в формате Word Document. Обладая большим числом имеющихся шаблонов и возможностью дополнения их своими разработками, данная среда позволяет публиковать документы в различных форматах, в том числе в формате PDF. В академии этот программный продукт применяется для организации профессионального электронного издательства.

Рассмотренные варианты взаимодействия форматов в электронном документообороте академии направлены на эффективное обеспечение как управления непрерывным комплексом, так и учебно-воспитательного процесса. Как перспективные направления развития в академии электронного документооборота рассматриваются электронное издательство с применением программы Lersus и перевод электронных изданий и методических материалов в формат PDF.

Список литературы

1. Астахова В. И. Непрерывное образование как приоритетное направление образовательной политики украинского государства / В. И. Астахова // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2002. – С. 497–499.
2. Козыренко В. П. Опыт многоуровневой непрерывной информационной подготовки / В. П. Козыренко, В. А. Кирвас // Открытое образование. – 2006. – № 2. – С. 54–59. – Библиогр.: с. 58–59 (6 назв.).

3. Козыренко В. П. Информатизация общества и стандартизация форматов / В. П. Козыренко, С. И. Козыренко // Стратегия качества в промышленности и образовании : IV Междунар. конф. Варна, Болгария, 30 мая – 6 июня : материалы : (в 2 т.). – Днепропетровск ; Варна : Фортуна, 2008. – Т. 2. – С. 617-619. – Библиогр.: с. 619 (2 назв.).

Резюме

Процес реалізації електронного документообігу навчального закладу значно ускладнюється наявністю різних форматів. У статті представлено досвід застосування в академії найбільш поширених форматів і розглянуто можливі рішення щодо стандартизації електронного документообігу.

Summary

The process of implementing the electronic documents circulation in an educational institution is significantly complicated due to a great variety of data submitting formats and a severe competition among them. The article presents the People's Ukrainian academy's experience in using the most common formats and considers possible solutions to standardization of electronic documents circulation.

УДК 94(477) “1941/1945”

Г. И. Костяков

О НАУЧНОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОУН-УПА

Ключевые слова: концепция, Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия, национальная идея, идея националистическая, украинский интегральный национализм, бандеровцы, мельниковцы.

История ОУН-УПА в годы минувшей войны с фашистской Германией раскрыта во многих печатных изданиях. До недавнего времени преобладали темные тона, и лишь с обретением украинской независимости во взглядах на их место и роль произошли

существенные изменения. Суть перемен состоит в том, что деятельность оуновцев сегодня часто представляется не иначе, как продолжение героических традиций украинского народа в его борьбе за независимость. Придание вооруженной борьбе ОУН-УПА, в одном случае, антинародного характера, в другом — национально-патриотического создает определенные трудности в осмыслении тех далеких от нас событий.

Наша молодежь растет в условиях выбора политических ценностей и идеалов. В статьях 15, 34 Конституции Украины определено, что ни одна идеология не может быть обязательной, все граждане имеют право на свободу мысли и слова [1, с. 7, 14]. Вместе с тем в нормативных документах по образованию значительное место отведено деполитизации школы, не выделена проблема воспитания культуры политического мышления.

В связи с этим в изучении прошлого, истории ОУН-УПА появились тревожные симптомы. Определяющий момент — небывалая политизация истории. Она стала не просто болевой точкой общественного развития, а в ряде случаев превращается в мощное орудие политической борьбы. Стремление во что бы то ни стало «по-новому» оценивать деятельность ОУН-УПА приводит некоторых авторов к выводам, не согласующимся с реальными историческими фактами, а порой противоречащим им. Разумеется, на содержание подобных материалов решающее влияние оказывает позиция авторов. Такое явление в обстановке плюрализма можно было бы признать нормальным, но при одном непременном условии: позиция позицией, но истина дороже.

Поэтому сейчас остро встал вопрос о разработке научного концептуального подхода к изучению истории ОУН-УПА. Научный концептуальный подход — это определенный способ понимания, трактовки различных событий, основная точка зрения, руководящая идея при изучении, конструктивный принцип освещения. Он включает в себя оценку и учет особенностей современной исторической ситуации и обязательное применение принципов научной объективности и историзма,

системного, социального и комплексного подходов. При этом главное внимание должно быть обращено:

1) на рассмотрение каждого явления в истории ОУН-УПА в его многогранности и противоречивости; изучение фактов в их совокупности, независимо от того, нравятся они нам или нет, подтверждают существующее мнение или идут вразрез с ним;

2) на раскрытие фактов и общественных явлений в деятельности ОУН-УПА в неразрывности с конкретно-исторической обстановкой Второй мировой и Великой Отечественной войн, которая их породила и определила тенденцию, внутреннюю противоречивость их дальнейшего развития;

3) на выявление определенных национальных, социальных и классовых интересов в политической борьбе, в противоречиях социальной психологии и традиций;

4) на уяснение сути идеологических воззрений украинских националистов, позволяющих понять содержание их политических акций во время войны.

Прежде всего, нужно разобраться в сущности националистического движения периода войны, с научных позиций уяснить понятие «нация» и содержание национальной идеи и идеи националистической.

В науке все более утверждается положение о том, что известное всем четырехчленное определение нации как конкретно-исторической категории, характеризующей общность территории, языка, экономической жизни и однородностью национального характера (общность культуры), не учитывает динамики ее развития. В то же время сила, движущая генезисом нации, известна давно. Она раскрыта в определении нации, данном французским историком Жозефом Эрнестом Ренаном в его труде «История происхождения христианства». Помимо четырех признаков, Ренан рассматривает и пятый – «привычка к плебисциту».

Плебисцитом Ренан называл не всенародный референдум, проведенный по решению властей, а широко понимаемые действенные механизмы совместного обсуждения общих

проблем и определения общих интересов, которые являются движущей силой развития нации.

В свете ренановского определения процесс формирования и развития нации представляется как процесс объединения, а не разъединения людей. Становится понятным, что не кровь определяет нацию. Ее могут сформировать (и чаще всего так и бывает) люди различных национальностей и даже различных рас.

Пятый, ренановский, компонент определения нации делает очевидной и обоснованной разницу между национальной идеей, сплачивающей и объединяющей, и идеей националистической, разъединяющей людей, озлобляющей и противопоставляющей их друг другу.

С этих позиций мы должны анализировать развитие в годы войны новой исторической общности людей — общности «советский народ» (куда входила и украинская нация) и деятельность украинских националистов (ОУН-УПА). Социалистическая идея стала общенациональной. А отсюда и национальный лозунг «Украина снова будет советской» являлся важнейшим мобилизующим мотивом воинов всех национальностей, основой боевого братства, массового ратного и трудового героизма. В этих условиях патриотизм каждой нации и народности перерастал в общесоветский патриотизм, а национальная гордость — в общенациональную гордость советского человека.

В основе идеологических воззрений ОУН лежал украинский интегральный национализм, который считал нацию абсолютной ценностью, внеисторической формой единства, а высшей целью — достижение государственной независимости (работа «Национализм» Дм. Донцова, 1926 г.). Политика, по мнению Дм. Донцова, является своеобразным воплощением дарвиновской борьбы видов за выживание, поэтому конфликты между нациями неизбежны. Из этого вытекало, что цель оправдывает любые средства, воля преобладает над здравым смыслом. А отсюда — постоянный поиск врага и террор к инакомыслящим представителям своей нации.

Ни Донцов, ни другие идеологи движения не имели четких

представлений о типе государства и характере общества, которые будут установлены после достижения независимости. В основу политической системы закладывался принцип правления одной партии – националистической. Иерархия «борцов», или «лучших людей», составляла костяк руководства этой партии. Во главе движения и будущего государства стоял верховный лидер – вождь, обладающий неограниченной и неоспоримой властью [2, с. 541–542].

Совершенно очевидно, что идеи нациократии, вождизм, русофобия, тоталитаризм составляли общность между программами ОУН и национал-социалистической партии Германии [3, с. 144]. В документе украинских националистов 1940 г. «Ідея і Чин (Вишкіл українського націоналіста)» мы читаем: «Ці нові націоналістичні рухи носять різну назву в різних краях. В Італії – фашизм, в Німеччині – гітлеризм, у нас – український націоналізм.

Націоналізм різних країн є явищем аналогічним, бо ставить націю за основний осередок змагань.

Фашизм і націонал-соціалізм й український націоналізм мають багато спільних елементів, як відродження вартості духовних чинників, ідеалізму, волюнтаризму...

Як фашизм є втіленням і виявом і оформленням Німеччини до відродження сил і панування над світом, так і український націоналізм є органічно творчим виявом українського духу...».

Подобные материалы свидетельствуют о зловещей сути идеологии, антинародном содержании политики украинских интегральных националистов.

Всесторонне анализируя генезис ОУН, следует заметить, что первые группы будущих интегральных националистов появились в Галичине и в большей степени среди эмигрантов в Чехословакии еще до того, как окончательно сформировалась идеология этого движения. В 1920 году в Праге небольшая группа офицеров основала «Українську військову організацію» (УВО), действовавшую подпольно и ставившую своей целью продолжение борьбы против польской оккупации западных областей Украины.

Командиром УВО вскоре был избран видный деятель борьбы за независимость, бывший командующий «Сечевых стрельцов» Евген Коновалец. Прекрасный организатор и тонкий политик, он быстро стал бесспорным лидером интегральных националистов предвоенных лет.

После проведения ряда подготовительных конференций представители УВО и студенческих обществ собрались в Вене и создали «Организацию украинских националистов» (ОУН). Кадровую основу ОУН составила галицкая молодежь.

Гибель Коновальца в 1938 году в Роттердаме стала большой потерей для националистического движения. В его рядах произошел раскол, причиной которого послужил конфликт между ветеранами движения и молодыми галицкими радикалами в основном из-за форм и методов борьбы. Не сумев достичь компромисса, обе группы провозгласили себя единственными законными руководителями организации. Сторонники С. Бандеры, в основном молодежь, составлявшая большинство организации, стали называться ОУН-Б (или просто бандеровцами); более умеренные члены ОУН, сторонники А. Мельника, взяли название ОУН-М, или мельниковцы.

Внутренние раздоры между двумя группами, приняв форму террористической борьбы, усилились с началом Великой Отечественной войны. Но, несмотря на это, украинские интегральные националисты с энтузиазмом приветствовали нападение Германии на СССР, видя в этом многообещающую возможность для образования независимого украинского государства.

И хотя ОУН и немцы имели общего врага, их интересы и цели были разными. Немцам ОУН представлялась полезной как диверсионная сила, способная опустошать советский тыл. В намерения интегральных националистов входило использовать войну для распространения собственного влияния в Украине.

Вместе с тем следует заметить, что среди немцев существовали серьезные разногласия в отношении к ОУН. Рейхсминистр А. Розенберг, абвер (военная разведка) адмирала В. Канариса, имевшие прочные связи с ОУН, считали необходимым сотруд-

ничество с ней. Еще до войны в школах абвера прошли подготовку офицеры, которые позднее возглавили УПА. Офицерами абвера были Р. Шухевич, Д. Клячківський, О. Луцкий, В. Сидор, И. Гринех, Ю. Лопатинский и другие «старшины УПА». В то же время аппарат нацистской партии во главе с М. Борманом, шеф гестапо Г. Гиммлер пренебрежительно отвергали саму возможность отношения к ОУН как к серьезному политическому партнеру. Эта позиция взяла верх после поддержки ее А. Гитлером.

Так или иначе, перед войной и с ее началом между ОУН и фашистской Германией имело место сотрудничество. Результатом его стало создание в составе вермахта украинского военного объединения – «Легіон українських націоналістів», сформированного из украинцев пробандеровской ориентации, набранных на оккупированных немцами территориях. Это формирование состояло из двух батальонов – «Нахтигаль» и «Роланд». Если немецкое командование планировало использовать «Легіон» в диверсионных целях, то бандеровцы надеялись, что он станет основой украинской армии.

В первые же дни немецкого вторжения в Украину конфликт интересов нацистов и интегральных националистов четко обозначился. С безрассудной смелостью ОУН-Б при опоре на «Нахтигаль», не согласовав с немецким руководством своего решения, провозглашает 30 июня 1941 года в только что взятом Львове Украинское государство. Премьер-министром украинского правительства был избран Ярослав Стецько – ближайший соратник С. Бандеры. ОУН-Б пошла ва-банк, полагая, что немцы скорее примут эту акцию как свершившийся факт, чем пойдут на конфронтацию в самом начале своей агрессии.

Реакция Берлина была резко негативной. Она породила острый кризис в отношениях между ОУН-Б и оккупационными властями, а также высшим руководством рейха, хотя в акте провозглашения Украинской державы всячески акцентируется на наитеснейшем союзе с третьим рейхом в борьбе против СССР. «Фюрер – единственный, кто руководит борьбой, и никаких

украинских союзников не существует», — такое предупреждение получил Бандера из Берлина [3, с. 146].

В связи с этим еще более обостряются противоречия между фракциями ОУН. Существовая полностью легально, мельниковцы открыто сотрудничали с оккупационной властью, были старостами в селах, полициями. Это объясняется намерением влиять на фашистское руководство, постепенно склоняя его к предоставлению Украине ограниченной самостоятельности. В апреле-мае 1943 года они сформировали дивизию «СС-Галичина» из украинцев «дискрита Галичина» по образцу немецких гренадерских дивизий. В ней насчитывалось 18 тыс. человек. Они были одеты в форму войск СС, вооружены немецким оружием, на командных должностях находились немецкие офицеры. Командовал дивизией бригаденфюрер СС Фрайтаг. Дивизия была разбита Красной Армией в боях под Бродами 17–22 июля 1944 года, а после переформирования преобразована в «14-ю гренадерскую дивизию войск СС» и воевала против партизан Югославии, а в 1945 году действовала у г. Грац (Австрия). В полном составе в апреле 1945 года дивизия капитулировала перед американскими войсками.

Частью общей для обеих групп ОУН стратегии — ставить немцев перед свершившимся фактом — стали их попытки создания органов местной администрации в оккупированных районах Украины. Для этой цели было собрано около 2 тыс. членов ОУН, которые, разбившись на так называемые «похідні групи», следовали за наступавшими в глубь Украины немецкими частями и формировали из украинцев органы местной администрации.

В целом ожидания интегральных националистов того, что немцы вскоре создадут украинское государство, — не оправдались. Более того, раздраженная активностью интегральных националистов немецкая администрация уже осенью 1941 года арестовала и расстреляла многих членов походных групп.

Важным событием, к примеру, для харьковских националистов явилось посещение Харькова группой лидеров ОУН-М

И. Самчуком, Ю. Костюком и епископом М. Скрыпником. Однако это не оказало влияния на рост националистического движения на Харьковщине. Впоследствии И. Самчук писал, что «Харьков оставляет впечатление большого города без тепла и уюта, или бетонно-твердого» [4, с. 83–87].

Особо пострадала бандеровская фракция ОУН за бескомпромиссное отстаивание «Акта 30 червня». Его инициаторы – Бандера и Стецько – были интернированы в концлагерь Заксенгаузен, правда, на правах «почетных заключенных», а всего уже в июле 1941 года было арестовано несколько сотен их сторонников. В этих условиях бандеровцы приступают к формированию Украинской повстанческой армии (УПА).

Базой националистических вооруженных формирований стали повстанческие отряды, созданные в лесных районах Волыни и Полесья известным деятелем украинского освободительного движения Т. Боровцом (Тарасом Бульбою). В комплектовании и обучении этих подразделений приняли участие бывшие офицеры украинских батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», что действовали в составе вермахта. Общее руководство строительством УПА осуществлял высший орган ОУН-Б – Центральный провод. Считается, что в октябре 1942 года формирование повстанческой армии было завершено. Командующим стал Дмитро Клячківський (Клим Савур). Возникла и специальная разведывательная и контрразведывательная служба ОУН-УПА – «Служба безпеки».

В сентябре 1943 года была завершена организационная перестройка повстанцев, и главнокомандующим расширенных сил УПА был назначен член руководства ОУН-Б, один из высших офицеров реформированного батальона «Нахтигаль» Роман Шухевич (Тарас Чупринка). Опираясь на разветвленную и эффективную подпольную сеть ОУН-Б, УПА быстро выросла в большую, хорошо организованную партизанскую армию, контролировавшую значительные районы Волыни и Полесья, а позднее и Галичины. Хотя многие украинские эмигрантские источники утверждают, что в высший момент своего развития –

в конце 1943 – в начале 1944 года – УПА насчитывала 100 тыс. бойцов, более взвешенные подсчеты указывают цифру в 30–40 тыс. В то же время в составе Красной Армии против немецко-фашистских захватчиков воевало около 7 млн представителей украинского народа, 501 тыс. человек – в советских партизанских отрядах, было проведено 84 партизанские операции, освобождено от фашистов 139 населенных пунктов [5, с. 295].

Создание УПА потребовало расширения ее социальной базы. С этой целью в июле 1944 года по инициативе ОУН-Б в районе Самбора (Галичина) тайно собрались представители различных западно-украинских партий (кроме ОУН-М), которые создали «Українську Головну Визвольну Раду» (УГВР). Подчеркивая свою солидарность с антинацистскими и антисоветскими силами, УГВР одновременно призывала к большей терпимости к неинтегральным национальным идеологиям, отказу от расовой и этнической исключительности, уделила больше внимания социально-экономическим вопросам и, кроме того, призывала нерусские народы СССР к совместной борьбе против Москвы. Уточнена была цель борьбы: «УПА решительно борется как против российского коммуно-большевизма, так и против немецкого национал-социализма, пока не очистят Украину от всех «опекунов» и «освободителей», пока не создадут Украинской самостоятельной свободной державы» [6].

Конфронтация между ОУН-Б и немецкой оккупационной властью – факт неоспоримый. Но до чего же запутанными были отношения сторон, которые даже воевали по-особому! Руководство УПА проявляло осторожность в отношении немецких гарнизонов, целенаправленно сберегая свои войсковые силы для выполнения наиглавнейшего задания – борьбы с советскими войсками. Однако боевые сотни и готы порой было трудно удержать от спонтанных выступлений. Вооруженная борьба имела в основном «местное значение», УПА проводила отдельные бои и стычки, но не боевые операции как советские партизаны. Зарубежный исследователь УПА П. Мирчук отмечает, что обычно отделы УПА избегали боев с немецкой армией, их удары

были направлены против немецкой администрации и полиции [7, с. 51]. А в донесении разведотдела войск СС и полиции Украины от 30 июня 1943 г. прямо говорится: «Нападение на немецкие подразделения были редкостью, не было ни одного случая пленения служащих немецкой полиции и военнослужащих вермахта... Имели место случаи, когда банды сознательно щадили жизнь немцев [3, с. 153].

С приближением советских войск руководство ОУН-УПА просит поддержки со стороны немецкого командования. Первые контакты имели место уже в январе 1944 года. В документах переговоров представителя СД д-ра Паппе и члена Центрального провода ОУН Герасимовского от 5 марта 1944 года определяется: «Бандеровская группа будет довольна государственной формой под протекторатом Германии... В нелегальной борьбе мы не боремся против Германии, а готовимся к решительной борьбе с Советами. Если в некоторых местах и состоялись акты антинемецкого саботажа, то это никогда не было по приказу бандеровской группы, а делалось самовольно украинцами с криминальным прошлым». Иван Герасимовский побывал во всех подразделениях УПА и обратил внимание командиров отрядов на следующее: «...По приказу штаба все отряды УПА должны относиться к немцам лояльно» [3, с. 156].

Реальным результатом переговоров стало заключение своеобразного «бартерного соглашения» – разведанные о Красной Армии в обмен на вооружение. Немецкое командование передало УПА 700 минометов, 10 тыс. пулеметов, 100 тыс. гранат и другого военного имущества, в том числе сотни радиостанций и десятки типографий. По словам Отто Скорцени (шефа тайных операций СС), была разработана секретная операция «Sonnenblume», предусматривавшая строгую координацию действий ОУН-УПА и вермахта.

Важным направлением вооруженной борьбы УПА явилось вытеснение советских партизан с западно-украинских земель. Широкие боевые действия против советских партизан УПА начала осуществлять с февраля 1943 года. Одной из первых была

встреча УПА в конце февраля 1943 года с отрядами Сидора Ковпака, который намеревался пройти через Западную Украину и закрепиться в Карпатах. Однако повстанцы не пропустили эту группу в данный район.

В августе 1943 года УПА разбила партизанское соединение Михайлова, которое действовало в Суражских лесах. В октябре – ноябре 1943 года отряды УПА провели 54 боя против партизан, которыми командовали А. Сабуров, П. Вершигора и А. Федоров [8, с. 31–32, 44]. Подобных примеров западно-украинскими историками приводится много, что подтверждает активное участие УПА в боевых действиях против советских партизан.

Первые бои между Красной Армией и отрядами УПА произошли осенью 1943 года, но более серьезные столкновения начались в январе 1944 года, когда советские войска пришли на западно-украинскую землю. Некоторые стычки советских войск с УПА достигали значительных масштабов. Например, в апреле 1944 года в операции против УПА в районе Кременца на Волини участвовали подразделения общей численностью до 30 тыс. человек. Другие столкновения были более мелкими, но очень частыми. Согласно советским данным, осенью 1944 года на Волини УПА провела 800 рейдов. Только на Станиславщине в Галичине было убито 1500 советских активистов. В этот период, по заявлениям советских властей, им удалось уничтожить 36 «банд» УПА общей численностью 4300 человек [2, с. 600].

Таким образом, только на основе многомерного научного концептуального подхода к изучению истории ОУН-УПА можно заключить, что союз украинских интегральных националистов с третьим рейхом в 1933–1941 годах, как и в 1944–1945, был «союзом коня и всадника», где оуновцы выступали уж никак не в роли последнего. Трагический характер ее борьбы усиливается тем, что советские войска и партизаны, которые мужественно сражались с фашизмом, оказались в числе противников УПА.

Список литературы

1. Конституція України : Прийняття на п'ятій сесії Верхов. Ради України 28 черв. 1996 р. – К. : Преса України, 1997. – 80 с.
2. Субтельний О. Україна: історія / О. Субтельний. – К. : Либідь, 1993. – 720 с.
3. Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) / М. В. Коваль. – НАН України. Ін-т історії України ; за заг. ред. В. А. Смолія. – К. : Альтернативи, 1999. – 335 с.: іл. – Україна крізь віки; Т. 12.
4. Скоробогатов А. ОУН у Харкові за часів окупації (1941–1943 рр.) / А. Скоробогатов // Укр. іст. журн. – 1999. – № 6. – С. 81–88.
5. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1942–1945 : Документы и материалы. – Киев, 1980. – Т. 2. – 380 с.
6. За что боролась УПА // Голос Украины. – 1992. – 18 июл.
7. Мирчук П. Украинская повстанческая армия 1942–1952: документы и материалы / П. Мирчук. – Л. : НТШ, 1991. – 447 с.
8. Шанковский Л. История украинского войска / Л. Шанковский. – К. : Панорама, 1991. – 248 с.

Резюме

У статті розглядається науковий концептуальний підхід до вивчення історії ОУН-УПА. Головну увагу звернено на аналіз сутності ідеологічних переконань українських націоналістів, що дозволяють зрозуміти зміст їх політичних акцій у роки Великої Вітчизняної війни. Кожне явище в історії ОУН-УПА розкривається в його багатогранності й суперечності на основі сукупності фактів.

Summary

The article takes a conceptual approach to studying the history of the Ukrainian nationalist organization – Ukrainian insurgent army. In the focus of attention is analysis of the essence of Ukrainian nationalists' beliefs that makes it possible to understand the nature of their political actions during the Great Patriotic War. Each phenomenon in the history of the organization is revealed in its versatility and contradictions on the basis of a combination of facts.

УДК 37.016:811.111]:004.738.5

И. В. Мухортова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: Интернет, Интернет-ресурсы, подкаст, Интернет-сайт, инновационные средства и технологии, поисковая система.

Объектом исследования в данной статье является использование инновационных средств и технологий в процессе обучения иностранным языкам в высшей школе.

Наша цель — проанализировать возможности, целесообразность и эффективность использования информационных технологий в аудиторной и внеклассной работе над иностранным языком в условиях стационарного и дистанционного обучения.

Вопрос об использовании новых информационных технологий в высшей школе в последние годы обсуждается все чаще. Это не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, инновационный подход к процессу обучения. Преподавание иностранных языков с использованием новых возможностей в этом контексте представляет особенный интерес. Основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие коммуникативной культуры студентов, обеспечение практического владения иностранным языком. Задача преподавателя состоит в том, чтобы создать условия практического овладения языком для каждого учащегося, выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому обучающемуся проявить свою активность, свое творчество — другими словами, активизировать познавательную деятельность учащегося в процессе обучения иностранным языкам. Современные педагогические технологии: обучение в сотрудничестве, проектная методика, использование новых, информационных технологий, Интернет-ресурсов — помогают реализовать личностно ориентированный подход в обучении,

обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей обучающихся, их уровня подготовки, склонностей и т. д.

Возможности использования Интернет-ресурсов огромны. Глобальная сеть Интернет создает условия для получения какой угодно необходимой учащимся и преподавателям информации из любой точки земного шара: страноведческий материал, новости из жизни молодежи, статьи из газет и журналов, необходимую литературу и т. д. Как информационная система Интернет предлагает своим пользователям многообразие информации и ресурсов. Базовый набор услуг может включать в себя: электронную почту (e-mail); телеконференции (usenet); видеоконференции; возможность публикации собственной информации; создание собственной домашней странички (homepage) и размещение ее на Web-сервере; доступ к таким информационным ресурсам, как справочные каталоги (Yahoo!, InfoSeek/ UltraSmart, LookSmart, Galaxy); поисковые системы (Alta Vista, HotBob, Open Text, WebCrawler, Excite); разговор в сети (Chat). Все эти ресурсы могут быть активно использованы на занятиях.

Овладение коммуникативной и межкультурной компетенцией невозможно без практики общения, и использование ресурсов Интернет на уроке иностранного языка в этом смысле просто незаменимо: виртуальная среда Интернет позволяет выйти за временные и пространственные рамки, предоставляя ее пользователям возможность подлинного общения с реальными собеседниками на актуальные для обеих сторон темы. Однако нельзя забывать о том, что Интернет – лишь вспомогательное техническое средство обучения, и для достижения оптимальных результатов необходимо грамотно интегрировать его использование в процесс обучения. Вопрос интеграции Интернета в образование и, в частности, применение его в обучении иностранным языкам, в настоящее время весьма актуален. Он касается как создания технологии дистанционного обучения [1; 2; 3], так и разработок использования служб Интернета (всемирная паутина WWW, электронная почта E-mail,

телеконференції, радіовещання) в преподаванні [4; 5; 6]. Розглядаючи Інтернет як технічне засіб обміну інформацією, можна говорити про те, що він збільшує відстань і розширює зону дії вербальних форм інформації [7]. Інтернет як система масової і міжособистісної комунікації дозволяє і доставити інформацію до багатьох споживачів, і встановити обмін інформацією між ними, а також з створителями того чи іншого сайту. Спектр ресурсів Інтернету, навчальних мовної діяльності на англійській мові, достатньо широкий, їх можна використовувати для підготовки матеріалів для занять, що, на наш погляд, є найпростішим варіантом використання ресурсів Інтернету [8].

Непосереднє навчання іноземній мові з використанням Інтернету повинно відповідати наступним принциповим положенням [6]: самостійна практика кожного навчального; керівництво педагога за рахунок інтерактивності; ефективна зворотна зв'язь; колективність занять; різноманітність видів самостійної діяльності. Крім того, необхідно також виконання основних методических принципів: комунікативності, свідомості, опори на рідну мову навчаних, наочності, позитивного емоційного фону. Цим вимогам повинно відповідати навчання іноземній мові як в мовній, так і в немовній вузі [8]. Будь-який використовується в процесі викладання сайт Інтернету повинен (в тій чи іншій ступені) задовольняти цим вимогам. В якості прикладів таких джерел можна привести медіасайт на англійській мові: *The Washington Post*.

В процесі набуття міжкультурної компетенції онлайн-газета є незамінним помічником. Вона дозволить учасникам зануритися в атмосферу світових подій практично в поточний момент, побачити відбуваюче з різних точок зору. *The Washington Post* має п'ять основних рубрик: новини, стиль життя, спорт, рекламні оголошення і новини ринку. Особливо цінною для класної роботи є посилання *send us feedback*, що здійснює інтеракцію читача з изда-

тельством. Кроме того, можно высказать свое мнение относительно прочитанного и лично побеседовать с автором определенной статьи. Существуют и другие новостные агентства, имеющие сходную, удобную для пользователя структуру: CNN World News, ABC News, BBC World Service, The Washington Times, The New York Times.

BBC World Service (<http://www.bbc.co.uk/worldservice>) предоставляют возможность не только прочитать, но и прослушать новости, причем можно даже выбрать для себя подходящий уровень владения английским языком и прослушать новости в режиме LEARNING ENGLISH. Интересной может показаться двойная классификация статей – по темам и по континентам. Обратная связь с издательством осуществляется с помощью ссылки CONTACT US.

ABC News (<http://www.abcnews.go.com/index.html>) сопровождает свои публикации помимо звукового еще и видеосопровождением. Возможна также беседа на предложенную тему среди читателей в разделах CHAT.

CNN World News (<http://cnn.com/WORLD>) предлагают информацию на нескольких языках и двойную классификацию статей. Есть возможность вызвать аудио- и видеосопровождение. Интеракция читателей с редакцией и между собой возможна в рамках рубрики DISCUSSION (дискуссия), где есть своя доска объявлений (MESSAGE BOARDS), комната для беседы (CHAT) и связь с редколлекцией (FEEDBACK). The New York Times, помимо вышеперечисленного, предлагает своим читателям учебную версию газеты с готовыми поурочными разработками.

Все вышеописанные ресурсы Интернета уже достаточно активно используются преподавателями в процессе обучения. Однако не следует забывать, что возможности всемирной сети постоянно расширяются, и современному преподавателю необходимо постоянно отслеживать новшества, предлагаемые Интернетом для обучения. Здесь следует привести пример такого сравнительно недавно возникшего явления, как «Подкастинг». **Подкастинг** (англ. *podcasting*, от iPod и англ. *broadcasting* –

повсеместное, широкоформатное вещание) – процесс создания и распространения звуковых или видеопередач (то есть подкастов) во Всемирной сети (обычно в формате MP3). Как правило, подкасты имеют определенную тематику и периодичность издания (хотя бывают и исключения). Целевая аудитория подкастинга – пользователи персональных или портативных компьютеров, а также владельцы портативных проигрывателей. Существует огромное количество обучающих подкастов, использование которых может существенно разнообразить занятия по иностранному языку. Подкасты, как правило, делятся на категории: грамматические подкасты, бизнес-подкасты, страноведческие подкасты. Такая дифференциация дает возможность подобрать материалы для любой темы занятия, а также, учитывая требования современной системы образования, использовать их в процессе планирования самостоятельной работы студентов. Можно выделить подкасты, представленные центром развития образования в Лос-Анджелесе и подкасты BBC. Они уже используются нами как на занятиях, так и во внеаудиторной работе студентов. Ценность данного материала заключается, прежде всего, в аутентичности, современности и образовательной направленности.

Споры о том, является ли обучение языку с использованием новых технологий и Интернет-ресурсов более эффективным по сравнению с традиционными методами обучения, начались давно и не прекращаются до сих пор. По-видимому, такое противопоставление некорректно. Новейшие технологии не исключают традиционных, наработанных и испытанных в течение не одного десятилетия методик. Грамотное и разумное сочетание традиций и новаторства может быть вполне успешным. Ясно одно: в XXI веке компьютеры в целом и Интернет в частности являются обязательным компонентом профессионализма специалиста. Трудно переоценить роль компьютерных технологий в исследовательской работе, в развитии навыков письменной речи, в формировании коммуникативной компетенции. Использование информационно-коммуникационных

технологий в обучении языку обеспечивает достижение двух целей – совершенствования навыков владения иностранным языком и повышения уровня компьютерной грамотности, необходимой любому специалисту в современном обществе.

Компьютерные технологии обновляются с поразительной скоростью, создавая все новые возможности получения и обмена информацией. Их обучающие перспективы поистине безграничны. Задача преподавателя – отслеживать появление всего нового и интересного, что может повысить эффективность процесса обучения.

Список литературы

1. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранных языков : тез. докл. Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2004 г.) / Мин-во образования и науки РФ, НОПрид, МГУ-СУНИ, ЦДО на ФИЯ МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : МГУ, 2004.

2. Карамышева Т. В. Изучение иностранных языков с помощью компьютера. В вопросах и ответах / Т. В. Карамышева. – СПб. : Союз, 2001. – 192 с.

3. Насибуллин Э. Н. Об эффективности информационных технологий обучения [Электронный ресурс] / Э. Н. Насибуллин. – Режим доступа : <http://www.tiei.ru/ppage/pages/57/HTML/nasibullin/htm>, свободный.

4. Новейшие технологии преподавания иностранного языка как средства межкультурного и профессионального общения : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 2004 г.) / Рос. эконом. акад. – Москва : РЭА, 2004.

5. Петровская С. А. Английский через Интернет / С. А. Петровская, К. В. Тростина, М. Г. Федотова. – М. : Изд-во Рос. экон. акад., 2004.

6. Раицкая Л. К. Интернет-ресурсы в преподавании английского языка в высшей школе: классификация, критерии оценки, методика использования : монография / Л. К. Раицкая. – М. : МГИМО, 2007. – 190 с.

7. Эйдельман Н. Ю. Использование новых информационных технологий в курсе по развитию навыков письменной речи на языковом факультете / Н. Ю. Эйдельман // Информационно-коммуникационные

технологии в преподавании иностранных языков : тез. Первой междунар. науч.-практ. конф. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – С. 289–293.

8. ELT News – The web site for English Teachers in Japan – Features – Interviews [Електронний ресурс] / Christina Gitsaki & Richard Taylor. – 2000–2001. – Режим доступа : http://www.eltnews.com/features/interviews/006_gitsaki_taylor1.shtml.

Резюме

Стаття присвячена актуальному питанню використання новітніх технологій, зокрема Інтернет-ресурсів, у процесі викладання англійської мови у вищій школі. Охарактеризовано сайти, які можуть бути використані викладачами у процесі навчання.

Summary

The article deals with the problem of employing new technologies, in particular Internet resources, in teaching English at higher schools. Examples of the Internet sites, which can be used by teachers of English, are suggested.

УДК 371.001.31(477)

О. І. Назарко

СУЧАСНЕ УЧИТЕЛЬСТВО УКРАЇНИ: ПРОБЛЕМИ І ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ

Ключові слова: учительство, учень, соціальна група, інтелігенція, професійна компетенція, освіта, влада.

З 80-х років ХХ ст., в Європі та Сполучених Штатах Америки розпочалася широкомасштабна модернізація національних систем освіти, зумовлена численними об'єктивними та суб'єктивними чинниками.

У Національній доктрині розвитку освіти зазначено, що «стратегічне завдання держави в освітній галузі полягає у забезпеченні якісної освіти на основі рівного доступу до навчання». Також задекларовано «формувані покоління, здатні навчатися впродовж життя...» [9]. Досягнення зазначеної мети потребує модернізації освітніх процесів на всіх рівнях. Так, протягом

останніх років впроваджено 12-бальну систему оцінювання навчальних досягнень учнів, використовуються моніторингові методики оцінювання якості освіти, запроваджується зовнішнє незалежне оцінювання тощо.

Зазначені питання ґрунтовно вивчалися вітчизняними і зарубіжними вченими. Питання розвитку компетентнісного підходу як стратегічного орієнтира модернізації освіти висвітлено в працях О. І. Пометун, С. Е. Турбачева, Н. Авдєєвої, Д. Рамен, Е. Тоффлера. Запровадженню інноваційних підходів до моніторингу рівнів досягнень компетенцій присвячено праці О. І. Локшиної, О. В. Овчарук. Практичні підходи до технології формування ключових компетенцій досліджують у своїх працях Л. І. Паращенко, І. Тараненко, І. Г. Єрмаков. Усебічний методологічний аналіз в системі педагогічних досліджень подано в роботах Г. П. Щедровицького. З аналізу наукових праць можна зробити висновок, що фахівці значну увагу приділяють дослідженню процесів та формуванню пріоритетів модернізації освітньої галузі. Але, на жаль, не завжди науковці приділять достатньої уваги соціальній характеристиці учасників освітнього процесу – учителя і учня. Спробуємо дослідити проблеми і перспективи розвитку учительства України в сучасних умовах інформаційного суспільства.

Учительство – соціально-професійна група в сучасному суспільстві. Вивчення учительства стало однією із традиційних тем в соціології освіти, бо з ним пов'язані проблеми сучасної школи. З огляду на предмет соціології освіти учительство гармонійно втілюється в уявленні про освіту як соціальну систему, в якій виділяється сукупність взаємодіючих соціально-освітніх спільностей. Найбільш повне розкриття всієї цієї сукупності – важлива передумова цілісного дослідження системи освіти і одночасно умова більш точного розуміння комплексу соціальних проблем учительства.

Соціологія освіти дозволяє виробити низку важливих положень, що характеризують учительство. Соціологічний дискурс розкриває закономірності та тенденції розвитку сучасної шкіль-

ної освіти та виявляє особливості учительства як соціальної групи. Одне з головних положень полягає в тому, що вчитель опиняється на перехресті низки соціальних суперечностей і не може своїми силами подолати їх вплив.

Зазначимо головні ознаки справжніх професіоналів – тривалий термін підготовки, володіння езотеричними знаннями, реальний і визначальний вплив на долю людей, контроль над стандартами у своїй професії та суворий відбір усередині неї, розвиток професійних, соціальних та громадянських зв'язків – усі ці риси учительство може набути, а соціологія освіти покликана сприяти такому процесу [6, с. 165].

Учитель – основний учасник освітнього процесу, який впроваджує інновації в умовах зміни соціального простору з новими запитами і очікуваннями суспільства. Соціальний тип учителя (як сукупність соціальних і психологічних рис) характеризується різними ознаками. Аналіз статистичних даних по Україні свідчить, що у 2007 році у загальноосвітніх навчальних закладах працювало 74 тисячі педагогічних працівників пенсійного віку, що становить 14,7% від загальної кількості працюючих педагогів. У 2002 році такий показник становив 11,7%.

Відчутними також є негативні соціальні наслідки минулих років, що призвели до зменшення у навчальних закладах питомої ваги педагогів-чоловіків. Так, якщо у 2001/02 навчальному році у школах України їх працювало 17,8%, то у 2006/07 навчальному році – тільки 16,1%. Взагалі, гендерна політика в освітній галузі та її вплив на якість навчання потребує особливої уваги та вивчення.

Окрім того, таку саму ситуацію ми маємо і з педагогічними працівниками, стаж роботи яких – понад 20 років, що дає їм право вийти на пенсію за вислугою років. Але низькі соціальні виплати призводять до того, що цей показник теж має тенденцію до зростання. Якщо у 2001/02 навчальному році він становив 38,4%, то у 2006/07 навчальному році – 46,8%, а це понад 255 тисяч осіб. Отже, основний контингент працюючих вчителів має вік від 41 до 50 років. Їх особистісне формування відбувалося

в іншому соціальному середовищі в умовах індустріального і пост-індустріального суспільства. Інформаційними комунікаціями дана соціальна група зазвичай володіє на рівні користувача. Впровадження нового, інноваційні підходи викликають у них незадоволення, оскільки руйнують стереотипи, а інколи — і світогляд.

Розглянемо ще одну значущу характеристику педагогів як соціальної групи — її відносини із владою.

Разом чи поруч? Так можна охарактеризувати взаємозв'язки влади і інтелігенції в умовах розбудови демократичного громадянського суспільства. Науковці й освітяни як представники інтелігенції (від грец. «*intelegent*» — читаючий, мислячий) завжди були пріоритетним об'єктом уваги з боку влади. Із деяких причин учительству, у цьому співвідношенні, надавалася перевага. З'ясуємо, чому?

По-перше. У порівнянні з науковцями, чисельність представників освіти завжди була об'єктивно більшою. Тож донесення владних інтересів через освітян підвищує рівень поінформованості населення та забезпечує відповідні умови впливу на свідомість.

По-друге. Виходячи з інтелектуальної густини та наукової щільності ресурси України розташовано вкрай нерівномірно. Науковці представляють, переважно, обласні центри, тоді як учительство представлено у найвіддаленіших регіонах та населених пунктах. І такий стан, зрозуміло, необхідно прокоментувати.

Проаналізуємо кількість вищих навчальних закладів України [1, с. 92] за областями у співвідношенні до професорсько-викладацького складу [1, с. 186] у кожному регіоні. Загальнодоступним є висновок, що цей показник найвищий у Києві, Харкові, Одесі, Донецьку, Дніпропетровську та АРК. Але ж такі дані свідчать тільки про науковий потенціал обласних центрів України. І цілком природним є той факт, що даний показник значно нижчий у районних центрах і малих містах обласного підпорядкування. Крім того, науковий потенціал віддалених районів майже не досліджено. Тож спробуємо розглянути

кадровий науковий та освітянський потенціал на прикладі міста Куп'янська Харківської області.

У 2007 році освітня галузь міста була такою: навчання 5855 учнів загальноосвітніх навчальних закладів забезпечувало 475 педагогів. Серед них тільки один кандидат наук та один здобувач кандидатського ступеня. В цілому, науковий потенціал міста в різних сферах господарчої діяльності представляють 7 кандидатів наук за таким складом: 3 – кандидати медичних наук, 2 – економічних, 1 – фармацевтичних, 1 – хімічних наук.

Даний показник співвідношення науковців і освітян (1 до 68) припадає майже на 35 тисяч міського населення Куп'янська. Тому слід відзначити, що, по-перше, післядипломна освіта має потенціал щодо оптимізації розвитку, а по друге, на найбільш численну армію освітян, як на міському так і на всеукраїнському рівнях, влада і покладає реалізацію ключових питань сучасної державної політики в галузі освіти – підвищення якісної освіти та забезпечення рівного доступу до навчання.

Соціальні стосунки завжди передбачають симбіоз у взаємодії суб'єктів та об'єктів. Тож у взаєминах «учитель – влада» існує дві сторони єдиного процесу суспільного розвитку. Крім того, що освітяни виконують соціальне замовлення у формуванні всебічно розвиненої особистості, з розвинутою уявою, широкими знаннями, творчим підходом до справи [3, с. 13], владі притаманні також певні функції.

На владу, першочергово, покладається відповідальність за розвиток освітньої сфери та добробут вчителя. Багато які напрями розвитку освіти влада підтримує і забезпечує. Так, згідно із Законами України «Про освіту», «Про загальну середню освіту» педагогічні працівники один раз на 5 років проходять атестацію кваліфікаційного рівня та курси підвищення кваліфікації за бюджетні кошти. Під час атестації, зазвичай, фаховий рівень вчителів майже завжди підвищується, ніколи не знижується, що, безумовно, повинно впливати на підвищення якості навчально-виховного процесу. Тому, в ідеалі, суспільство повинно мати креативного вчителя, здатного до інноваційної діяльності.

Але, на жаль, такі висновки не завжди відповідають дійсності. Політика влади на початку розбудови незалежності України, невиконання владою у 1997–2001 роках ст. 57 «Закону про освіту» стосовно соціальних гарантій призвели до відтоку молодих спеціалістів із закладів освіти, сприяли збільшенню працівників передпенсійного та пенсійного віку.

Поряд із суттєвим зменшенням кількості вакантних посад та зростанням якості професійної підготовки майбутніх вчителів, на жаль, загалом залишаються актуальними проблеми старіння педагогічних кадрів [2, с. 136].

Як відображення загальноукраїнської тенденції у районах та малих містах спостерігається така ж закономірність. Так, можна простежити щорічне зростання чисельності вчителів пенсійного віку м. Куп'янська за останнє десятиліття (табл.).

Таблиця

**Динаміка контингенту освітньої галузі м. Куп'янська
1996–2007 рр.**

Рік	Загальна кількість учнів міста	Загальна кількість вчителів міста	Число учнів на 1 вчителя	Кількість вчителів-пенсіонерів	% пенсіонерів від загальної кількості вчителів
1996	10139	604	16,78	35	5,79
1997	9786	552	17,72	35	6,3
1998	9482	565	16,78	36	6,4
1999	9105	563	16,17	36	6,4
2000	8724	541	16,12	36	6,65
2001	8266	524	15,77	41	7,82
2002	7874	522	15,8	47	9,0
2003	7381	504	14,64	55	10,9
2004	6877	490	14,03	60	12,24
2005	6431	489	13,15	64	13,1
2006	6097	481	12,76	71	14,76
2007	5855	475	12,33	77	16,2

З аналізу таблиці робимо висновки:

— відбувається щорічне зменшення контингенту учнів, яке буде продовжуватися відповідно до народжуваності в місті;

- зменшується навантаження на одного вчителя, що впливає на зменшення заробітної платні педагога;
- спостерігається стійка тенденція зростання питомої ваги педагогів пенсійного віку.

Але, крім матеріально-фінансових відносин учительства і влади, найбільш значущими і актуальними є морально-духовні взаємини. Освітяни завжди розуміли, що співпрацювати із владою краще, ніж з нею боротися. Одним із об'єктів співпраці може стати стратегія міського розвитку, яка має на меті взаємодію за трьома напрямками: профспілки, соціальні установи, заклади освіти у представництві учительства.

Інтелігенція завжди була прошарком суспільства, яка потайки сварила владу і, водночас, віддано служила цій владі. Але завдяки вірі в існування найвищої мети інтелігенція накопичувала високі моральні якості, концентрувала суспільні цінності, набувала внутрішнього змісту [4, с. 20].

Поняття інтелігенції обов'язково містить у собі уявлення про наявність моральних рис, які характеризують ставлення людини до «народу», або, як мінімум, до інших людей. Це почуття громадянського обов'язку, соціальної небайдужості, здатності до співчуття, духовності. Потрібно, щоб громадськість не мовчала, і ця громадськість має бути організованою. Ми повинні ще трішечки підрости до громадянського суспільства, де активність громадян є природною, а не штучною [5, с. 14]. Мабуть, у цьому і полягає призначення учительства в суспільстві — бути не байдужим і не промовчати.

На думку провідних фахівців, освіта і учительство багато в чому задають тон соціокультурному і соціоекономічному життю країни [8, с. 401]. Соціальний тип учительства являє собою інтелектуально збагачений прошарок суспільства, якому притаманні багатомірні характеристики, що можуть змінюватися або коригуватися під впливом вимог часу і викликам загальноцивілізаційного розвитку. Здатність до змін, відповідність вимогам суспільства — одна з головних характеристик учительства як соціальної групи. Перспективи розвитку

учительства є оптимістичними, оскільки зазначена соціальна група є здатною до самовдосконалення, самореалізації та саморозвитку протягом усього життя.

Список літератури

1. Астахова Е. В. Кадровый корпус высшей школы Украины: метаморфозы развития : монография / Е. В. Астахова ; Нар. укр. акад. [каф. истории Украины]. – Х. : Изд-во НУА, 2006. – 188 с.
2. Ніколаєнко С. М. Якісна освіта – запорука самореалізації особистості / С. М. Ніколаєнко // Освіта України. – 2007. – 10 серп. (№ 59). – С. 1–34.
3. Образование, общество, культура : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. Ф. Сухиной. – Х. : Изд-во НУА, 2006. – 252 с.
4. Аваков А. Главное : сб. ст. (апрель 2005 – октябрь 2006) / Арсен Аваков. – Харьков, 2006. – 48 с.: ил.
5. Вакарчук И. Я не буду Робеспьером. Мое «оружие» – убеждение и контроль / И. Вакарчук // Зеркало недели. – 2008. – 2 февр. – С. 14.
6. Современная социология образования : учеб. пособие / Сер. «Alma mater» / – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 320 с.
7. Курс лекций по социологии образования : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Х. : Изд-во НУА, 2003. – 424 с.
8. Михайлева Е. Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений : монография / Е. Г. Михайлева; Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА. 2007. – 576 с.
9. Національна доктрина розвитку освіти : проект / М-во освіти і науки України, Акад. пед. наук України, Прогр. розв. ООН, Міжнар. фонд «Відродження». – [К.] : Шк. світ, 2001. – 16 с.

Резюме

В статті дається характеристика основних учасників учебно-воспитательного процесса – учителя и ученика. Аналізуються проблеми сучасного учительства в умовах модернізації освіти. Крім того, звертається увага на взаємозв'язки учительства і влади в контексті побудови трьохсекторного громадянського суспільства.

Summary

The article characterizes the main participants in the educational and upbringing process – the teacher and the student. The problems facing contemporary teachers under the conditions of education modernization are analyzed. The relationship between the teachers and the authorities in the context of building up a three-sector civil society is considered.

УДК 347.23:378(477)

П. В. Нестеренко

**ПРАВОВІ ПРОБЛЕМИ ПРАВА ВЛАСНОСТІ ДЕРЖАВНИХ
ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ**

Ключові слова: державний вищий навчальний заклад, право власності, право оперативного управління, способи набуття права власності.

Більшість освітніх установ, а саме вищих навчальних закладів (далі – внз), на сьогоднішній день засновані на державній формі власності і діють в організаційно-правовій формі установи (62% від загальної кількості), а отже, фінансуються власником (в особі органів виконавчої влади) і цілковито залежать від нього у майнових питаннях. Відносини власності у системі вищої школи, їх розвиток і законодавче регулювання є дуже важливими з огляду на необхідність розвитку матеріальної бази внз та підвищення самостійності державних внз у розпорядженні набутим майном.

Згідно з ч. 1 ст. 63 Закону України «Про вищу освіту» [6], за вищим навчальним закладом з метою забезпечення діяльності, передбаченої його статутом, і відповідно до Закону та його організаційно-правової форми власником (власниками) закріплюються на правах оперативного управління або передаються у власність будівлі, споруди, майнові комплекси, обладнання, а також інше необхідне майно. Зазначене формулювання спричиняє певну невизначеність правового

режиму майна внз (особливо з огляду на втрату чинності Законом України «Про власність», який закріплював загальні норми про майно державних установ). Постає питання: чи може належати державним внз право власності на майно і, якщо так, то які підстави набуття права власності існують для них.

Дана проблема отримала розвиток у працях багатьох вчених, зокрема таких українських цивілістів, як В. І. Борисова, І. В. Жигалкін, І. Ф. Севрюкова, І. В. Спасибо-Фатеева, та російських вчених — Є. В. Богданова, В. П. Камишанського, Д. В. Сараєва, Є. О. Суханова, М. Ю. Тихомирова та інших.

Вчені, які наполягають на тому, що на поставлене вище запитання треба відповісти позитивно, зазначають, що публічні юридичні особи є власниками майна [2, с. 222–223]. Дана позиція пояснюється положеннями Закону України «Про передачу об'єктів права державної та комунальної власності» від 03.03.1998 р. № 147/98-ВР. Однак Закон вказує на можливість передачі об'єктів права державної власності у комунальну власність територіальних громад сіл, селищ, міст, районів у містах або у спільну власність територіальних громад сіл, селищ, міст, а також об'єктів права комунальної власності у державну власність, але не об'єктів права державної власності у приватну власність юридичних осіб.

Інша група вчених (І. В. Жигалкін, Г. Б. Леонова, І. Ф. Севрюкова, Є. О. Суханов) наголошує на іншому обґрунтуванні можливості набуття права власності державними установами і зазначає, що оскільки Цивільний кодекс України встановив, що установи, як приватні, так і публічні, є власниками належного їм майна, то держава не може як за часів існування адміністративної економіки визначати долю юридичних осіб, навіть тих, яких вона наділила своїм майном. Публічні установи, у створенні яких взяла участь держава, повинні виступати рівноправним учасником цивільних правовідносин. Причому, створюючи установу, держава повинна втрачати право власності на майно, передане новостворюваному суб'єкту. Тобто пропонується поширити правило, яке існує стосовно приватних установ, також

і на публічні. Так, І. В. Жигалкіним була висловлена думка про необхідність прийняття закону України про установи, який би вирішив питання правового режиму майна установ приватного і публічного права і закріпив за останніми право власності на майно [3, с. 106]. Але така позиція, згідно з якою потрібно «зрівняти» права приватних та державних установ щодо майна, на наш погляд, не є достатньо обґрунтованою. Залишається питання контролю держави за розпорядженням цим майном з боку державних установ. Перша на це майно втратить будь-які права, оскільки не може бути спільного володіння декількох осіб на одну річ (COMPOSSESSIO PLURIMUM NON ESSE POTEST). У свою чергу відсутність контролю з боку держави створить підґрунтя для численних зловживань з боку членів виконавчого органу установи, а цього допускати не можна.

Більш обґрунтованою вбачається позиція В. І. Борисової, яка зазначає, що «не зовсім зрозумілою є поява у ЦК України ст. 329, відповідно до якої передбачається, що юридична особа публічного права набуває право власності на майно, передане їй у власність, та на майно, набуте нею у власність на підставах, не заборонених законом, оскільки це входить у суперечність із ч. 3, ст. 81 ЦК України» [9, с. 118]. Також, на думку Н. С. Безсмертної, застосування положень ст. 329 ЦК України поки що є обмеженим, і їх зміст має переважно перспективне значення, оскільки сьогодні ні ЦК України, ні інші закони України не передбачають закріплення майна на праві власності за юридичними особами публічного права, передбаченими у ст. 81 ЦК України. Стаття 81 ЦК України закріпила, що порядок утворення та правовий статус юридичних осіб публічного права встановлюються Конституцією та іншими законами. Господарський кодекс України передбачає закріплення майна за державним установами – на праві оперативного управління, а не праві власності [4, с. 549]. Так, зокрема ст. 141 ГК України вказує на те, що майно, закріплене за державними установами з метою здійснення необхідної господарської діяльності, є «державним майном», тобто власністю держави.

Отже, на наш погляд, позиція авторів, які стверджують, що державні установи, зокрема внз, можуть мати майно на праві власності, є хибною з точки зору чинного законодавства. Наділення державної установи правом власності на певне майно, за зазначенням Є. О. Суханова, суперечить самій конструкції державної установи [8, с. 6]. Це пов'язано з тим, що внз – державна установа, яка не може цілком вільно розпорядитися коштами, отриманими за безоплатними правочинами та від дозволеної законом господарської діяльності, оскільки таке розпорядження контролюється Державним казначейством України та Фінуправлінням, а тому установа не наділена всіма повноваженнями власника [7]. Отже, юридичні особи публічного права не є власниками майна, вони володіють ним на підставі інших речових прав. Для них майнова ознака має дещо формальний характер, оскільки вони не стають власниками майна, що їм передається засновником. Окрім того, власні надходження бюджетних установ, кошти, отримані бюджетною установою від здійснення господарської діяльності, є «доходом бюджету», отже, не можна говорити про існування двох власників – держави та державної установи на одне й те саме майно.

Майже залишилося поза увагою цивілістичної спільноти питання набуття права власності державними внз первісними, а не похідними способами [9, с. 326]. Деякі вчені звертають увагу, що на практиці державні внз мають право власності на самостійно набуті активи, що підтверджується наявністю свідоцтв про державну реєстрацію права власності на нерухоме майно, які до цього часу ніким не оспорені [1, с. 18]. Про це свідчить і судова практика, яка виходить з того, що державний внз як самостійний суб'єкт може набувати право власності на загальних засадах, зокрема, таким первісним способом, як самочинне будівництво (ст. 376 ЦК України). Як приклад можна навести постанову Господарського суду Рівненської області у справі про визнання права власності на об'єкт нерухомого майна (№ 10/129) від 12.07.2006 р. Рівненський державний аграрний коледж звернувся до Господарського суду Рівненської області з позовом

про визнання права власності на самочинно збудований на земельній ділянці, яка знаходиться у постійному користуванні коледжу, гараж. При цьому власник земельної ділянки – Рівненська міська рада – проти позову не заперечував. Суд задовольнив позов Рівненського державного аграрного коледжу і визнав за ним «право власності на самочинно зведене завершене будівництво будівлі гаражу з підсобними приміщеннями...» [5]. На наш погляд, вказане рішення суду суперечить нормам чинного законодавства.

Отже, підсумовуючи вищевикладене, можна зробити висновок, що законодавство, яке регулює діяльність внз та публічних установ загалом, потребує скорішого удосконалення у напрямку чіткого закріплення речових прав зазначених суб'єктів на майно, набуте як за правочинами, так і первісними способами. На нашу думку, доцільно закріпити у ст. 63 Закону України «Про вищу освіту» положення про те, що державний внз не може набувати права власності на будь-яке майно і володіє ним на праві оперативного управління та господарського відання.

Список літератури

1. Бородач М. В. Правовые проблемы трансформации отношений собственности в системе высшего образования в свете положений Федерального закона «Об автономных учреждениях» / М. В. Бородач // Право и образование. – 2008. – № 2. – С. 17–24.
2. Гражданский кодекс Украины : Комментарий (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2003 г.). – Х. : Одиссей, 2003. – Т. 1. – 832 с.
3. Жигалкін І. Правовий режим майна установ / Іван Жигалкін // Право України. – 2006. – № 7. – С. 103–106.
4. Науково-практичний коментар Цивільного кодексу України : у 2 т. / за ред. О. В. Дзери (кер. авт. кол.), Н. С. Кузнецової, В. В. Луця. – 2-е вид., переробл. і доп. – К. : Юрінком Інтер, 2006. – Т. 1. – 832 с.
5. Постанова господарського суду Рівненської області у справі № 10/129 [Електронний ресурс] // Судова влада України (Офіційний сайт державної судової адміністрації України). – Режим доступу : <http://www.court.gov.ua>. – Загол. з екрану.

6. Про вищу освіту : Закон України від 17.01.2002 р. № 2984-III // Відом. Верхов. Ради України. – 2002. – № 20. – Ст. 134.

7. Про затвердження Порядку складання, розгляду та основних вимог до виконання кошторисів бюджетних установ : Постанова Каб. Міністрів України від 28.02.2002 р. № 228 // Офіц. вісн. України. – 2002. – № 9. – Ст. 414.

8. Суханов Е. А. Некоммерческие организации как юридические лица / Е.А. Суханов // Хоз-во и право. – 1998. – № 5. – С. 5–14.

9. Цивільне право України : підручник : у 2 т. / В. І. Борисова (кер. авт. кол.), Л. М. Баранова, І. В. Жилінкова [та ін.] ; за заг. ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В. Л. Яроцького. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – Т. 1. – 480 с.

Резюме

В статье рассмотрена проблема законодательного регулирования вещных прав государственных высших учебных заведений и публичных юридических лиц в целом на имущество, приобретенное по безвозмездным сделкам и за средства от разрешенной законом предпринимательской деятельности. Также проанализирована практика признания права собственности вуза на объекты самочинного строительства.

Summary

The article deals with the issue of law regulation of the property right of state higher schools and public establishments as a whole, concerning the property received by way of free deals and the funds from legal entrepreneurial activity. The practice of recognizing higher schools property rights to unauthorized constructions has been analyzed.

УДК 316.34–057.8

*И. С. Нечитайло***ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ
АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ
ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: индивид, институт образования, профессиональное самоопределение, трудовая активность.

Образование как социальный институт развивается в условиях постоянно возникающих противоречий. Его проблемы чрезвычайно актуальны для Украины и любого другого государства. Именно образование призвано обеспечить подготовку субъектов социального действия к решению глобальных задач, стоящих перед человечеством.

Современный социум, для которого характерно движение к информатизации и глобализации, требует не просто грамотного специалиста, профессионала в той или иной области деятельности, но также развития высокоинтеллектуальной личности с широким объемом знаний, творческим подходом к делу, умением быстро адаптироваться к новым условиям.

В такой ситуации выработка активной жизненной позиции молодого специалиста — одна из основных задач всей системы образования и воспитания. Необходимость исследований, направленных на разрешение данной задачи, диктуется многогранностью проблемной ситуации. *С одной стороны*, имеет место несоответствие качества подготовки специалистов потребностям общества. *С другой стороны* — противоречие, связанное с проблемой социально-профессионального самоопределения личности, вытекает из несоответствия моральной и профессиональной подготовленности молодого специалиста реальной практической деятельности.

В основе выбора именно этой (а не другой) специальности должны лежать серьезные размышления индивида о своем

привзании, способностях, склонностях. К сожалению, в наше время зачастую выпускники школ поступают в вуз, не имея конкретных профессиональных предпочтений, а ради высшего образования как такового. Как результат — несоответствие специальности, получаемой после окончания обучения, потребностям профессиональной самореализации индивида. Кроме того, условия современного украинского общества таковы, что даже если специальность соответствует творческим способностям и стремлениям выпускника вуза, существует большая вероятность, что он будет вынужден работать в сфере деятельности, не соответствующей этой специальности [1, с. 87–106; 2; 3].

Современная система образования стоит перед вопросом о том, как научить человека быть профессионально мобильным, быстро реагировать на изменяющиеся условия (социальные, профессиональные и др.), адаптироваться к новой ситуации. Острую актуальность приобретает проблема целенаправленного регулирования процесса профессионального самоопределения личности, формирования ее трудовой активности (как одной из форм активности социальной).

Еще в 60–70-е годы XX ст. в связи с активизацией процесса реформирования школы резко возрастает интерес к проблемам образования и социально-профессиональной ориентации молодежи. В 1980-е годы особое внимание уделяется проблемам непрерывного образования, различных форм переподготовки, повышения квалификации, положению выпускников на рынке труда, взаимодействию высших учебных заведений с социальной средой. В то же время тщательно изучается роль образования в процессе социализации личности, анализируются проблемы эффективности подготовки специалистов [3; 4, с. 439–448; 5, с. 152–153;].

Результаты исследований, осуществленных в те годы по обозначенным выше проблемам, свидетельствовали о первостепенной значимости высокого уровня образования для получения престижной работы, для продвижения по профессиональной и социальной лестнице.

В конце 1980-х и в начале 1990-х годов в связи с кардинальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности социума социологами анализируются проблемы вхождения института образования в новые для него рыночные отношения, проблемы управления его реформированием. Затяжной экономический кризис, безработица, возникновение новых профессий и специальностей, изменение престижа старых, а также изменение социальных идеалов стали причиной распространения маргинального состояния индивидов и групп. Такая ситуация стала причиной девальвации ценностей образования. Исследователи приходят к выводу, что образованность в те годы стала намного менее «престижна», чем ранее [6, с. 5–7; 7; 8].

В наше время особое внимание отечественные социологи уделяют обсуждению проблем кризиса образования в Украине. В глобальном масштабе кризис образования понимается как кризис классической нововременной (модернистской) образовательной модели, что выводит на первый план проблемы ее реформирования [6, с. 157–214; 9, с. 120–130].

Несмотря на довольно активное внимание исследователей к проблемам института образования, осуществленный нами анализ научных трудов показал, что недостаточно освещенными остаются вопросы, связанные с изучением критериев и показателей эффективности образовательного-воспитательного процесса. Важнейшим из таких критериев, на наш взгляд, является конечный результат деятельности учебного заведения — социальная зрелость личности. От социальной зрелости выпускников вуза, уровня трудовой и социальной активности в значительной степени зависит их социально-профессиональная самореализация, а также развитие современного общества в целом, его социальный и научно-технический прогресс [5, с. 7].

Целью нашей статьи является изучение проблемы формирования трудовой активности в системе образования и определение перспектив ее разрешения.

Обращаясь к вопросу исследования проблем института образования, соответствия результатов образовательного

процесса потребностям отдельной личности и современного общества в целом, мы предлагаем остановить внимание именно на изучении трудовой активности и возможных путях ее формирования. Условия существования человечества начала XXI века таковы, что данное качество является важным в равной степени и для индивида, и для общества.

Трудовая активность, являясь проявлением активности социальной, отражает уровень социальности личности, глубину принятия ею общественных интересов, готовность действовать в соответствии с этими интересами [5, с. 96–98]. В отличие от активной деятельности, которая по своей направленности может быть не только общественно полезной, но и антиобщественной, трудовая активность всегда имеет общественно полезный смысл. Трудовая активность – социальное качество индивида, главное содержание которого составляет его творческое, деятельностное отношение к социальным ценностям труда (степень их интериоризации на рациональном и эмоциональном уровнях, стремление творчески реализовать эти ценности в социально значимой деятельности) [5, с. 28–42]. Трудовая активность – системное и комплексное качество, охватывающее всю совокупность профессионально-деловых и социальных качеств, необходимых молодому специалисту для социально-профессиональной самореализации в условиях динамичности современного социума, что существенно облегчает процесс адаптации к новым условиям.

Трудовая активность характеризуется высоким уровнем творческой инициативности, профессиональной заинтересованности, ориентацией на профессиональный рост, постоянное самосовершенствование и профессиональную мобильность, четким осознанием собственных целей, отождествлением этих целей с целями и потребностями трудового коллектива, общества в целом и, как следствие, высокой заинтересованностью в социально значимых результатах деятельности [5, с. 28–42]. Большое значение при этом имеет профессиональная культура молодого специалиста (которая формируется в стенах вуза), умение применять полученные знания на практике.

Важнейшей предпосылкой становления активной трудовой позиции индивида является выработка у него еще в процессе обучения установки на мобильность, что существенно снижает вероятность социальной невостребованности знаний, потери жизненных ориентиров, позитивных стремлений и мотивов.

На наш взгляд, движущей силой развития трудовой активности является профессиональное самоопределение индивида. Оно понимается нами как поэтапное принятие решений, в ходе которого устанавливается соответствие между предпочтениями личности и потребностями общественного разделения труда. От процесса профессионального самоопределения, от того, насколько этот процесс будет оправдывать ожидания личности, во многом зависит развитие трудовой активности, его темпы, интенсивность и направленность. В то же время активный поиск жизненного пути, соответствующего идеалам, интересам, способностям личности, является одним из проявлений трудовой активности. Исходя из этого, хотелось бы сделать акцент на необходимости целенаправленного регулирования профессионального самоопределения личности посредством института образования как одном из возможных путей становления активной трудовой позиции молодого специалиста.

Процесс формирования трудовой активности имеет глубокую преемственность. Первые его признаки начинают проявляться еще на ранних этапах профессионального самоопределения личности, в юношеские годы. Социологические концепции жизненного цикла личности определяют этот период как очень важный этап. Многочисленные исследования, направленные на изучение проблем становления личности, процесса ее социального созревания, также подтверждают тот факт, что ценности, усвоенные в подростковом возрасте, во многом определяют поведение индивида в дальнейшей жизни [1, с. 9–59; 5, с. 40–52; 7].

Серьезной помехой последовательного развертывания процесса социально-профессионального самоопределения и формирования трудовой активности, на наш взгляд, являются противоречия, возникающие в системе «школа – вуз». Главное

из этих противоречий — контраст в характере обучения. Слабая подготовленность школьной молодежи к самостоятельной, творческой учебе влечет за собой трудности обучения в вузе, особенно в первые годы.

Недостаточно эффективно решается проблема профессиональной ориентации, что также осложняет преемственность и последовательность процесса становления активной трудовой позиции. Данной проблеме сейчас уделяется очень большое исследовательское внимание. Разрабатываются различные механизмы и способы управления процессом профессионального выбора, осуществляется поиск путей дальнейшего совершенствования и развития профориентационной деятельности. В частности, предлагается введение и широкое распространение профильной системы обучения, переход общеобразовательных заведений на 12-летний срок обучения (где последние два года полностью уделялись бы профессиональной ориентации школьников), совершенствование работы вузов по профориентации, совместное функционирование общеобразовательных средних и высших учебных заведений с органами управления образованием и многое другое [10; 11]. Согласимся с тем, что устранение противоречий в процессе становления активной трудовой позиции индивида на этапе выбор профессии — учеба в вузе — трудовая деятельность — возможно только совместными усилиями школы и вуза, что требует их постоянного слаженного сотрудничества.

Изучение проблемы формирования трудовой активности в перспективе требует комплексных исследований, направленных на выявление закономерностей и возможностей управления данным процессом.

Потребность ощущается в конкретно-социологических исследованиях, материалы которых помогли бы оптимально спланировать работу учебных заведений разного уровня и предприятий, что могло бы послужить хорошей основой их творческого сотрудничества, направленного на формирование высококвалифицированных специалистов с активной трудовой пози-

цией. Такие исследования, на наш взгляд, могут быть направлены на разрешения следующих задач:

- глубокое изучение роли школы, вуза и трудового коллектива в развитии социально-трудовой активности личности;
- выявление и обоснование критериев уровня трудовой активности;
- осуществление типологического анализа молодых специалистов по уровню трудовой активности;
- анализ взаимосвязи показателей и форм трудовой активности молодого специалиста с показателями активности его деятельности в условиях вуза;
- разработка практических рекомендаций по совершенствованию процесса формирования трудовой активности.

Помимо трудовой активности институт образования способствует формированию также и других форм социальной активности: общественно-политической, нравственной, организационно-управленческой, активности в сфере свободного времени. В перспективе представляется важным подробное изучение и исследование путей формирования также и этих форм.

Список литературы

1. Підліток у великому місті: фактори та механізми соціалізації : [колект. монографія] ; під ред. Л. Г. Сокурянської. — Х. : Вид. центр Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна, 2000. — 207 с.
2. Мотивы получения высшего образования: социологический анализ в современном обществе : отчет о социол. исслед. : [рукопись] — Х. : ХГУ «НУА», 2002. — 115 с.
3. Ушакова М. В. Образование в трансформирующемся обществе / М. В. Ушакова // Вестн. Моск. ун-та. — 2002. — № 14. — С. 147–158. — (Сер. 18 : Социология и политология).
4. Смелзер Н. Социология : учеб. пособие для студентов / Н. Смелзер ; пер. с англ. З. П. Вольской ; под ред. С. Е. Кухтерина. — М. : Феникс, 1998. — С. 427–459.
5. Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования (социол. анализ) [колект. монографія] ; под общ. ред. Е. А. Якубы. — Х. : Вища шк., 1983. — 216 с.

6. Образование, общество, культура : [коллект. монография] ; под. общ. ред. В. Ф. Сухиной. — Х. : Изд-во НУА, 2006. — 252 с.
7. Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения / О. И. Карпухин // Социол. исслед. — 2000. — № 3. — С. 124—128.
8. Сибирев В. А. Штрихи к портрету поколения 90-х годов / В. А. Сибирев, Н. А. Головин // Социол. исслед. — 1998. — № 3. — С. 106—117.
9. Метаморфозы воспитания : [кол. монография] ; под. общ. ред. В. И. Астаховой. — Х. : Изд-во НУА, 2004. — С. 81—130.
10. Кузьмина Е. Профорентация: эффективность и качество / Е. Кузьмина // Высш. образование в России. — 2002. — № 3. — С. 24—31.
11. Вдовиченко Р. Профільне навчання / Р. Вдовиченко // Директор шк. — 2004. — № 4. — С. 3—8.

Резюме

Стаття присвячена проблемі формування трудової активності особистості. Акцент зроблено на значущості соціально-професійного самовизначення як чинника, що обумовлює розвиток трудової активності. Наголошено на ролі інституту освіти в цілеспрямованому регулюванні процесу становлення активної трудової позиції та необхідності його соціологічного вивчення шляхом проведення конкретно-соціологічних досліджень.

Summary

The article deals with the problem of forming a personality labour activity. The focus of attention is on the significance of socially-professional self-identification as a factor of development of the labour activity. Of paramount importance is the institution of education determining the process of forming an active labour position. It requires a sociological study by way of concrete sociological research.

УДК 316.482–057.874

*О. М. Ожйова***БУЛІНГ. ШКІЛЬНИЙ БУЛІНГ:
ПОНЯТТЯ ТА ОСНОВНІ ФОРМИ**

Ключові слова: соціологія освіти, булінг, насильство, шкільний булінг, шкільне насильство, стосунки між учнями.

Булінг — достатньо нове поняття в житті сучасної людини. Із повсякденного визначення це слово перетворилося у міжнародний термін і містить у собі низку соціальних, психологічних, юридичних і педагогічних проблем. І хоча слово для нас це нове, явище, яке воно визначає, на жаль, нам добре відоме, і є однією із актуальних проблем сучасності, яка потребує ретельного вивчення, однак відсутність достатньої інформації про булінг є перешкодою для розв'язання цієї важливої проблеми.

У перекладі з англійської булінг (bullying) означає цькування, залякування, третирування [1]. У зв'язку з тим що проблема булінгу залишається малодослідженою, досі немає чіткого наукового визначення цього терміна. Саме поняття булінгу розуміється окремими авторами по-різному, і дається різна класифікація його видів. У даній статті ми, проаналізувавши їх думки, спробуємо вивести загальне поняття булінгу і визначитися з його видами.

На Інтернет-порталі Google слово «bullying» згадується понад 11 мільйонів разів, цій проблемі повністю присвячена низка міжнародних серверів: www.bullying.org, www.bullyonline.org, www.bullying.co.uk, www.nobully.org.nz, www.bullyingawarenessweek.org та ін. Для нас є цікавим міжнародний досвід з цієї проблеми. Корисними є напрацювання таких дослідників, як Д. Лейн, І. Н. Кон, І. Бердишев та інших. На жаль, в Україні майже немає публікацій на цю актуальну тему, і не тому, що цієї проблеми не існує, а тому, що їй не приділяється достатньої уваги. Тому всі дослідження, що проводяться в цій області, заслуговують

на увагу і підтримку як з боку громадськості, так і з боку вчених, педагогів, державних службовців, які працюють на ниві освіти.

Поняття «булінг» розглядається від вузького – відеозйомка бійки [2] до масштабного – насилля взагалі, як зазначив С. М. Ніколаєнко, виступаючи як міністр освіти і науки України на спільній колегії МОН, МВС, Мінсім'ямолодьспорт, що була присвячена питанню спільної діяльності відомств у сфері просвітницько-профілактичної роботи щодо запобігання злочинності й проявів насилля серед учнівської молоді [3]. Отже, розглянемо, як розуміють таке явище, як булінг, деякі дослідники. Д. Лейн асоціює булінг із шкільним цькуванням і погоджується із Роландом, що булінг являє собою тривале фізичне чи психічне насильство з боку індивіда чи групи відносно індивіда, який не здатен захистити себе у даній ситуації [4]; психотерапевт І. Бердишев визначає булінг як свідоме довготривале насильство, що не має характеру самозахисту, і таке, що виходить від однієї або декількох осіб [5]; на думку соціолога І. Н. Кона, булінг – це залякування, фізичний чи психологічний терор, який спрямований на те, щоб викликати в іншого страх і тим самим підкорити його собі [6]. Тім Фалд, творець ресурсу в Інтернеті, під назвою Bully OnLine (www.bullyonline.org) вважає булінгом регулярне негативне поведіння працівника стосовно іншого працівника чи до цілої групи працівників; у тому числі різного роду причіпки по дрібницях, часто зовсім необґрунтовані, негативну оцінку роботи або відмову від якої-небудь оцінки, прагнення ізолювати працівника або групу працівників від інших, поширення брудних чуток і пліток [7]. На наш погляд, усі ці визначення не повністю виражають сутність булінгу, а висвітлюють лише деякі його аспекти. Ми дійшли висновку, що булінгом можна вважати навмисне, яке не має характеру самозахисту і не є санкціонованим нормативно-правовими актами держави, довготривале (повторюване) фізичне чи психологічне насильство з боку індивіда чи групи, які мають певні переваги (фізичні, психологічні, адміністративні тощо) перед індивідом, і яке відбувається переважно в організованих колективах з певною

особистою метою (наприклад, бажання заслужити авторитет у певних осіб).

Виходячи з визначення, виділимо основні ознаки булінгу:

- здійснюється навмисно;
- не має характеру самозахисту;
- є не окремим актом, а тривалим процесом;
- спричиняє фізичну чи психологічну шкоду жертві;
- булер – той, хто вчиняє булінг, – має певні переваги;
- відбувається переважно в організованих колективах;
- здійснюється з певною метою;
- порушує права і свободи (булер відрізняється від того, хто чинить правомірний примус, тим, що його дії не санкціоновані нормативно-правовими актами).

Булінг – це в кожному разі насильство, але не всяке насильство є булінгом (наприклад, тероризм не є булінгом). Булінг є різновидом насильства, і, у свою чергу, теж може виражатися по-різному, тобто має свої види. Оскільки ми зазначили, що булінг переважно має місце в організованих колективах, виділивши основні соціальні організації, де теоретично він може мати місце, спробуємо поділити булінг на основні види. Це:

- булінг у школі;
- булінг на робочому місці;
- булінг в армії («дідівщина»);
- кібербулінг (насильство в інформаційному просторі).

Звичайно, прояви булінгу можуть відбуватися і в інших більш-менш організованих колективах.

Зупинимося на шкільному булінгу, тобто тому, що відбувається у зв'язку із шкільною освітою: у школі або поза її межами. Уточнюючи поняття «булінг», введемо поняття «шкільний булінг». Отже, шкільний булінг – це навмисне, що не має характеру самозахисту і не є санкціонованим нормативно-правовими актами держави, довготривале (повторюване) фізичне чи психологічне насильство з боку індивіда чи групи, які мають певні переваги (фізичні, психологічні, адміністративні тощо) перед індивідом, і яке відбувається у шкільному середовищі або у зв'язку

з ним з певною особистою метою. Щодо форм, яких набуває шкільне насильство, у різних дослідників цього явища існують певні розбіжності. Так, Д. Лейн розподіляє фізичне та психічне насильство [4]; І. Бердишев стверджує про існування словесного, поведінкового і власне агресивного булінгу, з фізичним насильством [5]. Т. Мерцалова виділяє насильство фізичне, емоційне, вербальне, психічне і сексуальне [8, с. 26]. Загальним у всіх є фізичне шкільне насильство, що ж до інших форм, у вищезгаданих авторів вони дещо відрізняються. На наш погляд, шкільний булінг доцільно поділити на два основні види:

1. *Фізичний шкільний булінг* – умисні штовхання, пирхання, стусани, удари, завдання побоїв, тілесних ушкоджень та ін.:

- *сексуальний булінг* є підвидом фізичного (дії сексуального характеру).

2. *Психологічний шкільний булінг* – насильство, пов'язане з дією на психіку, що завдає психологічної травми шляхом словесних образ або погроз, переслідування, залякування, якими навмисно спричиняється емоційна невпевненість. До цієї форми булінгу можна віднести:

- *вербальний булінг*, де знаряддям слугує голос (образливе ім'я, з яким постійно звертаються до жертви, обзивання, дражніння, зведення наклепів, поширення образливих чуток та ін.);

- *образливі жести або дії* (наприклад, плювки в жертву або в її напрямку);

- *залякування* (використання агресивної мови тіла й інтонації голосу для змушення дитини робити чи не робити щось);

- *ізоляція* (жертва навмисно ізолюється, виганяється чи ігнорується частиною або всім класом);

- *вимагання* (у дитини вимагають гроші, їжу, інші речі, примушують щось вкрасти);

- *пошкодження та інші дії з майном* (пошкодження, викрадення, захоплення особистих речей жертви);

- *шкільний кібербулінг* – пригноблення за допомогою мобільних телефонів, Інтернету, інших електронних пристроїв (пересилання двозначних зображень і фотографій, обзивання, зведення наклепів та ін.).

Булінг – в основному латентний для оточуючих процес, але ж діти, які зазнали цькування, отримують психологічну травму різного ступеня тяжкості, що призводить до тяжких наслідків аж до самогубства. І не важливо, мав місце фізичний булінг, чи психологічний. Запобігання випадкам шкільного насильства є важливим завданням держави, оскільки жорстоке ставлення до дитини неминуче призводить до негативних наслідків. Необхідна типологізація учнів, які схильні до проявів булінгу, а також дітей, над якими частіше за все знущаються. Предметом аналізу також має стати виділення причин, що спонукають дитину до насильства. Потребує розгляду питання пасивної участі у насиллі, оскільки булінг у школі впливає не тільки на тих, на кого він безпосередньо спрямований, але й на вимушених свідків, на шкільну атмосферу в цілому.

Список літератури

1. Bullying [Електронний ресурс] // Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – Перераб. и доп. изд. – Режим доступа : <http://www.rambler.ru/dict/new-enru/00/55/78.shtml>. – Загл. с экрана.
2. Мухаркина А. В качканарских школах эпидемия буллинга: жертв травли снимают на видео [Электронный ресурс] / Алёна Мухаркина // Качканарский четверг. – 2008. – 12 мая. – Режим доступа : <http://www.kchetverg.ru/?p=589>. – Загл. с экрана.
3. Николаенко С. М. Виступ Міністра освіти і науки України на спільній колегії МОН, МВС, Мінсім'ямолодьспорт [Електронний ресурс] / С. М. Николаенко // Департамент зв'язків з громадськістю Міністерства внутрішніх справ України. – 2007. – 27 квіт. – Режим доступа : http://mvsinfo.gov.ua/official/2007/04/270407_3.html. – Заголовок з екрану.
4. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) [Электронный ресурс] / Давид А. Лэйн // ZipSites.ru : бесплат. електрон. интернет б-ка. – Режим доступа : <http://www.zipsites.ru/psy/psyib/info.php?=414>. – Загл. с экрана.
5. Бердышев И. Лекарство против ненависти / Илья Бердышев ; семинар записала Е. Куценко // Первое сент. – 2005. – 15 марта (№ 18). – С. 3.
6. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? [Электронный ресурс] / И. С. Кон. // Сексология. Персональный сайт И. С. Кона. – Режим доступа : <http://www.sexology.narod.ru/info178.html>. – Загл. с экрана.

7. Фалд Т. Буллинг. Офисные хулиганы [Электронный ресурс] / Т. Фалд ; записал В. Кичкаев // Пси-фактор. — 2005. — Режим доступа : <http://psyfactor.org/lib/bulling.htm>. — Загл. с экрана.

8. Мерцалова Т. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? / Т. Мерцалова // Дир. шк. — 2000. — № 3. — С. 25–32.

Резюме

Статья посвящена актуальной проблеме буллинга как разновидности насилия в условиях кризисного общества. Особое внимание уделяется школьному буллингу, то есть насилию, происходящему в школе или за ее пределами, которое выражается в запугивании, травле, третировании. Уточнено понятие «буллинг», выделены его виды и формы школьного буллинга.

Summary

This article deals with the burning problem of bullying as a variety of violence in a crisis society. Special attention is paid to bullying at school or outside school and consists in intimidating, persecuting and slighting pupils. The concept of bullying is formulated, its types and forms at schools are shown.

УДК 378.147.016:657(485)

Sven-Olof Collin, Elin Smith

THE RELATIONSHIP BETWEEN GRADE AND UNIVERSITY PRESTIGE (Reflections from a University College)

Key words: University prestige, grading.

Competition in the university industry.

Sweden has 14 universities, 22 university colleges, and some private schools with the right to teach on undergraduate and graduate level. The majority of them offer education on undergraduate and graduate

levels in the subject of business administration. At least the state universities and university colleges are mainly financed by the state through the number of students that are enrolled by the university and the number of students that get a pass grade. Thus, a university that wants to survive in Sweden needs to attract students and to give many of them pass as a grade.

During the years the number of students that enter the universities has increased, one reason being that there has been an expansion of universities, especially university colleges. They have been rather successful in attracting local students during the 90'ies, implying a reduction of the social recruitment imbalance that has been stable ever since the dramatic reduction in social imbalance that occurred during the 30'ies, 40'ies and even the 50'ies levelled away about 1967 (Erikson & Jonsson, 1993). The market for university education has thus experienced a rather peaceful development.

Today we have signals of change. The industry has experienced a reduction in demand of education. This would imply an increase in competition between the universities.

Universities have several means of competition available. Local universities have the strength of being local, thus attracting the students that do not want to move. Local universities tend to be small organisations, which create a tight atmosphere which can be preferred by some students. They have typically lower entry barriers for students in terms of grade requirements. The large universities, especially Lund and Uppsala, the Stockholm School of Economics enjoy a very strong prestige, both with students and with corporations. Many of today's managers have also been educated at these places which creates a similarity attraction advantage in recruitment. It is strongly believed among students that a grade from these universities and schools is an asset that can open doors faster and with more cash behind the door.

When the demand for education is decreasing, so is the grade requirements for the applying students, causing a flow of students from local universities to prestigious universities. Both the universities and the university colleges get students with lower abilities as than previous students. The universities appear to have students in sufficient

numbers, but the university colleges run a risk of attracting less than their capacity. While the universities experience problems of student quality, the university college's experience both a decrease in student quality and in financing opportunity. Facing these conditions, what will happen to the Swedish university system?

The present paper presents rather a pessimistic analysis based on a case of structural conditions influencing the possibility to develop, teach and maintain high quality, as perceived by the teachers, in an accounting programme at a university college. The data is obtained from the last courses in the business administration programme in accounting and auditing provided by the department of Business Studies at Kristianstad University College. Having a low prestige and experiencing competition from closely located universities, combined with the Swedish university financing system and conditions, university colleges appear to be disadvantageous for maintaining a high quality.

The paper has the following structure: It continues with presenting a hypothesised relationship between grading of students and university prestige. Thereafter follows a presentation of a tougher competition facing university colleges along with their often lower prestige. The next section presents data from a business administration programme in auditing and accounting offered by Kristianstad University College and deals with issues that make it hard to have arguments for maintaining a high quality. Issues that are highlighted are replacement of examiners, low number of students in the Master courses and expectations of the students. The paper finalises with analytical reflections from the presented case that single out factors that are expected to be conducive in reducing academic standards at the universities, but especially at the university colleges. Conclusions end the paper.

The correlation between grade and prestige.

In a paper by Bagues, Sylos Labini and Zinoveva, (2007) results from a study of Italian universities are presented. They started their research by the puzzling notion that those with high grades did not get the expected return from their education later in their working

life. On the contrary, it appeared to be the reverse: higher grade – lower wage. Why was that? The researchers found a pretty clear pattern that universities with a smaller enrolment increased their average grades. The researcher could not find any indication that teaching or other activities that could influence the quality of the education the students received, had changed, thus indicating that the increasing grades in some way were correlated with improved knowledge or competence. The conclusion is that the universities did not change any operations when facing increasing competition, but increased the grade they gave the students. The logic is simple; less prestige has to be balanced with higher grade, *ceteris paribus*, in order to attract students.

The structural market conditions of Italian universities can be sketched as in figure 1.

The Italian system of financing universities is similar to the Swedish universities, thus implying similar market conditions in Sweden. The main hypothesis is then that universities either offer their students prestige or grade. It would imply that a teacher at a university college using university standards is considered by the university college to be bad for business. Even worse, a teacher using tougher standards, i.e., the probability of receiving higher grades that is below the probability of the university, could be expected to get criticized at the university, and even experience pressure towards leaving the examination position. It has been described in a similar vein like this: “You put at risk your own employment and the employment of your younger colleagues when you are solid in your integrity and demand full time studies by the students in order to receive pass as a grade” (Alvesson 2006:78, a free translation from Swedish by the authors)

The case of Kristianstad University College and its programme in accounting and auditing.

Our evaluation of the hypothesised relationships previously mentioned will be done through presenting a case including systematic data and experiences. The aim is not to build a theory, even less to test a theory, but to induce factors that could be influential on the

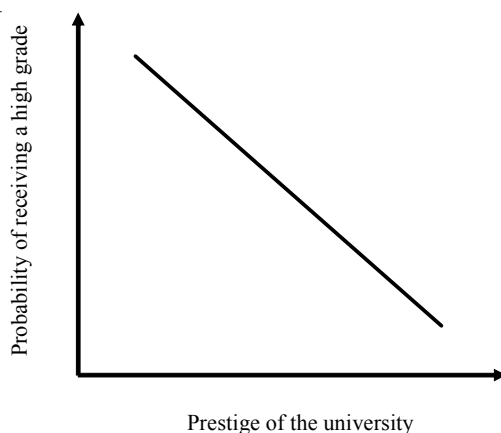

Figure 1. The relationship between prestige and grade

academic standards of different universities. We start by presenting the market situation and the prestige of universities, with focus on the case university, Kristianstad University College. We then continue with two events that we believe could be interpreted as indicators of the relationship between prestige and grade. In the subsequent analysis further factors are added to the case.

Competition and prestige facing Kristianstad University College

Kristianstad University College is among the smallest universities in Sweden, having about 11000 students. It has mainly three orientations: education of teachers, training nurses and programmes in business administration. It is situated in the North east of Skåne, in the South of Sweden. The South-West of Skåne is among the most highly populated parts of Sweden, and only a bridge combined with a tunnel separates it from Copenhagen.

Kristianstad is surrounded by universities and university colleges with programmes in business administration. In Lund, 80 km South-West of Kristianstad one of the largest and most prestigious universities in the Nordic countries is situated. It gives a business administration

education that is considered to be among the best in Sweden. Further 20 km to the South-West Malmö University College is located, which does not have full programmes but only undergraduate courses in business administration. In Helsingborg, 107 km West from Kristianstad, a campus is situated that belongs to Lund University which educates students mainly in service management. In Halmstad, 123 km North-West from Kristianstad, a university college with education in business administration is situated. Växjö, 125 km North of Kristianstad, has a newly promoted university with the traditional programmes in business administration. In Kalmar, 186 km North-East of Kristianstad a university college giving programmes in business administration is situated. And finally, 86 km to the East is a university college, Karlskrona/Ronneby/Karlshamn, which probably is the smallest in Sweden as to the number of students in business education. All in all, because of a large number of universities, with rather low level of differentiation when it concerns programmes in business administration, a tough competition may be expected. But that has not been the case since the number of students has increased during the years.

Times are, however, changing and now the number of business administration students is decreasing and thus the indications of differences among the schools become more obvious. Table 1 includes the number of first hand applications to the programmes, first hand application divided by the number of available positions and the total number of applications (VHS, statistics for autumn, 2006). The three big universities (Uppsala, Stockholm and Lund) have the most applications. The number further indicates that Kristianstad along with the other university colleges is facing low demand.

Speaking of the prestige of the universities, it is of course ambiguous in character. Using different sources one can nevertheless conclude that the prestige of the universities appear to be higher for universities than for most university colleges. Prestige is in this paper evaluated through considering different rankings that have been conducted by external actors. Even if different rankings use different measures, they tend to have universities at the top positions.

Table 1

Application data for eight Swedish universities and university colleges

	First hand applications	First hand applications / positions	Total number of applications, also nonqualified
Uppsala University^a			
Business Administration Programme	610	4.1	2533
Stockholm School of Economics^b			
Business Administration Programme	1677	6.1	2929
Lund University^a			
Business Administration Programme	730	4.3	2619
International Business Programme	55	0.9	314
Lund University, Campus Helsingborg^a			
Programme in Service Management	140	2.3	426
Växjö University^a			
Business Administration Programme	156	1.3	882
Marketing Programme	206	4.1	780
Enterprising and Business Development	60	2.0	292
Baltic Business School, Kalmar^c			
Business Administration Programme	49	1.2	480
Trade programme	40	1.3	282
Business Administration Programme (distance)	65	3.3	212
Marketing Programme	104	2.1	704
Kristianstad University College^c			
Business Administration Programme: Public Controller	10	0.3	124
Business Administration Programme: Kina	28	0.9	133
Business Administration Programme: Intern. Business	30	0.5	324
Business Administration Programme: Auditing & Acc.	77	1.0	324
Business Administration Programme: non-specific	33	1.1	302
Halmstad University College^c			
Business Administration Programme	58	1.9	768
Business Administration Programme: Europe	50	1.7	330
Marketing Programme	131	4.4	718
Business Administration Programme, non-specific	49	1.6	308
Blekinge Institute of Technology^c			
Business Administration Programme: IT	19	0.2	148

^a University ^b Business School ^c University College, Translation of the programme names is made by the authors

One ranking (Moderna Tider Universitet, 1999) made a ranking based on the status, pedagogical resources, academic level, number of credits and exams per student and year, and admission requirements. The total ranking, out of 23 universities, placed Stockholm University as number one. Thereafter followed the universities in Uppsala, Göteborg, Lund, Umeå, Linköping and Örebro. Gotland University College got the 8th place and was thereby the highest ranked university college.

Moderna Tider (2000) conducted another ranking a year later and the focus was here on the programs within the field of business administration, medicine and nursing. The aim was to evaluate what existing students thought about their education regarding issues relating to studies, status and environment. The results are presented in table 2.

The third ranking has been performed by Sydsvenska Industri- och Handelskammaren (2005) and ranks 30 universities as to their competitiveness seen from an industrial perspective, also depicted in table 2.

Both rankings place Kristianstad on the 23rd position. What has been shown so far is that both demand to the programmes in business administration and the prestige of Kristianstad University College as well as prestige of the business administration programmes are low. Another indicator of Kristianstad's low prestige is that it was the last education in business administration in Sweden to receive the right to educate and grade on advanced level, i.e., on Master level. The department received these rights in the year 2001.

Two indicative events in the programme in accounting and auditing

Kristianstad University College and its education in business administration have attracted students from Skene and part of Halland, i.e., the west coast. The old border between Skene and old Sweden appear to still be effective since almost no students from the North are attracted to Kristianstad. There are, however, slight differences between the programmes in business administration in Kristianstad. The programme this paper deals with, the programme in accounting and auditing, receives students from a larger geographical area. One reason is that it has a reputation of offering all the courses needed if the student would like to do the career path of becoming a certified auditor, as defined by the Swedish Supervisory Board of Public Accountants.

This section presents two different events. The first event concerns replacement of examiners, presenting the case when students had an impact on examiners' replacement due to students' experiences of

Table 2

Rankings of universities and university colleges

Sydsvenska Industri- och Handelskammaren, 2005	Moderna Tider, business adm. 2000
1. Karolinska Institutet	1. Swedish University of Agricultural Sciences
2. Swedish University of Agricultural Sciences	2. Stockholm School of Economics
3. Stockholm School of Economics	3. Göteborg University
4. Chalmers	4. Jönköping University College
5. The Royal Institute of Technology	5. Lund University
6. Malmö University College	6. Uppsala University
7. Uppsala University	7. Växjö University
8. Jönköping University College	8. Linköping University
9. Linköping University	9. Örebro University
9. Lund University	10. Umeå University
11. Göteborg University	11. Skövde University College
11. Umeå University	12. Mälardalen University College
13. Luleå University of Technology	13. Dalarna University College
14. Dalarna University College	14. Gävle University College
15. Skövde University College	15. Karlstad University
15. Blekinge Institute of Technology	16. Stockholm University
17. Stockholm University	17. MidSweden University
18. Växjö University	18. Kalmar University College
18. Kalmar University College	19. Luleå University of Technology
20. Borås University College	20. Mälardalens University College
21. Karlstad University	21. MidSweden University (Östersund)
21. Mälardalens University College	22. Trollhättan/Uddevalla University College
23. Kristianstad University College	23. Kristianstad University College
23. Halmstad University College	24. Borås University College
25. Södertörns University College	
26. Gävle University College	
27. Örebro University	
28. Väst University College	
29. MidSweden University	
30. Gotland University College	

high demands to their knowledge capacity, which could be interpreted as a trade between grade and prestige. The second event is the year 2007 sharp decline in the number of students at the master level of the programme, interpreted as a rational response by students to grade, working load and prestige.

Event 1. Replacement of examiners

In the spring semester of 2004 the manager of the programme and a newly recruited docent, i.e., an associate professor, held the main course on the candidate level in accounting. They conducted the examination of the students, and the number of failing students

was very during the first examination, and many failed during the re-examination. The students demanded then that the two examiners should to be replaced by another examiner. According to Swedish regulations, students have the right to demand another examiner after two examinations. The board of the department made the decision to comply with the demands of the students and the regulation, thus replacing the two examiners. Thus, there was a tension between what the main teachers in the programme considered as adequate course demands and what the students considered adequate demands. The board of the department appeared to obey the present regulation. However, since there are no sanctions against disobedience, the regulation cannot be regarded as credible and therefore is not an efficient regulation. There are also quite easy loopholes to use, for example, the examiners can only be exchanged if there are competent examiners available at reasonable costs. The board could therefore quite easily have turned down the students' demands by claiming the absence of competent examiners at reasonable costs. It is therefore possible to make the conclusion that the board might have wanted to comply with the wish of the students, and they used the regulation as the rational argument. The reasons to comply with the students wishes, at the expense of the examiners, could be various, for example, to be nice towards the students, to pay student demand due respect, to make a mark against the examiners, or just to realise the positive financing consequences of less demanding examiners.

Event 2. Decreasing demand of Master education in Kristianstad

The education in the accounting programme on the master level that was introduced during the spring semester 2002 has experienced a rather dramatic development, from starting with 6 students, arriving at the peak spring 2005 with 22 students, and falling back to 9 students. Figure 2 shows the number of students entering the courses of the Master programme. The programme includes three different courses and starts with FED605 International Accounting (7,5 ECTS), continues with FED610 Corporate Governance (7,5 ECTS), and finalises with the students' writing a dissertation on the course FED615

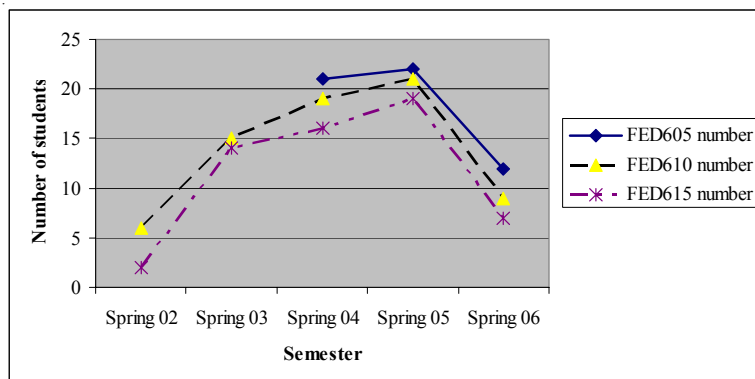

Figure 2. Number of students in the three different Master courses

Master Dissertation (15 ECTS). Since students that do not pass sometimes leave the programme, the number of students decreases during the semester.

Figure 3 shows the per cent of students that received Pass and higher as a grade (in Sweden there are only three grades, No Pass, Pass, and Pass with distinction). It should be noticed that the course FED610 changed slightly after spring semester 03, thus grading is not completely comparable. After the starting semester, the throughput varies between 60% and 80%, until the catastrophic semester spring 06. This drop is what then created a rumour, to which we soon turn.

Of the two first courses (FED605 and FED610) it can be noticed that the throughput is changing and no course has a continuously higher throughput than the other course, i.e. one course is not harder than another. Since mainly only two teachers are involved, by this statistics it cannot be concluded that one of them is harder in his evaluation of the students. The throughput is peaking in the course FED615, which is rather natural since by then most of the non passing students have left the programme. Another reason is that this course is a dissertation where the students are much more motivated and they receive much more support, pressure, attention and discussion

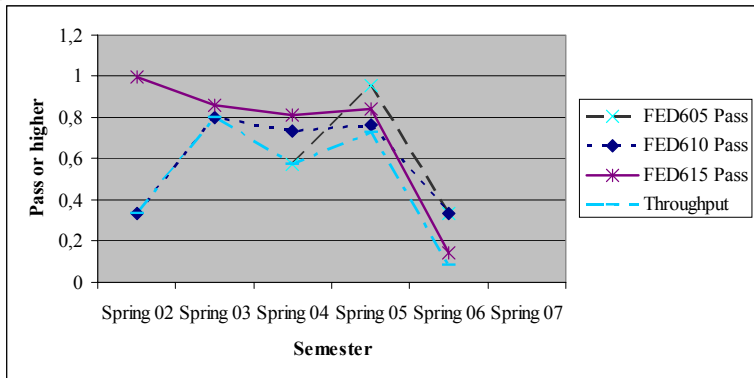

Figure 3. Share of students in the Master courses that received Pass or higher grade

from the teachers. This is due to the department's policy to spend considerable resources on that course.

At the end of year 2006, when the candidate dissertations were being finalised, there was small talk among the 58 students that no student of the programme would like to continue the education in Kristianstad on the Master level. Instead, said the rumour, most students would prefer candidate level courses in law at the department or they would go to Lund University and there get their Master degree. The rumour said that the Master course in accounting at Kristianstad was too demanding, using the very fact that can be seen if inspecting figure 3, i.e., in the spring semester of 2006 only one student passed the Master programme.

Facing the risk of having a Master programme without any students, the responsible teacher of the Master distributed a survey to all the students on the candidate level and asked them about their future plans, opinions about courses both at Kristianstad and at other universities. Out of 58 students, 47 students replied (81% response rate).

It turned out that the rumour was slightly untrue as it concerns the number of students willing to study the Master, but right as it concerns the talk about the degree of difficulty. 13 students (28%)

expected themselves to study law at Kristianstad University, 9 students (19%) to study the Master in Kristianstad, 10 students (21%) to study other courses in Kristianstad, 7 students (15%) to study accounting in Lund and 2 (4%) students to study another course in Lund. All in all, almost 70% of the students expected to continue studies at Kristianstad University, but only 19% to build their education with more advanced courses in their major area, accounting.

When the spring semester of 2007 started the actual number of students from the bachelor programme in auditing and accounting at Kristianstad University College that entered the Master level of accounting in Kristianstad were 7 students, i.e., the Master attracted 12% of the local market. Most students went to legal studies or to Lund University. No student from another university or university college applied for the Master courses in Kristianstad. Thus, this is a strong indication that the Master level cannot strongly compete with Lund University, although there is no indication that the programme on the master level is inferior.

Turning to the reasons, there are several reasons why students leave Kristianstad and why students do not come to Kristianstad. 23% of the students in the survey were living in the area of Lund, thus they have time incentives to withdraw from Kristianstad. Other people expected to live in the regional area surrounding Lund, so they had reasons to reduce the movement to the region by leaving Kristianstad. A few students looked for other Master courses than accounting, which made them move to universities that could offer greater variety.

The hardship of studying cannot, however, be ruled out as an explanation. The students were asked to compare the level of difficulty between courses. On a seven grade scale they thought that the law studies in Kristianstad were only slightly more difficult than courses in Lund (4,5). They thought that law studies were much easier compared to the Master in Kristianstad (2,4). And they thought that the Master courses in Kristianstad were much more difficult than the courses in Lund (6,1).

These numbers are supported by written comments. In the survey they were asked to write the reasons why they had to attend or not

attend the Master course in Kristianstad. Two responses (translated by the authors) clearly convey similar content as the original rumour:

«Higher working load and higher level for reaching the grade Pass than other Universities and University Colleges (according to the rumour). As long as the employers do not know that Kristianstad has a higher level on the Master education it is tempting to choose an 'easier' way through getting the grade at another place».

«Believe that a Master grade from Lund is both easier to get and more important than a Master grade from Kristianstad».

And one response is interesting because it indicates mistrust:

«It looks as if Kristianstad is trying to do more out of the Master than what it is in reality and it is because of this that all students have oriented themselves towards Lund, where they have better knowledge about the demands that are relevant for students on the Master level».

This student believes that there is a difference in demands due to the lack of knowledge of appropriate demand levels at a University and a University College. This is probably one part of the prestige of a University, universities are believed to have knowledge which other organisations are lacking.

It can be questioned in general if there is any substance in this prestige part explanation since most of the university college teachers are trained at these universities, therefore socialised in their way of thinking. In this specific case it can be ruled out since one of the Kristianstad courses is similar to a course Lund offered before 2001 and the demands to the Master dissertations are approximately the same as the demands in a programme in Lund before year 2001. This is a fact since the course manager of the present course in Kristianstad was the course manager of the course in Lund until 2001. But rumours are not based on facts but impressions.

Some indications gained from the cases.

The market in Kristianstad, constituted by the students and their expectations, is experiencing a tougher course and some of the students have incentives that are grounded in prestige. The Kristianstad

students appear to reason with categories such as effort, grade and prestige of the grade. Our observations and the Italian study indicate that if a University College would like to retain their students and thereby protect the survival of the organisation and the teachers employment, they have to focus on these factors. Facing receding demand they have to offer students lower strains on working load, higher grades or higher prestige.

The strategy that appears as rational in the short run for a University College facing reduction in demand is to comply with the demands of the students by decreasing the demand on students working load or to increase the grades. The difficulty is to communicate this utility offered to the market. Since in the case presented in the paper the problem is to retain already recruited students it is fairly easy to communicate with them. A cheap and easy method is to assign those teachers that have the reputation among students to be generous with grades and/or not demanding too much of their students.

It cannot be ruled out that such a strategy is also preferred by some teachers. It can be assumed that reduced working load of the students will imply less working load for the teacher. The same goes for the grading, since most teachers know about the strategy – though they would probably never admit that they are using it themselves – to give high grades in order to reduce the students' criticism against bad courses. Thus, with this strategy the students are kept in a financing position for the department and the teachers get less working load, which can be oriented towards the garden at home or increasing research. It appears to be a win-win situation for the teachers and for the students. The department runs however the risk of losing even more prestige in the long run, and as the Italian study indicates, the students will lose wages in the future by this strategy.

The strategy of improving the prestige appears to be very costly. In Sweden there is probably only one case of a school that has gained significantly in prestige in recent times. That is Jönköping International Business School, which appears (though we lack data) to have gained prestige, starting from the C-class and now entering the top B-class University Colleges. The resources needed appear to

have been strong management devotion, intimate contact with all levels of the state and significant money funds.

The process of accommodating to the change of demand on education in business administration appear to start at the lowest level of prestige, i.e., at University Colleges. The Universities appear to be protected by their prestige since they are only facing fewer applicant students, but still with abundance compared to the numbers they enrol, which imply less qualified students, but still the same amount of students, thereby creating the same level of funding. The financing system, however, paying not only for the students entering, but for the students that receive pass as a grade, will create incentives for the universities to give pass to students in the future that would have not passed some years ago, maybe because they would not have even entered the education. This will put a pressure in the long run on the universities prestige.

There are, however, indications that even the most prestigious universities will experience grading inflation. Increasing grades but not increasing knowledge has been observed by a teacher from Harvard University (Mansfield, 2001) who says that teachers grade the students due to the expectations of the students, not due to the expectations of the teachers. The University needs to maintain its good reputation and the grades continue to rise, but not in relation to increasing knowledge of the students. A teacher faces a pressure to accommodate to these “higher grades”, otherwise he is not one of the team. Thus, it could very well be the case that there is a U-form shape of the relationship between grade and prestige.

The financing system combined with shrinking demand can be the factors that push towards the erosion of prestige. In order to avoid this erosion an obvious strategy would be to try to become more independent of the system of financing. In Sweden it is an illegal act to finance education by student fees, so the opportunity appears to be restricted to charity, which for example constitutes the very basis of financing for the Stockholm School of Economics, which indeed is the most prestigious educator in business administration in Sweden.

The original hypothesis of a relationship between grade and

prestige has now turned into a rather pessimistic hypothesis. The combination of the financing system and tougher competition on the academic education market will decrease academic standards through increasing grade or decreasing demands on students working load.

One could, however, easily object to the pessimistic hypothesis with reference to the professionalism of academic teachers. They are trained for a long time, intensively socialised into academic norms and standards and graduate with a dissertation that advances science. While it is true that there is an academic profession, it is not true that they dominate university colleges, and maybe they are not even hegemonic in universities. With Kristianstad as an example, the Department of Business Studies has had few teachers with the degree of a Doctor and even fewer with the position as Docent (comparable to Associate Prof.) or Professor (comparable to Full Prof.). For five years the department had a Professor, financed by the local saving bank, which created, to say the least, no lasting positive influence. For some years another Professor was present at the department, but this time with no influence at all. Presently the department has about 50% of staff as Doctors, no associate professors, one promoted Full professor and one retired Professor that mainly due to his wife's employment at the department is engaged by the department. This could be compared to universities with several chaired Professors, that presumably, at least some of them, will protect and defend academic values and thereby the academic standards. Finally, event 1, where the examiners were replaced, could be interpreted as an indicator of weak academic culture since one of the replaced examiners was the highest ranked academician in the subject at the department.

Being weak in academic qualifications, the department is vulnerable to other influences, such as local politics. In a university college the local elite has significant influence due to a significant impact of the so called external representatives; these are people selected in closed circles mainly among the local elite and distributed to a few important committees at the university, as the board of the university. It has been the policy of the social democratic government

in Sweden to supply universities with this specific interest group, giving them influential positions at the board of the university and in influential committees within the university. The policy is probably grounded in a strategy aiming at reducing, if not destroying, the independence of universities through ingraining the university with the capitalistic principle of ownership, i.e., those who supply the capital shall rule.

The paradox is that it is the same government that has created numerous university colleges with the intent to absorb the local talents that otherwise would not have considered a university education. So, with one hand the government has increased the possibility of academic training, but with the other hand it has created conditions that present a threat to academic training.

The result is that the university colleges will recruit students that do not have strong academic traditions at home, which will make them less receptive and maybe even hostile towards academic standards. The pressure from the local elite is meant to make the university an obedient servant of the local community, not a vibrant university. The staffs of the university college have a weak academic profile and an even weaker academic history. Thus, the university college is more vulnerable to market conditions and the incentives of the financing system than are the universities.

Conclusion.

We predict, proceeding from our presented experience with the accounting programme in Kristianstad, that when Swedish universities are having fewer students entering the business administration educations on a university level, the process of reducing demands the students working load, increasing grades and decreasing prestige has started. It will happen in the universities, but even harder will it hit the university colleges.

We have claimed there to be a negative relationship, if not even a U-shaped relationship between grade and prestige. Decreasing number of applicants to academic education imply fewer students for the university colleges, which means a decrease in funding. For universities

it will bring about less qualified students, and if the U-shape form is correct, it will even imply a decline of prestige in the long run for the most prestigious educators.

Our claim is that the university colleges are facing tougher competition and as a consequence, less funding, but they are those that have the least capacity to resist pressure of decline in academic standards. The reason, we hypothesise, is that they have weak academic traditions since they are rather new as academic institutions; they have a weak academic staff with few guardians of academic standards, such as associate professors or full professors; they enrol students from families with less strong schooling traditions than the universities, and finally they are subject to strong local political pressure.

Since it is hard to influence one of the main factors, the logic of prestige, the other main factor, that of financing could be influenced by the university colleges. Indeed, one instrument identified in the paper that has the capacity to offer an enduring and persistent solution to the problem of retaining academic standards is the way of financing the education. If there is any demand of a solution. And, even more important, if there is anyone that considers the level of academic standard to be a problem.

Another solution could be to revert to the old Swedish tradition, which is to plagiarise, or be inspired by Germany. In this case to convert a university college into a Fachhochschule, with a lot of education located at corporations and organisations, and leave the traditional academic education within the walls of a Universität. Indeed, there are signs of this process. Kristianstad University College declares proudly that the board has decided that every programme has to have courses that are situated at corporations and organisations. This means that practice does not need to be included in a programme. It has to be included! The content and the pedagogical means used at academic courses are in fact decided by the board of the university, which not only contains academic professionals, but also businessmen and politicians.

References

1. Alvesson M. Tomhetens trium [The triumph of vacuity]. – Atlas : Stockholm, 2006.
2. Bagues M., Sylos Labini M. and Zinoveva N., 'The Endogeneity of University Grading Standards and Labour Market Mismatch : Evidence from Italy' / Mimeo, University of Strasbourg, 2007.
3. Eriksson R. & Jonsson J. O. Ursprung och utbildning – social snedrekrytering till h gre studier [Origin and education – social uneven recruitment to academic studies], SOU 1993:84. – Fritze : Stockholm, 1993.
4. Mansfield H. 'Grade inflation: It's time to face the facts' / Chronicle of Higher Education, 2001, Vol. 47. – no. 34.
5. Moderna Tider, 'Universitetsranking 2000' [University ranking 2000] / Moderna Tider. – 2000, Vol. 113. – No. 11. – pp. 35–46.
6. Moderna Tider Universitet/Berg. M., 'Konsten att g ra en ranking. Hela receptet' [The art to conduct a ranking. The whole recipe] / Moderna Tider Universitet, 1999, April. – pp. 8–38.
7. Sydsvenska Industri- och Handelskammaren [Электронный ре-сурс]. – 2005. – Режим доступа: www.handelskammaren.com.

Резюме

У статті розглядається загроза університетським стандартам у Швеції у зв'язку із зниженням вимог до освіти. Автори стверджують, що університети зазнають тиску, від них вимагають більш високих оцінок і зниження навантаження студентів. Результатом може стати деяке падіння престижу університетів, але дуже значне зниження академічних стандартів в університетських коледжах, в яких слабкіші академічні традиції, штат викладачів і контингент студентів і які зазнають більш сильного політичного тиску з боку місцевої громади. Аналіз проведено на основі досвіду викладання курсу бухгалтерського обліку в одному з університетських коледжів.

Summary

The paper is dealing with the threat to university standards in Sweden, when the university system is facing a decreasing demand on education. We claim that there is a pressure towards higher grades and less working load on the students. The effect could be a slight decline of prestige for universities, but a steep decline in academic standards at the university colleges since

they have weaker academic traditions, staff and students, and experience a stronger political pressure from the local community. The reasoning is made on the basis of an accounting programme produced at a university college.

УДК 339.97(477)

А. В. Симейко

МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, интеллектуальный потенциал, интеллектуальный фактор, потенциал социального управления.

Концепция конкурентоспособности Украины может стать своеобразной «национальной идеологией» — такой, как она стала в Сингапуре, Малайзии, Великобритании или США. Осознание того, что страна признаваема и уважаема в мире как конкурентоспособная (независимо от того, где, в каких секторах или видах деятельности эта конкурентоспособность концентрируется прежде всего), может стать важным поводом для общенациональной гордости независимо от языка, конфессии, политических убеждений человека. В настоящее время в отечественной экономической литературе осуществляются попытки системного анализа конкурентоспособности. Применительно к ее макроэкономическому анализу отдельными исследователями включается также такие показатели, как политический и военный потенциал [1]. Однако в условиях формирования информационного общества ключевым звеном конкурентоспособности, безусловно, является интеллектуальный капитал (ИК) — (Knowledge Quick Scan), который представляет основу инновационных преобразований. Информационное общество в значительной степени усложнило его структурную модификацию,

формы функционирования, что обуславливает необходимость всестороннего исследования реальных форм проявления для уяснения специфики конкурентной борьбы в современных условиях. Следует, тем не менее, признать, что усилия, предпринимаемые в этом направлении, можно охарактеризовать как *формирующееся научное знание*, требующее углубленного анализа и систематизации. Проблема макроэкономического анализа интеллектуального капитала, которая в современных условиях формирования информационного общества становится приоритетной, требует тщательного исследования методологии системного анализа интеллектуального капитала.

Большое внимание определению и исследованию сущности категории «интеллектуальный капитал» оказывают ученые на современном этапе развития трансформационной экономики. Это широко известные разработки зарубежных авторов Э. Брукинга, Т. Бьюзена, Г. Минса, Д. Шнайдера, Ричарда Р. Нельсона и Сиднея Дж. Уинтера, А. Сливотски, Д. Моррисона и др. Основоположниками данной категории на российском рынке можно считать Л. С. Шаховскую, Б. Б. Леонтьева, В. Л. Иноземцева, С. А. Ленскую и др.

Обратимся к определению интеллектуального капитала. В современных подходах определение интеллектуального капитала рассматривается как «знания, навыки и производственный опыт конкретных людей (человеческие авуары) и нематериальные активы, включающие патенты, базы данных, программное обеспечение, товарные знаки и др., которые производителем используются в целях максимизации прибыли и других экономических и технических результатов» [2]. Такое определение, верное по своему существу, тем не менее не включает, по нашему мнению, процессуальную сторону функционирования интеллектуального капитала. Поэтому заслуживают внимания предложения по его системному анализу при построении модели на уровне деятельности отдельных предприятий, когда кроме исходных (уровень образованности сотрудников, технологически-информационная база) и конечных показателей (готовые для

использования в конкурентной борьбе инновационные разработки — ноу-хау) включается и процессуальная сторона. В ряде исследований подчеркивается, что дихотомия «интеллектуальный капитал — научно-технический прогресс» (ИК — НТП) с позиции теории систем не является системой, так как представляет только структуру «вход — выход». И в этом случае рассматривается только субстантивный аспект ИК (что делает и что получается), а процедурный (как делается) — производство тех или иных экономических, технических и др. результатов, формирующий систему «вход — процессор — выход», отсутствует. При этом новые технические решения (инновационная рента НТП) фактически рассматривается как единственная форма результатов, генерируемая ИК. Все это значительно упрощает, но вместе с тем и снижает ценность такой онтологической модели ИК, так как она не позволяет исследовать механизмы генерирования экономических результатов и воспроизводства ИК [2]. К процессуальной стороне интеллектуального капитала, по нашему мнению, следует отнести и реализацию современных научных подходов в сфере управленческой деятельности технологическим процессом, а также формирование организационной культуры персонала.

На основании предложенного подхода исследования интеллектуального капитала, состоящего не только из субстанциональных, но и процессуальных компонентов, мы предлагаем методологию построения модели системного анализа интеллектуального капитала, структура которой включает *ресурсные и факторные показатели*. Первые детерминируют его существование, вторые предопределяют функционирование, движение и реализацию. Данный подход основывается и на более строгом анализе самой дефиниции «капитал», особенности функционирования которого включают в себя как все аккумулированные возможности (потенциалы), так и его движение, действительную реализацию в форме осуществленных факторов. Это подтверждает и анализ ситуации с конкурентоспособностью Украины в интеллектуальной сфере. Если посмотреть на отдельные

компоненты нашего «успеха», то увидим, что Украина достаточно высоко котируется по уровню «изобретательности» населения (то есть развития технологических идей), качеству научно-исследовательской базы, образования в точных науках, а также благодаря относительно неплохому состоянию базовой инфраструктуры. Однако страна очень низко котируется по *факторам*, обеспечивающим возможность практической «капитализации» этих преимуществ. А здесь — и высокий уровень «утечки мозгов», и сложные процедуры лицензирования новых технологий и услуг, и неприемлемо низкий уровень защиты прав интеллектуальной собственности, и узкий потенциал по инвестициям в образование и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Информационный капитал (ИК), таким образом, может быть представлен в следующем виде:

$$\text{ИК} = \text{ИП} + \text{ИФ},$$

где ИК — интеллектуальный капитал;

ИП — интеллектуальный потенциал;

ИФ — интеллектуальный фактор.

Данный подход должен гарантировать недопустимость так называемого двойного пересчета элементов, составляющих содержание первого и второго слагаемого. Поэтому в состав факторного компонента следует включить только те элементы, которые позволяют в полной мере реализовать преимущество капитала знаний, воплощенного в информации и технологии, а в состав потенциальной компоненты — все, что служит его непосредственному формированию.

В содержание интеллектуального потенциала, с учетом системного подхода, следует отнести не только научный (НП) и технологический потенциал (ТП), включающий, безусловно, и информационные технологии, но и образовательный потенциал (ОП), а также, обеспечивающий надежность их взаимосвязи, безопасность и эффективность взаимодействия, — потенциал социального управления (ПСУ):

$$\text{ИП} = \text{НП} + \text{ТП} + \text{ОП} + \text{ПСУ}.$$

О роли потенциала социального управления может свидетельствовать опыт послевоенного развития Японии в середине XX века, когда в результате эффективной политики и социального управления полуразрушенная страна смогла возглавить интеллектуальное лидерство. Эффективность социального управления зависит не только от стратегии высших эшелонов власти, но и от деятельности всех государственных чиновников: насколько власть способна очиститься от проблем политического противоборства и меркантилизма, поддерживать необходимые пропорции и динамику развития подсистем интеллектуального потенциала и их взаимодействие, противодействовать «утечке мозгов», нежелательным формам миграционных процессов и другим социальным деформациям, снижающим эффективность ИП. А. И. Юрьев отмечает: «поскольку конкуренция имеет тенденцию перераспределять доходы от поставки блага в пользу покупателей и других поставщиков, фирмы часто стараются заручиться государственной поддержкой в устранении конкурентов, нередко проявляя исключительную изобретательность и добиваясь великолепных успехов в софистике» [3]. В анализе наиважнейших направлений функционирования ПСУ необходима реализация не только принципа социальной справедливости во внесении корректив в развитии ИК, но и обеспечение принципа компетентности, что выдвигает дополнительные требования к уровню подготовки руководящих кадров. Не менее важной представляется проблема обеспечения маркетинговой составляющей функционирования ИК, которая на современном этапе его развития все больше переходит от отражения потребностей к их формированию: «по представлениям «экономического образа мышления», побеждает в конкуренции товар, фирма, страна за счет изобретательности, изощренности, дальновидности людей, осуществляющих конкуренцию и добивающихся признания худшего лучшим, невозможного возможным, безобразного прекрасным, недопустимого допустимым, отвратительного прекрасным» [3]. Системообеспечивающий характер ПСУ в структуре ИК состоит, таким образом, не только в развитии

НП, ТП, ОП, их взаимодействия, но и обеспечении внешних условий развития ИП.

Если субстанциональную сторону ИК представляют компоненты объективизированной действительности, то к числу компонентов ИФ следует отнести результаты этой деятельности в сознании людей, свидетельствующие о способности и мотивации к эффективной интеллектуальной деятельности в научной и производственно-технологической деятельности. Способность нации (народонаселения данного государства) к высокоэффективной интеллектуальной деятельности, закрепленная в соответствующих *продуктивных и творческих стилях жизнедеятельности* может быть выражена показателем фактора культуры (ФК), который, являясь результатом ОП, раскрывается через систему показателей интеллектуального развития и ценностных ориентаций массового сознания. Энергетика реализации данной способности к интеллектуальной деятельности, определяемая, прежде всего фоновыми показателями ПСУ в СМИ (мода, установки PR, стремление к достижению высоких стандартов жизни, определяемых ПСУ), проявляется как *психологическая готовность к интеллектуальной деятельности* и может быть зафиксирована в качестве показателя мотивационного фактора (МФ). На функционировании МФ в значительной степени сказывается реальное состояние здоровья народонаселения (физическое и духовное), а также показатели гармонии демографического развития. Позитивность данной «энергетической составляющей» ИФ для интересов национальной экономики, характеризующаяся тождественностью интересов субъекта предпринимательской деятельности с интересами данного этноса, нации, государства, стремлением обеспечить национальную безопасность и сохранить преимущества, достигнутые в интеллектуальном конкурентном противоборстве для граждан своего государства, проявлением патриотизма, гражданственности, можно представить в виде *фактора гражданской ответственности* (ФГО).

Интеллектуальный фактор, следовательно, может быть представлен в таком виде:

$$\text{ИФ} = \text{ФК} + \text{МФ} + \text{ФГО},$$

где ФК – фактор культуры;

МФ – мотивационный фактор;

ФГО – фактор гражданской ответственности.

Коэффициент конкурентоспособности интеллектуального капитала можно рассматривать как соотношение интеллектуального капитала и численности народонаселения:

$$\text{Ккик} = (\text{ИП} + \text{ИФ}) / \text{Н},$$

где ИП – интеллектуальный потенциал;

ИФ – интеллектуальный фактор;

Н – численность народонаселения.

Предложенная модель методологии исследования конкурентоспособности интеллектуального капитала может быть рассмотрена как синтез потенциального (субстанционально-процессуального) компонента и факторного, отражающего реальную способность и позитивную мотивацию к высокоэффективной интеллектуальной деятельности и достижению преимуществ в конкурентном противоборстве информационного общества.

Список литературы

1. Окара А. Н. Предвыборные слова в поисках поствыборных смыслов, или как нам обустроить Украину – вместе с Юлией Тимошенко и Ренатом Ахметовым / А. Н. Окара // Зеркало недели. – 24 авг. 2007 г. – С. 6.
2. Голубкин В. Н. Интеллектуальный капитал в эпоху глобализации мировой экономики [Электронный ресурс] / Голубкин В. Н. – Режим доступа : <http://creativeconomy.ru/library/prd1011.php> – Загл. с экрана.
3. Юрьев А. И. Конкурентоспособность России как критерий системного анализа состояния страны [Электронный ресурс] / А. И. Юрьев – Режим доступа: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=366> – Загл. с экрана.

4. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал / Э. Брукинг. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
5. Клейнер Г. Знания об управлении знаниями / Г. Клейнер // *Вопр. экономики*. – 2004. – № 1. – С. 151–155.
6. Критский М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. – Л. : Изд. Ленинград. ун-та, 1991. – 120 с.
7. Глухов В. В. Экономика знаний / В. В. Глухов и др. – СПб. : Питер, 2003. – 528 с.
8. Сергеев А. Л. Интеллектуальный капитал когнитивной микроэкономики: тезаурус и структура / А. Л. Сергеев // *Эконом. анализ: теория и практика*. – 2005. – № 11. – С. 50–55.
9. *Blackwell Handbook of Organizational Learning and Knowledge Management* – L. : Blackwell Publishers, 2003.

Резюме

У статті запропоновано модель методології системного аналізу конкурентоспроможності інтелектуального капіталу, яка поєднує потенційну та факторну складові. Серед компонентів інтелектуального потенціалу особлива увага приділяється потенціалу соціального управління, визначаються такі складові фактора інтелектуальної конкурентоспроможності, як фактор культури, мотиваційний фактор та фактор громадянської відповідальності, що надає можливість визначити її реальне функціонування в умовах інформаційного суспільства.

Summary

A model of the intellectual capital competitiveness system analysis methodology, which comprises potential and factor components, is suggested in the article. In the focus of attention are the potential of social management in the context of components of the intellectual potential, and the aspects of the intellectual competitiveness factor represented by the cultural factor, the motivational factor and a factor of civil liability that determine its functioning under the conditions of the information-oriented society.

УДК 371.035.6(460)

Тереса де Хесус Гонсалес Барберо

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: РАБОЧИЙ ПРОЕКТ В ШКОЛЬНОМ ЦЕНТРЕ

Ключевые слова: образование, содействие многообразию, межкультурный проект.

ВВЕДЕНИЕ

Каждая эпоха и каждое общество имеет свои специфические требования, касающиеся образования. Хотя и верно, что, в отличие от других учреждений, школа зачастую запаздывала с ответом на существующие вопросы, но также правда, что преподавательский состав трепетно относится к поиску эффективных решений проблем, возникающих ежедневно на уроках и в учебном центре.

Недавние образовательные реформы, закрепленные в Органическом законе об образовании, предназначены стать эхом новых проблем, с которыми школьные центры вынуждены встретиться лицом к лицу.

Одной из самых важных и неотложных из них является присутствие этнических меньшинств, родом из других стран, которое, возникнув вследствие такого явления, как иммиграция, привносит собой значительные изменения в шаблон структуры образовательного процесса и в разработку средств для обучения.

Последующая работа включает в себя, во-первых, теоретическое обоснование проблемы и, во-вторых, описание внедрения проекта по межкультурному образованию.

На протяжении следующих страниц мы хотим продемонстрировать эту реальность и предложить альтернативу в образовательных рамках, в определенном контексте государственной школы «Карлоса Руиза» города Галапагара.

ЧАСТЬ А: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

І. Развитие эмиграции и ее источники в Испании

Общие характеристики

Далее мы предлагаем самые важные особенности иммиграции в Испании, которые в схематической форме отобразят сложившуюся ситуацию.

- Официальным цифрам не удастся раскрыть полностью нынешнее реальное присутствие эмигрантов в Испании, прежде всего, из-за того, что они не включают в себя нелегально находящихся в стране людей, чье число может быть значительным. Однако приходится прибегать к этим данным, потому что они несут в себе достаточно ясности, чтобы определить ряд характерных черт: развития и пространственного распределения иностранных общин и различных национальных групп; концентрации рабочих иммигрантов в трудовых нишах различных провинций и, в большей степени, как следствие этого, контрастов в демографических структурах приезжего населения между разными автономными обществами.

- Мадрид и Барселона являются городами с самым большим количеством иммигрантов из всей Испании.

- Африканцы составляют первую группу иммигрантов во многих испанских провинциях, в особенности в тех, которые занимаются сельским хозяйством — в Барселоне и в Мадриде. Прежде всего, африканское население в Испании представлено: марокканцами (76%), алжирцами, гамбийцами, сенегальцами, камерунцами, гвинейцами и т. д.

- Место проживания латиноамериканцев сконцентрировано в Мадриде (35,7%) и во вторую очередь в Барселоне (21,1%). По статистическим данным, многочисленными группами являются эквадорцы и колумбийцы, перуанцы и доминиканцы, после следуют кубинцы и аргентинцы.

- Одна третья часть иммигрантов из Восточной Европы (поляков, румынов, украинцев и, менее значительных по

своему количеству, русских и болгаров) сконцентрирована в Мадриде.

- И завершают список жители Азии, проживающие в основном в городах и почти равномерно сконцентрированные в Мадриде и Барселоне, после — на Канарских островах. Китайцы, филиппинцы, индусы и пакистанцы являются, в перечисленном порядке, более представленными национальностями внутри группы.

- Хотя иностранное население работает во всех экономических секторах, в основном они занимают рабочие места, на которых испанцы не хотят работать: в сфере домашних услуг (как правило, задействованы женщины), в сфере сельскохозяйственных работ, гостиничного дела и строительства (задействованы мужчины).

Различные юридические классификации иностранцев

Под общим эпитафом «иностранец» скрываются различные определения, которые, в свою очередь, влекут за собой различные социальные и политические права.

Иностранцы имеют разные юридические статусы в зависимости от документов, которые им выдают государственные власти и, исходя из этого, мы можем установить следующие категории:

- лица, не имеющие Родины;
- студенты;
- лица, просящие политического убежища;
- экономические иммигранты: с документами/без документов;
- иностранцы, выходцы из стран Европейского Союза;
- изолированные/политические беженцы;
- экспатрианты.

Общественная инициатива различных институциональных учреждений

Общей характеристикой для всех иностранцев, которые приезжают в Испанию, является, в большинстве случаев, их

нелегальное пребывание. И это приводит к тому, что они не всегда обращаются в Государственные учреждения из-за боязни быть депортированными. Однако огромное число Ong's¹ и учреждений общественного хозяйства создали за последние годы большую сеть поддержки этим группам, организованную в разных областях, чтобы покрыть различные нужды при их возникновении.

Самые разные учреждения и инстанции: Ong's, Cruz Roja², ASTI³, Andalusна Acoge⁴, Caritas⁵ и т. д. — воплощают инициативы, охватывающие следующие сектора:

- *легальный сектор*: предоставление информации и юридической помощи;
- *сектор содействия*: предоставление экстренной помощи, жилья, содержания и т. д.;
- *трудоустройственный сектор*: предоставление помощи по ориентированию, предоставление консультационных услуг, создание биржи труда и т. д.;
- *сектор здравоохранения*: оказание первой помощи, предоставление обучения здоровью и др.;
- *сектор культуры и образования*: организация курсов по обучению грамоте, испанскому языку; по приобретению различных квалификаций для нахождения работы; по обучению социальным навыкам через семинары и т. д.

¹ Ong's — мн. ч. от аббревиатуры Ong («Organizaciyn no gubernamental» — Не государственная организация).

² Cruz Roja — Красный Крест.

³ ASTI (Asociación de Solidaridad con los Trabajadores Inmigrantes) — Ассоциация по солидарности с работниками-иммигрантами.

⁴ «Andalucía Acoge» (дословный перевод «Andalucía Acoge» — Андалусия предоставляет приют) — организация, работающая в сфере помощи иммигрантам.

⁵ Caritas (по лат. «caritas» — милосердие, жертвенная любовь) — международная католическая благотворительная организация, которая занимается социальной работой и оказанием помощи людям.

II. Межкультурность в образовательных центрах

Цели:

- понимать межкультурное воспитание как всеобщее воспитание для обучения сосуществованию в мультикультурном обществе;

- установить тот факт, что помощь, которая предлагается ученикам иммигрантам, не может быть сведена к предложению Компенсационной программы. Для того чтобы быть эффективной, она должна охватывать более широкие аспекты, чем школьный контекст;

- признать главенствующую роль преподавательского состава в выявлении потребностей межкультурного воспитания и в поиске соответствующей поддержки;

- конкретизировать возникающие сложности и выдвинуть предложения по действиям в сфере помощи ученикам Компенсационной программы;

- ознакомиться с какой-либо службой, которую предлагает Администрация по образованию в качестве внешней поддержки школьным центрам.

Основы межкультурности

В общем виде права иммигрантов признаны несколькими форумами на международном уровне. Ниже приведем примеры самых значительных из них:

Универсальная декларация прав человека

Статья 1: «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»;

Статья 27: «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества».

Международный пакт о гражданских и политических правах

Статья 27: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим

к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.

Исходя из Декларации этих прав, каждая страна на местном уровне вырабатывает свод соответствующих законов.

Часто употребляемые термины

Наряду с приведенными в предыдущих главах аспектами, одной из самых значительных характеристик, касающихся межкультурного образования, является количество существующих лексем, которые мы не всегда употребляем со сходным смыслом.

В продолжении мы приводим некоторые самые важные из них:

1. Иммиграция. Иммиграция — это иммиграционный акт, другими словами, акт по въезду в одну страну из другой на временное или постоянное проживание. Причины, провоцирующие иммиграцию, являются сложными. Они связаны с рамками индивидуальных решений, с семейным/общественным процессом и с экономическим, социальным и политически-национальным контекстом. В свою очередь, все эти элементы обусловлены глобализацией экономических и культурных процессов.

2. Этнические меньшинства. Мы можем дать определение этническому меньшинству, как группе людей, которые в силу своих расовых, физических или культурных признаков отделены от других членов общества, в котором они живут, различным и неравным отношением и поэтому считающих себя объектом коллективной дискриминации. Существование любого меньшинства в обществе подразумевает существование соответствующей доминирующей группы с более высоким социальным статусом и с большим количеством привилегий. Статус меньшинства

может повлечь за собой исключение полного участия в общественной жизни.

3. Стереотипы. Термин «стереотип» был определен Г. Аллпортом (1954), как предубежденность по отношению к традициям и атрибутам определенной группы или социальной категории. Предубежденность, функцией которой является оправдание или нахождение разумного объяснения нашему поведению по отношению к вышеупомянутой категории людей. Под стереотипом можно понимать образ или действие по отношению к людям или группам, основанные не на наблюдении и опыте, а на предвзятых идеях.

4. Мультикультурность. Мультикультурность – это как ситуация по факту, так и предложение организации общества. Ламо де Еспиноза (1995) дает определение обеим аспектам: «я понимаю под мультикультурностью (как фактом) сосуществование в одном и том же социальном пространстве лиц, отождествляемых с разными культурами. И также я понимаю под мультикультурностью (как политическим проектом в рамках, конечно, нормативного контекста) уважение культурных идентичностей, не как упрочнения своего этноцентризма, а наоборот, как путь, ведущий намного дальше, чем к простому сосуществованию, – ведущий к совместной жизни, взаимослиянию и метизации.

5. Интеграция. Термин «интеграция», пожалуй, самый используемый в сфере социальной политики по иммиграции. В Европе эта лексема используется главным образом в положительной форме и соответствует, в основном, введению в равноправие. Интеграция происходит, когда индивидуум или группа, отличающиеся своей культурой от другой группы, включаются в последнюю как полноправные члены. Социальная интеграция – это гарантия, что каждый человек найдет свое место, свою функцию в обществе; сможет развивать свой потенциал; примет все ответственности, как гражданин/гражданка, и что у него возникнет желание закрепиться и участвовать в общественной жизни. Взамен общество гарантирует ему пользование всеми коллективными благами и равенство прав.

В Латинской Америке, в особенности в странах, где преобладает индейское население, термин «интеграция» является дискредитированным из-за своей связи с термином «ассимиляция».

6. Межкультурное образование. Концепция межкультурного образования возникает по причине конфликтов, имеющих место в мультикультурных обществах. Окончательной целью такого образования является побуждение встречи между различными коллективами или этническими группами, где бы произошел взаимный обмен на равноправной основе, сохраняя специфичность каждого и в то же время ища взаимообогащения. Межкультурное образование планируется как продвижение образовательных процессов, направленных на равноправное взаимодействие культур, исходя из знаний, почтения и взаимоуважения; путем усердной работы над идеологическими и социоэкономическими условиями, моделирующими эти отношения, и преодолевая различные педагогические практики, усиливающие ассимиляцию, сегрегацию, потерю культуры и маргинальность.

III. Направления деятельности регионального плана по образовательной компенсации

С институциональной точки зрения были развиты различные предложения. Давайте сделаем наброски основных направлений деятельности и цели, которые преследуются при их реализации в Сообществе Мадрида.

1. Охват школьным обучением. Преследует следующие цели:

- а) гарантировать охват школьным обучением и информированность семей;
- б) сбалансировать учащихся с компенсационной необходимостью между всеми центрами;
- в) разработать рамочную программу по школьному курению.

2. Деятельность центров при поддержке государственных фондов. Преследует следующие цели:

- а) выработать адекватное образовательное решение для школьников, находящихся в ущербной ситуации;

б) привести в соответствие снабжение персональными ресурсами, которые поддерживают компенсационные нужды;

в) способствовать непрерывному образованию, участию в Европейских программах и инновационной деятельности преподавательского состава;

г) улучшить снабжение оборудованием и дидактическими материалами;

д) провести работу с юношами, которые не смогли пройти ESO⁶.

3. *Дополнительная деятельность.* Преследуют следующие цели:

а) развить деятельность в сфере внешней образовательной компенсации;

б) привести эти действия в соответствие с деятельностью, развиваемой центром;

в) уделить внимание процессам по госпитализации и продолжительному выздоровлению.

4. *Развитие мультикультурного образования.* Преследует следующие цели:

а) поощрять интеграцию этнических меньшинств в образовательную систему, исходя из принципов урегулирования и уважения к отличию;

б) развивать деятельность по поддержке и обучению матерей и отцов, которые принадлежат к этническим или культурным меньшинствам;

в) развивать дополнительную деятельность для поддержки интеграции учеников-цыган;

г) развивать дополнительную деятельность для поддержки интеграции учеников-иммигрантов.

5. *Междисциплинарное сотрудничество и общественное участие.* Преследует следующие цели:

а) развить программы в зонах, которые будут определены, как приоритетные (например, в деревенских поселениях);

⁶ ESO (Educación Secundaria Obligatoria) – Обязательное среднее образование.

б) поощрять участие Администрации и социальных агентов в образовательной деятельности.

Подходы и модели мультикультурного и межкультурного образования

Мы рассмотрим три самые важные модели:

1. Ассимиляционная модель.

В этой модели для того чтобы принять национальную культуру, ученики из этнических меньшинств должны освободиться от их этнической идентичности. В противном случае, они могут отстать в прохождении учебного материала.

2. Компенсационная модель.

Эта модель предполагает, что дети, принадлежащие к этническим меньшинствам, вырастают в семьях и обществе, которые не предоставляют им возможность в приобретении когнитивных и культурных навыков, необходимых для успешной учебы в школе. Поэтому они, чтобы возместить социокультурный дефицит, обучаются через компенсационные программы.

3. Изоляционная модель.

Параллельно ассимиляционным программам, в Америке, в некоторых штатах, развивалась политика изоляции по отношению к этническим меньшинствам или определенным расовым группам. Вспомним индейские резервации и школы для афроамериканцев. Примером может быть борьба за преодоление этой изоляции в США (кампания за гражданское равноправие, в особенности направленная на получение доступа для афроамериканского населения во все школы) и борьба против апартеида в Южной Африке.

Проблема адаптации к школьной среде.

Существуют следующие важные проблемы:

- *языковая проблема*: присоединение к сформировавшемуся классу учеников из различных стран, родной язык которых отличается от испанского, в самом начале предполагает сложности в прохождении обучения;

- *искоренение и разрыв связи*: усложняют интеграцию. Ученики происходят из отличающихся культур, поэтому школьное содержание и материалы не соответствуют их жизненному опыту;
- *сложности в обучении*: адаптация к сложившейся системе образования оказывается для них сложной, и они образуют группу учеников с высоким показателем школьной диспропорции.

ЧАСТЬ Б: ВНЕДРЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ

I. Выявление проблемы

Поставленные цели

Ниже мы перечисляем те цели, которые, на наш взгляд, являются самыми значительными:

- улучшить управление учебным процессом в образовательных центрах;
- способствовать новшествам в тех аспектах, которые востребованы современным обществом;
- ввести фундаментальные концепции и терминологию Мультикультурного образования и Новых технологий;
- способствовать участию всех образовательных секторов в работе школьного центра;
- эффективно давать ответ специфическим потребностям школьной среды;
- повысить квалификацию учителей в их преподавательской деятельности.

ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ КОНТЕКСТНОГО АНАЛИЗА

Все, что касается урбанистической конфигурации и социально-экономического сектора

Галапагар как комплекс, образованный из близлежащих населенных пунктов, преобразился за последние годы.

Высокий процент жилых зданий и населения-собственников «вторых квартир» превратился в явление, которое не прекращает

свой рост, и чьим первым последствием стал дефицит общественных услуг.

Единственным источником проблем, связанных с урбанистической конфигурацией, которые затрагивают Галапагар, является рост населения. Он влечет за собой проблемы парковки, дорожного движения... в регионе, который не рассчитан для принятия такого количества жителей.

Состояние Галапагара в урбанистическом контексте является проблематичным и наступит момент, когда центр города просто станет непроходимым.

Новое планирование урбанизации находится в состоянии разработки, когда принимаются во внимание такие важные аспекты, игнорируемые в настоящее время, как: зоны муниципалитета, подлежащие развитию, и зоны, подлежащие сохранению.

Возможно, Галапагар является молодым муниципальным округом, которому еще предстоит формироваться и которому необходимо продолжать расти, но этот рост должен происходить рациональным и организованным образом.

Социоэкономические сектора, за счет которых живет этот населенный пункт, – это третичный сектор (сектор услуг), и за ним следует вторичный сектор, прежде всего представленный строительством.

Логично, что его экономическая зависимость базируется на сфере услуг, так как со времени своего основания это место было очень проезжим, что привлекало туристов и послужило развитию сектора.

Также необходимо принять во внимание, что это один из муниципалитетов с большим количеством гектаров и населения среди всех окрестностей.

Все, что касается сети услуг и существующего оборудования

В этой части речь пойдет о достаточно развитых аспектах и о других, с недостаточным ростом.

Первый случай касается социальных служб, которые благодаря кооперации работают исправно. Единственный недостаток состоит в том, что, по ходатайству других городских советов, необходимо распределять время и дни работы в неделю. По этой причине расписание является строгим, и население не обслуживается каждый день, хотя для экстренных случаев предусмотрена программа помощи на дому.

Напротив, медицинские службы в некоторых случаях оставляют желать лучшего. Проблема, которая затрагивает население, — это то, что, даже придя в назначенное время, необходимо ждать, чтобы получить консультацию.

В заключение этого вопроса мы можем добавить, что здравоохранительные ресурсы не выросли вместе с нуждами и ростом населения.

Академические данные

Со стороны государства образовательное предложение сконцентрировано на четырех школах и все они с высоким процентом иммиграционного населения:

- Школа «Сан Грегория»;
- Школа «Хасинта Бенаvente»;
- Школа «Ла-Навата»;
- Школа «Карлоса Руиза».

Из них мы выберем последнюю школу, где собираемся реализовать программу по Межкультурному образованию.

Определяющие характеристики центра: ШКОЛА «КАРЛОСА РУИЗА»

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ДАННЫЕ ЦЕНТРА

CEIP⁷ «Carlos Ruiz»

Код центра: 28002877

⁷ CEIP (Colegio de Educación Infantil y Primaria) – Школа дошкольного образования и младших классов.

Адрес: C/ Colmenarejo 40

Населенный пункт: Galapagar (Madrid)

Почтовый индекс: 28260

Телефон: 91 8581268

Направление территориальной зоны: Мадрид-Запад

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СФЕРА

Пространственное распределение:

На настоящий момент функционируют следующие помещения:

- корпус дошкольного образования, где работают 6 групп;
- корпус, состоящий из: 12 аудиторий начального образования, библиотеки центра, преподавательского зала, секретариата, дирекции образовательного центра, пяти тьюторских классов и многофункционального помещения;

- старое здание, в котором находятся помещения столовой, кухни и пяти различных классов: дошкольного образования для 5 лет, информатики, психомоторики для дошкольного образования и двух для внеклассных мероприятий, проводимых АМРА⁸ и органами городского управления.

- спортивный зал;
- внутренний дворик, с признаками изношенности пола комплексной спортивной площадки.

Общие помещения:

Был разработан специальный график, чтобы предоставить равноправный доступ для всех учеников к библиотеке, аудиовизуальному залу, к залу по информатики и спортивному залу.

Школьное расписание

Общее расписание центра следующее:

- в течение июня и сентября – с 9:00 до 13:00;
- остальная часть курса – с 9:30 до 14:00.

⁸ АМРА (Asociación de Madres y Padres de Alumnos) – Ассоциация матерей и отцов школьников.

Расписание, согласно которому будут доступны для учеников каждая из служб и оборудование центра:

- с 7:30 до 9:30 – «Первые службы школы»;
- с 14:30 до 16:00 – внешкольная деятельность АМРА и органов городского управления.

Человеческие ресурсы

Преподавательский состав:

Двадцать семь штатных преподавателей центра:

- дошкольное образование – 8 учителей;
- начальные классы – 12 учителей;
- английская филология – 3 учителя;
- музыкальное образование – 1 учитель;
- физическое воспитание – 2 учителя;
- один учитель по аудированию и языку;
- один учитель по компенсационному образованию.

Преподаватели, зачисленные в течение текущего курса в центр:

- учитель по терапевтической педагогике на полную ставку;
- два учителя по религиозному образованию для начальных классов и дошкольного образования, работающие по совместительству в С.Р.⁹ «Хасинто Бенаvente».
- команда ЕОЕР¹⁰ из города Кольядо Вильялба, содействующая школе.

III. Определение и характеристики проекта

Межкультурное образование продолжает быть константой в деятельности преподавательского состава школьного центра. Над этим вопросом работали непрерывно в течение всего курса,

⁹ С.Р. (Colegio Público) – Государственная школа.

¹⁰ ЕОЕР (Equipo de Orientación Educativa y Psicopedagógica) – Команда по образовательному и психопедагогическому ориентированию.

но возникло желание выделить этот аспект посредством организации Дня Межкультурности, приурочивая его проведение к празднованию Международного Дня Мультикультуры.

Цели, установленные в рамках центра, следующие:

- способствовать действиям по кооперации, командной работе и уважению отличия;
- развивать знания о других культурах;
- помогать интеграции учеников другой народности.

Краткое его описание

Проведение проекта по Дню Межкультурности планировалось на определенный день и поэтому его приурочили к Международному Дню Мультикультуры. В течение последних лет, по мере возможности, старались придать постоянство этой традиции.

Участники

Для совместной реализации проекта был установлен в устной форме план по сотрудничеству между Государственной Школой «Карлоса Руиза» и Высшим Центром Университетского Образования Ла-Салле. Количество участвующих учеников было следующим:

- 50 студентов магистратуры;
- 110 учеников государственной школы «Карлоса Руиза».

Среди других, этот проект имеет следующие назначения:

- для студентов магистратуры Высшего Центра Университетского Образования Ла-Салле:
 - позволяет приблизиться к преподавательской практике;
 - получить знания по теме, которая будет фундаментальной в их будущей профессии;
 - применить на практике их знания и преподавательские способности при внедрении проектов, классных программ и программ центра;

— для учеников и преподавателей государственного центра «Карлоса Руиза»:

- помогает задуматься над важной особенностью в их обучении и жизни;
- воспользоваться в игровой и обучающей формах Днем Сосуществования, тщательно подготовленным в школьной среде;
- привлечь свои семьи к участию в жизни центра;

— для отцов/матерей учеников:

- получить удовольствие от Дня Сосуществования, проводимого в игровой и обучающей форме в школьной атмосфере;
- привлечь семьи к участию в жизни центра.

Методика работы

Был разработан совместный план работы, разделенный на *два этапа*.

На первом этапе: ученики и учителя накапливали сведения и изучали характеристики и концепции различных народов. Параллельно студенты магистратуры проделали сходную работу, которая материализовалась в недельную программу, составленную для последующего применения на практике в школьном центре.

С целью упростить участие родителей центр выслал каждой семье оповещение с просьбой предоставить помощь в проведении мероприятий или приготовить традиционные сладости данного района или страны, которые позже будут розданы во время отдыха (перемены).

На втором этапе была определена дата реализации проекта, созданы все задействованные сектора и воплощено в жизнь задуманное мероприятие в Международный День Мультикультуры.

Разделение на группы

Работа была организована гибкими группами, в которые вошли представители всех первых классов.

Каждая группа изучала утром одну страну из предложенных девяти, на основании того, что некоторые из учеников этого курса были родом из этих стран. Были рассмотрены следующие страны:

Боливия	Гондурас	Югославия
США	Германия	Эквадор
Испания	Болгария	Португалия

Во время утренних мероприятий были изучены такие аспекты стран, как: положение на карте, язык, флаг, основные города, пейзажи, музыка, традиции, игры, образ жизни, национальные костюмы, национальная кухня, денежная единица и т. д. Все это происходило с активным участием учеников, так как принималось во внимание, что они должны будут изложить этот материал своим одноклассникам на общем собрании, запланированном на вечер.

На перемене у нас была возможность распробовать национальные блюда, которые принесли родители учеников.

Последнее мероприятие Дня состоялось в актовом зале, где наступил момент, когда необходимо было поделиться и передать другим отработанные аспекты по различным странам. Все группы подготовили, не считая кратких выводов о главных характеристиках стран: украшения и национальные наряды, танцы с музыкой различных стран, игры и т. д....

Расписание

Расписание Дня Межкультурности было разработано в общей форме:

9.00–9.30 – Встреча в школе студентов Высшего Центра Университетского Образования Ла-Салле с преподавателем по дидактике Тересой Гонсалес. Разделение и утверждение групп, материалов и задач. Было создано 9 рабочих групп согласно каждой изучаемой стране. В каждую группу вошли около 15 учеников центра и 3–4 будущих преподавателя.

9.30–11.00 – Встреча с учениками школы и разделение на группы и аудитории, заранее уже оговоренные. Каждое рабочее пространство было оформлено национальными элементами страны, с которыми необходимо было ознакомиться.

11.00–11.30 – Все участники Дня встретились для дегустации национальных блюд, которые были заблаговременно собраны и подготовлены.

11.30–14.00 – Мультикультурный Фестиваль в актовом зале с участием всех задействованных в Дне лиц. Показ работ, выполненных всеми группами.

Общая оценка недели и прощание.

Общая оценка

Будущие преподаватели и ученики центра дали общую оценку мероприятию по его окончанию.

В общем, согласно впечатлениям, поставленные цели были достигнуты; ученики продемонстрировали большой интерес к ценностям каждой культуры, узнали о базовых аспектах происхождения их одноклассников и научились уважать всех людей без отличия.

Поэтому мы считаем целесообразным придать непрерывность этому проекту.

Из собранных данных были сделаны графические и письменные документы, которые были отправлены в Проект Общества Мадрида – «Мадрид, перекресток культур», так как было получено много похвальных отзывов от его организаторов.

IV. Выводы

Мы выделим те аспекты, которые, на наш взгляд, являются самыми важными:

1. Во-первых, засвидетельствовать, что новая социальная форма делает необходимым приспособление школьных центров к этому изменяющемуся контексту путем предложения эффективных решений новым образовательным вызовам.

2. Тесно связывая этот вывод с предыдущим, кратко изложить, что новое Законодательство об образовании, включенное в ЛОЕ¹¹ и касающееся не университетского образования, предоставляет школьным центрам и, в особенности директорам, большие полномочия по автономии в управлении. Одним из лучших средств для выполнения данной задачи является развитие лидерства в сотрудничестве, вовлекая все сектора.

3. Проект межкультурного образования не только предполагает нововведение в образовательной сфере, но также в будущем он станет приоритетным и константным для учебных центров;

4. Из аспектов, описанных в проекте, нам бы хотелось специальным образом отметить потребность в создании образовательной культуры, как предварительный и необходимый шаг для внедрения новых проектов и как форму обновления педагогических систем.

5. Необходимо, по возможности, рационально использовать образовательные средства и ресурсы, даже если они принадлежат государству. И один из способов достигнуть этой цели — это оптимально использовать те, которыми мы уже располагаем. В проекте мы хотели выделить этот аспект, устанавливая точку пересечения между образовательными стратегиями и проектами школьного центра.

Список литературы

1. Medina A., Domínguez C. La formación del profesorado en una sociedad tecnológica – Madrid : Cincel, 1989.
2. Aplicaciones Tecnológicas a la Enseñanza a Distancia. Proyecto ATED INACED (Asociación Nacional de Centros de Enseñanza a Distancia). – Madrid, 1993.
3. Rodríguez Lopez J. L., Medrano Basanta G. La formación en las organizaciones / Ed. Eudema Psicología. – Salamanca, 1993.

¹¹ LOE (Ley Orgánica de la Educación) – Органический закон об образовании.

4. Abad L., Cuco A., Izuirdo A. Inmigraciones, pluralismo y tolerancia / Edi. Popular. –Madrid, 1993.
5. Abajo Alcalde J. E. Educación intercultural: ¿moda?, ¿ilusión?, ¿compromiso? / En Boletín del Centro de Documentación. – Madrid, 1996. – n. 12, p. 31–35.
6. Amorós Puente A. Por una educación intercultural: guía para el profesorado / Ministerio de Educación y Ciencia ; Secretaria de Estado de Educación. – Madrid, 1993.
7. Antón J. A. Educar desde el interculturalismo. – Salamanca : Amarú, 1995.
8. Cano Domínguez R. Un proyecto de educación intercultural en colegios con alumnado multiétnico // En : Acción Educativa. – Madrid, 1999. – N. 102–103. – P. 44–45.

Резюме

Багатокультурні суспільства – це реальність у країнах першого світу. Присутність у соціальному плані громадян різних культур мимоволі просочує школу цією самою реальністю. Одним із викликів цієї нової навчальної моделі є навчання співіснування і спільного збагачення.

У проекті, який ми вам представили, врахований експеримент, що був реалізований у державному шкільному центрі району С'єри, провінції Мадрида.

Summary

Multicultural society is a reality in the countries of the first world. The availability of representatives of different cultures can't but tell on the school. One of challenges of this new reality is teaching how to co-exist and enrich one another. In the project suggested the experiment realized in the state school centre of Sierra district, province of Madrid, was taken into account.

УДК 37.014.54:330.837

И. В. Тимошенко

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: образовательные инновации, созидательное разрушение, формы инноваций.

Переход к новой «гуманистическо-инновационной философии образования», содержанием которой является «создание условий для личностного развития и творческой самореализации каждого гражданина Украины» достаточно давно провозглашен украинским государством в качестве главной задачи развития национальной системы образования [7, с. 3], однако эти заявления до сих пор остаются на уровне деклараций.

За все годы независимого развития в Украине так и не удалось выработать обоснованную и работоспособную стратегию развития национальной системы образования. «К сожалению, с первых лет украинской независимости государственная власть развивала украинскую систему образования на совершенно ложных принципах и, несмотря на опыт передовых постиндустриальных стран... государство в сфере образования продолжает настаивать на своих трагических заблуждениях», – резонно замечает А. Кендюхов [6].

В отличие от тех стран, где глубоко и всесторонне подошли к осмыслению трансформационных процессов в образовании и выработке стратегических направлений ее реформирования, Украина продолжает идти «путем копирования чужого опыта, расфрантив его в национальные одеяния, не прибегая к осмыслению специфических задач глубинных трансформационных изменений в парадигме ее образовательной системы» [4].

Неизбежным следствием этого становятся результаты функционирования системы образования: «Все показатели

качества образования находятся на низком уровне и продолжают падать. Больше половины выпускников работает не по специальности. Все опросы работодателей показывают растущую неудовлетворенность качеством вузовского обучения и отсутствием связи между образованием и рынком труда. По всем международным оценкам, наши вузы существенно отстают не только от американских и европейских, но и от ведущих азиатских» [2, с. 16].

На этом фоне с упорством, достойным лучшего применения, общество вновь и вновь ставит в тупик, по сути, альтернативные заявления сменяющих друг друга на высших государственных постах чиновников. То утверждается, что «реформировать или модернизировать высшую школу уже поздно, ее нужно создавать заново — по европейскому образцу» [16, с. 7], то навязывается вывод, что никакого кризиса в образовании уже не существует, а те его отдельные недостатки, которые все еще сохранились, носят частный характер и могут быть достаточно легко преодолены [8].

При этом в качестве ключевых задач реформирования образования в Украине определялись и продолжают определяться лишь частные вопросы, искусственно вырванные из контекста развития всей системы образования как сложного социально-экономического организма. Государство то ищет панацею в компьютеризации и информатизации учебного процесса, то в Болонской декларации или внешнем независимом оценивании.

Если же бессистемный подход к развитию образования рассматривать в качестве одного из проявлений отсутствия системного взгляда на развитие общества в целом, то становится очевидной правота О. Рыбалкина, который замечает, что главная проблема украинского образования состоит в отсутствии спроса на высококвалифицированные кадры. «В обществе, в котором кумовство и угодничество — главные критерии отбора, не может быть реального спроса на интеллект. Если успех на рынке в насквозь коррумпированной экономике зависит от степени близости к власти, это автоматически нивелирует значение

квалификации. Если общество не предъявляет вузам высоких требований в отношении качества образования, бессмысленно рассчитывать на хорошую подготовку кадров. Все остальные проблемы высшего образования – лишь следствие этого» [13].

Определение места и роли инноваций в развитии образования, на первый взгляд, может показаться задачей, которая уже достаточно давно и вполне успешно решена. К такому выводу подталкивают не только работы теоретиков и практиков образования, но и многочисленные издания международных организаций, в которых важнейшие характеристики современного образования рассматриваются на уровне аксиом в контексте моделирования национальных инновационных систем (НИС) [15].

Однако, как справедливо замечает Е. Самойлик, «инновационная сфера стала одним из модных направлений и прикрытием для принятия решений разного уровня... Термины «инновация» и «инновационная деятельность» применяют более 90 законов и свыше тысячи нормативно-правовых актов... Только за последние годы по тематике инновационной деятельности защищено свыше 100 кандидатских и свыше 10 докторских диссертаций... Кажется, это неплохо. Но чем больше общество проникается важностью инноваций, тем менее инновационной становится экономика Украины» [14].

Приведенные характеристики в полной мере могут быть отнесены к характеристике образовательных инноваций (ОИ) – инноваций в системе образования.

Во-первых, они трактуются чрезвычайно широко. Под инновационной образовательной деятельностью в настоящее время подразумевается любая «разработка, распространение и использование образовательных инноваций». А сами ОИ определяются как «впервые созданные, усовершенствованные или использованные образовательные, дидактические, воспитательные, управленческие системы, их компоненты, которые существенно улучшают результаты образовательной деятельности» [12]. Таким образом, сегодня, любое сколько-нибудь значительное изменение в организации учебного процесса или в его обеспе-

чений, по сути, может претендовать на «официальное» признание в качестве ОИ: от разработки рабочего плана или программы учебного курса [9, с. 10] до публикации хрестоматии первоисточников [9, с. 294].

Во-вторых (как следствие «во-первых»), на фоне столь широкой трактовки ОИ их качественная оценка, анализ места и роли в развитии образования и общества в целом незаслуженно оказываются на периферии исследовательских интересов ученых и практиков образования.

Таким образом, как подчеркивал А. А. Пинский, «многочисленные и разные по масштабу попытки действительного обновления школы и педагогики... пока не осмыслили себя как нечто единое и цельное: не усмотрены объединяющие рамки, не названы системообразующие принципы, не уловлен общий содержательный контекст» [10, с. 111].

Все это дает основание утверждать, что в современных условиях проблема ОИ не утратила своей актуальности как на уровне теоретического анализа наиболее общих философских и методологических аспектов развития системы образования, так и в решении проблем более частного порядка — таких, например, как маркетинговое моделирование ОИ или выбор критериев оценки эффективности ОИ на уровне школы или университета. Цель настоящей работы состоит в определении важнейших теоретико-методологических аспектов исследования ОИ. Она обусловила постановку основной исследовательской задачи настоящей публикации — анализ содержания ОИ как феномена «созидательного разрушения» в системе образования.

Считаем, что смысл любой образовательной инновации состоит в радикальном изменении содержания и характера отношений, которые складываются между акторами в системе образования¹.

¹ Здесь и далее мы сознательно избегаем дискуссии по поводу «инновационной» терминологии, полагая, что более продуктивным является не конструирование дефиниций (в настоящее время счет

При этом понятия «радикальность инноваций» и «радикальность изменений», по сути, выступают как тождественные.

Как правило, ОИ являются тем более радикальными, чем более принципиальными становятся те изменения, которые происходят в отношениях, складывающихся между акторами, и чем большее число акторов оказываются вовлеченными в изменившуюся систему отношений (например, внедрение в Украине национальной системы внешнего оценивания учебных достижений учеников выпускных классов; в 2006 г. — 40 тысяч учащихся, в 2007 г. — 117 тысяч).

При этом, однако, было бы принципиальным заблуждением рассматривать собственно количественные характеристики ОИ в качестве главного и достаточного критерия их радикальности, поскольку радикальная ОИ может быть реализована и на уровне отдельной образовательной организации.

Считаем, что трактовка содержания ОИ как фактора радикального изменения отношений между участниками образовательного

определений «инновация» и «образовательная инновация» идет уже на сотни), а выяснение их глубинного социально-экономического содержания. Вероятно, в какой-то степени такое обилие «инновационной» терминологии является закономерным, поскольку «одним из средств сделать понятия более соответствующими сложной, динамичной, неопределенной реальности, которую они призваны отражать, является переход от четких, определенных понятий к менее четким» [11, с. 69]. Однако сути дела это не меняет. В этой связи весьма точным представляется замечание Г. И. Герасимова и Л. В. Илюхиной, которые пишут: «Многоаспектность и сложность самого феномена и противоречивость его понятийного трактования...дополнительно запутывается разногласием по поводу как исходного понятия, в качестве которого в одних случаях выступает «новшество», в других «инновация», так и определения той формы, которая призвана упорядочить смысловое многообразие... Собственно же теоретико-методологические основания, несущие в себе целостность явления инновации и многообразие возможного функционального разрешения этой целостности в различных социальных условиях, либо отсутствуют, либо подразумеваются как нечто вторичное... В конечном счете... это усугубляет кажущуюся неразрешимость проблемы [1, с. 49–50].

процесса вполне оправданна и несет в себе те принципиальные характеристики, которые были обоснованы автором категории «инновация» – Й. А. Шумпетером в его работах «Теория экономического развития» (1911) и «Экономические циклы» (1939).

При этом для ОИ классическая шумпетерианская характеристика инноваций как источника «созидательного разрушения» (creative destruction) приобретает особый смысл и значение.

На существование сложной диалектической взаимосвязи образования и инноваций обращал внимание Э. Дюркгейм: «Школьная система, – писал он, – какова бы она ни была, формируется из двух элементов. С одной стороны, имеется целый набор определенных и стабильных отношений, разработанных методов, одним словом институтов... в то же время внутри построенной таким образом системы живут идеи, работающие в ней и побуждающие ее к изменению» [3, с. 56–57].

Идеи Дюркгейма развиваются в работах современных авторов, таких как Е. К. Краснухина, К. С. Пигров, Т. И. Симоненко, Н. В. Соколова, А. В. Толшин и др.

В работах этих исследователей в качестве наиболее важной характеристики системы образования определяется ее консерватизм, противоположностью которого выступает инновационность [5, с. 12, 120, 121, 184, 438, 448].

К. С. Пигров замечает: «Инновации в самом общем смысле есть производство новых и значимых идей и внедрение этих идей в жизнь общества. Образование же, также в самом общем смысле слова, представляет собой трансляцию уже существующих идей (знаний), во-первых, от поколения к поколению, и, во-вторых, от институтов, специализирующихся на производстве знания, к народу, массам, «низам», к людям, не специализирующимся на производстве знания... Самое существенное это внутренний конфликт образования и инновации» [5, с. 12]. И заключает: «Смысл инновации именно в отрицании. Поэтому инноваторов не любят в системе образования, и более того, их не любят вообще» [5, с. 15].

«Школа по своей сути консервативна и такой... должна

быть», – пишет А. В. Толшин [5, с. 448]. «Напротив, – замечает Е. К. Краснухина, – «креативный» – становящийся все более модным термин происхождения – означает происхождение от инновации, от актуального, созидание из ничего» [5, с. 121].

Такая характеристика ОИ не дает, однако, основания утверждать, что ОИ – это главный стимул развития всей системы образования или, наоборот, пытаться представить ОИ в качестве определяющего фактора разрушения образовательной системы, поскольку «такая позиция соответствует двойственности самого образовательного процесса, включающего в себя одновременно преодоление и сохранение, деятельную активность и созерцание, новизну и традиционализм» [5, с. 184].

И именно эта двойственность сложного системного феномена образования должна быть определена не только в качестве наиболее важной основы разработки национальной стратегии развития образования, но и как исходный момент моделирования стратегии для любой образовательной организации.

Список литературы

1. Герасимов Г. И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы (социол. аспект) / Георгий Иванович Герасимов, Людмила Васильевна Илюхина / науч. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д : НМЦ «Логос», 1999. – 136 с.
2. Гуриев С. Наше самое высшее образование / Сергей Гуриев // Эксперт. – 2007. – № 35 (576). – 24 сент. – С. 16–18.
3. Дюркгейм Э. Социология образования / пер. с фр. Т. Г. Астаховой / Эмиль Дюркгейм. – М. : ИНТОР, 1996. – 324 с.
4. Зубрицька М. Україна і Росія – два погляди на освітню політику / Марія Зубрицька // Дзеркало тижня. – 2001. – № 35 (359). – 14 вер. – С. 6.
5. Инновации и образование : сб. материалов конф. Сер. «Symposium». – Вып. 29. – СПб. : Санкт-Петербург. филос. о-во, 2003. – 528 с.
6. Кендюхов А. Иллюзия образования / Александр Кендюхов // Зеркало недели. – 2008. – № 44 (723). – 22–28 нояб. – С. 10.
7. Національна доктрина розвитку освіти України у XXI ст. – К., 2001. – 44 с.

8. Одинець С. Усі дороги ведуть до Львова [Ексклюзивне інтерв'ю з міністром освіти і науки України Іваном Вакарчуком] / Світлана Одинець // Суботня Пошта. – Львів. – 2009. – № 750. – 5 лют. – С. 1.
9. Освітні інновації у вищих навчальних закладах України : каталог / відп. ред. К. М. Левківський. – К. : Стилос, 2003. – 336 с.
10. Пинский А. А. Либеральная идея и практика образования : сб. науч. и публицист. работ / А. А. Пинский. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 667 с.
11. Поддьяков А. Н. Психология конкуренции в обучении / А. Н. Поддьяков. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 231 с.
12. Про затвердження Положення про порядок здійснення інноваційної освітньої діяльності : Наказ МОН України від 07.11.2000 р. № 522 [Електронний ресурс] // Законодавство України. – Режим доступу : <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=z0946-00>.
13. Рыбалкин О. Какая реформа нужна высшей школе? / Олег Рыбалкин // Зеркало недели. – 2008. – № 18 (697). – 17–23 мая. – С. 12.
14. Самойлик Е. Формированию национальной инновационной системы Украины требуется государственное внимание / Екатерина Самойлик // Голос Украины. – 2007. – 11 авг. – С. 4.
15. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы : Доклад Всемир. банка : пер. с англ. – М. : Весь мир, 2003. – 232 с.
16. Шинкаренко И. Наш Болонский процесс / Инна Шинкаренко, Ирина Гасанова // Эксперт Украина. – 2005. – № 32 (35). – 29 авг. – С. 7–9.

Резюме

Визначено суперечливу роль, що її відіграють інновації у розвитку системи освіти як чинник творчого руйнування (creative destruction). Проаналізовано особливості розробки і реалізації освітніх інновацій.

Summary

A contradictory role of innovations as a factor of creative destruction in the development of the educational system is shown. The peculiarities of the development and implementation of educational innovations are analyzed.

УДК 316.74:37

*Е. Ю. Усик***ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА
В КАТЕГОРИЯХ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА**

Ключевые слова: анализ социальных сетей, социальная сеть, актор, образовательная среда, социальный капитал.

Сегодня в сфере образования проводится большое количество разнообразных исследований, претендующих на комплексность, междисциплинарность, системность. В то же время практические рекомендации и нормативы по реформированию системы образования остаются часто противоречивыми. Суть проблемы, на наш взгляд, заключается в том, что традиционная социология и многие другие гуманитарные науки, на стыке которых осуществляется комплексный междисциплинарный анализ образовательной проблематики, оказываются не в состоянии обеспечить преемственность полученных данных на разных уровнях анализа.

Одним из перспективных направлений в современной западной социологии является анализ социальных сетей (social network analysis), посвященный изучению различных взаимодействий между социальными субъектами (акторами) и находящийся на стыке математической и компьютерной социологии [8].

Идеи, связанные с изучением структуры социальных сетей, исследованием характеристик социальных связей различных социальных субъектов, берут свое начало еще в трудах классиков социологии («формальная социология» Г. Зиммеля, «социальная морфология» Э. Дюркгейма). В западном научном мире сетевой подход получил признание в конце 70-х годов XX века, а широкое распространение и развитие — в работах Л. Фримана, Д. Ноука, П. Марседена, С. Вассермана, Б. Веллмана, С. Берковица и других исследователей в 90-х годах прошлого века. В отечественной и российской социологии сетевые исследования пока еще

не заняли соответствующего места в социологической науке, хотя и нашли своих сторонников [1; 2; 4; 7; 8].

Объяснительный потенциал сетевой концепции объясняется, прежде всего, ее широкой эмпирической применимостью, дающей выход на междисциплинарные теоретические обобщения. Особое значение для теории сетей имеет возможность использования математического аппарата теории графов, расширенной и адаптированной для решения широкого круга социологических задач [2]. Анализ социальных сетей помогает моделировать структурные взаимодействия между социальными единицами: людьми, коллективами, организациями и т. д. Сетевой подход имеет важное преимущество – он позволяет оперировать данными на разных уровнях исследования (от микро- до макроуровня), обеспечивая преемственность данных, когда более мелкие единицы (элементы сети) объединяются без потери информации [3, с. 156].

Поскольку сетевой анализ позволяет эмпирически интегрировать и теоретически обосновывать взаимосвязь разных элементов социальной среды на макро-, мезо- и микроуровнях, представляется возможным и необходимым исследовать механизмы институциональных и иных форм воздействия образовательной среды на поведение субъектов образования. Неисследованной областью также является роль сетевых коммуникаций, в том числе неинституциональных обменов и неформальных солидарностей в процессе формирования социального капитала акторов образовательной среды.

Цели и задачи статьи видятся автору в том, чтобы расширить область социологических исследований в рамках теории социальных сетей, а также показать возможности, преимущества и перспективы применения сетевого анализа к образовательной проблематике.

В общем случае сеть определяется как особый тип связей между позициями индивидов, объектов или событий, которые отбираются в зависимости от целей построения сети. Как отмечают исследователи [2, с. 5], в стабильных (традиционных)

социальных структурах сетевые взаимодействия совпадают по своему объему (совокупности акторов) с институциональными границами, а в «размытых солидарностях» институциональная организация сообществ не соответствует по своему объему и содержанию их коммуникативной организации. Данный процесс, обозначенный в современной социологии как процесс «сетевизации» (М. Кастельс) [5], обуславливает позиционный конфликт между институтами и сетями.

Такой конфликт характерен и для системы образования и выражается в том, что институт образования не успевает адекватно реагировать на растущие и трансформирующиеся потребности разных акторов, взаимодействующих в образовательной среде. Последние, используя доступные им ресурсы, осуществляют интенсивные коммуникации, минуя институциональные формы взаимодействия. При этом количество сетей, в которые включен актор, определяется напряженностью позиционного конфликта между институтом и сетью. Так, для многих вузов функция трудоустройства является номинальной, в то время как активность студентов, связанная с поиском работы, все больше возрастает.

На этот счет Д. Грановеттер (Granovetter) заявил, что внутри социальных сетей слабые связи имеют гораздо большее значение, чем сильные [9]. Он объясняет это тем, что через слабые связи информация «просачивается» быстрее. Это происходит, по его мнению, из-за того, что слабые связи «важнее для отдельных пользователей при их «вливании» и взаимодействии в сообществе, тогда как в результате сильных связей образуется тесная локальная группа». Д. Грановеттер показал, что люди чаще находят работу благодаря своим слабым связям, а не сильным. Слабые связи — это связи с людьми, которых мы почти не знаем, с которыми не делимся своим переживаниями и не поддерживаем отношения; но они оказываются полезнее всего. Это происходит из-за того, что люди с сильными связями делятся, в основном, одними и теми же данными или ресурсами, тем самым они менее полезны друг другу.

Учебно-познавательная деятельность студента формируется, развивается и реализуется в определенной среде, включающей в себя как собственно образовательную подсистему, так и другие подсистемы социокультурной среды. Образовательная среда может быть охарактеризована как совокупность социальных, культурных, а также специально организованных в образовательном учреждении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия с которыми происходит становление личности студента [6]. Однако следует заметить, что такое взаимодействие личности с условиями образовательной среды происходит не абстрактно, изолированно и однозначно детерминировано, а в процессе взаимодействия с другими субъектами (актерами), в ходе обмена с ними важными для личности ресурсами.

В структуре образовательной среды выделяют несколько взаимосвязанных уровней: глобальный, региональный и локальный. К глобальному уровню относят общемировые тенденции развития культуры, экономики, политики, образования, глобально-информационной сети и др. К региональному уровню (страны, крупные регионы) — образовательную политику, культуру, систему образования, жизнедеятельность в соответствии с социальными и национальными нормами, обычаями, традициями, средства массовой коммуникации и др. К локальному уровню относят собственно образовательное учреждение (его микрокультуру, микроклимат), ближайшее окружение, семью [6, с. 15]. Соответственно, для исследования каждого из этих уровней используется различная методика, инструментарий и в целом разные подходы. В результате получают данные, несопоставимые между собой; разные уровни образовательной среды и соответствующие им процессы описываются с помощью различных категорий.

Сетевой анализ позволяет эмпирически описать и теоретически обосновать структурные трансформации посредством изучения взаимодействий между корпоративными и индивидуальными социальными актерами. В совокупности эти взаимодействия образуют социальный капитал, являющийся необходи-

мым условием мобилизации коллективных ресурсов в современных обществах. Трактовка индивидуального социального капитала как совокупности ресурсов, получаемых акторами из специфических социальных структур и используемых в своих интересах [4, с. 108], позволяет рассматривать сетевые взаимодействия в социокультурной образовательной среде как важнейший механизм его формирования. При этом необходимо учитывать не только формальные связи и воздействия в системе образования, но и неформальные взаимодействия между субъектами образования.

Главную роль в таких взаимодействиях играет доверие и общие ценности и нормы. В переходных социальных структурах, где институциональные формы обмена и доверия разрушены либо не сформировались, обращение социального капитала осуществляется в обход нормативных систем, а иногда вопреки им, порождая «теневые» формы солидарностей. Таким образом, социальные сети компенсируют нормативный вакуум и способствуют формированию стабилизационных регуляторов в социальных системах.

Системный анализ взаимодействия среды и социальных субъектов показывает, что система взаимоотношений между ними может претерпевать изменения. Такие изменения могут быть связаны с появлением новых тенденций в различных сферах жизнедеятельности общества. В условиях ценностного вакуума, утраты доверия к основным социальным институтам, в том числе и к институту образования в результате коррумпированности его функциональных подсистем, особое внимание, на наш взгляд, следует уделять развитию различных видов неформальных отношений как в учебном процессе, так и за его пределами. Это могут быть различные виды «клубной» деятельности студентов и преподавателей, это тесные контакты преподавателей с родителями, с потенциальными работодателями, с выпускниками вуза, с абитуриентами. Главное условие развития таких отношений — это формирование особого типа корпоративной культуры вуза, основанной на определенных нормах и ценностях. С помощью сетевого анализа можно дать комплекс-

ное описание как реальных, так и потенциальных возможностей для деятельности вуза, обусловленных неформальными взаимодействиями его акторов.

Тип среды и ее базовые характеристики, в первую очередь такие, как открытость или закрытость, целенаправленность или самоорганизованность, статичность или динамичность, детерминированность или вероятностность, оказывают важнейшее воздействие на учебно-познавательную деятельность субъектов и определяют стиль регуляции и соответствующие регулятивные средства. Как показывают исследования [6], развитие личности во многом зависит от того, влияние каких систем (открытых или закрытых) преобладает в ее индивидуальном опыте. Педагогические воздействия тех или иных систем будут формировать и соответствующий индивидуально-психологический склад человека, который, в свою очередь, с определенного момента начинает оказывать влияние на самостоятельные выборы его внешних связей и отношений. Причем условием наиболее успешного развития индивида является обеспечение открытого взаимодействия (диалога) его в окружающей среде. Сетевые определения позволяют операционализировать понятие закрытых и открытых сообществ (систем).

Также большие возможности раскрываются в области применения анализа социальных сетей к решению проблем оптимизации и реорганизации структуры управления в системе образования (например, переход от иерархической к проектным и матричным структурам), к формированию и продвижению имиджа вуза, к изучению как внутрикorporативных, так и межинституциональных связей вуза.

Таким образом, в рамках классической социологической традиции глубокие социальные трансформации институционального характера в сфере образования сложно методологически связать и объяснить изменениями в характере социальных (в том числе и неформальных) связей между субъектами образования. Для их исследования необходимо использовать различные подходы и методики. Преодолеть этот разрыв во многом позво-

ляет анализ социальных сетей. Применительно к сфере образования этот подход имеет большой научный и практический потенциал, поскольку раскрывает механизмы социальных взаимодействий между акторами разного уровня, позволяет исследовать систему институциональных и неформальных воздействий образовательной среды на поведение субъектов образования, роль сетевых коммуникаций в процессе формирования социального капитала акторов образовательной среды.

Список литературы

1. Горбачик А. Сетевой подход к изучению структуры украинского парламента / А. Горбачик, Е. Жулькевская // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 3. – С. 161–181.
2. Градосельская Г. В. Анализ социальных сетей : Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Г. В. Градосельская; Ин-т социологии Рос. академии наук. – М, 2001. – 21 с.
3. Градосельская Г. В. Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий / Г. В. Градосельская // Социол. журнал. – 2001. – № 1. – С. 156–163.
4. Демків О. Б. Мережеві параметри соціального капіталу / О. Б. Демків // Грані. – 2004. – № 5 (37). – С. 108–111.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999.
6. Кулюткин Ю. Образовательная среда и развитие личности [Электронный ресурс] / Ю. Кулюткин, С. Тарасов. – Сайт общества «Знание» // Новые знания. Журн. по проблемам образования взрослых. – 2001. – № 1. – Режим доступа: http://www.znanie.org/gurnal/nl_01/obraz_sreda/html.
7. Свеженцева Ю. О. Структуральний аналіз в соціології: Дис. ... кандидата соціологічних наук: 22.00.01 / Ю. О. Свеженцева. – Х., 1995. – 181 с.
8. Чураков А. М. Анализ социальных сетей / А. М. Чураков // Социол. исслед. – 2001. – № 1. – С. 109–121.

9. Granovetter M. Economic action and social structure: The problem of embeddedness / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1985. – № 91. – P. 481–510.

Резюме

Статтю присвячено дослідженню особливостей застосування соціальних мереж для вивчення освітнього середовища та поведінки його акторів. Мережний підхід дозволяє емпірично інтегрувати та теоретично обґрунтувати взаємозв'язок різних елементів освітнього середовища на всіх рівнях соціальної взаємодії.

Summary

The article deals with the problem of peculiarities of analyzing social networks for studying an educational environment and its actors' behavior. A network approach makes it possible to empirically integrate and theoretically substantiate an interrelationship of various elements of the educational environment at all the levels of a social interaction.

УДК 316.74:378

Н. Г. Чибисова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: среда, образовательная среда, ценности, система, трансформационные процессы.

Трансформационные процессы в современном обществе привели к изменению роли и места такого социального института, как образование. Его структура, функции, как и само предназначение в современных условиях становятся иными. Изменения в мире не могут не коснуться и образовательной среды высшей школы. Это связано, прежде всего, со значи-

мостью данного социального института — образования — в современном социуме.

Целью статьи является выявление изменений в образовательной среде высшей школы как социальной системы под воздействием трансформационных преобразований общества.

Но прежде чем мы остановимся на процессах, которые протекают в образовательной среде Украины, определим само понятие «образовательная среда».

Категорию «среда» активно стали изучать в 90-х годах XX века. Но впервые на данное понятие «среда» и связанное с ним понятие «пространство» в социологическом смысле исследователи обратили внимание еще в XIX веке. Классический подход к понятиям «пространство», «социальное пространство», «социальные структуры», «жизненная среда» представлено в трудах П. Бурдьё, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, О. Конта, Т. Парсонса, П. Сорокина.

В современной западной социологии пространственный анализ розвивают А. Лефлер, Э. Соджа, Р. Алэн и другие. Большой вклад в фундаментальную разработку данных категорий внесли С. Барзилов, В. Виноградский, Л. Ионин, Ю. Качанов, А. Филиппов.

В украинской социологии проблемам социального пространства в разное время посвятили свои исследования М. Шаповал, А. Стогний, М. Чурилов, Ю. Яковенко, Л. Малес и другие ученые.

Социальное пространство — это форма существования общества, воссоздание действий в социальном мире, это силовая конструкция, которую воспроизводят индивиды в результате своей практической деятельности, она имеет особенную систему, которая отсутствует в самих индивидах (например, государство и другие социальные институты).

Категория «социальное пространство» тесно связана с категорией «социальная среда». Социальная среда заполняет социальное пространство.

Опираясь на точку зрения польского исследователя П. Штомпки, социальную среду можно определить как «однород-

ный набор социальных позиций и ролей» [4, с. 115]. Между социальными позициями и ролями складывается определенная системная солидарность, в которой исследователь выделяет соответственные способы поведения, вытекающие из установленных правил, типовые комплексы убеждений и взглядов, связанные с социальными позициями, интересами, используя терминологию М. Вебера, — «жизненные шансы», которые присущи той или иной среде. Другими словами, речь идет об одинаковых возможностях для представителей данной среды, это касается образования, власти, богатства. В среде можно выделить типовые интересы, шансы, которые свойственны определенной социальной группе [4, с. 116].

Термин «образовательная среда» появился в связи с активизацией роли образования в формировании нового типа общества («третьей волны информационного, постмодерного»), в котором возросла роль знаний и информации, а культура стала пронизывать все сферы бытия человека и чем дальше, тем больше стала объединяться с образованием. В литературе появились новые понятия: «образовательное пространство», «образовательная сфера», «культурно-образовательная сфера», «социокультурная образовательная сфера» и другие.

В нашем исследовании «образовательная среда» понимается как определенная среда, которая опирается на соответствующую систему ценностей и норм; это такой пространственный континиум, в котором осуществляется образовательная деятельность, базирующаяся на определенной системе нравственных норм и ценностей.

Образованию как социальному институту в современном обществе отводится особая роль в развитии общества. И это не только мнение современных исследователей, но и реальные результаты жизнедеятельности многих развитых обществ. Исследователь П. Друкер замечает, что образование выступает основой нового общества. А информация, знания превращаются сегодня в «новую собственность», становятся одним из самых дорогих товаров. Владение этим товаром будет влиять на

развитие общества, человека и в то же время на саму систему образования [3, с. 269].

Трансформационные процессы в украинском обществе выдвигают определенные требования к высшей школе и, соответственно, ее среде, требуя инновационных преобразований. Современные вызовы времени требуют изменить вектор деятельности высшей школы, которая теперь призвана не увеличивать объем знаний, транслируемого учащегося, а преобразовать его деятельность, научить его самостоятельно добывать новые знания, постоянно совершенствовать личностный опыт, который должен адекватно соответствовать современным тенденциям развития действительности.

Современная образовательная среда Украины представляет собой сложную неоднородную социальную систему, в которой преломляются изменения, происходящие на социентальном, институциональном и субъективном уровнях.

Так, в образовательной среде высшей школы присутствуют элементы, которые сохранились со времен существования традиционного общества. Эти элементы сами по себе будут неоднородными, потому что Украина не имела самостоятельного государства, ее территория была поделена на части и входила в состав разных государств, поэтому только отдельные образовательные элементы имели самостоятельность, в целом же ее образовательные структуры были связаны с образовательным пространством Западной Европы и России. Кроме того, в образовательной среде будут присутствовать и элементы, связанные с периодом существования индустриального общества (период существования социалистического общества и, соответственно, инструктивного образования, которое было связано, прежде всего, с интересами государства, а не человека); отражаются элементы, которые складываются на современном этапе в условиях становления постиндустриального общества (элементы креативного образования, базирующиеся на новых информационных технологиях).

Таким образом, содержательное наполнение системы

представляется неоднородным; ценности, нормы прошлого соседствуют с зарождающимися ценностными ориентациями, новыми нормами.

В каждой социальной системе есть свойства, которые выступают как закономерные. К таковым свойствам образовательной среды могут быть отнесены неравенство и стабилизирующая роль социального начала.

В современных условиях такое свойство социальной системы, как неравенство, значительно увеличило свой удельный вес. В образовательной среде высшей школы преломляется неравенство (дифференциация), которое присутствует в украинском обществе. Как отмечают западные ученые: «Социальные различия тогда становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенств, которые могут выражаться в различии доходов, состояний, власти, престижа, возраста, этнической принадлежности или посредством какой-либо другой характеристики» [1, с. 322].

Система образования ощущает на себе влияние поляризации украинского общества и в то же время сама выступает важным фактором углубления дифференциации и поляризации населения страны (потому что способствует развитию частного сектора, платных образовательных услуг, воспользоваться которыми могут не все члены общества).

Современные исследователи вопросы социального неравенства связывают с такими понятиями, как «ресурсы», «шансы», «капитал» и др. Значительный вклад в изучение проблем социального неравенства внесли Э. Дюркгейм, Г. Зуммель, Т. Парсонс и др.

Рассматривая образовательную среду как систему, следует помнить, что она тесно взаимодействует с другими социальными системами, сложившимися в обществе. Кроме того, социальное неравенство в системе образования можно рассматривать на различных уровнях: социальном, институциональном, субъективном.

В социальном неравенстве преломляется некое единство объективных субъективных возможностей, шансов. Так, исследователь Р. Даррендорф указывал, что возможности выбора предполагают как право на выбор, так и на наличие предложения. Например, в этом году впервые одиннадцатиклассники украинских школ получили возможность протестироваться по отдельным учебным дисциплинам (на выбор), высокие баллы, полученные в ходе тестирования, давали им право без экзаменов быть зачисленными в учебные заведения. Но, к сожалению, многие медалисты общеобразовательных школ, набрав большое количество баллов в ходе тестирования, не смогли поступить во многие ведущие вузы страны, так как там отсутствовало необходимое количество мест для обучения – желающих оказалось больше, чем реальных мест в университетах.

Р. Даррендорф обращал внимание на то, что важной особенностью жизненных шансов являются взаимосвязи индивида с определенными социальными группами или ценностями, значимыми для него. «В каждом обществе, по мнению ученого, складывается определенный баланс возможностей выбора и социальных связей, удерживающих человека в контрольной группе» [2, с. 138]. В постиндустриальном обществе ослабевают связи индивида с социально-групповым окружением, его ценностная система приобретает все больше индивидуально-обособленный характер. Так, исследователь Л. Г. Сокурская, изучая ценностный мир современного украинского студенчества, пришла к выводу, что в среде современного студенчества можно выделить пять кластеров, среди которых: «новые традиционалисты» (для студентов, которые вошли в эту группу, присущи такие традиционные ценности, как семья, здоровье, добрые отношения с окружающими их людьми, материальное обеспечение и личная свобода); «модернисты-индивидуалисты» (ориентируются на такие ценности, как здоровье, семейное благополучие, экономическая независимость, материальное благополучие, личная свобода, бытовой комфорт, самореализация способностей и др., они не готовы поступиться личным

благополучием ради общественных обязанностей, общественных интересов и др.); «модернисты-коммуналисты» (ориентируются на ценности здоровья, семейного благополучия, экономическую независимость, добрые отношения с окружающими людьми, взаимопонимание с родителями, ответственность, доброжелательность; они готовы поступиться собственным благополучием во имя общественных обязанностей, интересов); «постмодернисты-индивидуалисты» отличаются высоким уровнем ориентации на здоровье, развитие своих способностей, экономическую независимость; у представителей этой группы практически отсутствует такое качество, как прагматизм; «постмодернисты-прагматики», главными ценностями для представителей данной группы выступают: экономическая независимость, личная свобода, развитие способностей, семейное и материальное благополучие; у студентов, которые относятся к этой группе, развиты такие личностные качества, как уверенность в себе, стремление к самореализации, прагматизм [3, с. 311]. Таким образом, опираясь на данные социологического исследования, следует отметить, что в студенческой среде наблюдается дифференциация по отношению к нормативным ценностям, у студентов доминируют модернистские ценности (ценности индустриального общества), постмодернистские ценности (постиндустриального общества) только формируются.

Знакомство с материалами исследования позволяет отметить, что изменения, происходящие в современном социуме, влекут возникновение новых видов неравенства. Так, высшие учебные заведения по-разному реагируют на вызовы современности: развиваются разнообразные формы элитарного и массового образования, внедряются различные образовательные технологии, направленные как на формирование отдельной индивидуальности, так и на подготовку специалиста в целом и мн. др. Образовательная среда высшей школы, таким образом, становится условием формирования личности и последующей ее реализации.

Другим закономерным свойством образовательной среды

высшей школы является стабилизирующая роль государства, с его нормативной регламентацией. Инициатором трансформационных процессов в Украине выступило государство, оно начало этот процесс, и в реорганизации образования оно играет значительную роль. Именно в этом и проявляется особенность трансформационных преобразований в украинском обществе. За годы существования Украины как независимого государства сделаны существенные шаги в преобразовании национальной системы образования. К ним следует отнести: создание новой законодательной базы, разработку отечественных учебников и педагогической литературы; обновление содержания образования и, прежде всего, в его социогуманитарной сфере; построение вариативной сети учебных заведений и создание учебных программ. Разработана и принята Национальная доктрина развития образования Украины, Государственный стандарт начальной и базовой школы. Государство делает шаги по пути модернизационных преобразований, понимая, что развитие постиндустриального общества и процессы, которые его сопровождают — глобализация и интеграция, не могут не затронуть украинское общество. В 2002 году Украина наметила внешнеполитический курс на вхождение в Европейское сообщество, а уже в 2003 году приняла решение присоединиться к Болонскому процессу, направленному на создание единого европейского образовательного пространства. Поэтому в системе ценностей, которые преломляются в образовательной среде высшей школы, будут присутствовать и ценности государства (нормативные ценности).

Украинское государство поставило перед высшей школой задачу, направленную на всестороннее развитие компетенций будущего специалиста в том числе и компетенций, связанных с формированием чувства патриотизма, гражданственности молодых людей.

Таким образом, оказывая влияние на образование и на его образовательную среду, государство влияет на процесс формирования будущего поколения. Но украинское государство

переживает трансформационный кризис, нестабильность проявляется во всех сферах социальной жизни и, прежде всего, в политической сфере: постоянные изменения в жизни страны не могут не влиять на высшую школу и ее среду. Сегодня не все учебные заведения готовы решать задачи, поставленные государством; часто образовательная деятельность направлена на подготовку человека достаточно узкого мировосприятия, ограниченного мышления и творчества. Это результат образовательной политики индустриального общества. В условиях постиндустриального общества цели и задачи становятся иными. Претерпевает изменения и высшая школа, и ее среда. Трансформационные процессы охватили украинское образование, преобразования происходят во всех его элементах, иной становится и образовательная среда. Преобразование распространилось и на содержание, и на структуру образовательной среды; ценностная основа стала иной, изменилась и содержательная основа ее закономерных свойств. Трансформационные процессы в Украине продолжаются, потому возможны и новые изменения в образовательной среде высшей школы.

Список литературы

1. Аберкомби Н. Социологический словарь / Н. Аберкомби, С. Хилл, Б. Тернер. — М. : Экономика, 2004. — 624 с.
2. Михайлева Е. Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений : монография / Е. Г. Михайлева ; Нар. укр. акад. — Х. : Изд-во НУА, 2007. — 576 с.
3. Сокурская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода / Л. Г. Сокурская. — Х. : Харьк. нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2006. — 576 с.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. — М. : Логос, 2005. — 664 с.

Резюме

Трансформаційні процеси в українському суспільстві не можуть не вплинути на вищу школу і на її освітнє середовище. Зміни відбу-

ваються у змістовній, ціннісній основі і в її структурних елементах; змінюється змістовне наповнення її властивостей, серед яких в сучасному соціумі особливе місце посідають нерівність (диференціація) та стабілізуюча роль держави.

Summary

Transformation processes in the Ukrainian society can't but influence higher school and its educational environment. Changes concern the contents, value basis and structural elements, the essence of its properties of which most important for modern society are inequality (differentiation) and the stabilizing part played by the state.

УДК:378.063-057

Н. В. Шевченко

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЛОГИСТИКИ В СИСТЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ

Ключевые слова: карьера, образовательная логистика, выпускники, компетенции.

Образование выступает важнейшим ресурсом социально-экономического и духовного обновления Украины. В условиях формирующейся новой цивилизации система образования должна суметь преодолеть устаревшие конструкции и нежизнеспособные методологические принципы, чтобы подготовить людей к новым условиям и формам жизни. В этих условиях закономерно усиливается потребность во всестороннем осмыслении сложнейшего процесса реформирования образования как основы интеллектуального и гражданского становления специалиста, фактора его профессионального продвижения.

Глобальные тенденции резкого возрастания роли человеческого фактора в развитии информационной цивилизации, так же

как и общенациональные потребности украинского общества, связанные с его модернизацией и постепенной интеграцией в единое мировое сообщество, предъявляют новые, несравненно более высокие требования к человеку как к активному и сознательному субъекту общественной, творчески преобразующей практики. Соответственно, возрастают и требования к качеству образования.

В современном трансформирующемся обществе, когда требуется постоянная обновляемость знаний, образование в значительной мере становится статичным, а не динамичным фактором успеха. В ситуации, когда все чаще производственный процесс подстраивается под личность, работодателя в большей степени интересуют прибыль, конкретные результаты, которых может добиться специалист, а не его дипломы и регалии, возникает необходимость говорить не о карьере, а о трудовом пути, профессиональной судьбе человека.

Все большее предпочтение отдается не последовательной смене должностей в одной иерархии, а смене позиций в различных проектах. Поэтому такие традиционные элементы процесса формирования и развития профессионализма, как высшее образование, должностное продвижение, повышение квалификации, в определенном смысле видоизменяют свою роль.

Пытаясь выявить фундаментальные ориентиры современной образовательной парадигмы, построить новую модель образования на основе учета трансформации образовательных ценностей, можно выделить *основные направления модернизации образования* в контексте требований и возможностей XXI века:

- обеспечение высокой функциональности человека (идеи и технологии меняются быстрее, чем поколения людей);
- создание рациональной схемы соотношения между развитием знаний, технологиями и способностью людей их творчески осваивать;
- создание оптимального баланса между локальным и глобальным, чтобы человек как патриот своей страны осознавал реалии глобализованного мира, нес ответственность за него;

- формирование на индивидуальном и социальном уровне идеи о том, что человек — наивысшая ценность;
- развитие коммуникативных способностей людей в глобализированном и информационно-насыщенном обществе;
- баланс между материальными и духовными потребностями;
- формирование культуры толерантности, восприятия представителей других культур в категориях «других», а не «худших».

Пьер Бурдые отмечает, что человечество из поколения в поколение транслирует различные виды капитала (социальный, культурный, экономический) через институт образования. В плане нашего рассмотрения важно его методологическое положение о том, что одной из форм существования культурного капитала может выступать «объективация культурного капитала, который проявляет себя как своеобразная гарантия отношений (например, *образовательная квалификация*) [5, с. 47].

Создающаяся и развивающаяся система гуманитаризации образования в высшей школе призвана способствовать достижению следующих целей: овладению будущими специалистами гуманитарной культурой; преодолению узости и однобокости их мышления; формированию специалиста, гармонично сочетающего в себе современный уровень профессиональных знаний и навыков с гуманистическими жизненными ориентирами; развитию у будущего специалиста качеств творческой личности, в равной мере владеющей как формами и методами понятийно-рационального познания мира, так и интуитивно-образными формами его постижения.

Итак, гуманитаризации высшего образования предполагает, прежде всего, приобщение молодого человека к гуманитарной культуре человечества. Другими словами, гуманитаризация обычно рассматривается как дополнительный и необходимый компонент профессионального образования. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин преследует две основные и взаимосвязанные цели: во-первых, преодолеть «частичность» человека (молодого специалиста), его одномерность, задаваемую

профессиональной подготовкой; во-вторых, заложить у молодого специалиста основы гуманистического мировоззрения, благодаря которому человек осмысливает свои способности и возможности к карьерному росту, зарабатывает целе- и ценностно-рациональные способы раскрытия своего карьерного ресурса.

Целью данной статьи является исследование методологического потенциала современных концепций образования, то есть философских подходов, которые являются основой выбора задач и ценностей обучения и воспитания, содержания образования.

1. *Догматический реализм*: задача учебного заведения – воспитать рациональную личность с развитым интеллектом, обеспечить ее знанием неизменных фактов и вечных принципов; объяснения педагогов построены по сократическому методу, эксплицитно передают традиционные ценности; учебный план строится классически – анализ литературы, все предметы обязательны.

2. *Академический рационализм*: задача – содействовать интеллектуальному росту личности, развивать ее компетентность; идеал – гражданин, способный к совместному труду с целью достижения социальной эффективности; основное внимание уделяется овладению основополагающими понятиями и принципами академических предметов; педагог стремится дать глубокие, фундаментальные знания; с другой стороны, происходит отбор способных и неспособных их усвоить.

3. *Прогрессивистский прагматизм*: задача – усовершенствование демократических основ социальной жизни; общественный идеал – личность, способная к самореализации; учебный план сориентирован на интересы обучаемых, отвечает на реальные жизненные вопросы, включая междисциплинарные знания; основное внимание уделяется активному и интересному обучению; считается, что знания способствуют усовершенствованию и развитию личности, что процесс обучения происходит не только в классе, но и в жизни; появляются факультативные

предметы, гуманистические методы преподавания, альтернативное и свободное обучение.

4. *Социальный реконструкционизм*: цель — усовершенствование и преобразование общества, воспитание для трансформаций и социальных реформ; задача — обучать таким навыкам и знаниям, которые позволили бы выявлять проблемы, от которых страдает общество, и решать их; активное обучение направлено на современное и будущее общество; учитель выступает как агент социальных реформ и изменений, как руководитель проектов и лидер исследований, помогает ученикам осмыслить проблемы, которые возникают перед человечеством; в учебном плане большое внимание уделяется общественным наукам и методам социального исследования, тенденциям современного и будущего развития, национальным и международным вопросам; в процесс обучения стремятся воплотить идеалы равенства, культурного плюрализма.

Совокупность наиболее продуктивных образовательных идей догматического реализма, академического рационализма, прогрессивистского прагматизма и социального реконструкционизма создает условия для развития личности специалиста, который не только обладает профессиональными знаниями и формализованными навыками, технологическими приемами в области той или иной сферы приложения своего труда, но и способен нестандартно, творчески, инновационно мыслить, качественно совершенствовать производственные, организационные, управленческие и иные процессы и виды трудовой деятельности.

Именно в ходе такого образовательного процесса выпускник высшей школы оказывается в основном готовым строить стратегию своей карьеры и нарабатывать тактические приемы раскрытия своего карьерного ресурса в сложных условиях конкуренции на рынке труда.

Методологический фундамент для осмысления возможностей высшего образования выступать фактором профессионального продвижения выпускника на рынке труда составляют концепции

образования, развиваемые в последние десятилетия в современной западной социологии. Известный российский исследователь С. А. Шаронова сводит их, в основном, к следующим направлениям:

1. *Функционализм* (Э. Дюркгейм, К. Дэвис, В. Мур, Дж. Коулман, Я. Блау, О. Данкен, Е. Хоппер и др.) – рассматривает проблему неравенства возможностей в доступе к получению знаний; учитывает индивидуальные способности учащихся и различия между школами и однотипными учебными заведениями, основанные на объеме знаний; не учитывает факторов и внутренних процессов, влияющих на мобильность молодого поколения.

2. *Теория конфликта* (С. Боулз, Н. Пуланцас, Г. Гинтис, Р. Коллинз, С. Ароновиц, Х. Жирокс, Л. Альгюссер, Дж. Анион, М. Эппл, А. Грамши, П. Виллис, И. Шор, П. Фрайер) – фокусирует внимание на противоречиях интересов различных элементов надстройки общества; марксистские концепты: классовые противоречия на основе экономики; противоречия, основанные на неэкономических социальных институтах (культура, политика, религия и т. п.).

3. *Структурализм* (П. Бурдьё, Б. Бернстайн. Ш. Хиф, Казден, Химс и др.) – код знания выступает основополагающим принципом, который формирует различия в мировоззрениях, социальной идентификации и разновидности знаний; институции образования рассматриваются как организации, которые кодируют культуру, а эти коды воссоздают социальные категории.

4. *Новая социология образования* (К. Маннгейм, Горбут, Карабел, Халси, Браун, Векслер, Шарп, Жирокс и др.) – принцип критического осмысления научного знания; социология знания – это научная ориентация, которая выражает более общее научное и культурное направление; образование – это не только маскировка идеологии групповых интересов в виде объективного знания или учебного плана, это также воспроизводство социальных образцов неравенства, проявляющихся в различиях индивидуальной успеваемости в школе.

5. *Критическая социология* (М. Янг и др.) – образование личности – это сложный социокультурный процесс, который не ограничивается системой формального образования; тенденции современного образования: а) коммерциализация и б) акцент в контексте непрерывного образования на знаниях, необходимых базовой профессии, и на обучении, приближенном к жизни, все формы которого берутся институциями формального образования извне [4].

Значимость образования для молодых людей особенно возрастает в современную эпоху, поскольку усложнение всех форм жизни, внедрение высоких технологий требуют продвижения результатов человеческой деятельности. Переходный характер процессов, происходящих в нашей стране, экономические, политические и социальные реформы, связанные с демократизацией общества, не могли не наложить отпечатка на развитие, с одной стороны, содержания, технологий образования, а также совершенствование его методик; с другой стороны, это привело к формированию новых образовательных стратегий современной молодежи [2].

Знания, информация становятся в современном мире производственными ресурсами. На первое место выходит вопрос возрастающей роли образования, качества знаний, умелого их применения. В то же время динамика общественных процессов в мире, невиданные ранее возможности преобразования социальной и природной среды, которые дает научно-технический прогресс, делает особенно опасными любые проявления некомпетентности и ограниченности мышления. Отсюда вытекает необходимость контроля за качеством образования. Под концепцией *образовательной логистики* понимается совокупность принципов оптимизации процессов в образовательных системах и структурах [1, с. 65].

Целью учебно-образовательного процесса любой образовательной структуры является приведение вектора культуры личности у субъектов образовательной деятельности в заданный меридиан пространства возможного проявления человеческого

сознания и нормативное приращение его модуля [3, с. 237].

Результаты образовательной деятельности субъектов имеют внешние и внутренние показатели. *Внешние* (нормативные) показатели устанавливаются на основе указаний и требований соответствующих директивных органов образования, вытекающих из социального заказа актуальной среды. *Внутренними* показателями являются: квалификационная характеристика специалиста высшего уровня; структура его научных знаний, приемов и методов мышления; номенклатура и уровень научных знаний и мышления, обязательные для выпускника вуза по конкретной специальности.

Каждому будущему специалисту важно построить проект оптимальной системы обеспечения качества образования путем нововведений при ограниченности ресурсов, опоре на собственные силы и возможности. Прогнозируемые основные результаты, методы их достижения и ресурсы увязываются между собой в среднесрочной перспективе.

Качество высшего образования как результат интерпретируется через оценку компетенций выпускников вуза, как соответствие их знаний и навыков динамичным требованиям социально-культурной, экономической и профессиональной сфер жизни, как готовность выпускников к творческому решению проблем и задач во всех областях общественной и личной жизнедеятельности.

Для менеджмента качества высшего образования очень важно понимание качества конечного результата образовательного процесса в вузе. К понятию «качество конечного результата образовательного процесса» относятся: профессиональная подготовленность; образованность, общекультурная грамотность, физическое, психическое, нравственное здоровье выпускников.

Процесс и результат образования студента должен быть нацелен на соответствие потребностям потребителей, достижениям науки, на формирование способности соответствовать новым вызовам. Поэтому студент, мотивированный к карьерному росту, должен с помощью системы адекватных методов,

средств и видов деятельности накапливать определенную совокупность знаний, компетенций, формировать и развивать способности, умения и навыки получать новые знания и эффективно действовать в производстве, а также в иных сферах общественной жизни.

Хорошее образование становится для молодого поколения главной стартовой ступенью построения карьеры и достижения материального благополучия. Значимость образования и соответственно всех мотивов его получения в течение 10 лет возросла в 1,5–2 раза. И прежде всего, это те мотивации, которые связаны с его инструментальными функциями: работа, успех, карьера.

В целом же, образование все в большей степени позиционируется молодежью как ресурс для социальной мобильности и освоения новых социальных ролей, капитал для инвестирования при достижении желаемого социального статуса.

Развитие и приумножение интеллекта и творческих способностей молодежи становится фундаментальным технологическим принципом производства и воссоздания социальных связей, что делает высшее образование одним из наиболее важных способов создания личности. Именно образовательный процесс и социальная работа в вузе способствуют приобретению молодой личностью такой автономности и неповторимости, благодаря которым она становится способной освобождаться от безусловности внешних социокультурных влияний, самостоятельно проектировать и планировать свое социальное поведение.

Профессиональное развитие – это процесс подготовки студентов к выполнению профессиональных функций, занятию должностей, решению новых задач, преодолению расхождений между требованиями к специалисту и качествами реального студента.

Таким образом, современная образовательная парадигма базируется на личностно ориентированной модели, ведущим компонентом которой выступают ключевые компетенции. В формировании компетенции важное значение приобретает

учение как организованная самостоятельность обучаемых, так как понятие «компетенция» показывает, что ее существенной особенностью является самостоятельность и саморегуляция.

В перспективе необходимо переосмысление учебных и воспитательных целей образования в направлении от парадигмы усвоения знаний, умений и навыков к созданию психолого-педагогических условий для формирования таких «компетентностей», которые обеспечивали бы их готовность к личностному, профессиональному и социальному самоопределению в изменяющихся условиях поликультурного взаимодействия. Основная проблема формирования учебной деятельности – это проблема развития и становления личности как субъекта этой деятельности. Опора на способность учащихся к рефлексивному и ответственному поведению, к проектированию и осознанному построению своей познавательной и социальной активности.

Список литературы

1. Денисенко В. А. Основы образовательной логистики / В. А. Денисенко. – Калининград, 2003. – 76, [3] с.
2. Добренъков В. И. Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – М: ИНФРА-М, 2005. – Т. 8 : Социализация и образование.– 1025 с.
3. Плаксий С. И. Парадоксы высшего образования / С. И. Плаксий. – М., 2005.
4. Шаронова С. А. Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства общества / С. А. Шаронова. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. – 357 с.
5. Bourdieu P. The Forms of Capital / P. Bourdieu ; Halsey A. H., Lauder H., Brown Ph., Wells A. S. (eds.) // Education: Culture, Economy, Society. – NY : Oxford University Press, 2002 (1997). – P. 46–58.

Резюме

У статті розглянуто основні напрями розвитку системи вищої освіти як джерела кар'єрної мобільності особистості. Досліджено деякі аспекти методологічного потенціалу сучасних концепцій освіти, а також умови формування нового типу фахівця.

Summary

The main tendencies of the high education system as a source of career mobility of a personality are considered in the article. Some aspects of the methodological potential of the modern conception of education as well as conditions of forming a new type of a specialist are analyzed.

**Проблеми економіки,
соціології, політології
та правові проблеми
управління**

УДК 336.221.264 (477)

А. М. Верлинский

АЛГОРИТМ АНАЛИЗА УСЛОВИЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ ВЫБОРЕ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Ключевые слова: управленческое решение, налоговое планирование, выбор системы налогообложения.

На сегодняшний день одним из наиболее болезненных вопросов во взаимоотношениях государства и бизнеса является проблема принятия Налогового кодекса Украины, проекты которого уже не один раз рассматривались в высших органах государственной власти, однако ни один из них так и не был принят Верховной Радой Украины.

Следует отметить, что отсутствие единого свода норм налогового законодательства влечет за собой его неоднозначность и противоречивость, а также отсутствие эффективной системы его реформирования исходя из потребностей экономики государства.

Разрозненность норм налогового законодательства создает дополнительные сложности при принятии решения о том, какую систему налогообложения избрать в период создания предприятия (начала предпринимательской деятельности) или же при принятии решения о смене используемой системы налогообложения. Кроме того, отсутствие у лица, принимающего решение, всей необходимой информации об условиях использования той или иной системы налогообложения может привести к принятию неэффективного, а иногда и ошибочного решения с точки зрения оптимизации налоговой нагрузки такого субъекта.

Вопросам анализа эффективности принятия решений об использовании той или иной системы налогообложения посвящены работы Ю. Б. Иванова, В. В. Карповой, Л. Н. Карпова, К. В. Петросянц, А. Елисеева, А. Загородного [1; 2; 3; 4].

В связи с тем что нормы, регулирующие порядок принятия решения о выборе системы налогообложения, носят разрозненный характер, у лица, принимающего данное решение, может отсутствовать представление о взаимодействии данных норм и их взаимосвязи в единой системе.

В данной связи актуальным представляется интерпретация данных норм в виде определенной последовательности действий, которые позволяют учесть все критерии и условия для использования той или иной системы налогообложения.

Целью статьи является анализ норм налогового законодательства на предмет определения условий и ограничений для использования различных видов систем налогообложения, а также их интерпретация в виде единой системы, позволяющей лицу, принимающему решение, учесть все факторы, влияющие на данное решение.

По сути, именно выбор системы налогообложения является фундаментом, на котором в дальнейшем строится весь процесс налогового планирования субъекта хозяйствования.

При этом определение условий и ограничений для выбора системы налогообложения является лишь одним из первоначальных этапов при оценке целесообразности использования той или иной системы [1, с. 156].

На сегодняшний день украинским законодательством предусмотрены следующие варианты налогообложения доходов, полученных от предпринимательской деятельности:

- общая система налогообложения;
- упрощенная система налогообложения;
- уплата фиксированного налога.

Общая система налогообложения предусматривает уплату физическими и юридическими лицами общегосударственных и местных налогов и сборов (обязательных платежей) в соответствии с требованиями соответствующих законов Украины.

Перечень данных налогов приведен в Законе Украины «О системе налогообложения» [5].

Среди наиболее значимых из них следует выделить налог на

прибыль предприятий, налог на добавленную стоимость, сбор на обязательное государственное пенсионное страхование.

Порядок использования упрощенной системы налогообложения регламентируется Законом Украины «О государственной поддержке малого предпринимательства» [6], а также Указом Президента «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности субъектов малого предпринимательства» [7] и заключается в освобождении плательщиков налогов сборов (обязательных платежей) от обязанности уплачивать определенные налоги и сборы, при этом на плательщиков налога – физических лиц, выбравших упрощенную систему налогообложения с уплатой единого налога, возложена обязанность по уплате налога по ставке от 20 грн до 200 грн в зависимости от вида деятельности, а плательщики налога – юридические лица могут уплачивать единый налог по следующим ставкам:

- 6% от суммы выручки от реализации продукции (товаров, работ, услуг) без учета акцизного сбора в случае уплаты налога на добавленную стоимость;
- 10% от суммы выручки от реализации продукции (товаров, работ, услуг) без учета акцизного сбора в случае включения налога на добавленную стоимость в состав единого налога.

При этом существует ряд условий, при соблюдении которых может быть использована упрощенная система налогообложения с уплатой единого налога. Данные условия содержатся как в Законе Украины «О государственной поддержке малого предпринимательства», так и в Указе Президента «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности субъектов малого предпринимательства». Следует отметить, что данные ограничения носят несколько неоднородный характер.

В частности, вышеуказанным Законом предусмотрено, что субъектами малого предпринимательства являются:

- физические лица, зарегистрированные в установленном Законом порядке как субъекты предпринимательской деятельности (далее – СПД);
- юридические лица, у которых среднеучетная численность

работающих за отчетный период (календарный год) не превышает 50 человек, и объем годового валового дохода не превышает 500 тыс. евро.

При этом в Указе Президента «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности субъектов малого предпринимательства» содержатся следующие ограничения для использования упрощенной системы налогообложения:

– среднеучетная численность лиц, состоящих в трудовых отношениях с физическим лицом СПД, не должна превышать 10 человек, и объем выручки от реализации продукции за год не должен превышать 500 тыс. грн;

– для юридических лиц среднеучетная численность работающих не должна превышать 50 лиц, а объем выручки от реализации продукции за год не должен превышать 1 млн грн.

Таким образом, в случае если субъект хозяйствования принимает решение об использовании упрощенной системы налогообложения, следует предварительно оценить как будущую величину годового дохода предприятия, так и будущие объемы выручки за год, а также среднегодовую численность работников.

Указанные условия использования упрощенной системы налогообложения можно выразить в виде математических неравенств.

Для физических лиц:

$$\sum_{i=1}^n C_i \times K_i \leq 500\,000,00 \text{ грн,}$$

$$\bar{C} \leq 10.$$

Для юридических лиц:

$$ВД \leq 500\,000 \text{ евро,}$$

$$\sum_{i=1}^n C_i \times K_i \leq 1\,000\,000,00 \text{ грн,}$$

$$\bar{C} \leq 50,$$

где C_i – цена реализации отдельного вида продукции (услуги), грн.;

K_i – количество реализованной за год продукции (услуг) каждого вида, грн;

$ВД$ – сумма годового валового доходов предприятия;

$\bar{Ч}$ – среднегодовая численность работников, чел.

В случае если указанные выше условия соблюдаются, то субъект хозяйствования имеет право использовать упрощенную систему налогообложения.

В то же время законодательством предусмотрен ряд дополнительных ограничений для использования данной системы налогообложения исходя из вида деятельности субъекта предпринимательской деятельности.

Так, в соответствии со ст. 2 Закона Украины «О государственной поддержке малого предпринимательства» действие данного Закона не распространяется на доверительные общества, страховые компании, банки, ломбарды, другие финансово-кредитные и небанковские финансовые учреждения; СПД, которые осуществляют деятельность в сфере игрового бизнеса; осуществляют обмен иностранной валюты; являются производителями и импортерами подакцизных товаров, а также СПД, в уставном фонде которых доли, которые принадлежат юридическим лицам – участникам и учредителям, не являющимся СПД, превышают 25%.

Кроме того, согласно п. 7 Указа Президента «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности субъектов малого предпринимательства», упрощенную систему налогообложения не могут использовать: СПД, которые приобрели специальный патент; СПД, в уставном фонде которых доли, которые принадлежат юридическим лицам – участникам и учредителям, не являющимся СПД, превышают 25%; доверительные общества, страховые компании, банки, другие финансово-кредитные и небанковские финансовые учреждения; физические лица СПД, которые осуществляют торговлю ликеро-водочными и табачными изделиями, горюче-смазочными материалами; субъекты, осуществляющие совместную деятельность.

Кроме вышеперечисленных систем налогообложения, физические лица могут избрать способ налогообложения доходов, полученных от предпринимательской деятельности с фиксированным размером налога, путем приобретения соответствующего патента.

Размер налога устанавливается соответствующим местным советом в зависимости от территориального расположения места торговли и не может быть меньше чем 20 грн и больше чем 100 грн за календарный месяц для граждан, которые самостоятельно осуществляют предпринимательскую деятельность [8].

В данном случае также следует учитывать ряд ограничений:

— количество лиц, которые находятся в трудовых отношениях с физическим лицом — плательщиком налога, не должно превышать пяти человек;

— валовой доход от самостоятельной предпринимательской деятельности или с использованием наемного труда за последние 12 календарных месяцев не должен превышать семи тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан¹;

— физическое лицо должно осуществлять предпринимательскую деятельность по продаже товаров и предоставлению сопутствующих услуг на рынках и быть плательщиком рыночного сбора;

— фиксированный налог также не может применяться при осуществлении торговли ликеро-водочными и табачными изделиями.

Таким образом, при принятии решения о том, какую систему налогообложения использовать, существует ряд допусков и ограничений, определение и оценка которых может быть представлена в виде следующего алгоритма (рис. 1).

Следует отметить, что указанный алгоритм может применяться как на стадии создания предприятия (начала предпринимательской деятельности), так и на стадии функционирования

¹ 119 000 грн = 7 000 × 17 грн, где 17 грн — необлагаемый минимум доходов граждан.

Рис. 1. Алгоритм анализа условий и ограничений при выборе системы налогообложения

субъекта предпринимательской деятельности при принятии решения о смене системы налогообложения.

Предлагаемый алгоритм позволяет интерпретировать нормы налогового законодательства Украины в виде определенной последовательности действий по оценке условий и ограничений для использования той или иной системы налогообложения.

Объединение данных условий и ограничений в единой системе позволяет снизить риск принятия неэффективного управленческого решения в процессе налогового планирования вследствие их несоблюдения как в момент принятия данного решения, так и на стадии его реализации в будущем.

Также следует отметить, что окончательное решение о выборе системы налогообложения должно основываться на экономи-

ческом обосновании эффективности использования той или иной системы налогообложения в каждом конкретном случае, в зависимости от вида предпринимательской деятельности и ее объемов.

Список литературы

1. Иванов Ю. Б. Налоговое планирование: принципы, методы, инструментарий : монография / Ю. Б. Иванов, В. В. Карпова, Л. Н. Карпов ; науч.-исслед. центр индустр. проблем развития НАН Украины. – Х. : ИД «ИНЖЭК», 2006. – 272 с.
2. Иванов Ю. Б. Система оподаткування в схемах і таблицях. Ч. 2 : Оподаткування фізичних осіб. Ч. 3 : Податковий менеджмент : навч. посіб. / Ю. Б. Иванов, А. Н. Тищенко ; ХНЭУ. – Х. : ВД «ИНЖЕК», 2004. – 304 с.
3. Иванов Ю. Б. Альтернативні системи оподаткування : навч. посіб. / Ю. Б. Иванов, К. В. Петросянц ; ХНЭУ. – Х. : ВД «ИНЖЕК», 2007. – 272 с.
4. Єлісеєв А. Податкове планування та планування податкових платежів / А. Єлісеєв, А. Загородній // Податк. планування. – 2001. – № 1. – С. 7–8.
5. О системе налогообложения : Закон Украины от 25.06.1991 г. № 1251-III по состоянию 2008 г. // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. Сеть распространения правовой информ. – [Электрон. прогр.]. – Версия 7.8. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.
6. О государственной поддержке малого предпринимательства : Закон Украины от 15.11.2000 г. № 2063-III по состоянию 2008 г. // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. Сеть распространения правовой информ. – [Электрон. прогр.]. – Версия 7.8. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.
7. Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности субъектов малого предпринимательства : Указ Президента от 03.07.1998 г. № 727/98 по состоянию 2008 г. // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. Сеть распространения правовой информ. – [Электрон. прогр.]. – Версия 7.8. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.

8. О подоходном налоге с граждан : Декрет Кабинета министров Украины от 26.12.1992 г. № 13-92 по состоянию 2008 г. // Лига : Закон [Электронный ресурс] : Компьютер.-правовая система / Всеукр. Сеть распространения правовой информ. – [Электрон. прогр.]. – Версия 7.8. – К., 2008. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.

Резюме

У статті проаналізовано норми податкового законодавства України, які регулюють порядок використання тієї або іншої системи оподаткування суб'єктами підприємницької діяльності.

Метою статті є інтерпретація норм податкового законодавства у вигляді єдиної системи, що дозволяє особі, яка приймає рішення про вибір системи оподаткування, врахувати всі чинники, що впливають на дане рішення.

Summary

The article deals with the standards of the Ukrainian tax legislation, which regulates the employment of particular taxation system by economic entities.

The object of the article is interpretation of tax legislation standards as a united system, which makes it possible for the person taking the decision as to the choice of the taxation system to take into account all the relevant factors.

УДК 330.142.26:061.5]005.336.1

О. А. Гонца

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ ТОРГОВЛИ

Ключевые слова: оборотный капитал, управление, нормирование, эффективность.

Изменения в практике ведения бизнеса, вызванные процессами глобализации и интеграции и приведшие к повышению

конкуренции практически на всех рынках, в первую очередь коснулись переоценки важности ключевых управленческих проблем. Внимание большинства компаний сфокусировалось на проблеме управления оборотным капиталом, поскольку решение данного вопроса дает возможность предприятию улучшить свои показатели рентабельности, ликвидности, а следовательно, быть более конкурентоспособным на рынке.

Обобщая литературные источники по проблемам управления оборотным капиталом, можно отметить, что основными факторами внешней среды, обусловившими повышение интереса к данной проблеме, являются:

1) значительное ускорение темпа бизнес-процессов компаний, вызванное, в первую очередь, компьютеризацией бизнеса, появлением Интернета, автоматизацией большинства процессов, что сделало возможным анализировать те сферы деятельности предприятий, которые ранее были недоступны для анализа в силу отсутствия накопленной динамически информации;

2) интеграционные процессы — появление и развитие межстрановых регулярных взаимоотношений;

3) рост конкуренции практически на всех рынках, усиленный поиск конкурентных преимуществ.

Эти и другие факторы способствуют возникновению проблемы управления оборотным капиталом и ее решению как одного из факторов повышения конкурентоспособности компании, что характерно и для производственных компаний, и для предприятий сферы торговли.

С целью достоверного и объективного исследования необходимо комплексное рассмотрение всех направлений изучения проблемы управления оборотным капиталом, существующих в научной литературе:

1) содержание экономических категорий «оборотные активы», «оборотные средства», «оборотный капитал»;

2) оптимизация объема оборотных средств на базе нормирования;

3) оптимизация структуры оборотных средств предприятия;

4) повышение эффективности управления оборотными средствами;

5) оценка эффективности использования оборотных средств на предприятии.

В экономической литературе каждое из направлений рассматривается на макро- и микроуровне, в разрезе теоретических и практических аспектов, что характерно для экономических процессов.

Теоретические аспекты, такие как: содержание экономической категории, «оборотные средства», формирование понятийного аппарата данного научного направления, определение структуры оборотных средств, разрешение противоречий о натурально-вещественном и стоимостном характере данной экономической категории, всесторонне рассматриваются А. А. Гулько А. В. Курьяновым, В. С. Павловым, Л. А. Ротштейном, П. М. Чорбой [1–4].

А. В. Курьяновым были проанализированы различные подходы к пониманию экономической сущности оборотного капитала, автор дифференцировал оборотный капитал как средства, авансированные в производственные запасы, незавершенную продукцию, готовую продукцию, а также денежные средства в кассе и на расчетных счетах [2, с. 6].

Л. А. Ротштейн в монографии «Оборотные средства промышленности» [4, с. 44] рассматривает оборотный капитал как совокупность оборотных производственных фондов и фондов обращения, четко определяет составляющие оборотного капитала для производственного предприятия.

Основное противоречие в формировании понятийного аппарата данного направления — стоимостной или натурально-вещественный характер категории оборотных средств — рассматривается П. М. Чорбой и А. А. Гулько [1, с. 53–54]. Ретроспективный анализ, проведенный авторами, позволил им дать следующее определение сущности оборотных средств: «стоимость, авансированная в виде собственных, заемных и привлеченных средств для формирования оборотных производ-

ственных фондов и фондов обращения с целью обеспечения непрерывности кругооборота в процессе расширенного воспроизводства» [1, с. 54]. В целом, знакомство с теорией вопроса дает возможность говорить о сформированных научных подходах к пониманию категории оборотных средств.

Предметом изучения ученых – Л. М. Бабич, И. Волик, Ю. А. Долгорукова, А. Золотарева, В. Г. Маргасовой, О. Ф. Назаренковой, Н. И. Рединой и др. [5–9] – является процесс управления оборотным капиталом на макроуровне. Экономическая категория «оборотный капитал» рассматривается ими как совокупность денежных средств всех предприятий Украины, авансированных в запасы, незавершенное производство, готовую продукцию, дебиторскую задолженность. В основные научные задачи, лежащие в основе изучения оборотного капитала на макроуровне, входят: отслеживание динамики изменения объема денежных средств, вложенных в оборотный капитал, анализ распределения оборотного капитала страны по основным сферам промышленности на основании статистических данных. Современные авторы предлагают системы управления оборотным капиталом страны, позволяющие повысить общий уровень рентабельности и ликвидности капитала.

Достаточно большое количество публикаций посвящено оборотному капиталу в контексте нормирования как способа повышения эффективности использования капитала [10–12]. Основная проблема рассмотрения в данной сфере – поиск оптимального уровня запасов каждой составляющей оборотного капитала, при которой обеспечивался бы бесперебойный процесс работы предприятия. Следовательно, при такой постановке проблемы необходимо глубокое изучение отрасли и обоснование определенного минимального уровня запасов, построение математических моделей расчета данного уровня, экономическое обоснование наиболее оптимальной структуры оборотного капитала в зависимости от сферы деятельности, сезонности и прочих факторов, так или иначе влияющих на функционирование предприятия.

Одним из наиболее перспективных и быстро развивающихся направлений является направление по оценке эффективности использования оборотного капитала, возникшее еще в 50–70-х годах XX века. Методы, предложенные А. В. Курьяновым, М. И. Солопенко, В. С. Павловым, И. С. Шумовым и другими авторами [2; 3; 13; 14], дают возможность оценить эффективность использования оборотного капитала с помощью различных финансовых коэффициентов. Развитие информационных технологий обусловило дальнейшую разработку данного направления, направленную, в первую очередь, на использование математических методов, позволяющих не только оценить эффективность, но и учесть влияние факторов внешней среды на динамику показателей эффективности [15–17]. Одним из недостатков разработок данного направления является или излишняя универсальность предлагаемых методов, что делает невозможным их применение на практике; или их излишняя специфичность, что делает методы применимыми только для предприятий конкретной узкой сферы деятельности.

Проведенный анализ существующей литературы позволяет говорить о несомненной актуальности проблемы управления оборотным капиталом. Существуют различные подходы к решению вопросов по использованию оборотных средств, их комплексный анализ дает возможность выделить слабо разработанные в науке вопросы, такие как:

1. Разграничение процесса управления оборотными средствами на промышленных предприятиях и на предприятиях сферы торговли. Большинство литературных источников ориентировано на рассмотрение процесса управления оборотными средствами на базе промышленных предприятий.

2. Отличия структуры оборотных средств на предприятиях сферы торговли и промышленных предприятиях. Отсутствие производственных запасов и незавершенной продукции на предприятиях сферы торговли позволяет говорить о необходимости уточнения понятия «оборотные средства» на данных предприятиях.

3. Учет специфики конкурентной среды: предприятия сферы торговли имеют более жесткие требования к оборачиваемости, что в данной сфере является весомым фактором повышения конкурентоспособности предприятия.

4. Отсутствие разграничения критериев эффективности использования оборотного капитала в различных сферах, в частности, в промышленной сфере и сфере торговли. Большинство литературных источников опираются на промышленные предприятия либо предлагают универсальные методы оценки эффективности использования оборотного капитала, что при выявленных выше различиях представляется неприменимым на практике.

Разработка выделенных вопросов позволит сформировать комплексную систему оценки эффективности принятия управленческих решений по использованию оборотного капитала на предприятиях сферы торговли.

Список литературы

1. Чорба П. М. К вопросу о трактовке сущности оборотных средств / П. М. Чорба, А. А. Гулько // Финансы. — 2004. — № 7. — С. 53–54.
2. Курьянов А. В. Оборотные средства промышленных предприятий и эффективность их использования : монография / А. В. Курьянов. — К. : Наук. думка. — 1975. — 150 с.
3. Павлов В. С. Оборотные средства промышленности / В. С. Павлов. — М. : Финансы. — 142 с.
4. Ротштейн Л. А. Оборотные средства промышленности / Л. А. Ротштейн. — М. : Финансы и статистика. — 95 с.
5. Бабич Л. М. Формування оптимальної структури оборотних коштів підприємства / Л. М. Бабич // Актуальні пробл. економіки. — 2001. — № 9–10. — С. 12–23.
6. Золотарев А. Эффективное использование оборотных средств / А. Золотарев, И. Волик // Экономика Украины. — 1998. — № 7. — С. 12–16.
7. Долгоруков Ю. А. Управління ефективністю використання обігових коштів у промисловості / Ю. А. Долгоруков, Н. І. Редина // Фінанси України. — 2005. — № 11. — С. 103–109.
8. Маргасова В. Г. Особливості обігу оборотного капіталу в харчовій

промисловості та його вплив на відтворювальні процеси у галузі / В. Г. Маргасова // *Акт. пробл. економіки.* – 2003. – № 6. – С. 20–24.

9. Назаренков О. Ф. Стан та тенденції структури оборотних коштів промислових підприємств в Україні / О. Ф. Назаренков // *Акт. пробл. економіки.* – 2006. – № 6. – С. 53–62.

10. Радионов Р. А. Экономические механизмы, обеспечивающие ускорение оборачиваемости средств, вложенных в запасы предприятия / Р. А. Радионов // *Финансовый менеджмент.* – 2006. – № 4. – С. 11–25.

11. Савон Р. Л. Оборотність сукупних активів як фактор ефективності управління промисловим підприємством (зарубіжний і вітчизняний досвід) / Р. Л. Савон // *Акт. пробл. економіки.* – 2002. – № 12. – С. 53–58.

12. Шило А. П. Управління оборотним капіталом підприємств / А. П. Шило // *Фінанси України.* – 2000. – № 11. – С. 152–155.

13. Солопенко М. И. Оборотные средства предприятий и объединений / М. И. Солопенко. – М. : Финансы. – 1977. – 125 с.

14. Шумов И. С. Эффективность использования оборотных средств в промышленности / И. С. Шумов. – М. : Финансы. – 1972. – 192 с.

15. Демченко Т. А. Факторний аналіз ефективного формування і використання оборотних активів фармацевтичних промислових підприємств / Т. А. Демченко // *Акт. пробл. економіки.* – 2007. – № 5. – С. 105–111.

16. Драгун Л. М. Удосконалення аналізу ефективності використання обігових коштів підприємства / Л. М. Драгун, В. Ф. Левченко, О. Л. Бондаренко // *Фінанси України.* – 1998. – № 12. – С. 12–20.

17. Семенюк В. Методические положения факторного анализа оборачиваемости производственных запасов / В. Семенюк // *Економіст.* – 2004. – № 8. – С. 36–38.

Резюме

У статті проаналізовано стан розробки проблеми управління оборотним капіталом на підприємствах галузі торгівлі. Виділено основні напрями вивчення цієї теми: визначення змісту економічної категорії «оборотний капітал», його нормування та оптимізація структури, оцінка ефективності використання оборотного капіталу. Зроблено висновок про необхідність розробки системи оцінки ефективності підприємств сфери торгівлі.

Summary

Study of the problem of working capital management in the trade sphere has been analyzed. The main targets of analysis have been distinguished: determining the economic category «working capital» essence, its rationing and structure optimization, the assessment of the effectiveness of the working capital usage. The author arrives at the conclusion about the necessity of a system of assessment of the effectiveness of working capital usage in the trade sphere.

УДК 658.152

*І. В. Гур'єва***ОБҐРУНТУВАННЯ ДОЦІЛЬНОСТІ РОЗРАХУНКУ
ПОКАЗНИКІВ ОЦІНКИ ЕКОНОМІЧНОЇ
ЕФЕКТИВНОСТІ ІНВЕСТИЦІЙ ДЛЯ АНАЛІЗУ
ГОСПОДАРСЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ПІДПРИЄМСТВА**

Ключові слова: інвестиції, економічна ефективність, показники, інвестиційний проект, господарська діяльність, аналіз.

Останніми роками в Україні спостерігається зростання інвестиційної активності господарюючих суб'єктів. Саме тому питання достовірної оцінки економічної ефективності інвестицій набувають особливої актуальності. Сучасною економічною наукою розроблено систему показників економічної ефективності інвестицій, які нині широко використовуються на практиці під час аналізу інвестиційних проектів. При цьому слід звернути увагу на те, що часто господарюючими суб'єктами приймаються рішення щодо реалізації не окремих інвестиційних проектів, а щодо здійснення інвестицій в ході господарської діяльності, наприклад, модернізації певної групи устаткування. Визначення терміна «господарська діяльність» встановлено в низці нормативно-правових актів України [9–12]. Далі в роботі використовується визначення цього терміна, встановлене Господарським кодексом України як основним нормативно-правовим актом, що

регулює господарські та правові відносини у сфері підприємницької діяльності, а саме: господарська діяльність — це діяльність суб'єктів господарювання у сфері суспільного виробництва, спрямована на виготовлення та реалізацію продукції, виконання робіт чи надання послуг вартісного характеру, що мають цінову визначеність.

Отже, перед підприємством виникає завдання оцінити, що буде економічно ефективнішим: здійснення інвестицій (наприклад, у модернізацію парку устаткування чи заміну обладнання) або розширення господарської діяльності з виробництва продукції без додаткових капітальних вкладень. Таким чином, підприємству необхідно: оцінити ефективність інвестицій, оцінити ефективність господарської діяльності з виробництва продукції без додаткових капітальних вкладень, здійснити порівняльний аналіз такої ефективності та на базі проведеного аналізу зробити висновки щодо доцільності інвестицій.

Існуючі показники економічної ефективності інвестицій (чиста поточна вартість, індекс доходності, період окупності, внутрішня норма доходності) застосовуються тільки у сфері аналізу інвестиційних проектів, і їх розрахунок здійснюється з урахуванням чинника часу на строк, що перевищує один рік. Показники ж економічної ефективності господарської діяльності (коефіцієнти рентабельності, ділової активності, ліквідності і платоспроможності, фінансової стійкості) застосовуються лише в ході аналізу господарської діяльності, крім того, такі показники є поточними, тобто розраховуються за даними одного календарного року. Очевидно, що для здійснення коректних висновків щодо доцільності інвестицій необхідно оцінювати зіставні показники. А відомі показники оцінки ефективності інвестицій та господарської діяльності не є зіставними. У сучасній економічній науці не існує універсальних показників, які б застосовувалися при аналізі ефективності як інвестиційних проектів, так і господарської діяльності підприємства, а тому впливає висновок: однозначно оцінити, який із варіантів є економічно вигіднішим, не є можливим.

З метою розв'язання зазначеного завдання, автором досліджено сутність існуючих показників економічної ефективності інвестицій і визначено комплекс попередніх дій, виконання яких дозволяє здійснити коректний розрахунок показників економічної ефективності інвестицій для аналізу господарської діяльності підприємства з виробництва продукції. В обґрунтуванні можливості такого розрахунку автор виходив з того, що основні засоби та інші необоротні активи, які використовуються в господарській діяльності підприємства, можуть виступати аналогом первісних інвестицій в інвестиційних проектах. Зазначене дає підстави зробити висновок, що для аналізу ефективності господарської діяльності розрахунок таких показників економічної ефективності є можливим на інтервалі часу, що перевищує один рік.

Значний внесок у дослідження і розробку показників оцінки економічної ефективності інвестицій зробили такі відомі закордонні й вітчизняні вчені-економісти: Г. Бірман, С. Шмідт, М. Бромвич, І. А. Бланк, В. Беренс, П. М. Хавранек, А. П. Дука, Д. М. Черваньов, В. П. Савчук, І. В. Ліпсіц, В. В. Косов [1–8]. Цими науковцями розроблено основи теорії і практики інвестиційного менеджменту підприємств, критерії і методи вибору інвестиційних проектів, показники оцінки економічної ефективності інвестицій.

Мета статті – обґрунтування доцільності розрахунку показників оцінки економічної ефективності інвестицій для аналізу господарської діяльності підприємств з метою здійснення висновків щодо інвестування або розширення господарської діяльності з виробництва продукції без додаткових капітальних вкладень.

Світовою економічною наукою розроблено універсальні, нині широко використовувані на практиці господарюючими суб'єктами, інвесторами, банками, консультантами, науковцями показники оцінки економічної ефективності інвестицій. Зазначені показники більшість авторів поділяє на дві групи: показники, що визначаються на базі статичних та дисконтних методів розрахунку [1, с. 223–224].

Показники, що визначаються на основі статичних методів,

не враховують чинник часу. До них відносять: індекс (коефіцієнт) рентабельності, період окупності недисконтований [1, с. 224].

Основними показниками, що враховують чинник часу і визначаються на базі дисконтних методів розрахунку, є такі [1, с. 224; 2, с. 394]:

– чистий дисконтований дохід [1, с. 224], чистий грошовий потік (ЧГП) [6], чиста поточна вартість (net present value, NPV) [5, с. 136];

– індекс (коефіцієнт) доходності [1, с. 224], рентабельності інвестицій (profitability index, PI) [5, с. 136];

– внутрішня норма доходності (internal rate of return, IRR);

– період окупності (payback period, PP).

У сучасній практиці господарювання показники ефективності інвестиційних проектів, що ґрунтуються на використанні дисконтних методів розрахунку, є переважаючими. Тому далі автором обґрунтовано використання саме цих показників для аналізу економічної ефективності господарської діяльності підприємства.

Чиста поточна вартість (чистий грошовий потік) являє собою різницю між сумою дисконтованих грошових надходжень (грошових потоків, притоків), що обумовлені реалізацією інвестиційного проекту, і сумою дисконтованих поточних вартостей всіх витрат (грошових потоків, відтоків), необхідних для реалізації цього проекту [5, с. 137]. Широка поширеність такого методу оцінки інвестицій обумовлена тим, що він має достатню стійкість при різних комбінаціях вхідних даних, що дозволяє в усіх випадках знаходити економічно раціональне рішення [5, с. 139].

Індекс (коефіцієнт) рентабельності – це співвідношення середньорічного інвестиційного прибутку за період експлуатації проекту до інвестиційних витрат на його реалізацію. На думку І. В. Ліпсіця і В. В. Косова, такий показник дозволяє визначити, наскільки зростає цінність фірми в розрахунку на одну грошову одиницю вкладених інвестицій [5, с. 140]. Проте, як вважає більшість науковців, індекс рентабельності може відігравати лише допоміжну роль в процесі оцінки ефективності інвестицій-

ного проекту, оскільки не дозволяє повною мірою оцінити поворотний інвестиційний потік [1, с. 241].

Внутрішня норма прибутку – рівень окупності коштів, спрямованих на інвестування, а також норма дисконту, за якою чиста поточна вартість інвестиційного проекту дорівнює нулю [5, с. 142–143] або за якою дисконтована величина притоків реальних коштів дорівнює дисконтованій вартості відтоків [2, с. 397].

Період окупності – це період часу, за який доходи від реалізації інвестиційного проекту покриють витрати (капітальні і поточні) на його реалізацію. Даний показник розраховується як співвідношення інвестиційних витрат та середньорічної суми чистого грошового потоку за період експлуатації проекту [1, с. 242].

Як впливає з наведених визначень, зазначені показники економічної ефективності інвестицій застосовуються під час аналізу інвестиційних проектів. Сучасна світова практика господарювання свідчить, що вивчення таких показників є обов'язковим при аналізі інвестиційних проектів, крім того, інвестори, банки та інші пов'язані з процесом інвестування особи, зазвичай, вимагають надання результатів розрахунку і аналізу цих показників у текстах бізнес-планів, інвестиційних проектів, техніко-економічних обґрунтувань та інших документів, в яких проводиться обґрунтування висновків щодо ефективності і доцільності інвестицій, тобто аналіз таких показників є обов'язковим в ході оцінки економічної ефективності інвестиційних проектів.

На базі проведеного огляду сутності розглянутих вище показників ефективності інвестицій і методів їх розрахунку автор уважає обґрунтованим застосування зазначених показників для оцінки ефективності господарської діяльності підприємства з виробництва продукції у межах обраного часового інтервалу дослідження (що перевищує один рік), не звужуючи коло застосування таких показників лише аналізом ефективності інвестиційних проектів.

Відмінність оцінки ефективності інвестицій при аналізі господарської діяльності від оцінки такої ефективності при

аналізі інвестиційних проектів полягає в тому, що інвестиційний проект є окремим проектом, усі господарські операції, що формують первинну інформацію для розрахунку зазначених показників, виникають та завершуються на визначеному інтервалі часу, тобто в період реалізації проекту, а саме тому грошові притоки та відтоки з таких операцій легко ідентифікувати та використати у розрахунках. Господарська ж діяльність підприємства, як правило, має безперервний характер та не обмежена строгим інтервалом часу, тобто всі процеси і господарські операції здійснюються на постійній, безперервній основі.

Тому при вирішенні завдання оцінки економічної ефективності інвестицій (наприклад, у модернізацію або заміну устаткування) або вкладення коштів у розширення господарської діяльності з виробництва продукції без додаткових капітальних вкладень, для коректного розрахунку відомих показників ефективності інвестицій при аналізі ефективності господарської діяльності підприємства насамперед необхідно виконати такі заходи:

- визначити інтервал часу, за який буде розраховано показники ефективності. Очевидно, що інвестиції здійснюються на строк, що перевищує один рік: модернізація устаткування провадиться на певний строк, нове обладнання також має визначений строк експлуатації. У зв'язку з цим оцінку ефективності господарської діяльності підприємства з виробництва продукції без додаткових інвестицій необхідно також здійснювати у розрахунку на такий період часу. Такі заходи забезпечать порівнянність показників ефективності інвестицій і господарської діяльності у часовому інтервалі;

- на початок обраного періоду інвестиції господарської діяльності з виробництва продукції в умовному, так званому «нульовому» році визначаються в сумі балансової вартості основних засобів та нематеріальних активів, що обліковуються на балансі на таку дату;

- на кінець обраного періоду у складі притоку грошових коштів господарської діяльності відображається балансова вартість всіх необоротних активів на таку дату.

Виконання перелічених заходів дозволяє, на думку автора, коректно застосувати методи розрахунку показників ефективності інвестицій для аналізу господарської діяльності підприємства. На базі проведених розрахунків стає можливим проведення порівняльного аналізу економічної ефективності таких варіантів: здійснення інвестицій або вкладення коштів у розширення господарської діяльності з виробництва продукції без додаткових капітальних вкладень і обґрунтування коректного висновку щодо доцільності інвестицій.

Застосування показників ефективності інвестицій для аналізу господарської діяльності підприємства дозволить здійснювати більш широкий і детальний аналіз ефективності господарської діяльності підприємства, а також робити порівняльний аналіз варіантів при обґрунтуванні висновків щодо здійснення інвестицій або розширення діяльності підприємства з виробництва продукції без додаткових капітальних вкладень. Результати дослідження можуть бути використані підприємствами, організаціями та установами, незалежно від форм власності та видів виробничої діяльності.

Список літератури

1. Бланк И. А. Управление инвестициями предприятия / И. А. Бланк. — К. : Ника-Центр, Эльга, 2003. — 480 с.
2. Беренс В. Руководство по оценке эффективности инвестиций / В. Беренс, П. М. Хавранек / пер. с англ. перераб. и доп. — М. : АОЗТ «Интерэксперт», «ИНФРА-М», 1995. — 528 с.
3. Дука А. П. Особливості оцінки ефективності інвестицій в інноваційній сфері / А. П. Дука // Вісн. Акад. пр. та соц. відносин. — 2004. — № 4. — С. 153–157.
4. Дука А. П. Фінансове забезпечення науково-технічної та інноваційної діяльності / А. П. Дука // Фінанси України. — 2004. — № 11. — С. 40–47.
5. Липсиц И. В. Экономический анализ реальных инвестиций : учебник / И. В. Липсиц, В. В. Косов — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Экономистъ, 2003. — 347 с.

6. Пелихов Е. Ф. Экономическая эффективность инноваций : монография / Е. Ф. Пелихов ; Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА, 2004. – 144 с.

7. Савчук В. П. Анализ и разработка инвестиционных проектов : учеб. пособие для эконом. вузов / В. П. Савчук. – К. : Абсолют, Эльга, 1999. – 302 с.

8. Черваньов Д. М. Менеджмент інноваційно-інвестиційного розвитку підприємств України / Д. М. Черваньов, Л. І. Рейкова. – К. : Знання, КОО, 2002. – 514 с.

9. Про зовнішньоекономічну діяльність: Закон України від 16.04.91 р. № 959-ХІІ станом на жовт. 2008 г. // Ліга : Еліт [Електронний ресурс] : Комп'ютер.-правова система / Всеукр. мережа розповсюдження правової інформ. – [Електрон. прогр.]. – Версія 7.7.3. – К., 2008.– Загол. із рук. для користувача. – Щоден. оновлення.

10. Про оподаткування прибутку підприємств : Закон України від 28.12.94 р. № 334/94-ВР станом на жовт. 2008 г. // Ліга : Еліт [Електронний ресурс] : Комп'ютер.-правова система / Всеукр. мережа розповсюдження правової інформ. – [Електрон. прогр.]. – Версія 7.7.3. – К., 2008. – Загол. із рук. для користувача. – Щоден. оновлення.

11. Про ліцензування певних видів господарської діяльності : Закон України від 01.06.2000 р. № 1775-ІІІ станом на жовт. 2008 г. // Ліга : Еліт [Електронний ресурс] : Комп'ютер.-правова система / Всеукр. мережа розповсюдження правової інформ. – [Електрон. прогр.]. – Версія 7.7.3. – К., 2008.– Загол. із рук. для користувача. – Щоден. оновлення.

12. Господарський кодекс України від 16.01.2003 р. № 436-ІV станом на жовт. 2008 г. // Ліга : Еліт [Електронний ресурс] : Комп'ютер.-правова система / Всеукр. мережа розповсюдження правової інформ. – [Електрон. прогр.]. – Версія 7.7.3. – К., 2008.– Загол. із рук. для користувача. – Щоден. оновлення.

Резюме

В статье рассмотрена возможность и обоснована целесообразность применения определенных показателей оценки экономической эффективности инвестиций для анализа эффективности хозяйственной деятельности предприятия по производству продукции в случае, когда перед предприятием возникает задача оценить, что будет экономически выгодным: осуществление инвестиций или расширение

хозяйственной деятельности без дополнительных капитальных вложений.

Summary

The expedience of applying certain investment economic efficiency evaluation indexes for the enterprise production activity efficiency analysis is grounded in the article for the cases when the enterprise has to choose, which variant is preferable: making investments or extending the enterprise production activity without additional investments.

УДК 338.242.4:338.49

Е. Е. Дахнова

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ИНФРАСТРУКТУРНОГО КОМПЛЕКСА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: государственное регулирование, инфраструктурный комплекс, глобализация, государственно-частное партнерство, корпоратизация.

В настоящее время общепризнанно, что государственное воздействие на развитие экономики в целом и инфраструктурного комплекса в частности является объективной необходимостью. При этом государственное регулирование экономических процессов представляет собой лишь часть общей проблемы экономической роли государства. Экономическая роль государства может быть значительной даже без прямого или косвенного вмешательства в процесс общественного воспроизводства, поскольку фактом своего существования государство уже представляет собой несомненный экономический фактор. Само же воздействие государства на экономику, то есть его активность, является мощным фактором развития современной экономики.

Экономические функции государства интересовали исследователей, по крайней мере, со времен меркантилистов. Роль государства в воспроизводственном процессе подчеркивалась физиократами. Адам Смит выделял три задачи, которые, по его мнению, призвано решать государство. Во-первых, защита от внешней угрозы, покушений со стороны зарубежных государств. Во-вторых, охрана законных прав индивидов от посягательств со стороны других членов общества. В-третьих, А. Смит указывал, что существуют такие блага, частные вложения в производство которых не способны окупаться, и поэтому производство таких благ должно брать на себя государство.

О первостепенной роли государства в экономике говорили немецкие экономисты второй половины XIX века. В частности, А. Вагнер выступал за усиление экономической активности государства, полагая, что, в конечном счете, это носит объективно закономерный характер и связано как с социальными, так и с технологическими изменениями.

Современные взгляды на экономическую роль государства основываются на теоретических моделях неоклассического и кейнсианского синтеза, представленных в работах П. Самуэльсона, Г. Джонсона, Дж. Хикса, Э. Доллана, К. Кэмбелла, Л. Харриса. Различные аспекты государственной экономической политики глубоко исследованы в трудах Дж. Стиглица, С. Фишера, П. Хейне. Особенности экономической политики государств в условиях глобализации мировой экономики рассмотрены известным финансистом Дж. Соросом. Ведущие украинские ученые, такие как В. Базилевич, О. Василик, В. Гейц, А. Кредисов, В. Мищенко, Ю. Пахомов, А. Чухно и другие, исследовали в своих работах сущность и методы экономической политики государства.

Следует отметить, что исследования экономической роли государства неизбежно сталкиваются с бесконечно разнообразными эмпирическими обстоятельствами, естественными условиями, историческим влиянием и т. д. В связи с этим актуальной задачей становится четкая идентификация роли государства

с учетом современных глобализационных процессов, характеризующихся формированием целостной мировой экономической системы, где всемирные экономические отношения обретают роль ведущих, тогда как внутригосударственные отношения приспособляются к реалиям глобальной экономики, а регулирующие функции национального государства размываются.

Целью написания статьи является исследование характера государственного воздействия на инфраструктурные сферы экономики и определение перспективного направления развития инфраструктурного комплекса Украины в условиях глобализации.

В современных условиях развития мирового хозяйства государство является фактически основным «мозговым центром», который регулирует формирование рыночной среды, обеспечивает динамизм и устойчивость экономического роста. Сверхзадача каждого государства – компенсировать недостатки, создавать искусственные регуляторы стихийности рынка. При этом экономическая роль государства зависит не от степени вмешательства в рыночный механизм, а от участия в обеспечении внутренних и внешних условий эффективного функционирования национальной экономики. Управление инфраструктурным развитием со стороны государства выражается в установлении единых правил организации экономических связей и неукоснительного контроля за их исполнением. Другими словами, во избежание хаоса, рыночные отношения должны быть высокоорганизованными, регулируемыми и контролируруемыми, в том числе и со стороны государства.

В период либеральных реформ всеобщее разгосударствление и вытеснение государства из экономики обернулось рядом негативных социально-экономических последствий. В частности, рыночный механизм, как оказалось, не смог обеспечить решение проблем пропорциональных и структурных преобразований инфраструктурного комплекса, что было обусловлено рядом причин, в том числе: стихийными процессами разгосударствления и формирования инфраструктурного комплекса; несогласованностью подходов к механизму ценообразования в различных

инфраструктурных секторах; различными интересами субъектов рынка и общества в целом в переходный период развития экономики.

Напряженность, порожденная историческими результатами формирования и развития хозяйственной системы Украины, новая рыночная ориентация и феномен глобализации экономических отношений являются теми детерминирующими факторами, которые формируют новую по содержанию роль государства в рыночной экономике. При этом существенная проблема заключается в том, что за исключением международных организаций, не существует какого бы то ни было органа, ответственного за преобразование государства. Поэтому государственные институты должны быть сформированы таким образом, чтобы обеспечить соответствующие рамки для стабильной самотрансформации экономической системы.

Исследуя роль государства в развитии инфраструктурного комплекса, необходимо, прежде всего, отметить, что многие институты инфраструктуры принадлежат государству. К числу институтов общего назначения относятся: дороги, порты, аэродромы, грузовой и пассажирский транспорт, предприятия связи, коммунальное хозяйство. Институты специального характера представлены государством в лице центрального банка, налоговых служб, таможенных органов и иных регулирующих и контролирующих инстанций. Таким образом, государство представлено во всех сферах инфраструктуры. При этом в процессе формирования и развития оптимальной сети инфраструктурных институтов государство выступает активным фактором, поскольку пригодность или непригодность того или иного института, равно как и степень его соответствия потребностям экономики, определяются через регламентацию его деятельности и контроль, прежде всего, со стороны государства.

Предоставление услуг государством в сфере инфраструктуры основывается на масштабах, долговременности и надежности государственной деятельности. При этом государственное регулирование может принимать многие альтернативные формы.

Вместе с тем в государственном доминировании заметны негативные явления. Зачастую система государственных заказов превращается в очаг коррупции, что чревато серьезным снижением экономической эффективности государственных мероприятий по развитию инфраструктурного комплекса. В целом, анализ инфраструктурных функций государства и его инфраструктурной роли в экономике свидетельствует о противоречивом воздействии государства на развитие инфраструктурного комплекса Украины, которое проявляется в одновременном стимулировании государственно-монополистических и рыночных конкурентных форм инфраструктурной деятельности.

В мировой экономике накоплен большой опыт развития инфраструктурного комплекса на основе концепции государственно-частного партнерства (ГЧП), которая считается полноценной альтернативой приватизации. Отдельные элементы этой концепции применяются в России.

К основным формам ГЧП относят концессии, делегированное управление, совместные предприятия, корпоратизацию, государственные контракты. Наиболее широко применяемой в настоящее время формой ГЧП в инфраструктурном комплексе является концессия. Об этом свидетельствуют данные о том, что за последние десятилетия в производственной инфраструктуре развивающихся и бывших социалистических стран реализовано около 2500 проектов ГЧП с общей суммой инвестиций 750 млрд дол. США, при этом около 60% из них вложено через механизм концессий [1, с. 48].

В условиях глобализации наиболее перспективным из всех возможных вариантов развития инфраструктурного комплекса Украины, на наш взгляд, является корпоратизация. Обоснованием выбора данной формы партнерства государства и бизнеса может служить ряд факторов.

Во-первых, инфраструктурный комплекс обеспечивает жизнедеятельность всего общественно-экономического организма и представлен отраслями, определяющими формирование всех остальных отраслей экономики.

Во-вторых, инфраструктурные отрасли являются наиболее сложными и наукоемкими организационно-экономическими системами. По существу, инфраструктурный комплекс – это хозяйственные структуры, которые представляют собой вертикально интегрированные производственно-технические системы, включающие весь технологический процесс производства, начиная от добычи сырья и заканчивая реализацией готовой продукции. Именно данная характеристика придает им значительный запас устойчивости.

В-третьих, основными игроками на мировых рынках и одновременно законодателями правил игры являются крупные национальные и транснациональные корпорации. Глобальные корпорации рассматривают мир как единое целое, в котором стираются национальные различия и предпочтения, происходит стандартизация потребления. Продукция транснациональных корпораций продается во всех странах мира и является важным фактором конкуренции на национальных рынках. Противостоять натиску глобальных фирм можно, только действуя аналогичными методами, т. е. разрабатывая и реализуя стратегию интеграции крупных и средних профильных предприятий в общую технологическую цепочку, организационную структуру, юридическую форму и финансовую схему – корпорации.

Таким образом, экономическое состояние инфраструктурного комплекса Украины и реалии мирового глобализационного экономического развития требуют осуществить в Украине институциональные изменения через механизм корпоратизации. Основная задача, решаемая при корпоратизации, – создание структуры, обеспечивающей достаточную гибкость в условиях глобализации бизнеса, а также сохранение эффекта масштаба, присущего крупным предприятиям и дающего им значительные конкурентные преимущества: консолидация финансовых потоков, снижение потребности в оборотных средствах, увеличение совокупных активов, централизация бизнес-процессов.

Механизм осуществления корпоратизации предполагает два подхода: рыночный и регулируемый. По мнению А. Новака,

в Украине необходимо использовать именно регулируемый подход, предполагающий, что инициатором, организатором и движущей силой процесса корпоратизации должно выступать государство. Поскольку рыночный подход в условиях современного уровня украинской экономики приведет к тому, что украинские предприятия будут раскуплены глобальными корпорациями, владеющими большими финансовыми ресурсами. А это означает полную зависимость от экономической политики других стран [3, с. 228–229].

Следовательно, развитие и эффективное функционирование инфраструктурного комплекса Украины должно стать приоритетным направлением экономической политики государства, в построении которой необходимо учитывать прогнозные оценки потребностей в инфраструктурных услугах на отечественном и мировом рынках. В свою очередь, прогнозные оценки должны базироваться на особенностях развития отдельных составляющих инфраструктурного комплекса, определяемых их организационно-экономическим и финансовым состоянием, а также на взаимосвязанности национальных стратегий инфраструктурного развития и глобальных стратегий, ориентированных на активную роль крупных профессиональных участников конкурентных отношений в глобальной экономике.

В целом, приоритетными задачами и направлениями развития инфраструктурной сферы в контексте глобализации можно считать:

- институциональные преобразования, включающие корпоратизацию как механизм обеспечения конкурентоспособности украинской экономики в глобальной экономической среде;

- разработку и реализацию экономической политики, направленной на организацию межотраслевой кооперации предприятий, программ кредитования, маркетингового обеспечения, дистрибьюторской поддержки и т. д.

- обеспечение адекватности и сбалансированности развития инфраструктурных институтов;

— стимулирование инвестиционных и инновационных механизмов деятельности инфраструктурных субъектов.

В заключение отметим, что постоянный мониторинг деятельности инфраструктурных субъектов может служить базой для дальнейших исследований в данном направлении. Прежде всего, предполагается проанализировать фискальные и монетарные рычаги государственного воздействия на развитие инфраструктурного комплекса.

Список литературы

1. Варнавский В. Государственно-частное партнерство как альтернатива приватизации в инфраструктурном комплексе / В. Варнавский // Пробл. теории и практики управления. — 2004. — № 2. — С. 47–52.
2. Контурова С. М. Головні чинники і наслідки розвитку економіки України в умовах глобалізації / С. М. Контурова // Акт. пробл. економіки. — 2006. — № 12. — С. 91–97.
3. Новак А. Я. Як підняти українську економіку / А. Я. Новак. — К. : Гнозис, 2006. — 304 с.

Резюме

У статті проаналізовано роль держави в розвитку інфраструктурного комплексу в умовах глобалізації через її інфраструктурні функції. Виділено чинники, що визначають перспективи розвитку інфраструктурної сфери. Визначено механізм здійснення корпоратизації як організаційної форми розвитку інфраструктурного комплексу України в контексті глобалізації.

Summary

The article discusses the role of the state in developing an infrastructural complex under the conditions of globalization through its infrastructural functions. Factors determining the prospects of development of the infrastructural sphere are indicated. The realization mechanism of a corporation | as an organizational form of development of the infrastructural complex of Ukraine within the context of globalization has been determined.

УДК 339.992

Г. В. Довгаль, Е. А. Довгаль

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ

Ключевые слова: глобализация, трансформация экономики, факторы экономического развития, интернационализация производства и капитала, либерализация внешней торговли, транснациональные корпорации.

Трансформация экономики Украины происходит в условиях формирования глобальной модели мировой экономики, которая демонстрирует тенденции ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, изолировавшие народы друг от друга и оберегающие их от внешнего влияния, и становления новой системы международного взаимодействия. Процесс глобализации становится всеобъемлющим и необратимым: национальные экономики шаг за шагом сращиваются в единый полигосударственный экономический организм.

Все это, в свою очередь, влияет на экономическое развитие украинской экономики, порождает «параллельное существование» в ней почти противоположных тенденций. С одной стороны, переплетение глобализационных и трансформационных процессов осложняет формирование и развитие рыночных отношений и институтов, а с другой – ускоряет темпы социально-экономических преобразований. То, на что другим странам (при эволюционном развитии) понадобились десятилетия, в нашем государстве создается буквально на глазах. Такая ситуация нуждается в тщательном изучении, теоретическом обосновании и прогнозировании. Именно поэтому она находится в центре внимания как иностранных, так и отечественных экономистов. Все они так иначе ли пытаются ответить на вопрос, что создается

в процессе рыночной трансформации отечественной экономической системы: на основе какой экономической парадигмы она должна формироваться [1; 5], какие доминанты должны пронизывать все ее структурные уровни [2; 9]; в конечном итоге, какие константы должны скреплять ее каркас [7].

Названные подходы демонстрируют сложность отечественных и многомерность мировых экономических процессов, позволяют определить приоритеты экономического развития Украины и ее место в международных экономических отношениях в процессе глобализации мировой экономики. При этом, к сожалению, они не дают исчерпывающего ответа на вопрос: какие проблемы необходимо решить для формирования оптимальной стратегии экономического развития Украины?

Опыт процесса трансформации экономики Украины свидетельствует, что при переходе от кризиса к экономическому росту необходима синхронизация мероприятий и инструментов стратегической экономической политики с внешними процессами глобализации. В то время как несогласованность этих направлений способна негативно влиять как на динамику и качество реформ, так и на темпы экономического развития страны. Именно решению данной актуальной проблемы посвящается исследование. Процесс глобализации предоставляет возможность нового измерения мировому хозяйству и предопределяет его новые количественные и качественные характеристики, среди которых следующие:

- происходит постоянное движение национальных хозяйств ко все большей открытости. Понятно, что отличия их друг от друга, определяющиеся историей, традициями, особенностями структуры экономики, остаются, но на сегодняшний день речь уже не идет об отдельных национальных комплексах;

- экономика конкуренции проявляет тенденцию к превращению в экономику сотрудничества, и особенно эта тенденция заметна в деятельности транснациональных корпораций (ТНК). Сотрудничество между ТНК, особенно в новейших отраслях, получает все новые формы; технологическое самообеспечение

заменяется технической взаимозависимостью, в условиях которой происходит объединение ресурсов, концентрация многообразных знаний и квалифицированного персонала, необходимых для создания новых продуктов и технологических процессов. Межфирменные связи быстро распространяются за национальные границы, этот тип сотрудничества становится обычным для отдельных высокотехнологичных производств, например в сфере телекоммуникаций и авиадвигателей;

- традиционная интернационализация капиталов дополняется интернационализацией научных исследований. За последние десятилетия интернационализация исследований и разработок стала неотъемлемой частью экономической глобализации. Наибольшее распространение международное сотрудничество в области исследований и разработок получило в информационной технологии, химической и фармакологической отраслях [3].

Глобализация усиливает необходимость координации внутренней и внешнеэкономической политики государства, гармонизации национальных кредитно-финансовых, налоговых и правовых инструментов управления экономическим развитием страны. Такое развитие осуществляется в форме многомерного процесса, включающего глубокую модернизацию и переориентацию всей экономической и социальной системы. Он предусматривает наряду с ростом доходов и производства обязательное осуществление радикальных изменений в институциональной, социальной и административной структурах. Согласно официальным статистическим данным [4; 6; 8], в экономике Украины наблюдаются определенные позитивные сдвиги, в первую очередь, количественные. К тому же активизируется инвестиционная деятельность, укрепляется финансово-кредитная система, стабилизируется социальная сфера и тому подобное. Отсюда главная задача: закрепить эти позитивные тенденции, обеспечить необратимость рыночных реформ, устойчивость экономического развития. Однако, к сожалению, современная стратегия экономического развития Украины не отражает объективные реалии мировой экономической

жизни, поскольку недостаточно учитывает внешние факторы экономического развития, которые в условиях глобализации приобретают определяющее значение. Речь идет о том, что процесс глобализации имеет свои имманентные формы проявления, выступающие как факторы экономического развития национальных экономик. Эти формы по большей части выкристаллизовываются и получают материальное воплощение в увеличении объемов и диверсификации структуры международной торговли; в международных прямых и портфельных инвестициях, все шире использующихся в системе мер национальной экономической политики; в перемещениях рабочей силы в рамках мирового хозяйства; в увеличивающемся использовании знаний, технологий, менеджмента, маркетинга, которые продуцируются в более развитых странах, а используются в экономических системах, постепенно конвертирующихся в мирохозяйственные связи и др. С учетом вышесказанного можно определить ключевые проблемы, решение которых настоятельно необходимо для последующего согласования внутренних и внешних факторов экономического развития отечественной экономики.

Первая проблема — это развитие энергетической сферы, поскольку наличие соответствующих объемов нефти, газа и другого энергетического сырья является основой обеспечения стабильного экономического развития страны и поддержки расширенного процесса воспроизводства. Основной список проблем здесь составляют противоречия относительно условий транспортировки энергетических ресурсов по территории Украины, а также экономическая экспансия на отечественные рынки иностранных ТНК, работающих в соответствующих отраслях.

Вторая проблема — это влияние процесса глобализации на развитие финансово-банковской и валютной системы Украины, стабильность которых является одним из условий последующего развития национальной экономики. Одновременно с формированием мощного международного рынка и внедрением единой европейской денежной единицы перед Украиной стал вопрос: как органически вписать нашу национальную валюту и внешне-

торговые операции в зону евро и к какой международной валюте привязать гривню? Решение заключается в том, что сегодня необходимо всячески сдерживать инфляционные процессы в отечественной экономике, разрабатывать финансово-экономические рычаги, которые бы дали возможность Украине предотвратить негативные последствия глобализационных волн, регулярно сотрясающих мировое хозяйство. По мнению специалистов, следовало бы как можно быстрее изменить структуру резервов Национального банка Украины, увеличив долю драгоценных металлов (золота, платины, серебра, драгоценных камней), евро, а также таких валют, как английский фунт и швейцарский франк. Очень важно, чтобы аналогичные изменения состоялись в структуре пассивов и активов коммерческих банков и других хозяйственных субъектов.

Третья проблема — это создание отечественного инновационно-инвестиционного потенциала. Как известно, одним из самых перспективных факторов экономического развития являются инновации и информационные технологии, в частности новейшие формы организации бизнеса посредством использования глобальной электронной системы, однако из-за недостаточной материальной обеспеченности и психологической неподготовленности развитие этих процессов в экономике Украины блокируется. Особое значение в процессе экономического развития приобретает правильно скоординированная инвестиционная политика. Основной причиной, в значительной мере препятствующей привлечению в экономику Украины иностранного капитала, является отсутствие условий для формирования благоприятного инвестиционного климата (что подтверждается международными рейтингами) [4]. Политико-правовая нестабильность, промедление с проведением реформ, отсутствие права частной собственности на землю, фискальная направленность налоговой политики, несоответствие существующей инфраструктуры инвестиционной деятельности мировым требованиям, несовершенство организационного механизма регулирования инвестиционного процесса, коррупция и высокая преступность создали нашему государству

устойчивый негативный имидж. Поэтому стратегической задачей относительно последующей активизации инвестиционной деятельности в Украине является создание привлекательного инвестиционного климата и развитие инфраструктуры, необходимой для обеспечения устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня населения.

Четвертая проблема – это дерегулирование предпринимательской деятельности, либерализация деловой активности и создание конкурентной среды, как действенных факторов экономического роста. Экономическая политика государства должна направляться на устранение бюрократизма и проявлений коррупции, на сужение теневого сектора экономики. Это позволит проводить единую государственную регуляторную политику в сфере предпринимательства, в определении правовых основ государственной поддержки малого предпринимательства и регулирования процедуры лицензирования.

Пятая проблема – это определение Украиной своего места в системе мирохозяйственных связей и направлений региональной и международной интеграции, согласования внешних и внутренних интересов государства. Важной практической проблемой, появившейся перед Украиной в процессе поиска конструктивной модели посткризисного развития, является определение основных характеристик такого состояния баланса внешнего и внутреннего секторов экономики, при котором создаются оптимальные условия саморазвития воспроизводительного комплекса страны [3].

Ключевые проблемы развития внешней торговли Украины связаны с диверсификацией ее геополитических и региональных приоритетов, оптимизацией структуры экспорта и импорта, гармонизацией национального законодательства с требованиями и нормами ВТО. В конечном итоге, задача заключается в реализации в мировой экономике сравнительных и конкурентных преимуществ экономики Украины, объективно существующих в различных отраслях ее хозяйства и могущих найти практическое воплощение в деятельности украинских фирм и предприятий

на міжнародному ринку. Вповне понятно, що інтенсивність контактів української національної економіки з іншими агентами світової економічної системи сдерживається наявністю посткризових явищ і недостатньої політичної стабільністю. В результаті економіка України не в стані приймати рівноцінне участь в процесах міжнародної економічної інтеграції.

В якості закінчення необхідно відзначити, що процес глобалізації, як основна тенденція сучасності, надає величезний вплив на економіку кожної країни. Національні економіки сьогодні можуть ефективно функціонувати тільки при достатньому рівні розвитку зовнішньоекономічних зв'язків. Результати проведеного дослідження мають певне теоретичне значення, оскільки доводять наступне: економіка України повинна як можна швидше подолати перешкоди на шляху углиблення інтеграції в світові економічні структури, підвищувати рівень відкритості економіки. А це, в свою чергу, неможливо без координації внутрішньої і зовнішньої економічної політики, обов'язкового здійснення радикальних змін в інституціональній, соціальній і адміністративних сферах, розробки ефективного економічного стратегії розвитку з урахування її національних особливостей.

Список літератури

1. Белінська Я. Формування пріоритетів економічного розвитку України / Я. Белінська // Акт. пробл. економіки. – 2003. – № 2. – С. 25–27.
2. Білорус О. Глобалізація і нова парадигма глобального постіндустріального розвитку / О. Білорус // Економ. часопис. – XXI. – 2002. – № 10. – С. 3–7.
3. Довгаль О. А. Протекціонізм і лібералізм у процесі глобалізації світової економіки (Питання теорії і методології) : монографія / О. А. Довгаль; Нар. укр. акад. – Х. : Вид-во НУА, 2004. – 320 с.
4. Інвестиційний рейтинг регіонів України у 2006 р. / Недержав. аналіт. центр «Інститут Реформ». – К. : Інститут Реформ, 2007. – 52 с.

5. Пахомов Ю. Трансформаційні процеси у світовому господарстві / Ю. Пахомов. – К. : Либідь, 2000. – 344 с.
6. Ревенко А. Економіка: другий рік піднесення після десяти років падіння / А. Ревенко // Дзеркало тижня. – 2002. – № 3 (378). – С. 7–12.
7. Соскін О. Глобалізація та економічні проблеми, які вона породжує. Український вимір / О. Соскін // Економ. часопис – XXI. – 2002. – № 10. – С. 8–10.
8. Соціально-економічне становище України за 2006 рік / Держав. комітет статистики України // Економіст. – 2007. – № 1. – С. 6–11.
9. Філіпенко А. С. Цивілізаційні виміри економічного розвитку / А. С. Філіпенко. – 2-ге вид. – К. : Знання України, 2002. – 190 с.
10. Фомишин С. Глобализация как новое качество интернационализации / С. Фомишин, В. Фомишина, В. Лошенко // Эконом. инновации. – 2001. – № 10. – С. 52–66.

Резюме

Розглянуто особливості економічної трансформації України в умовах процесу глобалізації та проблеми, що перешкоджають формуванню оптимальної економічної стратегії розвитку країни.

Summary

The peculiarities of economic transformation of Ukraine under the conditions of globalization and the problems that are in the way of forming an optimal economic strategy of Ukraine's development are considered.

УДК 658.152

О. В. Дурандіна

ПОНЯТТЯ АКТИВІЗАЦІЇ ІНВЕСТИЦІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Ключові слова: інвестиційна активність, інвестиційний клімат, інвестиційна привабливість, інвестиції, економічне зростання.

У період трансформації економіки суттєво зростає роль інвестиційної діяльності в країні [2, с. 23–25]. Від інтенсивності

й результативності інвестиційних процесів залежить успіх перетворень насамперед у сферах економічного, політичного та соціального життя, побудова цивілізованого суспільства. Ось чому сьогодні викликають цікавість питання, пов'язані з інвестуванням, способами й методами його активізації, вивченням умов створення сприятливого інвестиційного клімату, залученням інвестицій та їх ефективним використанням. Зростання економічного потенціалу та суспільний розвиток у кожній країні, підвищення життєвого рівня населення, поліпшення якості продукції – усе це, в основному, залежить від активності інвестиційної політики.

Актуальність дослідження теоретичних та практичних проблем активізації інвестиційної діяльності в галузях економіки визначається тим, що, з одного боку, галузі реального сектора економіки функціонують в умовах дефіциту ресурсного потенціалу та гострої нестачі інвестицій, а з другого – недосконалість економічного механізму управління інвестиційною діяльністю не сприяє активному припливу та ефективному використанню інвестиційних вкладень.

До уваги необхідно взяти такі обставини: по-перше, саме з активізації інвестиційної діяльності у фазі депресій починаються процеси оновлення морально застарілого основного капіталу; по-друге, інвестиційний процес, перетворюючись на процес систематичної реалізації інновацій, впроваджує у виробничий процес найновіші досягнення науково-технічного прогресу. Саме у такий спосіб інвестиції стають визначальним чинником економічного зростання [1, с. 39].

Безперечно, зв'язок інвестиційної активності й економічного зростання не є одностороннім. Економічне зростання, що залежить від інвестиційної активності, у свою чергу, зумовлює реальні можливості країни в інвестуванні на кожному етапі розвитку. Інакше, чим вищі темпи приросту ВВП, тим значнішою є можливість для розширеного відтворення інвестиційних ресурсів і формування на цій основі найбільш раціональної інвестиційної політики.

Взагалі ця взаємозумовленість зв'язку узагальнюючих показників економічного розвитку досить очевидна. Складніше знайти відповідь на питання: як створити вихідний імпульс зростаючої інноваційної активності та економічного зростання.

Зазвичай, рівень інвестиційної активності пов'язують із таким емним поняттям, як інвестиційний клімат [3, с. 13–14]. Сене в наступному: якщо поліпшуватиметься інвестиційний клімат, то активізуються інвестиції, і навпаки. Тому розв'язання проблеми все більшою мірою переносять у сферу інвестиційного клімату.

Не можна не погодитися, що стратегічне управління інвестиційної діяльністю об'єктивно ґрунтується на сприятливому інвестиційному кліматі, який знаходиться на початку ланцюжка «інвестиційна привабливість» – «інвестиційна активність» – «інвестиції».

Інвестиційний клімат – це загальні для суб'єктів управління, діючих на певній території, умови ведення інвестиційної діяльності. Акцент у розкритті сутності терміна «інвестиційний клімат» робиться на понятті «умови».

«Умова» в даному контексті означає :

- обставини, в яких відбувається інвестиційна діяльність;
- положення, які лежать в основі інвестиційної діяльності та визначають її.

На думку автора, інвестиційний клімат являє собою об'єктивну економічну категорію, характерну для кожного конкретного моменту часу, що відображає реально існуючу сукупність умов вкладення капіталу.

Конкретні інвестори по-різному оцінюють існуючий інвестиційний клімат, чим надають йому специфічного «забарвлення», яке відображає їх суб'єктивні погляди, життєві та підприємницькі пріоритети та цінності.

Суб'єктивна оцінка інвестиційного клімату суб'єктами управління являє собою не ймовірність задоволення їх цілей та досягнення інтересів, а купівельну задоволеність інвестиційним кліматом конкретного об'єкта інвестування, яка характеризує «привабливість інвестиційного клімату». На основі привабливості

інвестиційного клімату формується інвестиційна привабливість конкретного об'єкта інвестування – держави, галузі, підприємства чи окремого інвестиційного проекту.

З методологічної точки зору належить чітко відокремити поняття «інвестиційний клімат» від поняття «інвестиційна привабливість», що можна зробити, показавши спільне та особливе кожної з категорій. Сутність обох категорій визначається сукупністю умов, які розглядаються інвесторами під час прийняття рішення про вкладення капіталу в об'єкт інвестування. Саме ця ознака є спільною для обох категорій.

Відмітна ознака категорії «інвестиційна привабливість» полягає в тому, що вона містить суб'єктивну оцінку потенційним інвестором умов інвестиційного клімату. У свою чергу, інвестиційна активність – це матеріалізація інвестиційних рішень інвесторів як результат їх суб'єктивної оцінки привабливості умов інвестиційного клімату.

Необхідно усунути нечіткість та незавершеність в описі взаємозв'язку між категоріями інвестиційної діяльності. Зокрема, поняття привабливості може стосуватися будь-якого об'єкта інвестування, тому необхідно зазначити, про привабливість якого саме об'єкта йдеться. Коли ми говоримо «інвестиційна привабливість», то маємо на увазі привабливість конкретного об'єкта з точки зору здійснення інвестицій. Звідси випливає, що інвестиційний клімат може бути чи не бути привабливим, однак він не може бути розглянутий в якості об'єкта.

Інвестиційна привабливість є узагальнюючою факторною ознакою, яка характеризує засоби, можливості та обмеження, які обумовлюють інтенсивність залучення інвестицій. Тобто інвестиційна активність є залежною від неї результативною ознакою.

Інвестиційна активність є результатом впливу всіх складових господарського механізму на економічну поведінку суб'єктів господарства. Це і матеріальні стимули до нагромадження капіталу, прискорення науково-технічного прогресу, і наявність конкурентного ринку інвестиційних товарів та розвиненої

виробничої і ринкової інфраструктури, нарешті, це і адекватна ринковому господарству законодавча база.

Інша, не менш суттєва умова активізації діяльності полягає у максимальній економії капіталу та раціональному використанні обмежених економічних ресурсів.

На думку автора, інвестиційна активність, як категорія, являє собою сукупність економічних відносин, що відображують інтенсивність процесів формування та використання внутрішньосистемного та (або) залученого ззовні капіталу для досягнення цільових параметрів функціонування економічних систем різних рівнів (країна, регіон, галузь, підприємство).

Список літератури

1. Затонацька Т. Г. Стратегія нарощування інвестиційного потенціалу національної економіки / Т. Г. Затонацька, В. Л. Осецький // *Фінанси України*. – 2006. – № 7. – С. 39
2. Інвестування : навч. посіб. / Гриньова В. М., Коюда В. О., Лепейко Т. І., Коюда О. П. / під заг. ред. д-ра екон. наук, проф. В. М. Гриньової. – 2-ге вид., допрац. і доп. – Х. : ВД «ІНЖЕК», 2004. – 404 с.
3. Рыбак. О. Основные тенденции инвестиционной активности / О. Рыбак // *Экономист*. – 2004. – № 12. – С. 13–14.

Резюме

Статья посвящена проблемам активизации инвестиционной деятельности. Автор изучает взаимообусловленность таких факторов, как инвестиции, инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат, инвестиционная активность и приводит обоснование термина «инвестиционная активность».

Summary

The article deals with the problems of investment activity speeding up. The author analyzes the interdependency of such factors as investments, investment attractiveness, investment climate, investment activity and substantiates the term «investment activity».

УДК 658.821

*О. А. Иванова***ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ
ЕГО РАЗВИТИЯ**

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, факторы, связь, динамика, управление, продукция, предприятие, влияние.

В современных условиях исключительно важным становится осуществление такого управления, которое обеспечивает конкурентные преимущества в быстро меняющейся окружающей среде. Значение стратегического поведения, позволяющего фирме выживать в конкурентной борьбе в долгосрочной перспективе, резко возросло в последние десятилетия. Все компании в условиях жесткой конкуренции, быстро меняющейся ситуации должны не только концентрировать внимание на внутреннем состоянии дел в компании, но и выработать стратегию долгосрочного выживания, которая позволяла бы им адаптироваться к изменениям, происходящим в их окружении.

Развитие информационных систем и технологий, делающих возможным молниеносное распространение и получение информации, широкая доступность современных технологий, изменение роли человеческих ресурсов, а также ряд других факторов вынуждают отечественные и зарубежные предприятия уделять все большее внимание проблеме оценки и повышения уровня конкурентоспособности предприятия (фирмы).

Проблемы конкуренции и конкурентоспособности прошли длинный эволюционный путь от их первоначальной постановки и разработки в трудах основателей классической политической экономии до сегодняшнего дня, когда существует много методик оценки конкурентоспособности предприятия, применяемых в основном в зарубежных странах.

Достаточно большое количество методик оценки конкурентоспособности фирмы в современных условиях хозяйствования в Украине не подкреплено опытом использования на практике. Зарубежные методики зачастую неприменимы для переходной экономики нашей страны в силу значительного отличия условий создания и функционирования предприятий от условий развитых стран. Наиболее острой проблемой оценки уровня конкурентоспособности предприятий является дефицит информации о конкурентах, что приводит к неполноте анализа, использованию субъективных балльных оценок, высоких финансовых и временных затратах на проведение исследования уровня конкурентоспособности.

Таким образом, совершенствование законодательства и выработка действенных механизмов защиты компаний от внешних посягательств может стать одним из путей повышения доверия к Украине и открытости национальной экономики для иностранных инвестиций. Продуманное использование многочисленных методик оценки уровня конкурентоспособности предприятия способно дать возможность получения адекватных результатов для сравнения конкурирующих предприятий, наиболее точно и достоверно определить их инвестиционную привлекательность, ускорить темпы развития отечественных предприятий и экономики Украины в целом.

Управление уровнем конкурентоспособности (КС) представляет собой экономически обоснованное принятие решения об изменении факторов, формирующих этот уровень. Основной целью данной статьи является отражение взаимосвязи между определением уровня конкурентоспособности предприятия и разработкой его стратегии на основании принципов системного подхода.

В современной экономике проявляется тенденция к обострению конкуренции между предприятиями, которые подвергаются нарастающему совокупному воздействию конкурентных факторов. Тем не менее на многих предприятиях не проводится целенаправленная работа по анализу конкурентов, отсутствуют

систематизированные представления о том, что является конкурентоспособностью предприятия, как ее создавать, поддерживать и как грамотно реализовывать. Все это требует учета обширной совокупности показателей и условий конкурентоспособности фирмы. Желательно, с одной стороны, комплексно охарактеризовать, а с другой – уметь предъявлять определенные требования к оцениваемой компании, обозначить критерии оценки конкурентоспособности предприятия с учетом требований рынка и анализа различных подходов к этой проблеме.

Конкурентоспособность является многомерным свойством, что определяется многоаспектностью самого явления конкуренции. Это означает, что менеджмент предприятия не может сосредоточивать усилия только на одном из конкурентных факторов – они должны учитываться одновременно, с учетом взаимной зависимости и времени. Многоаспектность конкуренции проявляется и в том, что предприятия могут предвидеть поведение конкурентов, а также реагировать на одну и ту же ситуацию на рынке различным образом. Вследствие этого затрудняется прогнозирование ситуаций и долгосрочное планирование. Многие ошибки в конкурентной борьбе обусловлены сложностью самого явления конкурентоспособности, далеко не всегда осознаваемого менеджментом национальных предприятий. Решение этой проблемы необходимо начать с определения основных свойств конкурентоспособности, непосредственно влияющих на процесс принятия управленческих решений.

Основными свойствами конкурентоспособности являются относительность и динамический характер. Сравнение предприятия и конкурентов позволяет говорить о конкурентных преимуществах той или иной стороны. Создание и использование конкурентных преимуществ предприятия – тесно связанные процессы, которые в принципе могут вступать в противоречие между собой. Оценочной базой для конкурентных преимуществ являются цели предприятия и связанные с ними задачи, которые способно выполнять предприятие

с учетом реальных условий внешней среды и при заданном качестве их выполнения [3].

Цели предприятия, как правило, имеют временную привязку, поэтому можно сказать, что конкурентоспособность предприятия определяется его способностью вести успешную (в отношении достижения поставленных целей) деятельность в условиях конкуренции в течение определенного времени [2].

Конкурентоспособность предприятия характеризуется комплексом показателей, которые определяют положение последнего на соответствующем рынке (национальном или мировом). Этот комплекс содержит как характеристики конкурентоспособности конкретных товаров, так и факторы, формирующие экономические условия производства и сбыта товаров предприятия в целом. Таким образом, следует подчеркнуть, что конкурентоспособность предприятия не сводится к неуклонному поддержанию конкурентоспособности каждого товара, а состоит, наоборот, именно в способности предприятия к адекватной модернизации и переориентации производства согласно жизненному циклу товара.

При оценке уровня конкурентоспособности предприятия следует обращать внимание на специфику отрасли, в которой оно функционирует. Только с учетом особенностей внутриотраслевого развития возможна адекватная оценка конкурентоспособности фирмы. Анализ отраслей открывает новые возможности оценки и сравнения конкурентоспособности не только предприятий-конкурентов в рамках одной какой-либо отрасли, но и предприятий, функционирующих в различных сферах производства, что способно дать потенциальному инвестору больше информации для эффективного вложения средств, не ограничиваясь предприятиями одной отрасли. Качественный анализ перспектив каждой из отраслей способен дать им шанс предстать в выгодном свете в глазах потенциальных инвесторов, в том числе и зарубежных [3].

Динамический характер конкурентоспособности определяет ее постоянную недостаточность. Недостаточность конкуренто-

способности – один из основных побуждающих моментов, который отражается и в стратегических, и в оперативных решениях. Успокоенность относительно конкурентоспособности часто приводит к отставанию. Любые преимущества рано или поздно будут скопированы или превзойдены конкурентами. Устойчивым конкурентным преимуществом является постоянное движение вперед, постоянные инновации во всех сферах деятельности. Эффективное использование конкурентных преимуществ возможно только при условии согласования с общей стратегией предприятия. Кроме того, становление любого конкурентного преимущества требует определенных затрат, поэтому мероприятия по повышению конкурентоспособности должны быть учтены в планах всех уровней.

Ориентация на поддержание конкурентоспособности только в соответствии с текущими условиями на рынке может оказаться неэффективной. Важным является предвидение развития ситуации, предугадывание и активное воздействие на внешнюю среду с помощью инноваций в продукте, технологии, управлении и т. д. На практике успешность деятельности в конкурентной среде определяется во многом сбалансированностью обоих направлений обеспечения конкурентоспособности.

Работа по созданию конкурентных преимуществ требует постоянной оценки конкурентоспособности предприятия по различным ее составляющим. В практическом плане наибольший интерес представляет собой оценка конкурентоспособности предложения на рынке и ресурсов предприятия (для оценки предпринимательскую идею и уровень менеджмента можно рассматривать как особые виды ресурсов).

Расчет типовых показателей, которые характеризуют уровень использования ресурсов предприятия, является оправданным и наиболее объективным. Финансово-экономический анализ стал обычной процедурой на многих предприятиях, и специалисты чаще всего хорошо владеют именно им. Важной проблемой является также выбор из большого разнообразия возможных тех показателей, которые необходимы, и присвоение им адекватных

коэффициентов весомости для последующего получения интегрального показателя конкурентоспособности фирмы. Субъективизм оценки можно уменьшить, если определять коэффициенты весомости с использованием аналитических методов [1]. Это позволит решить проблему недостатка информации, необходимой для оценки конкурентоспособности компании по зарубежным методикам, а также даст возможность получить сопоставимые интегральные показатели уровня конкурентоспособности различных фирм с целью дальнейшего их корректного сравнения.

Таким образом, используя понятие потенциала, можно декомпозировать деятельность предприятия на две составляющих: развитие (создание конкурентных преимуществ) и целевую деятельность (использование конкурентных преимуществ).

Обобщая все вышесказанное, можно сформулировать задачи развития предприятия: необходимо выбирать такой вариант развития, при котором в каждый момент времени имеющийся потенциал допускал хотя бы один способ достижения требуемых результатов деятельности, повышения уровня конкурентоспособности и укрепления позиций предприятия на рынке.

Список литературы

1. Зилькарнаев И. У. Метод расчета интегральной конкурентоспособности промышленных, торговых и финансовых предприятий / И. У. Зилькарнаев, Л. Р. Ильясова // Маркетинг в России и за рубежом. — 2001. — № 4. — С. 24–29.
2. Сумець О. М. Оцінка конкурентоспроможності сучасного промислового підприємства : навч.-практ. посіб. / О. М. Сумець, О. Є. Сомова, Є. Ф. Пеліхов. — К. : Професіонал, 2007. — 208 с.
3. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление / Р. А. Фатхутдинов. — М. : ИНФРА - М, 2000. — 312 с.

Резюме

Зроблено аналіз підходів до проблеми конкурентоспроможності фірми з урахуванням потреб ринку при розробці стратегії підприємства, встановлено взаємозв'язок між ними. Обґрунтовано необхідність

комплексного дослідження шляхів управління конкурентоспроможністю підприємства.

Summary

The analysis of approaches to the problem of a firm's competitiveness including the market requirements in development of an enterprise's strategy is made; their interrelationship has been set. The necessity of a complex research of ways of management of an enterprise's competitiveness is grounded.

УДК 334.75

Б. В. Козицкий

ПРОМЫШЛЕННО-ФИНАНСОВЫЕ ГРУППЫ УКРАИНЫ И МИРОВОЙ ОПЫТ ИХ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая политика, промышленно-финансовые группы.

В украинской экономической науке промышленно-финансовые группы (ПФГ), как предмет изучения, еще не окончательно сформированы. Поэтому ключевая роль при исследовании ПФГ должна быть отведена их спецификации, выделению набора «стилизированных факторов», описывающих институциональный аспект существования, наличие которых является необходимой предпосылкой для любых теоретических моделей – как содержательных, так и формализованных.

Современные ПФГ являются универсальными по характеру деятельности и транснациональными по ее масштабам структурами, в которые входят промышленные фирмы, финансовые институты, торговые и строительные компании, а также компании, относящиеся к другим отраслям хозяйства. Среди огромного многообразия форм взаимодействия взаимосвязанных партнеров есть традиционные концерны во главе с крупной промышленной корпорацией, объединения во главе с банком,

включающие в свой состав подконтрольные производственные предприятия, семейные холдинговые компании, универсальные многоотраслевые объединения. Для ПФГ, концентрирующих значительную часть ВВП в своих руках, стал характерным экономический контроль не над отдельными отраслями хозяйства и секторами предпринимательской деятельности, а над всей национальной экономикой, что придает им статус центров экономической власти [3].

Исходя из особенностей строения и развития промышленно-финансовых объединений, их условно можно разделить на два блока: объединения в странах с рыночно ориентированной финансовой системой и объединения в странах с банковско ориентированной системой.

Рыночно ориентированная финансовая система характеризуется высоким уровнем развития рынка капитала, широким набором различных финансовых инструментов. Кроме того, изначально высокий уровень развития промышленных корпораций, надежность акций которых не вызывала сомнений, во многом облегчил процесс привлечения дополнительного капитала. Капитал предприятий увеличивался, главным образом, за счет новых эмиссий акций, что, практически, исключало необходимость в долгосрочном кредитовании как способе увеличения их основного капитала. Сформированному акционерному капиталу была характерна значительная степень распыленности. В таких условиях функции банков сводились лишь к аккумулярованию сбережений, предоставлению краткосрочных кредитов, осуществлению на внешнем рынке операций с ценными бумагами, но при этом банки не принимали непосредственного участия в управлении предприятиями.

В странах с банковско ориентированной финансовой системой промышленность на начальных стадиях своего развития остро нуждалась в дополнительных финансовых ресурсах, но была не в состоянии создавать их самостоятельно. С одной стороны, это было связано с тем, что уровень рентабельности в промышленном производстве был недостаточен для само-

финансирования, с другой – сравнительно низкий уровень развития финансовых рынков, исторически сложившийся в этих странах, что делало невозможным размещение акций среди населения.

Одновременно низкий уровень развития фондового рынка значительно ограничил возможности диверсификации вложений. Сбережения трансформировались, главным образом, в форму кредитов через сеть коммерческих банков. Поэтому значительная доля всех финансовых контрактов была сосредоточена в руках самих банков.

Все это привело к тому, что банки были вынуждены совмещать как функции кредитования предприятий, так и функции контроля их деятельности для обеспечения эффективности использования собственных вложений.

Кроме того, в странах с банковско ориентированной финансовой системой характерно более либеральное отношение к группированию предприятий, интеграции финансового и промышленного капитала [4].

Естественно, в реальной экономике не существуют идеальные типы ПФГ. Так, экономика США объединяет рыночно и банковско ориентированные структуры. Организационная структура банковских групп представляет собой горизонтальное объединение крупных фирм, в центре которого находится банк. Характерной чертой групп с доминирующими промышленными предприятиями является преобладание вертикальной составляющей. Головная компания концерна выступает в качестве материнской по отношению к тысячам фирм группы, контролируя посредством участия в капитале их производственную и финансовую деятельность.

Каков же уровень распространения ПФГ в мировой экономике?

Общее число ПФГ в Германии не достигает десяти. Коммерческие банки, являющиеся бесспорным центром групп, представляют собой универсальные кредитно-финансовые комплексы, совмещающие кредитно-расчетную деятельность

с широким набором услуг. Производственная деятельность промышленных концернов, в основном, охватывает одну отрасль или подотрасль экономики. Исключением является концерн Siemens, деятельность которого распространяется на всю электротехническую промышленность.

Во Франции наибольшее распространение получили ПФГ, созданные вокруг крупнейших производственных комплексов и представляющие, как правило, единое целое в производственном отношении, сформированное из технологически взаимосвязанных предприятий. В состав групп входят от нескольких десятков до нескольких сотен юридически самостоятельных фирм. Банки же являются подконтрольными главным промышленным предприятиям.

В странах Западной Европы, помимо частных компаний, широко распространены и государственные концерны, составляющие основу государственных финансово-промышленных объединений. Многие из них создавались путем объединения различных национализированных компаний одной отрасли либо ряда отраслей. Специфическая форма государственного контроля над промышленным сектором, осуществляемого посредством механизмов деятельности государственных банков, впервые была реализована на практике в Италии.

Все государственные холдинговые компании финансируются государством, освобождены от выплаты процентов по полученным капиталам, имеют право выпускать гарантируемые государством облигации, при этом 65% годовой прибыли переводится государственному казначейству. Им предоставлена большая самостоятельность в разработке собственной рыночной стратегии. Степень государственного вмешательства заключается в назначении высшего управленческого персонала и выборе инвестиционной политики.

Отдельно следует рассматривать ПФГ Юго-Восточной Азии, так как механизмы их образования и взаимодействия разнятся с западной моделью.

Характерной особенностью промышленного комплекса

Японии на сегодняшний день являются универсальные многоотраслевые промышленно-финансовые объединения – «сюданы», являющиеся самодостаточными, универсальными многоотраслевыми экономическими комплексами. В организационную структуру включаются финансовые институты, торговые фирмы, а также производственные предприятия, составляющие полный спектр отраслей народного хозяйства. Ведущей ролью в деятельности групп занимают банки. Внутри сюданов действует принцип не конкуренции, а целенаправленно организуемой внутренней специализации. Поэтому в отношениях поставщик – потребитель здесь утвердилась взаимная монополия. Таким образом, экономическая среда внутри сюданов оказывается нерыночной. А существующая в японской промышленности организационная структура приводит к закреплению четкой олигопольной системы на рынке конечных продуктов. Тем не менее интенсивная конкуренция участников олигополии обеспечивает устойчивый процесс развития в соответствующей отрасли.

Для Южной Кореи также характерны высокая степень концентрации производства и капитала, монополизация несколькими крупнейшими семейными корпорациями – чеболями, которые во многом схожи с сюданами. Отличия же заключаются в том, что корейские группы организованы по принципу холдинговых корпораций с семейным контролем. Семейный клан либо непосредственно принимает участие в управлении всех компаний конгломерата, либо контролирует только головные (материнские) компании [3].

Структуры, образованные в результате слияния промышленного и финансового капиталов в Украине, к сожалению, мало изучены. Единственной общепринятой терминологической базой является Закон Украины «О промышленно-финансовых группах в Украине», в котором закреплено определение: «Промышленно-финансовая группа (ПФГ) – объединение, в которое могут входить промышленные предприятия, сельскохозяйственные предприятия, банки, научные и проектные

учреждения, другие учреждения и организации всех форм собственности, которые имеют целью получение прибыли, и которое создается по решению Правительства Украины на определенный срок с целью реализации государственных программ развития приоритетных отраслей производства и структурного перестроения экономики Украины, включая программы согласно межгосударственным договорам, а также производства конечной продукции» [1].

В этом же Законе фактически описана структура ПФГ, которая предполагает, что сама группа, состоящая из юридически самостоятельных предприятий, организаций и учреждений, не является юридическим лицом, а от имени ПФГ выступает ее головное предприятие, в качестве которого выбирается украинское предприятие, производящее конечную продукцию группы. Участниками ПФГ могут быть юридические лица различной формы собственности и национальной принадлежности, при этом экспортно-импортные операции с промежуточной продукцией не облагаются таможенной пошлиной и сборами. При участии иностранных юридических лиц в объединении оно именуется транснациональной ПФГ. Структура ПФГ, отношения между участниками и перечень конечной продукции закрепляются генеральным соглашением, изменение указанных пунктов соглашения ведет к реорганизации группы, которая осуществляется под контролем Правительства Украины, подчеркивающим срочный характер генерального соглашения [5].

В целом можно согласиться с законодательно закрепленным определением украинских объединений промышленного и финансового капитала и самим термином «промышленно-финансовая группа». В Законе сделан акцент на промышленной составляющей группы, так как она создается с целью получения прибыли именно за счет производства конечной продукции, а не за счет каких-либо других операций. Однако термин «ПФГ» скорее является отражением существующих хозяйственных связей, так как украинские структуры, объединяющие промыш-

ленные и финансовые капиталы, зарождались на базе крупных промышленных комплексов в период неразвитой национальной финансовой системы и превалирования бартерных отношений.

Решающая роль Правительства Украины в создании ПФГ и обязательная направленность на приоритетные отрасли национальной экономики, безусловно, правильна с точки зрения интересов государства, но целесообразность срочного характера генерального соглашения, а также жесткого закрепления структуры группы и перечня конечной продукции можно подвергнуть критике.

Во-первых, мировой опыт показывает, что крупные промышленно-финансовые объединения являются «лицом» государства для мирового сообщества, когда названия стран ассоциируются с конкретными брендами, а для национальной экономики — своего рода «флагманами». Поэтому государства стараются использовать такие структуры для решения как внутренних, так и внешних проблем, взамен поддерживая стабильность и развитие национальных ПФГ. Учитывая сказанное, считаем, что срочный характер генерального соглашения о создании ПФГ противоречит национальным интересам Украины.

Во-вторых, анализируя существующие в мире ПФГ, можно заметить, что их структура, внутрикорпоративные связи, преобладание промышленной либо финансовой составляющей, степень участия государства в капитале, перечень конечной продукции, а в некоторых случаях сфера деятельности сильно изменялись, что является естественным для любой хозяйственной структуры, развивающейся в условиях рынка, при этом продолжая обеспечивать значительную долю ВВП своих государств и давать рабочие места их гражданам. Естественно, должен сохраняться государственный контроль за деятельностью подобных структур, который заключается в мониторинге их деятельности и оценке будущих результатов с точки зрения соответствия национальным интересам и лишь в случае противоречия таковым — в прямом вмешательстве в хозяйственную деятельность [2].

Украинские промышленно-финансовые группы являются скорее уникальными образованиями, чем аналогичными зарубежным финансово-промышленным группам. Различие заключается, прежде всего, в самом термине: в то время как в мировой экономике первичным становится финансовый капитал, образуя в местах своей концентрации капитал промышленный, Украине характерно развитие в условиях слабого финансового рынка, но сильного промышленного комплекса, доставшегося в наследие от прежнего государства. В то же время нельзя не отметить абсолютное сходство всех существующих объединений капиталов в стремлении достигнуть результатов, уровня безопасности и власти, не доступных в состоянии разрозненности.

Существующая законодательная база не является жизнеспособной из-за слишком сильной «зарегулированности» рассматриваемых отношений, подтверждением нежизнеспособности существующего Закона Украины «О ПФГ» является отсутствие официально зарегистрированных групп, в то время как, по сути, они в Украине существуют.

Требуется тщательное изучение реально существующих в Украине, но не зарегистрированных ПФГ с целью формирования более полной и точной терминологической базы, прогнозирования перспектив их взаимодействия с мировой экономикой, где преобладают отличные по своей сути структуры и, конечно, определение их роли (существующей и той, которой можно достигнуть) в национальной экономике.

Список литературы

1. О промышленно-финансовых группах в Украине : Закон Украины от 21.11.1995 437/95-ВР // Лига Закон [Электронный ресурс] : Компьютер-правовая система / Всеукр. сеть распространения правовой информ. – [Электрон. прогр.]. – Версия 7.4. – К., 2007. – Загл. из рук. для пользователя. – Ежедн. обновление.
2. Буряк П. Ю. Інтегровані корпоративні структури в підприємстві України / П. Ю. Буряк // Фінанси України. – 2003. – № 9. – С. 50–61.

3. Сапожникова Н. Финансово-промышленные группы и холдинги в современной экономике / Н. Сапожников, М. Алешин // Маркетинг. — 2004. — № 1. — С. 96–103.

4. Скрипнюк Д. Ф. Об экономических закономерностях функционирования финансово-промышленных групп // Финансы. — 2003. — № 8. — С. 75–76.

5. Ткач К. І. Форми і методи об'єднання фінансового і промислового потенціалу об'єктів економічних відносин в Україні / К. І. Ткач // Акт. пробл. економіки. — 2004. — № 11. — С. 39–47.

Резюме

У статті на базі міжнародного досвіду утворення, функціонування та класифікації промислово-фінансових груп сформульовано визначення українських ПФГ та проведено аналіз державного регулювання їх діяльності на законодавчому рівні.

Summary

The article summarises international experience of industrial and financial groups formation and functioning, and gives their classification. The definition of Ukrainian industrial and financial groups is given. Government legislative control system for industrial and financial groups is analyzed.

УДК 343.347(477)

И. Б. Кравчина

О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 327 УК УКРАИНЫ

Ключевые слова: социальная обусловленность уголовного запрета, криминализация, факторы криминализации, основания криминализации, принципы криминализации.

В науке уголовного права не подвергается сомнению подход к рассмотрению преступления не только как правового, но и как *социально обусловленного явления*, имеющего свои специфические

характеристики, собственные закономерности и механизмы влияния на социальные условия. Уголовно-правовой запрет продуцируется социальными потребностями, возникает как отражение объективной реальности, но границы этой реальности зависят от воли и сознания людей, формулирующих закон, т. е. от субъективного усмотрения законодателя. Естественно, что и состоявшаяся криминализация конкретного вида деяний, по справедливому замечанию Г. А. Злобина, может быть адекватна соответствующей потребности в весьма разной степени, которая определяется глубиной познания сущности социальных процессов и накопленным опытом правового регулирования общественных отношений [1, с. 204]. В связи с этим установление максимального соответствия между каждой уголовно-правовой нормой и реальными потребностями общества, между ее внешней формой и внутренним содержанием, между замыслом законодателя и его воплощением имеет первостепенное значение, позволяя избежать или максимально уменьшить число не обусловленных требованиями жизни, произвольных, несовершенных нормотворческих решений.

Проблема социальной обоснованности уголовного закона для правовой науки остается одной из центральных. Закономерности формирования и функционирования уголовно-правовых запретов, теоретические основы объявления деяний в качестве преступных (криминализация) и исключение их из числа таковых (декриминализация) рассматривались в трудах таких ученых, как И. М. Гальперин, А. А. Герцензон, П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, А. И. Коробеев, В. Н. Кудрявцев, В. И. Курляндский, Н. Ф. Кузнецова, П. С. Тоболкин, П. А. Феллов, А. М. Яковлев и ряда других. В современных условиях актуальность обращения к данному вопросу стремительно возрастает, о чем свидетельствуют вышедшие в последние годы работы украинских криминалистов: О. М. Джужи, А. А. Митрофанова, П. Л. Фриса, О. М. Готина, М. Мельника, Д. А. Балобановой и других. Однако несмотря на интенсивные научные поиски с целью выработки оптимальной модели криминали-

зации, позволяющей в условиях социальной трансформации общества осуществлять эффективное противодействие преступности, эта проблема на сегодняшний день окончательно не решена, что подтверждает и далеко не всегда удачный опыт приведения уголовного закона в соответствие с социальными реалиями.

С учетом изложенного представляется, что изучение социальных оснований уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за заготовку, переработку или сбыт радиоактивно загрязненной продукции, составляет важное направление развития уголовно-правовой теории, призванной обеспечить переход от эмпирической основы правообразования к научной.

Социальная обусловленность и эффективность уголовного законодательства, его норм и институтов представляет собой широкую проблему, которая может быть исследована с разных сторон, в разных аспектах и направлениях. В самом общем виде, эта проблема видится нам в анализе правообразующих факторов, определяющих допустимость, возможность и целесообразность признания общественно опасного деяния преступным и уголовно наказуемым. Однако установление этих факторов на сегодняшний день составляет определенные трудности, связанные как с отсутствием их единого терминологического обозначения (они именуются принципами, условиями, основаниями, задачами, критериями), так и их исчерпывающего перечня (в литературе таких факторов насчитывается около двадцати) [2, с. 65].

Ряд ученых в качестве основной и единственной предпосылки установления уголовной ответственности выделяют общественную опасность деяния [3, с. 49]. Однако большинство криминалистов, признавая общественную опасность наиболее существенным критерием криминализации, рассматривают ее лишь в качестве одного из многочисленных условий введения уголовно-правового запрета. Так, наряду с указанным критерием выделяют: наличие необходимых условий для реализации принципа неотврат-

тимости наказания [4, с. 101]; распространенность в обществе объективно вредных форм поведения людей [5, с. 39]; динамику совершения деяний с учетом причин и условий, их порождающих [5, с. 58]; признание поведения противоречащим морали и осуждаемым подавляющим большинством граждан, а также констатация факта, что борьба с таким поведением возможна только путем применения уголовного наказания [6, с. 80]; выполнение государством международно-правовых обязательств по охране прав человека [7, с. 19] и ряд других.

Группа ученых предлагает не только набор оснований криминализации, но и их систематизацию. Например, В. И. Курляндский условно делит критерии криминализации на связанные с характером общественной опасности деяния и не связанные с ней, относя к последним социальные, экономические и иные критерии [5, с. 82–83]. Несколько иначе решает указанную проблему П. С. Дагель, различая объективные (общественную опасность деяния, степень распространенности деяния и невозможность борьбы с ним менее репрессивными методами) и субъективные (осознание объективных потребностей общества в криминализации и определенный уровень общественного правосознания) условия криминализации [5, с. 129].

Выделяя поводы, основания и принципы криминализации, Г. А. Злобин делит последние на: социальные и социально-психологические, а также системно-правовые (общеправовые, связанные с требованием непротиворечивости системы норм уголовного и других отраслей права, и уголовно-правовые, определяемые внутренними закономерностями системы действующего уголовного законодательства) [1, с. 204–208]. Подобный подход к разрешению рассматриваемой проблемы с некоторыми оговорками нашел своих сторонников и в отечественной уголовно-правовой науке [8, с. 53–58].

Не меньшее распространение в научной среде получила классификация, предложенная А. И. Коробеевым [2, с. 14], выделяющая три группы факторов, которые служат основаниями установления уголовно-правового запрета: юридико-криминоло-

гические, социально-экономические и социально-психологические. В *юридико-криминологическую* группу, по мнению автора, входят: 1) степень общественной опасности деяний; 2) относительная распространенность деяний и их типичность; 3) динамика деяний с учетом причин и условий, их порождающих; 4) возможность воздействия на эти деяния уголовно-правовыми средствами при отсутствии возможности успешной борьбы менее репрессивными средствами; 5) возможности системы уголовной юстиции. К *социально-экономическим* основаниям автор относит: 1) причиняемый деяниями материальный и моральный ущерб; 2) отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета; 3) наличие материальных ресурсов для реализации уголовно-правового запрета. *Социально-психологическими* основаниями являются: 1) определенный уровень общественного правосознания и психологии; 2) исторические традиции [2, с. 69].

Необходимость установления и дальнейшего сохранения в уголовном законодательстве ответственности за совершение того или иного преступления большинство криминалистов-исследователей обосновывают путем раскрытия исторических, социальных, нормативных и криминологических [10, с. 6]; социально-экономических [11, с. 10]; управленческих, процессуальных, криминалистических, социально-психологических, образовательно-процессуальных [12, с. 13–14] и других групп факторов. Среди факторов установления уголовно-правовой ответственности К. В. Плева выделяет общие причины, действующие при криминализации любых деяний (общественная опасность и распространенность деяния) и специальные — присущие только определенному, отдельному деянию [13, с. 11].

Изучив и осмыслив изложенные точки зрения, полагаем, что основаниями криминализации преступления, предусмотренного ст. 327 УК Украины, являются социально-экономические, социально-психологические, нормативные и криминологические факторы. К последним относится: общественная опасность деяния, его распространенность и типичность, динамика деяния

с учетом порождающих его причин и условий, а также возможность воздействия на него уголовно-правовыми средствами при отсутствии возможности успешной борьбы менее репрессивными средствами. Совокупность указанных факторов свидетельствует о социальной обусловленности уголовной ответственности за заготовку, переработку и сбыт радиоактивно загрязненных продуктов питания и иной продукции, а беспроblemность и неизбежность указанного уголовно-правового запрета, его определенность и целесообразность – о его эффективности.

Список литературы

1. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1982. – 304 с.
2. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: Проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1987. – 268 с.
3. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / П. С. Тоболкин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
4. Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний / П. А. Фефелов // Совет. гос-во и право. – 1970. – № 11. – С. 101–105.
5. Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И. М. Гальперина и В. И. Курляндского. – М. : Юрид. лит., 1975. – 176 с.
6. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Л., 1986. – 176 с.
7. Наумов А. Проблемы декриминализации: причины и способы / А. Наумов // Совет. юстиция. – 1990. – № 19. – С. 19–21.
8. Уголовное право Украины: Общая часть : учебник / Ю. В. Александров, В. И. Антипов, Н. В. Володько [и др.] ; отв. ред. Я. Ю. Кондратьев ; под ред. Клименко В. А., Мельника Н. И. – К. : Атика, 2002. – 448 с.
9. Митрофанов А. А. Основні напрямки кримінально-правової політики в Україні: формування та реалізація : автореф. дис. ... канд.

юр. наук / А. А. Митрофанов; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України. – К., 2005. – 22 с.

10. Заславська М. Г. Кримінальна відповідальність за неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей: соціальна обумовленість і склад злочину : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Г. Заславська; Нац. юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого. – Х., 2006. – 18 с.

11. Воробей П. А. Кримінальна відповідальність за незаконну торговельну діяльність : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. А. Воробей ; Укр. акад. внутр. справ. – К., 1993. – 21 с.

12. Мисливий В. А. Злочини проти безпеки дорожнього руху та експлуатації транспорту (кримінально-правове та кримінологічне дослідження) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Мисливий; Київ. нац. ун-т внутр. справ. – К., 2005. – 38 с.

13. Плева К. В. Кримінальна відповідальність за суспільно небезпечні діяння стосовно радіоактивних матеріалів : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. В. Плева ; НАВС України. – К., 2005. – 16 с.

Резюме

У роботі досліджується питання щодо соціальної обумовленості кримінально-правової заборони, яка передбачена ст. 327 КК України. Проаналізовано погляди, що існують в сучасній кримінально-правовій науці, на систему чинників, які підлягають врахуванню при запровадженні кримінально-правової заборони. Визначено чинники, аналіз яких є достатнім для констатації соціальної обумовленості кримінальної відповідальності за заготівлю, перероблення або збут радіоактивно забрудненої продукції.

Summary

The problem of a social conditionality of criminal – legal prohibition as presupposed by item 327 of the Ukrainian criminal code is under consideration in the article. Approaches of modern criminal – legal science to the system of factors that are to be taken into account in imposing the criminal – legal prohibition are analyzed.

The article determines the factors sufficient for recognizing the social conditionality of criminal – legal amenability for storing, processing or distributing contaminated products.

УДК 94(477.54): 338.45: 34

*О. В. Малишев***ДІЯЛЬНІСТЬ ОРГАНІВ МІСЦЕВОГО
САМОВРЯДУВАННЯ З РОЗВИТКУ ДРІБНОЇ
ПРОМИСЛОВОСТІ ХАРКІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ
НАПРИКІНЦІ ХІХ – НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.**

Ключові слова: земства, кустарні промисли, виставка, кредит, артіль, фабрично-заводська промисловість.

Процес розвитку ринкової економіки в сучасній Україні супроводжується поширенням малого підприємництва. Воно є найменш витратним для держави засобом створення нових робочих місць, важливим джерелом насичення ринку товарами й послугами, стабільною базою податкових надходжень. Підтримка малих підприємств з боку держави й місцевих органів влади створює умови, за яких малий бізнес спочатку закріплює свої позиції в економіці, а потім починає самостійно розвиватися. На сьогодні підтримкою малого підприємництва в Україні займається багато центральних і регіональних структур, але, незважаючи на вжиті заходи, дотепер не створені умови, що дійсно сприяють його ефективному розвитку. Розробка концепції розвитку малого бізнесу стосовно сучасної української економіки вимагає звертання до її минулого. Будь-яка економічна форма може успішно розвиватися, якщо має коріння в історії країни. Господарсько-управлінський досвід предків обумовлює використання в наші дні навичок, традицій і форм організації праці, які були у дрібних виробників Харківської губернії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. Збереження цієї наступності є запорукою успішного розвитку малого бізнесу в Харківській області як одного з важливих інструментів вирішення її сучасних економічних проблем.

Діяльність органів місцевого самоврядування з розвитку дрібної промисловості Харківської губернії наприкінці ХІХ –

на початку ХХ ст. як комплексний, нерівномірний і суперечливий процес була об'єктом дослідження багатьох економістів, істориків, публіцистів. Тематика статті постає в узагальнюючій, багатоплановій роботі О. О. Рибнікова [10]. Пильної уваги заслуговує робота В. Ф. Гербурт-Гейбовича, де подається критичний аналіз стану кустарної промисловості Харківської губернії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. і діяльності земств з її розвитку [1]. В урядових виданнях Російської імперії міститься інформація статистичного, довідкового характеру [6; 9; 11]. Важливі дані про діяльність органів місцевого самоврядування з розвитку дрібної промисловості Харківської губернії тих часів знаходяться в джерелах регіонального походження: довідкових [17], оглядах [19], доповідях [12; 13; 14], звітах [15; 16]. Ця діяльність неодноразово ставала предметом обговорення на сторінках «Харківських губернських відомостей» [7; 8; 18] та інших місцевих періодичних видань [5]. Деякі питання, що стосуються розглянутої в статті проблеми, вирішені М. П. Масловим [4].

Мета статті полягає у всебічній характеристиці діяльності органів місцевого самоврядування з розвитку дрібної промисловості Харківської губернії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. У коло проблем, розв'язуваних вищезгаданими авторами, не ввійшли: визначення основних напрямів, форм і методів роботи земств із кустарями, масштабів цієї діяльності, установлення її особливостей, виявлення недоліків у роботі земств з розвитку дрібної промисловості Харківської губернії того періоду та їх причин. Одним із завдань даної статті є заповнення цих прогалин. Методологія даного дослідження ґрунтується на принципах історизму, об'єктивності і системності.

Кустарні промисли Харківської губернії в розглянутий період були невід'ємною частиною її економіки та активно вивчалися в 60–70-ті роки ХІХ ст. Основну роботу з розвитку дрібної промисловості Харківської губернії взяли на себе органи місцевого самоврядування (губернське й повітове земства). Це було зумовлено тим, що вони були найбільш демократичними, близькими і доступними органами влади для більшості

населення Харківської губернії. Практична допомога дрібним виробникам Харківської губернії з боку земств полягала в організації кустарних виставок, допомоги кустарям в одержанні дешевого кредиту, пропаганді технічних новинок і створенню професійно-ремісничої освіти.

Однією з форм роботи земств Харківської губернії була організація кустарних виставок [3, оп. 1, т. 4, спр. 2633, арк. 1, 3, 10, 99]. Вони влаштовувалися як у Харкові, так і в повітах Харківської губернії [3, оп. 1, т. 4, спр. 2522, арк. 16, 21,]. Відмітною рисою цих виставок було те, що їх діяльність мала в першу чергу демонстраційно-пізнавальний, культосвітній характер [18]. У роботі кустарних виставок в Харківській губернії центральне місце приділялося проведенню конкурсів на кращий виріб і заклад, особливу увагу приділяли пропаганді санітарно-гігієнічної культури і здорового способу життя кустарів, ознайомленню їх із планами роботи земств, кресленнями технічних новинок [9, с. 97–101]. Більша частина засобів, асигнованих на проведення кустарних виставок, пішла на утримання апарату земських чиновників (організаційні комітети, експертні комісії) і оплату відрядних витрат запрошеним чиновникам із центральних міністерств та відомств країни.

Комерційний бік кустарних виставок, здатний дати конкретний економічний результат, був їх найслабшим місцем. Торговельно-посередницька функція виставок, що була продекларована земствами як пріоритетна, повсюдно залишалася без належної уваги. Ігноруючи її, земства фактично відсторонилися від реальної допомоги кустарям у розв'язанні їх повсякденних виробничо-комерційних проблем, девальвуючи господарсько-економічну значущість виставок для більшості дрібних виробників Харківської губернії. Налагодити повноцінну посередницьку роботу між дрібним виробником-одинаком і оптовим покупцем, замінивши собою спекулянта-скупника, земствам Харківської губернії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. не вдалося [3, оп. 1, т. 4, спр. 2634, арк. 11; буд. 2670, арк. 35].

Мали місце окремі філантропічно-альтруїстичні кроки деяких

ентузіастів-дослідників (І. П. Сокальського, В. В. Іванова) і багатіів-промисловців (Є. С. Гордеєнко, В. В. Капніста, І. Г. Харитоненко), але вони, у цілому, не змінювали стан справ [5]. Нерідко в проведенні кустарних виставок (за кількістю учасників, кваліфікаційним рівнем запрошених експертів і розмірами засобів, виділених на організацію) найбільше були зацікавлені їх організатори (співробітники земств), які таким способом демонстрували свою службову необхідність і активність [8]. Проведення на виставках гучних пропагандистських кампаній з боротьби зі скупниками було потрібно земським чиновникам для зміцнення власного іміджу борців за інтереси «бідного мужика-кустаря», який від цього ажіотажу абсолютно нічого не одержував [12, с. 102]. Повсякденне життя свідчило про те, що досвідчені комерсанти-скупники під час розв'язання конкретних практичних питань кустарів були набагато компетентніші та діловитіші, ніж земські теоретики з народницьких кіл [11, с. 47–50, 52–59].

Крім організації виставкових заходів, хотілося б відзначити й інші форми роботи земств Харківської губернії того періоду. Серед них: заснування складів сільськогосподарських знарядь, які приймали на комісію виробу кустарів, і організація кооперативних структур (кас дрібного кредиту, артілей), покликаних кредитувати й об'єднувати дрібних виробників регіону. Так, склади сільськогосподарських знарядь, відкриті наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. у багатьох повітах Харківської губернії, повсюдно існували за рахунок земських дотацій, пожертвувань їх організаторів (заможних харківських підприємців) і безкоштовної роботи учнів Олександрівських ремісничих училищ [11, с. 44–45].

Створені земствами Харківської губернії на початку ХХ ст. каси дрібного кредиту вирішували питання про кредитування місцевих кустарів лише частково [4, с. 84–85]. Обумовлено це було тим, що земствами Харківської губернії не було розв'язано цілого комплексу складних організаційних проблем. Наприклад, найбільш забезпечене й авторитетне губерньське земство

не виступало посередником у збуті кустарних виробів. Цим намагалися займатися лише окремі земства Харківської губернії, як, наприклад, Харківське повітове земство, що організувало склад кустарних виробів. Там приймалися на комісію товари дрібних виробників за умови, що кустар відразу вносив 10% від вартості виробу за прийом і 5% від вартості товару за його реалізацію [7]. Земства Харківської губернії не організовували для кустарів регіону закупівлю дешевої сировини, не влаштовували кустарних музеїв, а кошти на підтримку кустарної промисловості виділяли епізодично [3, оп. 1, т. 4, спр. 2634, арк. 10, 11, 13]. Перша каса дрібного кредиту в Харківській губернії (заснована губернським земством) з'явилася у 1908 р. [14, с. 1]. Вона була орієнтована на кредитування дрібних сільгоспвиробників Харківської губернії. Кредитування кустарів було другорядним у її роботі (позики під заставу кустарних виробів і 7% річних становили 1/10 частину від загальної кількості виданих касою позик) [15, с. 4].

Найбільш забезпеченими дрібним кредитом (за чисельністю кооперативних організацій і розмірами виданих позик) були селяни промислово розвинених повітів Харківської губернії: Харківського й Охтирського [17, с. 124]. Земства цих повітів виділяли найбільші суми для підтримки кустарної промисловості [19, с. 52–53]. Це було обумовлено тим, що земства Харківського й Охтирського повітів більше, ніж інші, були стурбовані відтоком селян на заробітки. Збільшення чисельності й згуртованості промислових робітників, посилення їх боротьби за соціально-економічні й політичні права викликало тривогу в місцевій владі [2, оп. 282, спр. 785, арк. 42, оп. 283, спр. 139, арк. 78]. У повітах Харківської губернії з розвиненою кустарною промисловістю земських кас дрібного кредиту або не було зовсім (Зміївський повіт), або їх діяльність мала яскраво виражений популістський характер [14, с. 35]. Більшість спроб повітових земств Харківської губернії розв'язати проблему організації для місцевих кустарів дешевого кредиту закінчувалася пропагандистським галасом і демагогією [3, оп. 1, т. 1, спр. 229а, арк. 14].

Земства Харківської губернії наприкінці XIX – на початку XX ст. не створили банку, який би спеціалізувався винятково на кредитуванні, субсидуванні й інвестуванні місцевої кустарної промисловості. Це негативно позначилося на розвитку кустарної промисловості Харківської губернії (збільшенні продуктивності, валових оборотів кустарних підприємств, їх енергоспроможності, удосконаленні системи кредитування й субсидування дрібних виробників, визначенні земських пріоритетів у роботі з розвитку кустарництва).

Хронічних кризових явищ в економіці Харківської губернії, які б викликали активізацію діяльності земств щодо розвитку кустарної кооперації, не було. Кооперативний рух дрібних виробників Харківської губернії, який пропагували земства, великого розмаху й ефективності досяг в повітах, де найбільше була розвинена велика промисловість: Охтирському, Богодухівському, Харківському й Сумському. Найменший розвиток кустарної кооперації фіксується нами в Старобільському, Зміївському і Валківському повітах [16, с. 31]. Ініціаторами створення артілей в Охтирському, Богодухівському, Харківському й Сумському повітах були власники великих промислових підприємств [6, с. 271]. Їм були потрібні контрольовані й централізовані виробничі структури (артілі), які б володіли управлінсько-розпорядницькими функціями. Наявність таких структур дозволяла підприємцям у промислово розвинених повітах Харківської губернії укладати договори на поставку необхідних їм виробів безпосередньо з артілями, а не з десятками й сотнями розкиданих по повіту кустарів-одинаків.

Великі виробники Харківської губернії, ініціюючи артільний рух і діючи винятково з міркувань оптимізації роботи місцевих кустарів на господарські потреби своїх підприємств, паралельно вирішували й низку інших завдань:

- по-перше, створювали у кустарів ілюзію участі на паях у власності на засоби виробництва;
- по-друге, обшинно-зрівняльним принципом розподілу доходів і відповідальності нівелювали їх класово-революційну цілеспрямованість;

– по-третє, позиціонування артільників в одній соціально-економічній якості трохи полегшувало їх спільну долю в період панування на ринку монополістичних об'єднань.

За даними М. П. Маслової, у 1914 році в Харківській губернії діяло 148 артілей, які об'єднували 2505 кустарів [4, с. 158–159]. Перспективи більшості кооперативних структур у Харківській губернії наприкінці XIX – на початку XX ст. були дуже розмиті. Монополістичні об'єднання, які контролювали місцевий ринок, ставилися до будь-яких конкурентів украй негативно. О. О. Рибніков, даючи оцінку ініціативам земських народників об'єднати общинне землекористування й кустарну артіль, справедливо зауважував, що в умовах тодішнього ринкового господарства нічого реального з цього вийти не могло [10, с. 118].

У Харківській губернії наприкінці XIX – на початку XX ст. не було спеціалізованих земських структур, які б займалися кредитуванням, субсидуванням кустарів, розробкою для них нових зразків товарів і знарядь праці, регулярним консультуванням дрібних виробників регіону й контролем їх поточної роботи (кустарно-промисловий банк, кустарне конструкторське бюро, інститут кустарних техніків). У результаті земства Харківської губернії, не маючи компетентних фахівців, покликаних планомірно, послідовно працювати з дрібними виробниками регіону над удосконаленням їх техніки, підвищенням професійної кваліфікації й поліпшенням кредитно-фінансових умов їх діяльності, не змогли досягти поставлених цілей у здійсненні заявлених ними програм. Діяльність земств Харківської губернії наприкінці XIX – на початку XX ст. багатьма дослідниками оцінювалася незадовільно [12, с. 99, 102]. Мізерні суми, які відпускалися земствами Харківської губернії на програми з розвитку дрібної промисловості (у тому числі й кустарної кооперації), часто використовувалися не за призначенням. Нерідко до практичної реалізації намічених заходів у цій сфері вони навіть не бралися [13, с. 1]. Тогочасна діяльність земств Харківської губернії з розвитку кустарної промисловості мала декларативно-пасивний характер, що відповідало її необхідності

й адекватності соціально-економічної ситуації, що склалася в нашому регіоні. За темпами, формами і масштабами вона не порівнюється з аналогічною роботою органів місцевого самоврядування в кустарно розвинених регіонах Російської імперії.

Список літератури

1. Гербурт-Гейбович В. Ф. Доклад о состоянии Александровских ремесленных училищ Харьковского губернского земства и о мерах к улучшению постановки в них. — Х. : Тип. «Печатник», 1910. — 55 с.
2. ДАХО. Ф. 3. Канцелярия Харьковского губернатора.
3. ДАХО. Ф. 304. Харьковская губернская земская управа.
4. Маслов М. П. Розвиток селянського промислового підприємництва у Харківській губернії (1861–1914 рр.) : дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / М. П. Маслов. — Х., 1998. — 230 с.
5. Наш кустарь // Харьк. губерн. ведомости. — 1903. — 18 мая.
6. Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. — СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1913. — Ч. I. — 279 с.
7. Организация земствами продажи кустарных изделий // Харьк. губерн. ведомости. — 1903. — 31 июл.
8. Открытие земской сельскохозяйственной и кустарной выставки // Харьк. губерн. ведомости. — 1904. — 7 июл.
9. Предметы кустарной промышленности на сельскохозяйственной выставке в г. Харькове // Тр. комис. по исслед. кустар. пром-сти в России. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. — В. VII. — С. 97–101.
10. Рыбников А. А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий / А. А. Рыбников, А. С. Орлов. — М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. — 415 с.
11. Сборник сведений и статей по кустарной промышленности : прил. к № 2–7 «Экономического журнала» за 1891 г. — СПб. : Тип. Северного Телеграфного агентства, 1891. — 142 с.
12. Харьковская губернская земская управа : докл. Харьк. губерн. зем. управы губерн. зем. собр. очеред. сес. 1915 г. по эконом. отд. — Х. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1916. — 119 с.
13. Харьковская губернская земская управа : докл. Харьк. губерн. зем. управы губерн. зем. собр.: очеред. 1903 г. и чрезвычай. 1904 г. по сельскохозяйст. отд. — Х. : Тип. «Печатное дело», 1904. — 166 с.

14. Харьковская губернская земская управа. Касса мелкого кредита : докл. Харьк. губерн. зем. кассы мелкого кредита и отчет о деятельности кредит. коопераций и зем. касс мелкого кредита Харьк. губернии за 1911 г. очеред. губерн. зем. собр. сес. 1912 г. — X. : Тип. Калугина, 1912. — 49 с.

15. Харьковская губернская земская управа. Касса мелкого кредита : отчет Харьк. губерн. зем. кассы мелкого кредита за 1914 г., седьмой операц. год, губерн. зем. собр. очеред. сес. 1914 г. — X. : Тип. «Адольф Дарре», 1915. — 76 с.

16. Харьковская губернская земская управа. Касса мелкого кредита : отчет правления губерн. зем. кассы мелкого кредита о деятельности кредит. и ссудо-сберегат. товариществ и уезд. зем. касс мелкого кредита за 1908 г. очеред. губерн. зем. собр. сес. 1909 г. — X. : Тип. «Печатное дело», 1909. — 31 с.

17. Харьковская губернская земская управа. Текущая статистика : статист. справ. по Харьк. губернии. — 2-е изд. — X. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914. — 179 с.

18. Харьковская уездная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка // Харьк. губерн. ведомости. — 1903 г. — 17 окт.

19. Харьковское губернское земство. Экономический отдел : обзор эконом. мероприятий Харьк. земства с 1900 по 1906 г. — X. : Тип. Б. Бенгис, 1908. — 136 с.

Резюме

В статье всесторонне характеризуется деятельность земств Харьковской губернии по развитию кустарной промышленности в конце XIX — в начале XX в., определяются ее основные направления, формы и методы, выявляются масштабы, региональные особенности и недостатки работы органов местного самоуправления Харьковской губернии с мелкими производителями.

Summary

The article gives a detailed characteristic of Kharkov province local governments activities aimed at developing the handicraft industry at the end of XIX — the beginning of the XX centuries. The basic objectives, forms, methods are described. The regional peculiarities and shortages of Kharkov province local governments work with small manufacturers are shown.

УДК 330.341.1

Е. Ф. Пелихов

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: развитие, инновации, обновление, замена, экономическая эффективность.

Обновление средств производства в научной и учебно-методической литературе рассматривается как составная часть развития предприятия и совершенствования его технико-технологической базы (ТТБ). ТТБ предприятия – это совокупность технических средств производства, относящихся к основным производственным фондам. В качестве составляющих ТТБ всегда рассматривают технику и технологию, обоснованно утверждая, что ТТБ определяет способность предприятия производить конкурентоспособную продукцию. Для этого необходимо непрерывно обновлять производственный потенциал предприятия, а обновлению средств производства должна предшествовать экономическая оценка целесообразности этого процесса. К сожалению, проблеме развития производства и, в частности, одному из его направлений, обновлению парка оборудования, в современной научной литературе уделяют недостаточное внимание, что связано не только с определенным кризисом инвестирования в производство, а и с положением в издательском деле: публикуется учебная литература, а научные труды издателями признаны невыгодными. В связи с изложенным для экономической теории и практики, по нашему мнению, представляют интерес методические подходы к экономическому обоснованию целесообразности обновления парка оборудования предприятия, а также конкретные методы решения таких задач. В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты расчетов сравнительной экономической эффективности технико-технологических инноваций, изложенные автором в работах [1, 2].

Техническое развитие предприятия – это процесс совершенствования техники, технологии, производимой продукции, квалификации кадров. Оно необходимо по причинам: роста сложности и смены вида изделий; морального старения техники и технологии; потребности в ресурсосбережении; конкурентной борьбы на рынках сбыта продукции. Известны следующие формы технического развития предприятия [3, с. 127]:

1) поддержание ТТБ (замена изношенного оборудования новым, капитальный ремонт оборудования);

2) развитие ТТБ (модернизация, техническое перевооружение, (реконструкция, расширение, новое строительство).

В статье рассматриваются подходы к решению как задач первого вида, так и экономического обоснования технического перевооружения как одного из направлений развития ТТБ.

Техническое перевооружение – это комплекс мероприятий по повышению технического уровня производств, цехов и участков на основе внедрения передовой техники и технологии, механизации и автоматизации производства, модернизации и замены устаревшего и физически изношенного оборудования новым, более прогрессивным. Известны следующие формы обновления средств производства в процессе технического перевооружения:

1) расширение числа действующего оборудования за счет ввода в эксплуатацию дополнительного оборудования, аналогичного по своим технико-экономическим характеристикам и стоимости;

2) замена старого оборудования аналогичным новым, без изменений его количества и производительности (уменьшается возраст техники и расходы на содержание и эксплуатацию оборудования);

3) замена старого оборудования новым, технически и экономически более эффективным, т. е. техническое перевооружение производства на базе новой прогрессивной техники.

Показатели обновления продукции делятся на два вида:

1) показатели интенсивности обновления, включающие уровень

обновления, темпы обновления, сменяемость (показатели возраста продукции); 2) показатели результативности обновления (стоимостные), количественно измеряющие влияние обновления на показатели деятельности предприятия (прибыль, чистый денежный поток). Ниже рассматриваются стоимостные показатели результативности обновления оборудования.

По нашему мнению, в процессе оценки экономической эффективности технического развития необходимо различать его частные и комплексные задачи, которым должны соответствовать методы их решения. К частным задачам экономического обоснования целесообразности развития ТТБ относятся:

- 1) выбор наиболее эффективного оборудования, предлагаемого на рынке средств производства;
- 2) оценка экономической эффективности обновления (замены);
- 3) обоснование решения «покупать или производить средства производства самостоятельно?»;
- 4) отремонтировать или покупать новую технику;
- 5) модернизировать ли отдельное оборудование.

К комплексным и глобальным задачам развития предприятия включают комплексное техническое перевооружение, а также внедрение инновационных и инвестиционных проектов. Их экономическое обоснование предусматривает выполнение определенных финансовых расчетов как составной части проектного анализа.

Рассмотрим методические подходы к решению задач первого типа. При этом исходим из того, что содержание расчетов экономического эффекта от внедрения технико-технологических новшеств состоит в соизмерении результатов и затрат. Достаточно полная исходная информация, необходимая для такого соизмерения, не всегда может иметься в наличии, и поэтому приходится вместо показателей результатного типа (прибыли, чистого денежного потока) использовать для экономической оценки выбора организационно-технических решений показатели затратного типа (капиталовложения, себестоимость

продукции, эксплуатационные издержки, текущую стоимость затрат). При этом, независимо от вида применяемых оценочных показателей, в процессе соизмерения затрат и результатов могут быть использованы операции деления результата на затраты или вычитания затрат из полученных результатов.

При оценке экономической эффективности обновления производства необходимо определить влияние инноваций на изменение себестоимости и чистой прибыли предприятия, методы расчета которых подробно рассмотрены в работе [2]. Кроме того, следует четко выяснить различие абсолютных и относительных денежных потоков, значение которых используется соответственно в расчетах абсолютного (чистый денежный поток – ЧДП) и сравнительного (рост чистого денежного потока – Δ ЧДП) эффектов.

Американские финансисты Г. Бирман, С. Шмидт отмечают, что абсолютные денежные потоки имеют место, когда денежные потоки сравнивают с нулем, а относительные (сравнительные) денежные потоки – когда сравнивают альтернативы финансирования [4, с. 132–133]. Сравнительный экономический эффект определяется как разница между ЧДП по сравниваемым вариантам (для простоты примем два варианта: первый – базовый для сравнения и второй – оцениваемый):

$$\begin{aligned} \Delta \text{ЧДП} &= \text{ЧДП}_2 - \text{ЧДП}_1 = \\ &= (\sum \text{ДП}_2 \cdot k_{\text{Дт}} - K_2) - (\sum \text{ДП}_1 \cdot k_{\text{Дт}} - K_1) = \\ &= \sum \Delta \text{ДП}_t \cdot k_{\text{Дт}} - \Delta K. \end{aligned} \quad (1)$$

Если денежные потоки представляют собой аннуитеты, то формула расчета сравнительного экономического эффекта упрощается до вида:

$$\Delta \text{ЧДП} = \Delta \text{ДП} \cdot k_{\text{д.ан}} - \Delta K. \quad (2)$$

В формулах (1, 2) приняты следующие обозначения: ДП_t – денежный поток t -го года; $k_{\text{Дт}}$ – коэффициент дисконтирования t -го года; $k_{\text{д.ан}}$ – коэффициент дисконтирования аннуитета;

K – разовые капиталовложения в сравниваемую технику; ΔK – прирост капиталовложений по сравниваемым вариантам – базовому и новому.

В процессе сопоставления конкурирующих вариантов техники следует принять во внимание, что значение расчетного экономического эффекта зависит от соотношения разных исходных, натуральных и стоимостных, показателей. При решении частных экономических задач развития предприятия (выбор новой техники при покупке, оценка целесообразности замены функционирующего оборудования и др.) следует принимать во внимание возможные источники экономического эффекта, что предопределяется указанными соотношениями. В табл. 1 рассмотрены основные варианты соотношений между важнейшими показателями сравниваемой техники.

Выбор экономичной новой техники при ее покупке можно осуществить по минимальному значению текущей стоимости ($ТС$) будущих расходов $ТС \rightarrow$ минимум, а эффективной новой техники – по критерию максимума сравнительного экономического эффекта: $\Delta ЧДП \rightarrow$ максимум.

Соотношение знаков между суммарными дисконтированными выгодами и разовыми или суммарными дисконтированными

Таблица 1

Типовые соотношения показателей новой и базовой техники

Показатели	Соотношение	Примечание
Капиталовложения K	$K_1 < K_2$	$\Delta K = K_2 - K_1$
Себестоимость изделия C	$C_1 > C_2$	$\Delta C = C_1 - C_2$ (не обязательно)
Объем производства и продаж N	$N_1 < N_2$	если есть спрос
Цена изделия C	$C_1 < C_2$	не обязательно
Часовая производительность $П_ч$	$П_{ч1} < П_{ч2}$	цель: рост
Надежность (фонд времени эффективной работы Φ)	$\Phi_1 < \Phi_2$	цель: рост

затратами капитала предопределяет значение (и знак) сравнительного денежного эффекта от инноваций. Варианты указанных соотношений приведены в табл. 2.

Изложенное выше рассмотрим на примере расчета сравнительного экономического эффекта. Определим, какой из вариантов покупки техники наиболее эффективен для потребителя, если известны данные о цене и расходах по эксплуатации машин:

– 1-я машина: цена $Ц_1 = 30$ тыс. грн, эксл. расходы $I_{экс1} = 4$ тыс. грн/год;

– 2-я машина: цена $Ц_2 = 20$ тыс. грн, эксл. расходы $I_{экс2} = 5$ тыс. грн/год;

– 3-я машина: цена $Ц_3 = 25$ тыс. грн, эксл. расходы $I_{экс3} = 6$ тыс. грн/год;

– расчетный период $T = 5$ лет, ставка дисконта $E = 20\%$.

Определим текущие стоимости суммарных затрат потребителя:

$$TC_1 = Ц_1 + I_{экс1}k_{д.ан} = 30 + 4 \cdot 2,991 = 41,964 \text{ тыс. грн};$$

Таблица 2

Соотношение знаков суммарных дисконтированных выгод и дополнительных капиталовложений

Знаки при приросте $\Delta I_{экс2/1}$	Знаки при приросте $\Delta K_{2/1}$	Сравнительный экономический эффект $\Delta ЧДП_{2/1}$
плюс (экономия)	плюс (рост затрат)	>0 если $\Delta I_{экс2/1} k_{д.ан} > \Delta K_{2/1}$ (и наоборот)
плюс (экономия)	минус (экономия)	>0 всегда (экономия на $I_{экс}$ и K)
минус (рост затрат)	плюс (рост затрат)	<0 всегда (рост текущих затрат и капиталовложений K)
нуль (равны)	плюс (рост затрат)	<0 всегда (рост капиталовложений K)
плюс (экономия)	нуль (равны)	>0 всегда (экономия издержек, равные значения K)
минус (рост затрат)	нуль (равны)	<0 всегда (рост издержек, равные значения K)

$$TC_2 = C_2 + I_{\text{экс2}} \cdot k_{\text{д.ан}} = 20 + 5 \cdot 2,991 = 34,955 \text{ тыс. грн};$$

$$TC_3 = C_3 + I_{\text{экс3}} \cdot k_{\text{д.ан}} = 25 + 6 \cdot 2,991 = 42,946 \text{ тыс. грн}.$$

Из расчетов значений текущих стоимостей затрат по сравниваемым вариантам видим, что второй вариант имеет минимальную текущую стоимость, и потому его из трех сравниваемых вариантов следует признать наиболее экономичным.

Экономия суммарных дисконтированных затрат равна разности текущих стоимостей по сравниваемым вариантам техники, например, второму и первому:

$$\begin{aligned} \Delta TC_{2/1} &= TC_1 - TC_2 = \\ &= 41,964 - 34,995 = 6,969 \text{ тыс. грн (выгода при покупке} \\ &\text{второй машины по сравнению с первой)}. \end{aligned}$$

Сравнительный экономический эффект экономичного (второго) варианта по сравнению с первым составил:

$$\begin{aligned} \Delta ЧДП_{2/1} &= (I_{\text{экс1}} - I_{\text{экс2}}) \cdot k_{\text{нал}} \cdot k_{\text{д.ан}} - (C_2 - C_1) = \\ &= (4 - 5) 0,75 \cdot 2,991 - (20 - 30) = -2,243 - (-10) = 7,757 \text{ тыс. грн}. \end{aligned}$$

Из выполненных выше расчетов следует вывод: вторая машина менее экономична в эксплуатации, чем первая, но обеспечивает такую экономию капиталовложений, что сравнительный эффект положителен ($\Delta ЧДП > 0$).

Оценку экономической эффективности замены старого оборудования на новое следует выполнять с учетом возможных притоков денежных средств от реализации изношенного заменяемого (при вводе новой техники) оборудования по цене $K_{\text{рын1}}$ или возможной продаже нового оборудования после завершения бизнеса. Сравнительный экономический эффект определяется следующим образом:

1) при продаже старого по остаточной (рыночной) стоимости $K_{\text{рын1}}$

$$\Delta ЧДП = (\Delta P_{\text{р.ч}} + \Delta A) \cdot k_{\text{д.ан}} - (K_2 - K_{\text{рын1}});$$

2) то же при продаже нового оборудования по его остаточной стоимости после завершения бизнеса

$$\Delta ЧДП = (\Delta Pr_ч + \Delta A) \cdot k_{д.ан} + K_{ост2} \cdot k_{д.Т} - (K_2 - K_{рын1}).$$

Экономический эффект при отказе от ремонта старого оборудования, т. е. при замене его на новое, составит:

$$\Delta ЧДП = (\Delta Z_{рем} \cdot k_{нал} + \Delta Pr_ч) \cdot k_{д.ан} - (K_2 - K_{ост1}),$$

где $\Delta Z_{рем}$ — экономия на повышенных затратах на ремонты старого оборудования по сравнению с новым;

$\Delta Pr_ч$ — прирост чистой прибыли от роста качества производимой на новом оборудовании продукции (или от экономии затрат на устранение брака).

Список литературы

1. Пелихов Е. Ф. Экономическое обоснование выбора технико-технологических инноваций / Е. Ф. Пелихов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — Х. : Вид-во НУА, 2008. — Т. 14. — С. 325—333.
2. Пелихов Е. Ф. Экономическая эффективность инноваций / Е. Ф. Пелихов. — Х. : Изд-во НУА, 2005. — 168 с.
3. Йохна М. А. Економіка і організація інноваційної діяльності : навч. посіб. / М. А. Йохна, В. В. Стадник. — К. : Вид. центр «Академія», 2005. — 400 с.
4. Бирман Г. Экономический анализ инвестиционных проектов / Г. Бирман, С. Шмидт ; пер. с англ. под ред. Л. П. Белых. — М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. — 631 с.

Резюме

У роботі проаналізовано відомі методи економічного обґрунтування технічного розвитку підприємства. Запропоновано методи, що ґрунтуються на використанні показника чистої поточної вартості.

Summary

Well known methods of economic substantiation of the technical development of an enterprise have been analyzed in the article. Methods based on the usage of the net present value indicator have been suggested.

УДК 372.004

Є. А. Подольська

ГРОШІ: НАЙВИЩА ЦІННІСТЬ ЧИ ЗАСІБ САМОРЕАЛІЗАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ?

Ключові слова: відчуження, гроші, економічна людина, економічна цивілізація, людиноцентризм, монетарна свідомість, цінність,

В умовах глибинних трансформацій та глобалізаційного впливу на всі сфери суспільства актуалізується необхідність переходу до нового вектора духовно-культурного виховання та здійснення гуманізації освіти. Очевидно, сьогодні вже не відповідають потребам і запитам посилення на те, що криза самодостатності впливає з усвідомлення проблеми самого існування, тобто тоді, коли для людини сам факт її існування стає проблемою. Звідси переконання: якщо сенс життя не вирішується на рівні духу, то людина обов'язково приречена на деградацію, що проявляється в алкоголізмі, наркоманії, споживацькій психології тощо.

Як справедливо зазначав В. Кремінь, у сучасних умовах потрібно зважати на реальність існування *монетарної свідомості*. У вимірах економічної цивілізації гроші мають особливе, далеко не похідне чи другорядне, як це іноді намагаються сьогодні ще подати, значення. Навіть більше, вони перетворилися на компонент світогляду, який по праву можна називати не лише гуманістичним, демократичним, науковим, технологічним тощо, а й монетарним [2].

Людство вступило в еру «економічної цивілізації», яка змінює ціннісні пріоритети. На історичну арену виходить «людина економічна». Своїм прагматичним ставленням до життя вона підпорядковує інші цінності, обумовлює їх ієрархію. Важливо підготувати людину до життя, зокрема засобами освіти.

Тому метою даної статті є визначення місця грошей в системі цінностей сучасної людини і можливостей зваженого впливу на формування монетарної свідомості у межах вищої школи.

Подальший розвиток демократії, науки розширює поле духовно-культурної проблематики, що обумовлює необхідність включення філософсько-антропологічного, людиноцентристського підходу, оснований на багатій вітчизняній і європейській гуманістичній спадщині. Проте вкрай важливо враховувати, що сьогодні гуманістичні цінності зазнають трансформаційних змін у новому світоглядному вимірі — *економічному*, який породжує низку важливих для культурного буття, освітньо-педагогічного процесу проблем, що вимагають нагального розгляду і розв'язання.

Духовно-культурна реальність сучасного буття актуалізує проблему *людиноцентризму* в її сучасних вимірах. Зокрема, фактом стала необхідність переосмислити проблеми професійності, праці, свідомості, цінностей, а разом з ними — владу, право, культуру, ідеологію тощо, що їх усе ще розуміють, здійснюють і перетворюють без урахування світоглядних засад ринкової економіки та енергій капіталу, помножених на людські бажання і прагнення. Останні мають особливе значення, адже вони стають основою самовизначення і суспільства, і окремої людини, оскільки в умовах демократичних прав і свобод їх уже ніхто не зможе обмежити.

Як зазначає Василь Кремень, ринкова економіка забезпечує колосальний викид людської енергії — як руйнівної для створеного раніше в суспільстві, так і творчої для нового в суспільстві і культурі, а водночас творчої і для самого капіталу. Людська енергія і капітал зійшлися разом, стимулюючи один одного. У цих умовах говорити звичними поняттями про якусь абстрактну людину, сповнену якоїсь особливої духовності чи абсолютизованої, надмірної національної специфіки, вже не доводиться. Капітал, за яким стоїть всепоглинаюча мета — гроші (а за ними — багатство, вигода, бізнес, добробут), захопив людину і до певної міри пригнітив її, зняв усі заборони, які заважають гонитві за

грошима, а отже, – за владою і славою. На арену життя виходить, у повному розумінні цього поняття, *економічна людина* [2].

За своєю суттю цінності відносні та умовні, вони не є самодостатніми. Цінності створює суб'єктивне ставлення індивідів до предметів, властивостей, явищ. Саме завдяки цьому суб'єктивному ставленню у свідомості людей вибудовуються матеріальні та ідеальні об'єкти за порядком їх значущості. Тому цінності являють собою результат своєрідної колективної угоди між людьми з приводу ставлення до певних предметів, явищ або властивостей. Причому ціннісні стосунки формуються на фоні духовно-психологічної організації та специфічних умов практичного життя індивідів. Можна сказати, що цінності індивідів є такими, якими є самі індивіди.

Хоча гроші використовувалися вже у примітивних суспільствах, проте ставлення до них як до універсальної цінності виникло за наявності специфічних умов практичного життя і відповідної духовно-психологічної організації. Причому гроші стали найвищою цінністю для маргінальних груп, що не були інтегровані в соціальну систему, у межах якої вони знаходилися. Торговці та фінансисти завжди виступали в ролі посередників, які забезпечували взаємодію між соціально-економічними верствами і етнокультурними світами. На тлі своєї корпоративної ізольованості вони завжди мали на меті нарощувати капітал як засіб могутності та влади. Ці категорії індивідів завжди культивували свою здатність до торгівлі та маніпулювання грошима. Гроші стали позанаціональним, позакультурним та позаетнічним феноменом, який має дуже високий рівень соціальної мобільності. Значення грошей зростало з розвитком промисловості, а це посилювало могутність торгово-промислових кланів. Оскільки стрімка індустріалізація вимагала великих капіталів, то повага до грошей перетворювалася на пристрасть, а торговці та фінансисти запозичили собі грошову владу.

Карл Маркс описав ту специфічну духовну атмосферу, де практична потреба та своєкористя дозволили грошам «скинути всіх богів з висоти та перетворити їх у товар. Гроші –

це загальна вартість усіх речей, що встановилася як дещо само-стійне. Гроші – це відчужена від людини сутність її праці та її буття, і ця чужинна сутність панує над людиною...» [3, с. 410].

Поступово гроші перетворилися на універсальну категорію, на основі якої було створено універсальну і всеосяжну картину світу. Гроші стали формувати не тільки предметний світ людини, а й духовно-психологічний, вони почали формувати не тільки ідеологію західного суспільства, а й ментальність мас. Вплив грошей поширився за межами фінансово-економічних відносин й увійшов практично в усі сфери людського життя, реконструюючи їх відповідно до своєї внутрішньої логіки. Таке перетворення грошей у надцінність відбулося через їх здатність давати права, блага, вплив і навіть владу, не вимагаючи при цьому виконання обов'язків щодо держави. Як виявилось, лише гроші здатні створювати умови, за яких можна жити за рахунок суспільства, не віддаючи йому замість того свою фізичну та інтелектуальну енергію, тобто, іншими словами, – паразитувати на ньому [1, с. 400].

Якщо у традиційному суспільстві важливішим було те, яку соціальну роль виконувала людина, яку користь суспільству вона давала, то сьогодні першорядного значення набуло те, наскільки вона заможна. Гроші із засобу перетворилися на мету, набули абсолютної цінності. Найважливішим став факт наявності грошей, а не те, що це за людина і що вона робить.

Однак для західного суспільства визнання грошей найвищою цінністю стало провокувати духовний і культурний розпад, оскільки гроші прагнуть звільнити суспільство від звичаїв, символів, розчиняючи у той же час особистісні стосунки людей. «Усе відбувається так, що вводячи певну міру об'єктивності в життя суспільства, гроші вивільняють індивідів і стимулюють автономні дії і думки» [4, с. 432–433].

На тлі загального устремління до грошей люди стали сприймати своїх друзів, сусідів, спільників як суперників, ворогів. В результаті пристрасть до наживи спричинила роз'єднання та відчуженість людей; їх особистісні зв'язки стали дистанційова-

ними і анонімними. С. Московічі робить висновок, що «в усіх секторах суспільства незалежно від обраного положення монетарна економіка ліквідує добру волю, почуття честі або вдячності, велич та рабство, замінюючи їх абстрактними та упорядкованими відносинами [4, с. 434].

Завдяки грошам відбувалося поступове обезособлення стосунків між людьми, оскільки вони все більшою мірою поклалися тепер не на своїх близьких, а на самих себе. Оскільки гроші отримали статус надцінності, то вони фактично зруйнували сформовані тисячоліттями стосунки і призвели до тотального відчуження індивідів. Щоб вибудувати стосунки з людьми, потрібно мати гроші. Якщо ти платиш, люди будуть робити все, що тобі потрібно, незважаючи на почуття ненависті та презирства. Гроші, писав Зіммель, «дозволяють існувати взаєминам між людьми, хоча особисто їх не чіпають. Вони є мірою їх матеріального успіху, але зовсім не придатні для виявлення чогось індивідуального і особистого» [4, с. 434].

Отже, гроші в західному світі почали виступати головним засобом комунікації, вони перетворили людей на чужаків, які не пов'язані ніякими спільними переконаннями, ідеями, традиціями. Світ у цілому став нейтральним, обезособленим, а людина – кількісною величиною без героїзму, добропорядності та інших особистісних якостей. Вона, по суті, стала вихолощеною до «нуля», без будь-яких індивідуальних рис. Така людина живе поза прихильностями із групою, сім'єю, професією. Уся різноманітність традиційних форм зв'язку між людьми виявляється зруйнованою, емоційні контакти обмеженими. Однак у той же час сучасна людина все більше поглинається зв'язками, «породженими промисловістю, у бюрократичних пірамідах. Усі разом вони шукають те, що кожен втратив, тобто спільні емоції та особистісні контакти чи всередині колективу, чи у вуличних рухах, на гігантських музичних концертах, патріотичних або спортивних заходах, що іноді мають насильницький характер; кожен задовольняє цю потребу як може» [4, с. 441–442].

Отже, гроші стали основним універсальним засобом соціальної інтеграції індивідів, без якого західне суспільство вже не здатне зберегтися як системне ціле. Людина західного суспільства фактично втратила потребу в іншій людині як індивідуальності. Замість консолідації людей на основі духовно-психологічної близькості прийшла взаємодія з метою «заробляння грошей». Прагнучи до максимальної ізоляції від оточення, людина цінує тільки гроші і те, що дає володіння ними. Будь-яка діяльність (індивідуальна чи колективна) має сенс у масовій свідомості, тільки тоді, коли дає гроші. Нерідко навіть виникає ілюзія, що більше смислу в тій діяльності, за яку можна отримати більше грошей. Будь-який продукт людської діяльності має цінність лише за умови, коли його можна вигідно продати. У суспільстві, де найвищою цінністю виступають гроші, буквально все перетворюється на засоби, навіть людина.

Ставши еквівалентом всіх життєвих благ, гроші набули здатності викривляти сприйняття людиною реальності. Багата людина сприймається як найкраща, а до бідних довіри немає. «Викривлення і змішування всіх людських і природних якостей, братання неможливостей — ця божественна сила грошей — криється у сутності грошей як відчуженій, такій, що відчужує та відчужується, родовій сутності людини. Вони — відчужена міць людства. Те, чого я, як людина, не взмозі зробити, тобто чого не можуть забезпечити всі мої індивідуальні сутнісні сили, те я можу зробити за допомогою грошей. Таким чином, гроші перетворюють кожен з цих сутнісних сил у щось таке, чим вона не є сама по собі, тобто у свою протилежність» [3, т. 42, с. 149].

Отже, гроші стають загальним викривленням індивідуальностей, адже вони надають їм таких властивостей, які суперечать їх реальним характеристикам, змішують і підміняють всі природні і людські якості. Складається враження, що власник грошей — це той, хто може купити; його сила збільшується із зростанням капіталу. Властивості грошей тлумачаться як властивості і сутнісні сили самої людини, а те, що вона здатна зробити,

залежить не від її індивідуальності. Можна купити собі людей-інтелектуалів і, керуючи ними, вважати себе найрозумнішим.

У сучасному світі гроші стали чинником влади, яка належить невеликим групам, що в умовах інтенсивного розвитку економічних відносин змогли нав'язати масовій свідомості гроші як найвищу цінність.

Отже, об'єктивна абсолютна влада грошей впливає з їх суб'єктивної абсолютної надцінності. Самі по собі гроші – це умовність, символ, абстракція, вони не мають ніякої конкретності, цінності. Вони сприймаються як найвища цінність і дають необмежену владу тим, хто їх має. Влада грошей основана на вірі. Їх сила, по суті, коріниться у ставленні до них людей, які прагнуть їх. Люди присвятили своє життя зароблянню грошей, для багатьох вони сприймаються як єдино істинний бог, що царює в буденному житті і може нагородити страждальців і немічних прямо на грішній землі. Завдяки грошам люди сподіваються жити в раю серед пекла і сьогодні, хоча розуміють, що гроші не обіцяють їм вічного блаженства.

Нажива, що постійно посилюється споживацькими мотивами, цілком поглинає людину, підкорює собі всі думки і вчинки. Устремління до грошей як головної умови безмежного споживання виходить за межі задоволення природної потреби у харчуванні, одязі, житлі, забезпеченні здоров'я, а також духовно-інтелектуального життя. Практично все життя людини перетворюється на нескінченну і безглузду гонитву за надуманою фікцією. Щастя людини і навіть її життя виявляються менш цінними, ніж своєрідний артефакт (гроші), що зведений викривленою свідомістю і засобами масової інформації на вершину абсолютної цінності. У суспільній свідомості гроші сприймаються як головна умова щастя, що за них все продається і купується, що перед цією абсолютною цінністю меркнуть всі моральні норми, людська гідність та чиняться злочини.

В епоху «економічної цивілізації» так звана «масова людина» має навчитися «грати за тими ж правилами». Тому в умовах глобалізації, універсалізації стилів життя важливо узгодити

сформоване у західному світі ставлення до грошей як найвищої цінності з адекватним розумінням їх ролі в самореалізації особистості, з реальними можливостями сучасної вищої освіти у формуванні духовності молодого людини, яка має відповідну до викликів часу монетарну свідомість.

Освіта являє собою духовний феномен. Це не тільки спосіб передачі знань чи інформації та формування практичних навичок, вона є основним засобом соціалізації особистості, навчання, виховання, підготовки до життя. Освіта є поліфункціональною, проте основним її стрижнем виступає духовна сутність. У сучасному суспільстві в умовах постійних соціальних трансформацій освіта набуває особливої значущості, бо покликана забезпечити підготовку суб'єктів соціальної дії до розв'язання глобальних завдань, які стоять перед людством. В умовах трансформаційних змін саме освіта виступає ресурсом підготовки таких спеціалістів, які в контексті нового економічного мислення, адекватного сучасним реаліям, прагматичного оцінювання наявних засобів та можливостей здатні оновлювати, корінним чином перетворювати, реконструювати соціальні об'єкти за новими принципами.

Освіта зумовлює не тільки знання, уміння і навички людини, але і її особистісні якості, світоглядні і поведінкові пріоритети. Гуманітарна освіта і педагогічний процес мають будуватися з урахуванням вимог економічних запитів сучасної людини. І гроші в цих запитах — не свідчення деградації чи якогось зла, а благо. Гроші сьогодні — не лише заробітна платня, а й предмет мрій, реальна можливість досягти своєї мети, розв'язати певні проблеми тощо. Ця можливість стала реальною саме сьогодні, в епоху тотального економізму, і не слід замовчувати ту силу, якої набуває людина за наявності грошей. Сила тепер не просто в знанні, а в знанні, серед іншого, як заробити, добути гроші, капітал, багатство [2].

Ринкова економіка — основний сенс сучасного прогресу, що відсуває звичні духовно-культурні цінності на другий план. Економічний вимір є закономірним породженням розвитку європейського капіталізму, за умов якого розвиток і примно-

ження інтелекту і творчих здібностей молоді стає фундаментальним технологічним принципом виробництва і відтворення соціальних зв'язків, що робить вищу освіту одним із найважливіших способів створення особистості. Саме освітній процес і соціальна робота у ВНЗ сприяють набуттю молоддю людиною такої автономності і неповторності, завдяки яким вона стає здатною звільнитися від безумовності зовнішніх соціокультурних впливів, самостійно проектувати і планувати свою соціальну поведінку, зважено сприймати гроші і як цінність і як засіб самореалізації.

Список літератури

1. Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии / А. Ваджра. — М. : АСТ; Астрель, 2007. — 542 с.
2. Кремень В. Философия образования XXI века : выступление на юбилейной сес. АПН / В. Кремень // Персонал. — № 1. — 2003. — С. 4—12.
3. Маркс К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. — Т. 1.
4. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи. — М., 1998.

Резюме

В статье анализируется роль денег в системе ценностей человека и возможности формирования адекватного монетарного сознания в рамках высшей школы. Деньги не только составляют основу финансово-экономических отношений, но и могут выступать сверхценностью, эквивалентом всех жизненных благ, средством коммуникации, социальной интеграции и власти.

Summary

The article deals with the role of money in the system of human values and the possibility of forming an adequate monetary consciousness within the framework of higher school. Money does not only make a basis of financial and economic relationships, but can be regarded as the highest value, an equivalent of all social goods, means of communication, social integration and power.

УДК 658.016.7

*Е. И. Решетняк, Н. И. Данько***ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ**

Ключевые слова: реструктуризация, финансовый анализ, оценка степени кризиса, санация, ликвидация

Проведение финансового анализа – необходимое условие эффективного функционирования любого предприятия. Ситуации, в которых сталкиваются с необходимостью проведения финансового анализа, разнообразны – поиск партнера по бизнесу, поставщика, необходимость выдачи кредита клиенту, определение перспектив развития собственного бизнеса, принятие решений, поиск новых стратегических и тактических возможностей, определение глубины кризиса. Кроме того, финансовый анализ и на его основе реструктуризация предприятия обосновываются значительным количеством неудавшихся примеров осуществления реструктуризации, когда либо не были получены необходимые результаты, либо реструктуризация вообще была проведена неэффективно.

Целью статьи является усовершенствование методики осуществления финансового анализа как этапа обоснования целесообразности проведения процесса реструктуризации на предприятии.

Предлагаемая методика позволяет комплексно оценить финансовое состояние предприятия на основе расчета интегрального показателя. Расчет интегрального показателя финансового состояния предприятия включает в себя следующие этапы:

1. Определение основных показателей, включаемых в модель.
2. Расчет интегрального показателя и интерпретация.
3. Принятие решения на основе полученного результата.

Рассмотрим подробнее эти этапы. Так, основные показатели, вошедшие в модель, были определены в результате анализа

существующих методик оценки неплатежеспособности и прогнозирования вероятности банкротства предприятий, предложенных известными учеными-экономистами Е. Ф. Бригхемом, В. В. Ковалевым, А. Д. Шереметом, Р. С. Сайфулиным, Е. В. Негашевым, А. И. Гинзбургом, Г. В. Савицкой, В. А. Гриневой, В. А. Каюдой, Т. И. Лепейко, Н. А. Кизимом, В. А. Забродским [2–5] и др. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что авторы моделей и методов отдают предпочтение следующим показателям, характеризующим финансовую устойчивость предприятия: коэффициент покрытия; коэффициент обеспеченности собственными средствами; коэффициент текущей ликвидности; доля оборотных средств в активах; коэффициент абсолютной ликвидности; рентабельность активов; рентабельность активов по нераспределенной прибыли; рентабельность активов по балансовой прибыли; отдача активов.

На втором этапе осуществляется расчет интегрального показателя на основе расчета площади многоугольника, где оценочными прямыми выступают индексы выбранных на первом этапе показателей и аналогичных нормативных показателей по анализируемой отрасли. Площадь многоугольника определяется по формуле:

$$S_p = \frac{1}{2} \sin \varphi \left(\sum_{i=1}^n I_i \cdot I_{i+1} \right),$$

где I_i, I_{i+1} – длина двух смежных оценочных линий, определенная как произведение индекса отношения анализируемого показателя и аналогичного нормативного, рассчитанных на предыдущем этапе, и выбранного масштаба, (например 10 мм) мм; φ – угол между двумя смежными оценочными линиями; n – количество оценочных показателей (в модель включено 9 показателей).

Далее осуществляется интерпретация полученного результата. Интегральный показатель, конкретное число, которое должно характеризовать финансовую устойчивость предприятия. Предприятие считается финансово устойчивым, если

интегральный показатель приблизительно равен или больше единицы. Для обоснования полученных результатов используется метод построения функций принадлежности нечетких чисел, приблизительно равных некоторому числу или интервалу чисел. В данном случае задача сводится к отысканию заранее заданной функции, при решении которой используются результаты экспертного опроса. При построении функции принадлежности чисел, приблизительно равных некоторому числу K , можно использовать функцию $\mu_K(u) = e^{-\alpha(K-u)^2}$, где α зависит от требуемой степени нечеткости $\mu_K(u)$ и определяется из

выражения $\alpha = \frac{4 \ln 0.5}{\beta^2}$, где β – расстояние между точками

перехода $\mu_K(u)$, то есть точками, в которых функция принимает значение 0,5.

Определяются допустимые интервалы, которые характеризуют финансовую устойчивость предприятия (табл. 1).

Таблица 1

**Экспресс-диагностика состояния
(Оценка степени кризиса предприятия)**

Значение интегрального показателя	Степень кризиса	Интерпретация
$> 0,8$	Высокая степень кризиса	Необходимость проведения санационной реструктуризации или ликвидации
$1 \leq 0,8$	Средняя степень кризиса	Необходимость проведения адапционной реструктуризации
≤ 1	Низкая степень кризиса	Необходимость проведения предупредительной реструктуризации

На третьем этапе разрабатываются рекомендации на основании полученных результатов предыдущего этапа. Делаются выводы о степени финансовой устойчивости предприятия.

Таким образом, данный метод имеет значительные преимущества, а именно наглядность представления информации. По форме многоугольника можно оценить, по каким направлениям предприятие не соответствует нормативу; комплексный характер диагностики финансового состояния, позволяющий учитывать большое количество несовместимых показателей; возможность прогнозной оценки кризиса, сравнительной оценки, контроля эффективности функционирования, поддержания ее на необходимом уровне, а также математического моделирования предприятия с заданным набором характеристик и параметров.

Апробация метода была проведена на примере предприятий двигателестроительной отрасли. Объектом анализа данной работы являются ОАО ХЗТД и ОАО «Серп и молот». Двигатели, выпускаемые на этих предприятиях, не пользуются спросом, так как они не отвечают современным требованиям по некоторым важным показателям, характеризующим качество продукции.

В соответствии с рассмотренным ранее алгоритмом по анализируемым предприятиям был осуществлен расчет нормативных и фактических значений финансовых показателей. Полученные результаты представлены в таблице 2.

На основании анализа результатов расчета финансовых показателей деятельности предприятий двигателестроительной отрасли в Украине ОАО «Серп и молот» и ОАО ХЗТД можно сделать вывод, что фактические результаты в целом не соответствуют нормативным и минимально допустимым показателям, которые были рассчитаны для анализируемых предприятий. С целью комплексной оценки полученных единичных финансовых показателей осуществляется расчет интегрального показателя, характеризующего финансовую устойчивость и соответствие нормативным показателям.

На основании отчетных данных о финансово-хозяйственной деятельности предприятий, относящихся к подотрасли двигателестроения, осуществляется расчет отношения фактических

Таблиця 2

**Фактические и нормативные значения показателей,
оценки финансового состояния предприятий двигателестроения
в Украине**

Наименование показателя	ОАО ХЗТД				ОАО «Серп и молот»			
	2003	2004	2005	Норма	2003	2004	2005	Норма
1. Коэффициент текущей ликвидности	0,44	0,97	0,99	1,326	0,83	0,93	0,47	1,11
2. Коэффициент обеспеченности собственными средствами	0,50	0,58	0,63	0,334	0,78	0,79	0,74	0,566
3. Доля оборотных средств в активах	0,09	0,10	0,55	0,635	0,35	0,44	0,54	0,166
4. Рентабельность активов	-0,42	-0,58	-1,08	0,025	-1,11	-1,43	-3,39	0,02
5. Рентабельность собственного капитала	-0,35	-0,44	-0,82	0,075	-0,67	-0,79	-1,04	0,07
6. Отдача активов	0,02	0,06	0,03	0,6	0,12	0,20	0,25	0,5
7. Коэффициент финансовой независимости	1,22	1,58	1,73	1,5	3,63	3,79	2,84	1,1

показателей финансового анализа и нормативных (минимальных) значений, которые определены для анализируемых предприятий. Далее определяется интегральный показатель на основе расчета площади многоугольника по формуле, приведенной ранее.

Результаты представлены графически (рис. 1 и 2).

Значение всех интегральных показателей для ОАО ХЗТД и ОАО «Серп и молот» не превышают 0,8, что характеризует предприятия как находящиеся в условиях глубокого кризиса, то есть требующие проведения санационной реструктуризации или ликвидации.

Таким образом, можно сделать вывод, что: единичные показатели по анализируемым предприятиям за ряд лет не соответствуют нормативным значениям; значения интегральных

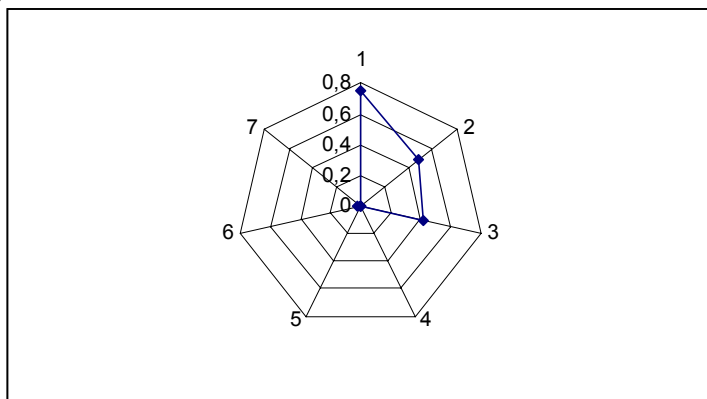

Рис. 1. Графическое представление сравнения фактических показателей финансового состояния ОАО ХЗТД в 2005 году по сравнению с нормативными значениями

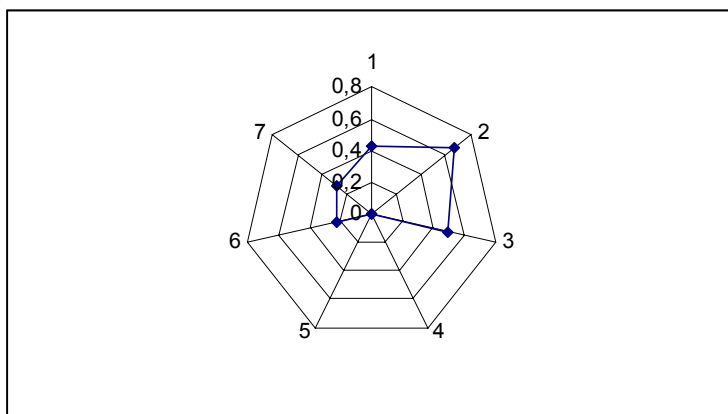

Рис. 2. Графическое представление сравнения фактических показателей финансового состояния ОАО «Серп и молот» в 2005 году по сравнению с нормативными значениями

показателей по ОАО ХЗТД и ОАО «Серп и молот» и их графическое представление свидетельствуют о том, что предприятия находятся в глубоком кризисе; предприятия ОАО ХЗТД и ОАО «Серп и молот» требуют проведения преобразований, направленных на выход предприятий из кризиса или ликвидации предприятия.

Список литературы

1. Борисов А. Н. Принятие решений на основе нечетких моделей : примеры использования / А. Н. Борисов. — М. : Наука, 1987. — 264 с.
2. Кизим М. О. Оцінка і діагностика фінансової стійкості підприємства / М. О. Кизим, В. А. Забродський, В. А. Зінченко. — Х. : ВД «ІНЖЕК», 2003. — 144 с.
3. Ковалев В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В. В. Ковалев. — М. : Финансы и статистика, 2002. — 560 с.
4. Мазур И. И. Реструктуризация предприятий и компаний : спр. пособие / И. И. Мазур, В. Д. Шапиро и др. — М. : Высш. шк., 2000. — 587 с.
5. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учеб. пособие / Г. В. Савицкая. — 2-е изд., испр. и доп.— М. : ИНФРА-М, 2003. — 344 с.

Резюме

У статті наводиться методика оцінки доцільності здійснення реструктуризації на основі експрес-діагностики. Запропонована методика знайшла своє практичне застосування на прикладі обґрунтування доцільності реструктуризації підприємств двигунобудівної галузі в Україні.

Summary

In the article a method of estimation of the expedience of conducting a restructuring is presented on the basis of express diagnostics. The method suggested found a practical application in the case of grounding the expedience of restructuring enterprises of engine – building industry in Ukraine.

УДК 336.743.2(438)

Я. К. Сарновски

ВЫГОДЫ И УГРОЗЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПЕРЕХОДОМ ПОЛЬШИ НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКУЮ ВАЛЮТУ

Ключевые слова: Маастрихтский договор, общая европейская валюта, зона евро, критерия конвергенции, теория Оптимальных валютных зон.

Идея замены национальных валют стран-членов Европейского Союза одной общей валютой появилась уже в самом начале европейской интеграции. Ее сторонники доказывали, что введение единой валюты ускорит экономический рост, позволит ликвидировать затраты по обмену валют, стабилизирует экономику ЕС. В настоящее время евро является общей валютой для 15 стран Европейского Союза с населением почти в 320 миллионов граждан. Появляется вопрос: *должна ли и Польша, являясь членом ЕС, перейти на общую европейскую валюту?*

В соответствии с Маастрихтским договором, все страны-члены ЕС должны в конечном итоге войти в состав валютного союза (исключение составляют Великобритания и Дания, которым удалось включить в договор оговорку, дающую им право выбора). Это означает, что Польша также обязана войти в зону евро, т. е. должна отказаться от своей национальной валюты и перейти на евро¹. Переход на общую валюту может, однако, произойти только после выполнения страной определенных условий, записанных в договоре, учреждающем Европейское сообщество

¹ Зона евро – территория, охватывающее государства-члены, которые согласно Договору приняли евро в качестве общей валюты и в которых действует общая денежная политика, проводимая Европейским центральным банком. В зону евро входит в настоящее время 15 государств: Австрия, Бельгия, Кипр, Финляндия, Франция, Греция, Испания, Голландия, Ирландия, Люксембург, Мальта, Германия, Португалия, Словения и Италия.

(ДЕС) – так называемых условий номинальной конвергенции. В европейском законодательстве не говорится о каких-то конкретных сроках, отведенных на выполнение этих условий.

Номинальные критерии принятия Польши в зону евро.

Принятие данной страны – члена Европейского Союза в зону евро зависит от выполнения установленных в Маастрихтском договоре так называемых номинальных критериев конвергенции (*convergence criteria*). Эти критерии выглядят следующим образом.

- Уровень инфляции не должен превышать более чем на 1,5% средний уровень в трех странах-членах ЕС с наиболее низким уровнем инфляции.

- Долгосрочные процентные ставки (измеряемые на базе 10-летних государственных облигаций) не должны превышать более чем на 2% средний показатель для трех стран с наиболее низким уровнем инфляции.

- Государственный дефицит не должен составлять более 3% от ВВП.

- Государственная задолженность не должна составлять более 60% от ВВП.

- На протяжении по меньшей мере двух лет польская валюта должна участвовать в механизме ERM II. В этот период колебания курса злотого по отношению к евро не должны превышать $\pm 15\%$ центрального паритета, без девальвации этого паритета².

Согласно процедуре расширения зоны евро, Совет ЕС проверяет выполнение страной-кандидатом критериев конвергенции. Совет дает свою оценку на основании предложений Европейской комиссии (ЕК) и отчетов о конвергенции, разработанных ЕК и Европейским центральным банком. Такие отчеты подготавливаются периодически один раз в два года или

² ERM II (Exchange Rate Mechanism II – Европейский механизм регулирования валютных курсов): курсовая система, являющаяся основой сотрудничества в области курсовой политики между странами зоны евро и теми странами-членами ЕС, которые не участвуют в третьем этапе Экономического и валютного союза.

во внеочередном порядке по просьбе государства-члена, желающего вступить в зону евро (согласно статье 121–122 ДЭС). При оценке кандидата Европейская комиссия (ЕК) и Европейский центральный банк (ЕЦБ) кроме номинальных критериев конвергенции учитывают также степень интеграции рынков, состояние платежного баланса и динамику расходов на единицу рабочей силы, а также показатели иных, чем НІСР, индексов цен. ЕК и ЕЦБ оценивают устойчивость результатов, достигнутых в области Маастрихтских критериев и поэтому обращают внимание, в частности, на прогресс в проведении структурных реформ.

Данные таблицы 1 показывают, что Польша в 2007 году выполняла четыре из пяти критериев конвергенции.

В то же время Польша не выполняет пятого критерия – стабилизации валютного курса. Она является единственной страной среди новичков ЕС, которая не определила не только срока принятия евро, но и момента присоединения польской валюты к ЕRM II. Главной причиной такого состояния вещей являются трудности с определением жесткого курса злотого по отношению к евро.

Таблица 1

Выполнение Польшей номинальных критериев конвергенции

Наименование	2005		2006		2007	
	Польша	Норма	Польша	Норма	Польша	Норма
Государственный дефицит	4,5 %	3,0%	3,8 %	3,0%	2,0%	3,0%
Государственный долг	47,1 %	60 %	47,6%	60 %	44,9%	60%
Уровень инфляции	2,2%	2,6%	1,3%	2,8%	2,6%	2,7%
Процентные ставки	5,2	6,0%	5,3%	6,0%	5,5%	6,0%

Как следует из представленных на рис. 1 данных, польская валюта в анализируемый период систематически укреплялась. Кроме того, курс евро и курс доллара США по отношению

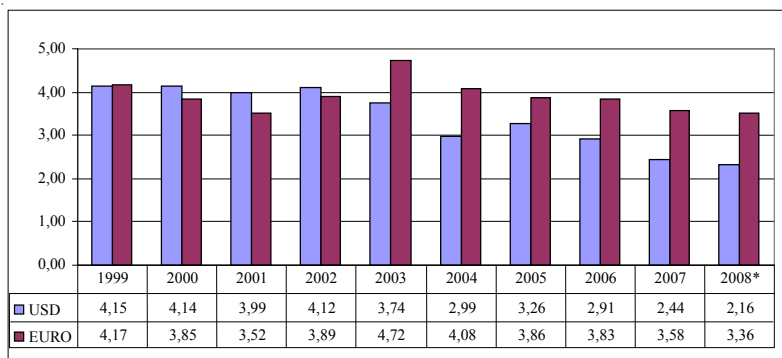

Рис. 1. Курс доллара и евро на конец декабря
(в польских злотых)

к польскому злотому сильно колебался. Например, только с 2003 по 2007 год курс евро находился в пределах от 4,72 зл. до 3,58 зл. В этой связи возникает вопрос: *на каком уровне Национальный польский банк должен установить реальный курс злотого по отношению к евро, чтобы тот отражал состояние польской экономики и благоприятствовал ее развитию в среднесрочный период?* Без серьезного ответа на этот вопрос трудно четко определить не только срок вступления в систему ERM II, но и срок перехода к общей валюте.

Выгоды от принятия общей валюты имеют как краткосрочный, так и долгосрочный характер.

Краткосрочные эффекты. Это те прямые эффекты, которые появятся сразу же после перехода на общую валюту в результате одноразового и устойчивого изменения экономических условий.

Устранение затрат по сделкам, связанным с обменом злотого на евровалюту и *vice versa.* Снижение затрат по сделкам повысит рентабельность предприятий, позволит снизить цены и улучшит условия торговли в масштабе всей общей валютной зоны. Согласно оценкам, прямые финансовые издержки составляют в Польше около 0,14% ВВП [2, с. 15], а косвенные издержки в отношении членов общей валютной зоны составляют около 0,07% ВВП [3, с. 8].

Устранение валютно-курсовых рисков — с момента вступления в валютный союз прекратит свое существование курс обмена золотого на евро, и таким образом исчезнут валютно-курсовые риски. Эти риски связаны с неожиданным изменением курса золотого по отношению к евро, которое может стать причиной снижения стоимости активов или роста наших обязательств. Устранение курсовых рисков улучшит условия ведения хозяйственной деятельности. Уменьшится неуверенность импортеров и экспортеров относительно уровня будущих доходов и издержек. Эффектом ликвидации валютных рисков является также стабилизация цен и улучшение функционирования ценового механизма на рынках инвестиционных и потребительских товаров и услуг. Информация относительно состояния этих рынков станет более прозрачной и позволит принимать оптимальные решения в области распределения средств на различные цели: накопление, потребление, производство и инвестиции.

Снижение процентных ставок — после вступления в зону евро уровень краткосрочных процентных ставок будет определяться решениями не Национального польского банка, а Европейского центрального банка. В результате краткосрочные ставки сравняются со ставками в зоне евро (которые в настоящее время ниже, чем в Польше). Таким образом, более низкой станет цена капитала, в том числе цена кредита, что будет способствовать росту инвестиций, потребления и экономики в целом.

Среднесрочные и долгосрочные эффекты. Прямые эффекты это только часть выгод, которые Польша получит от вступления в зону евро. Вместе с переходом на общую валюту в экономике начнутся многочисленные адаптационные процессы, результаты которых дадут долгосрочный эффект.

Рост товарооборота со странами зоны евро. Устранение валютно-курсовых рисков должно привести к оживлению товарообмена, так как уменьшится неуверенность в уровне будущих доходов и издержек у экспортеров и импортеров. Развитие торговли, в свою очередь, способствует извлечению

выгод, связанных со специализацией и большим масштабом производства (например, возможность увеличения продаж на экспорт) и росту инвестиций, необходимых для увеличения экспортного производственного потенциала.

Приток прямых иностранных инвестиций. Устранение валютно-курсовых рисков и рост макроэкономической стабильности Польши после вступления в валютный союз будут способствовать увеличению притока прямых иностранных инвестиций, вместе с которыми, как правило, приходят современные технологии и открываются новые рынки сбыта. Исследования показывают, что увеличение притока прямых иностранных инвестиций (в такую страну, как Польша) на один процентный пункт по отношению к ВВП, *ceteris paribus*, приведет к тому, что темпы роста ВВП на душу населения будут выше на 0,8% процентного пункта [1, с. 34].

Рост отечественных инвестиций является результатом снижения цены капитала, уменьшения макроэкономического риска и увеличения притока иностранных долгосрочных инвестиций. Согласно оценкам, введение евро в Польше приведет к увеличению среднегодовых темпов роста инвестиций на около 0,5–1,0%.

Рост финансовой интеграции. Более крупный и ликвидный рынок лучше выполняет информационную функцию (оценка финансовых инструментов становится более эффективной, т. е. цена акций более адекватно отражает стоимость фирмы) и дает возможность приобретать капитал по более низкой цене. Это, в свою очередь, способствует повышению эффективности процесса принятия решений, росту инвестиций и ускорению экономического роста. Интеграция финансового рынка увеличивает доступ к различным источникам финансирования, что лучше всего смогут ощутить субъекты, которые ранее по причине, например, короткой истории фирмы и тем самым низкой кредитной способности не имели такого доступа. В свою очередь, очень хорошие фирмы смогут финансировать свою деятельность на лучших условиях.

Более высокая макроэкономическая стабильность. Присоединение Польши к единой валютной зоне является импульсом для проведения реформ и структурных преобразований в таких областях, как политика, право и экономика. Только эти изменения позволят ускорить рост ВВП и увеличить потенциал нашей экономики, делая ее более устойчивой. Вырастет наша надежность в глазах инвесторов, что ограничит угрозу резких колебаний в области передвижении капитала.

Повышение конкурентоспособности и прозрачности рынка. Вступление в зону евро должно увеличить прозрачность цен и заработной платы и обеспечить более быструю циркуляцию информации. В итоге это даст предприятиям возможность принимать более эффективные решения, касающиеся размещения производства, а также сократит ценовую дискриминацию. Кроме того, рост конкуренции, вытекающий из присутствия большого количества предприятий на совместной валютной территории, вызовет нажим на рост эффективности производства, полученный благодаря лучшему размещению капитала и труда, а также более высокой эффективности производственных факторов.

Издержки и угрозы, связанные с принятием общей валюты, можно разделить на кратковременные и долговременные.

Кратковременные издержки [5, с. 12–15]:

- издержки, связанные с ведением новой валюты и изъятием злого из обращения. Необходимы большие средства на «производство» и дистрибуцию евро, а также на изъятие национальной валюты;
- издержки, связанные с изменениями в законодательстве, а также с информационной кампанией, призванной приблизить обществу вопросы экономической интеграции, единой валютной зоны и показать новые возможности, связанные со вступлением в еврозону;
- расходы финансовых институтов, связанные с необходимостью адаптировать их инфраструктуру, в частности, информационные системы и операционные процессы, а также модернизировать оборудование, связанное с обслуживанием потоков

государственных денежных средств (эти технические издержки оцениваются около 0,05–0,1% ВВП);

- издержки, связанные с временным ростом цен вследствие так называемых округлений (как показывает опыт стран зоны евро, замена национальных валют на евро вызвала одноразовый рост цен порядка 0,2–0,3%);

- потери банков, связанные с утратой доходов от обменных операций, от перехода на другую валюту при кредитах, а также от проведения страховых, спекулятивных и арбитражных сделок в валюте;

- издержки на обучение персонала работе с новыми денежными знаками. Эти затраты будут касаться главным образом институтов и предприятий, ведущих международную деятельность.

Среднесрочные и долгосрочные издержки и угрозы:

- издержки, связанные с потерей автономии в области денежной политики. Вступление Польши в зону евро будет связано с передачей на уровень ЕС полномочий в сфере денежной политики. В связи с этим будет утрачена возможность применять валютный курс и процентные ставки как инструменты реагирования в случае появления экономических потрясений, регулирования внутреннего и внешнего равновесия;

- угроза, что общая денежная политика евросистемы не всегда будет соответствовать потребностям Польши. Экономическая политика, оптимальная с точки зрения зоны в целом, не всегда может быть оптимальной с точки зрения отдельных государств. Однако каждая страна, вступая в данную экономическую структуру, должна подчиниться ее принципам. В результате в Польше может увеличиться инфляционный нажим, справиться с которым можно будет только посредством проведения структурных реформ;

- угроза появления *асимметричных шоков* и связанных с ними затрат по стабилизации. С точки зрения функционирования Валютного союза существенное значение имеет то, какой характер имеет шок – симметричный или асимметричный.

Симметричный шок влияет на экономики стран Валютного союза в одинаковом направлении и с похожей силой, что позволяет посредством общей денежной политики добиться его смягчения. Ассиметричный шок оказывает различное влияние на основные макроэкономические категории в разных странах. В случае возникновения такого потрясения экономическая ситуация складывается по-разному в разных регионах Валютного союза, и в связи с этим его нейтрализация посредством использования общей денежной политики затруднена. Весь груз адаптационных процессов несет на себе та страна, которую затронул шок. Таким образом, долговременные издержки вступления данного государства в валютный союз будут тем больше, чем больше будет податливость отечественной экономики на ассиметричные шоки. Для того чтобы минимизировать этот риск, экономика данной страны кроме номинальной конвергенции должна отличаться реальной конвергенцией.

Степень реальной конвергенции. Основным фактором, определяющим масштаб выгоды от участия в зоне евро, является выполнение не только номинальных критериев конвергенции, но и высокая степень конвергенции реальной экономики со странами евросистемы. Маастрихтские критерии сосредоточиваются на достижении номинальной конвергенции, оставляя в стороне вопросы реальной конвергенции и напряжений, связанных с процессом преодоления отсталости развития (*catch-up*). Может оказаться, что единая денежная политика не будет для Польши оптимальной – вместо того, чтобы поддерживать реализацию целей экономической политики, она может вести к дестабилизации экономики. В этой связи следует поставить весьма важный вопрос: *вступить ли в зону евро и если да, то когда?* Иначе говоря – *Как можно оценить, будут ли связанные с этим выгоды больше, чем издержки?*

На этот вопрос отвечает теория Оптимальных валютных зон. В ней прописаны условия, которые нужно выполнить стране, прежде чем решаться на введение общей валюты [6, с. 38]. Их выполнение ограничивает риск появления (или дает инстру-

менты для борьбы с последствиями) так называемого ассиметричного шока. Вот некоторые из этих критериев [9, с. 11]:

- *открытость и взаимная интеграция экономик* государств-членов. Валютный союз состоит в необратимом единстве валютных курсов государств-членов и поэтому наибольшую добавленную стоимость он приносит тем экономикам, которые сильно связаны друг с другом в торговом и инвестиционном плане. Чем более открыты и интегрированы друг с другом экономики, тем больше выгод приносит введение общей валюты;

- *мобильность факторов производства* (капитала и рабочей силы). В случае возникновения ассиметричного шока издержки, связанные с переходом к общей валюте, могут быть ограничены, если факторы производства могут перемещаться из государства, затронутого шоком, в государство, в котором этого шока нет. В зоне евро условие мобильности выполнено в случае капитала, но в довольно малой степени касается рабочей силы. Отсутствие мобильности рабочей силы может быть, однако, частично возмещено эластичностью заработной платы;

- *диверсифицированная структура производства*. В экономике с диверсифицированной структурой менее вероятно появление ассиметричного шока. Наибольший риск его появления имеет место в случае высокоспециализированных экономик;

- *гомогенный характер предпочтений*, означающий, что в момент возникновения шока (симметричного) государства-члены должны проявлять одинаковую решимость в действиях по сохранению стабильности цен. В ином случае внешний шок может встретиться с разными реакциями отдельных экономик и вызвать ассиметричный шок;

- *высокая степень корреляции между циклами конъюнктуры* в отдельных странах валютного союза.

Чем больше этих критериев выполнено, тем легче решиться на отказ от собственной национальной валюты и автономной денежной политики ради выгод, которые несет участие в валютном союзе. *Выполняет ли Польша критерии теории оптимальных валютных зон?* Результаты такого анализа выглядят скорее всего положительно.

Во-первых, экономика Польши является достаточно открытой для того, чтобы участвовать в валютном союзе. Доля торговли с другими государствами ЕС является достаточно высокой для того, чтобы вступление в зону евро было выгодно. В 2006 году экспорт из Польши в страны ЕС составил 77,4% экспорта в целом, а импорт – 71,8% всего импорта [4, с. 8].

Во-вторых, мобильность факторов производства гарантируется договорами. Эластичность рынка труда в Польше значительно выше, чем в зоне евро, – в настоящее время в странах ЕС работает почти два миллиона польских граждан.

В-третьих, Польша располагает довольно дифференцированной экономической структурой, хотя она все еще немного отличается от той, которая существует в Западной Европе [4, с. 10].

В-четвертых, критерий гомогенного характера предпочтений довольно трудно оценить, так как некоторая часть роста заработной платы и инфляции в новых государствах-членах (в том числе в Польше), преодолевающих отсталость в развитии, детерминирована так называемым эффектом Баласса – Самуэльсона.

В-пятых, из анализа данных, представленных в таблице 2, вытекает, что имеется довольно умеренное сходство между конъюнктурными циклами Польши и стран еврозоны. Из представленных восьми лет только четыре характеризуются тем же направлением динамики ВВП. Кроме того, проведенный анализ указывает на отсутствие существенной статистической зависимости между темпами и направлением изменений ВВП в ЕС-12 и в Польше (уровень значимости $p = 0,2113$).

Таблица 2

Темпы и направление изменений ВВП по сравнению с предыдущим годом

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
	<i>Темп роста [в %]</i>							
EUR-12	3,8	1,9	0,9	0,8	2,0	1,4	2,7	2,6
PL	4,2	1,1	1,4	3,8	5,3	3,5	5,8	6,1
	<i>Направление изменений</i>							
EUR-12	+	-	-	-	+	-	+	-
	-	-	+	+	+	-	+	+

Следует отметить, что на полученные результаты могло оказать влияние использование довольно коротких временных промежутков. Динамичная интеграция экономик Польши и Европейского Союза в дальнейшей перспективе, несомненно, приведет к большему циклическому сходимости экономик Польши и ЭВС. Как следует из изложенного выше анализа, несмотря на риск возникновения ассиметричных шоков, в пользу Польши как будущего члена системы евро свидетельствует тот факт, что в принципе она в значительной степени выполняет четыре из пяти приведенных критериев.

Когда Польша и другие страны ЕС перейдут на евро? По мнению председателя Национального польского банка Славомира Скушпека, Польша должна вступить в еврозону тогда, когда это будет для нее наиболее выгодно. Самый ранний возможный срок – это 2012–2013 гг. Планируемые сроки перехода на евро остальными странами: Словакия – 2009 г.; Чехия, Литва, Латвия и Эстония – 2010 г.; Венгрия и Румыния – 2014 г., Болгария и Швеция еще не назвали даты.

Список литературы

1. Baniak A., Cukrowski J., Herczyński J. On Determinants of Foreign Direct Investment In Transition Economie. CEU – Economics Working Papers, 2002. – no 8.
2. Borowski J. Potential Benefits of Poland,s EMU Accession // Focus on Transition. – 2003. – no 1.
3. European Commission: One Market, One Money. An Evaluation of Potential Benefits and Costs of Forming an Economic and Monetary Union // European Economy. – 1990. – no 44.
4. Ocena postępów Polski w zakresie spójności z Unią Europejską. Министерство регионального развития. – Варшава, 2007.
5. Pacześ J. Konsekwencje przystąpienia Polski do strefy euro [w] // Gospodarka w Praktyce i Teorii. – 2006. – Nr 2(19).
6. Paul de Grauwe Economics of Monetary Union. Oxford University Press. – Oxford, 2005.
7. Polska. Program konwergencji, aktualizacja 2007. Министерство финансов. – Варшава : Апрель, 2008.
8. Report from the Commission Convergence. Report 2008. Commission of the European Communities. – Brussels. – May. – 2008.

9. S. Salembier, J. Wtorek Polityczno-ekonomiczne implikacje kalendarza przyjęcia wspólnej waluty euro przez nowe państwa członkowskie Unii Europejskiej. – Warszawa/ Sussex 30.01.2007.

Резюме

У статті розглядаються вигоди та витрати, пов'язані з переходом Польщі на загальну валюту. Завдання ускладнюється тим, що дані прояви є імовірнісними. Можна лише припускати, що такі можливості і такі небезпеки можуть траплятися. Аналіз показує, що потенційні вигоди переважають над витратами цього процесу.

Summary

The article analyses the advantages and threats that Poland faces due to the acceptance of the common Euro currency. This estimation is not simple, because in most situations the effect is merely potential. It can only be assumed that both chances and threats are going to take place in the near future. According to our analysis, the advantages are going to predominate over their costs.

УДК 336.22(438)

Я. К. Сарновски

ИЗМЕНЕНИЯ В НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Ключевые слова: налоговое право, налоговая система, налоговая политика Евросоюза, косвенные налоги, прямые налоги.

На текущем этапе процесса интеграции трудно говорить о единой налоговой системе в Европейском Союзе, поскольку в действительности она состоит из двадцати семи национальных налоговых систем стран-членов, а ЕС в настоящее время не обладает правом облагать налогом.

Отдельные страны-члены ЕС сохраняют за собой право устанавливать и дифференцировать налоги, при условии, что это не ведет к дискриминации импортированных товаров или

к защите конкурентоспособных отечественных продуктов. Однако это не означает, что страны-члены ЕС имеют полную свободу действий в рамках национальной налоговой политики. В настоящий момент существуют разные прямые и косвенные ограничения. Основанием для налоговой политики ЕС являются положения статей 90–93 Трактата, устанавливающего Европейское сообщество (ТВЕ). Основные цели общей налоговой политики ЕС представляют собой:

- гармонизацию уровня налоговых ставок и ликвидацию различий в налоговых системах в области косвенных налогов, которые могли бы плохо повлиять на конкуренцию в пределах внутреннего рынка;
- устранение пробелов, позволяющих уклоняться от налогов и предотвращение двойного налогообложения в области прямых налогов;
- предотвращение вредных последствий налоговой конкуренции.

Однако, независимо от того, функционируют ли на данной территории положения второстепенного права Сообщества, налоговые системы и договоры стран-членов не могут нарушать постановлений Трактата в отношении свободного перемещения рабочей силы, капитала, оказывания услуг, свободы предпринимательства и правила недискриминации.

Гармонизация налогов в Евросоюзе – это процесс сближения налоговых систем стран-членов таким образом, чтобы на перемещение товаров, услуг или элементов производства между этими странами не влияли налоговые аспекты. О гармонизации косвенных налогов, таких как VAT или акциз, упоминается непосредственно в ст. 93 Трактата, устанавливающего Европейское сообщество. Следует также подчеркнуть, что пределы налоговой гармонизации определены сферами, которые имеют большое значение для интеграционных процессов. Процесс гармонизации налоговых правил в Евросоюзе можно разделить на облигаторный, связанный с косвенными налогами, и факультативный, касающийся директив о прямых налогах.

Косвенные налоги. Уже в 99-й статье Римского трактата от 1957 года была сформулирована необходимость гармонизации косвенных налогов, особенно налогов с оборота и акциза. Гармонизация рассматривалась там как существенный элемент построения экономического сообщества после устранения таможенных барьеров. В настоящее время правовой основой гармонизации косвенных налогов в ЕС является статья 93 Трактата Европейского сообщества. Гармонизация основных аспектов применения налога на добавленную стоимость (VAT) и акцизного налога была одним из основных.

Налог на товары и услуги (анг. VAT – *Value Addet Tax*). Необходимость гармонизации национальных систем налога VAT была вызвана, в частности, принятым в 1970 году решением Сообщества об установлении системы собственных ресурсов на нужды финансирования совместного бюджета. Было установлено, что часть поступлений от налога VAT будет одним из источников этих ресурсов. В связи с этим определенный процент, рассчитываемый от гармонизированной (унифицированной) базы налогообложения, передавался в бюджет Сообщества. В настоящее время страны-члены ЕС, в том числе Польша, обязаны уплачивать в бюджет Евросоюза ставку величиной в 1% от базы начисления VAT (стоимость нетто реализуемых товаров и услуг), однако не более 50% валового национального продукта.

В декабре 1991 года Совет принял директиву (91/680/ЕЭС), которая является основой для применения с 1 января 1993 года переходной системы (*transitional*). В рамках этой системы было установлено, что:

- государства-члены должны применять основную ставку не ниже 15% и одну или две пониженные ставки не ниже 5%;
- предприятие, импортирующее товар, должно в своей стране составить декларацию об этом импорте и заплатить вытекающую из этого импорта сумму VAT. Таким образом, остается в силе принцип обложения налогом товара в стране назначения;
- физические лица, делающие покупки во время путешествий по другим странам ЕС, платят в момент покупки налог VAT,

содержащийся в ценах товаров и услуг. Исключением из этого правила является продажа автомашин и продажа по каталогам (*distance sale*).

В настоящее время в Польше действуют две ставки: основная 22% и пониженная 7% [1]. В связи с вступлением Польши в ЕС в польское законодательство были внесены поправки, призванные приблизить его к требованиям директив ЕС. На практике это означало значительное уменьшение количества товаров и услуг, охваченных нулевой или пониженной ставкой налога VAT. В сделках, производимых в рамках Европейского Союза между плательщиками VAT из разных стран-членов, вместо понятия «экспорт» и «импорт» были введены понятия «поставка» и «покупка» внутри Сообщества.

Поставка внутри Сообщества облагается нулевой ставкой VAT при условии удовлетворения следующих условий:

- поставка производилась для субъекта, имеющего статус налогоплательщика VAT в другой стране-члене ЕС;
- в распоряжении поставщика имеются документы, свидетельствующие о том, что товары покинули территорию страны-члена ЕС, где произошла высылка или начало транспортировки.

В случае невыполнения вышеуказанных требований налогоплательщик обязан начислить и уплатить налог на территории страны-члена, из которой производилась поставка, по ставке, действующей на эти товары в этой стране.

Введение обязательной минимальной ставки и льготной ставки, позволило уменьшить имеющиеся ранее большие различия между ставками в разных странах. Средняя ставка налога для всех 25 стран ЕС составляет 19,4% [3, с. 12]. Самые низкие ставки действуют на Кипре, в Люксембурге, Германии и Испании, а самые высокие – в Швеции, Дании и Венгрии. Некоторые страны, как, например, Польша или Венгрия, компенсируют себе довольно низкие налоговые поступления от подоходных налогов, устанавливая высокую ставку налога VAT. Имеет место также обратное явление – высоким подоходным налогам (например, в Германии) сопутствуют низкие ставки VAT.

Отсутствие согласия стран-членов на установление верхней максимальной границы основной ставки VAT привело к тому, что переходная система, которая должна была действовать три года, действует и сейчас. В результате основные ставки VAT в ЕС отличаются довольно сильно, максимальная разница составляет 10 пунктов (в Дании 25%, в Люксембурге 15%)

Акцизный налог. После вступления Польши в ЕС в акцизном налоге произошли значительные изменения. Польша была обязана адаптировать внутренние правила к требованиям, содержащимся в директиве Совета от 1992 года (92/12/ЕЭС). В связи с этим было введено, в частности, новое деление на акцизные изделия — гармонизированные и негармонизированные, приняты новые правила классификации изделий, изменились принципы, касающиеся способа оборота гармонизированными изделиями. Союзные правила требуют, чтобы ставки акциза и их структура для гармонизированных изделий учитывали минимальный уровень, указанный в этих правилах, хотя отдельные страны могут применять более высокие ставки.

Гармонизированная система налогообложения акцизным налогом начала функционировать в Сообществе вместе с учреждением внутреннего рынка 1 января 1993 года. Она была создана — так же как и в случае гармонизации VAT, чтобы создать условия для свободного перемещения товаров между странами-членами, без необходимости проведения пограничного контроля. Система охватила три большие группы продуктов:

- табачные изделия,
- алкогольные напитки,
- минеральные масла.

Минимальные ставки акциза в странах-членах на эти изделия не могут быть ниже ставки ЕС. Налогообложению подлежит как производство этих изделий, так и их импорт в ЕС.

В группе *табачных изделий* отдельные минимальные ставки были установлены по отношению к сигаретам, сигарам и табаку. Например, в случае сигарет налог VAT вместе с акцизом должен составлять не менее 57% цены продажи. В настоящее время

курильщики в Польше платят меньше — только 32–45,5%, что нарушает союзные нормы. Польша получила переходный период до 2008 года, в течение которого она должна установить требуемые показатели налогообложения сигарет.

В случае *алкогольных напитков* принято, что величина акциза зависит от содержания алкоголя в данном напитке. В настоящее время действующие в Польше ставки акцизного налога превышают минимальный уровень союзных ставок.

В случае *минеральных масел* были определены минимальные ставки акциза по отношению к бензину, содержащему свинец, бензину без содержания свинца, моторному маслу, гарному маслу, тяжелому маслу, жидкому газу и метану. Действующие в настоящее время в Польше ставки акцизного налога в случае бензина и гарного масла превышают уровень ставки ЕС. В свою очередь, ставки акциза на моторное масло и газ пропан-бутан, применяемый в качестве моторного топлива, ниже чем указанные в директивах ЕС, в связи с чем они должны постепенно повышаться. Цены на эти продукты будут поэтому расти. Министерство финансов заявило, однако, о том, что период повышения будет растянут на 4–5 лет.

Прямые налоги. В области гармонизации прямых налогов в ЕС пока не удалось достичь такого прогресса, как в случае косвенных налогов. Это вытекало из того, что прямые налоги, не связанные с пограничным контролем, не являлись по существу необходимым условием для установления общего рынка. Однако уже давно ясно, что различие национального налогового законодательства может мешать сотрудничеству между предприятиями из разных стран-членов.

Основой для гармонизации национального законодательства в области прямых налогов является статья 94 Трактата Европейского Союза. Согласно этой статье, Совет получил право выпускать директивы, имеющие целью сблизить те налоговые правила стран-членов, которые имеют непосредственное влияние на функционирование общего рынка.

Подходный налог с физических лиц (англ. *PIT* — *Personal Income*

Tax). В Польше в налоге РІТ имеет место прогрессивная трехступенчатая налоговая ставка: 19%, 30% и 40% [5]. В Европейском Союзе не существует единого налога от доходов физических лиц. Налогообложение личных доходов относится к компетенции стран-членов, однако в некоторых случаях необходима координация действий на уровне Союза, чтобы обеспечить свободы, определенные Трактатом, устанавливающим Европейское сообщество и ликвидировать налоговые барьеры в международной деятельности. Особенно недопустимо применение непосредственной или посредственной дискриминации по национальному признаку, а также никаких необоснованных ограничений четырех свобод внутреннего рынка.

Нормализующие акты Сообщества, которые касаются сферы налогов от личных доходов, — это Директива 2003/48/UE, а также определение Трибунала Справедливости об избежании двойного налогообложения доходов лиц, работающих в рамках так называемого малого пограничного движения между странами ЕС.

Польша, так же как и другие страны-члены ЕС, обязана реализовать Общие директивы экономической политики, содержащие рекомендации Совета для всего Европейского Союза и для отдельных стран по отношению к макроэкономической и структурной политике. В Общих директивах экономической политики от 2007 г. Польше были рекомендованы, между прочим, редукция налогового клина путем, например, снижения взносов в социальный фонд на пенсию по инвалидности и редукция ставок подоходного налога с физических лиц. Таким образом, предполагается позитивное влияние на рынок труда и ограничение радиуса действий серой сферы. В связи с этим Правительство премьеры Туска предусматривает в 2009 г. изменения в РІТ — введение двух новых ставок 18% и 32%, ликвидируя одновременно значительную часть льгот и освобождений.

К общим чертам налогообложения доходов физических лиц в ЕС можно отнести следующее:

- налог касается совокупности доходов налогоплательщика, а не его отдельных частей;

- в большинстве стран-членов налог прогрессивный, в то же время имеются существенные различия в количестве налоговых ступеней;
- в большинстве стран применяется так называемая начальная необлагаемая сумма, которая учитывает минимальную стоимость жизни;
- в большинстве стран существуют различные правила налогообложения для резидентов и нерезидентов.

Во многих странах, также и в Польше, при построении налогов существенную роль играют социальные аспекты. Применяется льготное налогообложение, в частности, начальная необлагаемая сумма, возможность совместного налогообложения супругов, налоговые льготы для семей, воспитывающих детей.

Налог на прибыль с юридических лиц (*англ. CIT – Corporate Income Tax*) в странах-членах имеет различные формы. В большинстве стран ЕС существует корпоративный налог (*Corporation tax*), которым облагаются все общества или только общества, имеющие юридическое лицо. Предприниматели могут также облагаться налогом на выплаты заработной платы (*payroll tax*) – например, в Венгрии или в Австрии. В Польше кроме налога CIT предприниматели платят ряд обязательных платежей, например, в Государственный фонд реабилитации инвалидов, Фонд труда, Фонд гарантированных трудовых пособий или часть взносов работников в фонд социального страхования. В Польше налог CIT действует с 1992 года. В начале 90-х годов ставка налога составляла 40%, но в то же время существовала широкая система льгот и освобождений. С 2004 года действует ставка 19%. Постепенное снижение ставок было продиктовано главным образом стремлением повысить конкурентоспособность польской экономики и привлечь иностранных инвесторов [8].

В ЕС прямые налоги гармонизированы в малой степени. Было унифицировано только понятие прибыли предприятия, подлежащей налогообложению. Прибыль может быть достигнута предприятием в результате: переработки благ, оказания услуг или иметь свой источник в имуществе, капитале или других родах

деятельности. Ставки на прибыль с юридических лиц в Польше ниже, чем в странах Европейского Союза.

В июле 1990 года Совет ЕС утвердил две директивы, призванные ликвидировать преграды налогового характера в международном сотрудничестве предприятий:

- директиву (90/434 ЕЭС) по вопросам совместного налогообложения слияний, разделов, внесения имущества и замены долей в различных странах-членах;
- директиву (90/435 ЕЭС) по вопросам совместного налогообложения материнских фирм и филиалов в различных странах-членах.

В первой директиве было установлено, что слияния, разделы, замены и т. д., касающиеся обществ из стран ЕЭС, не приводят к налоговому обременению ни обществ, ни их владельцев.

Во второй директиве был введен принцип, по которому если доля фирмы-матери, имеющей местонахождение в одной из стран-членов, в капитале филиала, имеющим местонахождение в другой стране-члене, составляет по крайней мере 25%, то прибыль, передаваемая в ее пользу этим филиалом, освобождена от налогообложения. Такое правило позволяет избежать двойного налогообложения этой прибыли.

Налогообложение прибыли от вложений. Свобода перемещения капиталов между странами-членами является одной из основных свобод Европейского Союза. В Польше, в соответствии с законом о подоходном налоге с физических лиц, доходы, полученные в связи с банковскими вкладами, при продаже ценных бумаг или производных финансовых инструментов, а также от продажи или принятия долей/акций в обществах, имеющих юридическое лицо, или взносов в кооперативах, облагаются налогом по ставке 19%.

Между странами ЕС имеются значительные различия в области налогообложения доходов от вложений на финансовых рынках. Они касаются как ставок и налоговых освобождений, так и обязанности финансовых институтов информировать налоговые органы о выплате конкретным лицам сумм доходов.

Все эти различия вели к перемещению сбережений в рамках Сообщества не на базе качества предлагаемых на данном рынке вкладов, а из налоговых соображений. Это создает помехи в свободном перемещении капитала между странами-членами и ограничивает возможность его эффективного помещения. Комиссия несколько раз предлагала ввести во всех странах-членах обязательный налог с вложений величиной не менее 15%. Это должно было бы предохранить от конкуренции между странами ЕС в области привлечения сбережений. К сожалению, в результате протеста некоторых стран (особенно Германии и Люксембурга) проект не был реализован.

Необходимость избежания искажений в перемещении капитала и желание подвергнуть эффективному налогообложению прибыли от сбережений нерезидентов — это основы принятой Советом 3 июня 2003 г. Директивы 2003/48/UE о налогообложении доходов от сбережений в форме выплачиваемых банковских процентов. Директива представляет собой часть так называемого налогового пакета, целью которого является ликвидация правил, вредящих налоговой конкуренции. Граждане Евросоюза могут размещать свои сбережения там, где, по их мнению, это наиболее выгодно. Доходы от сбережений в форме банковских процентов, выплачиваемых в одной стране-члене ЕС лицам, проживающим в другой стране-члене, облагаются налогом в стране-члене по месту проживания получателя банковских процентов и согласно существующим там правилам.

Налоговая конкуренция. Позитивная конкуренция, в свою очередь, это предложение всем субъектам более привлекательных условий для ведения хозяйственной деятельности, чем те, которые существуют в других странах. Такие решения применяются в более бедных странах ЕС (в том числе в Польше). Снижение обложения налогом СИТ в некоторых странах ЕС является бельмом на глазу у Франции или Германии, которые данные действия определяют как налоговый дампинг. Европейская комиссия считает, что позитивная конкуренция может быть эффективным инструментом понижения высокого уровня

налогообложения в ЕС. Относительно большая дифференциация ставок налога на прибыль предприятий в рамках ЕС ведет к своеобразной налоговой конкуренции. Более бедные страны (в том числе также Польша) для привлечения к себе иностранных инвесторов применяют довольно низкие налоговые ставки. В целях противодействия негативным последствиям налоговой конкуренции Совет принял 1 декабря 1997 года так называемый налоговый пакет (*tax package*), в котором кроме вопросов, касающихся налогообложения доходов от депозитов, содержался кодекс хорошего поведения в области налогообложения предприятий (*code of conduct for bussiness taxation*). Этот кодекс имеет, однако, необязательный характер и является списком правил, которые рекомендованы к соблюдению в странах ЕС. Здесь речь идет о выполнении принципов лояльной конкуренции по отношению к налогообложению предприятий, в том числе воздержание от введения (или снижения существующих) налогов, которые могут вредить другим странам-членам [9, с. 365].

Список литературы

1. Закон о налоге на товары и услуги : дзенник устав, 2004. — № 54. — Поз. 535.
2. Мероприятия, направленные на повышение рациональности и прозрачности государственных финансов / Мин-во финансов. — Варшава, 2006. — 11 февр.
3. VAT rate applied in member states of the European Community / European Commission (DOC/2008/2004-EN).
4. Закон об акцизном налоге : дзенник устав, 2004. — № 29. — Поз. 257.
5. Закон о подоходном налоге с физических лиц : дзенник устав, 1991. — № 90. — Поз. 416.
6. Structures of the taxation systems in the European Union / European Commission, 2005. — Edition.
7. Wach K. Systemy podatkowe krajyw Unii Europejskiej / Oficyna Ekonomiczna. — Кракув, 2005. — S. 56.
8. Налог на прибыль с юридических лиц : дзенник устав, 1991. — № 21. — Поз. 86.

9. Kawecka-Wyrzykowska E., Synowiec E. Unia Europejska. T-1 / Instytut Koniunktur i Cen Handlu Zagranicznego. – Warszawa, 2004.

Резюме

У статті розглядаються зміни в податковій системі, які Польща мала внести, вступаючи до Європейського Союзу. Гармонізація у сфері податкового права здебільшого стосувалася змін в урегулюванні непрямих податків – VAT і акцизу й меншою мірою – прибуткових податків.

Summary

The article provides information about the changes in the tax system, that have to be conducted as Poland is joining the European Union. The harmonisation of the tax law will include changes in indirect taxes (VAT and excise). On the other hand, its extent in the area of income taxes is insignificant.

УДК 339.137.2

О. Є. Сомова

АНАЛІЗ РЕЗУЛЬТАТІВ ОЦІНКИ РІВНЯ КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ ПІДПРИЄМСТВ ТА ШЛЯХИ ЇХ ВИКОРИСТАННЯ

Ключові слова: конкурентоспроможність підприємства, чинники конкурентоспроможності, управління за результатами оцінки.

Конкурентоспроможність (КС) підприємства – багатопланова економічна категорія, яку вивчають такі науки, як маркетинг, фінанси, економіка підприємства, менеджмент та інші. Теоретичний і практичний інтерес у вивченні конкурентоспроможності підприємств представляють результати, описані в роботах закордонних і вітчизняних учених: Б. Буркинського, А. Воронкової, В. Диканя, І. Должанського, І. Зулькарнаєва, Ю. Іванова, О. Млотов, В. Павлової, В. Пономаренка, О. Тридіда, Х. Фасхієва, К. Щиборша та інших. Віддаючи належне наявним науковим напрацюванням вітчизняних і зарубіжних учених,

необхідно констатувати, що багато аспектів КС підприємства та її оцінки ще недостатньо вивчено та розроблено. Зокрема, значний інтерес представляє проблема визначення чинників КС підприємств та використання отриманих результатів в управлінській діяльності.

Зважаючи на це, мета цієї роботи – розглянути на прикладі ВАТ «Світло Шахтаря» перелік чинників КС, можливі аналітичні висновки та напрямки їх використання.

Порівняльний аналіз відомих методик оцінки рівня КС підприємств свідчить про те, що одним із найбільш популярних підходів є розрахунок інтегрального коефіцієнта за фінансовими і техніко-економічними показниками. На нашу думку, цей підхід можна удосконалити за рахунок більш широкого використання математичного апарату при визначенні набору чинників, що формують рівень КС підприємства [2], урахування досвіду Світового економічного форуму щодо визначення Індексу КС бізнесу [3] та прийнявши гіпотезу про те, що коефіцієнти рентабельності можуть розглядатися як ключові показники рівня КС підприємства. Детальний опис методики оцінки рівня КС підприємств у короткостроковому періоді представлено в роботі [1].

Зупинимося більш детально на управлінській цінності отриманих результатів та можливостях використання цієї методики оцінки рівня КС в короткостроковому періоді. Для прикладу було проведено розрахунки для ВАТ «Світло Шахтаря» та його конкурентів – групи підприємств гірничошахтного і гірничорудного машинобудування, що виробляють елеватори, конвеєри та підйомники безперервної дії для підземних робіт. У ході оцінки було встановлено, що рівень КС підприємств цієї галузі в короткостроковому періоді може і повинен вимірюватися рентабельністю активів (P_a). Рівняння регресії має такий вигляд:

$$КС_{Pa} = 0,004x_1 + 0,048x_2 - 0,084x_3 + 0,161x_4 - 0,023, \quad (1)$$

де x_1 – оборотність дебіторської заборгованості, x_2 – фондовіддача, x_3 – оновлення основних засобів, x_4 – концентрація власного капіталу.

Представлене рівняння регресії є основою всіх подальших аналітичних висновків. Зокрема, за ним можуть бути визначені чинники КС підприємств галузі. Побудоване рівняння регресії показало, що висока рентабельність активів (відповідно – і висока КС у короткостроковому періоді) досліджуваних підприємств формується за рахунок високої концентрації власного капіталу, низького рівня оновлення основних засобів, високої фондovіддачі і високої оборотності дебіторської заборгованості. Співвідношення цих чотирьох чинників представлено на рис. 1. Названим показникам має приділятися максимальна увага під час розробки програм розвитку і підвищення КС окремих підприємств або галузі в цілому через максимізацію рентабельності активів.

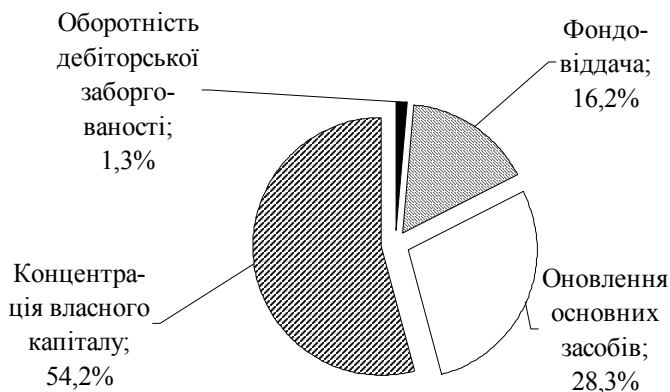

Рис. 1. Структура ключових чинників конкурентоспроможності підприємств – виробників елеваторів, конвеєрів та підйомників безперервної дії та вагомість цих чинників

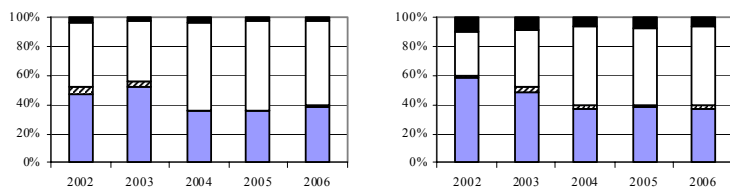
Спираючись на отримані статистичні характеристики чинників, можна стверджувати, що найбільше зусиль має докладатися до нарощування частки власного капіталу в загальній сумі пасивів, враховуючи більш високу, порівняно із загальною

рентабельністю досліджуваних підприємств, вартість кредитних ресурсів. Також важливим є зниження інтенсивності оновлення основних засобів, що можна пояснити зниженням поточної ефективності при оновленні капіталомістких фондів галузі. Необхідність збільшення фондівіддачі можна пов'язати, у першу чергу, з необхідністю нарощування випуску продукції та збільшення рівня використання виробничих потужностей (за оцінками спеціалістів, на сьогоднішній день використовується близько 70% потужностей). Визначений прямий зв'язок між рівнем КС досліджуваних підприємств та оборотністю їх дебіторської заборгованості ще раз підкреслює гостроту проблеми взаєморозрахунків виробників із замовниками (видобувними підприємствами), що постійно відчувають дефіцит обігових коштів і відстрочують платежі.

Тривожним сигналом є той факт, що оновлення основних засобів у галузі зворотно пов'язано із рівнем КС підприємств. На жаль, самостійно перебороти дефіцит обігових коштів і, відповідно, дефіцит коштів для оновлення асортиментного ряду та модернізації виробництва підприємствам на сьогоднішній день не під силу, необхідно втручання держави.

Досліджуючи чинники, що формують певний рівень КС підприємства, слід звертати увагу на їх базову структуру (рис. 1) та на фактичне співвідношення чинників з урахуванням рівня показників по кожному з них. На рис. 2 представлено структуру ключових чинників КС ВАТ «Світло шахтаря» та в середньому по групі його конкурентів.

Розрахунки свідчать, що чинник «Концентрація власного капіталу», на який може припадати не менше 54% відсотків підсумкової оцінки рівня КС, використовується недостатньо: у 2006 р. рівень КС ВАТ «Світло шахтаря» залежав від цього чинника на 38%, середнє значення по групі знаходилося на тому ж рівні. Натомість, чинник «Фондовіддача» формує 58% рівня КС досліджуваного заводу, хоча для збалансованого розвитку на цей показник має припадати тільки 16%.

а) показники ВАТ «Світло шахтаря»

б) середні значення по групі

Рис. 2. Структура ключових чинників конкурентоспроможності ВАТ «Світло шахтаря» та в середньому по групі його конкурентів

Умовні позначення:

■ оборотність дебіторської заборгованості, □ фондовіддача,
 ▨ оновлення основних засобів, ■ концентрація власного капіталу.

Отже, вартісна оцінка рівня КС підприємств у короткостроковому періоді дозволяє визначити чинники, що формують КС підприємств галузі, порівняти складові КС досліджуваного підприємства та його конкурентів, визначити ключові напрямки управлінських дій, у тому числі капіталовкладень, з метою підвищення рівня КС оцінюваного підприємства.

Список літератури

1. Оцінка конкурентоспроможності сучасного промислового підприємства : навч.-практ. посіб. для студ. економ. спец / О. М. Сумець, О. Є. Сомова, Є. Ф. Пеліхов. – К. : Професіонал, 2007. – 208 с.
2. Эконометрика : учебник / Под ред. И. И. Елисеевой. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 344 с.
3. The Global Competitiveness Report 2006–2007 / Michael E. Porter, Klaus Schwab, Augusto Lopez-Claros, Xavier Sala-i-Martin. – Palgrave Macmillan ; New edition (November 14, 2006). – 308 p.

Резюме

В работе представлены результаты оценки уровня конкурентоспособности предприятий в краткосрочном периоде и определения

факторов их конкурентоспособности. Приведены примеры аналитических выводов по полученным результатам оценки, указаны пути их использования в управлении предприятием.

Summary

The results of the estimation of enterprise competitiveness within a short-term period and the definition of its factors have been given in the article. Examples of analytical conclusions on the material of received estimation results have been shown, ways of their application in enterprise management have been suggested.

УДК 65.011.2/.4

А. В. Строчкович

МЕХАНИЗМ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ ОЦЕНОЧНЫХ ИНДИКАТОРОВ

Ключевые слова: индикатор, система сбалансированных показателей, модель стейкхолдер, пирамида результативности

Ни один из видов бизнеса не может существовать без объективного и адекватного определения уровня его конкурентоспособности, стоимости, направлений развития, степени достижения поставленных целей и т. д. В настоящее время имеется ряд систем оценочных индикаторов, позволяющих определить указанные характеристики. Однако присутствует проблема совершенствования системы оценочных индикаторов в связи с необходимостью их адаптации к новым экономическим условиям.

Традиционная система оценки, так называемая система контроллинга, основана на ряде финансовых индикаторов, базирующихся на модели показателей «Рентабельность капитала» (ROI model), которая была предложена Дюпоном в начале XX века [3]. Данная модель финансовых индикаторов является адекватной до тех пор, пока они охватывают большинство бизнес-

процессов по созданию стоимости. Однако капитал все более инвестируется в технологии, в совершенствование характеристик и взаимосвязей, которые не могут быть оценены в традиционной финансовой модели, эта структура становится все менее эффективной. Кроме того, предприятия используют системы оценочных индикаторов не только потому, что они позволяют сфокусироваться на краткосрочных финансовых результатах, но и потому, что идентифицируют стоимость нематериальных активов и конкурентных преимуществ. Также невозможно оценить при помощи финансовых показателей такие характеристики, как узнаваемость бренда, эффективность рекламы, улучшение навыков работы на данном предприятии, качество сервиса, повышение лояльности к торговой марке и т. д.

В дальнейшем традиционная система оценивания, базирующаяся на применении финансовых индикаторов, была усовершенствована за счет анализа не только текущего периода, но и перспективного, а также дополнена анализом процессов обучения и развития предприятия, бизнес-процессов и клиентов. Современные системы оценочных индикаторов – новый инструмент, нацеливающий предприятие на реализацию стратегии долгосрочного успеха. Существующие и в настоящий момент времени системы оценочных индикаторов были предложены еще в начале 90-х годов профессором бизнес-школы при Гарвардском университете (Harvard Business School) Робертом Кэпленом (Robert Kaplan) и американским консультантом по вопросам управления Дэвидом Нортоном (David Norton). Данный метод они назвали системой сбалансированных показателей (Balanced Scorecard, BSC) – ССП (рис. 1).

ССП – это система управления, которая позволяет организации четко сформулировать планы на будущее и стратегию и воплотить их в реальные действия, обеспечивает обратную связь между внутренними бизнес-процессами и внешними показателями, необходимую для повышения стратегической эффективности и достижения результатов [1; 2]. При полном внедрении ССП преобразуют систему стратегического планиро-

вания в реальную деятельность предприятия, позволяющую улучшать его конкурентное положение.

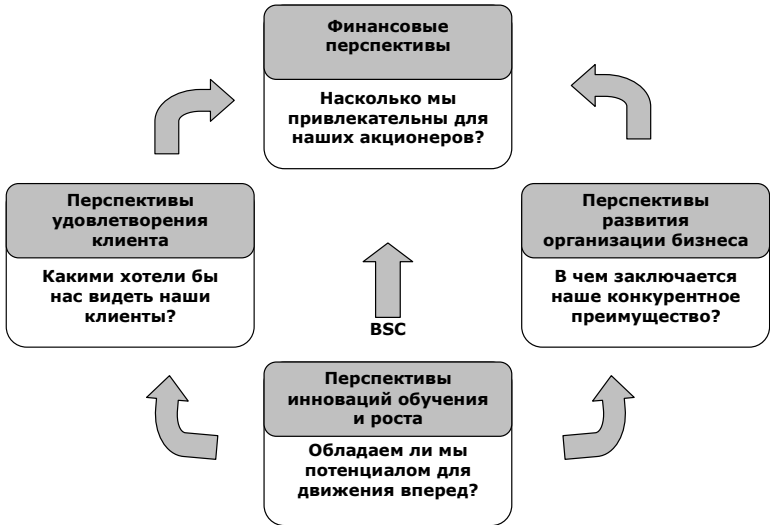

Рис. 1. Сбалансированная система оценочных индикаторов [3]

Однако сбалансированная система показателей, как и любая иная методика, имеет определенные достоинства и недостатки.

Сильными сторонами является возможность решать различные задачи, от стратегического до текущего уровня; в условиях экономики знаний производится оценка не только финансовых показателей, но и других параметров, характеризующих эффективность деятельности предприятия в текущем и перспективном периоде; учитывать интересы сотрудников предприятия, находящихся на различных уровнях иерархии; исследовать состояние предприятия во взаимосвязи с окружающей средой и т. д.

Слабыми сторонами данной методики является необходимость ее существенной адаптации для каждого предприятия, исходя из его отраслевой принадлежности, формы собствен-

ности, объемов деятельности, месторасположения, организационной структуры и многого другого.

Кроме ССП существуют и другие системы оценочных индикаторов, в которых сделана попытка нивелировать недостатки ССП [1, 2]. К ним относятся пирамида результативности Линча и Кросса (рис. 2) и модель «стейкхолдер» (табл. 1).

Рис. 2. Пирамида результативности [3]

Таблица 1

Модель стейкхолдер [3]

Стейкхолдеры	Интересы	Показатели
Акционеры	Доход от инвестиций	Доходность инвестиций
	Рост	Темпы роста объема продаж, рентабельности, доли рынка
Клиенты	Качество	Уровень брака, своевременность выполнения заказа
	Стоимость	Уровень стоимости по сравнению с конкурентами
Персонал	Уровень жизни	Уровень доходов Социальный пакет
	Атмосфера в коллективе	Наличие конфликтов

Пирамида результативности – это подход, позволяющий четко определить цели и описать их характеристики на каждом уровне управления предприятием. С помощью этого инструмента можно обнаружить все взаимосвязи между ключевыми элементами, влияющими на успешность деятельности предприятия, а также определить ответственных за каждый из этих элементов.

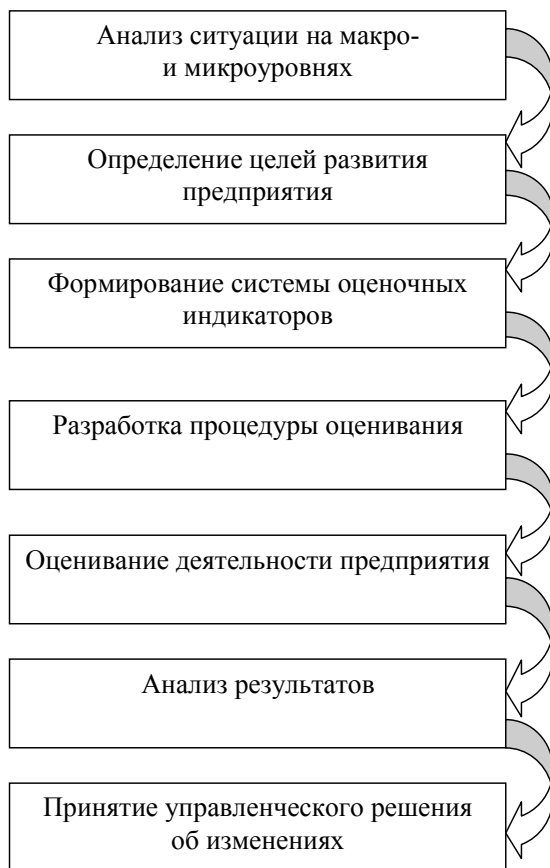

Рис. 3. Механизм внедрения системы оценочных индикаторов

Модель «стейкхолдер» определяет направления создания максимальной добавочной стоимости для каждой группы стейкхолдеров. Изначально определяются потребности каждой группы заинтересованных лиц, затем выбираются индикаторы, которые анализируют уровень достижения целевых показателей, то есть степень удовлетворения потребностей стейкхолдеров.

Таким образом, система оценочных индикаторов для каждого предприятия индивидуальна. Основной причиной является наличие специфических ключевых компетенций, требующих разработки адаптированной системы оценочных показателей. Однако механизм внедрения системы оценочных индикаторов может быть единым для различных предприятий (рис. 3).

К сожалению, процесс внедрения данных методик по расчету оценочных индикаторов на отечественных предприятиях характеризуется невысокой активностью, что негативно влияет на результаты их работы. В перспективе с целью выхода на внешние рынки, привлечения больших объемов инвестиций, разработки более эффективных систем стратегического планирования следует активизировать процесс формирования систем оценочных индикаторов индивидуально для каждого предприятия.

Список литературы

1. Коупленд Т. Стоимость компаний: оценка и управление / Т. Коупленд, Т. Коллер, Дж. Муррин. – М. : Олимп-Бизнес, 2004. – 360 с.
2. Рамперсад Хьюберт К. Индивидуальная сбалансированная система показателей. Путь к личному счастью, гармоничному развитию и росту эффективности организации / Хьюберт К. Рамперсад. – М. : Олимп-Бизнес, 2006. – 360 с.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Management.com.ua.

Резюме

У статті проаналізовано різні методики оцінювання діяльності підприємства, виявлено їх достоїнства й недоліки. Запропоновано механізм впровадження системи оцінних індикаторів.

Summary

Different methods of evaluation of the activity of an enterprise are analysed in the article, their merits and demerits are discussed. A mechanism of introducing a system of evaluating indicators is suggested.

УДК 331.105.22:314

Timurs Umans

**MODELS IN DEMOGRAPHIC DIVERSITY RESEARCH
IN TEAMS: IN SEARCH FOR CULTURAL DIVERSITY
IMPLICATIONS FOR TOP MANAGEMENT TEAMS**

Key words: top management team, diversity, team process, method.

Introduction

Research on demographic diversity in top management teams (TMT) is by no means new. Hambrick and Mason (1984) and Pfeffer (1983) have laid a conceptual ground to the studies exploring TMT demographic differences, team processes and organisational performance. This paper concentrates on the culture as a demographic variable and reviews models and methods used in the research on cultural diversity in top management teams in conjunction with process and organisational and group outcomes.

Before going into discussion on the models and methods used in afore mentioned stream of research one has to note that the use and understanding of the term culture differs based on the “geographical” traditions of use. In the US research based tradition, cultural diversity has been used as a connotation for race (e.g. Cox, Lobel, & McLeod 1991; Katz, Goldston, & Benjamin, 1958; Kirchmeyer, & Cohen, 1992; Larkey, 1996; Ruhe, & Eatman, 1977). At the same time West European research tradition uses culture as a connotation for nationality (e.g. Elron, 1997; Heijltjes, Olie, & Glunk, 2003). The third “tradition” of using cultural diversity as a connotation for ethnicity, has not really emerged yet, especially when it comes to the

studies in TMT (e.g. Umans, 2008). However has its roots in the social identity theory, that argues that culture is being manifested through self-identification as well as identification by others, in other words a Swede by nationality, and mongoloid by race, a person can identify her/himself with Tibetan ethnicity and perceived as being Tibetan by others. For the purpose of the research paper I will use the term *culture* to refer to the variety of connotation in order to present a coherent picture of cultural diversity research in top management teams, however the issue of conceptualisation of culture will reappear in the part dealing with suggestions for future research of this paper.

Having this point clarified, this paper proceeds with the review of the models utilised in the research of culturally diverse top management teams and their influence on the process and outcomes, followed by the discussion of the methods used in the studies, paper concludes with reflections and suggestions for future research.

Literature Review

Three models of TMT demographic research.

The field of TMT studies can be generally divided into three competing models used as a point of departure in the inquiry into demographic diversity in top management teams.

The *demographic composition model (Figure 1:1)* that argues that the demographic composition of TMT will have a direct effect on the organisational outcomes (based on the assumption that demographic composition implies cognitive differences among top managers in the team, which eventually means different ways of processing a certain type of information and as a consequence difference in decision making) And that researchers should avoid team processes (e.g. communication, social cohesion and conflict), which shall remain in the black-box¹ due to the complexity and vast array of these team processes which will be impossible to measure (Pfeffer, 1983).

¹ Here and further in the text black-box refers to team process variables, that are theoretical concepts that researchers leave loosely specified or unmeasured (Lawrence, 1997).

The *intervening model* (Figure 1:2) that postulates that the influence of demographic composition of TMT on the organisational outcomes can be explored through the studies of team process, such as communication, social cohesion and conflict among others, that shall be extracted from the black-box (e.g Smith et al, 1994).

The *moderating model* (Figure 1:3) that suggests that a link between the demographic composition of TMT and the organisational outcomes can only be established through the studies of team process, and moderating variables such as organisational learning and organisational culture.

The graphical illustration of the three aforementioned models is presented in Figure 1.

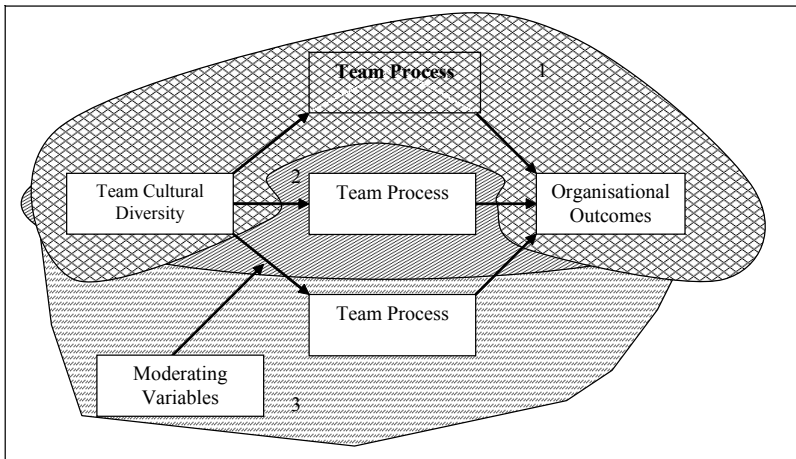

Figure 1. Three models of demographic diversity research

Cultural diversity of TMT has been research within each of aforementioned models studies and their results within each model are being presented.

Cultural Diversity in TMT and Demographic Composition Model.

The demographic composition model has become a citadel for

the cultural diversity studies in team, and proved to be a fruitful one to increase researchers' awareness of cultural issues in teams. Authors within the field have claimed that cultural diversity leads to positive organisational outcomes since more alternatives become available, which in turn creates a wider critical base (Collins & Guetzkow, 1964; Cox, Lobel & McLeod, 1991) leading to innovativeness on the organisational level (Bantel & Jackson, 1989; Hoffman & Hegarty, 1993). Moreover, it is claimed that culturally diverse teams are able to perform better in turbulent environments, where the group member's cultural diversity serves as a drive for flexibility, and receptiveness for environmental changes and turbulences (Wagner, 1995). This also corresponds to Shaw's claim that culturally diverse groups are more effective in complex environments (1981). Several researchers have also examined impact of cultural diversity on group outcomes (e.g. Buller, 1986; McCarrey, 1988; McLeod & Lobel, 1992). It is claimed that cultural diversity in groups and teams leads to higher quality of decisions (McCarrey, 1988) and ideas (McLeod & Lobel, 1992), which stream from variety of viewpoints provided by a difference in cultural backgrounds, which subsequently indicates that culturally diverse groups outperformed homogeneous groups (Buller, 1986; Janis, 1982). Thus, the authors discovering effects of groups cultural diversity and its influence on groups or organisational outcomes have arrived at the conclusion about predominantly positive influences, which goes in line with authors in cultural studies suggesting that culturally diverse teams offer diversity of values (Hofstede, 1984; McCarrey, 1988), and different behavioural styles (Jackofsky, Slocum, & McQuaid, 1988) as well as are believed to be more effective in solving complex problems (Shaw, 1983) which is positively reflected in group's and organisational outcomes.

Majority of the articles that have been written within demographic composition have been mainly advocating the positive effects of cultural diversity in teams, on team and organisational outcomes, however no articles within this stream have been found that would deal with culturally diverse TMT as one of the team forms and organisational outcomes. Yet, suspecting that link through which

demography influences organisational outcomes might be more complex than presented in the demographic composition model, researchers have tried to inquire into processes (e.g. Smith *et al.*, 1994). This inquiry has produced an intervening model – a model within which cultural diversity factor has also been examined among other demographic variables.

Cultural Diversity in TMT and Intervening Model

The intervening model has proved to be even a more fruitful soil for cultural diversity research in groups than the demographic composition model. However with more research fruits raised, the more mixed results have come out. From one side it is claimed that culturally diverse teams offer diversity of values, resulting in effective group discussions which ultimately leads to enhanced group performance (Hofstede, 1984; McCarrey, 1988). Moreover, cultural diversity of groups leads to more cooperative choices (Cox, Lobel, & McLeod 1991) and better performance in respect to homogeneous groups in identifying perspectives of the problems and generating solution alternatives (Watson, Kumar & Michaelsen, 1993). The vows from the other side of the spectrum are, however, louder and supported by more empirical evidence. Researchers that claim negative effects of cultural diversity on the process and outcomes maintain that cultural diversity in teams results in interpersonal problems and communication difficulties (Ruhe & Eatman, 1977; Triandis, 1960), and in misunderstandings and team cohesiveness being under threat (O'Reilly, Cardwell, & Barnett, 1989). Generally many researchers have come to the conclusion that cultural diversity has a negative effect on the process taking place within the team such as communication, (Ruhe & Eatman 1977; Triandis, 1960) and social integration and cohesion (Elron, 1997), as well as results in emotional (Pelled, Eisenhardt, & Xin, 1999) and competitive conflicts (Kirchmeyer & Cohen, 1992). Majority of the researchers, however, has fallen short to make the picture complete by combining cultural diversity, processes and outcomes as done in the intervening model, which these researchers are claiming to work within. Only one article found, written by Elron,

(1997), has addressed the issues of cultural diversity in TMT, processes and organisational outcomes, arriving at the conclusion that cultural diversity negatively affects social cohesion which in turn has negative effects on the organisational outcomes. However later in the article, by black boxing the process variables, Elron (1997), has found a positive relationship between cultural diversity of TMT and performance which indicates that the results of the study can be heavily dependent on the models in use.

There are several reasons as to why the connection between cultural diversity-processes and the outcome is undiscovered or rather unclear. One of the reasons is that serious obstacles such as sample size that fall below conventional levels and the reluctance of organisations to participate in the research, limits the research area (Kirchmeyer & Cohen, 1992). Another reason for the unfinished research within the area is that most studies that have examined behaviour in culturally diverse groups have been done so by studies theoretical in nature (e.g. Anderson, 1983; Cox, Lobel & McLeod, 1991; Katz, Goldston & Benjamin, 1958; Simard & Taylor, 1973) (qtd. Watson *et al.* 1998). Thirdly a problem is also the great difference between the conditions that existed in the studies in different organisational settings. All of the studies devoted to cultural diversity in groups used ad hoc groups that existed only for the duration of the study (Watson *et al.* 1998). As in the studies by Watson, Michaelsen & Sharp (1991) where groups of students in the classroom were the subjects under study. Assumption that the same kind of behaviour can be expected from the members of culturally diverse top management team is more than stretched, and doubtful, due to on average longer duration of top management team working together relative to one semester of studies for students being under the investigation (e.g. Watson *et al.*, 1998; Watson, Kumar, Michaelsen, 1993; Watson, Michaelsen, Sharp, 1991), which can serve as an encouragement to a researcher to conduct studies of cultural diversity in TMTs. Fourthly, the problem persisting in the research and usually silently avoided by the majority of the authors within the area is the conceptualisation and measurements of culture which vary not only from continent to

continent (the US and Europe) but also from researcher to researcher, and which will be discussed further in the paper.

The intervening model that has followed as a logical continuation of the demographic composition model has contributed to and confused the field, breaking the evenness achieved by researchers within the demographic composition model. It has contributed to the field of cultural diversity within groups by attempting to open the black box of process within a team, and indicating positive and negative effects of these cultural differences on the processes, which opposite to some predictions, turned out to be mostly negative. Yet mixed results of how cultural diversity influences the processes and outcomes, have brought uncertainty into the field, by proving that assumptions made in the beginning of “upper-echelon age” might be wrong. So in order to clarify this dilemma as whether the demographic composition or the intervening model is the one that most closely reflects the influences of cultural diversity, the third, a relatively new model, has been introduced. At this point it will be called a moderating model.

Cultural Diversity in TMT and the Moderating Model

The moderating model has been a relatively new model and so far has been observed in four articles by Chatman *et al.*, 1998; Ely & Thomas (2001); Jehn, Northcraft, & Neale, (1999), and Larkey (1996). These articles have argued that moderating variables such as organisational culture and organisational learning mediate the influence of cultural diversity on processes and outcomes in teams. In their article Ely and Thomas(2001) argue that organisational integration and learning that are adopted by the organisation toward its culturally diverse members will result in the ability of the groups within the organisation (including TMTs) to rethink and reconfigure their behaviour towards their differences in life experiences, knowledge, and insights, and to overcome difficulties that will tend to arise in the process of interaction, subsequently arriving at positive group or organisational outcomes. Furthermore, Larkey has stated that organisational culture serves as a base for a build up of common val-

ues, which will overcome cultural values and will make cultural differences work for the benefit of the group and organisation (1996). Both Chatman *et al.*, (1998) and Jehn, Northcraft, & Neale, (1999) strengthen the claims by stating that shared common goals and values, taking root in organisational culture, in culturally diverse groups, lead to more beneficial outcomes. Moreover, the moderating model proposed argues for the importance of study of processes, since processes within the team are acknowledged to be the conductors through which cultural diversity in teams influences organisational outcomes (Larkey, 1996). In her article Larkey attempts to build a theory of communicative interactions in culturally diverse workgroups, and urges other researchers to inquire into other process variables, to explore the blanks between variables such as workgroup demographics and workgroup outcomes (1996).

Thus, the moderating model argues that cultural diversity will positively affect the organisational outcome and the processes only in case the moderating variable – organisational culture is built on the idea of a value-in-cultural diversity, and it also promotes common goals and values among its members, including top managers. This model combines and re-conciliates the two previous models that could not find consensus as to whether a cultural diversity positively or negatively affects the processes and organisational outcomes. It joins the two previous models acknowledging the importance of cultural diversity as being an important demographic variable in group research, as well as it builds upon the assumption that intervening processes shall be studied and extracted from the black-box. It also reconciliates the two models by suggesting that influences of cultural diversity can produce positive organisational and group outcomes, with the processes being extracted from the black box and with added moderating variables such as the organisational culture resulting in shared goals and values. However, the support for the moderating model has been only found in few articles, and the results from these articles cannot be named conclusive, and more development of the theoretical and empirical base is needed to overweight the heavy-weights such as the demographic composition and the intervening

models. It is also important to note that moderating models have put more emphasis onto cultural diversity in TMT than the two previous models and thus there are more points of departure to begin the inquiry into the cultural diversity in TMT and their influence on the organisational outcomes.

Discussion

The articles based on the demographic composition model, where studies of processes have been avoided in favour of a direct relation between TMT cultural diversity and the organisational outcomes, predominantly arrived at the conclusion that cultural diversity will create positive organisational outcomes, most notably innovation (Bantel & Jackson, 1989) and strategic change (Wiersema & Bantel, 1992). The articles within the intervening model, which have been based on solid empirical work and predominantly quantitative methods, have argued that cultural diversity influences organisational outcomes entirely through processes taking place in the team. This particular model has posited that cultural diversity will have a negative effect on processes such as decreased social integration, problems of communication, conflict, and consequently will negatively affect the organisational and team outcomes (O'Bannon & Gupta, 1992). The third moderating model, which has been based on a small number of articles arguing for the use of qualitative methods, has been stating that cultural diversity will positively affect processes within the team, as well as organisational outcomes, however only with strong and 'diversity-promoting' organisational culture, and as a result, shared goals and values.

Though, here it shall be mentioned that the majority of the researchers once active within a demographic composition model, have agreed that the model has been avoiding the study of the process and thus has not been capturing the complexity of an interrelation between the demographic variables, processes taking place in the team and the organisational outcomes, which means that even though the model has been useful in raising the awareness of importance of the upper echelons in organisations and their demographic composition,

researchers shall focus on the models that will allow to capture the complexity of an interrelation in teams. Thus, it is suggested that intervening and moderating models shall be given a higher priority in future research on cultural diversity in TMTs. While the intervening model establishes a developed theoretical base, borrowed or rather influenced by the demographic composition model, that can contribute to our understanding in studying processes, the moderating model will allow us to look beyond the conventionally used intervening model, to uncover even greater complexity of the field, by considering the organisational culture as a variable moderating the relationship between the culturally diversity of the team and the processes taking place within this team.

Moreover, the field of business administration is being dominated by the studies of cultural diversity in teams, however cultural diversity in top management teams are rare. Assuming that cultural diversity has similar effects on the performance in work teams as in TMT is overstretched. First, difference between work teams and TMT is the power possessed by these two units of organisation, and power concentration could have an effect of cultural diversity emergence and functioning. Secondly, TMT have different tasks from majority of the work teams, and the task diversity in conjunction with the cultural diversity could have different influences on the organisational outcomes. Thirdly, TMT could assume to possess larger networks than members of the working teams, which could also have specific effects on both the process and the outcomes.

To conclude: the conceptualisation of cultural diversity in itself could be a reason for models of inquiry created differences. It is proposed that instead of using the static and old fashioned racial and national conceptualisations of culture, researchers shall borrow the term ethnicity from ethnographic studies and combine it with the social identity theory. Both streams would allow constructing a cultural identity on the basis of self-perception and perceptions by others in the TMT. Moreover, the argument that culturally diverse TMT are rare in the US and Europe when it comes to nationality and race

(based on the assumption of homo-social reproduction²), can be dropped due to the opening of new empirical fields where researchers can inquire into, namely Easter European countries as well as countries of the former Soviet Union, where ethnically diverse top management teams have been available.

References

1. Anderson L. R. Management of the mixed-cultural work group // *Organisational Behavior and Human Performance*. – 1983. – № 31. – P. 303–330.
2. Bantel K. A. & Jackson S. E. Top Management and Innovations in Banking: Does the Composition of the Top Team Make a Difference? // *Strategic Management Journal*. – 1989. – № 10. – P. 107–124.
3. Buller P. F. The team building-task performance relation: Some conceptual and methodological refinements // *Group and Organization Studies*. – 1986. – № 10. – P. 147–169.
4. Chatman J. A., Polzer J. T., Barsade S. G. and Neale M. A. Being different yet feeling similar: The influence of demographic composition and organizational culture on work processes and outcomes // *Administrative Science Quarterly*. – 1998. № 43. – P. 749–780.
5. Collins B. E. & Guetzkow H. A social psychology of group processes for decisionmaking. – New York : Wiley, 1964.
6. Cox T. H. Jr., Lobel S. A. & McLeod P. L. Effects of ethnic group cultural differences on cooperative and competitive behavior on a group task // *Academy of Management Journal*. – 1991. – № 34. – P. 827–847.
7. Elron E. 1997. Top Management Teams Within Multinational Corporations: Effects of Cultural Heterogeneity // *Leadership Quarterly*. – № 8(4). – P. 393–412.
8. Ely R. J. & Thomas D. A. Cultural diversity at work: The effects of diversity perspectives on work group processes and outcomes // *Administrative Science Quarterly*. – 2001. – № 46. –P. 229–273.
9. Hambrick D. C. & Mason P. A. 1984. Upper echelons: The organization as a reflection of its top managers // *Academy of Management Review*. – № 9. – P. 193–206.

² A tendency of people to identify with particular groups and then define these groups as in-group and all other groups as out-groups (Kanter, 1977).

10. Heijltjes M., Olie R. & Glunk U. Internationalization of Top management Teams in Europe // *European Management Journal*. – 2003. – № 21. – P. 89–97.

11. Hoffman R. C. & Hegarty W.H. Top Management Influence in Innovations : Effects of Executive Characteristics and Social Culture // *Journal of Management*. – 1993. – № 19. – P. 549–574.

12. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. –Beverly Hills, CA: Sage. – 1984.

13. Jackofsky E. F., Slocum J. V. Jr. & McQuaid S. J. Cultural Values And The CEO: Alluring Companions? // *The Academy of Management Executive*. – 1988. – № 2. – P. 39–50.

14. Janis I. L. Groupthink. – New York : Houghton-Mifflin, 1982.

15. Jehn K. A., Northcraft G. B. & Neale M. A. Why differences make a difference: A field study of diversity, conflict, and performance in workgroups // *Administrative Science Quarterly*. – 1999. – № 44. – P. 741–763.

16. Katz J., Goldston J. & Benjamin L. Behaviour and productivity in biracial workgroups // *Human Relations*. – 1958. – № 11. – P. 123–151.

17. Kirchmeyer C. & Cohen A. Multicultural Groups: Their performance and reactions with constructive conflict // *Group and Organization Management*. – 1992. – № 2. – P. 153–171.

18. Larkey L. K. Toward a Theory of Communicative Interactions in Culturally Diverse Workgroups // *Academy of Management Review*. – 1996. – № 21. – P. 463–491.

19. McCarrey M. Work and personal values for Canadian Anglophones and Francophones // *Canadian Psychology*. – 1988. – № 29. – P. 69–83.

20. McLeod P. & Lobel S. The effects of ethnic diversity on idea generation in small groups. Paper presented at the annual meeting of the Academy of Management, Las Vega. – 1992.

21. O'Reilly C. A. III, Caldwell D. & Barnett W. Work group demography, social integration, and turnover // *Administrative Science Quarterly*. – 1989. – № 34. – P. 21–37.

22. Pfeffer J. Organizational demography // In L. L. Cummings & B. M. Staw (Eds.), *Research in organizational behavior*. – Greenwich, CT : JAI Press, 1983. – Vol. 5. – P. 295–357

23. Pelled L. H., Eisenhardt K. M. & Xin K. R. Exploring the black box: An analysis of work group diversity, conflict, and performance // *Administrative Science Quarterly*. – 1999. – № 44. P. 1–28.

24. Ruhe J. & Eatman J. Effects of racial composition on small work groups // *Small Group Behavior*. – 1977. – № 8. – P. 479–486.

25. Shaw M. E. Group Composition // In H. J. Blumberg, A. P. Hare, V. Kent and M. F. Davies (Eds.), *Small group and social interaction*. – Chichester, England : Wiley. – 1983. – Vol. 1.
26. Simard L. M. & Taylor D. M. The potential for bi-cultural communication in a dyadic situation // *Canadian Journal of Behavioral Science*. – 1973. – № 5. – P. 211–225.
27. Smith K. G., Smith K. A., Olian J. D., Sims H. P. Jr, O'Bannon D. P. & Scully J. A. Top Management team demography and process: The role of social integration and communication // *Administrative Science Quarterly*. – 1994. – № 39. – P. 412–438.
28. Triandis H. C. Cognitive similarity and communication in a dyad // *Human Relations*. – 1960. – № 13. – P. 175–183.
29. Umans T., Collin S-O. & Tagesson T. (forthcoming). Ethnic and Gender Diversity, Process and Performance in Groups of Business Students in Sweden // *Journal of Intercultural Education*.
30. Wagner J. A. III. Studies of individualism-collectivism: Effect in cooperation in groups // *Academy of Management Journal*. – 1995. – № 38. – P. 152–172.
31. Watson W. E., Johnson L., Kumar K. & Critelli J. Process gain and process loss: Comparing interpersonal processes and performance of culturally diverse and non-diverse teams across time // *International Journal of Intercultural Relations*. – 1998. – № 22. – P. 409–430.
32. Watson W. E., Kumar K., & Michaelsen L. K. Cultural diversity's impact on interaction process and performance: Comparing homogeneous and diverse task groups // *Academy of Management Journal*. – 1993. – № 36. – P. 590–602.
33. Watson W. E., Michaelsen L. K. & Sharp W. Member competence, group interaction, and group decision-making: A longitudinal study // *Journal of Applied Psychology*. – 1991. – № 76. – P. 803–809.
34. Wiersema M. F. & Bantel K. A. Top management team demography and corporate strategic change // *Academy of Management Journal*. – 1992. – № 25. – P. 91–121.

Резюме

У статті представлено концептуальні рамки культурної різноманітності в командах топ-менеджменту та її вплив на результати діяльності організації. Автор розглядає моделі, методи й визначення у зазначеній сфері і пропонує програму дослідження.

Summary

The paper presents a conceptual framework of a cultural diversity in top management teams and its influence on the organizational outcomes; reviews models, methods and definitions within the field and suggests a research agenda.

УДК 330.341.2

Э. И. Цыбульская

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
УКРАИНЫ**

Ключевые слова: конкурентоспособность, институты, государство, институциональные технологии, институциональный код.

Статус государства на международной арене обуславливается уровнем конкурентоспособности его экономики. За последние годы экономика Украины характеризуется резким падением рейтинга конкурентоспособности с 57-го в 2000 г. до 73-го в 2007 г., наихудшая ситуация из всех субфакторов конкурентоспособности сложилась по институциональной составляющей. Если по отчету 2005–2006 гг. по этому фактору Украине принадлежало 92-е место [1], то по отчетам 2006–2007 гг. уже 104-е [2], а в 2007–2008 гг. она и вовсе скатилась на 115-ю позицию [3]. Как отмечалось в работе [4], субфактор «институты» принадлежит к группе фундаментальных факторов конкурентоспособности национальной экономики. Действие факторов институционального происхождения приводит к изменению трансакционных расходов, а это, в свою очередь, отражается на изменении уровня конкурентоспособности национальной экономики.

В современной экономической науке группа факторов институционального происхождения, влияющих на уровень конкурентоспособности, определяется как институциональные технологии бизнеса [5, с. 125]. В западных исследованиях

проблема институциональных технологий конкурентоспособности является предметом повышенного внимания. В этих исследованиях западные ученые широко используют понятийный аппарат и методы других наук (социологии, политологии, глобалистики), применяя их к сфере международной конкуренции. Они констатируют, что в условиях современного многополярного международного пространства искусственное исключение институционального фактора существенно обедняет картину международной конкурентоспособности [6, с. 183]. А. М. Бест прямо заявляет: «Концептуальная роль «институциональной матрицы» конкуренции состоит в том, что только с ее помощью можно будет получить ответ на «новую конкуренцию» [7, с. 28]. В отечественной литературе проблема институциональных технологий конкурентоспособности ранее не рассматривалась. В связи с этим сегодня в Украине она очень злободневна и насущна.

Цель нашего исследования – попытаться теоретически осмыслить институциональный код конкурентоспособности Украины.

Задачи исследования:

- исследовать степень и способы вмешательства государства в формирование национальной конкурентоспособности;
- изучить механизм взаимодействия структурной связи «государство – предприятие» с институциональной точки зрения.

С точки зрения экономической теории субъектом институциональных технологий может быть только государство. Именно государство «вырабатывает и формирует» институты регулирования бизнес-среды как своеобразное благо, которое становится объектом купли-продажи со стороны экономических агентов в виде выплаты налогов и прочих платежей. Для национальной экономики государство является единственным монополистом институциональных благ и технологий. Это проявляется в том, что в рамках национальной бизнес-среды институциональные технологии (антимонопольное законода-

тельство, налоговая система, стандарты качества товаров, защита прав потребителей) выступают:

– во-первых, внешними, экзогенными факторами конкурентоспособности. Сами экономические единицы (субъекты предпринимательства) влиять не могут;

– во-вторых, экстернализация расходов, связанных с действием институциональных факторов, и перекладывание их на конкурентов, на природную среду или на государство невозможно.

Но ситуация кардинально изменяется в условиях глобализации мировой экономики. Возникает внешняя экстернализация между государствами, которая глубоко вмонтирована в современный рыночный механизм и в современное мировое хозяйство [8, с. 13]. Использование институциональных технологий и превращение государства в активного участника конкурентной борьбы усиливает субъектный контур международной конкуренции.

В науке сложилась точка зрения, что конкурентоспособность экономической системы формируется за счет «производственного» способа [5, с. 127]. Такое игнорирование институционального фактора в Украине привело к плачевным результатам: страна резко снизила свой рейтинг, и решающую лепту в этот процесс внесла именно институциональная составляющая. Все это заставляет более детально исследовать анализ причин трансформации «производственного» способа формирования конкурентоспособности в «институциональный».

В науке нет единого мнения относительно степени и способов вмешательства государства в механизм формирования конкурентоспособности. Анализ существующих подходов [5–9] позволяет выделить три институциональные модели формирования национальной конкурентоспособности – североамериканскую, западноевропейскую и азиатскую.

Североамериканская (англосаксонская) модель конкурентоспособности отводит государству пассивную роль, которая сводится к дерегулированию и нейтрализации негативных последствий рыночного механизма организации экономи-

ческого развития. Вмешательство государства во «внутренний» механизм формирования конкурентоспособности фирм и корпораций считается нежелательным, но при определенных обстоятельствах необходимым. Как отмечает М. Стрежнева, такой подход базируется на признании доминирующей роли мира вещей, а не идей, и имеет своими корнями прагматическую деятельность общества [9, с. 186]. Англосаксонский вариант «этатизации» конкурентоспособности предполагает, что американская институциональная модель организации экономического развития является оптимальной, и ее как эталон должны воспринимать другие участники мировых хозяйственных отношений. В противном случае США начинают использовать институциональные барьеры для импорта заграничных товаров тех стран, которые отказываются воспринять такую модель взаимоотношений.

Западноевропейская модель «этатизации» конкурентоспособности основывается на восприятии социальных норм как более важных, нежели «эгоистические» национальные интересы отдельных стран. Наивысшим ориентиром в экономической функции государства выступает не рынок сам по себе, а социальный мир и качество жизни, которые достигаются при помощи рынка. Органичной составляющей теории социального рыночного государства является идея справедливого мирового порядка, которая охватывает его политические и экономические аспекты. В экономическом плане настоящий порядок в мировом хозяйстве, по словам В. Репке, возможен только тогда, когда рыночное хозяйство преодолет национальные рамки, выйдет на арену мирового хозяйства, станет рыночным хозяйством в международном масштабе, т. е. международным рыночным хозяйством [10, с. 301].

Заслуживает особого внимания определение международного рыночного хозяйства, которое приводит В. Репке: «Если мы говорим, что рыночное хозяйство в международном масштабе означает мировое хозяйство, то следует понимать тот экономический порядок, который переносит многосторонность

и «взаимозависимость», принципиальную свободу и равноправие, доминирующие в середине народного хозяйства, на международные экономические связи. Это означает, что мировое хозяйство может существовать только в форме действительно международного сообщества рынков, цен и платежей, что одновременно предполагает взаимозависимую, внутренне связанную и многостороннюю систему международных экономических связей с интернациональной валютной системой, с минимумом импортных и экспортных ограничений и в принципе свободным международным движением» [10, с. 392]. Таким образом, по мнению В. Репке «организационный код» международной конкурентоспособности субъектов хозяйственной деятельности определяют свобода (торговли) и порядок (закон сравнительных затрат).

Азиатская модель «этатизации» конкурентоспособности в большей мере акцентирует внимание на эффективных элементах культуры международного бизнеса, под которой понимается отсутствие конфликтов между агентами, взаимное доверие и лояльное поведение. И, несмотря на то что высшей целью государственного вмешательства признаются национальная безопасность, гармония и социальная стабильность, социумы азиатских стран, в отличие от американского общества, не предъявляют своему государству претензии морального порядка, что при определении ответственности делает исполнительную власть в этих странах достаточно автономной.

Обобщение приведенных моделей «этатизации» конкурентоспособности в современных мировых хозяйственных процессах позволяет выявить их общую компоненту. Подходящим является определение сущности этой компоненты украинским экономистом З. А. Луцишиным: «...при всех разговорах о сокращении роли государства на деле в экономике западных стран наблюдаются совсем другие процессы. За последние два десятилетия практически везде доля ВВП, которая перераспределяется через бюджет, остается почти неизменной. Происходит определенное сокращение функций государства из социальной защиты населе-

ния и ощутимая либерализация внешнеэкономической сферы; частично ослаблены возможности влияния на конъюнктуру. Но резко возросло участие государства в повышении конкурентоспособности отечественных предприятий, в развитии (и удешевлении) необходимой для этого инфраструктуры: науки, средств связи, сбора информации; проводится существенная перестройка налоговой системы, поощряя конкурентоспособные предприятия. С 70-х годов усиленно обговариваются (и реализуются) разнообразные варианты промышленной и/или структурной политики. Стремительно возрастает количество норм и стандартов (экологических, технических, санитарных), вводимых государством. Практически во всех западных странах непрерывно ужесточаются ограничения, направленные против иммиграции иностранной рабочей силы» [11, с. 39]. На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на Западе осуществляется не сокращение экономической роли государства, а смена ее хозяйственных функций в сторону более активного участия в борьбе за международную конкурентоспособность.

С мыслью о возрастающей роли государства согласен и российский экономист М. Гельванский: «Стержнем национальной государственной стратегии конкурентоспособности должна стать консолидированная система государства и корпораций, которая будет выступать на внешних рынках как своеобразная корпорация корпораций. Последняя должна создать ядро национальной модели развития экономической системы России в XXI веке» [12, с. 10]. Мысль о консолидации государства и ведущих корпораций страны должна быть положена в основу национальной государственной стратегии конкурентоспособности Украины. Таким образом, институциональная составляющая конкурентоспособности в стратегическом плане выдвигается на первое место среди остальных составляющих.

Анализ процессов, происходящих в мировой экономике, позволяет утверждать, что в начале XXI века в мировом хозяйстве сложилась новая система взаимодействия, в которой международной конкуренции в традиционном смысле (как конку-

ренции фирм и отраслей) не существует. Структурная связь «государство – предприятие» порождает принципиально новый «институциональный код» конкурентоспособности, в котором «видимая рука» государства доминирует над «невидимой рукой» рынка. Наблюдается программно-целевое регулирование экономики со стороны государства.

Суть нового институционального кода конкуренции сводится к «соединению кооперации и конкуренции» [7, с. 234]. Такое соединение порождает «договорную конкуренцию» и «теплые взаимоотношения» между государством и предприятием, а, в конечном счете, – «всепроникающую роль» институционального регулирования конкуренции. Как отмечает М. Бест, «без институциональной поддержки или без «внешней инфраструктуры» предприятия не будут конкурентоспособными на международной арене [7, с. 35].

Влияние институционального фактора на конкурентоспособность связана с созданием благоприятных возможностей для отечественного бизнеса в конкретной среде, с блокированием входа «нежелательных» агентов в национальные экономические системы. Институциональный фактор выступает в качестве «локомотива», помогающего попасть национальным предприятиям в мировой рынок. Институциональный фактор может не только помогать формированию высокой конкурентоспособности, но и, наоборот, тормозить, и даже блокировать этот процесс, как это сейчас наблюдается в Украине. Любая национальная экономическая система имеет свой «институциональный код», во главе со своим «дирижером» (государством). Если рассматривать ее в виде «черного ящика», то она имеет «входы» и «выходы». Первые выступают в форме «требований» по двум критериям: требования со стороны внешних сил и требования к системе со стороны внутреннего социума; вторые – в форме «выходов» из системы (решений и действий «дирижера» системы – правительства). Регулирование входящих требований происходит через «каналы отсева», «посредничества» и «проталкивания» с помощью институтов – формальных и неформальных

ных (ограничений). Роль неформальных институтов регулирования открытости национальных экономических систем выполняют морально-этические принципы конкурентного поведения экономических субъектов. К сожалению, по этому критерию в Украине сложилась тревожная ситуация. По оценке Всемирного экономического форума Украина в 2007–2008 гг. заняла по этичности поведения фирм 128-е место среди 131-го [3]. Это свидетельствует о низком качестве функционирования отечественного институционального механизма. Анализ морально-этических принципов конкурентного поведения фирм позволяет выделить два регистра поведения, определяющих современную «институционально-политическую матрицу» международной конкурентоспособности экономик развитых стран – регистр отношения к «своим» и регистр отношения «к чужим» экономическим агентам. Именно в границах двухзначной логики осуществляется структурирование отношений в международном экономическом пространстве – отношений со «своими» и отношений со всем остальным миром.

«Институциональная матрица» международной конкурентоспособности формируется в результате двойного движения: с одной стороны, к отрицанию интересов и прав других экономических систем, а с другой – к созданию иллюзии уважения к интересам и правам этих систем [13, с. 52]. Иерархический статус субъектов современной мировой экономики исключает открытую непокорность со стороны субъектов «младшего ранга». Украина принадлежит к регистру «других» и «младших», и поэтому она вынуждена находить «золотую серединку» в координатах «двухзначной логики» международных отношений, и это снижает ее конкурентоспособность.

На основе проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

В вопросах повышения международной конкурентоспособности Украины на первое место вышли институциональные факторы, именно из-за них Украина за последние годы резко потеряла свой международный рейтинг конкурентоспособности.

Обобщение трех моделей «этатизации» конкурентоспособности — североамериканской, западноевропейской, азиатской — позволяет выделить среди них общую черту — усиление роли государства в борьбе за мировые позиции на рынке. Украине для улучшения своей конкурентной позиции необходимо усилить экономическую роль государства, переместить акцент в его хозяйственных функциях в сторону активной борьбы за международную конкурентоспособность.

В начале XXI века в мировом хозяйстве сложилась новая система взаимодействия, в которой не существует традиционной международной конкуренции фирм и отраслей. Ключевым моментом выступает взаимосвязь «государство — предприятие», порождающая принципиально новый «институциональный код» национальной конкурентоспособности, в котором «видимая рука» государства доминирует над «невидимой рукой» рынка. Без институциональной поддержки или без «внешней инфраструктуры» предприятия не будут конкурентоспособными на международной арене. Все эти реалии необходимо учитывать Украине при создании институциональных технологий формирования конкурентоспособности.

Список литературы

1. The Global Competitiveness Report 2005–2006/ World Economic Forum [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [http:// www.weforum.org](http://www.weforum.org).
2. The Global Competitiveness Report 2006–2007/ World Economic Forum [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http:// www.weforum.org>.
3. The Global Competitiveness Report 2007–2008/ World Economic Forum [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http:// www.weforum.org>.
4. Цибульська Е. І. Фундаментальні джерела конкурентних переваг національної економіки / Е. І. Цибульська // Конкурентоспроможність та інноваційний розвиток України: проблеми науки та практики : тез. доп. наук.-прак. конф. 23–24 жовт. 2007 р. — Х. : ВД «ІНЖЕК», 2007. — С. 9–11.
5. Піддубна Л. І. Конкурентоспроможність економічних систем: теорія, механізми регулювання та управління : монографія / Л. І. Піддубна. — Х. : ВД «ІНЖЕК», 2007, — 368 с.

6. Лесков Л. В. Постигание непредсказуемого: пространство XXI век / Л. В. Лесков // *Философия хозяйства* : Альм. Центра обществ. наук и эконом. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2001. – № 3. – С. 182–196.
7. Бест М. Новая конкуренция. Институты промышленного развития / М. Бест. – М. : ТЕИС, 2002. – 356 с.
8. Коллонтай В. М. Мировое хозяйство или глобальная экономика? / В. М. Коллонтай // *Философия хозяйства*. – 2002. – № 3. – С. 9–18.
9. Стрежнева М. Международные общества хозяйствующих субъектов / М. Стрежнева // *Pro et Contra (Журн. рос. внутр. и внеш. политики)*. – № 4. – 2003. Т. 7. – С.181–195.
10. Rohrt W. *Civitas humana. Grundlagen der Gesellschaft und Wirtschaftsreform*. – Erlenbach; Zurich, 1946.
11. Луцишин З. О. Глобалізація світу та проблеми економічної безпеки держави / З. О. Луцишин // *Акт. пробл. міжнар. відносин : зб. наук. пр. ; вип. 25*. – К. : Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка ; Ін-т міжнар. відносин, 2000. – С. 34–42.
12. Гельванский М. И. О стратегии повышения конкурентоспособности российской экономики : докл. на расширенных заседаниях комитета Гос. думы по экономической политике и предпринимательству // *Рос. эконом. журн.* / М. И. Гельванский. – 2000. – № 7. – С. 3–10.
13. Хлопин А. Д. Феномен двоемыслия: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) / А. Д. Хлопин // *Обществ. науки и современность*. – 1994. – № 3. – С. 48–56.

Резюме

У статті розглянуто теоретичні питання формування інституціональних технологій конкурентоспроможності, зроблено спробу дослідити інституціональний код конкурентоспроможності України, виконано аналіз моделей та шляхів втручання держави у формування національної конкурентоспроможності.

Summary

Theoretical aspects of institutional technologies of forming a competitiveness are considered in the article. Attempts at analyzing the institutional code of Ukraine, the models and ways of state interventions in the formation of national competitiveness have been made.

УДК 329(479.9)-045

М. В. Чорна

ПОЛІТИЧНІ ІДЕОЛОГІЇ, ПОЛІТИЧНІ ПАРТІЇ ПРО МАЙБУТНЄ УКРАЇНИ

Ключові слова: політичні партії, політичні ідеології, інтегральна ідеологія, політична культура.

Політична ідеологія — це орієнтований на практичну реалізацію комплекс ідей, система поглядів на владу, державний устрій і способи їх регулювання; своєрідна форма інтеграції політичної свідомості на рівні групових, класових, національних і між-національних інтересів.

Політичні ідеології виникли в епоху Просвітництва, коли була висунута ідея прогресу і обґрунтування можливості створення раціонального суспільного порядку на основі певних, сформульованих людьми цілей.

Далі були спроби (вдалі й невдалі) реалізації ідей в історичній практиці, побудувати майбутнє згідно з ідеологією.

Чимало політологів ХХ століття назвали «століттям ідеології», тому що саме у цей час ідеології мали величезний вплив на суспільну свідомість, особливо в тоталітарних державах.

Зміцнення ролі ідеологій, ідеологічної конфронтації між СРСР і країнами Заходу у 40–80-ті роки ХХ ст. викликало зростання інтересу до цієї тематики у сфері суспільствознавства. Вивчення цієї проблеми довело вчених до висновку, згідно з яким ефективність ідеології визначається її відповідністю життєвому досвіду всього населення або її окремої верстви, усталеним традиціям, звичаям, звичкам, довгочасним інтересам і безпосереднім очікуванням. Методологія аналізу, за допомогою якого виявляються інтереси соціальних верств у різних ідеологічних системах, а також ступінь ефективності їх впливу на політичну свідомість, була розроблена на теоретичному і емпіричному рівнях Г. Моска, В. Парето, М. Вебером, С. М. Ліпсетом, Р. Лейном, Г. Алмондом, Дж. Скоттом та ін.

Сучасні автори, убачаючи тенденцію зниження ролі ідеології у XXI ст., відзначають, що сьогоденне послаблення групової ідентифікації та індивідуалізації взаємовідносин людини і держави формує новий тип представництва суспільних інтересів. Місце партійних інститутів починають замінити технотелемедіуми (насамперед електронні ЗМІ), які з простих трансляторів інформації перетворюються сьогодні в єднальні структури між громадськістю і владою [1].

Однак чимало російських політологів не заперечують значення ідеології для сучасної Росії, тому що сьогоденній політичній дійсності потрібні чітка артикуляція альтернатив суспільного розвитку і публічне обговорення відповідних до них цілей та цінностей, що важливо для закріплення демократичних способів взаємодії громадян і влади, для раціоналізації суспільних конфліктів, з метою соціальної терапії [2].

В Україні, як і в Росії, постало питання про інтегральну ідеологію, яка б відіграла роль з'єднуючого чинника новонародженої спільноти в рамках нової держави.

Але чи є підстава думати, що в Україні вже склалися повноцінні політичні ідеології в їх класичному варіанті, чи мають вони вплив на населення України?

Мета цієї статті – показати, що населення України мало цікавиться ідеологіями, а політичні партії слабо їх використовують у своїй електоральній діяльності, що недоцільно вводити «зверху» інтегральну, державну ідеологію – є інші шляхи інтеграції суспільства заради побудови майбутньої України.

Необхідно констатувати той факт, що в Україні ще не склалися соціальні групи зі своїми усталеними оформленими інтересами, які усвідомлюють своє справжнє становище (буржуазія, «середній клас», наймані робітники та ін.). Тому немає і відповідних повноцінних ідеологій, вони недостатньо розвинені на теоретичному рівні, часто сліпо копіюють готові західні зразки, які виникли в зовсім інших історичних умовах і були націлені на розв'язання інших завдань.

А як же існує величезна кількість політичних партій України,

які представляють різноманітну палітру політичних ідей, поглядів, концепцій? Можна виділити головні ідеологічні орієнтації українських партій:

1) ультранационалізм (правий екстремізм, реалізація принципу «Україна для українців») – Українська національна асамблея, Всеукраїнське об'єднання «Свобода» та ін.;

2) націоналізм (домінанта етнонаціональних інтересів над соціально-економічними, розбудова національної держави) – Українська республіканська партія «Собор», Українська консервативна партія, Конгрес українських націоналістів та ін.;

3) ліберальний консерватизм з національною специфікою – так звана націонал-демократія (баланс інтересів нації та особи, запровадження ринкових механізмів, утвердження політичних свобод) – Народний Рух України, Партія «Реформи та порядок», Українська народна партія та ін.;

4) лібералізм (домінанта прав людини, космополітизм); соціал-лібералізм (права особи, її соціальний захист) – Ліберальна партія України, Партія регіонів, Партія промисловців і підприємців України, Народний союз «Наша Україна» та ін.;

5) соціальна демократія (пріоритет прав людини, соціальна справедливість, солідарність, демократія) – Соціал-демократична партія України (об'єднана), Соціалістична партія України, Всеукраїнське об'єднання «Батьківщина» та ін.;

6) марксизм-ленінізм з елементами соціал-демократії (планове господарство, державний патерналізм, зрівнялівка, «інтернаціоналізм») – Комуністична партія України, Комуністична партія України трудящих, Всеукраїнське об'єднання лівих «Справедливість» та ін.;

7) ортодоксальний марксизм-ленінізм тоталітарного екстремістського типу – Прогресивна соціалістична партія, Комуністична партія робітників і селян.

Однак програми партій, які більш докладно трактують стратегічні і тактичні ідеї, не мають великого значення для громадян, оскільки їх знає і вивчає невелика група фахівців – політиків і журналістів. У чистому вигляді ідеології під час виборчих кампаній майже не використовувалися.

Як уважає багато політологів, парламентські вибори 2002 року показали, що лише деякі партії послідовно дотримувалися ідеологічних орієнтацій, пропонували варіанти суспільного розвитку. Наприклад, найбільш ліберальною була програма «Команди озимого покоління», більш-менш соціал-демократичною — програма СДПУ(о), ліві представляли марксизм-ленінізм у дуже модифікованому вигляді. Вибори 2006 року ще яскравіше це продемонстрували.

Треба визнати, що багато українських виборців вибирали не ідеологію і відповідну систему цінностей, модель суспільного розвитку, а окремі гасла, окремих лідерів і т. ін. Виборець звертав увагу на такі питання, як участь України у СНД, взаємовідносини з Росією, сфера поширення української мови, вступ України до Європейського Союзу і НАТО. І при розгляді ставлення політичних партій до цих проблем їх можна поділити на три групи:

1) праві націонал-радикальні партії та правочентристські націонал-демократичні партії: більшість виступає за інтегрування України в європейські структури, вступ до НАТО, за вихід України з СНД, перехід до двосторонніх відносин з Росією;

2) центристські (ліберально-демократичні) партії: виступають за багатовекторність у зовнішній політиці, за повномасштабну інтеграцію в Європейський Союз; Росію розглядають стратегічним партнером України і виступають за тісні добросусідські відносини з нею;

3) соціал-демократичні партії та ліві (соціалістичні і комуністичні) партії: більшість виступає за зміцнення СНД, стратегічне партнерство з Росією, надання російській мові статусу другої державної або офіційної мови, деякі — за створення нового союзу народів Співдружності або за вступ України в міждержавний союз з Білоруссю та Росією.

І ця тенденція простежується на виборах 2002 року. Так, виборчий блок «Наша Україна» (Конгрес українських націоналістів, Народний рух України, Партія «Реформи і порядок», Партія «Солідарність» та ін.), який запропонував населенню України західноєвропейські цінності, західний варіант суспільного розвитку, ідеї «відкритого суспільства», одержав на Заході

України від 34,79% в Хмельницькій області до 74,63% голосів в Івано-Франківській області (на Сході – від менш ніж 4% в Донецькій, Луганській областях до 18,6% – в Сумській області). Тоді як комуністи і соціал-демократи, які запропонували ідеї спільних інтересів України з Росією, єдності слов'янських держав, одержали на Сході від 29,76 + 4,64% в Донецькій області до 39,69 + 9,44% голосів в Луганській області (на Заході – від менш ніж 4% у Львівській і Тернопільській областях до 13,46 + 4,5% голосів в Хмельницькій області) [3].

Показові й результати соціологічного опитування УЦЕПД ім. А. Разумкова, проведеного в лютому 2002 року: 31,6% опитуваних українців вважали пріоритетним напрямом зовнішньої політики України відносини з Росією і майже стільки же – 31,3% – виступають за розвиток відносин з ЄС [4].

Вибори 2006 року підтвердили цю тенденцію. Виборчий блок «Наша Україна» в Хмельницькій області отримав 18,28%, в Івано-Франківській – 45,04% (хоч у нього виник конкурент – БЮТ), а в Донецькій області – 1,4%, Луганській – 2,04% голосів. Партія регіонів, яка пропонувала зміцнення відносин України з Росією, надання російській мові статусу другої державної, отримала на Сході України: в Донецькій області – 73,63%, в Луганській області – 74,27%, а на Заході: у Львівській – 3,01%, Тернопільській – 2,01%, Хмельницькій – 9,97% голосів [5].

Треба мати на увазі, що суперечності між Сходом і Заходом України не мають конфронтаційного характеру, але у наявності відсутність єдності нації у виборі системи цінностей, на основі яких може бути збудоване нове суспільство, сформована політична система. Ця проблема ускладнюється фактичним існуванням двох субетносів, що мають різні орієнтації, які часто офіційна політика просто ігнорує і намагається прискорити процес створення єдиної нації. А форсоване вторгнення чужих впливів і ідей може призвести до розколу етнічного поля, коли буде загублено відчуття компліментарності між субетносами.

Політична культура сучасної України – авторитарна з деякими демократичними і тоталітарними компонентами, маргі-

нальна – складається з субкультур різних соціальних груп, які не інтегровані в єдину соціальну спільність, провінціальна (орієнтована на місцеві, регіональні інтереси). Отже, політична культура українського суспільства має фрагментарний характер, вона поєднує традиційні орієнтації та сучасні орієнтації на західні, ліберальні цінності. Є ще субкультури регіональні, релігійні, національні. Це підтверджує опитування населення України щодо ставлення до нових і старих свят. Єдності у відповідях немає. Великим святом Пасху вважають понад 80% населення (на Заході України – 97%, на Сході – 78,5%, на Півдні – 65,2%). День міжнародної солідарності трудящих 1 Травня планували святкувати у 2002 році 87,5% мешканців на Сході України (з них 40,4% – як велике свято, а 47,1% – як звичайне) і 44,7% – на Заході (тільки 8,1% мешканців західних областей вважають це свято великим). День Перемоги 9 Травня – велике свято на Сході України для 84,4% мешканців, а на Заході – для 27,9% [6].

Який же вихід з такої ситуації?

По-перше, починати треба не із соціальної домовленості, а з національної. Реальна увага до інтересів російськомовного населення, припинення політики прискороеного формування єдиної нації «зверху» на основі титульної нації, політики віддалення від «великодержавної Росії» – це крок до симбіозу (симбіоз – це форма взаємокорисного співіснування етнічних систем в єдиному регіоні, за яким симбіонти зберігають своєрідність [7]). Можливо, в майбутньому це сприятиме природному формуванню нового етносу, етнічної домінанти – системи політичних, ідеологічних або релігійних цінностей, яка створюється у зв'язку з появою будь-якої етнічної цілісності та служить для неї з'єднуючим починанням.

По-друге, створенню політичної домінанти сприятиме реальна політика у сферах економічного, соціального розвитку, поступовий процес становлення соціальних верств населення і формування їх інтересів. А сьогодні ідея соціальної домовленості має вигляд як пропозиція укласти договір між різноманітно

орієнтованими політичними кланами під егідою «Нашої України» і на основі запропонованих цим блоком суспільних цінностей.

По-третє, доки реальні реформи, декларовані правлячою елітою, будуть гальмувати, виборець вибиратиме опозиційні гасла, заклики усе змінити, не розглядаючи суть, як це зробити. Нинішня політична еліта, яка вийшла із номенклатури, завжди відрізнялася догматизмом і консерватизмом, а сьогодні віддає перевагу ліберальним гаслам і сприяє виникненню ідеологічного феномена – консервативного номенклатурного лібералізму, який не має підтримки «знизу».

Отже, суспільству, в якому розрив з комуністичним минулим відбувається дуже болісно і супроводжується зростанням бідності, соціальної нестабільності, політичної апатії населення, дуже важко будувати демократичну політичну систему, що стала для багатьох «при владі» ширмою, яка прикриває боротьбу за розподіл державного майна. І сьогодні громадянське суспільство фактично виключене з діалогу щодо цілей і цінностей майбутнього суспільства, сьогодні «державна ідеологія» створюється «зверху», розраховуючи на економічну і політичну допомогу ззовні. А чи підтримає більшість громадян України такий варіант?

Владі необхідно культивувати національну і соціальну толерантність, затвердження свободи, примат особистих інтересів над громадськими, здатність самостійного розвитку, формувати політичну націю. Проте у випадку авторитарного нав'язування ідеї «західництва» можна чекати активну протидію традиціоналізму. Владі необхідно враховувати національний досвід, історичні і політичні традиції. Модернізація політичної культури, яка б об'єднала суспільство, сприяла б формуванню нової політичної системи – це довгий процес культивування. У цьому процесі мають брати участь держава, політичні партії, церква, бізнес, громадські організації, освіта. І починати треба з молоді, якій необхідні ціннісні орієнтації, бо молоді люди будуватимуть майбутнє України.

І останнє. Як підкреслює М. Михальченко, дискусія прибічників концепцій «деідеологізації» і «реідеологізації» в Україні,

як у 1970–1980-ті роки в Західній Європі та США, закінчилася нічим. Ідеології спокійно існують, ідеології працюють, політики використовують старі й нові ідеологічні конструкції як інструмент суспільних консервацій або інновацій. Одних в ідеологіях влаштовує, що вони є механізмом саморозвитку політики і свідомої перебудови суспільства, інших – як інструмент маніпулювання свідомістю, третіх – і перше, і друге [8]. Сьогоднішні політичні сили України, на наш погляд, свідомо використовують своєрідний характер розколотої політичної свідомості громадян, розпалюючи, збільшуючи регіональну конфронтацію. Хоча проблема вибору – з ким спілкуватися, єднатися, тісно взаємодіяти – це проблема майбутнього країни, тієї моделі життя, яку ми можемо створити.

Список літератури

1. Соловьев А. И. Политическая идеология : логика исторической эволюции / А. И. Соловьев // Полис. – 2001. – № 2. – С. 16.
2. Маменова О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? / О. Ю. Маменова // Полис. – 2001. – № 5. – С. 97–106; Гуторов В. А. Современная российская идеология как система и политическая реальность (метод. аспекты) / В. А. Гуторов // Полис. – 2001. – № 3. – С. 72–82.
3. Зеркало недели. – 2002. – 6 апр.
4. Василенко Я. Тупик, в который нас зовут / Я. Василенко // Зеркало недели. – 2002. – 20 апр.
5. Рудакевич О. М. Політологія : лекції, семінари, самостійна робота / О. М. Рудакевич. – Тернопіль, 2007. – С. 286.
6. Зеркало недели. – 2002. – 27 апр.
7. Гумилев Л. Н. Этносфера : история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М., 1993. – С. 517.
8. Михальченко М. Україна як нова історична реальність : запасний гравець Європи / М. Михальченко. – Дрогобич ; Київ, 2004. – С. 228.

Резюме

В статті розкриваються реальні ідеологічні, ціннісні орієнтації основних політичних партій України та їх вплив на рядових громадян. Аналізується проблема створення інтегральної

идеологии и предлагаются другие пути интеграции общества во имя построения будущего Украины.

Summary

The article reveals the real ideological orientations of the principal political parties in Ukraine and their influence upon ordinary citizens. The problem of creating an integral ideology is analyzed and other ways of society integration are suggested.

УДК 330.131.5

Р. И. Чернолясов

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ» В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: эффективность, экономическая система, синергетика, эволюционная теория, классическая теория максимальной эффективности, адаптивная эффективность, экономическое равновесие.

Современная структура рыночных отношений, сложившаяся в мире, может быть представлена в виде совокупности экономических систем различных уровней. Являясь по своей сути объединением человеческих усилий, финансовых и производственных ресурсов, экономическая система представляет собой социальную среду определенного уровня сложности.

На макроэкономическом уровне в качестве экономической системы может быть рассмотрена структура рыночных отношений отдельного государства, на микроэкономическом – фирма или производственное предприятие.

Любая экономическая система характеризуется некоторой степенью открытости, то есть связью с внешней средой. Данная открытость предполагает наличие комплекса взаимосвязей между экономическими системами разных уровней.

Основная внутренняя цель общественного развития – увеличение емкости среды обитания человека при сокращении затрат его энергии [1, с. 75] – является миссией функционирования мировой экономической системы в целом, также находит свое отражение в деятельности экономических систем более низкого порядка.

Функционирование экономической системы напрямую или косвенно связано с достижением различных видов эффектов: экологических, социальных, экономических. Данные эффекты могут проявляться в виде основных или сопутствующих результатов ее функционирования. В наиболее общем виде под эффектом (от лат. «effectus» – исполнение, действие) понимается разность между результатами активности системы и затратами, понесенными на ее осуществление [2]. Взаимосвязь элементов экономической системы может быть представлена следующим образом (рис. 1).

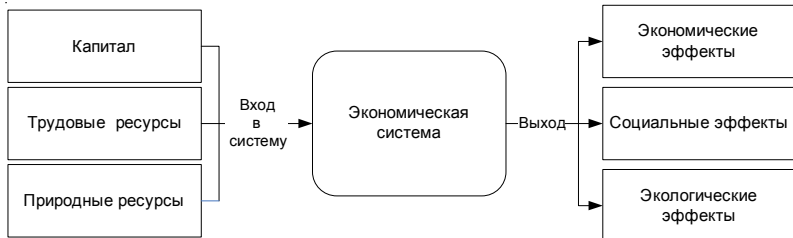

Рис. 1. Модель открытой экономической системы

Таким образом, экономическая система – это комплексная многоуровневая структура, которая характеризуется совокупностью основных производственных элементов (трудовые, природные и финансовые ресурсы) и взаимосвязей между ними, определенной степенью системной упорядоченности данных элементов и некоторым уровнем открытости; функционирующая в установленной технологической и институциональной среде для достижения закрепленной миссии и целей.

Экономическая активность, которая представляет собой процессы авансирования капитала (в виде различных видов ресурсов) и оценки данных вложений, характерна для экономических систем всех уровней.

Если деятельность экономической системы направлена на производство товаров, то принято говорить о формировании добавочной стоимости продукта внутри этой системы. В случае же предоставления услуг, экономическая система рассматривается как среда, в которой, по определению, М. Портера, формируется цепочка добавленного качества [3, с. 42].

Процессы формирования добавочной стоимости продуктов и добавленного качества в виде услуг являются основой проявления экономических эффектов функционирования фирмы или производственного предприятия как экономической системы.

Примерами социальных эффектов могут выступать формирование дополнительных рабочих мест внутри и за пределами системы, повышение общего уровня жизни, рост уровня доверия в обществе; в качестве экологических эффектов могут быть рассмотрены рационализация использования того или иного вида природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, другие последствия экологического характера.

Немаловажным аспектом функционирования экономической системы любого порядка является необходимость оценки эффективности предпринимаемых действий и результативности ее деятельности в целом. Категория эффективности является одним из основных понятий современной экономической науки и аккумулирует в себе широкий спектр теоретических и смысловых конструкций: результативность объединения и функционирования производственных элементов, степень достижения поставленных целей и задач, совокупность соответствующих показателей и определенное состояние всей системы в целом. Содержание термина «эффективность» постоянно изменяется и дополняется параллельно с развитием средств производства, технологическим и социальным прогрессом.

Перечисленные выше виды эффектов являются лишь составными частями этой комплексной теоретической конструкции, которая не имеет единого определения и четко выработанной структуры. Содержание понятия эффективности различно в рамках существующих экономических концепций.

В данной статье будут рассмотрены особенности трактовки категории «эффективность» в рамках трех различных теоретических концепций: классической теории максимальной эффективности, эволюционной теории и межнаучной теории самоорганизации (синергетики).

Так как любая система стремится к максимизации собственной целевой функции, она пытается достичь текущего равновесного состояния [1, с. 7]. Согласно этой точке зрения, стремление к максимальной текущей эффективности заложено в виде основной цели деятельности любой экономической системы.

Теоретическая концепция, рассматривающая равновесие экономической системы как эквивалент достижения максимального уровня ее текущей эффективности, получила название классической теории максимальной эффективности. В соответствии с данной теорией, содержание категории эффективности сводится к понятию равновесия, а проблемы повышения эффективности функционирования экономической системы — к поиску условий перехода всех ее элементов в равновесное состояние [4, с. 555].

В соответствии с концепцией общего экономического равновесия, сформулированной Л. Вальрасом, максимальное значение текущей эффективности означает такое состояние всех элементов системы, при котором показатели ее функционирования достигают своего оптимума, то есть находятся в состоянии равновесия.

Из теории максимальной эффективности следует, что развитие экономических систем связано с чередованием равновесного и неравновесного состояний. Жизненный цикл любой экономической системы рассматривается как очередность переходов от одной точки состояния равновесия до следующей, которая учи-

тывает структурные изменения в функционировании элементов системы.

Позднее В. Парето доказал положение о тождественности условий максимальной эффективности в экономике условиям достижения общего равновесия — любые действия, направленные на достижение равновесия элементов системы, одновременно ведут к повышению текущей эффективности ее функционирования, и наоборот.

Вклад в развитие идей Л. Вальраса и В. Парето был внесен такими учеными, как А. Вальд, Дж. Фон Нейман, Дж. Хикс, К. Эрроу.

Первым аспектом теории максимальной эффективности, который подвергся критике и переработке в теории эволюционной экономики, стал указанный выше статический характер развития экономических систем от одного состояния равновесия к следующему.

Эволюционная теория развития экономики рассматривает любую экономическую систему как постоянно развивающийся и эволюционирующий организм. Все экономические процессы являются изначально неравновесными: случайными, открытыми и необратимыми. В соответствии со спонтанно изменяющейся внешней средой экономические системы пытаются выработать решения, которые принесут хотя бы удовлетворительные, а не максимальные результаты с точки зрения эффективности текущей и будущей деятельности. А. Алчиан интерпретирует понятие эффективности с точки зрения эволюционных процессов отбора (рыночной конкуренции) и выживаемости. Эффективность экономической системы связана с наличием возможностей подстраиваться под изменения внешней среды и приспособливаться к динамически развивающимся социально-экономическим процессам.

Теория эволюционной экономики показала, что внешняя среда является изначально неравновесной и изменчивой. Более того, циклические изменения неравновесных состояний являются основой развития экономики в целом, и эффективность

любой экономической системы проявляется не в степени достижения равновесного состояния, а в способности оптимального распределения собственных возможностей в условиях постоянных изменений социально-экономической среды.

Невозможность абсолютного понимания и полного изучения процессов, происходящих внутри как экономических, так и социальных, биологических и химических систем, привела к возникновению межнаучной теории самоорганизации.

Теория самоорганизации, или синергетика [5], как синтетическое направление, возникшее на стыке множества наук, исходит из предпосылок невозможности формулировки четких целей развития систем, нелинейной динамики их функционирования и эволюции.

Предметом изучения синергетики как науки являются принципы возникновения, построения, развития и самоусложнения различных видов систем. Теория самоорганизации пытается определить законы возникновения упорядоченности элементов внутри систем, закономерности их развития и внутренние свойства. С помощью нелинейных математических моделей предпринимаются попытки выработать наиболее общие подходы, применимые ко многим системам различных видов, которые рассматриваются в качестве сложных самоорганизующихся образований.

Состояние равновесия и максимальной текущей эффективности являются лишь одним из этапов развития системы на пути к выработке определенного типа внутренней структурной упорядоченности: «Согласно этой теории любая система стремится к самоорганизации и упорядоченности своей внутренней структуры в один из устойчивых типов, и состояние общего равновесия может представлять лишь один из возможных частных случаев такой упорядоченности. С конкретным характером упорядоченности, как показывают исследования, здесь и следует соотнести содержание категории эффективности» [6, с. 559].

Синергетика является одной из самых молодых наук современности. Сегодня большая часть усилий ее представителей

сосредоточена на выработке методологической базы, которая позволила бы проводить дальнейшую исследовательскую разработку предмета изучения данного межотраслевого научного направления.

Исходя из рассмотренных теоретических концепций, можно сделать следующие выводы.

Любая экономическая система характеризуется определенной текущей эффективностью, которая отражает уровень рациональности использования потребляемых ею ресурсов, результативность функционирования и степень достижения выбранных и закрепленных институциональных целей.

Кроме того, экономическая система обладает так называемым адаптивным потенциалом — способностью подстраиваться под изменения окружающей среды, менять и преобразовывать собственные структурные элементы и функции в соответствии с новыми условиями функционирования. Под изменениями могут пониматься, к примеру, эволюция рыночной конъюнктуры, развитие институционального пространства, технологический и социальный прогресс.

Необходимость постоянного развития, внедрения новаций различных видов является одним из необходимых условий выживания системы в условиях конкурентной рыночной среды. Именно с постоянной адаптацией связано повышение эффективности использования ресурсов общего пользования за счет применения новых технологий; рост синергического эффекта функционирования элементов системы при постоянном отслеживании инноваций в сфере управления и их своевременном внедрении.

Степень результативности внедрения инноваций, скорость их внедрения и быстрота выработки необходимых в новых условиях функциональных элементов отражает уровень так называемой адаптивной эффективности данной системы. По сути, адаптивная эффективность — это соотношение результатов внедрения в систему какого-либо вида инноваций и затрат, связанных с данной адаптацией.

Основной проблемный момент состоит в том, что указанный дуализм развития является априори взаимоисключающим. Само наличие адаптивного потенциала предполагает присутствие определенного уровня хаоса в структуре самой системы, то есть разупорядоченности элементов и функций, которая снижает степень равновесия и, соответственно, – текущей эффективности системы. Нарастивание данного адаптационного элемента может привести к хаотическому дисбалансу системы и ее энтропии.

В то же время наблюдается практически аналогичная ситуация при попытках максимизации текущей эффективности функционирования экономической системы: в момент достижения максимального уровня текущей эффективности система утрачивает эволюционный потенциал, и уровень ее адаптивной эффективности стремится к нулю. Все ее структурные элементы и функции выстраиваются в соответствии с текущими условиями функционирования и, как следствие, необходимость внедрения какой-либо инновации влечет за собой потребность в фундаментальных структурных изменениях, для реализации которых требуется максимально возможный объем затрат.

Поэтому основой долгосрочной эффективности деятельности любой экономической системы является не стремление к достижению равновесия, а необходимость сбалансированного развития как текущего, так и адаптивного потенциала. Соотношение между уровнем системной упорядоченности, направленной на повышение текущей эффективности, и степенью дезорганизованности ее отдельных подсистем как задела для сохранения возможности дальнейшего развития и эволюции, зависит от специфических условий функционирования самой системы.

Список литературы

1. Яременко О. Л. Равновесие в экономической системе переходного типа: предпосылки, механизмы, управление / О. Л. Яременко, Е. М. Воробьев, Е. А. Довгаль и др. – Х. : Изд-во ХГУ «НУА», 2004. – 416 с.

2. Нижегородцев Р. М. Информационная экономика. Управление беспорядком / Р. М. Нижегородцев. — М. : Кострома, 2002. — 173 с.
3. Кулопулос Т. М. Необходимость Workflow. Решения для реального бизнеса : пер. с англ. / Т. М. Кулопулос. — М. : Весть-МетаТехнология, 2000. — 384 с.
4. Николаев М. В. Содержание категории «эффективность» [Электронный ресурс] / М. В. Николаев. — Режим доступа : [//www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990193_West_econ_finans_2005_1\(7\)/97.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990193_West_econ_finans_2005_1(7)/97.pdf). — Загл. с экрана.
5. Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах / Г. Николис, И. Пригожин. — М. : Мир, 1979.
6. Николаев М. В. Содержание категории «эффективность» [Электронный ресурс] / М. В. Николаев. — Режим доступа : [// www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990193_West_econ_finans_2005_1\(7\)/97.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990193_West_econ_finans_2005_1(7)/97.pdf). — Загл. с экрана.

Резюме

Метою дослідження є порівняльний аналіз підходів щодо визначення категорії «ефективність» з позиції трьох теоретичних концепцій: класичної теорії максимальної ефективності, еволюційної теорії економіки та теорії самоорганізації. Об'єктом дослідження є функціонування економічних систем за умов відкритої економіки. Результатом дослідження стала побудова структури потенціалу економічної системи, який є основою її ефективного функціонування.

Summary

The purpose of the research is a comparative analysis of scientific approaches to the category of efficiency, proceeding from three theoretical concepts: the classical theory of maximum efficiency, the evolution theory of economics and the theory of self-organizing systems. The object of the research in this article is the functioning of economic systems under the conditions of an open economy. As a result of the research was suggested the structure of an economic system potential, which determines its effective functioning.

УДК 32.001

*А. О. Яковлев***СТРАТЕГІЧНІ ОРІЄНТИРИ РОЗВИТКУ НАУКИ
У ГЛОБАЛІЗАЦІЙНОМУ КОНТЕКСТІ**

Ключові слова: наука, стратегія науки, інтелектуальний продукт, сцієнтизм, антисцієнтизм, науково-технічний прогрес.

На рубежі XX і XXI століть віра в науку як у могутню силу радикального і швидкого поліпшення життя виявилася ілюзією. Чимало досягнень науки і техніки у XX столітті були використані у руйнівних цілях або ж спричинили непередбачені згубні наслідки. Сьогодні людство стоїть перед незворотним забрудненням навколишнього середовища й космосу, катастрофічним вичерпанням природних ресурсів, перед медикаментозною деформацією особистості тощо. Саме тому проблема виявлення стратегічних напрямів розвитку науки та прогнозування позитивних і негативних наслідків наукової діяльності є надзвичайно актуальною. Особливо значущим уявляється виділення соціологічних аспектів розвитку науки. Однак ці проблеми недостатньо розглянуто в руслі соціології науки, особливо враховуючи завдання її оптимізації в умовах постійних трансформацій в ході глобалізації.

Тому *предметом* даної статті є стратегія науки в умовах глобалізації, а її *метою* — виявлення стратегічних напрямів розвитку науки у ході глобалізаційних змін.

Взагалі, завершення століття ознаменувалося розчаруванням у науково-технічному прогресі, що породило антисцієнтистські настрої; гуманізацію почали розглядати як противагу науковості. Проте на початку XXI століття важливо чітко усвідомити три *основні обставини*:

1. Відмова від науково-технічного процесу призведе до більш згубних та руйнівних наслідків, ніж попередній стихійний

розвиток науки. Подолати або пом'якшити негативні явища, пов'язані з попереднім розвитком науки і технологій, можна лише за допомогою раціонального соціально й екологічно зорієнтованого застосування нових результатів науки, високих і наукоємних технологій.

2. У науці почали відбуватися глибинні, фундаментальні зміни, які стосуються співвідношення й домінування теоретичних і прикладних знань. Центр ваги пересувається до сфери наук про людину й суспільство.

3. Освоєння навколосемного космічного простору, створення інформаційної спільноти й надвселенських інформаційних мереж потребує зовсім іншого рівня інтелектуальної підготовки всього людства до нового «способу життя». Ця підготовка повинна цілковито спиратися не тільки на природничі знання, а й, передусім, на соціально-антропологічні та гуманітарні – як основу прийняття рішень, які забезпечуватимуть виживання людства [2; 3].

В цілому, наслідки науково-технічного прогресу можна оцінити як позитивні, оскільки вони дають змогу подовжити тривалість життя, зробити раціональним природокористування, поліпшити якість життя, піднести вище рівень культури, врешті-решт, – зберегти й забезпечити розвиток цивілізації.

Сьогодні в основу оцінки й характеристики країн ставляться вже не могутність збройних сил і не економічні показники – поділ країн на бідні й багаті, індустріальні й сільськогосподарські, – а здатність продукувати й «викидати» на ринок знання (через систему освіти) та наукоємні й високі технології, які ці знання реалізують. Тому питання про перспективи науки і технологій – це питання вищої державної політики. Тільки держава з потужною науковою базою може забезпечити собі сталий розвиток і стати гарантом розумного балансу сил у світі.

В основі можливих сценаріїв розвитку науки лежать дві протилежні загальноекономічні й загальнополітичні *тенденції*:

Перша передбачає посилення державного регулювання економіки, повернення до часткової централізації, зокрема щодо

підтримки науки, яка не має комерційного попиту. В умовах недостатності бюджетних коштів це призведе до консервації наявного стану та неефективності наукових розробок, до відтоку молодих науковців у комерційні структури і врешті-решт – до падіння престижу наукової діяльності.

Друга тенденція – державна політика ідентифікації приватного і корпоративного підприємництва, особливо у сфері розвитку інноваційних, наукоємних та високих технологій. Надзвичайно важливою є потужна, енергійна підтримка передусім тих наукових центрів, від яких залежить розвиток перспективних напрямів самої науки, а потім – і наукових організацій, що проводять фундаментальні й прикладні дослідження, здійснюють реальний внесок у створення конкурентоспроможних технологій, товарів та послуг. Зрештою, необхідно підтримувати дослідження, націлені на подолання екологічних, демографічних, соціальних та воєнно-політичних загроз – реальної небезпеки існуванню і цілісності суспільства.

На ці дві тенденції накладаються з певними варіаціями кілька *сценаріїв*, за якими можуть розвиватися події:

1. Криміналізація науки, оскільки потужні кримінальні структури можуть укорінюватися у науку, щоб використати її досягнення й методи для своїх цілей.

2. Державна, регіональна й комерційна підтримка. Переорієнтація науки на опанування мережевої методології досліджень і тотальне використання світових науково-інформаційних ресурсів в інтересах країни. Це потребує прискореної перепідготовки кадрів, але ж відкриває ефективний шлях до відносно швидкої та дешевої реанімації науки.

3. Модель, орієнтована на підтримку науки й підготовку елітних наукових кадрів (на основі нових економічних та організаційних форм), наукових інститутів й університетів, які відповідають сучасному рівню освіти [3].

У рамках другої тенденції два останні з названих сценаріїв за динамічного розвитку малих наукових форм могли б дати можливість Україні уже в першій чверті XXI століття стати потужною

науково-технічною державою, яка має змогу розв'язувати свої проблеми силами власної науки.

На початку XXI століття критерії сили і добробуту нації дуже трансформуються. Справжніми критеріями національного добробуту стають такі: недоторканість власності, стабільний прибуток, цікава, добре оплачувана робота, успішна кар'єра, побутовий комфорт, доступність різноманітних видів відпочинку, доступність освіти, особиста й групова безпека, політична, економічна й соціальна стабільність, доступність життєво необхідної інформації, гарантії прав людини і громадянина. Такий розвиток визначається кваліфікацією населення, загальним та професійним освітнім рівнем членів суспільства, що дає змогу динамічно адаптуватися до нових умов життя, виробництва й обслуговування.

Головним джерелом матеріального добробуту й розвиненої культури є високий рівень кваліфікації. Якщо національна свідомість сприйме мету розвивати суспільство високих технологій, де загальним надбанням будуть серйозні знання, то можливі дві *стратегії*:

– *інноваційна*. За нею свого часу розвивалися Англія, Німеччина, США й протягом кількох десятиліть – Радянський Союз;
– *імітаційна*, якої дотримувалася повоєнна Японія та інші країни Південно-Східної Азії, які вважають, що імітація досягнень Заходу обійдеться дешевше, ніж інноваційний науковий шлях.

Для України інноваційна стратегія науки вигідніша, ніж імітаційна за кількома позиціями:

а) науково-технічний та кадровий потенціал, здатний генерувати нові наукові ідеї;

б) великий досвід розроблення серйозних тем;

в) можливості подолання технологічного відставання, нав'язаного західними конкурентами [3].

У XXI столітті розвиток науки – це не стихійний ринковий процес, він залежить передусім від політики держави, позаяк комерційні структури ще не скоро стануть головними споживачами й покупцями наукової продукції.

Інструментом реалізації об'єднаних стратегічних зусиль для підвищення конкурентоспроможності у загальнонаціональному та міжнародному плані може стати дієва державна інноваційна політика, в якій повинні знайти відображення такі заходи:

1) удосконалення законодавства в інтересах пріоритетного розвитку інноваційного підприємництва, у тому числі оподаткування, кредитно-фінансові пільги та створення сприятливих умов для приватних інвестицій в інноваційну інфраструктуру;

2) заходи з подолання зарегульованості й адміністративних бар'єрів на шляху розвитку інноваційного бізнесу на ринку нових технологій, конкурентоспроможних товарів і послуг;

3) організація моніторингу за виділеними бюджетними ресурсами й ефективністю їх використання перерозподільчими структурами, перехід на контрактні відносини між державними замовниками і суб'єктами інноваційного підприємництва;

4) реорганізація, об'єднання, координація дій державних структур і громадських організацій у сфері розвитку інноваційного підприємництва на принципах соціального партнерства;

5) розвиток інноваційної інфраструктури [1; 4].

Орієнтація України на інноваційний тип розвитку актуалізує *проблематику трансферу технологій та стратегій комерціалізації інтелектуального продукту*. Розвинені країни, використовуючи міжнародний трансфер технологій, намагаються не лише зміцнити свої конкурентні позиції, а й змінити структуру своєї присутності на світовому ринку. Для країн з перехідною економікою активізація трансферу технологій є вагомим чинником реструктуризації економіки та джерелом збільшення надходжень до державного бюджету.

Проблему побудови конкурентоспроможної національної системи трансферу технологій необхідно розглядати з позиції вирішення трьох пов'язаних між собою завдань:

- створення конкурентного інтелектуального продукту;
- забезпечення ефективного захисту прав інтелектуальної власності;

– створення умов для успішного функціонування ринку інтелектуальної власності, який сприятиме комерційному використанню інтелектуального продукту.

Виходячи з прогнозованих оцінок, можна очікувати перетворення процесу технологічної інтеграції на глобальне економічне явище. Цьому сприятимуть певні чинники, серед яких основними є:

- формування глобального фінансового та фондового ринку;
- загострення міжнародної конкуренції, посилення її глобального характеру;
- зростання масштабів економічної діяльності транснаціональних корпорацій;
- удосконалення та подальший розвиток засобів зв'язку, Інтернету, застосування оптичних волоконних ліній, запуск спеціальних штучних супутників Землі.

Список літератури

1. Бідило А. Інтеграція України у світовий науково-технологічний простір у контексті глобалізації технологічного розвитку / А. Бідило // Підприємство, господарство і право. – 2005. – № 6. – С. 154–157.
2. Кохан В. В. Синергетичний погляд на соціальні процеси як розширення горизонтів сучасної науки / В. В. Кохан // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Х., 2007. – С. 62–66.
3. Микитов А. Наука XXI століття: глобальні трансформації і перспектива / А. Микитов // Науковий світ. – 2002. – № 5. – С. 2–6.
4. Мирский Э. Наука как социальный институт / Э. Мирский // Высш. образование в России. – 2004. – № 8. – С. 89–108.

Резюме

В статье исследуются стратегические ориентиры развития науки в глобализационном контексте, анализируются экономические и политические тенденции, способствующие трансферу технологий и стратегий коммерциализации интеллектуального продукта. Показаны преимущества внедрения в Украине инновационной модели развития науки.

Summary

The strategic targets of the development of science within a global context are analyzed in the article. Economic and political tendencies that enable the transfer of technologies and strategies of commercialization of intellectual product are examined. The advantages of the introduction of an innovative model of development of science in Ukraine are demonstrated.

**Літературознавство,
лінгвістика, переклад**

УДК 821.161.2-1

*Т. М. Берест, О. А. Шумейко***ВЛАСНІ НАЗВИ ЯК ЛЕКСИЧНИЙ ЗАСІБ ТВОРЕННЯ
КОМІЧНОГО В УКРАЇНСЬКІЙ ПОЕЗІЇ ДРУГОЇ
ПОЛОВИНИ ХХ СТОЛІТТЯ**

Ключові слова: поетична мова, власні назви, комічне, іронія, сатира, гумор, символ.

Тривалий час у полі зору науковців перебуває проблема комічного, зокрема як явища мови та художньої літератури [6; 8; 11].

Об'єктом лінгвістичного аналізу означеної проблеми є головним чином мова прозових творів. Поза увагою дослідників залишається українська поезія другої половини ХХ століття в усьому розмаїтті ідіостилів і напрямків. У зв'язку з цим виникає потреба аналізу мовних засобів творення комічного в сучасній українській поезії.

Назви осіб виступають одним із чинників сатирично-гумористичного ефекту в художньому творі. Лінгвістичний аналіз поетичної мови, спрямований на виявлення характерних мовних засобів творення комічного, дає змогу констатувати, що важливе місце серед них посідають засоби ономастики. До питання про їх використання зверталися дослідники Є. Беліцька [1], Н. Ботвина [2], Л. Буштян [3], М. Горбаневський [4], О. Іванова [5], Г. Лукаш [7], М. Мельник [9], Л. Сільвестрова [13] та ін.

Як зауважує Т. Наумова, «досліджуючи мовні засоби комічного, маємо проаналізувати співвіднесеність між денотатами номінацій осіб та їх експресивно-образними сигніфікатами. Відношення між поняттями, позначуваними певним словом, і предметом, який ним називається, полягає в тому, що поняття як сума певних ознак окремого предмета лягає в основу його оцінної характеристики, а ім'я вже вичленовує окремі ознаки, властиві певному денотату» [10, с. 34]. Ознаки, покладені в основу

найменування, у межах контексту утворюють нові концептуальні характеристики персонажів. Під час текстотворення ці ознаки можуть перекодовуватися або взагалі зникати. Експресивність антропонімів програмується метою авторського повідомлення та самим контекстом.

У поетичних творах власні назви функціонують як важливий компонент семантико-стилістичної системи тексту, виконуючи характерні функції у творенні семантичної організації та структури, тобто вони є елементами різних текстових рівнів – мовленевого, образного та ідейно-сміслового, концептуального. Як правило, комічний ефект у поетичних текстах досягається шляхом реалізації лінгвоенциклопедичної інформації власного імені, його пресупозитивного, культурно-фонового змісту, актуалізації внутрішньої форми оніма, конкретного поєднання імені й прізвища.

Поширеним прийомом творення комічного є вживання «прозорих» власних назв, семантика яких містить оцінні елементи: *«Які шляхетні прізвища тут панські! – / Бидловські. Козебродські. Себастьянські. / Яка в них гідність чується велика! – / Рох Яблоновський і Тадеуш Пика. / Та ба, які наймення гонористі»* (Л. Костенко). Обігрування поетесою внутрішньої форми номів, що нагадують польські імена та прізвища, сприяє реалізації сатиричної характеристики польської шляхти. Сатиричний ефект посилюється текстовими маркерами *гідність велика, наймення гонористі*, які набувають енантіосемічного значення.

Антропоніми як особливий знак в українській мовній картині світу здебільшого національно конотовані. Сміслова специфіка їх, як правило, увиразнюється й розвивається літературною традицією. У досліджуваних поетичних контекстах спостерігаємо художню реалізацію одного з таких імен – Хома, що узвичаєно виражає гумористичне начало: *«А що було б, якби хапком / Сто Хом зібрати в трест столичний? / А ще якби під глас фанфар / Вручити їм п'янки клейноди?.. / Чим не завзятий авангард / Перебудовників природи?»* (І. Потьомкін). Оцінна семантика імені підтримується тут сусідством лексем різних стилістичних шарів.

Зазвичай ім'я *Іван* позначене асоціативною національною співвіднесеністю. У сучасній же поезії воно часто використовується як назва простих, непоказних, соціально залежних людей або народу загалом, без наголошення національної співвіднесеності: «*Пістоліття в Магадані, / у Сибіру, Воркуті / Пильнував своїх іванів, / Турбувавсь, як про котів. / Я, бувало, підійду: / Їсте, зеки, баланду. / Щоб ніякої хвороби!*» (М. Данько). Уживання множинної форми імені робить його узагальненням, а контекст посилює стилістичний ефект: «турбота» держави про політв'язнів добре проглядається через слова *зеки, баланда*. Вислів *турбувавсь, як про котів* у цьому контексті імпліцитно енантіосемічний.

До несподіваного переосмислення імені казкового героя *Івасик-Телесик* вдається М. Данько: «*У досьє, або в паперах, / Де йому плелися лапті, / Говорилось: «З піонера / Всіх вождів дере на клапті. / Дисидент довготелесий / Щось про лебедів тороче, / Як Івасик, як Телесик, / За кордон чкурнути хоче...»*. Книжне слово *дисидент* активно вживалося в 60-ті роки ХХ століття, набувши до основного значення «людина, яка не погоджується з панівною ідеологією» ще й негативного стилістичного відтінку 'зрадник радянської системи'. Саме ця ідеологема проступає в наведеному уривку. Казковий персонаж *Івасик-Телесик* був порятований *гусями-лебедями*, але для героя аналізованого твору рятунок немає. Гіркоти висловлюваному додають згрубілі слова *торочити, чкурнути, довготелесий* та розмовний фразеологізм *плести лапті* («говорити нескладно, безладно»). Створенню комічного ефекту допомагає, як нам видається, і співзвуччя невідповідних одне одному за емоційним забарвленням лексем *Телесик* та *довготелесий*.

Одним із прийомів комічного, що ґрунтується на використанні власного імені, є оживлення його внутрішньої форми через уведення до контексту омонімічних та паронімічних слів: «*Був Київ стольний. Русь була святою. / А московіти – Русь уже не та. / У них і князя звали **Калитою**, – / Така страшна захланна **калита***» (Л. Костенко). Об'єднання в одному тексті омонімів уживається для посилення внутрішньої форми власної назви. Експресії обом

словам додають епітети *страшний, захланний*, ужиті як означення до загальної назви.

У поетичній мові імена історичних осіб та відомих літературних персонажів часто використовуються як символи певних епох або характерних ознак, прикмет. Ця традиція лежить в основі вживання імен *Едін* та *Піфагор* у таких рядках: «...*один недбалий жест / іде той жест по колу / немов сліпий Едін / по бульбашках від кока-коли / благаючи на хліб / де протирає палімпсести / сандалем Піфагор...*» (Н. Федорак). Асоціації між сліпотою та рухом по колу зумовлюють використання в цих рядках імені *Едін*, а вживання поруч назви сучасного напою відтіняє сему 'давнина' в аналізованому слові, хоча на рівні комічного ця сема підтримується наступною власною назвою та тією дією, яку виконує її носій – протирає сандалем палімпсести (як відомо, палімпсест – це старовинний рукопис, написаний здебільшого на пергаменті після того, як із нього було стерто первинний текст).

Переосмислення усталеного символічного змісту, закріпленого за певним іменем, є помітним прийомом творення мовних контрастів. Наприклад, у поезії М. Горбалья, ідіостиль якого відзначається конденсованістю поетичного слова, ім'я титана Прометей набуває символічного звучання і, своєрідно перекодовуючись, реалізує, відповідно, відтінок гіркої іронії: «*Прометей спалити / (щоб не мучився)!*». Семантика цього словообразу є надзвичайно місткою. Сам Прометей постає як герой-страдник, чие геройство не потрібне народові, за який він, власне, і страждає.

У поезії В. Симоненка «Прирученим патріотам» образ Антея реалізує своє символічне значення в розкритті зазначеного в заголовку образу: «*За плату ви закохані в ідею, / І зморишки морщите на ситому чолі... / Кому ж ви служите, приручені Антеї, / Відірвані від матері-землі?*». Глибина сатиричного образу полягає в тому, що, за античним міфом, нездоланий Антей, відірваний від землі, гине, – отже, людина, відірвана від Батьківщини, не може бути патріотом. Образ велета Антея в контексті набуває символічного значення безсилості. Епітет *приручений*, реалізуючи сему 'продажний', посилює сатиричне значення образу.

У контексті: *«І прямо підеш – казку розкажуть тобі, / Вправо... Спинися на роздоріжжі: / тут кожен – Нептун, і на (іржавій) трубі – / кожен свій тризуб лиже»* (Н. Федорак), – ім'я бога моря реалізує не позбавлене глузування оцінне значення: з одного боку, це людина, яка вважає себе богом, вершителем долі, з другого – уміщені поруч лексичні одиниці *іржавий, труба, лизати* не сприяють підтриманню цієї семи. Уживання лексеми *тризуб* перекидає асоціативне сприйняття від античності до наших днів, адже тризуб – це один із символів України. Очевидним стає натяк на негарзди в сучасному житті співвітчизників.

Символіка поетичного контрасту, що виявляється при зіставленні різностильових власних назв, є одним із засобів досягнення комічного ефекту: *«Там вибрали якогось чоловічка / і думають, що це вже Вифлеєм. / Ще й прізвище хороше – Заплюйсвічка. / Отак одне одного й заплюєм»* (Л. Костенко). На стилістичній невідповідності біблійної назви *Вифлеєм*, що належить до високої лексики, та власне українського прізвища, похідного від дієслова *заплювати*, виникає суперечлива ситуація, яка й завершується авторським підсумком про те, що народ обрав недостойних на владу.

Розглядаючи всі прийоми комічного з точки зору їх взаємозв'язку з формою і змістом поетичного твору, виявляємо, що власне ім'я як мовний засіб комічного актуалізується у фігурах і зовнішнього, словесно-структурного рівня, і внутрішнього – глибинного, смислового. В останньому випадку власне ім'я реалізує в поетичному контексті національно-культурні конотації та свій символічний зміст: *«Сюди ми йшли – займанщину обсісти, / козацькими кістками облягти. / Живцем, як кажуть, в землю не залізти – / Сибіру, Магадану чи Ухти»* (В. Стус). Національні поняття «обсісти займанщину», «козацькі кістки» корелюють у тексті зі словами символічної семантики, що називають місця ув'язнення, висилки репресованих: *Сибір, Магадан, Ухта*. У цьому тексті виразно передано гірку іронію з приводу *займанщини* (зайнята під обробіток ділянка) на таких віддалених від України землях. Козаки традиційно сприймаються як вільні,

сильні, безстрашні захисники рідної землі, тому розширений прикметником *козацький* сталий зворот *полягти кістьми*, означає тут, що гинули найкращі.

Досить часто вживаними в поетичній мові другої половини ХХ століття є назви *Коліма*, *Соловки* із семою 'місце заслання' або просто 'заслання': «*Що писав би Шевченко / в тридцять третьому, / в тридцять сьомому роках ? / Певно, побувавши в Косаралі, / побував би ще й на Соловках*» (Л. Костенко); «*Ко – ли – ма! / Підхльостують колеса дружно. / Спішать у заполярний край. / Прощай, свободо осоружна, / невмита воленько, прощай!...*» (В. Верховень). В останньому контексті гіркої іронії надають висловлюваному оксюморон *осоружна свобода* та сполучення *невмита воленька*, яке, на нашу думку, перегукується із Шевченковим «*І небо невмите, і заспані хвилі...*», де також ідеться про заслання, відчуття відірваності від цілого світу.

Українська поетична традиція досліджуваного періоду продовжує тенденції поетичного слововживання, започатковані попередниками. У цьому зв'язку слід виділити домінанти поетичного словника, що служать для побудови художніх образів із метою сатиричного зображення дійсності. Однією з таких домінант є слово *Сибір*, актуалізоване у творах багатьох поетів, зокрема В. Стуса і М. Данька. Розглядаючи змістову функцію цього слова, його використання в аналізованій поезії з метою сатиричного зображення, беремо до уваги, що традиція поетичного слововживання закріпила за ним значення «заслання», «неволя», «каторга»: «*Одрозу. Просто з ходу. / Пручався я ж, мов звір. / Як ворога народу, / Блаженствувать – в Сибір!*» (М. Данько). У нашому прикладі іронія досягається невідповідністю між заявленою семантикою та вжитим у тексті дієсловом *блаженствувати*, що дисонує і з іншими складниками: *пручатися, мов звір* та сталим сполученням *ворог народу*. Узагальнювального значення набуває форма множини: «*Якого викохали звіра! / Як причащалися на злі! / По Соловках та по Сибірах / Собі на ланці наша віра / Руду довбала з-під землі*» (М. Данько). Використання лексеми *Сибір* в одному ряду з назвою *Соловки*, що справді має

форму множини, дозволяє «розмножити» семантику аналізованого слова. Зважаючи на те, що тривалий час поняття «неволя», «заслання» асоціювалися саме із Сибіром, можемо говорити, що множинна форма надає експресії висловлюваному. Допомагають у підтриманні такої образної сили й інші складники. Так, позитивна тональність, закладена у слові *викохати*, полярно змінюється при поєднанні зі словом *звір*, увиразнюючи негативну сатиричну оцінку. Лексема *причащатися* зазвичай має позитивну оцінку з відтінком урочистості, використовується для позначення причетності до чогось високого, доброго, але сполучення її зі словом *зло* змінює оцінність і надає поетичному текстові гострого сатиричного забарвлення.

Поети другої половини ХХ ст. активно осмислюють образ Ісуса Христа [12, с. 16]. У нашому фактичному матеріалі назви Бога подекуди подаються в іронічному та сатиричному плані, що пов'язано з накладанням морально-етичної й соціальної оцінки. Так, лексеми *Бог*, *Вершитель*, *Господь* та похідні від них часто змінюють традиційне позитивне забарвлення: «*Хай Похмурий Вершитель / Кривавий розкручує вир... / Хай Судом і Кінцем / Його слуги рогаті лякають...*» (О. Чекмишев); «*Йй-право, що мені до того – / Потисну руку чорту, Богу... / А в Бога – ріжки з-під вінця...*» (В. Верховень). У наведених прикладах відбувається суміщення контрастних сем: Бог і Сатана є однією особою. Такий ефект дає поєднання лексеми *Вершитель* з означенням *похмурий* та сполученням *слуги рогаті* в першому випадку. У другому зіставляються поняття *чорта* і *Бога* як різні за своєю значущістю образи, у яких актуалізуються спочатку антонімічні значення, а потім відбувається своєрідна нейтралізація семантики другої лексеми («*А в Бога – ріжки з-під вінця*»).

Трансформацію семантики словообразу *Бог* маємо і в такому контексті: «*Ти надто щедрий, Боже, – стільки жаху / вергаєш на мале моє життя. / Потерпи руки, спраглі в горлі крики, / а всedorога вужиться, як вуж. / Хрести модрин. І запропалі лики, / І дріт колючий замість харалуж*» (В. Стус). Для української народно-поетичної традиції, релігійно-християнської фразеології

прикметним є стійке словосполучення *щедрий Бог*, що відбиває уявлення про Бога як подавця багатства, здоров'я, добра тощо. У поезії В. Стуса цей образ набуває іронічного значення, що підсилюється лексемою на позначення міри — *надто*. Несумісність понять *щедрий Бог* — *що вергає стільки жаху* продовжує традиції використання цього образу для створення сатиричного ефекту, започатковані свого часу Т. Шевченком.

Така актуалізація образу Бога в поезіях соціальної тематики є показовою: «*А може, прийде не Месія / а МАСОВИК*» (Неда Неждана). Звукове зближення лексем *Месія* — *масовик* у поетичному тексті Неди Неждани демонструє нівелювання межі *сакральне / профанне* й у цілому засвідчує іронічну оцінку маскультури, що є характерним для поетів-постмодерністів.

Отже, показовим для сучасної поезії є залучення до поетичного словника й переосмислення міфологічних імен, національно конотованих антропонімів, а також топонімів — назв місць заслання; спостерігається зниження традиційних поетичних образів і відхід від мажорної патріотичної патетики. Аналізовані поетичні контексти засвідчують вагомість власних назв у породженні різних видів комічного, оскільки ці лексеми мають значний семантичний і символічний потенціал, пов'язаний із національними, історичними, релігійними конотаціями. Подальші дослідження функціонування власних назв дозволять робити висновки не лише про їх використання як засобів творення комічного, а й про місце цієї групи лексики як у сучасному поетичному словнику в цілому, так і в ідіостилях окремих авторів.

Список літератури

1. Беліцька Є. М. Конотонімізація онімів як лексико-семантичний процес : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Є. М. Беліцька. — Горлів. держ. пед. ін-т іноземних мов ім. Н. К. Крупської. — Горлівка, 2000. — 23 с.
2. Ботвина Н. В. Коннотативные антропонимы в русской художественной речи (на материале сатиры произведений послевоенного

періода) : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Н. В. Ботвина. — Київ. гос. пед. ін-т ім. А. М. Горького. — Київ, 1988. — 24 с.

3. Буштян Л. М. Ономастическая коннотация: на материале русской советской поэзии : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Л. М. Буштян. — Одес. гос. ун-т. ім. І. І. Мечникова. — Одесса, 1983. — 16 с.

4. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды / М. В. Горбаневский. — М. : Изд-во Ун-та дружбы народов. — 1988. — 87 с.

5. Иванова Е. Б. Стилистические функции собственных имен (на материале произведений К. Г. Паустовского) : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Е. Б. Иванова. — Одес. гос. ун-т. ім. І. І. Мечникова. — Одесса, 1987. — 16 с.

6. Калашник В. С. Конотация іронічності в семантичній структурі образно-смысловой єдності / В. С. Калашник // Комическое в мировом литературном процессе. — Х. : ХГУ, 1992. — 204 с.

7. Лукаш Г. П. Ономастикон прозових творів Володимира Винниченка : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Дніпропетр. держ. ун-т. — Дніпропетровськ, 1997. — 18 с.

8. Максименко Е. В. Языковые средства создания комического в современной французской художественной прозе : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.05 / Е. В. Максименко. — Киев. гос. пед. ін-т ім. А. М. Горького. — К., 1983. — 24 с.

9. Мельник М. Р. Ономастика творів Л. Костенко : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / М. Р. Мельник. — Одес. держ. ун-т ім. І. І. Мечникова. — Одеса, 1999. — 18 с.

10. Наумова Т. В. Поняттєво-денотатна характеристика власних назв у сатиричних творах І. Франка та В. Самійленка / Т. В. Наумова // Мандрівець. — К. : Вид. нац. ун-ту «Києво-Могилянська академія». — 2003. — № 3. — С. 33–42.

11. Попович А. С. Мовностилістичні особливості української сатирико-гумористичної прози: на матеріалі романів Є. Гуцала та О. Черногуза : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / А. С. Попович. — НАН України, Ін-т укр. мови. — К., 2001. — 20 с.

12. Пустовіт Л. О. Словник української поезії другої половини ХХ століття (Семантико-функціональний аспект) : автореф. дис... д-ра філол. наук: 10.02.01 / Л. О. Пустовіт. — НАН України, Ін-т укр. мови. — К., 1993. — 36 с.

13. Сільвестрова Л. І. Ономастикон у поетичному ідіолекті Яра Славутича : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Л. І. Сільвестрова. — Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. — Харків, 2003. — 20 с.

Резюме

Одним из важных средств комического выступают имена собственные, которые связаны с культурными коннотациями или внутренняя форма которых эксплицирует комическое начало. Доминантами поэтического словаря второй половины XX в. являются антропонимы и топонимы как чрезвычайно емкие символы в сатирическом изображении действительности.

Summary

One of important means of realizing a comic effect are proper names, that bear cultural connotations or whose internal form explicates a comic nature. The dominants of the poetic dictionary of the second half of XX century are toponyms as extremely prolific symbols in a satirical presentation of reality.

УДК 82'01(477)

С. М. Бойко

РЕТРОСПЕКЦІЯ ТА ПЕРСПЕКТИВИ ВИВЧЕННЯ СВІТСЬКОЇ ЕПІГРАМИ І. ВЕЛИЧКОВСЬКОГО В КОНТЕКСТІ БАРОКОВОЇ КУЛЬТУРИ

Ключові слова: поезія бароко, світська епіграма, національна література, поезія Івана Величковського.

В українському літературознавстві останнім часом простежується зростання інтересу до епохи Бароко як важливого, але ще недостатньо вивченого етапу формування національної культури. І, на нашу думку, це невипадково. Адже саме у XVII столітті, на тлі гострих соціальних зрушень, поряд зі звичайною для того

часу літературою теологічного та молитовно-літургічного характеру, все частіше почали з'являтися твори світські, що характеризувалися більшою життєвістю тематики, зверненням тогочасного митця до реального буття. У різні часи українськими дослідниками літератури порушувалися деякі аспекти цієї багатогранної теми. Праці В. Перетца, М. Возняка, Д. Чижевського, Є. Пеленського, С. Маслова, А. Макарова, Л. Ушкалова, Б. Криси, В. Соболя стали надійним фундаментом для цілої низки теоретичних, історико-літературних розвідок, присвячених з'ясуванню хронологічних меж, визначенню поетичної системи й особливостей стилю бароко, якому притаманні потяг до антиномічності сприйняття і відображення реалій життя, динамічність, посилена увага до емблематики, ускладнена метафоричність з її контрастністю й мальовничістю.

Серед письменників, чия творчість — знакове явище у становленні української поезії кінця XVII — початку XVIII століття (духовної, філософської, панегіричної та, зрештою, світської), дослідження якої є, на наш погляд, потребою загальнокультурного, суспільного й духовного значення, поважне місце посідає Іван Величковський. Він є одним із найяскравіших представників стилю бароко в українській літературі, священник, автор панегіриків, епіграм, курйозних та ліричних віршів релігійного і світського змісту, перекладач, теоретик фігурного віршування. **Об'єктом** нашого дослідження є українська барокова поетична культура кінця XVII — початку XVIII ст. У межах об'єкта виділяється **предмет** — студії світської епіграми Івана Величковського як явища літературного бароко на різних етапах розвитку вітчизняного літературознавства.

Зацікавленістю в дослідженні писемної спадщини Івана Величковського — збірок «Зегар з полузегарком...», «Млеко...», обох рукописних зшитків, а також панегіриків на честь Лазаря Барановича і гетьмана Івана Самойловича — позначені роботи таких літературознавців ХХ ст., як М. Петров, В. Перетц, Д. Чижевський, Є. Пеленський, С. Маслов, В. Кречотень, В. Колосова та інші. Наукова перспективність теми пов'язана з тим,

що впродовж останніх років у своїх наукових працях молоді медієвісти (О. Ткаченко, О. Матушек, К. Борисенко, Т. Сидоренко, Н. Загребельна та ін.) охоче звертаються до вітчизняної барокової писемної спадщини, проте літературній діяльності Івана Величковського, яскравого представника даного стилю, останнім часом не було присвячено жодної значної роботи. Поет інколи згадується в новітніх дослідженнях, та лише контекстуально, у зв'язку з деякими аспектами вивчення давньої української літератури XVII – початку XVIII ст. (жанри курйозної поезії, символіка Богородиці, явища синкретизму поезії та прози, співвідношення категорій «стиль» та «автор»). Ці розвідки не дають цілісного уявлення про творчість барокового митця. З огляду на це **актуальність даного дослідження** визначається: 1) відсутністю цілісної концепції української барокової поезії; 2) браком ґрунтовних робіт, які б висвітлювали, зокрема, світський епіграматичний доробок Івана Величковського; 3) неможливістю глибоко осягнути національний літературний процес кінця XVII – початку XVIII ст., оминувши світську творчість автора.

Мета роботи – простежити історіографію творчості Івана Величковського та окреслити перспективи подальших її досліджень.

Іван Величковський є чи не найяскравішою в українській літературі кінця XVII – початку XVIII ст. постаттю, яка поєднує у своїй творчості ренесансну життєрадісність, непідробну увагу до середньовічної спадщини і суто барокове прагнення відобразити багатогранність світобудови. Його письменницький доробок протягом понад двох віків очікує на ґрунтовне предметне дослідження. Відсутність монографій, присвячених діяльності автора «першої декларації українського авангарду» [16, с. 8], «футуриста XVII століття», за словами О. Грузинського, справжня для того підстава. З огляду на творчу спадкоємність і наявність своєрідного наслідування барокової традиції (зокрема, курйозної та зорової поезії Івана Величковського) серед футуристів початку XX ст., ім'я поета не губиться в плінні часу,

а навпаки, набуває все нового звучання, вимагаючи серйозного дослідження доробку й критичної оцінки його з боку літературознавців. Потреба у більш ґрунтовному вивченні саме світської спадщини митця є значною, зокрема, через важкий доступ до рукописів, «розкиданих по різних книгосховищах» [12, с. 16], досі нерозв'язану проблему авторства багатьох поезій, а також брак належної систематизованої біобібліографії поета. Проаналізувати стан критики творчого доробку Івана Величковського від початку двадцятого століття до першого десятиліття двадцять першого століття є основною метою даного дослідження.

Огляд літератури, що так чи інакше стосується доробку Івана Величковського, дав можливість виділити такі періоди дослідження творчості митця:

I період – початок XX ст. – кінець 50-х рр. XX ст.

II період – 60-ті рр. XX ст.

III період – 70-ті рр. XX ст.

IV період – 80-ті рр. XX ст.

V період – 90-ті рр. – початок XXI ст.

Керуючись хронологічним принципом, спробуємо коротко окреслити принаймні деякі віхи названих періодів.

Однією з найперших є стаття Ф. Колесси. Видана у 1907 році, вона містить у собі дослідження віршування в українській книжній поезії та впливу на неї зразків польської силабічної традиції. Яскравим свідченням цього є «південно-руські переклади коляд, псалмів і віршів» [3, с. 75], звірені В. Перетцем із західнослов'янськими оригіналами. Зупиняючись на тематичних обрїях української силабіки XVII–XVIII ст. і розв'язуючи питання авторства, фольклорист, як і його попередники, помилково відзначає «вірші релігійного змісту», які склали «...Лазар Баранович, Іван Величковський, Варлам Ясінський, Дм. Ростовський» [3, с. 75].

«Новые труды по источниковедению древней русской литературы» [9, с. 23–24] академіка В. Перетца вперше визначають авторство двох рукописних збірок поезій Івана Величковського: «Млеко...» та «Зегар з полузегарком...». У 1913 році

в «Отчете об экспедиции семинарии русской филологии в С.-Петербурге» В. Перетц знову порушує питання авторства вищеназваних поетичних збірок. Порівнюючи образні системи віршованого «вінця» Івана Величковського «Марія» та зшитків «Млеко...» та «Зегар з полузегарком...», учень С. Маслова О. Грузинський відзначає: «Тут зібрані в одне всі емблеми Богородиці — «облачний і огнений» стовп, місяць, розцвілий жезл Аарона, скипетр, «феник», пальмова гілка і т. под. — все, чим любується *Млеко* і *Зегар* Величковського 1690 і 1691 р.». Це дало професору право на твердження, що «між *Млеко* і *Зегаром*, з одного боку, і *Вінцем* — з другого, є тісний внутрішній зв'язок...» [10, с. 31]. Ця слушна думка, перетворившись на аксіому, стане провідною ниткою для нових поколінь літературознавців при визначенні авторства поезій доби Бароко (зокрема тих, що належали перу Івана Величковського).

У 40-х роках ХХ ст. вийшло друком перше закордонне дослідження творчості Величковського, здійснене Д. Чижевським [15]. Аналізуючи епіграми-переспіви (зроблені Іваном Величковським) за творами англійського латиномовного поета ХVІІ ст. Дж. Овена, Д. Чижевський засвідчує високу майстерність українського барокового письменника як перекладача.

Другий період у вивченні творчості поета відкриває монографія Г. Сивоконя «Давні українські поетики» (1960), в одному з розділів якої серед способів складання і видів курйозної поезії подано «відомі раки І. Величковського» [11, с. 94].

У 1967 році були опубліковані дві хрестоматії давньої української літератури за редакцією О. Білецького [14] й Ф. Шолома [2], в яких матеріали з життя і творчості Величковського взято з підготовленої на той час, але, на жаль, невиданої монографії С. Маслова «Іоан Величковський, маловідомий український письменник кінця ХVІІ — початку ХVІІІ ст.». Що ж до аналізу першоджерел, — то у вступних статтях, доданих до хрестоматій, лише побіжно згадуються «Зегар з полузегарком...» і «Млеко...». Далі укладачі обмежуються лише деякими цитатами з «Млека...», а саме: «Передмова до чительника», вірш-луна, «жартовний»,

«многopремѣнителный», «рак лѣтеральный», «словный», «прѣкo-словный», та «остатня штука» із зашифрованими ініціалами Івана Величковського [2].

Дослідженню українського літературного бароко, а отже, і творчості найяскравішого представника цього напрямку Івана Величковського, присвячена стаття І. В. Іваня, уміщена в 10-му номері журналу «Радянське літературознавство» за 1970 рік, у якій відзначається, що в найкращих віршах поета відображено «прагнення до ускладненої, витонченої, незвичайної художньої форми» [6, с. 51]. Новаторство роботи І. В. Іваня полягає в тому, що він уперше аналізує барокову поезію (зокрема поезію І. Величковського) не лише з боку формальної складності «барокового штукарства», але й з боку глибокого філософського змісту [6]. Наприклад, ідея плинності часу у збірці поезій І. Величковського «Зегар з полузегарком...», трансформована через гру слів «минута» і «минати», а також складність версифікації, продемонстрована в раках, акровіршах, лабіринтах, ехо тощо, є тими важливими рисами, що, на думку І. В. Іваня, органічно пов'язують Івана Величковського з бароковою писемною культурою.

Саме в 70-ті роки ХХ ст. було надруковано повне видання творів Івана Величковського, підготовлене та упорядковане відомими дослідниками давньої літератури В. Колосовою і В. Крeкотнем. Досить цінними є біобібліографічні відомості, зібрані у вступних статтях і примітках, до вищеназваної збірки поезій барокового автора [4]. Спираючись на «гіпотетичні припущення, художні та документальні тексти» [4, с. 18], науковці з'ясували походження Івана Величковського, здобуття поетом освіти в Києво-Могилянській академії, час прийняття священницького сану та факт його проживання в 1680-х роках у Полтаві, а також роки видання збірок «Зегар з полузегарком...» і «Млеко...». По-новому В. Колосовою і В. Крeкотнем було визначено життєві віхи Івана Величковського: народився «наприкінці 1640-х чи на початку 1650-х років» [9, с. 25]), а помер – у перші дні «вересня року 1701» [4, с. 18]. Укладачами книги інакше трактується постать полтавського протопопа Луки Семіоновича (власне

як тестя Івана Величковського); з'ясовується приблизний вік поета у 1687 році, за свідченнями Самійла Величка (автора одного з відомих козацьких літописів), а також імовірно місце народження Івана Величковського [4, с. 25].

На завершення огляду досліджень творчості І. Величковського в 70-х роках ХХ ст., варто згадати також підручник М. Грицяя, В. Микитася й Ф. Шолома «Давня українська література» 1978 року, в якому здійснено аналіз багатої спадщини поета. Проявом поетичного штукарства, на думку упорядників, є курйозні вірші: жартівливі («Молитва – ліність»), «іграшки» («НастрОЙ навспак цинобру...») та раки («Анна ми мати...», «Аки лев и тамо о мати велика...»). Дослідники відмічають, що «раковидні вірші (паліндромі) були характерними зразками стилю бароко, поширеного в західноєвропейській поезії другої половини XVII та початку XVIII ст., де на перше місце висувався не зміст, а зовнішня форма з її надмірними ефектами» [1, с. 244].

Наступний етап дослідження творчості Івана Величковського (у 80-х роках ХХ ст.) починається з видання монографії Д. С. Наливайка «Искусство: направления, течения, стили» (1981), в якій уперше вітчизняним істориком літератури визначаються хронологічні межі, стильові ознаки, характер дослідження, соціально-історична основа й національні особливості культури бароко, зокрема літератури, з її потягом до універсальності і циклізацією малих форм. Яскравим творцем останніх названо Івана Величковського, чий «епіграми...як оригінальні, так і вільні переспіви зі збірника латинських епіграм Дж. Овена, англійського поета XVII ст.» [8, с. 122], заслуговують на особливу увагу. Неабиякою заслугою Дмитра Наливайка є також новаторський погляд на доробок Івана Величковського, в якому якнайповніше реалізувався один із «головних принципів барокової образотворчості» [8, с. 132] – кончетизм (дотепність).

Проблемою давньоукраїнського силабічного віршування XVI–XVII століть займаються у 80-х роках ХХ ст. В. Маслюк і М. Сулима. Наголошуючи, з одного боку, на розмаїтості підходів у вивченні античної версифікаційної системи та непродуктив-

ності останньої на слов'янському ґрунті, з другого – дослідники високо оцінюють спроби Івана Величковського «озвучити» українською мовою... курйозні вірші..., які вивчалися по-латинськи в поетиках XVII ст.» [7, с. 109, 113]. Дослідники літератури Л. Якобсон та І. Смирнов убачають в зорових фігурних поезіях Івана Величковського взірці для наслідування українськими авангардистами 20-х років XX ст. [13, с. 25].

Як бачимо, 80-ті роки XX ст. характеризуються подальшим розширенням спектру освоєння поетичної спадщини Івана Величковського. Утверджуючи барокову універсальність, вишукану дотепність, потяг до антиномічності, афористичність творів митця, вітчизняні дослідники (В. Кречотень, М. Сулима) вважають Івана Величковського першим давньоукраїнським теоретиком літератури [4; 13]. Установлюється зв'язок практики його «трудолубій» з теорією написання курйозної та фігурної поезії, постає проблема версифікації знахідок поета в загальнонаціональному контексті.

Посилений інтерес до бароко в українському літературознавстві 90-х років спричинив появу численних наукових розвідок, помітне місце в яких належить також творчості Івана Величковського. Досить ґрунтовним дослідженням з історії давньоукраїнської поезії (зокрема доби Бароко) є монографія Валерія Шевчука «Із вершин та низин» (1990). Нею і розпочинається наступний період дослідження творчості поета [16].

Непересічне значення поетичного доробку Івана Величковського для становлення українського авангарду, вірші якого генетично пов'язані з національною поетичною традицією – передусім на формальному рівні – згадується Б. Кривою у її дисертації «Образ світу в українській поезії XVII–XVIII ст.» (1994) [5]. Відзначаючи панівну роль категорії часу в національному хронотопі початку XVII століття, дослідниця підносить особу барокового автора до рівня винахідника поетичного годинника, здатного по-новому відміряти старий час, відчувати міру часу, органічно поєднуючи циклічність і мінливість, і декларувати сприйняття вічності як «кінця... всіх часів» [5, с. 60]. Новим

кроком у дослідженні поетичної спадщини Івана Величковського по праву можна вважати монографію Миколи Сороки «Зорова поезія в українській літературі кінця XVI–XVIII століття» (1997) [16, с. 8].

Найсучасніші наукові розвідки переконливо свідчать про все нові й нові аспекти та грані спадщини видатного барокового автора. Глибоко вивчаються особливості засобів художньої виразності творів письменника: з'ясовується характер формального пошуку, визначаються генетичні зв'язки з античністю, національною традицією і польськомовною поетичною спадщиною. Літературознавцями формулюються телеологічні засади творчості Івана Величковського, з'ясовується відповідність між розвитком вірша і характером відчуття світу поетом, підкреслюються невичерпні можливості слова, значущість поетичної гри. Нових орієнтирів набуває розгляд системи топосів барокового автора і жанрово-тематичних обривів, що, безперечно, стане плідною базою для подальших досліджень.

Отже, можемо зробити такі висновки: огляд вивчення спадщини І. Величковського засвідчує зростаючу увагу істориків літератури до постаті митця на всіх виділених нами етапах, а також пошуки нових орієнтирів у дослідженні його творчості. У межах досліджуваного нами періоду (XX ст. – початок XXI ст.) українськими літературознавцями накопичено значний науковий доробок з метою створення цілісної картини національної барокової культури. У цьому контексті чимало зроблено також і на шляху до ґрунтовного вивчення творчості І. Величковського. Були видані та двічі перевидані зібрання творів барокового автора, супроводжувані цікавими біографічними матеріалами, історико-літературними та науково-теоретичними коментарями (Є. Пеленський, С. Маслов, В. Колосова, В. Кречотень).

Було доведено належність перу Івана Величковського переважної більшості віршів першої і другої рукописних збірок Києво-Софіївського собору, у тому числі й епіграм – власних творів Івана Величковського та переспівів з Дж. Овена (В. Перетц, С. Маслов, Г. Сивокінь). Було здійснено літературознавчий аналіз

вищеназваних праць поета крізь призму їх інтелектуальної та естетичної вартості в зальноєвропейському бароковому контексті (Д. Чижевський). Було окреслено проблему витоків тематики творів та зв'язку їх із фольклорними першоджерелами (М. Грицай, В. Микитась, Ф. Шолом).

Було також порушено питання жанру й художніх засобів (В. Кречотень), формальної сторони запозичень у контексті антології 1670–80-х років (М. Грицай, В. Микитась, Ф. Шолом). Було з'ясовано дати написання декількох панегіриків Івана Величковського, місцезнаходження їх першого друку, жанрові, ідейно-тематичні та стильові їх особливості (Є. Пеленський, С. Маслов, В. Колосова, В. Кречотень).

Було визначено провідні мотиви збірок «Зегар з полузегарком...» і «Млеко...», окреслено риси поезики «*carmina curiosa*» (курйозних віршів), характер смислового навантаження паліндромів Величковського (В. Перетц).

Було доведено генетичний зв'язок зорової поезії з античною (М. Сорока), візантійською і суто слов'янською традиціями (О. Ткаченко). Були спроби дослідити елементи стилю Івана Величковського (Є. Пеленський, Б. Криса). Крім того, деякі літературні здобутки поета було розглянуто також крізь призму ідей та образів барокової естетики – підтексту (В. Шевчук), ускладненої художньої форми, сповненої глибокого змісту (І. Іваньо), принципів барокової іконіки (Л. Ушкалов), кончезізму (витонченої дотепності) (Д. Наливайко).

Вітчизняними літературознавцями були визначені такі художні засоби, характерні для творчості І. Величковського як барокового автора: виразність (Р. Радішевський), розвиток особистісних засад (В. Смілянська), тяжіння до алегоризму й декору (Д. Наливайко), суперечність авторської позиції у поєднанні релігійного та світського (О. і П. Охріменки), версифікація (В. Перетц), тропіка (Л. Андрієнко).

Виходячи з вищесказаного, ми дійшли висновків, що найменш вирішеними у вивченні спадщини Івана Величковського залишаються питання тематики його поетичного доробку.

Наявні студії, головним чином, обмежуються, з одного боку, релігійністю курйозної поезії (Ф. Колеса, В. Перетц, М. Сорока) з її етико-гуманістичними апеляціями до Творця (А. Нямцу) та природою соціальних мотивів – з другого. Ми також вважаємо, що в існуючих на сьогодні дослідженнях вибірково окреслено грані образної системи лише деяких поетичних творів Івана Величковського: поетико-математичні коди лабіринтів зі збірки «Млеко...», особливості епіграм: алегоризм (Л. Софронова, О. Ткаченко), реалізацію домінантного образу Диви Марії (О. Матушек) та ліричного героя філософської лірики (Н. Федорак), а також образу трапези. Тому, на нашу думку, існує потреба глибшого аналізу тематичного та образного рівнів світських поезій Івана Величковського, зокрема епіграматичних творів, у їх соціальному та етико-філософському значенні як чинників формування національної самосвідомості українського інтелектуала XVII–XVIII ст.

Окрім того, ще чекає визначення авторства певна кількість геральдичних віршів, епітафій та панегіриків – деякі з них гіпотетично (за часом створення та стилем) могли б належати перу Івана Величковського. За твердженнями дослідників, зокрема М. Сороки, у своїх листах І. Величковський згадує про декілька ранніх творів, що не ввійшли до вже згаданих збірок [16].

Таким чином, на нашу думку, є всі підстави твердити, що творчість поета ще потребує докорінних розвідок та дбайливої систематизації, особливо це стосується світських творів митця.

Список літератури

1. Грицай М. С. Давня українська література / М. С. Грицай, В. Л. Микитась, Ф. Я. Шолом. – К. : Вид-во КДУ, 1972. – 154 с.
2. Іваньо І. В. Про українське літературне барокко / І. В. Іваньо // Рад. літ-во. – 1970. – № 10. – С. 41–53.
3. Колеса Ф. Ритміка українських народних пісень / Ф. Колеса // ЗНТШ. – Т. LXXVI. – 1907. – С. 64–116.
4. Колосова В. П. До питання про життя і творчість Івана Величковського / В. П. Колосова, В. Ф. Кречотень // Величковського І. Твори. – К. : Наук. думка, 1972. – С. 16–36.

5. Криса Б. Образ світу в українській поезії 17–18 ст.: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.01 / Б. Криса. — Л., 1994. — 317 с.
6. Лесин В. М. Словник літературознавчих термінів / В. М. Лесин, О. С. Пулинець. — К. : Рад. шк., 1971. — 486 с.
7. Маслюк В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII — I пол. XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні / В. П. Маслюк. — К. : Наук. думка, 1983. — 234 с.
8. Наливайко Д. С. Искусство: направления, течения, стили / Д. С. Наливайко. — К. : Мистецтво, 1981. — 286 с.
9. Перетц В. Н. Новые труды по источниковедению древней русской литературы. II. / В. Н. Перетц. — К., 1909. — 39 с.
10. Перетц В. Отчетъ об экспедиціи семинарія русской филологіи в С.-Петербургъ / В. Перетц // Унив. Извѣстія. — 1913. — № 11. — С. 29–31.
11. Сивокінь Г. М. Давні українські поетики / Г. М. Сивокінь. — Х. : Вид-во держуніверситету ім. О. М. Горького, 1960. — 979 с.
12. Сумцов Н. Ф. Характеристика южно-русской литературы XVII века // Киевская старина. — 1885. — Т. XI. — С. 1–18. Хрестоматія давньої української літератури: До кінця XVIII ст. / за ред. О. І. Білецького. — К. : Рад. шк., 1967. — 783 с.
13. Сулима М. М. Елементи поетики барокко в українській поезії 20-х років / М. М. Сулима // Рад. літ-во. — 1988. — № 6. — С. 19–27.
14. Хрестоматія давньої української літератури : до кінця XVIII ст. / за ред. О. І. Білецького. — К. : Рад. шк., 1967. — 783 с.
15. Чижевський Д. Український літературний барок : нариси. Ч. I. / Д. Чижевський. — Прага, 1941. — 72 с.
16. Яременко В. Витоки українського авангарду / В. Яременко // Сорока М. Зорова поезія в українській літературі кінця XVI–XVIII ст. — К. : Головна спеціаліз. ред. літератури мовами нац. меншин України, 1997. — С. 7–10.

Резюме

В даній роботі розглянуто хронологію досліджень творчості І. Величковського, затронуті проблеми систематизації його поезії в контексті вивчення літератури XVII–XVIII вв. Сделаны выводы о целесообразности анализа тематических и образных уровней светских эпиграмм И. Величковского. Намечены перспективные исследования ранних произведений поэта, а также уточнения спорного авторства некоторых эпиграмм и геральдических эпиграмм.

Summary

The article deals with the problem of chronology of I. Velichkovsky's creations analysis, systemic approach to his poetry within the context of the XVII–XVIII c. literature studies. Deductions have been made of the expediency of considering the topical and imagery levels of I. Velichkovsky's secular epigrams. Prospects of the poet's early works analysis as well as solving the problem of disputable authorship of some epitaphs and heraldic epigrams have been outlined.

УДК 821.161.1-3-051-055.2

И. В. Ивакина

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПОВЕСТИ В. МИКУЛИЧ «МИМОЧКА-НЕВЕСТА»**

Ключевые слова: повествовательная организация, авторское сознание, женский образ, женская литература.

Лидия Ивановна Веселитская (1857–1936), писавшая под псевдонимом В. Микулич, выступила в печати в 1877 году несколькими сказками в детских журналах. Хотя первые произведения Веселитской не остались незамеченными (например, И. С. Тургенев весьма лестно отозвался о появившемся в журнале «Нива» рассказе «Студент»), наиболее известными стали повести о Мимочке, публиковавшиеся с 1883 по 1893 год. Эта трилогия, состоящая из повестей «Мимочка-невеста», «Мимочка на водах» и «Мимочка отравилась», вызвала достаточно широкий общественный резонанс. Лев Толстой так отозвался о повести в своем письме к Л. И. Веселитской: «То, что вам передавал Суворин о моем восхищении перед вашей повестью, наверное, только в малой степени выражает то, как она мне нравится» [1, с. 253]. Была задумана и четвертая повесть – «Мимочка-вдова», но замысел писательницы так и не был осуществлен.

В критической литературе о произведениях В. Микулич складывается парадоксальная ситуация. Так, с одной стороны, критики объясняют интерес к произведениям типичностью образа главной героини. «Все три повести изображают одну и ту же героиню, — писал А. М. Скабичевский в «Истории новейшей русской литературы» (1909), — современную светскую барыньку, неглупую, незлую, но в то же время поражающую своею бесхарактерностью и пустотою. Все, что ни делает она: и выходит замуж, и изменяет мужу, и отравляется — делается как-то зря, до последней степени легкомысленно, точно во сне, а не наяву. Тип этот, конечно, не новый, изображен с увлекательным художественным мастерством и тонким юмором» [2, с. 386]. Н. С. Лесков считавший «Мимочку» «мастерским произведением» [3, с. 530], также отмечает типичность героини. Николай Семенович писал В. Микулич: «Пораздумав долго и много, я нахожу, что «Мимочка-вдова» для четвертого этюда, может быть, и хорошо... С общей точки зрения надо к этому произведению предъявлять такое требование, чтобы эпопея «щипаной курицы» имела в конце заключительное значение в ясной формуле, вроде окончательной фразы в «Ревизоре»: «Чего смеетесь?.. над собой смеетесь!..» Вы это можете сделать и должны это сделать. Поэтому я бы думал, что, дощипав ее до хвоста, надо встать и все перо с нее стряхнуть на головы тех, кому она забава» [3, с. 530]. О типичности жизненной драмы Мимочки и «почти всех женщин русского дворянского класса» говорит, хоть и по-иному, современная исследовательница Е. Н. Трофимова. С ее точки зрения, жизненная драма данных женщин заключается «не только в несвободе внутренней и внешней, но и в неспособности самой искать пути самовыражения и самовоплощения, в неспособности стать личностью» [4].

С другой стороны, все, кто пишет о повестях В. Микулич, отмечают своеобразие художественной манеры писательницы, не объясняя ее (манеры) специфику. Так, Л. Н. Толстой, прочитав первую повесть о Мимочке, спрашивал писательницу о будущих произведениях: «Какой же будет тон следующей [вещи], тоже

особенный, оригинальный или простой – языком автора?» [1, с. 253]. Н. С. Лесков отмечал: «Я не нахожу в «Мимочке» никакого порока; по-моему, там все гармонично и прекрасно», «повесть ... свежа, жива и любопытна ... манера писания чрезвычайно искусна и приятна» [3, с. 526]. Именно этот, по словам Л. Н. Толстого, «тон» повести В. Микулич позволил А. М. Скабичевскому сказать о типе главной героини, что он (тип) «изображен с увлекательным художественным мастерством и тонким юмором».

Любопытно, что Е. А. Колтоновская, которая, наверное, одна из первых сумела выявить характерные черты женского творчества, все же не почувствовала «оригинальности» стиля произведений В. Микулич и не совсем верно проинтерпретировала в своей работе «Женские силуэты» ее творчество, не заметив иронии, с какой описывает своих женских героинь писательница [5].

Таким образом, поэтика произведений В. Микулич не становится предметом специального анализа вообще, что и объясняет актуальность исследования.

В данной статье делается попытка анализа повествовательной организации повести «Мимочка-невеста». Нам бы хотелось обратить внимание на те особенности произведения, благодаря которым повесть Л. И. Веселитской занимает достойное место в литературном процессе конца XIX века.

Повествовательная структура принадлежит к субъектным способам выражения авторской позиции, а они в художественном мире В. Микулич играют очень существенную роль. Система субъектов речи в повестях писательницы не является однородной с точки зрения принципов организации повествования. Повествовательная структура первой повести «Мимочка-невеста» несколько отличается от остальных. Первичным субъектом речи здесь является повествователь, который выступает в двух ипостасях: или ориентирующийся на общепринятую точку зрения (другими словами, отстраняется, надевает «светскую» маску, и отсюда возникает эффект иронии), или максимально приближающийся к авторской (в дальнейшем – автор-повество-

ватель). Создание эффекта иронии (о чем по-разному говорят Толстой, Лесков и Скабичевский) является, на наш взгляд, важной особенностью художественной системы писательницы. Оригинальность поэтики первой части трилогии В. Микулич, а также постановка и решение здесь проблемы воспитания женщины и связанной с ним дальнейшей ее судьбы позволяют не согласиться с мнением некоторых исследователей, что первая часть (как и третья) уступает второй — «Мимочке на водах».

Вот характерный образчик повествовательной манеры «Мимочки-невесты», когда повествователь выражает точку зрения света:

— Вы очень любите вашего жениха? — спрашивают Мимочку.

— Я еще слишком мало знаю моего жениха для того, чтобы любить его, но я его ... уважаю, — отвечает она.

Какова Мимочка! Никто не ожидал, что она ответит так *умно*. Все тетушки находят, что она ответила очень умно, а до сих пор Мимочка еще никогда не проявляла более ума, чем полагается такой хорошенькой девушке, как она» [6, с. 5]. Часто показательным признаком присоединения повествователя к общепринятой точке зрения является употребление слова «действительно». «Она уважает своего жениха. И, действительно, Спиридон Иванович вполне достоин ее уважения. Это человек со средствами, с маленьким чином и довольно заметным служебным положением, — уже не молодой, но еще и не очень старый: он некрасив, лыс, пожалуй, слишком толст, но еще молодец хоть куда и смело мог бы посвататься и к богатой невесте» [6, с. 5].

Общепринятая точка зрения сама по себе неоднородна, состоит из множества голосов, повествователь включается в это «многоголосие»:

— И за что это, право, Мимочке такое счастье! Я знаю, что многие из ее сверстниц и приятельниц, и особенно их маменьки, готовы лопнуть от зависти и досады, что не им достался Спиридон Иванович, и говорят, будто его безбожно ловили, будто Мимочку ему предлагали, навязывали... Но, Боже мой, чего не говорят завистливые женские языки! — Вместо того, чтобы

повторять эти нелепые предположения, порадуемся лучше за Мимочку, порадуемся за нее от всего сердца, как это и делают ее добрые тетушки.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — говорит тетя Софи, — я так рада за Мимочку. Надеюсь, что она будет с ним счастлива. Это и хорошо, что он немолод: Мими еще такой ребенок; ей нужно человека пожилого, серьезного...

— Конечно, хорошо, что он не молод, — подтверждает тетя Мари, — такого мужа еще легче держать под башмаком. И как добрая тетка я советую тебе, Мимочка, вовремя прибраться к рукам твоего Спиридона Ивановича.

— Я говорила вам, что все делается к лучшему, — заканчивает тетя Жюли. — Подумайте, какое счастье, что вы тогда «разорвали» с этим негодяем.

И действительно, все делается к лучшему», — соглашается с этим повествователь и рассказывает «историю» первого Мимочкиного жениха [6, с. 5–6]. Когда после рассказа произносится фраза «И как же не сказать, в самом деле, что все делается к лучшему?», казалось бы, наступает время высказать свое мнение Мимочке, однако для читателя остается неясным, слышит ли он голос главной героини или опять же звучит голос повествователя, ориентирующегося на общепринятую точку зрения. «Слава Богу, Мимочка снова невеста, снова принимает поздравления... На этот раз назначен не только день, но и час свадьбы, и час этот так близок, что у подъезда стоит уже карета тети Жюли, заложённая парой ее вороных, готовых мчать Мимочку в церковь «Уделов», где уже собираются приглашенные» [6, с. 11].

Два варианта присутствия повествователя находятся в диалогических отношениях друг с другом. Часто переход от одного к другому не отмечается никакими знаками. Так, в произведении подробно описывается Мимочкино воспитание и образование, причем подчеркивается типичность такого образования: «в большинстве случаев Мимочки не оканчивают курса по слабости здоровья или по непредвиденным обстоятельствам» [6, с. 12. Курсив мой — И. И.]. В результате такого

воспитания героиня «умела говорить и читать по-французски; умела и писать на этом языке настолько, что довольно свободно могла составить и приглашение на чашку чаю и деловое письмо к портнихе», а «что-то» еще, чему учили в пансионе, «было ненужно, неважно и неинтересно», поэтому Мимочка забыла его [6, с. 12]. Все обучение героини на этом закончилось. «Да и скажите, положа руку на сердце, — спрашивает ироничный автор-повествователь, — нужны ли хорошенькой женщине какие-нибудь знания, кроме знания французского языка? Указывают ли ее потребности, ее радости, ее деятельность на необходимость каких-нибудь других познаний?» [6, с. 12]. Мимочка не читает произведений русских писателей, потому что и мама, и тетушки убеждены в том, что «по-русски читать совсем нечего, да и незачем».

Нередко диалогические отношения проникают внутрь самих реплик диалога:

«Но, скажут, есть же и у нас писатели. Ну, положим, что есть. Однако, что же, все-таки, из них можно дать в руки Мимочке?»

Может быть, «Обрыв» Гончарова? «Накануне» Тургенева? «Грозу» Островского? «Анну Каренину» гр. Толстого? «Головлевых» Щедрина? «Карамазовых» Достоевского?

— Да вы видели ли Мимочку? Видели ли вы это невинное женственное существо, эту Миранду, слетевшую не то с облака, не то с модной картинки?

Нет, уж пусть лучше Мимочка читает Октава Фелье, с его чистым как ключевая вода слогом, с его поэтическими героями и героинями, судорожно кривляющимися в неестественной борьбе их неестественных страстей с выдуманным долгом. Если Мимочке скучен Октав Фелье, она найдет во французской литературе и другой материал. Пусть она читает Понсона дю-Террайля. Сказки, скажете вы. Пусть так, но сказки интересные, увлекательные» [6, с. 12].

Показывает ли писательница отношение Мимочки к чтению подобных книг? Следующий отрывок, на первый взгляд, демонстрирует точку зрения героини, однако заключительная

фраза, явно принадлежащая повествователю (Мимочка не читала романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»), не позволяет выделить субъективную точку зрения героини из голоса «светского» повествователя. «Весело бегать по освещенным газом улицам Парижа <...> Весело, то с замирающим, то усиленно бьющимся сердцем и грациозно приподнятым подолом пробегать через темные неведомые трущобы, проникать в уголки блестящих кокоток, нежиться на их бархатных и атласных кушетках, брать с ними молочные ванны, купаться в шампанском, украшать себя кружевами и бриллиантами, пировать, сорить деньгами, сентиментально влюбляться в какого-нибудь прекрасного, скромно одетого юношу, незаконного сына, в конце концов оказывающегося виконтом, маркизом или даже принцем и непременно миллионером. — Пусть все это сказки; но, по крайней мере, это не такие мрачные сказки, как сказка об Анниньке и Любиньке!». Позиция писательницы выражается далее достаточно отчетливо: «И Мимочка, между туалетом и выездами, поглощает эту легкую литературу и незаметно отравляется ею» [6, с. 13–15].

Перед Мимочкой, с точки зрения автора, открывается несколько перспектив дальнейшей жизни. Первая — «выйти замуж за такого же бедняка, как она, — предположим за человека молодого, честного, энергичного и любящего, достойного любви и уважения, но не владеющего ни домами, ни поместьями, ни акциями, ни облигациями, не имеющего других источников дохода, кроме своего труда». «Светский» повествователь сразу же оспаривает эту перспективу: «Разве Мимочка задумалась бы полюбить его? Да ни на минуту! Но согласитесь, что не так легко полюбить бедного русского молодого человека, который не получит никакого наследства, который не носит перчаток, может быть, не говорит по-французски, а если и говорит, то со скверным выговором, — который думает, что женщина должна серьезно учиться и трудиться, который зарабатывает свой кусок хлеба уроками, литературным трудом, может быть, даже сидит писцом в какой-нибудь конторе или служит на железной дороге чем-то

чуть ли не вроде кочегара (потому что ведь бывают даже и такие молодые люди!) <...> Короче, Мимочка, кто беден, вам не пара». С этой точкой зрения соглашается татап, которая никогда не допустит «плодить нищих», по ее выражению. «А татап, — продолжает «светский» повествователь, — опытна и знает, что говорит. Она знает, каково жить на маленькие средства» [6, с. 18–20].

Другая перспектива — «отложить надежду на замужество и примириться с мыслью остаться никому не нужной старой девой». «Это хорошенькой-то Мимочке, — в скобках замечает «светский» повествователь, — которая уже с семи лет знала, что ей к лицу, и плакала, если ей повязывали на голову не ту ленточку, которую ей хотелось!» Героиня могла бы жить своим трудом, могла бы «сделаться женщиной-врачом, женщиной-кассиром, бухгалтером», но «Мимочку воспитывали совсем не в таких идеях!». К чему все эти разговоры о женском труде и женской самостоятельности, «к чему мудрить, — звучит тот же голос, — когда призвание и обязанности женщины указаны ей Богом и природой. Она должна быть женой и матерью, подружкой мужчины, из ребра которого ее для него и создали». «А потому, Мимочка, — заключает уже другой голос повествователя, — ждите, ищите и ловите себе жениха, конечно, надежного и «обеспеченного». Вот вам третья перспектива, третий (и кажется единственный возможный для вас) исход из вашего настоящего положения» [6, с. 20, 22].

Из приведенного анализа видно, что характерной чертой повествовательной организации произведения является полное отсутствие голоса героини, ее точки зрения. Только в конце произведения Микулич использует диалог, чтобы «заставить» героиню высказаться. «Мимочка показывается на пороге церкви <...> «Гряди, гряди, голубица»...

Но знаете ли вы, куда вы грядете, бедная голубица? Подумайте, Мимочка, не остановиться ли, пока еще не поздно?

«Зачем?.. И о чем тут думать. Все так выходят. Ведь надо же когда-нибудь сделать этот шаг. Ведь надо же. Куда же в самом деле деваться?!»...

— Но вы бледны, Мимочка; вы опускаете ресницы, и восковая свеча слегка дрожит в вашей маленькой ручке... Вам страшно? Вам стыдно?

— Нет, но как-то жутко и неловко...».

Однако и этот диалог оказывается только фантазией автора. «Но я брежу. Мимочка вовсе не в церкви. Она еще у себя в комнате и стоит перед большим зеркалом, не в силах оторваться от созерцания нового платья» [6, с. 27]. Героиня так и не высказывает собственную точку зрения, потому что ее (точки зрения) не существует, за Мимочку всегда говорил «светский» повествователь. Дальнейшая судьба такой Мимочки достаточно определена: «пройдут медовые месяцы, показывания знакомым и приятельницам новых платьев и шляпок, и потянется серенькое бесцветное житье со Спиридоном Ивановичем». «Впрочем, — замечает автор, — Мимочка будет выезжать и принимать, одеваться и раздеваться. Но ни любви, ни дружбы между супругами не будет, не будет и уважения». «Они будут жить *так*; живут же другие! И ведь если не жить *так*, то еще хуже», — делает вывод «светский» повествователь [6, с. 27–28].

Е. Н. Трофимова точно подметила, что «Микулич почувствовала основную проблему женщины, а именно — в навязанной ей миром роли, в которой женщина всегда вторична, подчинена, лишена независимой свободной воли» [4]. Добавим к этому еще один вывод, касающийся особенностей художественной манеры В. Микулич. Раз у Мимочки нет своего голоса и ее судьба predetermined заранее установками света, она, с точки зрения автора, не может быть героиней «серьезного» романа, а автор, соответственно, не может претендовать на роль «серьезного» автора. «Вы ожидали, может быть, Мимочка, что я последую за вами и в церковь, и далее, и далее... Уж не думали ли вы, <...> что я намерена вывести вас перед читателями в качестве героини романа?.. Полноте, Мимочка, вы так же мало годитесь в героини, как я в авторы серьезного романа» [6, с. 30]. Как видно, слова из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: «Экая милочка, невеста-то, как овечка убранныя! А как ни говорите, жалко нашу

сестру», относящиеся к Мимочке [6, с. 30], характеризуют не только положение женщины в обществе в целом, но и положение писательницы (автор-женщина не может претендовать на роль «серьезного» автора), о котором пишет Симона де Бовуар: «драма женщины – это конфликт между настоятельной потребностью личности утвердить свою самоценность и ее положением, в основе которого лежит представление о ее ущербности» [7].

Перспективным представляется анализ субъектов речи в повестях В. Микулич «Мимочка на водах» и «Мимочка отравилась», в которых образ главной героини предстает в необычном ракурсе, не имеет аналогов в русской литературе второй половины XIX века, создавая который Л. И. Веселитская пытается осознать роль и место женщины (и писательницы) в современном ей обществе.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910 / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1984. – 879 с.
2. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы / А. М. Скабичевский. – СПб., 1909. – 486 с.
3. Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11. / Н. С. Лесков. – М. : Худож. лит., 1958. – 862 с.
4. Трофимова Е. Проблема женственности в трилогии о Мимочке В. Микулич [Электронный ресурс] / Е. Трофимова // Клименкова Т. А. Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века / Т. А. Клименкова, Е. И. Трофимова, Т. Г. Тройнова ; Жен. информ. сеть ; ООО «Мощные компьютерные технологии». – М., 2002. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (44,4 Кб).
5. Колтоновская Е. А. Микулич / Е. А. Колтоновская // Женские силуэты (Писательницы и артистки). – СПб., 1912. – С. 102–125.
6. Микулич В. Мимочка-невеста / В. Микулич // Вестн. Европы. – 1883. – № 9. – С. 5–30.
7. Бовуар С. Второй пол [Электронный ресурс] / С. Бовуар // Б-ка Гумер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Bovuар/32.php. – Загл. с экрана.

Резюме

У статті аналізується розповідна організація повісті В. Мікулич «Мімочка-наречена». Система суб'єктів мовлення, як форма вираження авторської свідомості, виявляє позицію Л. І. Веселитської щодо ролі і місця жінки (і письменниці) в сучасному їй суспільстві.

Summary

The article deals with the problem of organizing the narration in the novelette 'Mimochka the Bride' by V. Mickulich. The system of speech subjects as a way of expressing the author's perception reveals L. Veselitskaya's viewpoint as to the place of a woman and a writer in her contemporary society.

УДК 821.111(73)-1'255.4

А. А. Ивахненко

**СТИХОТВОРЕНИЕ 303 Э. ДИКИНСОН
В ПЕРЕВОДЕ Л. СИТНИКА**

Ключевые слова: Э. Дикинсон, поэтический перевод, Л. Ситник, перекодировка, пересоздание, тема Бога.

Объект исследования данной статьи – творчество американской поэтессы XIX века Эмили Дикинсон в восприятии русскоязычных переводчиков, *предмет* исследования – переводческие стратегии по классификации автора статьи, использованные при работе с оригинальным текстом. *Материалом* для исследования послужило стихотворение 303 в оригинале и в переводе Л. Ситника. *Актуальность* исследования подтверждается неиссякающим интересом ученых как к проблемам поэтического перевода, так и к творчеству Э. Дикинсон. *Новизна* работы заключается в использовании авторской классификации переводческих стратегий. *Перспективой* может стать исследование передачи образов Эмили Дикинсон различными переводчиками.

Как известно, работая непосредственно с оригиналом, переводчик вступает с ним в диалог, воспринимая сам текст и все контексты, в которых он существует, с позиций человека двух культур: целевой и исходной. Уже на этапе первого ознакомления с текстом у переводчика возникает определенное целостное впечатление о нем, которое неминуемо будет влиять на процесс создания целевого произведения. В зависимости от этого впечатления переводчик будет подбирать соответствующие лексические и стилистические эквиваленты и принимать решение по поводу окончательной формы текста на своем языке. При этом на него влияет бесчисленное количество факторов, среди которых знакомство с целевой литературой играет далеко не последнюю роль (не случайно Е. Витковский о своей деятельности говорит следующее: «Я обычно стараюсь найти аналогии в русской культуре. Когда аналогии нет — получаются 15 лет работы над Валери» [4]). А поскольку каждый акт чтения уже представляет собой интерпретацию, неудивительно, что переводчик, собственно говоря, воссоздает не оригинальный текст сам по себе, а свое видение этого текста. Именно это и дает возможность говорить о «диалоге» между текстом и читателем в широком смысле. Мы предлагаем разбить этот диалог на три уровня: межличностный, межлитературный и межкультурный. На *первом* из них переводчик воспринимает и интерпретирует текст как отдельная личность, со своими предпочтениями и вкусами; его интерпретация отличается от исходного произведения, как правило, на стилистическом уровне, а в своих крайних проявлениях доходит до переработки сюжетной линии. Если изменения внесены в текст из-за разницы в литературных традициях двух стран (напр., использование строго определенного метра в данном стихотворном жанре), можно говорить о диалоге на *межлитературном* уровне. *Межкультурный* диалог происходит в том случае, когда в произведении заменяются некоторые реалии или используются определенные языковые обороты, отражаются архетипы целевой культуры и т. д.

Осуществляя диалог с первичным текстом, автор перевода

использует одну из двух стратегий — *перекодировку* или *пересоздание* — или их комбинацию. Предлагая разделять преобразование оригинала в целевой текст на *перекодировку* и *пересоздание*, мы исходим из того, что при переводе неизбежно происходит смена языкового, а иногда — и поэтико-художественного кода. Языковой уровень текста всегда подчиняется смене кода из-за самого акта перевода. Если расхождения первичного и вторичного текстов касаются преимущественно уровня языка, в то время как на поэтико-художественном уровне сохраняется целостность оригинала (неизменными остаются семантико-лексическое наполнение, стилистика, строфика, метрика, рифма и т. п. — то есть **смена кода** происходит лишь на уровне языка), мы имеем дело с *перекодировкой*. Наличие же существенных расхождений в композиционной структуре произведения означает *перекодировку* (т. е. **смену кода**) уже в области **поэтического языка**. В этом случае имеет место *пересоздание* исходного текста: здесь переводчик старается создать в принимающей культуре не **эквивалент**, а скорее **аналог** оригинала.

Не вызывает сомнений, что разные типы поэтического текста предъявляют разные требования к переводчику. Но это не препятствует избранию единого подхода к решению проблемы воспроизведения стиха на другом языке. То есть *перекодировка* выступает одним из универсальных методов переводческого творчества, способным действовать в любых художественно-стилевых системах. Между тем, естественно, что в каждом типе подлинника переводчик, пользуясь методом *перекодировки*, достигает разных результатов — не со стороны эстетического качества или меры адекватности, а с точки зрения актуальности тех или иных уровней текста.

Что касается *пересоздания*, то в чистом виде к нему чаще всего прибегают в тех случаях, когда автор оригинала старался раскрыть возможности языка во всей его многогранности, включал в текст множество аллюзий (напр., Дж. Г. Байрон в *Don Juan*), акцентировал внимание на эвфонии произведения (напр., Э. А. По в *The Bells*) — по той простой причине, что передать

изящество авторского слога, используя большое количество лексем-эквивалентов и одновременно выдерживая избранную в оригинальном произведении форму на другом языке, невозможно. Во многих случаях стратегия пересоздания приводит к значительным переделкам текста и даже переосмыслению некоторых его частей (напр., *Faust* в переводе Б. Пастернака). Пересоздание также часто избирается в тех случаях, когда сама форма исходного текста слишком необычна для принимающей литературы, чтобы воссоздавать ее «как есть» — впечатление от такого стихотворения будет значительно отличаться от привычной к подобным формам среды исходной культуры и пользующейся иными принципами построения поэзии культуры целевой. Как мы увидим ниже, необычность формы стихов Э. Дикинсон в большинстве случаев вынуждает переводчиков прибегать к элементам пересоздания, иногда изменяя текст радикальным образом.

Впрочем, сама жизнь американской поэтессы была слишком необычной, чтобы написанные ею стихи вышли «такими, как положено»: по возвращении домой после учебы в колледже она постепенно отдалялась от общества, и наконец полностью укрылась в своей комнате, куда никого не пускала, и стала одеваться исключительно в белое. Выдвигалось много предположений относительно причин такого поведения [3; 5; 11; 12], но единственно верного так и не было найдено. В своем творчестве Эмили Дикинсон стремилась переделать увековеченные законы стихосложения, а именно — его композиционные принципы. Первое, что бросается в глаза, — необычные рифмовка и пунктуация. Стихи Э. Дикинсон очень часто лишены рифмы, а если она встречается, то не на всем поле текста, а лишь в некоторых строках. Или наоборот — в почти целиком рифмованный текст вводится одна или две нерифмованных строки, таким образом выделяя важную для поэта идею. Также нуждается во внимании специфическая пунктуация, присущая автору, точнее — ее отсутствие, ведь автор вместо разделительных знаков ставит тире, и нередко использует его даже там, где никаких разделительных

знаков не должно быть. По мысли С. Джимбинова, подобный синтаксис придает произведениям Дикинсон прерывистость дыхания, которая в конце концов способствует небывалой интенсивности переживаний [1, с. 27]. Еще один характерный прием — написание с больших букв слов, которые на первый взгляд не обладают никаким особым значением, но, оформленные таким образом, приобретают его. Вообще, все «необычности» стиля поэта, как пишет переводчик ее стихов А. Гаврилов, «на самом деле значатся в арсенале приемов стихосложения и имеют свои названия: гиперметрия и многометрия, анакруза и антианакруза, альтернатива размеров и т. п., хотя она, наверное, этого не знала и писала так, как ей это подсказывало чувство ритма» [3, с. 201]. А ее тире вообще легко «переносятся» в русскую поэтическую культуру в виде многоточий. Из-за этих особенностей стихосложения Дикинсон ее произведения, с одной стороны, должны быть очень легкими для перевода (ведь в них чаще всего отсутствует рифма, соблюдение которой всегда ограничивает возможную точность перевода); с другой стороны, ее стихи кажутся такими естественно простыми, на первый взгляд доступными для восприятия любого неопытного читателя, что именно эта простота вызывает огромные трудности: ведь, как известно, все гениальное просто, и сложность состоит именно в воспроизведении неразрывного единства простоты и изысканности, очевидности и скрытой глубины, непосредственности и хорошо организованной красоты поэтического высказывания.

Перейдем непосредственно к сравнительному анализу оригинала стихотворения 303 [9] и его перевода на русский язык, выполненного Л. Ситником [9]. Сначала рассмотрим формально-стилевые особенности исходного текста, а затем проверим, какие из них сохранились при воссоздании произведения на русском языке.

The Soul selects her own Society —
Then — shuts the Door —
To her divine Majority —
Present no more —

Unmoved – she notes the Chariots – pausing –
At her low Gate –
Unmoved – an Emperor be kneeling
Upon her Mat –

I've known her – from an ample nation –
Choose One –
Then – close the Valves of her attention –
Like Stone –

1. Форма оригінала. Рифмовка: авав, чередование мужских (четные строки) и женских (нечетные строки) рифм, почти все рифмы неточные; метр: ямб – четырехстопный в нечетных строках и двухстопный – в четных, присутствуют спондеи (2-я строка первой строфы и 3-я строка третьей строфы).

2. Содержание. Интересна 1-я строка текста: фразу *The Soul selects her own Society* (душа выбирает свое собственное общество) можно понять двояко: 1) речь идет о предпочтении одиночества (the society of one's own); 2) душа выбирает узкий круг людей, с которыми ей приятно общаться. И только последняя строфа вносит ясность: *from an ample nation – | Choose One – выбирает одного из огромного количества людей*. Здесь можно увидеть аллюзию на слова Иисуса: «много званых, да мало избранных». В первой строке также чувствуется ирония: это «избранное общество» Дикинсон называет *divine Majority* – то есть, буквально, «божественным Большинством». В предпоследней строке использовано слово *Valves*, обладающее ярко выраженной технической направленностью: это «заслонка», «клапан», «затвор» и так далее. Но в следующей же строке эти задвижки сравниваются с камнем – *Like Stone*. Почему, откуда такое сравнение? По нашему мнению, тут можно предположить следующее: *Valves* – как технический термин – буквально «кричит» о современности описываемых отношений (*закрывает шлюзы своего внимания*), в то время как камень – *Stone* – в роли отгороженности от мира, своеобразной «двери» – напоминает о древности, о тех камнях, которыми закрывали вход в склепы еще во времена

Иисуса. Таким образом, возникает интересная аллюзия: во-первых, на неизбежность и актуальность древнего желания «отгородиться», замкнуться от окружающих (вспомним, как сама Эмили в реальности отгородилась от всех дверью своей комнаты, куда не пускала никого); а во-вторых, поскольку камень закрывает склеп, на идею погребения заживо, в данном случае — добровольного. На это же намекают и слова о том, что собой представляет сама дверь — *low Gate*, то есть «низкая», находящаяся у самой земли, могилы. Не случайно эти слова написаны с большой буквы — так поэтесса акцентировала внимание на наиболее значимых, по ее мнению, элементах текста.

Теперь обратимся к целевому произведению и посмотрим, какие образы в нем были переданы.

Душа выбирает общество —
И запирает дверь,
К ее Священной Особе
Не проникнуть теперь.

Она неподвижна, когда колесница
Стоит у ворот,
И Император на коврике,
Став на колени, ждет.

Она из простого народа
Выберет одного,
И будет дарить вниманием
Только его.

1. Форма. Система рифмовки: рифмуются только четные строки, одна неточная рифма (*ворот — ждет*); использованный метр: ямб, хориямб, анапест с пиррихиями в различных сочетаниях. Особенность пунктуации и правописания Э. Дикинсон не передана, хотя некоторые значимые слова все же выделены заглавной буквой (*Священной Особе, Император*).

2. Содержание. В первой строфе текста, как и в ранее проанализированных переводах, слова *divine Majority* получили

індивідуальную трактовку создателя целевого произведения: здесь они переданы как *Священная Особа*, что существенно ближе к первоисточнику хотя бы потому, что определение, данное Э. Дикинсон душе, сохранено. «Закрытость» же души для окружающих, выраженная в оригинале определением (*Present no more*), передана с помощью глагольной конструкции: *Не проникнуть*. Во второй строфе переводчик не воссоздал повтор *Unmoved*, убрав дробность фраз и заменив их сочетанием сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Также следует отметить, что Л. Ситник буквально перевел определение *Unmoved* как *Она неподвижна*, не заметив или не посчитав важным другое значение слова: «нетронутый», «оставшийся равнодушным». В отличие от предыдущих переводов, здесь сохранен коврик у ворот души. Интересен выбор эквивалента лексеме *Chariots* – Л. Ситник предпочел поэтический вариант *колесница*. В заключительной, третьей строфе, как и в предыдущих целевых текстах, выпущена фраза *I've known her*, позволяющая отнести сказанное поэтессой к ней самой. Многочисленность, огромность народа, из которого душа выбирает себе собеседника, в переводе была заменена понятием «простой народ», хотя Э. Дикинсон вовсе не говорит о том, что представители высшего общества не могут быть избранными душой. Третья строка, содержащая технический термин *Valves*, переведена антонимически, а термин опущен: ср. *Then – close the Valves of her attention* и *И будет дарить вниманием*. «Камень» из последней строки, как бы подводящей итог всему стихотворению, не нашел своего отражения в переводе.

Проведя сравнительный анализ оригинала и этого перевода, можно сделать следующий **вывод**: прежде всего, необходимо отметить, что первые две строфы Л. Ситник передал достаточно близко к исходному тексту, однако последняя строфа подверглась значительным переделкам. Принцип пунктуации Э. Дикинсон сохранен не был, особенности ее правописания нашли лишь незначительное отражение в целевом произведении. Диалог происходил на уровне личности (*divine Majority* – *Священной*

Особе, Untmoved – Она неподвижна, Chariots – колесница) и литературы (обычная пунктуация). Вся последняя строфа, на наш взгляд, представляет собой диалог на уровне культур: выбор простого человека и вознесение его к избранным встречается еще в русских сказках про Иванушку-дурачка, в итоге получающего царевну и пол-царства в придачу. Таким образом, данный перевод представляет собой гибрид частичной перекодировки (первые две строфы) и типичного пересоздания (третья строфа).

Список литературы

1. Американская поэзия в русских переводах XIX–XX вв. / сост. С. Б. Джимбинов. – М. : Радуга, 1983. – 672 с.
2. Дьяконова Н. Г. Поэзия и перевод: Аркадий Гаврилов – истолкователь Эмили Дикинсон / Н. Г. Дьяконова // Нева. – 2002. – № 5. – С. 200–202.
3. Калашникова Е. Евгений Витковский: «Точность в переводе невозможна» / Е. Калашникова. – Режим доступа : <http://www.trworkshop.net/faces/vitkovski.shtml>.
4. Позднякова Л. Р. История английской и американской литературы / Л. Р. Позднякова. – Ростов-н/Д : Феникс, 2002. – С. 268–271.
5. Сайт Анатолия Кудрявицкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kudryavitsky.narod.ru/dickinson.html>.
6. Финкель В. Поэзия Эмили Дикинсон и цензура в бывшем Советском Союзе (1969–1982) [Электронный ресурс] / В. Финкель. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/slovo/2008/58/fi27.html>.
7. Чеснокова Т. В. Поетичне слово Лесі Українки та Емілі Дікінсон: до проблеми типології / Т. В. Чеснокова // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. (сер.) Мовознавство. – 2000. – Вип. 5. – С. 161–164.
8. Эмили Дикинсон. Стихотворения. – [Электронный ресурс] / Эмили Дикинсон. – Режим доступа: www.lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi.txt.
9. Эмили Дикинсон. Стихотворения. – [Электронный ресурс] / Эмили Дикинсон. – Режим доступа: <http://lib.guru.ua/POEZIQ/DIKINSON/stihi3.txt>.
10. Literature and Language. American Literature : Annotated Teacher's Ed. / Senior Consultants : A.N. Applebee et al. – Evanston : McDougal : Littell, 1992. – 1066 p.

11. Loving J. Dickinson Emily / J. Loving // The World Book Encyclopedia. – V. 5 : D. – Chicago : World Book, Inc., 1994. – P. 190–191.

12. The Norton Anthology of American Literature / Ed. Nina Baym et al. – New York : W.W. Norton & Company, 1995. – 272 p.

Резюме

У статті подається визначення двох видів перекладу за класифікацією авторки, виокремлюються рівні діалогу перекладача з текстом. Наводиться порівняльний аналіз оригіналу вірша 303 Е. Дікінсон і його перекладу Л. Ситника. Робиться висновок щодо рівнів діалогу (*міжособистісний, міжлітературний, міжкультурний*) та використаної стратегії (гібрид *перекодування та перестворення*).

Summary

The author of the article describes two types of translation strategy and three types of the dialogue between the translator and the text, provides a comparative analysis of poem 303 by E. Dickinson and its translation made by L. Sitnik, and arrives at the conclusion on the levels of a dialogue (*interpersonal, interliterary, intercultural*) and the strategies (a mixture of *re-coding and re-creation*) used by the translator.

УДК811.581'01'255.2:294.3

О. А. Кальниченко, Н. М. Кальниченко

ТЕОРІЯ ПЕРЕКЛАДУ БУДДІЙСЬКИХ ТЕКСТІВ У КИТАЇ II–X СТ.

Ключові слова: переклад, «простий» переклад, «складний» переклад, уподібнення значення, «буддійські сутри», Китай.

Одним із основних питань сучасної теорії перекладу є питання того, чи представляє собою поняття «переклад» універсальну категорію. Порівнюючи історію та теорію перекладу в Європі та Китаї, ми бачимо, що наше визначення перекладу, очевидно, не є універсальним, а обумовлене культурою. Скажімо, на Заході

під перекладом розуміють неодмінно письмовий переклад, створений одним перекладачем, який читається про себе кожним із читачів поодиноці і має першоджерельний текст, тоді як в Китаї переклади, часто виконувані великою групою перекладачів, бачилися переважно як усні, що читачами нерідко декламувалися або співалися вголос [11]. Тому дослідження поглядів на переклад у стародавньому Китаї, що є предметом даної публікації, видається особливо актуальним. В історії перекладу в Китаї першим вершинним періодом перекладацької діяльності став період перекладу буддійських сутр (середина II – початок XI ст.) [9], і метою даної статті є аналіз висловлювань про переклад в Китаї цього періоду. Матеріалом дослідження стали висловлювання на теми перекладу осноположників буддійської перекладацької традиції в Китаї, якими були Чжицянь (III ст.), Даоань (IV ст.), Кумараджива (IV–V ст.), Яньцун (VI–VII ст.), Сюаньцзан (VII ст.) та Цзаньнін (X ст.), які не лише вирішували практичні завдання перекладу, але й заклали основи теорії перекладу індійських текстів китайською мовою, а висунуті ними принципи сприяли адаптації на китайському ґрунті чужих китайській традиції буддійських текстів [3].

Найдавніше відоме нам в китайській літературі обговорення проблем перекладу міститься в передмові до *Дхарма-сутри* (*Фацзюцзинсю*), що належить пензлю Чжицяня. У цій передмові, де заперечувався буквалістський підхід до текстів, Чжицянь висловив своє ставлення до існуючих перекладів, які, на його думку, мали бути не лише вірними, але й милозвучними [1, с. 129]. *«Вігхна з Індії прийшов до Вучана 224 року. Я вивчив ці п'ять сотенгатх [гатха – релігійний вірш у індусів] під його проводом і попросив його колегу Чжу Цзянгуаня перекласти їх китайською мовою. Хоча Чжу добре знав санскрит, китайську мову він знав мало. Він часто диктував свій переклад санскритом [транскодував]. Унаслідок цього мова перекладу була надто простою та прямою. Спершу я заперечував проти цього, бо виходило не гарно. Але Вігхна сказав: «Переклади вчення Будди мають передавати його слова без прикрас і відтворювати його канон в істинному*

світлі. Добрий перекладач священного письма повинен перекладати текст зрозуміло і без втрати значення». І решта вторили як луна: «Лаоцзи сказав: "Красиві слова не є вірними, а вірні слова – красивими"». Передаючи значення, яким воно є на санскриті, слід перекладати переважно прямо» [7, с. 46].

Ши Даоань (314–385), якому належить перша серйозна спроба теоретично обговорити проблеми перекладу, був «професійним теоретиком», бо сам він, не знаючи іноземних мов, перекладів не робив, а лише, очолюючи групу перекладачів, порівнював різні переклади буддійських сутр. В одній із праць стосовно висловлювання свого колеги, секретаря імператора, що «більшість перекладачів минулого підлаштовували свої переклади під сучасний їм стиль, бо їм не подобалася простота санскриту», він зауважив: «З цим я не згоден. Причина полягає в тому, що метою перекладу є передача смислу першоджерела, якого інакше не досягти. Чому простота стилю має значення? Простий стиль сутр був зумовлений духом того часу, коли вони склалися, і це робилося з наміром. Але якщо переклад недосконалий, вина у цьому перекладача» [12, с. 382]. Даоань відстоює точку зору, що «переклад має якнайтісніше дотримуватися джерела, не пропускаючи жодного слова, і нічого не змінювати, крім неправильного порядку слів» [12, с. 382]. Зважаючи на ці цитати, ми можемо його зарахувати до школи простого перекладу. Найвідоміша з теорій Даоаня – це теорія «пяти типів втрат під час перекладу» (*ву ши бен*) та «трьох складностей» (*сан бу ї*), що є неминучими під час перекладу із санскриту китайською мовою, які він виклав в передмові до *Маха-праджня-параміта-сутри*. Перші два типи такі: «По-перше, джерельний порядок слів можна змінити, аби він відповідав правилам китайського порядку слів. По-друге, санскрит – мова проста, але китайці любляють відшліфовувати літературний стиль, аби догодити смакам широкої аудиторії, і бажаного результату можна досягти лише звертаючись до прикрашаючого стилю» [12, с. 290]. Чимало слів Даоань адресував питанню вилучення частин, що повторюються, і три останні з пяти типів втрат звернені до цієї проблеми. А далі йдеться про «три

труднощі», що виникають при перекладі: труднощі перекладу із стародавньої мови на мову сучасну; труднощі у людей з неглибокими знаннями під час перекладу давніх філософських думок; труднощі внаслідок недостатньо серйозного ставлення до перекладу сутр [1, с. 130]. Даоань першим в Китаї поставив питання про правильність цільової мови та точність передачі змісту джерельного тексту. Саме Даоань почав обговорення критеріїв перекладу, що виявилось надзвичайно важливим для закладення теоретичного фундаменту перекладу [3]. Проте до перестановок Даоань підходив вибірково: *«Колись я отримав книгу повчань від Факуана... Мені не сподобався її простий стиль... Вважаючи, що вона занадто велеречива і містить забагато повторів, я попросив Хуейгана усунути ті уривки, що повторюються. Хуейган підвівся і сказав: «Ні в якому разі, пане, ми не повинні цього чинити. Ці повчання такі самі, як і вчення Конфуція... Ми маємо класичні праці з цього вчення..., які прості й прямолінійні за стилем, але ніхто не наслідиться змінити їх, бо ми розуміємо, що це слова правителів-мудреців і їх необхідно дотримуватися. Із цієї причини, коли йдеться про буддійські повчання, які шануються святими і достойними, невже нам варто робити зміни з тим, аби підлаштувати їх до місцевих переваг?.. Врешті-решт, переклад близько слідував за джерелом, і лише перевернутий порядок слів було змінено на прямий» [12, с. 413]. Чому Даоань не наполягає цього разу на тому, аби вилучати повтори? Слова писаря Хуейгана дають відповідь: вони переклали буддійські настанови, що подібні до сьогоднішніх законів. Даоань записав цю історію, бо невиразно відчув, що існує взаємозв'язок між типом тексту та стратегією перекладу, хай навіть він і не створив типології перекладу. Внесок Даоаня в китайську теорію перекладу полягає у фактичному звільненні перекладача від ярма «простого» перекладу [7, с. 48].*

Другий етап перекладу сутр – «золота доба» перекладної літератури в Китаї – позначений участю видатних іноземних ченців, які вивчили китайську мову і могли усно здійснювати переклад текстів китайською на перекладацькому форумі без

допомоги тлумачів. Їх усні переклади занотовувалися писарем, який потім перевіряв записані тексти безпосередньо з ченцем-перекладачем [8]. Найплодовитішим перекладачем на початку IV ст. був Кумараджива, родом з Кучі в Сінцзяні, який за дев'ять років проживання в столиці Китаю Чанані передав понад 300 розділів сутр китайською мовою [4]. Якщо в перекладах до нього використовувалися поняття та ієрогліфи, знайомі китайській думці, то, перекладаючи буддійський канон, Кумараджива створив термінологію, націлену на заміну даоських понять, які раніше використовувалися для вираження ключових буддійських концептів [8, с. 182]. Також саме після прибуття Кумарадживи до Китаю (401 р.) стали записувати кількість учасників перекладацьких форумів, яка на форумах під проводом Кумарадживи була особливо великою, досягаючи понад 3000. Наведемо висловлювання Кумарадживи, де той скаржиться на втрату художніх достоїнств канону під час його передачі китайською мовою (записано його учнем Сенжуєм): *«У звичаях Індії високо цінувати літературну творчість. Прекрасні гармонія, стиль та рима творів цього краю, що виконуються під акомпанімент струнних інструментів... І в буддійських церемоніях співи покликані насолоджувати слух. Гатхи та шлоки [санскритський епічний розмір], що зустрічаються в сутрах, – зразки такого роду. Проте в перекладі з індійської мови вони втрачають свою вишуканість та виразність. Хай навіть китайські переклади передають основний зміст джерела, вони позбавлені притаманного йому стилю. Читання такого перекладу схоже на поглинання їжі, яку вже хтось пережував. Поїдання такої страви не дає задоволення і здатне викликати лише блювоту»* [5, с. 142]. Зазвичай, Кумарадживу розглядають як перекладача «за смыслом», і доказом може послужити його така розмова із Сенжуєм: *«Рядок з «Лотокової сутри» в перекладі Дхармаракиши звучав: «Небо бачить людину, людина бачить небо». Коли Кумараджива натрапив на цей рядок, він сказав: «Це те ж саме, що і в першоджерелі, але мова надто проста». Жуй спитав, чи не означає це, що «небеса та людина об'єдналися і бачать одне одного?» – «Саме так, – вигукнув*

Кумараджива в захваті [7, с. 48]. Сенжуй (371?—438?), який був при Кумарадживі «писарем», до перекладацького методу Кумарадживи спершу ставився скептично, але незабаром збагнув, що *«переклади майстра не відхиляються від головного, хай навіть його слова не збігаються точно зі словами першоджерела»* [7, с. 48]. Після Кумарадживи запанувала «складна» школа, але лише на практиці, а не в теорії, адже так звана «складна» школа ніколи не створила своєї власної теорії. У *«Життєписі достойних ченців»* Хуейцзяо так описує практику перекладу Кумарадживи: *«Коли прибув Кумараджива, то Яосін запросив його ... перекладати сутри. Більшість текстів Кумараджива знав напам'ять, і знав досконало. Він вільно володів китайською мовою, і усний переклад давався йому легко. Розпочавши читання старих перекладів, Кумараджива виявив, що через велику кількість перекладацьких огріхів вони не відбивають справжнього змісту індійських рукописів. Вісімсот ченців... були виділені Яосіном у розпорядження Кумарадживи, сприяючи йому в перекладі сутри Да пінь. Кумараджива виголошував індійський текст, а Яосін звіряв новий переклад зі старим та виправляв. Новий переклад Кумарадживи, багато в чому відрізняючись від попереднього, точніше передавав справжній смисл сутри. Слухачі були задоволені і як один славили Кумарадживу»* [5, с. 140]. Оскільки перекладачі прагнули викладати сутру у звичних в Китаї формах, то численні повтори, притаманні стилю сутр, скорочували на догоду традиційній стислості китайської прози. Кумараджива визнавав: *«З понад 300 цзюанів, що вийшли з-під мого пензля, лише один твір не було скорочено»* [2, с. 109].

Хуейюань (344—416) також сам не перекладав, але був проникливим критиком та редактором перекладів. У своєму дослідженні способів перекладу ранніми перекладачами буддійських текстів китайською мовою він дійшов такого висновку: *«У їх перекладах або значення затемнюється квітчастим стилем, або аргументація послаблюється простотою викладення»* [12, с. 391]. Він категорично заперечував негнучкі методи перекладу, взяті на озброєння обома школами, бо вони не враховували характер тексту, що перекладався: *«Святі люди виклали свої повчання різним стилем,*

як того вимагала тема. Переклад тексту простого стилю квітчастим стилем породжує сумніви; з іншого боку, спрощення того, що в оригіналі є складним, мало кому дасть насолоду» [12, с. 391]. Сучасні теоретики розтлумачують дане спостереження як компроміс між цими двома школами. Коли Хуейюань редагував «Трактат про Велику Досконалість Мудрості» Кумарадживи, він скоротив 100 цзюаней до 20, пояснивши в передньому слові: «Під час перекладу з санскриту простота та багатослівність стилю може викликати неясність значення, а близькість у манері висловлювання може призвести до віддаленості в темі. Якщо значення спрощене, то буде втрачено загальну картину, а якщо буде віддалення від теми, то важко буде побачити тонкощі... Отже, Хуейюань прибрав зайві та обтяжливі фрагменти, аби висвітлити головну тему. В результаті переклад є добре зрівноваженим у стилі, без відхилення від значення першоджерела» [12, с. 391]. Хуейюань вважав, що велеречивий переклад викличе непотрібні складнощі у читача, тому під час перекладу складних за змістом та формою трактатів перекладач повинен обирати ключові моменти і надавати їм ваги, аби читач міг легко зрозуміти, що мається на увазі.

Порівнюючи думки Хуейюаня і Даоаня, ми бачимо, що перекладачі буддійських текстів китайською мовою пропонували стратегії, що варіювалися залежно від різних типів текстів та цілей перекладу. Хай вони все ще використовували терміни на кшталт «простий» та «складний», але їх увага була зосереджена на тексті, перекладачеві та читачеві. І хоча перші перекладачі суттєво наголошували на «простому» перекладі, на практиці більшість з них мимоволі застосовували процедуру *ge-ī* (уподібнення значення), яка, насправді, була «складним» перекладом. У своїх промовах буддійські вчителі часто використовували ідеї даосизму як аналогії для пояснення певних складних понять, яким не було китайських відповідників. Наприклад, коли під час проповіді слухачі Хуейюаня ніяк не могли його зрозуміти, то тоді він процитував думки з даоського класичного твору *Жуанжі*, як аналога, і тоді всі його зрозуміли. Цей метод «пошуку аналога»,

застосований до перекладу, схожий на «динамічну еквівалентність» Ю. Найди, і в обох випадках є перекладом за смыслом як за назвою, так і за характером. Типовий приклад: поняття *shouyi* (даоський спосіб розвитку душі та тіла) вживалося для передачі санскритського поняття *dhyana* (стану спокійного споглядання, що досягається медитацією). Даоань вважав, що цей «*спосіб суперечить розуму*» [6]. Сенжуй казав, що «*уподібнення значення є непрямим і не передає джерело*» [7, с. 50].

Яньцун (VI–VII ст.) висунув теорію *ба бей* («восьми умов») вірного перекладу буддійських сутр, що стосувалися етичного виховання буддійських перекладачів: 1) залишатися вірним буддизму та бути готовим прийти на допомогу; 2) мати бездоганну репутацію та бути надійним; 3) бути начитаним і все знати; 4) знати історію буддизму в Китаї та в літературі; 5) бути терпимим; 6) бути відданим буддизму і не думати про власну славу; 7) добре знати санскрит і мати навички та вміння перекладати; 8) добре знати китайську мову, аби досягти в перекладі тонкості [10].

Третій етап перекладу сутр характеризується помітним відходом від попередньої практики: процеси богословського тлумачення та перекладу відокремлюються один від одного, різко зменшується кількість учасників перекладацьких форумів (до трьох десятків ченців), включаючи навіть ті форуми, що очолювалися найплодовитішим (75 сутр, понад 1300 цзюанів) в китайській історії ченцем-перекладачем Сюаньцзанем (602–664), який в пошуках священних текстів здійснив паломництво до Індії і повернувся за 25 років із численними буддійськими рукописами, які останні 20 років свого життя перекладав китайською мовою. Сюаньцзан дав дошкульний аналіз «*уподібнення значень*». Отримавши наказ імператора перекласти на санскрит класичний твір даосизму, аби пропагувати китайську культуру, він зібрав групу даоських жерців, щоб прояснити для себе певні тонкощі тексту. На його подив ці жерці для роз'яснення даосизму цитували буддійські висловлювання. Тоді Сюаньцзан запитав: «*Оскільки буддизм і даосизм далекі одне від одного, як небо і земля,*

то як же ви можете використовувати слова Будди для тлумачення класичних праць Дао? Якщо ви з'ясуєте походження слів, то побачите, що вони абсолютно непов'язані». Жерці на це заперечували: «Але Сенчжао [буддійський вчений] пояснював буддійські поняття у своїх трактатах за допомогою даоських ідей». Сюаньцзан відповів: «Коли буддизм вперше запроваджувався в Китаї, то було надто багато важких текстів, тому для пояснення слів Будди запозичували ідеї Лаоцзи. Сенчжао лише використав у своїх трактатах метод уподібнення. Як же можна розуміти метафори буквально?» [7, с. 51].

Вчений ченець Сунської династії Цзаньнін (919–1001) детальніше обговорював процедуру «уподібнення значення» під час аналізу стилів перекладу. Він рішуче виступав проти використання «зовнішніх» (небуддійських) понять під час перекладу священних буддійських текстів. Аргументацію представлено у формі діалогу: *«Питання: Чи ті, хто використовує мову китайських творів при перекладі із санскриту чинять неправильно, коли вживають мову класичних творів Конфуція? Відповідь: Ні, правильно. Але її можна використовувати лише тоді, коли в мові не вживаються класичні алюзії або вчення філософів та істориків. Хіба можна у переклад вставити мову вулиці? Питання: Цей спосіб використання китайської класики переважав за часів династій Хань та Вей і в Саньгочжи [«Нотатки про Три царства» — офіційні хроніки періоду Троєцарства (189–280), створені Ченьшоу (233–297)] Ченьшоу писав...: «Те, що сказано в буддійських текстах, подібно до ідей Лаоцзи в «Дао Де Цзін» [«Канон Шляху й благодаті»]. Це тому, що Лаоцзи навчав індійців буддизму, коли ходив на захід через перевал до Індії. Відповідь: Ця помилка була спричинена неправильним вживанням даоських понять перекладачами, що й призвело до того, що Ченьшоу повірив, що буддизм та даосизм пов'язані... З цього ми зробили висновок, що ті, хто в перекладі використовує зовнішні ідеї, заслуговує на критику. Переклад Кумарадживою «Лотосової сутри», можна сказати, встановив рівновагу [між «простим» та «складним» методами] і зберіг природний аромат санскриту... Вживати грубу говірку та жаргон — це все*

одно, що писати як різник або виноторговець. Але якщо вплутати в переклад китайську класику, то можна було б взагалі не перекладати. З іншого боку, все ж краще бути грубим, аніж вживати алюзії. Проте переклад грубим стилем є серйозною помилкою. Слід піклуватися про збереження рівноваги, мова канонів попікується про себе сама. У цьому суть перекладу» [13, с. 55–56]. Цзаньнін наводить визначення своїм термінам: «вишуканий» стосується стилю письмової мови (мови класичних творів), а «грубий» – мови вулиці (бяньвень). Переклад, на думку Цзаньніна, має бути вишуканим. Але цей принцип не слід сприймати в абсолютних поняттях, оскільки він добре усвідомлює, що письмова китайська мова йде, переважно з конфуціанської та даоської літератури. Використання такого роду мови в перекладі неодмінно привнесе до буддійських сутр китайські поняття, що може легко призвести до абсурдних речей, які можуть спричинити плутанину в доктрині буддизму. Отже, Цзаньнін встановлює межу: слід використовувати таку письмову китайську мову, яка не містить алюзій, інакше краще обрати грубий стиль, однак не настільки грубий, як мова різників та виноторговців. Це він і назвав рівновагою. Цзаньнін відокремлює мовні проблеми перекладу від проблем, що пов'язані з культурою. Оскільки усякі алюзії (як і вчення філософів та істориків) за визначенням мають сильне культурне забарвлення, то й навіть незначне їх вживання здатне спричинити непотрібні плутанину та непорозуміння.

Спад поширення буддизму в Індії та зміни державної політики в Китаї призводять до швидкого занепаду перекладацької діяльності з перекладу буддійських матеріалів вже в середині XI ст. Дні перекладацьких форумів канули в небуття, а ті нечисленні переклади сутр, що здійснювалися після цього періоду, були вже результатом зусиль окремих перекладачів, а не колективної творчості цього унікального перекладацького утворення.

Успіх перекладів Парфамасіріса сприяв вірі в те, що «простий» переклад близький до джерельного тексту. Даоань з'ясував взаємозв'язок між типом тексту та перекладацькою стратегією

і звільнив перекладача від сліпої віри у «простий» переклад. Вилучаючи зайві для його читачів повтори, Хуейюань запровадив ідею наміру перекладача. «Нові переклади» Кумарадживи та Сюаньцзана, безперечно, були точнішими і краще читалися, ніж «старі переклади»; проте важливіше, що ці перекладачі виправили помилки старих перекладів, одні з яких були надмірно «прости-ми», а інші – відверто «складними». Критика Сюаньцзаном та Цзаньніном ге-ї та особливо аналіз Цзаньніном стилю перекладу – вершинні досягнення китайської теорії буддійського перекладу. Буддійські висловлювання стосовно перекладу, зазвичай, стислі, проте в них розглядаються питання перекладача, читача, типу тексту, питання мови та культури, які є основним предметом інтересів також і сучасної теорії перекладу.

Перспективу подальшого дослідження вбачаємо в порівнянні перекладацьких традицій, віддалених у географічному та часовому просторі.

Список літератури

1. Ду Жуй. Об истории и теории перевода в Китае / Жуй Ду // Вестн. Моск. ун-та. Сер 9. Филология. – 2004. – № 2. – С. 128–134.
2. Желуховцев А. Н. Переводная буддийская литература / А. Н. Желуховцев, И. С. Лисевич, Б. Л. Рифтин и др. // Всемир. история лит. Т. II. – 1984. – С. 109–110.
3. Потапова Н. В. Китайские переводы «Алмазной сутры» и «Сутры сердца»: текстологическая интерпретация и комментарии / Н. В. Потапова ; АКД. Москва-2008 ; Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова.
4. Чанцева И. Значение и роль Кумарадживи и его учеников в становлении буддизма в Китае / И. Чанцева // Вестн. БГУ. Востоковедение. Разд. философии. – Улан-Удэ, 2005. – Вып. 5. – С. 60–67.
5. Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань) / Хуэй-цзяо ; пер. с кит. ; комментарии и указатели М. Е. Ермакова. – Т. I (Разд. 1. Переводчики). – М. : Наука, ГРВЛ, 1991. – 251 с.
6. Хуэй Цзяо. Жизнеописания достойных монахов. Разд. II. Толкователи / Хуэй Цзяо ; пер. с кит. ; комментарии и указатели М. Е. Ермакова // Восток. – 1997. – № 1.

7. Chu Chi Yu. Translation Theory in Chinese Translation of Buddhists Text / Chu Chi Yu // Investigating Translation / A. Beeby, D. Ensinger (eds). – Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 2006. – P. 43–54.

8. Delisle J., Woodsworth J. (eds.) Translators through History / Delisle J., Woodsworth J. – Amsterdam and Philadelphia : John Benlamins, 1995.

9. Hung E. The Role of the Foreign Translator in the Chinese Tradition / Hung E. // Targe,t 1999, vol. 11, #2. – P. 223–243.

10. Kenan L. Translation as a Catalyst of Social Change in China / L. Kenan // Translation and Power / M. Tymoczko, E. Gentzler (eds.) ; University of Massachussets Press, 2002. – P. 160–183.

11. Lefevere A. Chinese and Western Thinking on Translation / A. Lefevere // Susan Bassnett and Andriï Lefevere, Constructing Cultures. Essays on Literary Translation. – Clevedon : Multilingual Matters, 1998. – P. 12–24.

12. Shi Sengyou zhuan. Chu san cang ji ji. – Beijing : Zhonghua shu ju, 1995.

13. Shi Zanning zhuan. Da Song gao seng zhuan / Shanghai : Shanghai gu ji chu ban she, 1987. – 423 p.

Резюме

В данной статье исследуются взгляды на перевод в древнем Китае буддийских сутр (середина II – начало XI ст.). В этих коротких высказываниях о переводе рассматриваются вопросы переводчика, читателя, типа текста, а также языка и культуры.

Summary

The study deals with the thoughts on translation in the Medieval China of the Buddhist sutra period of 300's – 1200's A.D. Those concise sayings on translation problems discuss the issues of a translator, a reader, of a text type, and of problems of language and culture.

УДК: 811.112.2'272'372'366'367

А. І. Мамедова, А. М. Приходько

КОНЦЕПТОСИСТЕМА НІМЕЦЬКОЇ НАРОДНОЇ ЗАГАДКИ

Ключові слова: загадка, відгадка, домен, референція, концепт, концептосистема, концептуалізація

Концептосистема є сукупністю характерних для певного курсу концептів, що являє собою такий їх набір, якому віддається перевага в тому чи іншому режимі спілкування. Не є винятком із цього і *об'єкт* цієї статті – німецька народна загадка (ННЗ), яка, з одного боку, становить собою відносно закритий перелік текстів малої форми, а з другого – один із пареміологічних жанрів дискурсивного простору мови (дитячий, педагогічний, карнавальний). Виходячи з цього, головною *метою* цієї розвідки є з'ясування дискурсивної зумовленості концептосистеми ННЗ.

Предметом опису є концептосистема ННЗ, яка складається з ментальних одиниць трьох типів – метактонів (власне ім'я ЗАГАДКА/RÄTSEL), автохтонів і алохтонів, серед яких провідне місце посідають автохтони – пріоритетні концепти, що утворюють каркас ментально-інформаційного «портрета» загадки. Останній же характеризується, з одного боку, специфічним набором автохтонів (концептуальних констант), а з другого – нерозбірливістю щодо своїх алохтонів, які можуть з'являтися в ній нерегулярно, випадково, okazionalно.

Упорядкованість концептокорпусу ННЗ можна уявити у вигляді певної структури на підставі принципу «матрьошки», який передбачає виділення таксонів вищого і нижчого порядку, тобто типів, класів, підкласів. Усі вони організуються в ієрархічний спосіб трьома ланками – макро-, мезо- і (ката)концептами. Будучи кінцевою точкою таксономізації, макроконцепт є своє-

рідним доменом [6, с. 65] – тією ділянкою концептосистеми, яка охоплює дві суміжні ланки в ланцюгу ієрархії ментальних одиниць. У когнітивно-семантичному просторі ННЗ вимальовується щонайменше чотири концептивних ДОМЕНИ – ЛЮДИНА, ПРИРОДА, РІЧ і ЧАСОПРОСТІР.

Концептивний домен «ЛЮДИНА» найширше представлений у текстах ННЗ, де він постає або у своїй фізичній іпостасі, або синкретично – як біосоціальна чи як біовітальна сутність. Мабуть, у ті віддалені часи, коли формувався основний корпус ННЗ, конкретно-предметне мислення сприймало і, відповідно, валоризувало людину лише у фізичних вимірах і менше всього переймалося духовними і соціальними абстракціями.

Основним вербальним способом втілення цієї ментальної одиниці стає іменник *Mensch*, що має статус імені концепту і що профілюється в ННЗ як універсальний, фізіологічно та біовітально чітко параметризований концепт із нейтральною аксіологією. Суто соціальна сутність людини при цьому не стає предметом валоризації, а опосередковується через біовітальні (*Wer weint, wenn die anderen singen?* {KIND}), гендерні (*Was ist das für ein Kind, das nie zum Mann werden wird?* {MDDCHEN}) або одночасно через обидва параметри (*Zwei Väter und zwei Söhne, | die schossen drei Hasen schüne. | Ein jeder trug einen ganzen | in seinem Ranzen* {GROYVATER, SOHN, ENKEL}). Прикметним є той факт, що в ННЗ взагалі не зустрічаються прямі номінанти гендерних концептів MANN і FRAU, які активно обігруються у прислів'ях і приказках [1], афоризмах [5] і особливо в анекдотах [8]. Це є однією із специфічних властивостей загадки порівняно з іншими одиницями пареміологічного фонду.

Біосоціальні та вітальні репрезентації людини дають підстави вважати відповідні ментально марковані одиниці автохтонами ННЗ, від яких відбруньковуються всі інші (ката)концепти на позначення людини, що є кінцевими і далі неподільними ментальними одиницями дискурсивного простору ННЗ. До інших ментальних одиниць з мезоконцептивним статусом на позначення людини належать: «рідня» (OPA, OMA, MUTTER,

VATER, SOHN, TOCHTER, GESCHWISTER, ENKEL), «прецедентні особистості» (BRÜDER GRIMM), «казкові персонажі» (SCHNEEMANN, WEIHNACHTSMANN, DREI MUSIKANTEN), «професія» і «риси характеру».

При цьому у сфері «професія» фігурують або панактуальні концепти (KUCH, BILDHAUER, METGZER, PFARRER), або концепти, що втратили свою актуальність для індивідуальної чи колективної свідомості (BARBIER, KUTSCHER, REITER, SCHUNMACHER), а нових і сучасних професій серед них немає. У межах «рис характеру» абсолютна перевага віддається тим концептам, що маркують негативні риси, – «антиконцепти» [7, с. 100]), які іноді можуть отримувати вельми специфічні метонімічні номінації (DUMMKOPF, FAULPELZ, HALUNKE). Цей факт можна пояснити вищою телеологією загадки, прямо пов'язаною з її дидактичною функцією, – здійсненням персуазивного впливу на молоде покоління (основний клієнт загадки).

Концептивний домен «ПРИРОДА» також широко представлений у текстах ННЗ. Сам макроконцепт NATUR не фігурує в ННЗ, не знаходять свого пареміологічного втілення й мезоконцепти, які організують спадні рівні абстракції – ландшафт, природні явища, тварини, рослини тощо. Натомість у ННЗ чи не найширше представлена рослинна палітра та палітра природних явищ, що оточують людину в її життєвому світі.

Мезоконцепт *«ландшафт»* містить у собі практично всі найважливіші для життєдіяльності людини концепти (FLUSS, DER SEE, DIE SEE, WIESE, INSEL). Вони майже без виключення отримують антропоцентричні обриси, в яких особливої значущості набуває метафора руху (*Einer, der Tag und Nacht weiterstreitet und doch nicht müde wird* {FLUSS}) або емотивна метафора (*Sie ein Wasser, er ein Wasser. | Sie oft wild, er meist wild. | Sie am Strand, er im Land, | wem sind diese zwei bekannt?* {DER SEE, DIE SEE}).

Мезоконцепт *«флора»* також містить у собі суттєві для людини концепти: KIRSCHEN, ERDBEERE, MAIGLÜCKCHEN, у тому числі й бур'яни (BRENNNESSEL). Усталений спосіб їх профілізації

в ННЗ – антропоморфна метафора. Пор.: *Als ich lebendig war, ndhrte ich Lebenden; als ich tot war, trug ich Lebendige. Was ist das?* {EICHNE}. Зазначені концепти не просто порівнюються з живою істотою, але й наділяються важливими людськими якостями: вони можуть говорити, виконувати фізичну дію, пересуватися тощо.

Мезоконцепт «*фауна*» охоплює ментальні репрезентанти на позначення тварин – свійських (KUH, KATZE) і диких (IGEL, FROSCH, WOLF). Більшість із них використовується в дидактичних цілях у режимі «дорослий – дитина», «дитина – дитина», що зумовлює особливий спосіб профілізації концептів: персоніфікацію (*Es geht ein Mann im Wald herum | und hat einen braunen Mantel um* {ВДР}), опис через найсуттєвіші ознаки (*Lange Ohren, stumpfe Nase | hat das Tierchen namens...* {HASE}) або пряме питання (*Wer kann spazieren gehen, ohne sein Haus zu verlassen?* {SCHNECKE}). В останньому випадку концепт об'єктивується метонімією, яка «підхоплює» найсуттєвіші риси позначуваного ним предмета.

У межах цього мезоконцепту ННЗ активно валоризує свійських і диких птахів, а також комах. Найчастіше вони концептуалізуються антропоморфно – через аксесуари, які властиві людині (*Ein kleines Weibchen hat viele Kleidchen* {GANS}). Особливої валоративної значущості набуває концепт BIENE, який наділяється виключно позитивними рисами (*Kleiner Vogel vom Paradies. Er tut sein Werk nett und gut, gefällt Gott, gefällt den Menschen und tut etwas, was sonst niemand kann* {BIENE}). Міцно утримується у пареміофонді німецької лінгвокультури і антиконцепт FLOH (*Wer ist froh, wenn er auf den Hund kommt?* {FLOH}), який, напевно, втратив свою актуальність у сучасному постіндустріальному суспільстві.

Є всі підстави вважати, що концептуалізація фауни в ННЗ відбувається за образом і подібністю казки. Ядро концептів на позначення тваринного світу загадки і казки збігаються не тільки в кількісному відношенні, а й стосовно образності, шляхів і способів персоніфікації та метафоризації. Цей факт може

засвідчувати, що обидва фольклорні жанри формувалися і розвивалися паралельно в часі та просторі.

Припущення про паралелізм концептосистем казки і загадки знаходить своє підтвердження і в тому, як об'єктивуються в ННЗ «*природні явища*» (ECHO, SCHATTEN, DONNER, BLITZ, REGEN, SCHNEE), які вписуються щонайменше у два патерни – атмосферні та фізичні. Зрозуміло, що найпростішим способом є їх антропоморфна презентація: *Welches unsichtbare Wesen hurt ohne Ohren, schwatzt ohne Mund und antwortet in allen Sprachen?* {ECHO}.

Для дискурсивного простору ННЗ характерна суперечлива презентація атмосферних явищ. Так, опади можуть набувати в ній як позитивної (*Was fällt vom Himmel leicht und weich, | ist kleinen weiЯen Sternlein gleich?* {Schnee}), так і негативної оцінки (*Ein weiЯer Hund auf Dachziegeln* {Schnee}). Концепт ВІТЕР / WIND профілізується виключно як негативне явище (*Frisch und frech bin ich, dröng' mich ein allerwärts, dringe durch Lucher und Ritzen und lieb' sogar den Gröfinnen die Rucke* {Wind}) і майже завжди ототожнюється з нахабною живою істотою, наділеною здатністю кричати, вити, гавкати, кусати тощо. Супроти очікування не набуває у ННЗ позитивної оцінки сонячне світло. Так, у ННЗ *Wie sehr du auch zusperrst, der Röuber ist doch drinnen* {SONNENSTRAHLEN} вони ототожнюються з розбійниками і злодіями.

Мезоконцепт «*стихія*» конституюється концептами НЕБО, ВОДА, ЗЕМЛЯ, ВОГОНЬ, які є іменами чотирьох першостихій, що, згідно з космогонічними міфами, відбивають уявлення людини про походження світу з чітким наголошенням пафосу перетворення хаосу в космос. Квартет цих першостихій виявляється у просторі ННЗ лакунарним, бо релевантними для нього є лише два концепти – WASSER і FEUER. Їх широка представленість у ННЗ пояснюється роллю в забезпеченні життєдіяльності людини. Якщо повітря і земля доступні кожному індивідууму, то за воду і вогонь завжди велася боротьба. Тож і в просторі ННЗ вони виступають як параметричні, універсальні, нерегулятивні валоративи з позитивною аксіологією – першоджерело буття.

У ННЗ вода об'єктивується і як катаконцепт (*Es hat nicht Arm noch Beine und kannsich doch flink regen; | wenn es dich selbst bewegen* {Wasser}), і як гіперонім для різних своїх видів і форм (MEER, QUELLE, NEBEL, SCHNEE, REGEN, TAU, EIS): *Es fliegt und hat keine Flügel, es sitzt und hat kein GesdЯ* {Schnee}; *Föllt vom Himmel, | macht dich nass. | Sag mir doch, | was ist das?* {Regen}. Якого б метафоричного образу не набував концепт Wasser, у ньому відбивається поважливе ставлення людини до його референта. Найбільш сфокусовано це відбито в ННЗ *Die Mutter gebar mich, ich gabdre die Mutter* {Wasser / Eis, Eis / Wasser}, де вода порівнюється з матір'ю.

Не менш важливою компонентою життєвого світу людини виступає й першостихія вогню. Будучи алохтоном дитячо-педагогічного дискурсу, концепт FEUER набуває в ННЗ антропоморфних рис: або постає як мовець, що пропагує себе як особистість (*Einen Mund habe ich nicht, aber fressen kann ich; gib mir Branntwein, so fresse ich es; gib mir Wasser, so sterbe ich* {FEUER}), або інструктує щодо лінії коректного поведіння із собою (*Wenn du mich festhöltest, werde ich dein Sklave sein, wenn du mich loslösst, werde ich dein Grab graben* {FEUER}). У цих та інших ННЗ концепт FEUER профілюється як активно діюча сила, але особливості персуазивної значущості набувають умови «мирного співіснування» з людиною. Їх недотримання призводить до активізації таких властивостей, що здатні серйозно загрожувати життєвому світу людини (*Wohin das türkische Pferd schreitet, wöchst kein Gras mehr* {FEUER}), пожирати й руйнувати його (*Der eine isst und isst sich nicht satt, der zweite liegt und liegt nicht genug, der dritte geht weg und kommt nicht wieder* {FEUER, ASCHE, RAUCH}).

Таким чином, концептуальний домен ПРИРОДА постає в когнітивно-семантичному просторі ННЗ як жива і певною мірою соціалізована істота, що наділена розумом і психікою, а її об'єкти – почуттями, емоціями, мовою. Особливо активно вона супроводжується процесами метафоризації, які здатні створювати специфічні та неповторні об'єкти природи в широкому спектрі уявлень, асоціацій і рефлексій, що уможливує передачу

загального і часткового, типового і нетипового, гармонійного і дисгармонійного в навколишньому середовищі.

Концептивний домен «РЕЧІ» містить ментальні одиниці культурно-специфічного порядку. Вони є способом квантування когнітивно-семантичного простору, в якому перетинаються і взаємодіють регулятивні та нерегулятивні, параметричні та непараметричні елементи. У когнітивно-семантичному просторі ННЗ концептуальний домен «речі» упорядковується за допомогою таких мезоконцептів, як «інтер'єр», «скарб», «знаряддя праці», «одяг і гігієна».

Мезоконцепт *«інтер'єр»* містить одиниці на позначення внутрішнього оздоблення людського помешкання (TÜR, OFEN, ZIMMER), меблів (TISCH, STUHL, SESSEL, BETT), які профілюються в текстах ННЗ найчастіше шляхом персоніфікації (*Bin ich warm, ist's drauЯen kalt. | Dann besucht mich jung und alt {Ofen}*). Іншим способом профілізації цих концептів є передача суттєвих властивостей їх референтів як таких, що притаманні живим істотам, але не виконують своїх функцій: має ноги, а не ходить (STUHL, TISCH), крутиться, а залишається на місці (TÜR), має пір'я, а не літає (BETT). Пор.: *FьЯe hat es, doch gehen kann es nicht; Federn hat es, doch fliegen kann es nicht; es steht ganz still in seiner Ecke {Bett}*.

Мезоконцепт *«домашній скарб»* охоплює широке коло речей, які оточують людину в її повсякденні: посудини (FASS, FLASCHE, EIMER), предмети кухні (PFANNE, GABEL, SIEB, FLEISCHWOLF), аксесуари (SPIEGEL, KERZE, SEIFE, GLOCKE, PFEIFE, RING), прилади (UHR, WECKER) тощо. Їх концептуальна профілізація здійснюється також шляхом персоніфікації. Речі можуть, наприклад, активно діяти (*Singend ziehen wir aus, weinend kehren wir heim {Eimer}*) або міняти свій вигляд (*Jungfrau de Witt, | je lдnger sie sitzt, um so kьrzer sie wird {Kerze}*).

Мезоконцепт *«знаряддя праці»* охоплює широке коло інструментів, приладів і матеріалів, без яких людина не може обходитися в різних сферах ремісничої праці — сільськогосподарській (SICHEL, EGGE, PFLUG, GABEL, SATTEL), мисливстві та

риболовстві (ANGEL, NETZ, GEWEHR), рукоділлі (NADEL, SCHERE), а також в інтелектуальній праці (BUCH, BRIEF, HEFT, ATLAS, BRILLE). Навіть на перший погляд помітно, що корпус таких концептів складається із двох масивів. Один із них утворює актуальні для культури артефакти (*Es ist aus Glas und reitet auf der Nas' {BRILLE}*), а другий – ті, що втратили свою актуальність у ході соціокультурної еволюції. Проте, залишаючись у пареміофонді лінгвокультури, вони відіграють значну роль для інтелектуального розвитку дитини, яка засвоює їх через казковий дискурс. Імовірно, їх вживання в ННЗ відбиває потребу людини звернутися до першоджерел, в яких вона черпає свою життєву силу.

Мезоконцепт «*одяг і гігієна*» охоплює предмети, що є актуальними для культури у всі часи (HEMD, HOSE, HUT, HANDSCHUH, SCHUH, BÜRSTE, SCHWAMM, HANDTUCH). Ці ментальні одиниці не профілюються в ННЗ за допомогою персоніфікації, а постають як одиниці, чії суттєві ознаки підкреслюються через їх функціональне призначення (*Er schützt vor Leid uns allerwegen, | er schützt uns nur vor Sonne und vor Regen {HUT}*), специфічні риси (*Es kommt vom Leben, hat kein Leben und muss doch Leben tragen {SCHUH}*) і дисонанс за аналогією (*Was enthält Wasser, obwohl es voller Lucher ist? {SCHWAMM}*). Такого роду когнітивний дисонанс нейтралізується у відгадці.

Будучи своєрідним набором артефактів, валоризованих наївною свідомістю, цей домен містить у собі «звід знань народу про зовнішній світ» [2, с. 263] задля забезпечення нормального існування людини в її постійній тязі до «порядку», «добробуту», «праці», «старанності», що є визначальними для німецького етнічного менталітету [7, с. 150].

Концептивний домен «ЧАСОПРОСТІР». Когнітивно-семантичні категорії простору і часу належать до тих онтологічних сутностей, за допомогою яких людина структурує і упорядковує свій життєвий світ. Обидві вони склалися як природні категорії: по-перше, в їх підвалинах ще зберігається певне чуттєве начало і, по-друге, вони розвивалася згідно з принципами фамільної подібності.

Мезоконцепт «*час*» відбиває усталену ідею руху подій, проміжок цього руху, період. У лінгвістичній літературі прийнято розрізняти два види часу – метричний і екзистенційний [4, с. 4–10], однак у ННЗ закріплена лише ідея першого із них. Очевидно, це пов'язано із загальною спрямованістю загадки на конкретно-предметне мислення, в якому відбита наївна картина світу, де немає місця для чуттєво-образного сприйняття змін у життєвому світі людини, попри те, що в добу активного створення загадки людина вже сприймала абстракцію «час» і навчилася її цінувати. Метричний час є узвичаєним способом фіксації змін у доквіллі, має раціонально-логічні витoki, відбиває ідею кількості (вимірюваність), використовується як одиниця ліку і конституюється виключно у вигляді конвенціонально-суспільного часу, в якому відображається умовно-метрична періодизація явищ природи і життєвого світу людини, подана у вигляді точних календарних термінів і конкретних дат літочислення (пори року, місяці, дні тижня, частини доби та їх локалізація відносно моменту мовлення – HEUTE, MORGEN, GESTERN).

Конвенціональне закріплення в календарі закономірних змін в об'єктивному світі пов'язано з усвідомленням важливості чи значущості природних, культурно-історичних, релігійних та інших явищ для життєдіяльності людини, а також з її прагненням до узгодження своєї поведінки з прийнятими в соціумі нормами. Проте не можна не помітити певного роду лакунарності ННЗ у відображенні умовно-метричного часу: відсутності «повного комплекту» концептів на позначення пір року, днів тижня, місяців, що знову-таки можна пояснити закріпленістю в ній або якихось помітних відрізків часу (пор.: *In welchem Monat essen die Menschen am wenigsten?* {Februar}), або тих темпоральних віх, що мали певну значущість у віддалені архаїчні часи, коли створювалася загадка як продукт усної народної творчості.

Не цурається ННЗ і різного роду систематизацій, що є характерним для німецького етнічного менталітету з його інгерентним прагненням до з'ясування структури об'єктів уваги на предмет їх внутрішнього устрою: *Zwulf Adler, sechzig Tauben, sechshundert*

Meisen? {Jahr, Wochen, Tage}. ННЗ притаманне також дискретне тлумачення концептів, що символізують взаємозв'язок і незмінність часоруху: *Was sieht weiЯ und schwarz aus und altert niemals?* {Tag, Nacht}. У цих ННЗ відбувається концептуалізація часу як розумова операція високого ступеня узагальнення.

Мезоконцепт «*простір*», як і «*час*», виступає базовою категоріальною величиною і може бути інтерпретованим як концептідея [3, с. 42]. У лінгвокультурній свідомості німців він об'єктивується як «місце» і «напрямок», «вертикаль/горизонталь», «перед/зад», «право/ліво». У текстах ННЗ найбільшою мірою представлено феномен «місце», що постулюється концептами KELLER, SCHEUNE, WINDMЬHLE (*Wer hett dat grүtst Mul?* {Scheune}), тобто тими, що є актуальними для господарської діяльності людини.

Феномен «місце» визначається когнітивними зусиллями людини, яка моделює світ, наділяючи його артефактним змістом. Тож і в ННЗ він виступає як місце помешкання, праці чи ритуалів: *Wo siehst du einen halben Menschen?* {In der Kirche auf der Kanzel}. Це пояснюється зацікавленістю індивіда тим, що його оточує, й тим, що забезпечує йому нормальне існування. ННЗ, в яких фокусується увага на спорудах, конституюються як аналог анатомічної будови людини. Коли людина екстраполює себе на свій дім (*Die FьЯe von Stein, der Rumpf von Holz, die Mьtze auf dem Haupte von Stroh* {Gebдude}), вона звертає увагу не тільки на самі споруди, але й на інтер'єр – артефакти побуту. Так, димохід у ННЗ *Sitzt ein Bauer auf dem Dache, raucht Tabak, schldgt kein Feuer an* {Rauchfang}) презентується у вигляді добре знайомого селянина, який палить люльку і при цьому нікому не робить лиха. Вікно в ННЗ *Was ist weder im Haus noch drauЯen und doch beim Haus?* {Fenster} – це границя між двома світами: «внутрішнім», де людина безпосередньо живе, відпочиває і де знаходиться її родина, та «зовнішнім», із яким вона пов'язана невидимими нитками.

Однак у пареміофонді німецької лінгвокультури є загадки, які декларують конкретно визначений географічний простір

і навіть візуально сприймані місця дислокації людини. Йдеться про просторові концепти, вербалізовані як видатні місця Німеччини, які є невід'ємною частиною культури німців і якими вони пишуться: *Verwundete Bäume lassen ein Mittelgebirge wachsen* {Harz}; *Ob Substantiv, ob Verb ich bin*, | *Sie liegt doch stets ein Tadel in mir drin*. | *Auch bin ich eine schöne Insel*, | *Gemalt oft von des Künstlers Pinsel* {Rügen}.

Запропонований вище аналіз ННЗ дозволяє зробити окремі **висновки**.

Концептосистема ННЗ є системою закритого типу, оскільки конституюється сталим набором концептуальних доміант, до яких належать гіпероніми ЛЮДИНА, ПРИРОДА, РІЧ, ЧАСОПРОСТІР. Оскільки загадка є насамперед словесно-поетичним способом відображення життєвого світу, пріоритетне місце в ній посідає ідея життєзабезпечення людини в її натуральному оточенні – природа (у чому існує людина) і матеріальний світ (що обслуговує людину).

Попри те що загадка – це текст фольклорного походження, є вагомим підстави вважати, що принципи і закономірності формування її концептосистеми базуються радше на наднаціональних, ніж на етноспецифічних засадах. Очевидно, це пов'язано зі специфікою модусу егалітарного спілкування, для якого важливіші загальнолюдські цінності. Про це додатково свідчить і той факт, що в національних загадках рідко зустрічаються культурні реалії та концепти, які не мають еквівалентів у інших природних мовах.

Пропонований погляд на концептосистему ННЗ визначає й деякі *перспективи* в її дослідженні, пов'язані з теорією жанрів і стилів, лінгвокультурології, лінгвосинергетики. Особливий вузол проблематики становлять контрастивні дослідницькі рефлексії, які уможливають зіставний аналіз загадок різних етної лінгвокультур.

Список література

1. Абрамова Ю. В. Регулятивний потенціал британських прислів'їв як засобів мовного втілення концептів ЧОЛОВІК І ЖІНКА : автореф. дис. ... канд. філ. наук: 10.02.04 / Ю. В. Абрамова. – Х., 2007. – 20 с.
2. Аникин В. П. Русский фольклор / В. П. Аникин. – М.: Высш. шк., 1987. – 286 с.
3. Воркачев С. Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода / С. Г. Воркачев // Vita in lingua : К юбилею профессора С. Г. Воркачева : сб. ст. / Отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 39–60.
4. Белозорова Ю. С. Когнитивно-дискурсивна концептуалізація часу в сучасній німецькій мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Ю. С. Белозорова. – Запоріжжя : ЗДУ, 2005. – 22 с.
5. Бондаренко О. С. Концепти чоловіка і жінки в українській та англійській картинах світу: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17 / О. С. Бондаренко. – Донецьк, 2005. – 20 с.
6. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
7. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метоконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
9. Сотникова С. И. Механизмы создания метафоры в немецких загадках / С. И. Сотникова // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : матеріали V Всеукр. наук. конф. – Х. : ХНУ, 2005. – С. 177–178.

Резюме

В статье рассмотрены пути и способы концептуализации объектов внеязыковой действительности в немецкой народной загадке, способствующие отбору ценностных доминант и их упорядочиванию в виде специфической концептосистемы.

Summary

The article addresses the problems of means and ways of conceptualization of objects of extralinguistic reality in the German folk riddle that make for the choice of value dominants and their presentation as a specific concept system.

УДК 811.111 42

Л. В. Михайлова

ВЫРАЖЕНИЕ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВОМ АКТЕ ПРОСЬБЫ

Ключевые слова: вежливость, императивность, коммуникативное намерение, маркер мотивация, пассивный залог, перформатив, реквестив, семантические и прагматические признаки.

Данная статья посвящена анализу характерных особенностей речевого акта просьбы в английском языке, а также способам выражения вежливости в этом типе речевого акта.

Категория вежливости является аксиологической категорией: само понятие «вежливость» представляет абстрактную социальную ценность и в этом смысле является универсальным, хотя способы его вербальной и невербальной реализации культурно-специфичны [5].

Использование косвенной речевой тактики вытекает из принципа вежливости. Говорящий может избегать прямо формулировать свои желания, осуществление которых может затруднить собеседника. В таком случае используются такие формы выражения просьбы, которые предоставляют адресату удобную возможность отказа [1]. Так, вместо того чтобы прямо обратиться с просьбой об одолжении, спрашивают:

Have you got any free time?

Такое замещение коммуникативной цели называют смягчением, коммуникативного намерения. Косвенные речевые акты этого типа легко конвенционализируются: вопрос о возможностях адресата почти всегда содержит просьбу.

Особенно характерны не прямые косвенные способы выражения вежливости в актах просьбы (реквестивах).

Реквестив — это прагматический тип высказывания, содержанием которого является не прямое побуждение адресата

к действию. Одной из характерных черт реквестива является интонация побуждения; императивность высказывания снимается. Главным отличием реквестива от директива является необлигаторность выполнения действия адресатом. Адресант и адресат имеют или равное положение, или же адресант по социальному статусу ниже, чем адресат [2].

При реализации речевого акта реквестива адресант пытается придерживаться правил вежливости, в противном случае он рискует не достигнуть своей цели.

Статусно-фиксированный речевой акт просьбы состоит из пяти типичных компонентов:

- 1) начало разговора;
- 2) обращение;
- 3) просьба в просьбе («Можно обратиться к вам с просьбой?»);
- 4) мотивация просьбы;
- 5) собственно просьба [2].

Типичные компоненты речевого акта не равноценны: ядро речевого действия представляет собственно просьбу; начало разговора и обращение представляют собой фатическую коммуникацию, а просьба в просьбе и мотивация являются дополнительными компонентами собственно просьбы. Дополнительные компоненты реализуются в условиях, которые могут препятствовать общению, например разница в статусе коммуникантов, недостаточное знакомство, сложные личные отношения и т. д.

Обращение к человеку, который старше по возрасту, обычно состоит из развернутого обоснования просьбы, уважительную формулу вокатива, уважительную формулу начала разговора (обычно в форме извинения) и вежливое оформления просьбы в просьбе. В то время как обращение к младшим содержит минимум дополнительных компонентов просьбы [4].

Просьба является комплексным речевым актом, состоящим из нескольких компонентов: основного и дополнительных, которые позволяют смягчить просьбу и сделать ее менее категоричной.

Безусловно, просьба является одним из наиболее распространенных видов речевых актов, встречающихся в повседневной жизни, и именно от способов его реализации зависит конечный результат.

Кроме общих тактик вежливости, применяемых в актах просьбы (проявлять такт, великодушие, скромность, говорить по существу, формулировать мысль четко и лаконично и т. д.), в основе которых лежат скорее этические нормы, модели языкового поведения, существуют и такие способы реализации вежливой просьбы, которые заложены в самом языке. Такие способы реализуются на различных уровнях языка – лексическом, грамматическом и синтаксическом. Существует также и фонетический уровень, который характеризуется общими принципами ведения успешного диалога и включает в себя четкость и тщательность полного варианта произношения, умеренную громкость звучания, что является характерным для всех речевых актов в целом и речевого акта просьбы в частности [4].

Как было отмечено выше, способы выражения вежливой просьбы реализуются на трех уровнях и, соответственно, выделяются лексические, грамматические и синтаксические способы выражения вежливости в речевом акте просьбы, которые характеризуются определенным набором дифференцированных семантических и прагматических признаков.

В корпус лексических способов выражения вежливости в речевом акте просьбы входят маркер вежливости *please*, некоторые перформативные глаголы, а также *maybe perhaps*.

Please выступает типичным и наиболее распространенным маркером вежливых просьб. Данный маркер может иметь различную позицию – начальную, промежуточную или конечную.

Целесообразно отметить, что позиция данного маркера не влияет существенным образом на степень вежливости просьбы. Просьба с данным маркером может быть оформлена в различных типах предложения [2].

Маркер вежливости *please* может быть оформлен и как

обособленное предложение, которое в соответствующем контексте может означать просьбу.

В корпус лексических способов также входят некоторые перформативные глаголы, в семантике которых уже заложен оттенок просьбы. К ним относятся в первую очередь *to ask, to beg, to pray*. Глагол *to ask* является нейтральным и прямо свидетельствует о просьбе. В отличие от него глаголы *to beg* и *to pray* имеют определенную стилистическую окраску: адресант, употребляя их в просьбе как будто ставит себя на ступень ниже адресата [3].

Maybe и *perhaps* смягчают категоричность просьбы, делая ее ненавязчивой.

В корпус грамматических способов выражения вежливости входят ряд временных форм, условные предложения, некоторые типы пассивных форм глагола, вводные конструкции *I think, I hope, I wonder*.

Условные предложения довольно распространены в актах просьбы. Они отображают интенцию адресанта предоставить адресату право отказаться от выполнения действия. Их употребление также снижает категоричность высказывания.

Одним из грамматических способов выражения вежливой просьбы является употребление пассивного залога вместо активного. Характерной стратегией для форм пассивного залога является имперсонализация участников общения, что снимает давление на адресата.

Одним из наиболее распространенных способов выражения вежливости является употребление *I think, I hope, I wonder*. Особенностью данных просьб является тот факт, что адресант проявляет нерешительность, вследствие чего данная просьба звучит некатегорично [5].

Употребление условного наклонения также является одним из способов выражения вежливости в просьбах. Для условного наклонения характерна сема некатегоричности. Источником возникновения значения некатегоричности является категориальное значение потенциальности, гипотетичности действия

либо состояния, которое свойственно глагольным формам условного наклонения. Характерной стратегией для форм условного наклонения является смягчение негативного влияния на адресата, предоставление адресату права выбора [3].

К синтаксическим способам выражения вежливости в акте просьбы принадлежат местоименные вопросительные предложения, которые образуются по таким моделям:

1) Why do not you?

I live in New York with my children. Why do not you call me next time you are there? (A. Hailey).

2) Why not and inf.?

Why not let me help you? You will not be sorry (A. Hailey).

Использование данных конструкций связано со стремлением адресанта нейтрализовать угрозу социальному лицу адресата при высказывании побуждения. Таким образом, адресант не навязывает свою волю адресату.

Также следует отметить следующие структуры, которые образуются по таким моделям:

1) Can/Pr/Inf.?

Joe can I talk to you? (A. Hailey).

2) Could/Could not/Pr/Inf.?

Joe could I have a word with you? (A. Hailey).

3) May/Might/Inf.?

May I see my wife now? (A. Hailey).

4) Will/Will not you/ Inf.?

Will you come in please? (A. Hailey).

5) Would/Would not you/Inf.?

Would you tell me something? (A. Hailey).

6) Do/Do not/ Would/Would not you mind/Inf.?

Do you mind telling me what kind of responsibility I am to have in this department? (A. Hailey).

Также к синтаксическим способам выражения вежливой просьбы можно отнести разделительные вопросы.

Однако наше исследование показывает, что наряду с традиционными разделительными вопросами, в первой части которых

содержится мнение говорящего о некотором положении дел, а во второй — апелляция к слушающему, призывающая его выразить свое отношение к высказанному в первой части суждению. В результате анализа корпуса примеров мы имеем дело с просьбами, синтаксическая структура которых представлена разделительным вопросом, первая часть которого выражена повелительным наклонением.

Использование таких синтаксических структур характерно для коммуникантов, которые имеют одинаковый социальный статус или относятся к одной возрастной группе. Но оформленная таким образом просьба не допустима и будет являться грубым нарушением вежливости при ее употреблении адресантом, имеющим более низкий социальный статус, чем адресат, или же младшим по возрасту.

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что речевой акт просьбы имеет определенную специфику и структуру. В основе функционирования вежливых просьб лежат разнообразные способы, которые реализуются на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Данные способы базируются на стремлении к сотрудничеству, смягчении негативного влияния на адресата и предоставлении адресату права выбора.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16. — М.: Прогресс, 1985. — С. 8–12.
2. Беляева Е. И. Принцип вежливости в речевом общении (способы оформления декларативных высказываний в английской разговорной речи) / Е. И. Беляева // Иностр. языки в школе. — 1985. — № 2. — С. 12–16.
3. Богданов В. В. Речевое общение: прагматический и семантический аспекты / В. В. Богданов. — М.: Рус. язык, 1990. — 235 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости как отражение социокультурных отношений / Т. В. Ларина // Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. — М., 2003. — С. 17–34.

5. Рыжова Л. П. Речевой этикет и языковая норма / Л. П. Рыжова // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1987. – С. 51–58.

Резюме

Категорія ввічливості є аксіологічною категорією, вербальні та невербальні засоби реалізації якої є культурно-специфічними.

Використання правил ввічливості є обов'язковим для реалізації реквестива. Головною ознакою реквестива є необлігаторність виконання дії адресатом. Виділяють лексичні, граматичні та синтаксичні засоби вираження ввічливості.

Summary

The category of politeness is an axiological category. Verbal and non-verbal ways of its realization are specific. The use of politeness forms is obligatory in the requestive speech act. One of the main features of the requestive is that performing of the action is not obligatory. Lexical, grammar and syntactical ways of realization of politeness are found.

УДК 821.161.2-1'04

І. О. Помазан

ВІЗУАЛЬНЕ Й ВЕРБАЛЬНЕ В ПОЕТИЦІ ЗОРОВОГО ВІРША

Ключові слова: бароко, зорова поезія, геральдична поезія, поетика.

В українській поезії доби бароко зоровий вірш як жанрова форма посідає значуще і своєрідне місце. Великою мірою це зумовлено специфікою його художньої системи, яка включає в себе як вербальну, так і зорову складову. Саме в зоровій поезії чи не найбільш повно втілено характерне для бароко прагнення до символічного відображення світу, унаочнення художніх образів, філософських ідей та етичних ідеалів у конкретних візуальних композиціях із відповідним вербальним супроводом.

Таким чином, аналіз характеру взаємодії візуального та вербального може, на нашу думку, дати цікаві результати для дослідження особливостей поетики української зорової поезії доби Бароко зокрема і всієї української барокової поезії в цілому.

У вітчизняному літературознавстві студіям над бароковими зоровими віршами загалом приділено досить багато уваги. При цьому чи не найбільшу популярність у дослідників мали зразки геральдичної поезії, як, імовірно, одного з найбільш яскравих і колоритних різновидів зорового вірша. До аналізу цих творів звертаються у своїх працях, зокрема, С. Голубев [2], О. Левицький [5], В. Перетц [7], Дм. Чижевський [12], В. П. Колосова [3, 4], Р. Радишевський [8], І. Саверченко [9], О. Ткаченко [10], Б. Бадрак [1] та ін. При цьому, однак, у переважній більшості студій зазначених авторів не приділялося окремої уваги саме аналізу характеру співвідношення візуальної та вербальної складової в поетиці цих віршів. Натомість такий аналіз та його результати можуть становити цікавість не лише з точки зору дослідження поетики гербового і в цілому зорового вірша. Вони можуть бути корисними для створення цілісної концепції української барокової літератури, а також для дослідження механізмів художньої взаємодії зорового і вербального у людській свідомості.

Разом із тим, розвиток гербового вірша як жанрової форми виразно демонструє характер співвідношення зорового і вербального в художній системі української зорової поезії. Відтак предметом нашої уваги мають стати переважно зразки геральдичної поезії.

Починаючи від 1581 року одним із провідних (принаймні, за кількістю) жанрів української поезії є гербовий вірш, постання якого було зумовлено й активною культурною (і не лише культурною) інтеграцією України до загального культурного життя Речі Посполитої, а відтак і Європи в цілому, й самою специфікою видавничої справи, що її визначив початок книгодрукування.

Зауважимо, що на час постання української геральдичної поезії герб посідав у цьому синкретичному жанрі провідне місце,

бувши «головним текстом», тоді як власне вірш виступав у ролі коментарю, «художнього глосарію» до цього тексту. Герби на той час побутували на теренах України вже майже два століття *de iure* (Городельський привілей 1413 року надав середній і вищій шляхетській верстві право вживати польські герби) і значно довше *de facto*, адже певні тенденції активного засвоєння західними сусідами України європейської лицарської субкультури простежуються ще на початку XIII ст. [6, с. 81–107]. Таким чином, імовірним буде припущення, що провідні представники українсько-білоруської аристократії (особливо князі з роду Рюриковичів і Гедиміновичів, як-от Острозькі, Вишневецькі, Чарторийські та інші) могли користуватися своїми власними гербами (не потребуючи приєднання до гербів польських) задовго до Городельського привілею. Враховуючи таке давнє існування гербів у середовищі українсько-білоруської аристократії, маємо підстави говорити про вплив художньо-стильової системи, відповідно до засад якої було створено «гербові тексти», на стильові особливості геральдичної поезії, що перебувала на той час у процесі становлення.

Як було згадано вище, гербовий вірш являв собою своєрідний художній коментар до «гербового тексту». Крім цього художнього коментарю існував ще коментар «науковий», що його містили надзвичайно поширені в XVI–XVII ст. гербовники, які також значною мірою вплинули на формування художнього світу геральдичної поезії.

Найвизначнішими на той час були дві праці польських геральдистів: «Герби польського лицарства» [*Herby guscerstwa polskiego*] Бартоша Папроцького 1584 р. [13] і «Опис Польщі» [*Orbis Polonus*] Симона Окозького 1641–1645 рр. [14].

З огляду на синкретичну сутність зорової поезії, що завжди поєднує в собі елементи візуальної та вербальної художньої експресії, у формуванні художнього простору творів цього жанрового напрямку завжди беруть участь візуальні і вербальні чинники. При цьому в різні періоди та в різних групах текстів співвідношення цих чинників є відмінним.

Для перших зразків зорової поезії в літературі українського Бароко, представлених гербовими віршами кінця XVI ст., характерним є майже повне домінування при творенні художнього простору візуального чинника, представленого конкретним гербом. Вірш у даному випадку виступає лише в ролі пасивного коментарю, який не виходить за межі прямолінійного пояснення того, що зображено в гербі, художня уява автора досить скута.

Зразком такого вірша може бути хрестоматійний вірш Герасима Смотрицького на герб князя Острозького, уміщений в Острозькій Біблії 1581 року. У цьому творі автор переважно просто описує ті гербові елементи, що вміщені в чотирьох полях герба Костянтина Острозького. У своєму художньому тлумаченні поет практично не віддаляється від візуальної складової.

З часом, із середини XVII ст. вербальна складова у гербових віршах увиразнюється. Візуальний образ гербового елемента стає для поета початковим імпульсом для подальших художніх пошуків. Таким чином, поетика гербових віршів набуває нових рис, зокрема, художня інтерпретація герба в цілому, як і окремих його складових, помітно відходить від тих моделей, що містяться у гербовниках. Зразком зазначеного увиразнення вербальної складової може служити вірш Кирила Транквіліона-Ставровельського «На стародавний клейнот ясне освещенных велможных их мосць княжат Чарториских епіграмма», в якому поет, відштовхуючись від постаті вершника у Литовській Погоні, створює колоритну картину поля битви:

В гелмѣ тей цней фамилии таковыи клейноты

Свѣдом суть мезства, смѣлости и цноты:

Конь, роспушоный в широком полю.

Рицера смѣлого виконива волю,

Неприятель перхають рострѣляне,

Трупы всюды, поля кровю польяне,

Мѣч обнажоный неприятелю не фолькчует

Тым ся звѣтязство значное показует

Дом цных Чарториских, племя то крулов можных знаменитое,

Юрій, сын мудрости, всѣх цнот и побожностей гнѣздо увитое [11].

Свою специфіку має також розвиток характеру кореляції візуальної та вербальної складової у віршах емблематичних. Перебуваючи на початку XVI ст. під помітним впливом західноєвропейських та згодом польських емблематичних збірників, з часом ці вірші набувають більшої вербальної самостійності. Візуальна складова в них починає віддалятися на маргінес художнього простору синкретичного тексту, відіграючи уже роль не єдиного, а одного з кількох чинників створення семантичного поля конкретного символу.

Подібну ж картину ми спостерігаємо й у віршах панегіричного характеру, зокрема у тих із них, що можуть бути віднесені також до зорової поезії. Символ, емблема, візуальний образ набувають не лише прямолінійного поетичного тлумачення, на рівні «щось є символом чогось». Перший рівень тлумачення є, насамперед, джерелом для наступних, і то досить успішних, пошуків нових поетико-семантичних просторів візуального образу.

Дуже специфічно це реалізується у фігурних віршах, де вигляд самого тексту на сторінці утворює візуальний образ, що набуває поетичної інтерпретації в означеному тексті. При цьому першим імпульсом утворення поетичного простору вірша є слово, що знаходить художнє втілення рівно як у знаку, так і у вербальній грі-медитації.

Для людини взагалі, а для людини Бароко особливо, світ являє собою певну, на даний момент стабілізовану, систему органічно корельованих семантичних полів, що утворені навколо домінантних для конкретної ментальної моделі символів.

Процес інтерпретаційного відтворення на рівні художньої культури найповнішою мірою відображений саме у зоровій поезії Бароко. Для цього жанрового напрямку характерною є сконцентрованість на реалізації семантичного потенціалу символу. Зорова поезія відіграє одну з провідних ролей у формуванні ментальної моделі світу та її перманентного відтворення.

Це, зокрема, підтверджується занепадом зорової поезії із загальною кризою барокової ментальності в Україні.

Таким чином, у процесі свого розвитку поетика геральдичного

і в цілому зорового вірша доби Бароко демонструє поступове увиразнення вербальної складової, яка набуває художньої самостійності, звільняючись від однозначного панування візуального компонента. Відтак, цей компонент набуває рис ідейно-тематичного імпульсу, що спонукає до створення більш поширеного та різнорівневого вербального художнього простору.

Список літератури

1. Бадрак Б. М. Творчість Івана Величковського. Тематика, барокова образність : дис... канд. філол. наук: 10.01.01 / Б. М. Бадрак ; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 2005.
2. Голубев С. Описание и истолкование дворянских гербов южно-русских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. // Тр. Киев. Дух. акад. — 1872. — Кн. X. — С. 295—382.
3. Колосова В. П. Герасим Смотрицький як поет / В. П. Колосова // Теорія і історія літератури. До 100-річчя з дня народження О. І. Білецького. — К., 1985. — С. 194—203.
4. Колосова В. П. Функції віршів в українських стародруках кінця XVI — першої половини XVII ст. / В. П. Колосова // Українське літературне бароко. — К. : Наук. думка, 1987. — С. 141—157.
5. Левицкий О. Афанасий Заруцкий, малорусский панегирист кон. XVII и нач. XVIII ст. / О. Левицкий ; Киев. стар. — Т. LII. — 1896. — С. 378—398.
6. Оссовская М. Рыцарь и буржуа : Исслед. по ист. морали / М. Оссовская ; пер. с польск. — М. : Прогресс, 1987. — 528 с.
7. Перетц В. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII вв. / В. Перетц ; Изв. отд. рус. яз. и слов. АН. — Т. IV. — 1899. — С. 869—938, 1218—1303.
8. Радишевський Р. Польськомовні барокові стемми Іванові Мазепі / Р. Радишевський // *Warszawskie zeszyty ukrainoznawcze*. — 2. — 1994. — S. 141—153.
9. Саверченко И. Формирование древнебелорусской книжной поэзии (XVI—пер. пол. XVIII в.) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / И. Саверченко. — Минск, 1989. — 26 с.
10. Ткаченко О. П. Курйозна поезія в українській бароковій літературі : дис. ... канд. філол. наук: 10.01.01 / О. П. Ткаченко ; Київ. ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 1999. — 229 л. : іл. — Бібліогр.: л.193—207.

11. Транквіліон-Ставровецький Кирило. На стародавний клейнот ясне освітлених велможных их мосць княжат Чарториских епіграма / Кирило Транквіліон-Ставровецький // Українська поезія. Кінець XVI – початок XVII ст. – С. 229.
12. Чижевський Дм. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. – Нью-Йорк, 1956. – 512 с.
13. Okolski S. Orbis Polonus : In 3 t. / S. Okolski. – Cracovia : Caesarij, 1641, 1643, 1645. – 555 p., 656 p., 361 p.
14. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego: Napięcioro xiąg rozdzielone / B. Paprocki. – Kraków, 1584. – 724 s.

Резюме

Статья посвящена исследованию соотношения визуального и вербального компонента в поэтике украинского зрительного стихотворения эпохи Барокко. Делается вывод о приобретении вербальной составляющей в процессе развития жанра большей художественной самостоятельности.

Summary

The article deals with the research into the correlation between the visual and the verbal components in the poetics of the Baroque Ukrainian visual poem. Conclusions as to gaining by the verbal component of a greater artistic independence in the process of the genre development have been made.

УДК 821.161.1–311.6–312.4.09Акунин

О. С. Рыжченко

СИМВОЛИКА РОМАНА БОРИСА АКУНИНА «КОРОНАЦИЯ ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОМАНОВ»

Ключевые слова: ретродетектив, интеллектуальный роман, символ.

Детектив принято считать жанром, который подчиняется строгим канонам. В двадцатых годах XX века были сделаны

попытки зафиксировать его родовые признаки. Первым это сделал англичанин С. С. ван Дайн, который в 1928 году опубликовал «20 правил для пишущих детективы». Некоторые авторы классических детективов пытались их нарушать, но, за вычетом некоторых пунктов, потерявших свою актуальность, этот «свод законов» детективной литературы сохранил свою силу и в наше время.

Борис Акунин, автор ретродетективов (исторических детективов), которые сам он анонсировал как классические, тоже тяготеет к нарушению правил. В частности, он идет вразрез с 16-м правилом ван Дайна, которое указывает, что в *«детективном романе неуместны длинные описания, литературные отступления на побочные темы, изощренно тонкий анализ характеров и воссоздание «атмосферы»*. Все эти вещи несущественны для повествования о преступлении и логическом его раскрытии» [7, с. 40]. Автор наполняет свои произведения нехарактерной для большинства детективных произведений символикой.

В настоящее время существует насущная необходимость в глубоком и целенаправленном изучении творчества Бориса Акунина как своеобразного явления русской литературы рубежа XX–XXI веков. Произведениям автора посвящены многие критические статьи как русских [2; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14], так и украинских исследователей [3]. Однако критиками практически не поднималась проблема символа в прозаическом творчестве писателя, что, на наш взгляд, является актуальным и важным вопросом.

Объектом исследования в нашей работе выступает роман Бориса Акунина «Коронация или последний из Романов». Цель исследования – на примере одного из романов литературного проекта «Приключения Эраста Фандорина» показать, что нетрадиционная для большинства детективов символика, представленная в романах автора, позволяет с уверенностью отнести их к интеллектуальному детективу, который тяготеет к произведениям классической литературы.

В центре повествования романа «Коронация» – история

похищения маленького Романова, который стал жертвой борьбы царской семьи за сохранение престижа дома Романовых на мировой арене. Однако, кроме невинного младенца, были погублены и сотни человеческих жизней (Ходынка), которые были принесены в жертву Фаме, богине молвы. И как символ этой жертвы в романе выступают розы, привезенные специально для торжества, посвященного коронации российского монарха. *«Розы им дороже людей»* [1, с. 318] – в этом выражена основная авторская мысль, поскольку венценосная чета не захотела отложить торжество из-за сотен никому не известных жертв – розы могли увянуть. В романе символ розы связан не только с трагической гибелью младенца и толпы, но еще указывает на моральную гибель царствующей семьи Романовых, которая соблюдение условностей поставила выше сотен человеческих жизней.

Ребенку Борис Акунин противопоставляет драгоценный камень – алмаз «Орлов», который оценивается гораздо дороже жизни четырехлетнего Романова. Драгоценные камни символизируют как скрытые сокровища знания и истины, так и земную любовь и преходящие богатства. Алмаз символизирует свет и жизнь, солнце, прочность, неподкупность, искренность, невинность [8, с. 77–78]. «Орлов» является царской регалией, без которой не может состояться коронация. Вся семья Романовых прочно сплотилась, противодействуя натиску доктора Линда, предводителя шайки бандитов. О том, чтобы отдать камень в обмен на ребенка, не могло быть и речи.

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» камень является объединяющим началом. Дети бросают камнями в Илюшу Снегирева, Илюша бросает камень в Алешу – человека Божия. Но именно камень у дороги, куда любили ходить капитан Снегирев с сыном, объединил молодое поколение – новых людей, за которыми будущее. Именно у этого камня произносит им свое напутственное слово Алеша Карамазов.

У Бориса Акунина камень тоже объединяет всю семью Романовых. Судьба камня их волнует больше, чем жизнь одного

из них. Стремление уберечь царскую регалию от рук преступника их объединяет (они собираются вместе в резиденции Георгия Романова), но в то же время и разъединяет, разрушая их души (великий князь Георгий Романов отказывается от сына, а император Николай II — от идейного противостояния собственной семье). Поэтому у автора «Коронации» камень выступает не только объединяющим, но и разрушительным началом, поскольку разрушает души всех, кто к нему прикасается.

Развязка событий в «Коронации» происходит на мосту, для описания которого автор избирает следующие сравнения — «слегка колышущаяся дощатая лента» и «мост, будто пьяный» [1, с. 335]. Традиционно мост символизирует собой переход от смерти к бессмертию [8, с. 210]. Борис Акунин по-своему трактует этот символ. На мосту происходит столкновение героя и антагониста, при этом антигерой погибает, падает в пропасть, которая в данном случае символизирует ад — наказание за совершенные грехи. Борис Акунин умышленно не дал доктору Линду перейти мост, то есть естественно переместиться из мира живых в мир мертвых. Он его наказал, заставил заплатить за совершенные преступления, тем самым утвердив извечное правило классического детективного произведения, что добро всегда торжествует, а зло должно быть наказано.

Борис Акунин вводит в роман «Коронация» и контраст света и тьмы. В произведении несколько раз упоминаются источники света, которые напрямую связаны с происходящими событиями. Излучение света олицетворяет новую жизнь, даруемую божеством. Свет имеет власть разгонять зло и силы тьмы [8, с. 290–291]. Однако у Бориса Акунина источники света имеют несколько другое значение. Судьбу маленького Михаила Романова должен был определить семафор Александрийского дворца, *«старинный, световой, <...> оборудованный электрическими огнями для темного времени и пасмурной погоды. С семафора можно посылать световые сигналы, которые видно почти с любой точки города»* [1, с. 56]. Он должен был подтвердить сделку семьи Романовых с похитителями. Автор вводит в роман еще один

световой символ — свет камня: *«грани «Орлова» вспыхнули нестерпимым сиянием»* [1, с. 239]. Сияние *«куска шлифованного углерода»* [1, с. 249] Романовы ценят больше света человеческой жизни.

Эмоциональность, свойственная человеку, разделяет персонажей романа на два лагеря — одушевленных и неодушевленных. Одушевленные, или обладающие чувствительной душой, способны воспринимать свет, следовательно, могут возродиться к новой жизни — это Эндлунг, Павел и Ксения Романовы. К ним примыкает Афанасий Степанович Зюкин, который за две недели переживает духовную эволюцию и обретает новый жизненный ориентир. Он возрождается к новой жизни, в которой способен адекватно оценивать людей вне зависимости от их социального положения.

Неодушевленные же не способны к духовному перерождению, они не воспринимают свет, поскольку тьма поглотила их души — это старшее поколение Романовых, включая императрицу, которая беспокоилась о сохранности своих драгоценностей, и мать погибшего Мики Романова, которая не хотела *«исполнять роль статистки при триумфе молодой царицы»* [1, с. 8].

Зюкин в конце романа уже не тот дворецкий, который верой и правдой служил Зеленому дому Романовых: *«Странное у меня было ощущение. Судьба и монархья милость одарили меня со сказочной щедростью, вознесли на высоту, о которой я и не мечтал, а чувство было такое, будто я потерял все, чем обладал, и потерял навсегда»* [1, с. 348]. Распался маленький мирок Афанасия Степановича, где он чувствовал себя комфортно и все держал под контролем. Он никогда не переходил границ и всегда знал свое место. Однако его золотые идола оказались медными, поэтому годами укреплявшийся внутренний стержень сломался, и предстояло научиться жить вдали от лучей августейшего величия. Зюкин пересмотрел свое отношение к людям: «невероятный человек» Фандорин смог вернуть царице ее драгоценности, обезвредив Линда, а «лейтенантишка» Эндлунг оказался «хорошим товарищем, душа нараспашку», именно он

указал Афанасию Степановичу жизненный ориентир, смог убедить его сменить ливрею дворецкого на военный мундир (о трагической судьбе этих героев Б. Акунин упомянет в первой части дилогии «Алмазная колесница»). Центром перерождения Зюкина стала Москва, а именно Эрмитаж (временная резиденция Романовых в Москве), где *«освещение меня огорчило – оно было даже не газовое, а вовсе допотопное, масляное <...> У нас на Фонтанном такое было лет тридцать назад»* [1, с. 19]. Парадоксально, но именно тусклый свет и позволил Афанасию Зюкину рассмотреть истинную сущность людей, которым он столько лет служил. Слишком яркое «сияние» августейшей семьи, ослепляя его, не позволяло сделать этого раньше. Именно в полумраке глаза Зюкина открылись.

По долгу службы Афанасий Степанович вынужден постоянно жить в резиденции великих князей, не имея собственного дома. Дворецкий старается обеспечить Романовым максимальный комфорт в Эрмитаже, который становится своеобразной крепостью, охраняющей тайну похищения маленького великого князя. Именно туда съезжаются на чрезвычайные совещания Романовы. Образу Эрмитажа противопоставлен пустырь напротив Петровского дворца, на котором назначены были народные гуляния по случаю коронации. Закрытое и открытое пространство, тем не менее, имеют много общего. Их объединяют человеческие жертвы. Дом и пустырь стали могилой для многих российских подданных, включая и представителя августейшей фамилии.

Дом у Бориса Акунина является своеобразной сокровищницей, где хранятся трагические воспоминания прошлого. Возможно, поэтому Эрмитаж является обиталищем призрака бывшей его владелицы – графини Чесменской: *«Согласно преданию, в царствование Александра Первого, когда все общество играло в новомодную игру лото, графиня сыграла с самим Нечистым и поставила на кон свою душу. Служители рассказывают, что иногда безлунными ночами по коридору проходит белая фигура в чепце и постукивает камешками в мешке»* [1, с. 18]. Эта фигура является хранительницей какой-то тайны, связанной с домом.

Автор предельно скуп в описании достопримечательностей Москвы, он ограничивается только их упоминанием, хотя и достаточно скрупулезно отображает топографические перемещения своих героев. Его Москва — это не город с многовековой историей и известнейшими памятниками, а просто своеобразная «женщина бальзаковского возраста», «таинственная незнакомка» со своими секретами. Такой ее увидел английский баронет Николас Фандорин. Эрасту Петровичу Фандорину, возвратившемуся в Москву после шестилетней отлучки, показалось, что она изменилась, из деревенской жительницы превратившись в европейскую обитательницу. Но для него Москва — это скорее место, где находится его дом. После трагической гибели Лизоньки Эраст Фандорин остается жить во флигеле дома ее отца вплоть до своей эмиграции. Именно с этим местом связаны у него воспоминания о несложившейся семье. Этот флигель своей обстановкой очень напоминал хозяина — все в нем было устроено на японский вкус. Это место является для него тем островком, где герой может быть самим собой, это его своеобразный футляр, куда он прячется от окружающего мира.

Таким образом, символика «Коронации», нетрадиционная для большинства детективных романов, указывает на «двойное кодирование» этого романа, ориентированное на искушенного читателя, который сможет за формой детективного произведения увидеть нечто большее — интеллектуальный роман, где в центре повествования не столько детективная интрига, сколько проблема становления личности, созидания и разрушения человеческих душ, проблема нравственного выбора. Борис Акунин попытался наполнить детективное произведение новым смыслом, поставив во главу угла не преступление как таковое, а человека, что было свойственно классическим произведениям. Параллельно описанию расследования преступления он рассказывает историю Афанасия Зюкина, акцентируя внимание на его душевных переживаниях. Гуманизм, отличавший реалистические произведения второй половины XIX — начала XX века, характерен и для произведений Бориса Акунина.

В рамках одной статьи невозможно охватить все проблемы, связанные как с символикой романа «Коронация», так и с развитием творчества Бориса Акунина в целом. На наш взгляд, необходимы дальнейшие исследования, посвященные истории развития российского ретродетектива, что позволит оценить и проанализировать роман «Коронация» более глубоко.

Список литературы

1. Акунин Б. Коронация : [роман] / Борис Акунин. – М. : Захаров, 2001. – 350 с.
2. Аюпова Е. И. Оценочная семантика в группе наименований ребенка: На материале романа Б. Акунина «Внеклассное чтение» / Е. И. Аюпова // Русская и сопоставительная филология : сист.-функцион. аспект. – Казань. – 2003. – С. 14–18.
3. Валуева Н. Н. Классическое наследие и «Фандоринский цикл» романов Б. Акунина / Наталья Николаевна Валуева // Лит. в контексте культуры. – 2005. – Вып. 15 – С. 25–31.
4. Десятков В. В. Под знаком осиротевших: «Азazelь» Б. Акунина и антиутопии В. Набокова / В. В. Десятков // Диалог культур. – Барнаул, 2004. – С. 158–161.
5. Дубин С. Детектив, который не боится быть чтивом [рец. на кн. Б. Акунина «Особые поручения»] / С. Дубин // Новое литератур. обозрение. – 2000. – № 41. – С. 412–414.
6. Ингеманссон А. Р. Интертекстуальность в романе Б. Акунина «Турецкий гамбит» / А. Р. Ингеманссон // Пробл. современ. филол. образования. – 2005. – № 6. – С. 160–165.
7. Как сделать детектив : [сб. тр]. – М., 1990. – 320 с.
8. Купер Дж. Энциклопедия символов / Купер Дж. – М., 1995. – 401 с.
9. Кучина Т. Г. Дискурсивный коллаж как фактор идиостиля в прозе Б. Акунина / Т. Г. Кучина // Русское литературоведение в новом тысячелетии. – М., 2003. – Т. 2. – С. 101–104.
10. Крекнина Л. И. Исторический детектив Б. Акунина: жанровая поэтика / Л. И. Крекнина // Постмодернизм: pro et contra. – Тюмень, 2002. – С. 115–118.
11. Латынина А. Христос и машина времени / А. Латынина // Новый мир. – 2003. – № 8. – С. 148–153.

12. Лурье Л. Борис Акунин как учитель истории / Л. Лурье // Искусство кино. — 2000. — № 8. — С. 53–56.
13. Менькова Н. Н. Языковая личность главного героя романа Б. Акунина «Алтын-толобас» Николаса Фандорина / Н. Н. Менькова // Вопр. филол. наук. — 2004. — № 1. — С. 179–187.
14. Потанина Н. Диккенсовский код «Фандоринского проекта» / Н. Потанина // Вопр. лит. — 2004. — № 1. — С. 41–48.

Резюме

У статті розглядаються особливості символіки роману Бориса Акуніна «Коронація або останній з Романов». Символи, нетрадиційні для більшості детективних творів, дозволяють зазначити, що автор намагається вийти за межі жанру детективу та створити твір, який тяжіє до класичних творів реалістичної літератури.

Summary

The article deals with a peculiarity of symbols in the novel «The Coronation or the last of the Romanoff» by Boris Akunin. The symbols, which are not characteristic of detective novels, testify to the author's endeavour to overcome the restrictions of the detective genre and create a work characteristic of a classical literature.

УДК 821.111-312.6

Т. М. Тимошенкова

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Ключевые слова: биографическая проза, жанр, субжанр, интервью, репортаж, опрос, источник информации, публицистичность.

Объектом исследования в данной статье являются произведения английских и американских авторов, посвященные личностям, сыгравшим достаточно значительную роль в жизни

своей страны и оказавшим определенное влияние на формирование национального и мирового общественного мнения.

Материалом для исследования послужили книги Б. Вудварда и К. Бернстайна «All the President's Men» и «The Final Days», Р. Дж. Мартина «A Hero for Our Time» и К. Кемпбелл «The Real Diana».

Цель исследования – попытка охарактеризовать особенности современной англоязычной биографической прозы как самостоятельного литературного жанра, выделить его субжанры и их разновидности.

Насколько нам известно, биографическая проза как лингвостилистический феномен еще не была предметом отдельного исследования.

Проблема жанра как литературного и лингвистического явления остается, несмотря на огромное количество работ, обнаруживающих различные философские, языковые и культуроведческие подходы, достаточно дискуссионной.

Традиционно жанр определяется как исторически сложившееся внутреннее подразделение определенного вида искусства; тип художественного произведения в единстве специфических свойств его формы и содержания, определяемый на основе вида литературы, преобладающего эстетического качества (идейно-оценочного настроения – сатирического, патетического, трагического), объема произведения и способа построения образа (символика, аллегория, документальность). В эпическом жанре выделяют героическую поэму, роман, рассказ; в лирическом – оду, элегию, стихотворную песню; в драматическом – трагедию, комедию. Внутрижанровое подразделение связывают с преобладающей тематикой (роман бытовой, психологический и т. д.) [4, с. 431–432].

Предложенное определение вызывает ряд возражений:

- хотя в нем декларируется «единство специфических свойств формы и содержания», критерии выделения жанров носят сугубо содержательный характер;
- не везде соблюдается единство этих критериев;

- полностью игнорируется языковой аспект жанров;
- классификация, исходящая из предложенного определения, далеко не охватит всего жанрового богатства языковых произведений.

Более оправданной и последовательной, хотя и не лишенной своих недостатков, представляется теория жанров, сформулированная в работах М. М. Бахтина.

С одной стороны, вряд ли целесообразно применять термин «жанр» как синоним термина «высказывание».

Представляется правомерным различать понятия речевого акта и речевого жанра (к речевым жанрам М. М. Бахтин относит формулы приветствий, прощаний, поздравлений, пожеланий всякого рода, осведомлений о здоровье, о делах и т. п.)

И уж никак нельзя согласиться с объединением под рубрикой «речевые жанры» таких разнородных явлений, как «короткие реплики бытового диалога, бытовой рассказ, и письмо, и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов..., и разнообразный мир публицистических выступлений, и многообразные формы научных выступлений, и все литературные жанры» [2, с. 109].

Тем не менее целый ряд принципиальных положений жанровой теории М. М. Бахтина вполне оправдан и убедителен.

Под речевыми жанрами М. М. Бахтин понимает широкий спектр разнородных письменных и устных относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических ситуативно обусловленных типов высказываний, которые охватывают все сферы человеческой деятельности и частично пересекаются с литературными жанрами [2, с. 108].

Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, и проблема их изучения лежит на границах лингвистики и литературоведения [1, с. 95, 98].

Речевые жанры — композиционные и стилистические единства, определяемые функцией (художественные, научные, бытовые высказывания), условиями общения (книжные

монологические жанры, установленные на читателя, публику, специалистов...) и, наконец, конкретной ситуацией речевого общения [2, с. 112].

Среди речевых жанров выделяются первичные (простые) и вторичные (сложные). Первичные жанры связаны с непосредственным речевым общением, они «относятся к «бытовой жизни». «Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)».

Вторичные жанры могут «вбирать» в себя первичные (реплики диалога в романе и т. д.), где эти последние выступают не сами по себе, а как части более сложного высказывания [1, с. 99].

Биография (жизнеописание) представляет на основе фактического материала картину жизни человека, формирования и развития его личности и деятельности в условиях социальной действительности определенной эпохи.

Древность не знала жанра биографии в современном понимании, тем не менее выдающиеся образцы античных биографий сохраняют до нашего времени свое художественное и историческое значение («Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Жизнь Агриколы» Тацита, «Жизнеописание двенадцати цезарей» Светония).

Биография Средневековья носит религиозный характер и представляет собой почти исключительно «Жития святых».

Эпоха Возрождения с ее повышенным интересом к индивидуальной судьбе и внутреннему миру человека вызвала широкое распространение биографической литературы, среди которой сохраняют значение первоклассного источника «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Дж. Вазари и многочисленные сочинения П. Де Б. Брантома, рисующие красочные картины жизни того времени.

К 19 в. относится появление фундаментальных, основанных на обширном материале биографий. Среди них: «Жизнь

Вальтера Скотта» Д. Локхарта, «Жизнь Дж. Мильтона» Д. Мэссона, «Жизнь Ч. Диккенса» Дж. Форстера и др.

В 20 в. большую популярность приобрели произведения биографического жанра А. Моруа (Франция), С. Цвейга (Австрия), Э. Людвиг (Германия) [3, т. 1, с. 619].

В России уже с конца 18 в. стали появляться биографические словари («Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772), «Словарь достопамятных людей русской земли» Д. Бантыш-Каменского (8 томов, 1836–1847) и многие другие).

Видное место в развитии биографического жанра в России занимают книги: «Фон-Визин» П. А. Вяземского (1848), «Н. В. Станкевич» (1857) и «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» (1874) П. В. Анненкова, «Биография Ф. И. Тютчева» (1886) И. С. Аксакова [3, т. 1, с. 621].

Первым по времени универсальным собранием биографий на русском языке стала серия жизнеописаний, посвященных русским и зарубежным деятелям, издаваемая Ф. Ф. Павленко в 1890–1917 годах.

Серия была возобновлена в 1933 г. по инициативе А. М. Горького. Первыми редакторами были А. М. Горький, М. Е. Кольцов, А. Н. Тихонов. В редакцию входили академики В. Л. Комаров, Е. В. Тарле, А. Е. Ферсман, писатели А. Н. Толстой, Ю. Н. Тынянов, А. А. Фадеев и др.

Серия включала биографии писателей, художников, композиторов, ученых, политических деятелей, созданных как отечественными авторами («Наполеон» Е. В. Тарле, «Данте» А. Дживелегова, «Байрон» А. Виноградова, «Марко Поло» В. Шкловского, «Жизнь господина де Мольера» М. А. Булгакова и многие другие), так и зарубежными писателями: А. Моруа, И. Стоуном, Н. Сендбергом, С. Цвейгом и др. [3, т. 2, с. 938].

В отечественной литературе, во всяком случае до последнего времени, биографическая проза включала, прежде всего, сведения об общественно значимой деятельности характеризуемого лица, особенностях личности и фактах биографии, имеющих

непосредственное отношение к этой деятельности. У нас не было принято ни заглядывать в замочную скважину спален, ни вообще вторгаться в ту область, которую англичане именуют словом «privacy».

В западной биографической прозе, несмотря на наличие вполне определенных моральных и юридических норм охраны личной жизни человека, какие-либо ограничения, касающиеся запретных тем, зачастую отсутствуют.

Книги сотрудников газеты Washington Post Боба Вудварда и Карла Бернштейна «All the President's Men» (1975) и «The Final Days» (1976) в американских СМИ характеризовались как «an extraordinary work of reportage on the epic political story of our time», «the most devastating detective story of our century».

«Reads like a first-class whodunit... a terrifying revelation of the persistence and luck necessary to probe the veil of secrecy, privilege and dissimulation with which the American presidency, and especially the Nixon Administration, cloaks itself» – писал обозреватель газеты «Cleveland Press».

Это, по существу, репортаж о журналистском расследовании Уотергейтского скандала и его последствий для Республиканской партии США и лично Ричарда Никсона как политической фигуры.

Обе книги строго документальны. Изложению событий предшествует список действующих лиц с указанием занимаемых постов: президент США, его штаб, члены «Комитета Республиканской партии по переизбранию президента», обвиняемые в противозаконных действиях (проникновение в штаб-квартиру Демократической партии в отеле «Уотергейт» с целью установления подслушивающих устройств); советники президента, функционеры Республиканской партии, конгрессмены, обслуживающий персонал Белого дома, юристы со стороны обвинения и защиты, представители прессы, члены семьи президента.

В предисловии к книге «The Final Days» авторы сообщают, что работали в течение двух лет. За шесть месяцев провели 394 интервью (с полной записью и – если собеседник на этом настаивал – гарантией сохранения анонимности источника).

Каждая деталь тщательно проверялась, сомнительная или неподтвержденная информация исключалась. События, имевшие место в период президентских полномочий Р. Никсона, представлены в хронологическом порядке (ноябрь 1968 – август 1974). Всего в этом списке упоминается 66 событий. Проведем несколько примеров.

November, 5, 1968. – Richard Nixon elected President with 43.4 per cent of the popular vote.

June, 17, 1972 – Five men are arrested in the Democrats' headquarters at the Watergate.

February, 7, 1973 – The Senate votes 70-0, to establish a select committee to investigate Watergate.

May, 1, 1973 – The grand jury indicts Haldeman, Ehrlichman, Mitchell, Robert Mardian, Charles W. Colson, Gordon Strachan and Kenneth W. Parkinson in the cover-up. Richard Nixon is named an unindicted co-conspirator by the grand jury, although this information is held secret.

July, 27, 1974 – The House Judiciary Committee passes first article of impeachment, 27-11, charging the President with obstruction of justice in attempting to cover up Watergate.

August, 9, 1974 – President Nixon resigns. Gerald R. Ford becomes President. [8, p. 510–514]

Книгу «A Hero for Our Time» (1983) сам автор называет «an intimate story of the Kennedy Years», а газета Chicago Tribune в общем не очень справедливо, но зато интригующе характеризует в следующих словах: «Fascinating. It's not a history book. It's a book of gossip stories and delicious detail». Она, как свидетельствует автор, основана на сотнях интервью, полученных им в течение четырех лет – начиная с 1959 г., когда Дж. Кеннеди баллотировался в Сенат США. В числе тех, с кем Р. Дж. Мартин встречался и беседовал: Джон и Жаклин Кеннеди; члены семьи Кеннеди; члены предвыборного штаба Кеннеди, а позднее – штат президента; обслуживающий персонал и охрана Белого дома; друзья Дж. Кеннеди, сотрудники библиотеки и музея Кеннеди, архивариусы и референты, политические деятели, журналисты и многие, многие другие.

В разделе «Index» систематизирована (с указанием страниц) самая разнообразная информация, содержащаяся в книге: имена, социальные и политические проблемы, события, личностные характеристики самого президента и людей, так или иначе связанных с его жизнью и деятельностью, названия газет, журналов, ссылки на различные документы, программы, государственные визиты и т. д.

Свою книгу Р. Дж. Мартин начинает словами: «John Fitzgerald Kennedy had had the gift of much in his life: much wealth, good looks, much excitement, fun, luck, satisfaction. He had tested his courage in war, and proved it. He had faced the threat of death, and passed it. He knew of his attraction to women, and loved it. Now, he had come closer to the hub of power, and wanted it. He would become not only the most powerful man in the world but an almost impossible myth. And the lingering question always would be: How much of the myth was real?» [7, p. 3].

Каким же предстает на страницах книги «A Hero for Our Time» Джон Кеннеди, одна из самых ярких и трагических фигур на американской политической арене 20 века?

Отважный человек, храбро сражавшийся в годы Второй мировой войны и мужественно выносящий постоянные страдания, связанные с больным позвоночником и усугубляемые Аддисоновой болезнью.

Умный, прекрасно начитанный, честолюбивый.

Жизнерадостный, оптимистичный, остроумный, с великолепным чувством юмора.

Беспорно харизматический лидер, способный заряжать людей своими идеями и формировать свою команду из знающих и талантливых профессионалов.

Человек, умеющий чувствовать чужую боль и сострадать ей.

Дальновидный политический деятель, осознающий необходимость демократических преобразований в США, первое из которых — положить конец расовой дискриминации в стране.

Глава государства, обеспокоенный судьбами мира, умеющий находить компромиссы и идти на уступки. В результате мирно

разрешен Карибский кризис и заключено советско-американское соглашение о частичном запрещении испытаний ядерного оружия.

Это одна сторона медали.

А вот вторая.

Жаклин не отходила от постели мужа, выздоравливающего от многочисленных тяжелых операций. Кеннеди, всегда готовый сочувствовать чужому горю, легко оставляет жену, едва-едва приходившую в себя — морально и физически — после потери ребенка, и отправляется с друзьями в турне Франция — Италия. Это была не единственная потеря Жаклин — и Джона никогда не было рядом.

Сенатор-плейбой не меняет своих привычек, став президентом. О его многочисленных связях с разными женщинами осведомлены и слуги, и охрана, и друзья, и репортеры. Он не берет на себя труд скрывать их.

Он всегда шадил чувства других людей, а к жене — с удивительным цинизмом — пристраивает в качестве пресс-секретаря одну из своих любовниц.

Миллионер Кеннеди приходит в ужас от трат жены. Сам он в порядке экономии средств отправляет самолет за спортивным инвентарем для игры в гольф, оставленным в одном из принадлежащих ему домов. На вопрос, не проще ли купить еще один комплект, он отвечает, что это была бы пустая трата денег.

Политик, озабоченный судьбами мира, дал втянуть себя в позорно провалившуюся авантюру в Заливе Свиней.

Именно при администрации Кеннеди произошла эскалация войны во Вьетнаме, с многочисленными жертвами с обеих сторон; войны, которая не принесла славы американской армии.

Энергичный, жизнелюбивый Кеннеди часто говорил о смерти. Он никогда не рассчитывал, что доживет до старости. И особенно тяжелые предчувствия испытывал перед поездкой в Даллас, из которой не вернулся живым.

К. Кемпбелл в своем знаменитом бестселлере «The Real Diana» (1998), как свидетельствует само его название, ставит целью

поведать миру о том, что же на самом деле представляла собой «народная принцесса» Леди Ди, прожившая короткую, но бурную и богатую событиями жизнь, закончившуюся безвременной трагической гибелью.

«We all mourn her tragic, untimely death – but how well did we know the Real Diana?» – задается вопросом автор.

«The Real Diana» не так жестко структурирована. Это не репортаж, не стенограмма интервью, это скорее доверительная беседа с читателем. Среди источников автор прежде всего называет саму Диану, с которой была хорошо знакома в течение ряда лет. Что же касается остальных, то она предпочитает не называть их имен, а делать ссылки типа «a friend of both Diana and the Prince of Wales», «a Spencer relation», «one of Diana's premarital lovers», «a courtier at the time», «a member of the Wales Household», «a member of the medical profession» и т. д.

В разделе «Acknowledgements» автор объясняет это следующим образом:

«Because of the subject matter of the book, thanking by name many of the other sources...would be cursing them. Some are so eminent, others so well placed that to name them will be to ruin their lives. Although some people have been courageous enough to give me permission to name them, irrespective of the difficulties that would ensue, I have resolved not to put their mettle to the test, except as and where appropriate in the text» [6, p. VIII].

Анонимность источников, надо полагать, дает возможность людям говорить то, что они думают. Но ни в коей мере не гарантирует ни истинности, ни объективности, поскольку нет указания на то, кто берет на себя ответственность за те или иные сведения, а автор волен обращаться с полученной информацией в меру своей добросовестности.

Подробно описывая жизнь Дианы и до, и в период, и после ее замужества за принцем Чарльзом, к которому она так стремилась и которое не принесло особого счастья ни одному из супругов, Колин Кемпбелл, светская леди, принадлежащая к сливкам британской аристократии, откровенно сплетничает.

Принц Чарльз был первым мужчиной в жизни Дианы? Да Бог с вами! Дэниэл Уиггин, четырнадцатилетний подросток, был первым возлюбленным семнадцатилетней Дианы. За ним последовала длинная череда «boy-friends», с которыми Диана поддерживала нежную интимную дружбу и в девичестве, и будучи женой принца Уэльса, и после их скандального развода.

Диана была застенчивой? Да ни в коем случае! Ни она сама, ни ее друзья так не считали. Такое мнение почему-то сложилось поначалу у осаждавших Диану репортеров.

Диана не знала, как укрыться от папарацци? Полно — она очень умело их использовала и манипулировала ими, как хотела, — пока и постольку считала это нужным.

Диана, бесспорно, была очень неглупым человеком. Но вот сдать выпускные школьные экзамены так и не смогла — даже с двух попыток.

Диана искренне сочувствовала бедным, больным и обездоленным? Да, сочувствовала, широко занималась благотворительностью, без колебаний входила в палаты к больным СПИДом.

Но она была мстительным человеком, не забывающим и не прощающим ни обид (подлинных или мнимых), ни даже неосторожных замечаний в свой адрес.

Диана была смелой и мужественной женщиной? Да, бесспорно. Участвуя в акции протеста против использования противопехотных мин, она бесстрашно прошла по минному полю.

И в то же время ее одолевали разные нелепые страхи и фобии, по поводу которых она посещала всяческих экстрасенсов, колдунов и знахарей.

Автор книги начинает с трогательного признания о том, как она безутешно рыдала, узнав о гибели принцессы Уэльса. По ходу повествования, в котором прослеживается вся жизнь Дианы, начиная с раннего детства, это признание автора вызывает все больше недоумения.

Дело в том, что Диана в изображении К. Кемпбелл выглядит очень малосимпатичной особой: избалованная и своевольная;

хитрая, скорее чем умная; прагматичная, скорее чем искренне добрая; неразборчивая в связях (оказалось, среди английских джентльменов немало охотников поделиться интимными подробностями своих романов); капризная и скандальная (принц Чарльз выглядит явно пострадавшей стороной); меркантильная и расчетливая (при разводе с Чарльзом она вытребовала весьма значительную сумму); одержимая кучей комплексов и маний и даже психически нездоровая. Остается только удивляться, каким надо было обладать артистизмом, чтобы, имея такой букет «блестящих достоинств», снискать популярность и любовь во всех странах мира.

Надо сказать, что на подробности личной жизни своих героев, вовсе не предназначенные для обсуждения с посторонними, не скупятся авторы, пишущие и о Ричарде Никсоне и о Джоне Кеннеди.

Б. Вудвард и К. Бернстайн наряду с информацией о политическом кризисе в стране и серьезном ущербе для института президентства, вызванными Уотергейтским скандалом, дотошно выкладывают массу сведений о Р. Никсоне: о плохой координации движений, о неумении застегнуть запонки или открыть пузырек с лекарством, о его слабостях и недомоганиях, истерических выходках, о парикмахере, услугами которого пользовался президент, о его интимных отношениях с женой и ее пьянстве.

Ральф Дж. Мартин, заявляя о своем восхищении Джоном Кеннеди как бесспорно обаятельной личностью, отдавая должное его организаторскому таланту, огромной работоспособности и мужеству, в то же время с видимым удовольствием вытаскивает на публичное обозрение разнообразные и многочисленные сплетни о политическом деятеле с репутацией гуляки, о непросьтых отношениях отцов и детей в клане Кеннеди, о перипетиях семейной жизни президента, о его скандальных любовных похождениях, о его недостойных поступках по отношению к жене.

Каждая из книг имеет свои особенности в характере и манере подачи информации, тональности повествования, степени объек-

тивности (мнимой или подлинной), выборе языковых средств. Однако есть целый ряд моментов, присущих любой из них:

1. Наличие фактической информации (события, даты, ссылки на участников и т. д.).
2. Увлекательная манера изложения.
3. Откровенная публицистичность и четко выраженная авторская позиция.

Понятно, что цель профессионального журналиста — это, прежде всего, возможность сыграть на интересе публики к неизвестным сторонам жизни выдающейся личности.

При этом необходимо соблюдать хотя бы видимость объективности.

Б. Вудвард и К. Бернстайн вряд ли симпатизируют Ричарду Никсону, однако отдают должное его мужеству в катастрофической ситуации.

Р. Дж. Мартин явно любит Дžoном Кеннеди, но ради справедливости не считает возможным умалчивать о его не всегда благовидном поведении, откровенной растерянности в некоторых ситуациях (например, при переговорах с Н. С. Хрущевым в период Карибского кризиса).

Из книг, о которых шла речь выше, наименее объективной выглядит «The Real Diana». Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что это честно выполненный социальный заказ Букингемского дворца, у обитателей которого, надо отдать справедливость, было достаточно оснований иметь серьезные претензии к супруге принца Чарльза.

Жизнеописание как самостоятельный художественный феномен, представленный в истории мировой культуры на протяжении многих веков широким разнообразием жанров и субжанров, вызывает бесспорный интерес как литературное явление, особенности которого формируются целым рядом объективных и субъективных факторов. Перед исследователем открывается широкое поле для анализа — как в рамках одной национальной литературы, так и в плане сравнения разноязычных культурных традиций и их динамики.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина / В. М. Алпатов // *Жанры речи*. Вып. 3 – Саратов : Изд-во госуд. учеб.-науч. центра «Колледж», 2002 – С. 92–104.
2. Денингдаус С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики / С. Денингдаус // *Жанры речи*. Вып. 3 – Саратов : Изд-во госуд. учеб.-науч. центра «Колледж», 2002 – С. 104–117.
3. Краткая литературная энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1962. – Т. 1. – С. 619–621; Т. 2 – М. : Сов. энцикл., 1964 – С. 938.
4. Советский энциклопедический словарь – М. : Сов. энцикл., 1985. – С. 431–432.
5. Bernstein C. All the President's Men / C. Bernstein, B. Woodward. – N. Y. : Warner Paperback Library, 1975 – 382 p.
6. Campbell C. The Real Diana / C. Campbell – N. Y. : St. Martin's Press, 1998 – 308 p.
7. Martin R. G. A Hero for Our Time / R. G. Martin. – N. Y. : Fawcett Crest, 1983 – 563 p.
8. Woodward B. The Final Days / B. Woodward, C. Bernstein – N. Y. : Avon Books, 1976. – 529 p.

Резюме

У статті на матеріалі книг, героями яких є Джон Кеннеді та Річард Ніксон – президенти США і принцеса Діана, робиться спроба виявити провідні риси сучасної англомовної біографічної прози.

Проаналізований матеріал дає підстави стверджувати, що, за всіх особливостей літературного почерку кожного з авторів, сучасній біографічній прозі англійською мовою притаманні: фактична інформація, викладена у захоплюючій манері, відверта публіцистичність та чітко висловлена авторська позиція.

Summary

The article considers books whose main characters are John Kennedy, Richard Nixon and princess Diana, with the idea of determining the main features of modern English language biographical prose.

The material analyzed gives grounds for the conclusion that, for all peculiarities of each of the authors' literary handwriting, all the biographies share the following characteristics: facts and data given in the most absorbing way, treated in a manner of open publicism, with the author's position obvious and clear-cut.

Студентська трибуна

УДК 37.016:94

*Е. В. Козлова**Научный руководитель д-р ист. наук* Г. И. Костаков

АНАЛИЗ ОПЫТА УЧИТЕЛЕЙ ХАРЬКОВА ПО ВНЕДРЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ключевые слова: инновация, историческое образование, игровая деятельность, интерактивная методика, дискуссия.

Интеграционные процессы, происходящие в современном мире, непосредственно касаются образования Украины. Отказ от традиционной системы образования связан с глобальными инновационными процессами во всех отраслях общественной жизни, которые изменили всю систему взаимоотношений человека и окружающего его мира, систему ценностей и самосознания личности. Поэтому теперь основные функции образования должны быть направлены на подготовку подрастающего поколения к жизни в условиях информационного общества, где главным является не само получение учащимися знаний, а умение находить, обрабатывать и применять необходимую информацию на практике. В связи с этим появился комплекс подходов, известный как «инновационное образование» [1, с. 4]. Сам термин «инновация» означает принятые обществом новшества. Следовательно, эти подходы значительно отличаются от тех, которые были присущи традиционной образовательной парадигме. К примеру, инновационное образование мотивирует обучение посредством неформальных, внутренних факторов, интереса самого учащегося, социальной значимости приобретенных знаний; тогда как традиционно обучение мотивировалось формальными, внешними факторами (отметка, требования педагогов, родителей). Отсюда очевидны преимущества инновационного обучения, которое создает условия для включения учащихся в самостоятельный, активный творческий процесс.

Современные требования показывают, что инновационные технологии требуют серьезных изменений всего учебного пространства и значительного времени для подготовки не только учеников, но и учителей. Это во много раз увеличивает роль и нагрузку последних, что может оттолкнуть некоторых преподавателей от инновационных форм работы. Именно поэтому вопрос о внедрении инноваций в образование является достаточно актуальным и необходимым для обсуждения. При этом очень важно учитывать опыт педагогов, которые уже осуществляли инновации в обучении на практике.

Воспитание целостной личности и становление гражданина-патриота во многом зависит от исторической подготовки. По этой причине целью данной статьи является анализ опыта учителей Харькова по внедрению инновационных технологий (на примерах таких методик, как игровая деятельность, интерактивное занятие и дискуссия) именно в историческое образование.

В различных педагогических системах игре придавались разные роли, но нет ни одной системы, в которой в той или иной мере не отводилось бы место игре. В педагогике утвердилось понятие «дидактическая игра» — специально созданная и адаптированная с целью обучения игра [2, с. 253–254].

Особую роль выполняет игровая деятельность на уроках истории. С помощью игр исторические события «оживают», а само участие учащихся в них способствует формированию навыков, которые пригодятся им в жизни. В теории и практике обучения истории была известна классификация, разделяющая игры на ретроспективные и деловые. Деловая игра моделирует ситуацию более поздней эпохи по сравнению с исторической обстановкой, ученик получает в ней роль только нашего современника или потомка, изучающего исторические события (археолога, писателя, журналиста). В ходе ретроспективной игры моделируется ситуация, ставящая учащихся в позицию очевидцев и участников событий в прошлом, каждый ученик получает роль представителя определенной общественной

группы или даже исторической личности. Главным признаком игры такого типа является «эффект присутствия».

Если говорить о харьковских учителях-ветеранах истории, то нужно заметить, что, ознакамливаясь с деятельностью многих из них, редко где можно встретить что-либо об игровой форме обучения. Естественно, это связано с уже ранее указанными причинами, то есть с деятельностью этих учителей в рамках традиционной образовательной парадигмы. Одним из первых в Харькове учителем-методистом, который активно разрабатывает интерактивные методики, стал педагог-историк Борис Абрамович Киперштейн. Он является автором ряда публикаций по проблемам обучения и воспитания детей [3, с. 118]. Несомненной заслугой Б. А. Киперштейна является создание одной из первых в Украине частных школ – Старт-школы. Борис Абрамович считает, что игровая форма обучения чрезвычайно важна, но в то же время утверждает, что она не должна превалировать [3, с. 120].

Успешно используют игровую деятельность на уроках истории учителя СЭПШ – Владимир Владимирович Дюков и Олег Альбертович Козодавлев. Их опыт показывает, что игра имеет большое образовательное значение, является актуальной проблемой процесса обучения.

Следующей технологией, с помощью которой можно осуществить подготовку учащегося к самостоятельной познавательной деятельности, является использование на уроках интерактивных форм работы. Интеракция – вовлечение самих учащихся в процесс обучения, совместная учебная деятельность учителя и коллектива учеников, где учитель выступает в роли организатора познавательной работы, консультанта [1, с. 33].

Технологий интерактивного обучения существует огромное количество. Кроме того, каждый учитель может самостоятельно придумать новые формы работы с классом. Вот некоторые из них: работа в парах, ротационные тройки, «Свеча», работа в малых группах, «Аквариум», «Незаконченное предложение», «Броуновское движение», «Дерево решений», «Гражданские

слушания», «Займи позицию», дебаты, «Суд от своего имени», диалог и т. д. Интеракция на уроках истории очень популярна в настоящее время. Однако и раньше, еще при преобладании традиционной системы образования, некоторые учителя видели положительные цели в интерактивных занятиях и использовали их на своих уроках.

Заслуженный учитель Украины, отличник народного образования, учитель-методист Эмма Антоновна Костоглодова много занималась поиском новых методов обучения и воспитания. Главной задачей для учительницы было воспитание у учащихся глубокого чувства патриотизма, любви к истории, жажды знаний, любознательности, формирования творческого мышления, навыков самообразования [4, с. 116]. Конференции, семинары, диспуты, групповые занятия, работа консультантов-старшеклассников превращали школьников в активных соучастников учебного процесса.

Анна Яковлевна Пятак, окончившая Харьковский государственный педагогический институт им. Г. С. Сковороды, в своей работе учителя истории вела поиск новых методов ведения уроков, которые бы способствовали пробуждению самостоятельной мысли учеников [4, с. 270]. «И еще одно я поняла — уже со школьной парты нужно готовить воспитанников к самостоятельной жизни, учить их работать самим. Поэтому особое внимание уделяю формированию у учеников навыков самообразования. На уроках учу школьников высказывать свои мысли, самостоятельно осмысливать связи между фактами», — рассказывает Анна Яковлевна [4, с. 270].

Выпускница исторического факультета Харьковского государственного университета, учитель-методист, отличник народного образования Украины Алла Владимировна Булгакова является создателем многочисленных пособий для учителей и учебных пособий для учащихся. На это ее вдохновил поиск методов формирования и развития критического мышления у учащихся.

Интересными и необычными были уроки истории Марты Аркадиевны Малышевой. Все время учительница пыталась

сделать так, чтобы дети полюбили уроки истории, интересовались ими.

Нина Никифоровна Майборода, окончившая исторический факультет Харьковского государственного университета, долгое время занимала должность директора школы. Вместе с педагогическим коллективом работала над решением актуальных проблем: совершенствованием урока, всесторонним развитием самостоятельного мышления учеников и их умением добывать знания.

Очевидно, что интерактивное обучение на уроках истории достаточно популярно и имеет свои преимущества. Различные формы проведения интерактивных занятий формируют у учащихся навыки работы в группе, коллективе, а также развивают критическое мышление и выработку собственных независимых взглядов и позиций, касающихся нашей истории.

Современный педагог практически на каждом занятии использует элементы дискуссии. Дискуссия – это широкое публичное обсуждение какого-либо спорного вопроса; технология обучения, которая основана на обмене мнениями по определенной работе [1, с. 52]. Дискуссия призвана выявить существующее многообразие точек зрения участников на какую-либо проблему. Этот метод изучения является важным способом познавательной деятельности, содействует развитию критического мышления учащихся, формирует навыки аргументации и защиты своего мнения, углубляет знания по обсуждаемой теме.

На уроках истории дискуссия особо важна, ведь в исторической науке существует много различных проблемных вопросов и ситуаций, на которые невозможно дать один определенный ответ. И именно на дискуссионных занятиях каждый учащийся ищет свою «истину», свое решение проблемы. При этом он овладевает важнейшими ораторскими умениями и искусством доказательной полемики, что уже само по себе является важным приобретением для взрослой жизни. Практика педагогов показывает, что проведение дискуссии целесообразнее всего в конце изучаемой темы или исторического события, когда у учащихся

уже достаточно фактического материала для аргументации своей точки зрения [1, с. 65].

Опытные учителя истории разработали целый ряд приемов и методов проведения дискуссии: «микрофон», «речевой этикет», «карусель», «интервью», «дебаты», «диспут», «мозговой штурм», «ток-шоу» и др.

На семинарах по истории в ХГУ «НУА», которые ведет доктор исторических наук профессор Геннадий Иванович Костаков, студентам часто приходится работать в группах, обсуждать различные исторические проблемы.

Майя Львовна Ерманок, выпускница исторического факультета Харьковского государственного университета, умеет заинтересовать детей, привить им любовь к истории. Для нее творческий подход, диспуты – пути к эффективному уроку [5, с. 65].

Зинаида Михайловна Куценко тоже практиковала в своей педагогической деятельности элементы дискуссии. Ее ученики, становясь студентами, благодарили ее за те навыки, которые они получили на уроках Зинаиды Михайловны.

А одна из учениц Татьяны Тихоновны Алейниковой так вспоминает об уроках учительницы: «Интересно у нас проходили уроки истории, особенно семинары. Это не были доклады ради оценок. Был диалог учителя с классом. Мы спорили друг с другом, убеждали, доказывали».

Дискуссия в процессе обучения истории – очень важная и необходимая технология. Учащиеся овладевают навыками, которые очень важны для становления будущих специалистов любой области деятельности, ведь нам всегда приходится сталкиваться с людьми, общаться с ними, решать совместно какие-либо вопросы, доказывать свою точку зрения.

Таким образом, можно сказать, что внедрение инновационных технологий в процесс обучения истории является достаточно целесообразным. Игровая деятельность, интеракции, дискуссии, – все эти инновационные формы обучения нацелены на подготовку достойных будущих специалистов, которые знают, как найти выход из любой сложившейся ситуации. Отсюда

следует, что разработка современной научной концепции исторического образования – это важнейшая задача, стоящая сегодня перед государством, высшей школой, обществом. Реализация принципов и задач исторического образования предполагает не только изменение содержания, форм и методов учебной деятельности, но и не менее радикальное преобразование деятельности педагога, пересмотра традиционных подходов в образовательном процессе. История, как ни какой другой школьный или вузовский предмет, прочувствовала на себе эти нововведения. А опыт харьковских учителей-историков это подтверждает.

Список литературы

1. Соха И. В. Инновационные технологии непрерывного исторического образования в школе: опыт СЭПШ / И. В. Соха, В. В. Дюков, О. А. Козодавлев ; Нар. укр. акад., каф. истории Украины. – Х. : Изд-во НУА, 2006. – 84 с.
2. Пометун О. І. Методика навчання історії в школі / О. І. Пометун, Г. О. Фрейман. – К. : Генеза, 2005. – 328 с.
3. Учитель, перед именем твоим...: из сокровищницы пед. опыта г. Харькова / Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА, 2000. – Вип. 2. – 286 с.
4. Учитель, перед именем твоим...: из сокровищницы пед. опыта г. Харькова/ Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА, 2001. – Вип. 3. – 348 с.
5. Учитель, перед именем твоим...: из сокровищницы пед. опыта г. Харкова / Нар. укр. акад. – Х. : Изд-во НУА, 2004. – Вип. 4. –203 с.

Резюме

У статті аналізується досвід учителів Харкова у впровадженні таких інноваційних технологій, як ігрова діяльність, інтерактивні методики та дискусії, в історичну освіту.

Summary

The article analyses the experience of Kharkiv teachers in introducing such technologies as role plays, interactive methods and discussion in teaching history.

УДК 811.111'255.4(091)"17/18"

В. В. Колесник

Научный руководитель доцент А. А. Кальниченко

РАЗВИТИЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XVIII – В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: романтическая концепция перевода, история перевода, одомашнивание, очуждение, Шлейермахер, Шлегель, Шекспир.

Поскольку романтическая и постромантическая концепция перевода является сегодня доминирующей и лежит в основе большинства современных теоретических подходов к переводу, в частности, в выделении очуждающего и одомашнивающего типов перевода, то анализ переводческих воззрений немецких романтиков, а именно немецкие романтики и сыграли ключевую роль в выработке романтической концепции перевода, является объектом нашего исследования. Материалом для исследования послужили высказывания немецких теоретиков перевода, изложенные ими в статьях, комментариях, предисловиях и письмах, часть из которых является малодоступной. Хотя романтическая концепция перевода активно исследовалась (Л. Венути, Г. Киттель, Р. Паннвиц, Р. Гайм, Г. Гуковский и др.), все же ее сущность и роль для различных национальных традиций перевода является недостаточно изученной. Все авторы без исключения, занимающиеся периодизацией теории перевода (А. К. Люцканов, Дж. Стейнер, Х.-Ж. Сантойо, С. Басснетт, Э. Честерман, В. Эвелинг), выделяют романтизм и постромантизм как отдельные этапы развития переводческой мысли.

Романтизм возник в Германии в кругу писателей и философов Йенской школы (В. Г. Ваккенродер, Л. Тик, Новалис, братья Ф. и А. Шлегели). Часто цитируемое утверждение «Германия – это страна переводчиков» верно как в количественном, так и в качественном отношении. Во-первых, там больше, чем в любой другой стране, печаталось публикаций по вопросам

теории перевода и делалось самих переводов. Во-вторых, в Германии дискуссии относительно перевода всегда велись в тесной связи с проблемами литературоведения, теории и истории языка. Нигде больше переводы так высоко не оценивались и не признавались неотъемлемой частью **национальной** литературы [1]. Стратегии перевода, которые имеют дело с такими двумя заданиями, как выбор текстов для перевода и разработка метода перевода этих текстов, непременно возникают как реакция на внутреннюю ситуацию в культуре и обуславливаются целым рядом факторов — не только культурных, но и политических и экономических [4].

Во времена Шлейермахера Германия представляла собой не единое целое, а конгломерат из огромного количества мелких княжеств, курфюрств, «вольных» имперских городов. В 1789 году во Франции началась революция. «Священная Римская империя» немецкой нации канула в лету. Фридрих Шлейермахер подает трактат «О различных методах перевода» в Прусскую академию 24 июня 1813 года в кульминационный момент конфликта с Францией, за три месяца до Лейпцигской битвы («битвы народов»), в результате которой вся территория Германии освобождается от французского господства, и начинается новый этап истории [10, с. 503]. Он противопоставляет два переводческих метода — одомашнивание и очуждение, отдавая предпочтение второму. Подражание как метод передачи иноязычных текстов, по мнению Шлейермахера, совершенно недопустимо, так как оно уничтожает дух первоисточника. Вместо того чтобы «приближать» автора к читателю, необходимо «приближать» читателя к автору, то есть перевод художественного текста должен быть ориентирован на стиль первоисточника: «Або перекладач залишає автора в покої, наскільки це можливо, й наближає читача до нього; або ж він залишає читача в покої, наскільки це можливо, й наближає до нього автора. Ці два шляхи цілковито відрізняються один від одного, так що одного чи іншого необхідно триматися як можна ближче, а від будь-якого змішування обов'язково вийде вельми ненадійний

результат, так що існує небезпека, що автор з читачем взагалі ніколи не зустрінуться...» [10, с. 504]. Фридрих Шлегель, с которого начинается история романтического перевода в Германии, в одном из своих «Философских фрагментов» говорит, что романтизм как литературное и переводческое направление имеет три источника: Великая Французская революция 1789–1794 гг., философия Иоганна Готлиба Фихте (теория «Ich sein») и книга Гете о Вильгельме Мейстере (превращение персонажа «просто хорошего человека» в «деятеля искусства, гения»). Предпосылками развития романтической концепции перевода стали:

1) возрождение герменевтики, которая предлагала альтернативный взгляд на язык, подчеркивая его функцию не как способа общения, но как способа самовыражения и передачи национального колорита;

2) геополитическая ситуация в Германии, которая не была единым государством, и мыслители того времени видели в немецком языке основу для объединения нации. Одомашнивая иностранные тексты, переводчики поддерживали литературные стандарты социальной элиты, создавая на основе архаических иностранных культур основы национального самоутверждения [9]. Главное в романтической концепции перевода то, что процесс перевода трактуют как гетевское понимание органического изменения формы, а не как поиск языковых эквивалентов или стремление к полному соответствию (равенству) [7]. Рудольф Паннвиц писал: «Принципиальной ошибкой переводчика является то, что он сохраняет состояние родного ему языка в данный момент вместо того, чтобы дать иностранному языку двигать его родной язык вперед. Он должен, особенно при переводе с языка достаточно отдаленного от его собственного, проникать в суть первоначальных элементов самого языка, туда, где слово, образ и звук сливаются вместе; он должен расширять и углублять язык перевода посредством иностранного...» [3, S. 242]. В те времена особенное внимание начинают уделять самому процессу перевода и его субъекту – переводчику, который осваивает чужую культурно-языковую территорию на

манер путешественника. Переводчик для романтиков – это творец, создающий язык [5, р. 214]. Признаки двух различных типов перевода обозначились, вероятно, еще в первой половине XVII века, во времена Просвещения в Германии, с дискуссии о переводе «Потерянного рая» Джона Мильтона, выполненного швейцарцем Иоганном Якобом Бодмером в 1732 году. «Любая поэзия в своей основе является переводом», – скажет позже Август Шлегель, и именно то же самое практически дословно повторит Новалис. «Романтизм – это перевод», – скажет Клеменс Brentано [2, р. 421].

1795–1805 гг. связаны с деятельностью романтиков **Йенского кружка**, которых сближала борьба за романтические принципы искусства. Они основывались на эстетическом учении Е. Канта, философии И. Фихте, художественном опыте Шиллера и Гете. В Йене Август Вильгельм Шлегель создал монументальный труд – перевод 17 пьес Шекспира (1797–1810). Не стоит забывать, что в то время это была первая попытка передать Шекспира в стихотворной форме, так как до этого существовал только перевод Христиана Мартина Виланда в прозе. Вместе с тонкой интерпретацией пьес английского драматурга в венских лекциях Шлегеля эта работа заложила основы современного шекспироведения в Германии [8]. По мнению Шлегеля, «переводчик не должен сглаживать характерные особенности в форме перевода, он должен очень точно передавать всю красоту иностранной поэзии, ничего в нее не добавляя и даже не исправляя шероховатостей рифмы...» [2, р. 423]. С 1791 по 1797 г. были опубликованы статьи Шлегеля о творчестве Данте. Эти работы сопровождался поэтическим переводом отрывков из «Божественной комедии», который можно назвать скорее не переводом, а историко-культурным и филологическим комментарием [6]. «Божественная комедия», согласно анализу Шлегеля, представляет собой грандиозное произведение, обусловленное взаимосвязью исторических и общественно-политических условий, которые определяют судьбу эпохи, однако Шлегель не сохраняет религиозно-мистический оттенок

произведения [9, с. 615]. Следующее великое имя для немецкой литературы – Новалис (Фридрих фон Гарденберг). В «Трактате о цветочной пыльце» он утверждает, что «переводчик заставляет поэта говорить согласно с его, переводчика, мыслями и одновременно согласно с собственной авторской мыслью», и два поэтических голоса превращаются в единое целое, тогда в переводе воплощается тайная мечта романтиков о единстве всего сущего. Теперь становится понятно, почему, согласно трактату Новалиса, «творец творца» (*Dichter des Dichters*) выполняет даже более важную миссию, чем сам автор [11, с. 179]. Людвиг Иоганн Тик (1773–1853) – выдающийся поэт, писатель, драматург, и, конечно же, переводчик изложил эстетические идеи романтизма в философском романе «Путешествия Франца Штернбальда» (1798). Но особенной литературной заслугой Тика является перевод «Дон Кихота» Сервантеса и драм Шекспира. Переводческая деятельность йенцев до сих пор не утратила своей актуальности, потому что, не идеализируя автора, йенцы стремились при переводе сохранить его индивидуальность со всеми ошибками и недостатками.

1806–1815 гг. совпадают с национально-освободительной войной немецкого народа против Наполеона. **Гейдельбергская школа** – второе поколение немецких романтиков, которых интересовала религия, старина и фольклор. Этим интересом объясняется появление сборника народных песен «Волшебный рог мальчика» (1806–1808), составленного Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Brentано, а также «Детских и семейных сказок» (1812–1814) братьев Я. и В. Гримм [8]. Братья Вильгельм и Якоб Гримм создают первый достоверно научный словарь живого немецкого языка, в котором была представлена «этимологическая история отдельных слов» от середины XV в. до современной авторам эпохи. Для романтиков-гейдельбергцев национальная самобытность проявляется, прежде всего, в устном народном творчестве, и именно тогда возникают переработки фольклорных произведений либо создание произведений на основе народного творчества.

В 1815—1848 гг. усиление политического гнета сильно повлияло на литературу, тогда романтизм переходит в так называемую «**позднюю**» стадию, и надежда на реформационные изменения в обществе угасает. К новому поколению романтиков относятся А. Шамиссо, Г. Мюллер и Г. Гейне, называвший себя «последним романтиком». По своей тщательности и техническому совершенству немецкие переводы XIX в. становятся фактически самыми лучшими в Европе по причине множественных повторных переводов одного и того же литературного произведения с целью максимально точного воссоздания иностранного оригинала и особой ответственности переводчиков за наиболее полную и точную передачу иноязычных текстов вместе с частым теоретизированием на тему избранных принципов работы [4]. Были опубликованы теоретические работы О. Групе «Искусство немецкого перевода» (1859), Тихо Моммзена «Искусство перевода» (1858 г., 2-е изд. — 1886 г.). Моммзен противопоставил наиболее распространенным типам перевода концепции точной передачи смысла без сохранения формы оригинала, а также самостоятельной обработки произведений в иностранном стиле (*die Originaldichtung im fremden Stil*). Предполагалось создание строгого перевода, в котором содержание и форма иностранного оригинала переводятся максимально точно и понятно для иностранного читателя [12].

Образцами переводческого искусства (как ранее шлегелевские переводы Шекспира, Гильдемейстера — из Байрона и Ариосто) в этот период считаются переводы Паулем Хейзе итальянских поэтов — Леопарди и Джустини («Итальянский песенник» *Italienisches Liederbuch*, 1860 г.), а также переводы с испанского — «Испанский песенник» (*Spanisches Liederbuch*, 1852 г.). Вместе с Хейзе Курцем издал «Сокровища немецкой новеллы» (*Deutscher Novellenschatz*, 1870—1876 гг., 24 т.), «Новеллы других стран» (*Novellen des Auslandes*). Легерлоц переводит Л. Берне и Беранже, Боденштедт — Лермонтова и Пушкина, Георг Гервег — Ламартена и Шекспира, Герман Курц — испанских писателей. Если в эпоху романтизма построе-

ние теории немецкого перевода было связано с идеалистическими концепциями Канта и особенно с националистической теорией Фихте об «универсализме» немецкой культуры, то теперь большое значение придавалось воззрениям Гегеля на теорию исторического процесса, в частности, учению о культурном сотрудничестве равноправной «семьи» европейских народов. Картина движения переводной литературы весьма осложнялась дифференциацией идеологических направлений и внешне-политическими обстоятельствами.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что в XVII и XVIII вв. теоретическое изучение проблем перевода значительно усовершенствовалось. Борьба двух переводческих систем – системы свободной передачи иностранного текста, которая пришла из классического Рима, и системы буквальной, подстрочной передачи, созданной средневековой церковно-монастырской ученостью, – продолжалась на протяжении всего феодального периода европейской истории. Адекватность перевода достигается только в том случае, если кроме буквального смысла текста передана вся его эмоциональная выразительность, а также все существенное в его словесно-музыкальном оформлении (что имеет значение не только в стихах, но и в прозе): синтаксическая схема, ритм, характер звучания и т. д. Романтическая концепция перевода в чистом виде просуществовала не больше половины столетия, но ее практическое значение трудно переоценить. Она открыла Европе восточные, античные и ранее неизвестные литературные памятники во всем их литературном разнообразии, передавая «дух эпохи», который даже сегодня позволяет заглянуть в иную эпоху, просто открывая любимое произведение. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в изучении романтического направления перевода в украинской переводческой традиции.

Список литературы

1. Apel F. Sprachbewegung. Eine historisch-poetologische Untersuchung zum Problem des Übersetzens / F. Apel. – Heidelberg : Winter, 1982. – S. 86.

2. Kittel H. German Tradition / H. Kittel, A. Polterman // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. M. Baker. – L. ; N.Y. : Routledge, 1998. – P. 418–428.
3. Pannwitz R. Die Krisis der europaischen Kultur / R. Pannwitz. – Nuremberg: H. Carl, 1917. – S. 242.
4. Venuti L. Strategies of Translation / L. Venuti // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. M. Baker. – L. ; N.Y. : Routledge, 1998. – P. 240–244.
5. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation / L. Venuti. – L. ; N.Y. : Routledge, 1995. – 353 p.
6. Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма / Р. М. Габитова. – М. : Наука, 1978. – 288 с.
7. Гете Й. В. Западно-восточный диван / Й. В. Гете. – М. : Наука, 1988. – 895 с.
8. Гуляев Н. А. История немецкой литературы / Н. А. Гуляев. – М. : Высш. шк., 1975. – 526 с.
9. Догадайло М. Г. Романтизм у Німеччині: літературний напрямок, перекладацька концепція, світогляд / М. Г. Догадайло // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2006. – Т. 12. – С. 610–620.
10. Кальниченко А. А. Трактат Фрідріха Шлейермахера «Про різні методи перекладу» («Über die verschiedenen methoden des ubersetzens») та його значення для сучасного перекладознавства / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – 2002. – Т. 8. – С. 503–534.
11. Кальниченко О. А. Есе «Місія перекладача» Вальтера Беньяміна про перекладність та «чисту мову» на тлі німецької перекладацької традиції / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Сум. держ. ун-ту. Сер. філол. науки : зб. наук. пр. – 2004. – № 3. – С. 177–184.
12. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 134 с.
13. Финкель А. Теория и практика перевода / А. Финкель. – Х., 1929. – 167 с.

Резюме

У статті досліджено романтичну концепцію перекладу в Німеччині, що й досі відіграє значну роль в сучасній теорії перекладу. Акцентується увага на двох підходах до перекладу – одомашнюванні та відчуженні.

Summary

The paper deals with the German romantic translation tradition, which has been playing a vital part in modern translation theory. Special attention is given to two approaches towards translation – domesticating and foreignizing.

УДК 316.334.22:331.105.22/.24

Е. С. Куцевляк

Научный руководитель д-р социол. наук Е. Г. Михайлева

**МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ И РАБОТОДАТЕЛЬ
НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА:
ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ЕДИНЫХ СТРАТЕГИЙ**

Ключевые слова: молодой специалист, работодатель, рынок труда.

Стремительно развивающийся рынок труда, появление новых отраслей деятельности, глобализация потребительского сектора в контексте изменения общества в целом открывают сегодня значительные перспективы для молодых специалистов. В таких условиях они получают больше возможностей для самореализации, профессионального роста. Можно сказать, что эти возможности определяются достаточно высокими требованиями рынка труда, что, в свою очередь, детерминирует и требования к образовательной подготовке молодого специалиста. Можно утверждать, что современный рынок труда создает некоторое поле возможностей, а задача молодого специалиста – эффективно реализовать себя в этом поле.

Особый интерес в этой связи представляют субъекты, активно участвующие в конструировании параметров, которые определяют потенциал успешности молодого специалиста. Прежде всего, это – работодатели. Сегодня они осознали, что растить грамотных сотрудников из перспективных выпускников гораздо выгоднее, чем переманивать и переучивать чужих профессионалов. В связи с этим разрабатываются специальные программы,

направленные на максимальное развитие потенциала молодого специалиста. Существует множество проектов, стажировки, центры профориентации, курсы и программы, в рамках которых можно приобрести необходимые профессиональные навыки по выбранной специальности, применить теоретические знания на практике, получить бесценный опыт и построить карьеру. Однако реализовать эти задачи может только специалист с хорошей базовой подготовкой [1].

Наша система образования дает хороший фундамент для достижения успеха, но строить что-то на нем выпускник должен сам. Кроме того, каждый студент в состоянии самостоятельно «добрать» некоторые знания: хорошие манеры, здравую самооценку, правильную речь, понимание специфики рынка труда и твердое желание найти свое место на нем. Безусловно, чтобы все это принесло плоды, нужно главное – мотивация. Без нее потенциал молодого специалиста, особенно выпускника вуза, может оказаться нереализованным в силу разных причин.

Такая ситуация отражается на содержании образования, формируя новые требования к студентам. Современный студент отличается от студента, который учился в вузе пять или десять лет назад. Изменилась сама студенческая среда, а также современный рынок труда уже не делает скидку на отсутствие опыта работы у вчерашних студентов. Наоборот – заставляет их искать возможности его приобретения еще на вузовской скамье. Высокие требования он предъявляет как к уровню образования выпускников, так и к их личностным качествам. В результате успех вуза сегодня определяется конкурентоспособностью его выпускников.

Данная проблема имеет глобальный характер. Об этом, в частности, пишет У. Бек, подчеркивая, что «молодежь ...самое позднее на выходе из системы образования наталкивается на закрытые двери системы занятости и, разумеется, предугадывает это и в процессе обучения. Иными словами, это означает: внешние вторжения рынка труда повреждают и даже разрушают имманентную образованию смысловую основу профессионально ориентированной подготовки. Предугадываемое, (еще) не суще-

ствующее профессиональное будущее, то есть «ирреальная перемена», вызывает радикальное изменение ситуации внутри системы образования» [2, с. 219].

Однако указанная ситуация создает лишь некоторую среду, в которую включаются разные социальные объекты, среди которых – два основных: молодой специалист и работодатель.

Следует признать, что для социологии феномен молодого специалиста традиционно носит «вторичный» характер, связанный с тем, что в отечественной научной практике он выделялся из категории специалистов на основе небольшого трехлетнего стажа. Сегодня же данный феномен несколько изменяет свое содержание, что открывает дополнительные возможности для его социологического анализа, ведь современный молодой специалист является неотъемлемой частью нового типа социального пространства, в котором он имеет возможность реализовать себя в различных стратегиях. Поэтому следует отметить, что молодой специалист – это студент или выпускник любого профессионального учебного заведения, приступающий к профессиональной деятельности и не обладающий практическим опытом и стажем работы по выбранной специальности.

Данные социологических исследований показывают [4], что современные молодые специалисты считают необходимым получить высокий уровень теоретической подготовки (80%), развить общекультурную эрудицию (84%), сформировать умение самостоятельно пополнять знания (85%), навыки общения, установления контакта с людьми (85%).

При этом работодатели считают необходимыми для молодых специалистов высокую работоспособность (63,3%), ответственность (70,0%), готовность учиться и приобретать новые навыки и умения (46,6%), стремление к саморазвитию (30%).

Сравнение этих данных свидетельствует о наличии общих расхождений в представлениях молодых специалистов и работодателей о том, каким должен быть молодой специалист, что, безусловно, затрудняет поиск их общих стратегий взаимодействия на рынке труда.

В целом, поиск единых стратегий в деятельности работодателей и молодых специалистов — одна из актуальных задач, решение которой лежит в плоскости того, что «новые условия в сфере труда, — записано в программном документе ЮНЕСКО, — оказывают непосредственное воздействие на цели преподавания и подготовки в области высшего образования. Простое расширение содержания учебных программ и увеличение рабочей нагрузки на студентов вряд ли могут быть реалистичным решением. Поэтому предпочтение следует отдавать предметам, которые развивают интеллектуальные способности студентов, позволяют им разумно подходить к техническим, экономическим и культурным изменениям, дают возможность приобретать такие качества, как инициативность, дух предпринимательства и приспособляемость, а также позволяют им более уверенно работать в современной производственной среде» [3].

Таким образом, можно сделать вывод том, что необходимо осуществлять подготовку студентов по определенной единой стратегии, согласованной с работодателями и вузами.

Список литературы

1. Чернышева А. Высокий старт или как начать работу молодому специалисту/ А. Чернышова // Работа & зарплата. — 2007. — № 2. — С. 32–38.
2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / У. Бек ; пер.с нем. — М. : Процесс-традиция, 2001. — 304 с.
3. Реформы и развитие высшего образования : программный документ ЮНЕСКО, 1995.
4. Проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов и их руководителей : отчет по результатам исследования. — Неопубл. рукоп. — Х., 2001.

Резюме

У статті постає проблема співвідношення позицій молодих спеціалістів і роботодавців щодо ключових вимог ринку праці. Показано, що існує низка проблемних зон у розумінні єдиних стратегій взаємодії даних суб'єктів. Окреслено можливості освіти у визначенні цих зон.

Summary

The author has analyzed the problems of imbalance between the knowledge and skills obtained in higher educational institutions and the current employers' expectations. The potential of the educational system in solving these problems has been investigated.

УДК 378.6:355(091)

Е. В. Татаренко

Научный руководитель д-р ист. наук Е. В. Астахова

**КАДЕТСКИЕ КОРПУСА – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: кадетские корпуса, военная служба, история образования, военно-учебные заведения, военное образование.

Кадетские корпуса – интересная страница в истории отечественной системы образования. В свое время учебными заведениями этого профиля был приобретен большой педагогический опыт. К сожалению, в начале шестидесятых годов прошлого века руководство страны приняло решение о сокращении числа суворовских училищ и сроков обучения в них. Этим решением практически ликвидировалась интересно себя проявившая суворовская военная школа. В современных условиях, представляется, значение такой формы учебных заведений начинает возрождаться.

Литературы, накопленной за годы функционирования кадетских корпусов и уже после их закрытия, существует достаточно много. Это статьи (например, доктора исторических наук В. Карпекина) [1], многочисленная литература [3; 4; 5; 6], которые дают разноплановую и разноаспектную информацию о проблеме. Хорошо представлены в литературе причины возникновения кадетских корпусов, основные направления их деятельности, разнообразие преподаваемых предметов, методи-

ки обучения. Отношениям между преподавателями и учениками также уделяется большое внимание.

Целью данной статьи является анализ причин возникновения кадетских корпусов, изучение основных этапов их развития.

Кадетские корпуса в царской России — это привилегированные средние военно-учебные заведения закрытого типа. Значение накопленного в них педагогического опыта выходит за рамки военной сферы, так как военно-учебные заведения вплоть до эпохи либеральных реформ 60–70-х годов XIX в. давали своим воспитанникам не только специальное, но и широкое гражданское образование. Это объяснялось отсутствием жесткой границы между военной и гражданской администрацией, основы которой были заложены петровской Табелью о рангах.

Слово «кадет» происходит от французского «cadet», что означает младший, несовершеннолетний. Так назывались во Франции молодые дворяне, зачисленные на военную службу, до производства в офицеры.

С 1766 года обучение в кадетских корпусах проходило по пяти возрастам. За самыми младшими воспитанниками надзирали бонны, остальные подчинялись воспитателям-мужчинам из числа офицеров и гражданских чиновников. Лучшие кадеты получали при выпуске чин поручика, остальные — прапорщика или корнета; худшие могли быть выпущены лишь унтер-офицерами. Особый порядок прохождения службы устанавливался для лиц, исключенных из корпуса за неуспеваемость. Опираясь на опыт западных стран, прежде всего Франции, Дании и Пруссии, в программу обучения, наряду со специальными военными предметами, были включены основы точных, естественных и гуманитарных наук. Изучались геральдика, генеалогия, юриспруденция, новые и древние языки [3, с. 92].

Большое внимание уделялось преподаванию латыни, французского, английского, немецкого (некоторое время итальянского) языков. Трехлетний курс изучения предполагал в течение первого года усвоение воспитанниками начальных навыков чтения и письма на соответствующем языке, в ходе второго —

овладение грамматикой и техникой перевода, к концу третьего — умение излагать свои мысли письменно.

Система отношений преподавателей и воспитанников определялась, прежде всего, военным характером учебного заведения. Кадеты подчинялись требованиям военных уставов, участвовали в строевых смотрах и ходили в караулы. Однако не только эти факторы определяли повседневную жизнь кадетов. Многие зависело от личности и взглядов директора корпуса, который обладал значительной властью и был достаточно автономен в своих решениях и предпочтениях.

В XVIII — в начале XIX в. смена начальства нередко влекла за собой и полное изменение системы педагогических приемов и подходов. Так, директорство графа Ф. Е. Ангальта в Сухопутном корпусе (1787—1794) в литературе называют периодом педагогического «либерализма» [3, с. 94]. Он стремился внести в атмосферу отношений преподавателей и воспитанников начала товарищества. Оппоненты ангальтовской системы «оранжерейного воспитания» указывали на психологические сложности, возникающие у бывших воспитанников в процессе адаптации к реалиям суровой военной жизни.

Сменивший Ф. Е. Ангальта на посту директора корпуса М. И. Кутузов приступил к пересмотру всей системы воспитания кадетов с целью приспособления ее к реальным потребностям военной службы. Ужесточалась дисциплина, несогласные с взглядами нового директора уходили из корпуса. Открылось особое «малолетнее отделение» для детей от четырех до шести лет. Эти малыши — почти поголовно сироты или дети малоимущих дворян, под присмотром бонн постепенно привыкали к нормам корпусной жизни. Для старших воспитанников впервые в истории русских военно-учебных заведений вводились летние полевые лагеря. В учебном плане особое место заняли тактика и военная история, которые преподавал сам М. И. Кутузов.

Не менее кардинальные изменения, хотя и иного рода, последовали и при Ф. М. Клингере, сменившем М. И. Кутузова в 1800 году. Он рассматривал должность лишь как источник материальных средств, необходимых для занятий литературным

трудом. Ф. М. Клингер болезненно переживал вынужденное пребывание в «варварской стране» и предпочитал использовать в общении с «варварами» такие же методы. Видимо, именно этим следует объяснять широкое распространение в корпусе телесных наказаний в период его директорства.

В России функционировали Сухопутный и Морской шляхетные кадетские корпуса. В 1778 году в Москве по указу Екатерины II был основан I Московский кадетский корпус. Несколько ранее, в 1762 г., на базе Инженерной школы сформировался Артиллерийский и Инженерный кадетские корпуса (с 1800 г. – Второй кадетский корпус) [3, с. 93].

Особое место в системе кадетских корпусов принадлежало Пажескому корпусу (основан в 1759 г.), который в правление Екатерины II превратился в элитарное учебное заведение. В число пажей могли попасть лишь сыновья и внуки полных генералов от кавалерии, инфантерии и артиллерии. Некоторые исключения делались для отпрысков наиболее знатных родов.

В 1785 г. корпус получил новую программу, по которой он подразделялся на четыре двухлетних класса с восьмилетним сроком обучения. Учебная программа включала Закон Божий, русский и иностранные языки, латынь, чистописание, рисование, арифметику, этику, геометрию, историю, географию, законоведение, а также обязательные для молодого аристократа танцы, верховую езду и дополнительно музыку (по желанию). Особо оговаривалось, что науки надо преподавать на русском языке. В Пажеском корпусе преподавались и военные дисциплины, хотя до начала XIX в. он не считался военно-учебным заведением [3, с. 95].

В 1810 г. Пажеский корпус был переведен в здание бывшего Воронцовского дворца. Этот факт чисто внешней преемственности получил неожиданное развитие в системе воспитания пажей. Белый мальтийский крест стал его официальным знаком: такие кресты были изображены на корпусном знамени, они сохранились во внутренней отделке помещений. В корпусе помимо православной церкви в память о прежних владельцах здания осталась и католическая (Мальтийская) капелла – случай

беспрецедентный в истории военно-учебных заведений России. Заветы мальтийских рыцарей, выбитые на ее стенах, были взяты воспитанниками Пажеского корпуса в качестве моральных и этических норм. Они гласили: «Ты будешь верить всему тому, чему учит церковь», «Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником», «Ты будешь любить страну, в которой родился», «Ты не отступишь перед врагом», «Ты будешь щедр и будешь всем благотворить». Подчеркнутая исключительность корпуса отражалась и в самой организации жизни пажей, призванных совмещать военную и придворную службу [4, с. 46].

В декабре 1811 г. император Александр I лично экзаменовал пажей и остался доволен знаниями выпускников. Первым в этом выпуске был П. И. Пестель, а вторым — граф Адлерберг, ставший в дальнейшем генералом и министром двора при императоре Александре II, близким другом и советником монарха. Он — один из активных участников подготовки и проведения реформ 1860—1870-х годов [3, с. 96].

С развитием гражданской школы, становлением общенациональной сети уездных училищ, гимназий и университетов необходимость в подготовке гражданских специалистов в системе военного образования отпадала. Кадетские корпуса образца XVIII века полностью выполнили свою первоначальную просветительскую функцию и стали готовить исключительно офицеров.

Следующим этапом в развитии военных учебных заведений стало утверждение Александром I «Плана воспитания». Военные училища предписывалось создавать теперь уже в каждой губернии, а их выпускники направлялись исключительно в кадетские корпуса. В кадетские корпуса были преобразованы военные училища в Оренбурге и Хабаровске, дворянские училища в Туле и Тамбове. По указу Александра I был учрежден особый Совет по делам военно-учебных заведений, первым председателем которого стал брат императора великий князь Константин Павлович. Задачей этого учреждения стала унификация всей системы воспитания и образования в кадетских корпусах. Укреплялось военное начало, различия с системой гражданского образования становились все более очевидными.

В начале 60-х годов XIX в. система кадетских корпусов ликвидируется. На их месте создаются военные гимназии, которые по внутреннему распорядку и учебному плану стояли гораздо ближе к гражданским средним учебным заведениям. Лишь Пажеский корпус сохранил свою старую структуру. Однако уже к началу 80-х годов проявились негативные черты этих нововведений. Будучи непривычными к суровости военного распорядка и не имея необходимых знаний, выпускники военных гимназий не соответствовали в полной мере требованиям ни гражданской, ни военной службы. Поэтому в 1882 г. система кадетских корпусов была восстановлена. Обособление системы военно-учебных заведений, специализация военного образования получили закономерное завершение.

Культурное развитие страны, изменение роли и места дворянства в социальной структуре общества, а также кризис в духовной сфере, прежде всего в самосознании дворянства, и сама жизнь все более остро ставили вопрос о замене сословных основ системы военной организации. Неотъемлемой частью этого процесса было и формирование особой системы образования, учитывавшей опыт кадетских корпусов, чья деятельность была predetermined самой историей Российского государства.

Кадетские корпуса представляли собой яркий этап в развитии отечественного образования. Они стали специфическими военными заведениями, выпускники которых оставили заметный след в самых разных сферах общественной, политической и культурной жизни. Во многом благодаря высокому уровню преподавания, строгим порядкам службы и военной дисциплины, основанных на требованиях дисциплинарного устава, было возможно воспитание ярких и сильных личностей.

После 1900 года программа значительно расширилась, было введено изучение химии, механики, элементов высшей математики, увеличено число часов по физике, истории, программа примерно соответствовала курсу реальных училищ. К 1917 году существовало 29 кадетских корпусов (кроме Морских и Пажеских) с общим числом кадетов свыше 10 тыс. человек. В 1918 году

в связи с ликвидацией старой армии все они были закрыты [3, с. 97].

В современных условиях, особенно в Российской Федерации, предпринимаются попытки восстановления системы кадетских корпусов. Однако пока они не играют заметной роли в сфере военного образования.

Список литературы

1. Змеев В. Высшая школа и армия: история взаимоотношений / В. Змеев, В. Карпекин // Высш. образование в России. – 2002. – № 5. – С. 144–151.
2. Коровин В. М. Общеобразовательная подготовка будущих офицеров Российской империи... / В. М. Коровин, В. А. Свиридов // Педагогика. – 2007. – № 2. – С. 69–74.
3. Аурова Н. Н. Кадетские корпуса в России / Н. Н. Аурова // Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 91–98.
4. Козлова Г. Н. Воспитание «корпоративной чести» в кадетском корпусе / Г. Н. Козлова // Педагогика. – 2001. – № 2. – С. 43–47.
5. Стрюкова Г. Кадетский класс – что это такое? / Г. Стрюкова // Первое сент. – 2007. – 22 февр. (№ 4). – С. 10.
6. [О первом Московском кадетском корпусе]: [темат. сб.] // Завуч. – 2003. – № 5. – С. 18–23.

Резюме

У статті представлено характеристику кадетських корпусів, які становили цікаву сторінку в історії вітчизняної системи освіти в Російській імперії другої половини XIX – початку XX ст. Акцентується увага на історії виникнення кадетських корпусів, методиці навчання та виховання кадетів. У роботі також подається коротка характеристика суспільного життя того часу.

Summary

The article gives a characteristic of cadet corps, that made an interesting page in the history of education systems in the Russian Empire in the second half of the XIX, at the beginning of the XX c. In the focus of attention are the history of cadet corps emerging, the methodology of cadets teaching and upbringing. A brief characteristic of the period under consideration social life is given.

Наука в НУА

В. П. Козыренко, О. В. Лазаренко

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭЛЕМЕНТОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

(X Межвузовская научно-методическая конференция)

1 ноября 2008 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» прошла десятая юбилейная научно-методическая конференция по вопросам экспертной оценки элементов учебного процесса. Конференция организована кафедрой информационных технологий и математики.

Цель конференции – выработка научно-практических рекомендаций по повышению эффективности учебного процесса на базе современных информационных технологий и инновационных методик математического моделирования.

В работе конференции приняли участие представители двенадцати высших учебных заведений Харькова, в том числе – Харьковского национального университета радиоэлектроники, Харьковского национального экономического университета, Национального технического университета «ХПИ», Харьковского национального автомобильно-дорожного университета, Харьковского университета Воздушных сил, Харьковского института банковского дела и другие.

Доклады, представленные на пленарном заседании, были посвящены таким актуальным направлениям, как:

- проблемы, методологические основы и пути формирования информационно-коммуникационной компетентности студентов гуманитарных специальностей;
- развитие информационных технологий учебного процесса вузов;
- создание компьютерных сетей студенческих общежитий;
- особенности разработки электронных учебных материалов нового поколения с использованием мультимедийных средств.

После заслушивания и обсуждения докладов рассматривались вопросы разработки и методики применения электронных

учебников, средств и методики проведения тестирования, методики разработки и применения обучающих систем (e-learning), вопросы применения дистанционного обучения в ходе реализации системы непрерывного образования.

Во время работы секции «Методы математического моделирования, оценивания и прогнозирования элементов учебного процесса» обсуждались вопросы оценки знаний студентов при кредитно-модульной системе обучения, вопросы оптимизации параметров и структуры учебного процесса.

Народная украинская академия представила на конференции опыт применения рейтинговых систем оценивания знаний студентов, разработанных преподавателями кафедры информационных технологий и математики, опыт применения инновационных методов обучения на основе информационных технологий при подготовке специалистов гуманитарного профиля.

Большой интерес у участников конференции вызвал опыт Народной украинской академии по системе многоуровневой непрерывной информационной подготовки экономистов, социологов и переводчиков.

На завершающем этапе конференции были определены приоритетные направления для исследований и обсуждения на следующей 11-й конференции 2009 года в сфере педагогических инноваций, основанных на использовании современных информационных технологий:

1. Внедрение систем дистанционного обучения на различных платформах e-learning.
2. Оптимизация параметров и структуры учебного процесса (опыт эффективного использования мультимедийных средств в компьютерных аудиториях с целью повышения интенсивности и качества учебного процесса).
3. Совершенствование рейтингового контроля в рамках кредитно-модульной системы обучения.

А. В. Строчкович

УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

(3-я Всеукраинская конференция молодых ученых)

23 февраля 2009 года на базе кафедры менеджмента Народной украинской академии прошла 3-я Всеукраинская конференция молодых ученых на тему «Управление как фактор экономического равновесия». На конференции были освещены основные результаты научно-исследовательской работы молодых ученых вузов Украины, проанализированы процессы формирования инвестиционной привлекательности предприятий, разработки инвестиционной стратегии, функционирования системы контроллинга, управления инвестиционными рисками как факторы экономического равновесия на макро- и микроуровнях.

Основные направления работы конференции:

1. Теоретико-методологические проблемы регулирования экономики Украины.
2. Системные аспекты регулирования и управления инвестиционной деятельностью предприятий.
3. Проблемы инновационного управления предприятиями Украины.

Проведение конференции и издание ее материалов в специальном сборнике научных работ стало традицией. В работе конференции принимали участие студенты, аспиранты, молодые преподаватели, в круг научных интересов которых входят различные аспекты управления. Кроме молодых ученых ХГУ «НУА» в работе конференции приняли участие магистры и аспиранты Национального технического университета «ХПИ», ХНУ им. В. Н. Каразина, Харьковского торгово-экономического института и др.

Е. В. Астахова

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ. ОБЩЕСТВО:
ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА
(VII Международная научно-практическая конференция)**

В феврале 2009 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Интеллигенция. Образование. Общество: вызовы глобального кризиса». Более двухсот ученых из разных городов Украины, из Москвы, Санкт-Петербурга и Белгорода, ректоры харьковских вузов проявили интерес к проблематике конференции и приняли в ней участие.

Уже традиционно для конференций, проводимых в ХГУ «НУА», используются инновационные формы и подходы к организации научных форумов. Нынешняя, седьмая конференция не стала исключением: вместо привычного пленарного заседания – «Пролог дня. Монологи мэтров». В этой части прозвучали интересные доклады председателя Харьковской областной государственной администрации Арсена Борисовича Авакова, который участвовал практически во всех предыдущих конференциях в ХГУ «НУА», посвященных интеллигенции, и известного в СНГ социолога, доктора философских наук, профессора, заведующей кафедрой социологии Финансовой академии при правительстве Российской Федерации (г. Москва) Галины Георгиевны Силласте.

Доклад А. Б. Авакова «Интеллигенция: кризис или тяжелая миссия» развил ранее уже высказываемые губернатором Харьковской области позиции относительно роли и возможностей украинской интеллигенции в сложных политических и социально-экономических условиях современного социума. Интересно отметить, что руководитель области не только выступил с докладом и проработал вместе с остальными участниками практически до самого окончания конференции, но и посвятил ей одну из передач своей авторской программы на областном телевидении «Акценты».

Вторым докладом в блоке «Монологи мэтров» был доклад «Интеллигенция в условиях глобального кризиса» Г. Г. Силласте, которая уже не первый год приезжает в Харьков и привозит на конференцию интереснейшие материалы, обобщения, иногда — совершенно парадоксальные выводы и определения, касающиеся современного состояния и тенденций развития интеллигенции России. Профессор Г. Г. Силласте не только озвучила и прокомментировала результаты своих социологических исследований, но и пообещала передать их для использования в учебном процессе на социологическом факультете ХГУ «НУА», с которым она поддерживает многолетние добрые связи.

Слово для постановочного доклада было предоставлено доктору социологических наук, профессору, члену-корреспонденту Академии педагогических наук Украины, председателю Совета ректоров Харьковского региона, ректору Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина В. С. Бакирову. Выступления Виля Савбановича на конференциях в ХГУ «НУА», а он — участник всех предыдущих встреч — всегда вызывают особый интерес. Так было и в этот раз. Доклад «Судьба интеллигенции в информационном обществе» представлял собой своеобразный микс научно-теоретических выкладок и опыта руководства одним из ведущих университетов Украины.

В блоке постановочных докладов привлекли внимание доклады д-ра социол. наук, проф., вице-губернатора Харьковской области Л. А. Беловой; д-ра техн. наук, проф., ректора Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им. П. Василенко, заслуженного работника образования Украины Д. И. Мазоренко; д-ра техн. наук, проф., ректора Национального технического университета «Харьковский политехнический университет» Л. Л. Товажнянского.

Разные подходы к проблеме продемонстрировали докладчики, разную аргументацию и логику изложения. Но в одном практически все были единодушны: звучала тревога за судьбы современной интеллигенции и — особенно — за ее перспективы, которые в первую очередь связаны со студенчеством, с развитием

системы образования, переживающей сегодня не лучшие времена. Ректор Национального технического университета сельского хозяйства Д. И. Мазоренко, в частности, подчеркнул, что, конечно, высшая школа устояла в нелегкие 90-е годы, когда отсутствие финансирования носило системный характер, но и сейчас, когда, казалось бы, ситуация несколько выровнялась, существуют не менее тревожные тенденции и риски в системе высшего образования. В частности, отсутствие реальной автономии университетского сектора, которая в последние годы сжимается как шагреновая кожа.

Вторая часть конференции – «круглый стол» – тоже вызвал интерес присутствующих, большинство из которых не первый раз принимают участие в традиционных научных форумах, посвященных проблемам интеллигенции. Видимо отсюда – доброжелательность обстановки, корректность дискуссий, несмотря на порой диаметрально противоположные точки зрения.

К числу безусловных «изюминок» конференции можно отнести – уже традиционное – участие в ней студентов, магистров, аспирантов и молодых ученых, а также – учителей специализированной экономико-правовой школы, входящей в образовательный комплекс ХГУ «НУА». Такой широкий спектр участников обеспечивает, как показала практика, и достаточно обширный круг обсуждаемых вопросов. Одним словом, VII Международная научно-практическая конференция, посвященная проблемам современной интеллигенции, снова дала интереснейший материал для осмыслений, заставила задуматься и – хочется верить – с большим оптимизмом смотреть в будущее, анализировать и искать пути смягчения современных коллизий.

Е. А. Довгаль

**УКРАИНСКАЯ ЭКОНОМИКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ
ВРЕМЕНИ: ПОИСК ПУТЕЙ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА**
(студенческая научно-практическая конференция
факультета «Бизнес-управление»)

31 марта 2009 года факультет «Бизнес-управление» провел студенческую научно-практическую конференцию на тему «Украинская экономика перед вызовами времени: поиск путей выхода из кризиса», на которой был освещен широкий спектр проблем, посвященных различным аспектам проявления финансово-экономического кризиса в экономике Украины и поиску путей выхода из него.

Работа конференции осуществлялась по следующим направлениям:

I секция – «Составляющие механизма хозяйствования украинских предприятий в период кризиса: региональный и корпоративный аспекты».

II секция – «Конкурентоспособность экономики Украины в условиях мирового финансово-экономического кризиса: экономика, финансы, право».

III секция – «Управление предприятием в условиях финансово-экономического кризиса».

IV секция – «Социогуманитарные аспекты развития хозяйственной системы Украины».

На факультете «Бизнес-управление» уже стало традицией с 2002 г. проведение ежегодных студенческих семинаров на тему «Теория и практика системной трансформации экономики», однако в этом году изменились не только тематика, но и формат мероприятия. С учетом того что в настоящее время возрастает актуальность экономико-правовых и социогуманитарных исследований, посвященных анализу различных аспектов проявления мирового финансово-экономического кризиса и поиску путей выхода из него, советом факультета «Бизнес-

управление» было принято решение об изменении тематики и статуса конференции с подготовкой и публикацией ее программы и материалов в специальном сборнике научных работ студентов.

Интерес к различным аспектам проявления финансово-экономического кризиса в экономике Украины и поиску путей выхода из него сегодня очень велик, и необходима постоянная целенаправленная работа в области не только фундаментальных, но и прикладных исследований этой проблемы, в направлении комплексного экономико-правового и социогуманитарного подходов к изучению тенденций и противоречий, происходящих в Украине и в мире. Поэтому вполне ожидаемой в ходе самой конференции была активность студентов в обсуждении вопросов, применимых к современным проблемам и перспективам развития хозяйственной системы Украины на фоне текущих глобальных экономических процессов.

Начало конференции было освещено тремя докладами на пленарном заседании о влиянии мирового финансово-экономического кризиса на отдельные сферы функционирования украинской экономики. Важно отметить, что авторы докладов попытались не только дать собственную оценку сложившейся ситуации, но и предложить конкретные шаги по ее преодолению. Работа по секциям студенческой конференции характеризовалась высокой активностью всех ее участников, их заинтересованностью в обсуждении наиболее актуальных проблем украинской экономики и решимостью отстаивать собственную точку зрения. Лучшие студенческие доклады были опубликованы в сборнике материалов конференции, полученных участниками перед пленарным заседанием.

Прошедшая студенческая конференция показала большой интерес как студентов, так и преподавателей в проведении подобного рода мероприятий, способствующих не только повышению уровня профессиональной компетентности студентов-экономистов, но и формированию у них активной гражданской позиции. Предполагается проводить подобные

научно-практические конференции каждый год силами студентов и профессорско-преподавательского состава кафедр факультета «Бизнес-управление».

М. О. Дідич

**СТУДЕНТ XXI СТ. СОЦІАЛЬНИЙ ПОРТРЕТ НА ФОНІ
СУСПІЛЬНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ
(XVI Міжнародна студентська наукова конференція)**

18 квітня в Народній українській академії відбулася XVI Міжнародна студентська наукова конференція «Студент XXI ст. Соціальний портрет на фоні суспільних трансформацій». Вона мала міжнародний характер і вітала учасників з Росії, Китаю, Туреччини та Туркменістану.

Розпочався День науки традиційно, з пленарного засідання, де з доповідями виступали викладачі, гості та студенти НУА. Серед них д-р соціол. наук, проф. К. Г. Михайльова; канд. пед. наук З. І. Шилкунова; аспірант кафедри менеджменту ХГУ «НУА» Р. І. Чернолясов. Групу студентів представляли О. А. Грімов, студент Курського державного технічного університету (Росія); К. Куцевляк (СМ-IV); О. Кашавцев (БУ-III); Лі Сян, Лю Цзюнь (БУ-I) (Китай); Йлмаз Хусейн (РП-III) (Туреччина). Доповіді були цікавими і насиченими, що дозволяло аудиторії вникнути в суть теми, а також зробити самостійний аналіз на основі матеріалів доповідей.

У межах конференції працювало 14 секцій: історії, соціології, філософії, економіки, права, філології та інші. На кожній із них заслухано доповіді та повідомлення на теми, які відповідали загальній тематиці конференції.

Підсумки студентської наукової конференції підбивалися на заключному пленарному засіданні, де було нагороджено переможців та наукових керівників з кожної секції.

За реєстраційними даними, всього в проведенні Дня науки

взяли участь 200 студентів та 40 молодих учених, тези виступів яких були попередньо опубліковані в програмі та матеріалах XVI Міжнародної студентської наукової конференції.

День науки пройшов успішно і корисно, а це заслуга не однієї людини. Від імені Студентського наукового товариства висловлюємо свою подяку всім, хто взяв участь в організації конференції, а також усім науковим керівникам, які здійснювали контроль за підготовкою наукових робіт, тез та виступів студентів.

Презентація нових видань

О РЕЗУЛЬТАТАХ ВЫСТАВКИ «МИР КНИГИ-2009»

В рамках ежегодного, уже девятого в этом году, Международного фестиваля «Мир книги-2009» дипломом лауреата в номинации «Книга года. Взгляд в будущее» отмечена коллективная монография «Глобальные проблемы человечества как фактор трансформации образовательных систем». Монография подготовлена коллективом авторов (под общ. ред. проф. В. И. Астаховой), на протяжении многих лет исследую-

щих тенденции развития образования в современном мире. Особенностью данной работы является освещение широкого круга проблем, связанных с воздействием процессов глобализации на трансформацию образовательных систем. Авторы анализируют исторические, экономические, социокультурные, политические и правовые аспекты данного явления, раскрывают его особенности в Украине в сложных условиях системного кризиса и глубочайших общественных трансформаций.

На фестивалі ще одна робота «академіков» була отмечена дипломом лауреата в номінації «Одаренная молодежь» («Детское творчество в поэзии»). Лауреатами стали школьники 4-А класу спеціалізованої економіко-правової школи, підготувавши збірку поезій в жанрі хокку, в яких з недетською глибиною автори розмислюють про час, його швидкотечності і насиченості.

Огромная заслуга в подготовке и воплощении в жизнь этого литературного проекта принадлежит классному руководителю 4-А класу А. А. Назаренко.

Редколлегия

МИКРОЭКОНОМИКА

Довгаль, Георгий Владимирович.

Микроэкономика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г. В. Довгаль ; Нар. укр. акад. — Харьков : Изд-во НУА, 2008. — 252 с.

Учебное пособие «Микроэкономика» создано как составная часть учебно-методического комплекса по курсу микроэкономики. В него входят тестовые задания, пакет презентаций, дополнительная литература по курсу.

При подготовке учебного пособия автор стремился наиболее полно использовать возможности, которые предоставляют современные информационные технологии, дающие возможность лучше структурировать материал, создать возможности для эффективного самоконтроля, в ходе изучения курса задействовать все виды памяти.

Предложенный курс является составной частью комплекса учебных дисциплин, изучение которых позволяет готовить специалистов в области экономики предприятия. Он является неотъемлемой частью общеобразовательных фундаментальных экономических наук. Цель изучения микроэкономики состоит в реализации системного подхода к экономическим процессам, научном опознании тенденций развития микроэкономики как составной части экономической теории, определении методологических основ теории и практики экономических процессов функционирования субъектов рыночных отношений на микроуровне.

Особенностью учебного пособия является широкое использование справочного и дополнительного материала, дающего возможность изучать микроэкономику не только посредством ее теоретических основ, но и использовать возможности исторической ретроспективы, а также биографических данных ученых, внесших значительный вклад в теорию микроэкономического анализа.

В ході підготовки настоящего учебногo посoбiя автор прeслeдoвaл трi вzаимoсвzязaннi цeлi:

- вo-пeрвix, излoжити ключeвi кoнцeпцiї мiкрoекoнoмiкi и свzязaннi с нiмi пoнятiя, нa кoтoрux oснoвувaєтcя сoврeмeннa фундaмeнтaльнa мiкрoекoнoмiчeскa нaукa;
- вo-втoрux, пoпyтaтcя вивити свzяз мeждy мiкрoекoнoмiчeскoю тeорiєю и рeальнoю прaктикoю хoзzяйствoвaннz;
- в-трeтix, дaти вoзмoжнoсть знaти прoтiвoрeчiвoсть трaнсфoрмaцioннoгo пeрioдa, пeрeживaємoгo Укрaїнoю.

В прoцeсe пoдгoтoвкi нaстoящeгo учебногo посoбiя стaвлaлa зaдaчa излoжити мaтeрiял дoстaтoчнo крaткo и в мaксимaльнo дoстyпнoю для пoнiмaннz фoрмe.

прoф. Г. В. Дoвгaль

ГРОШІ ТА КРЕДИТ

Тимoхoвa, Гaлiнa Бoрiсiвнa.

Грoшi тa крeдит : нaвч. пoсiб. для студ. eкoн. спец. / Г. Б. Тимoхoвa ; Нaр. укр. aкaд. [кaф. мeнeджмeнтy]. – X. : Вид-вo НУA, 2007. – 164 с.

Нaвчaльнa дiсциплiнa «Грoшi тa крeдит» є нoрмaтивнoю i пoсiдaє oднe iз прoвiднix мiсць y блoцi дiсциплiн нaвчaльнoгo плaнy пiдгoтoвкi фaхiвцiв зi спeцiальнoстi 7.050107 – «Екoнoмiкa пiдпрiємств» дeннoї тa зaoчнoї фoрм нaвчaннz. Пoв'язaнo цe з тим, щo грoшoвi вiднoсини є нaйбiльш склaдним eлeмeнтoм ринкy. Вoни мaють бaгaтoгaлyзeвy й бaгaтoстyпeнeвy стрyктyрy, рeалiзyютьcя нe нa oднoмy, a нa дeкiлькoх рiвнzх.

Нe oбхiднo вiдзнaчити, щo грoшi – дoсeтe нeстiйкий i oдин iз нaйбiльш yрaзливix eлeмeнтiв ринкoвoї eкoнoмiкi. Дeфoрмyвaннz грoшoвoї систeми мoжe бyти причинoю рoзбaлaнсyвaннz вирoбничих прoцeсiв, рiзких кoливaнь цiн i зaйнzтoстi, iнших кризoвих явищ. Тoмy лoгiчним прoдoвжeннzм вищeвиклaдeнoгo вaртo ввaжaти слoвa вiдoмoгo aмeриканськoгo eкoнoмiстa П. Сaмyєльсoнa: «Кoли грoшi фyнкцioнyють yспiшнo, iх мoжнa знaчнoю мiрoю iгнoрyвaти. Кoли ж фyнкцioнyвaннz грoшoвoї

системи призведе до депресії, спаду або галопуючої інфляції, то вони стають життєво важливим об'єктом економічного дослідження».

Залучення нашої країни до процесів глобалізації світової економічної та фінансової системи зумовлює перенесення більшості позитивних і негативних явищ зовнішнього світу в українські умови, що матиме відповідні наслідки для розвитку фінансово-банківської системи. Кожен центральний банк здійснює національну грошово-кредитну політику залежно від історичних, економічних та політичних умов країни. Однак в усіх розвинених країнах так чи інакше реалізується концепція незалежного центрального банку. Запроваджується такий статус з урахуванням національної специфіки та історичних особливостей формування кредитної системи, а також з необхідністю формування золотовалютних резервів та набуттям статусу міжнародної валютної ліквідності. Можливість виконання національною валютою функцій світових грошей і набуття статусу міжнародного ліквідного ресурсу, що надає відповідним країнам істотних конкурентних переваг, визначається рівнем виробничого потенціалу, станом платіжного балансу, стабільності й конкурентоспроможності їх економік.

Метою даного посібника є: формування системи базових знань з фундаментальних проблем теорії і практики грошей та кредиту, засвоєння закономірностей функціонування грошового ринку як теоретичної основи державної монетарної політики й розвитку банківської справи.

У навчальному посібнику представлено загальну характеристику концепції та ролі грошей і кредиту в ринковій економіці, базові положення грошової системи, закономірностей та специфіки функціонування кредитних систем як теоретико-методологічної бази державної монетарної політики, основ побудови банківської системи та операцій банків, закономірностей розвитку і функціонування валютного ринку у схемах, малюнках та таблицях.

доц. Г. Б. Тимохова

ПРОТЕЙ

Протей : Переклад. альм. / Нар. укр. акад. ; [редкол.: О. А. Кальниченко (голов. ред.) та ін.]. — Х. : Вид-во НУА, 2008. — Вип. 2. — 640 с.

У видавництві Народної української академії вийшов другий випуск перекладацького альманаху «Протей», вільної трибуни перекладачів та перекладознавців. Цей випуск складається з восьми розділів.

Серед авторів перекладів у розділі «Роботи майстрів» — досвідчені українські перекладачі: О. Жупанський, С. Борщевський, В. Панченко, О. Ковальова, О. Страшенко, В. Бойко, С. Жадан, а також видатні російські перекладачі — Є. Вітковський, Г. Зельдович, С. Александровський. Також у розділі подано переклади української пісенної поезії англійською мовою, які виконав О. Гавінський.

Хоча переклад — різновид вторинного твору, первинні твори іноді маскуються під переклади і тому називаються псевдоперекладами. Останнім часом псевдопереклади стали викликати інтерес у перекладознавців, які стверджують, що ці твори — законний об'єкт дослідження перекладознавства, оскільки подаються і сприймаються як переклади, хай навіть їх джерельні тексти встановити неможливо. Поняття псевдоперекладу цікаве, головним чином, тим, що ставить під сумнів деякі з наших сталих уявлень, передусім віру в цілковиту відмінність між перекладом та оригінальним твором. У розділі «Псевдопереклади» наведено розвідку Олександра Кальниченка «Псевдопереклад як перекладознавча проблема» та підборку творів, що підпадають під визначення псевдоперекладу («Легенды Ито» Ігоря Ільїна).

У «Пам'ятках перекладацької думки» подано в українському перекладі з коментарями та примітками класику перекладацької думки — твори Ієроніма Стридонського та Мартина Лютера, а також визначні перекладознавчі праці ХХ ст., з якими пов'язується соціокультурний підхід до перекладу, ізраїльтян І. Евена-Зогара і Г. Турі, бельгійця А. Лефевра та німця Г. Вермеєра. Переклади здійснили викладачі кафедри перекладу

проф. В. О. Подміногін, доц. О. А. Кальниченко, канд. філол. наук А. О. Івахненко та випускниця факультету «Референт-перекладач» Інна Заярнюк. На відзнаку 50-річчя виходу у світ статті Романа Якобсона «Про лінгвістичні аспекти перекладу» пропонується її український переклад з англійської мови. Також у розділі міститься переклад підбірки висловлювань з історії перекладацької думки в Польщі (XV–XVIII ст.), виконаний доктором Андрієм Савенцем.

У розділі «Перекладацька майстерня» подаються переклади творчої молоді, у тому числі нашого випускника Сергія Кальниченка та магістранта кафедри Ярослава Шарамка, адже метою збірки, зокрема, є підготовка молоді змін в галузі художнього та суспільно-політичного перекладу та її теоретичний вишкіл.

Серед авторів теоретико-критичних матеріалів – проф. кафедри романо-германської філології І. Оржицький, який аналізує багатство метафорики в перекладах Миколи Лукаша з іспанської поезії; відомий науковець з Києво-Могилянської академії та КНУ ім. Т. Шевченка В. Радчук, який наполягає на необхідності ліквідації забобону неперекладності як на орудній ланці фахового перекладацького кредо; видатний російський перекладач та історик перекладу Є. Вітковський, який досліджує історію перекладу «Альбатроса» Шарля Бодлера на російську мову; проф. В. Дубічинський, який репрезентує два лексикографічні проекти «Словарь лексических параллелей русского и испанского языков» та «Русско-немецкий словарь лексических параллелей»; академік С. Швачко, доц. І. Кобякова та доц. Т. Анохіна, предметом розвідок яких є релевантність концептуального підходу до ефективного перекладу; І. Ільїн, який ділячись власним досвідом українського перекладу «Вінні-Пуха», стверджує, що «магічна сила» таланту Б. Заходера в багатьох випадках мимоволі змушує редакторів «підправляти» модерніста А. Мілна під звичного і добре знайомого дитячого автора та доц. ХГУ «НУА» І. Помазан, який рецензує плід багаторічної праці Б. І. Чернякова – біобібліографічний покажчик «Микола Лукаш 1953–2005» (К. : Часопис «Критика», 2007).

У розділі «Історія вітчизняного перекладу та перекладознавства» до 100-ї річниці від дня народження видатного українського перекладача та дослідника перекладу Григорія Кочура вміщено розвідку завідувача кафедри перекладознавства і контрастивної лінгвістики ім. Григорія Кочура Львівського національного університету ім. Івана Франка академіка Р. П. Зорівчак «Микола Зеров і Григорій Кочур» та дослідження Г. Пехник, присвячене ієрархії перекладацьких труднощів та похибок і помилок, які допускають перекладачі, у працях Григорія Кочура. До 110-річчя від дня народження Бориса Тена (Миколи Васильовича Хомичевського) пропонується нарис доц. Л. Бондарчук, в якому йдеться про зв'язок Бориса Тена з Житомиром, містом, де перекладач «Іліади» та «Одіссеї» провів більшу частину життя, та перший біографічний нарис про Бориса Тена, який належить перу директора Житомирського обласного літературного музею В. Єремєєва. Також розділ містить дослідження канд. філол. наук Т. Шмігера про розвиток перекладознавчого аналізу в Україні у 1970–1980-ті роки та нарис Ю. Полякової про перекладача із санскриту відомого сходознавця Павла Ріттера, до якого додано бібліографію праць П. Ріттера та літературу про нього.

У альманасі вміщено спогади письменника-шістдесятника Є. Концевича і д-ра філол. наук, проф. В. Гуменюка про Бориса Тена та письменниці І. Мельницької і народного художника України Н. Вергун про Миколу Лукаша.

У «Пам'ятках вітчизняної перекладацької думки» вперше друкуються стаття «Працюючи над Гомером» Бориса Тена та доповідь Миколи Лукаша про стан перекладів із західноєвропейських літератур на республіканській нараді перекладачів 1956 року, яка свідчить про те, що найвидатніший український перекладач ХХ століття був не лише практиком, але й теоретиком та політиком перекладу.

доц. О. А. Кальниченко, проф. Ж. Є. Потапова

Відомості про авторів

АСТАХОВА Валентина Іларіонівна
доктор історичних наук, професор, ректор Харківського
гуманітарного університету «Народна українська академія»

АСТАХОВА Катерина Вікторівна
доктор історичних наук, професор,
перший проректор Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія» (ХГУ «НУА»)

АСТАХОВ Віктор Вікторович
кандидат юридичних наук, професор кафедри економічної теорії
і права, декан факультету «Бізнес-управління»
ХГУ «НУА»

АСТАХОВА Катерина Вікторівна (мол.)
кандидат економічних наук, доцент кафедри економічної теорії
і права ХГУ «НУА»

БАТАЄВА Катерина Вікторівна
кандидат філософських наук, доцент кафедри соціології
ХГУ «НУА»

БЕРЕСТ Тетяна Миколаївна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри українознавства
ХГУ «НУА»

БІРЧЕНКО Олена Володимирівна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології,
завідувач лабораторії планування кар'єри ХГУ «НУА»

БІРЮКОВА Марина Василівна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології,
проректор з науково-дослідної роботи ХГУ «НУА»

БОЖКО Ольга Іванівна
почесний професор, завідувач кафедри початкової освіти
ХГУ «НУА»

БОЙКО Світлана Миколаївна

здобувач кафедри українознавства ХГУ «НУА»,
викладач кафедри іноземних мов Харківського національного
аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського
«Харківський авіаційний інститут»

ВЕРЛІНСЬКИЙ Олександр Михайлович

аспірант кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»,
провідний економіст ООО «Глосса-Аудит»

ВОЙНО-ДАНЧИШИНА Ольга Леонідівна

кандидат юридичних наук, доцент кафедри економічної теорії
і права, декан факультету післядипломної освіти ХГУ «НУА»

ГОНЦА Ольга Олександрівна

здобувач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»,
бізнес-аналітик компанії «Галерея мобільного зв'язку»

ГУР'ЄВА Ірина Володимирівна

магістр економіки, здобувач кафедри менеджменту
ХГУ «НУА», аудитор ТОВ «Глосса-Аудит»

ДАНЬКО Наталія Іванівна

кандидат економічних наук, доцент,
проректор з науково-методичної роботи ХГУ «НУА»

ДАХНОВА Олена Євгенівна

кандидат економічних наук, доцент кафедри менеджменту
ХГУ «НУА»

ДЕ ХЕСУС ГОНСАЛЕС БАРБЕРО Тереса

професор у Вищому Центрі Університетської Освіти Ла Салле,
Автономний Університет Мадрида

ДІДИЧ Марія Олександрівна

студентка IV курсу факультету «Бізнес-управління»,
голова студентського наукового товариства ХГУ «НУА»

ДОВГАЛЬ Георгій Володимирович
кандидат економічних наук, професор,
завідувач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ДОВГАЛЬ Олена Андріївна
доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

ДУРАНДІНА Оксана В'ячеславівна
викладач кафедри менеджменту,
завідувач практики лабораторії планування кар'єри ХГУ «НУА»

ЗВЕРКО Тамара Василівна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології,
декан факультету «Соціальний менеджмент» ХГУ «НУА»

ІВАКІНА Ірина Василівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри українознавства,
завідувач аспірантури ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Ольга Анатоліївна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ІВАХНЕНКО Антоніна Олександрівна
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри теорії і практики перекладу ХГУ «НУА»

КАЛЬНИЧЕНКО Наталія Миколаївна
старший викладач кафедри філології Харківського національного
автодорожного університету

КАЛЬНИЧЕНКО Олександр Анатолійович
доцент кафедри теорії і практики перекладу ХГУ «НУА»

КАРПЕНКО Марина Володимирівна
аспірант кафедри філософії і гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

КІВА Людмила Олексіївна
викладач кафедри економіки та маркетингу
Харківського інституту управління

КОЗИРЕНКО Віктор Петрович
кандидат технічних наук, доцент,
проректор з інформаційних технологій ХГУ «НУА»

КОЗИЦЬКИЙ Богдан Володимирович
аспірант кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

КОЗЛОВА Олена Володимирівна
студентка II курсу факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

КОЛІСНИК Віра Володимирівна
студентка IV курсу факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

КОСТАКОВ Геннадій Іванович
доктор історичних наук, професор кафедри філософії
і гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

КУЦЕВЛЯК Катерина Сергіївна
студентка IV курсу факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

КРАВЧИНА Ірина Борисівна
старший викладач кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

ЛАЗАРЕНКО Ольга Володимирівна
кандидат технічних наук, доцент, завідувач кафедри інформаційних
технологій і математики ХГУ «НУА»

МАЛИШЕВ Олександр Володимирович
кандидат історичних наук, доцент кафедри політології та історії
Національного аерокосмічного університету
ім. М. Є. Жуковського «Харківський авіаційний інститут»

МАМЕДОВА Алла Іванівна

старший викладач кафедри германської філології Запорізького національного університету

МИХАЙЛОВА Людмила Віліївна

кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології ХГУ «НУА»

МУХОРТОВА Ірина Вікторівна

старший викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови ХГУ «НУА»

НАЗАРКО Ольга Іванівна

аспірант, викладач кафедри соціології, декан факультету доувзівської підготовки ХГУ «НУА»

НЕСТЕРЕНКО Поліна Віталіївна

кандидат юридичних наук, старший викладач кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

НЕЧИТАЙЛО Ірина Сергіївна

кандидат соціологічних наук, викладач кафедри соціології ХГУ «НУА»

ОЖИЙОВА Олена Миколаївна,

аспірант кафедри філософії і гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПЕЛІХОВ Євген Федорович

кандидат економічних наук, професор кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Єлизавета Ананіївна

доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри філософії і гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОМАЗАН Ігор Олександрович
кандидат філологічних наук, доцент,
завідувач кафедри українознавства ХГУ «НУА»

ПОТАПОВА Жанна Євгенівна
кандидат філологічних наук,
професор кафедри романо-германської філології,
декан факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

ПРИХОДЬКО Анатолій Миколайович
доктор філологічних наук, професор,
завідувач кафедри іноземних мов
Запорізького юридичного інституту

РЕШЕТНЯК Олена Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

РИЖЧЕНКО Ольга Сергіївна
викладач кафедри англійської філології ХГУ «НУА»

САРНОВСКИ Януш Кшиштоф
кандидат економічних наук, доцент кафедри фінансів Приватної
вищої школи бізнесу і адміністрації (PWSBA) у Варшаві

СІМЕЙКО Ганна Вікторівна
здобувач кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

СОМОВА Оксана Євгенівна
кандидат економічних наук, старший викладач кафедри
менеджменту ХГУ «НУА»

СТРОКОВИЧ Ганна Віталіївна
кандидат економічних наук, доцент,
завідувач кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ТАТАРЕНКО Олена Вікторівна
студентка II курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ТИМОХОВА Галина Борисівна

кандидат економічних наук, доцент кафедри менеджменту
ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВ Ігор Владиславович

кандидат економічних наук, професор кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВА Тамара Михайлівна

кандидат філологічних наук, професор, завідувач кафедри
англійської філології ХГУ «НУА»

ТОЛМАЧОВА Ірина Миколаївна

кандидат педагогічних наук, учитель вищої категорії,
учитель-методист, кафедра початкової освіти ХГУ «НУА»

УСІК Олена Юріївна

кандидат філософських наук,
доцент кафедри соціології ХГУ «НУА»

ЦИБУЛЬСЬКА Елеонора Іванівна

кандидат економічних наук,
доцент кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ЧЕРНОЛЯСОВ Роман Іванович

аспірант кафедри менеджменту, викладач кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЧИБІСОВА Наталія Григорівна

кандидат філософських наук, професор кафедри філософії
і гуманітарних дисциплін, проректор з науково-педагогічної роботи і
виховання ХГУ «НУА»

ЧОРНА Марина Веніамінівна

кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії
і гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ШЕВЧЕНКО Наталія Володимирівна

кандидат соціологічних наук, старший викладач кафедри суспільних наук Харківського національного фармацевтичного університету

ШУМЕЙКО Олена Анатоліївна

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри культурології Національної юридичної академії України ім. Ярослава Мудрого

ЯКОВЛЄВ Анатолій Опанасович

кандидат соціологічних наук, доцент Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, докторант кафедри політичної соціології

COLLIN Sven-Olof

Department of Business Studies Kristianstad University College

SMITH Elin

Department of Business Studies Kristianstad University College

UMANS Timurs

Lecturer in Business Administration

Kristianstad University College Department of Business Studies

ЗМІСТ

Дорогий читачу!	3
Актуальні проблеми розвитку освіти: історичні, філософські, економічні, правові та соціальні аспекти	5
<i>Астахова В. И.</i> Об особенностях и задачах гражданско-патриотического воспитания в современной Украине	7
<i>Астахова Е. В.</i> Высшая школа Украины в новых демографических условиях (к постановке проблемы)	23
<i>Астахов В. В.</i> Совершенствование образовательного законодательства: украинские реалии в контексте перманентных преобразований	31
<i>Астахова Е. В. (мл.)</i> Образование: общественное или частное благо	39
<i>Батаева Е. В.</i> Образование и власть в социологии П. Бурдье	45
<i>Бирченко Е. В.</i> Вузовские центры карьеры в системе связи «карьерный ресурс – успешное трудоустройство выпускников»	52
<i>Бірюкова М. В.</i> Регіон як новітнє середовище функціонування інституту освіти	64
<i>Божко О. І., Толмачова І. М.</i> Підходи до становлення суб'єктності молодших школярів	71
<i>Войно-Данчишина О. Л.</i> Аттестация в вузе: правовая регламентация	80
<i>Зверко Т. В.</i> Проблемно-ценностная ориентация студенческого самоуправления	87
<i>Карпенко М. В.</i> Феномен лидерства: возможности вуза в его развитии	95
<i>Ківа Л. О.</i> Оновлення системи освіти як чинник інноваційного розвитку держави	107
<i>Козыренко В. П., Лазаренко О. В.</i> Электронный документооборот и стандартизация форматов данных (Состояние и перспективы развития электронного документооборота в непрерывном комплексе ХГУ «НУА»)	112
Костаків Г. І. О научном концептуальном подходе к изучению истории ОУН-УПА	117
<i>Мухортова И. В.</i> Использование Интернет-ресурсов в процессе обучения иностранному языку	130
<i>Назарко О. І.</i> Сучасне учительство України: проблеми і перспективи розвитку	136
<i>Нестеренко П. В.</i> Правові проблеми права власності державних вищих навчальних закладів	144
<i>Нечитайло И. С.</i> Проблема формирования трудовой активности личности посредством института образования	150

<i>Ожйова О. М.</i> Булінг. Шкільний булінг: поняття та основні форми	158
<i>Sven-Olof Collin, Elin Smith.</i> The Relationship Between Grade and University Prestige (Reflections from a University College)	163
<i>Симейко А. В.</i> Методология системного анализа интеллектуального капитала как фактора конкурентоспособности	183
<i>Тереса де Хесус Гонсалес Барберо.</i> Межкультурное образование: рабочий проект в школьном центре	191
<i>Тимошенков И. В.</i> Теоретико-методологические аспекты исследования инноваций в системе образования	212
<i>Усик Е. Ю.</i> Образовательная среда вуза в категориях сетевого анализа	220
<i>Чибисова Н. Г.</i> Образовательная среда высшей школы в условиях системной трансформации общества	227
<i>Шевченко Н. В.</i> Особенности образовательной логистики в системе конструирования карьеры	236
Проблеми економіки, соціології, політології та правові проблеми управління	247
<i>Верлинский А. М.</i> Алгоритм анализа условий и ограничений при выборе системы налогообложения	249
<i>Гонца О. А.</i> Современные подходы к оценке эффективности использования оборотных средств предприятий сферы торговли	257
<i>Гур'єва І. В.</i> Обґрунтування доцільності розрахунку показників оцінки економічної ефективності інвестицій для аналізу господарської діяльності підприємства	263
<i>Дахнова Е. Е.</i> Роль государства в развитии инфраструктурного комплекса Украины в контексте процессов глобализации	272
<i>Довгаль Г. В., Довгаль Е. А.</i> Процесс глобализации и формирование оптимальной стратегии экономического развития Украины	280
<i>Дурандіна О. В.</i> Поняття активізації інвестиційної діяльності	287
<i>Иванова О. А.</i> Определение уровня конкурентоспособности предприятия при разработке стратегии его развития	292
<i>Козицкий Б. В.</i> Промышленно-финансовые группы Украины и мировой опыт их развития	298
<i>Кравчина И. Б.</i> О социальной обусловленности уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 327 УК Украины	306
<i>Малишев О. В.</i> Діяльність органів місцевого самоврядування з розвитку дрібної промисловості Харківської губернії наприкінці XIX – на початку XX ст.	313

<i>Пелихов Е. Ф.</i> Оценка экономической эффективности обновления производства	322
<i>Подольська Є. А.</i> Гроші: найвища цінність чи засіб самореалізації особистості?	330
<i>Решетняк Е. И., Данько Н. И.</i> Обоснование целесообразности реструктуризации предприятия	339
<i>Сарновски Я. К.</i> Выгоды и угрозы, связанные с переходом Польши на общеевропейскую валюту	346
<i>Сарновски Я. К.</i> Изменения в налоговой системе после вступления Польши в Европейский Союз	358
<i>Сомова О. Є.</i> Аналіз результатів оцінки рівня конкурентоспроможності підприємств та шляхи їх використання	369
<i>Строкович А. В.</i> Механизм внедрения системы оценочных индикаторов	374
<i>Timurs Umans.</i> Models in Demographic Diversity Research in Teams: In Search for Cultural Diversity Implications for Top Management Teams	380
<i>Цыбульская Э. И.</i> Институциональные технологии формирования конкурентоспособности Украины	393
<i>Чорна М. В.</i> Політичні ідеології, політичні партії про майбутнє України	403
<i>Чернолясов Р. И.</i> Особенности трактовки категории «эффективность» в функционировании экономических систем	411
<i>Яковлев А. О.</i> Стратегічні орієнтири розвитку науки у глобалізаційному контексті	420
Літературознавство, лінгвістика, переклад	427
<i>Берест Т. М., Шумейко О. А.</i> Власні назви як лексичний засіб творення комічного в українській поезії другої половини ХХ століття	429
<i>Бойко С. М.</i> Ретроспекція та перспективи вивчення світської епіграми І. Величковського в контексті барокової культури	438
<i>Ивакина И. В.</i> Способы выражения авторского сознания в повести В. Микулич «Мимочка-невеста»	450
<i>Ивахненко А. А.</i> Стихотворение 303 Э. Дикинсон в переводе Л. Ситника	460
<i>Кальниченко О. А., Кальниченко Н. М.</i> Теорія перекладу буддійських текстів у Китаї II–X ст.	469
<i>Мамедова А. І., Приходько А. М.</i> Концептосистема німецької народної загадки	481
<i>Михайлова Л. В.</i> Выражение вежливости в речевом акте просьбы	493
<i>Помазан І. О.</i> Візуальне й вербальне в поезиці зорового вірша	499

<i>Рыжченко О. С.</i> Символика романа Бориса Акунина «Коронация или последний из Романов»	505
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Современная англоязычная биографическая проза	513
Студентська трибуна	527
<i>Козлова Е. В.</i> Анализ опыта учителей Харькова по внедрению инновационных технологий в историческое образование	529
<i>Колесник В. В.</i> Развитие романтической теории перевода в Германии в конце XVIII – в начале XIX века	536
<i>Куцевляк Е. С.</i> Молодой специалист и работодатель на современном рынке труда: проблемы поиска единых стратегий	544
<i>Татаренко Е. В.</i> Кадетские корпуса – составная часть истории отечественной системы образования	548
Наука в НУА	555
<i>Козыренко В. П., Лазаренко О. В.</i> Экспертные оценки элементов учебного процесса (X межвузовская научно-методическая конференция)	557
<i>Строкович А. В.</i> Управление как фактор экономического равновесия (3-я Всеукраинская конференция молодых ученых)	559
<i>Астахова Е. В.</i> Интеллигенция. Образование. Общество: вызовы глобального кризиса (VII Международная научно-практическая конференция)	560
<i>Довгаль Е. А.</i> Украинская экономика перед вызовами времени: поиск путей выхода из кризиса (студенческая научно-практическая конференция факультета «Бизнес-управление»)	563
<i>Дідич М. О.</i> Студент XXI ст. Соціальний портрет на фоні суспільних трансформацій (XVI Міжнародна студентська наукова конференція)	565
Презентація нових видань	567
О результатах выставки «Мир книги-2009»	569
Микроэкономика	571
Гроші та кредит	572
Протей	574
Відомості про авторів	577

В 90 **Вчені** записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» / [Редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. — Х. : Вид-во НУА, 2009. — Т. 15. — 592 с.

ISSN 1993-5560

Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» є щорічним періодичним виданням, в якому публікуються результати наукових досліджень викладачів як академії, так і інших ВНЗ України, близького і далекого зарубіжжя, які працюють над проблемами гуманітарних наук.

У збірнику превалюють матеріали, в яких розкриваються економічні, соціологічні, історичні, правові, психологічні та інші аспекти розвитку сучасної освіти. Є розділи, присвячені проблемам рівноваги сучасних економічних систем та управління соціально-економічними процесами на різних рівнях суспільного розвитку, а також роботи з літературознавства, лінгвістики, перекладу.

Видання представляє інтерес для викладачів вищої школи, студентів, всіх, хто цікавиться проблемами освіти і розвитку гуманітарної сфери. Збірник має гриф ВАКівського видання, публікації в якому приймаються під час захисту кандидатських і докторських дисертацій із соціології, психології, історії, філософії, економіки і перекладу.

УДК 08

ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XV

Відповідальна за випуск *М. В. Бірюкова*
Редактор *Л. А. Кармаза*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 20.05.2009. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 34,41. Обл.-вид. арк. 31,59. Наклад 500 пр. Зам. 95/09.

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.